

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

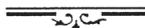
ДОСТОЕВСКИЙ

—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

24

НЕСТОР-ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Новый выпуск научного периодического издания Пушкинского Дома публикуется в год пятидесятилетия своего существования: первый том серии под редакцией Г.М. Фридендера вышел в 1974 г. Сборник состоит из работ специалистов в области изучения творчества Ф.М. Достоевского — российских и зарубежных ученых. Тематически разнообразные исследования и аналитические статьи распределяются по традиционным разделам: «Статьи», «Материалы и сообщения», «Текстология. Дополнения к комментарию», «Публикации».

В состав тома вошли статьи о религиозно-философском содержании произведений писателя («Социалистическая эсхатология: приношение Достоевского поздним славянофилам» В.М. Лурье, «Антропология “середины” в творчестве Достоевского» С.В. Савинкова, «Достоевский и Ориген» И.И. Евлампиева, «Достоевский и мистика» А.В. Золотарева, «Варианты предьявления Христа в романах Достоевского» Г.М. Ребель), исследования ряда эпизодов творческой биографии писателя с выяснением влияния, которое они оказали на создание им своих произведений («Психология игры в рулетку в жизни Достоевского, его романе “Игрок” и философских трудах Н.Н. Страхова» А.В. Тичкиной, «Екатерина Альфонская, “настоящий друг” Марии Федоровны Достоевской, и нити, связывающие эту дружбу с семьей Гарднеров» А. Зохраб, «Дело Н.В. Каировой и его след в творчестве Достоевского» И. Уччелло, «Преступление и судебное разбирательство в “Братьях Карамазовых” Достоевского и “Воскресении” Толстого» А. Молнар, «Ф.М. Достоевский и В.Д. Спасович как религиозно-философские оппоненты» Т.В. Ковалевской). Анализу восприятия творчества писателя и проблем переводов его произведений на иностранные языки посвящены работы «Мартин Хайдеггер читает Достоевского» С.Л. Фокина, «Достоевский и “поколение 98-го года” в Испании» К.С. Корконосенко, «Из истории восприятия Достоевского в США: проблема реализма Достоевского в американской критике 1950–1960-х годов» И.В. Львовой, «“Одновременно я открыл Евангелие и Достоевского”. Митрополит Сурожский Антоний о Достоевском» Н.Н. Подосокорского, «“Скверный анекдот” по-испански: поэтика Достоевского в зеркале (пере)перевода» А. Белоусовой и Р. Паулы. Новые версии прототипов персонажей писателя представлены в работах И.Ю. Матвеевой «Диалектика страстности и святости в романе Достоевского “Идиот”: образ Настасьи Филипповны и его литературные источники (Клеопатра и св. Мария Египетская)», Е.Д. Трухан «А.И. Исаев как прототип С.З. Мармеладова (“Преступление и наказание”», И.А. Кравчука «“Пермский след” в “Бесах”», А.Л. Ренанского «Анамнез господина Голыдкина (“Двойник” Достоевского)». Изучению поэтического языка писателя посвящены работы С.А. Скуридиной «Об особенностях модели ономастического творчества Достоевского», М.М. Коробовой «Лексемы “хохот” и “хохотать” в поэтическом словаре Достоевского. Заметки лингвиста». Данью памяти основателя научного издания — академика Г.М. Фридендера — является публикация С.В. Березкиной «“...не поручусь, что, оказавшись у немцев, эти люди не продались бы за чечевичную похлебку...” Трудовой лагерь в воспоминаниях и дневнике Г.М. Фридендера», завершающая сборник. В раздел «Публикации» также включена статья Ю.В. Юхнович «Восемь писем старорусских знакомых Достоевского». Том снабжен указателем имен и библиографическим указателем материалов, вышедших за полвека его существования.

Статьи и материалы, входящие в сборник, посвящены актуальным вопросам современного достоевведения, освещают новые факты творческой жизни писателя и истории создания его произведений, вводят в научный оборот новые имена и факты, уточняющие историю русской литературы XIX в.

Произведения, рукописи и письма Ф.М. Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990, с указанием тома и страницы.

В комплектовании сборника приняли участие: В.Е. Багно, С.В. Березкина, В.А. Викторovich, А.П. Дмитриев, В.К. Кантор, А.Д. Степанов, Е.А. Тахо-Годи, Б.Н. Тихомиров, О.Л. Фетисенко, П.Е. Фокин; Ю.Е. Пушкарева подготовила указатель имен.

Ответственный редактор *К.А. Баршт*

Рецензенты: *В.А. Викторovich, А.В. Лавров*

Серия основана в 1974 г.

© Российская академия наук и издательство «Нестор-История», серия «Достоевский. Материалы и исследования» (разработка, оформление), 1974 (год основания), 2024

СТАТЬИ

С. В. САВИНКОВ*

ORCID ID: 0000-0002-9625-7980

АНТРОПОЛОГИЯ «СЕРЕДИНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Композиция статьи обусловлена двумя аспектами рассмотрения заявленной темы. В первой ее части антропология «середины» связывается с «ординарностью» — понятием, с которым в разные периоды творчества Достоевского соотносились разные типажи. На начальном этапе — «титularный советник», в дальнейшем — «обыкновенный» человек. В качестве репрезентативных для этих этапов текстов автором выбраны повесть «Двойник» (где образ титулярного советника обретает черты идейного конструкта) и роман «Идиот» (где обыкновенный человек получает развернутую типологическую характеристику). Во второй части статьи «середины» и «центр» рассматриваются и как знаковые структурные элементы в творчестве Достоевского, и как категории его понятийного языка. На основе изучения функционала этих категорий выстраиваются типолобразующие модели устройства человека и социума.

Ключевые слова: Достоевский, титулярный советник, готовое, ординарное, обыкновенные люди, оригинальное, середина, центр, миропорядок, идеал.

S. V. Savinkov

THE ANTHROPOLOGY OF THE “MIDDLE” IN DOSTOEVSKY’S WORK

Annotation: The composition of the article is conditioned by two aspects of consideration of the stated theme. Its first part associates the anthropology of the “middle” with “ordinariness”, a notion with which different types of personality were associated in different periods of Dostoevsky’s work. At the initial stage this was the titular counselor, while later it was the “ordinary” person. The texts selected by the author as representative of these stages are the novella *Doppelgänger* (where the image of the titular counselor acquires the features of an

---

* Савинков Сергей Владимирович, д-р филол. наук, профессор Воронежского государственного педагогического университета; Sergey V. Savinkov, Dr. Sci. in Philology, Professor at Voronezh State Pedagogical University, Professor at Voronezh State University. svspoint@yandex.ru.

ideological construct) and the novel *The Idiot* (where the ordinary man receives a detailed typological description).

The second part of the paper deals with the “middle” and the “centre” as both signifying structural elements in Dostoevsky’s work and categories of his conceptual language. The study of the functionality of these categories builds typological models of the structure of man and society.

Key words: Dostoevsky, titular counselor, ready, ordinary, ordinary people, original, middle, centre, world order, ideal.

О понятии ординарности (от «титularного советника» к «обыкновенному» человеку)

Базовым элементом идейного конструкта повести «Двойник» является представление о чиновничьем ранжире как о своеобразном аналоге мироустройства, предопределяющем каждому его члену место-положение и соответствующий ему ценз в согласии с аксиологической вертикалью. С принадлежностью к тому или иному классу связывался целый комплекс социокультурных и литературных значений, которые следует иметь в виду, чтобы понимать исходную диспозицию главного героя повести Достоевского, а она такова: Голядкин — титулярный советник, чиновник, согласно Табели о рангах, IX класса. (Чтобы лучше сориентироваться, достаточно вспомнить, что гоголевский Хлестаков и пушкинский Самсон Вырин — чиновники самого низкого, XIV ранга.) Несмотря на то что IX класс располагался значительно выше XIV, своим появлением в русской литературе маленький человек во многом обязан был именно ему. Дело в том, что, по представлениям той эпохи, чин титулярного советника обеспечивал его владельцу такую репутацию, которой в полной мере соответствовало значение фразеологизма «ноль без палочки».

Примерами такого уничижительного отношения к титулярному советнику изобилуют произведения Н.В. Гоголя. Так, в глазах героини гоголевского драматического отрывка Марьи Александровны титулярный советник ассоциируется со «штафиркой», «козявкой» и «утиральной салфеткой». И даже само слово «титулярный» «тиранит»¹ ей уши. Этому слову у В.И. Даля дается такое толкование: «Титулярный, состоящий в звании, но не в чине или не в сане; зауряд. — советник, гражданский чин IX-го класса, капитан, есаул»². По сути дела, слово «титулярный» означает «номинальный» — уже не секретарь, но еще не полноправный советник, своего рода кандидат в советники. Таким образом, титулярный советник как бы и не чин, а, как говорит та же

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 5. С. 124.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1982. С. 407.

гоголевская Марья Александровна, «бог знает что», одним словом, одно название. М. Вайскопф остроумно заметил, что в номенклатуре знак ранга — титулярный советник — оказывается словно отделенным от означаемого, он «подчеркнуто тавтологично исчерпывается названием»³. Иначе говоря, означающее у этого знака идентично самому себе: знак оказывается знаком себя же самого, знаком знака, а потому — нулевым, фиктивным. «Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? Ведь ты нуль, более ничего. Ты — титулярный советник» (варианты к «Запискам сумасшедшего»)⁴.

Титулярный советник можно сказать, сам напрашивался на то, чтобы его мифологизировали⁵ как «пограничное» существо, которое одновременно и существует и не существует, и присутствует и отсутствует⁶. И это указывает на связь этого образа с романтической идеологией и эстетикой. Обнаруживаются знаки и прямого с ней родства. К примеру, таинственный старик в прозаическом отрывке Лермонтова «Штосс» (образ, отвечающий поэтической формуле «не вовсе мертвый, не совсем живой») — титулярный советник.

Иная семантика пограничности у титулярного советника обнаружилась тогда, когда, благодаря Гоголю и Достоевскому, в фокусе литературного внимания оказалось его сознание. Не случайно, конечно, что именно титулярный советник стал первым в истории русской литературы персонажем, который задался вопросом о том, почему он есть он. «Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник?»⁷ Когда этот вопрос обращает к себе гоголевский Поприщин, ясно, что он имеет в виду не только и не столько свое служебное положение. В устах Поприщина он звучит как такой вопрос экзистенциального толка, невозможность ответа на который в конечном счете и сводит его с ума. И в самом деле, литературные титулярные советники если и не всегда сходят с ума в буквальном смысле, то так или иначе обнаруживают присущую их сознанию диссоциацию.

В свое время Л. В. Пумпянский саму возможность поприщинского самозванства объяснил релятивистским состоянием мира, в котором балом правят не действительные достоинства, а внешние по отношению к ним знаки (чины, титулы, аксессуары)⁸. Но именно эта ничем и никем

³ Вайскопф М. Сюжет Гоголя. М., 1993. С. 319.

⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 557.

⁵ О мифологии чина и особой в ней роли титулярного советника см.: Барит К. А. «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы...». О неполной проходимости границы между 9 и 8 классами по Табели о рангах в произведениях Ф. М. Достоевского // V Летние чтения в Даровом. Коломна, 2019. С. 92–103.

⁶ Савинов С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010. С. 84–91, 108–113.

⁷ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 206.

⁸ Пумпянский Л. В. Опыт построения релятивистской действительности по «Ревизору» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 576–589.

не обусловленная зависимость видимого от невидимого и наталкивает его на мысль о возможности взять власть над знаками. Для того чтобы переменить свою судьбу и обрести видимое достоинство, достаточно самоназваться, присвоить титул. И не случайно сумасшедшая идея назваться испанским королем приходит в голову именно титулярному советнику. Нуль, титулярный советник — это ничто, но именно поэтому такое ничто способно возомнить о себе все что угодно и притязать на все что угодно. Не имеющий референта голый, пустой знак может облечься в какое угодно означающее. Отсюда и сама возможность вопрошания: «Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть, я сам не знаю, кто я таков»⁹.

Голядкин Достоевского, при несомненном сходстве с Поприциным, все-таки не является его литературным двойником. Существенное различие между ними заключается как раз в том, что у Поприцина двойника быть не может, а у Голядкина, в известной мере, не может не быть. Голядкин Достоевского переживает нулевость иначе, чем Поприцин: нуль связывается для него не с представлением о ничтожности, а с представлением об ординарности. Не быть нулем означало бы для него не быть как все. Неразличимость как условие и одновременно следствие ординарности при определенных условиях, по Достоевскому, и становится благодатной почвой для образования обозначенного еще Пушкиным наполеоновского комплекса. Желанием стать «повыше» других одержим человек не «низа», а «середины». Таким срединным человеком и является господин Голядкин¹⁰.

Нарративная логика «Двойника» станет более понятной, если учитывать ее отличие от логики «Шинели» и «Записок сумасшедшего» (несомненных претекстов повести Достоевского). Если задача «Шинели» состояла в том, чтобы посмотреть на маленького человека не как на ноль, а как на самостоятельную единицу, то задача «Записок из подполья» — посмотреть на характер поведения сознания самостоятельной единицы, которая знает об отождествлении ее с нулем и реагирует на это. Литературным открытием Гоголя стало обнаружение у титулярного советника несоразмерной его положению амбиции: оказалось, что у типологического нуля она может простирается даже и не до единицы, а — сверх нее. По выражению уже упомянутой гоголевской героини: «Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!»¹¹

Для понимания такой, казалось бы, необъяснимой неадекватности важно учитывать еще одно важное обстоятельство. По табельной

⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 206.

¹⁰ И в самом деле, у Голядкина имеется все то (квартира, слуга, денежные накопления), что позволяет его отнести к когорте тех господ, которых, по слову Гоголя, «называют господами средней руки» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 7).

¹¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 132.

классификации IX класс, ранг титулярного советника — это высшая ступень низшего разряда в чиновничьей иерархии. Достаточно было подняться лишь на одну ступень выше, чтобы попасть на первую ступень уже высшего разряда. Однако в действительности тому, кто находился на девятой ступени, попасть на восьмую и получить чин коллежского асессора, а вместе с ним и право на потомственное дворянство, не было никакой возможности.

Контроверза между ощущением близости верха и одновременно его недостижимостью (в соответствии с поговоркой «близок локоток, да не укусишь») и стала для Гоголя и Достоевского отправной точкой построения психопатологического портрета титулярного советника. Она предполагала и несколько иную интерпретацию его «готового»¹² состояния. Отказывая титулярному советнику в возможности оказаться наверху естественным путем (предполагающем возможность изменения посредством саморазвития), оно понуждало его к упованию на сказочное превращение: был одним — стал другим (в скобках заметим, что желание такого скачка унаследуют и другие герои Достоевского). И если для сказочного героя вещным свидетельством обретения высокого статуса является чудесная жена, то для титулярного советника — генеральская дочь¹³.

Несмотря на стартовую близость, понятно, что Гоголь и Достоевский движутся по разным авторским траекториям. И общая для Поприщина и Голядкина цель — превращение в *другого* (испанского короля или жениха генеральской дочери) — имеет у Гоголя и Достоевского существенно разнящуюся подоплеку. Она будет лучше заметна, если для начала обозначить различие между гоголевскими персонажами — Поприщиным и Хлестаковым. Очевидно, что и для того, и для другого желание стать другим принципиально неосуществимо в действительности. Однако неосуществимо по-разному. Между Хлестаковым (чиновником самого низкого разряда) и предметом его желания значительная дистанция, преодолеть ее возможно исключительно с помощью неумного воображения. В случае же с Поприщиным дистанция между ним и предметом его желания хотя и сокращается до одной ступени, но по-прежнему остается непреодолимой. В таком радикальном различии диспозиций и кроется, по всей видимости, объяснение тому, почему для одного из них (Хлестакова) его тяга к чрезмерному воображению не приобретает клинической формы, а для другого (Поприщина) она становится неизбежной.

---

¹² Семантика готового восходит к первообразу титулярного советника — гоголевскому Башмачкину. Появившись на свет, Акакий Акакиевич «сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник»; «Он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» (*Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 143).

¹³ О фольклорной основе «Двойника» см: *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // *Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века.* Л., 1982. С. 12–76.

У Голядкина и Поприщина исходные координаты существования также разнятся, несмотря даже и на то, что в Табели о рангах они находятся на одной и той же позиции. Если Поприщин Гоголя изначально отождествляется с нулем, то Голядкин у Достоевского — с принадлежащей к середине единицей. Поэтому и изначальная психологическая установка у него иная (не на то, чтобы не быть нулем, как у Поприщина, а на то, чтобы не быть как все), и иное — приближенное к действительности — практическое мышление. Нельзя не заметить, что семиотика поведения Голядкина имеет вполне референциальный характер. Не выглядит фантастически и главная его цель — попасть в общество избранных — «людей благонамеренных и хорошего тона» (1, 393). Да и его «волшебными помощниками» оказываются вполне реальные вещи — деньги и умение интриговать. В этой связи заметим, что для обыкновенного человека деньги будут иметь иное значение.

***

В основе теории¹⁴ Раскольникова лежит идея предопределенности: кому-то уготовано быть одним из многих, а кому-то — иметь статус «единственного». Как и в известной тому времени книге Макса Штирнера, в «Преступлении и наказании» внимание сосредоточено на «единственном». На изучении сознания и психологии того, кто помыслил себя в когорте необыкновенных в теории, а на практике вынужден был признать свою ошибку, а значит, и свою принадлежность к обыкновенным.

Вопрос о том, почему в голову обыкновенного человека¹⁵ может прийти мысль о собственной исключительности, Достоевского очень занимал. Об этом свидетельствует предпринятое писателем систематическое изучение этого типа в романе «Идиот».

На одном из представителей указанного типа повествователь остановится в предведомляющем третью главу романа «ироническом» отступлении. Контрапунктом его иронии станет мысль о том, что недостаток оригинальности является лучшей рекомендацией человека дельного, делового и практического. Практический человек нацеливается в своей жизни на то, чтобы избежать всякого рода в ней крайностей: он не отступает от принятых в обществе правил поведения и получает за это от него одобрение и поощрение. Обратный пример, который приводит повествователь, — несоответствующее такой установке семейство генерала Епанчина. От всех других почтенных семейств его отличает непрактическая оригинальность: «...они все-таки иногда подозревали, что у них в семействе как-то все идет не так, как

---

¹⁴ Об этимологической составляющей теории Раскольникова и образа главного героя см.: *Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. С. 73–86.

¹⁵ О веках истории существования обыкновенного человека в русской литературе см.: *Фаустов А. А.* Метаморфозы «обыкновенного» человека // Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж, 2015. С. 117–215.

у всех. У всех гладко, у них шероховато; все катятся по рельсам, — они поминутно выскакивают из рельсов» (8, 270). Если использовать для сравнения геометрический образ колеи, то можно сказать, что ординарный человек так же не в состоянии измениться (отклониться от заданного пути), как не могут пересечься, согласно евклидовой геометрии, параллельные прямые.

Будучи общей для всех принадлежащих к разряду обычных людей метафорой их существования, колея приобретает достаточно широкий диапазон значений. Наличие такого диапазона обуславливается неоднородностью обычных. Их множество разделяется на подмножества.

О разрядах обычных повествователь дает развернутое рассуждение в самом начале IV части. Согласно его классификации, всех обычных можно разделить на два разряда: на «ограниченных» и на тех, кто «гораздо поумнее». Главное различие между этими двумя разрядами заключается в следующем. Ограниченные ничего не знают о том, что их существование подобно существованию в колее, а «гораздо поумнее» — в конечном счете догадываются. При этом и те и другие, будучи ординарными, позиционируют себя в качестве неординарных. Легче это удается ограниченному: «Ограниченному “обыкновенному” человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний» (8, 384).

Одним из самых выдающихся представителей этого типа является гоголевский поручик Пирогов: «Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений, даже выше всякого гения; до того не сомневается, что даже и вопроса себе об этом ни разу не задает; впрочем, вопросов для него и не существует» (8, 385). Безграничное самодовольство позволяет Пирогову вообразить себя кем угодно, хоть и великим полководцем. Такого рода безграничность и является выражением его ограниченности.

Кстати говоря, в романе есть персонаж, воображение которого тоже не знает границ. Это генерал Иволгин. Но он, в отличие от Пирогова, в глубине души знает, что то, куда его уносит воображение, все-таки не соответствует действительности. Его вдохновенная и без задней мысли ложь вызывает даже сочувствие. Ясно, что генерал Иволгин обычный человек. Но также ясно, что он (при отсутствии пироговского самоудовлетворения) не соответствует ни «ограниченному» типу, ни типу «гораздо поумнее», представители которого на деле, а не в воображении желают реализовывать свои амбиции.

Вариативность и разнообразие — то, что присуще сфере обычного, а не исключительного. Исключительное — единично, множественное — обычно. «Обыкновенные» — это множество единиц, каждая из которых стремится к отдельному существованию. Обыкновенный человек способен возненавидеть такого же, как и он,

обыкновенного человека только за свою на него похожесть. Так что появление двойников возможно исключительно в среде обыкновенных людей. Ипполит Терентьев заражен «желанием оригинальности» не в меньшей степени, чем Ганя Иволгин. И так же, как и его двойник, не способен ее обрести. В самом желании Ипполита обставить чтение своего предсмертного письма таким образом, чтобы оказаться в фокусе всеобщего внимания, улавливается скрытый мотив: хоть и таким способом стать неординарным. Обыкновенный человек интересен Достоевскому своей (способной принимать различные комбинации) двухмерностью. Одно только сочетание правды и лжи имеет в нем широкий диапазон вариаций — от простодушного вранья до клеветы. В романе «Идиот» такого рода двойственность присуща и генералу Иволгину, и Лебедеву, и Келлеру. Однако у каждого она своя. Двойственность — та черта обыкновенного человека, которая делает его, по выражению Достоевского, не совсем обыкновенным¹⁶.

Среди «обыкновенных» встречается и такой типаж, как Гаврила Ардалионович Иволгин. Емкую характеристику ему дает Ипполит: «Вы тип и воплощение... самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! <...> Ни малейшей собственной идеи не суждено воплотиться ни в уме, ни в сердце вашем никогда» (8, 399). А в романе «Подросток» подобным образом характеризуется один из приятелей рассказчика: «...что он лишь жалкая бездарность и ординарность и что в нем никогда не было ни малейшего признака идеи» (13, 79).

Но именно такого типа ординарный человек и стремится выглядеть оригинальным безо всяких на то оснований. Быть заметным — цель, которая позволяет его причислить к ряду не желающих быть «нулями» титулярных советников. Но есть и то, что этого сделать не позволяет. Дело в том, что ординарный человек может не быть титулярным советником. Ординарность — понятие, с табелем о рангах прямой связи не имеющее. Ординарным человеком может быть и титулярный советник, и генерал, и кто угодно. Поэтому и *неизменность* ординарного человека отличается от состояния «готовности» титулярного советника.

Ординарный человек так удовлетворен собой, что стать *другим*, как об этом мечтали его литературные предшественники, он уже не желает. Он хочет перейти в разряд «необыкновенных» так, чтобы остаться самим собой. Он хочет, чтобы его самого — такого, какой он есть, признали оригинальным.

По представлению Иволгина, возможность такого признания обеспечивается деньгами: «Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира. Вы скажете,

---

¹⁶ В позднем письме Е. Ф. Юнге (1880) Достоевский укажет на внутреннюю «двойственность» человека как на вполне определенный характерологический признак: «...это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных» (30₁, 149).

это все по-детски или, пожалуй, поэзия, — что ж, тем мне же веселее будет, а дело все-таки сделается. Доведу и выдержу» (8, 105). И речь здесь идет не об операционном (как в случае с Голядкиным) использовании денег. Для Иволгина деньги — не прикладное средство для достижения чего-либо, в определенном смысле они для него — он сам. С помощью денег можно быть тем, кем ты не являешься¹⁷. Эту мысль озвучивает и герой «Подростка»: «В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество... Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства» (13, 74).

Вопрос о равенстве приобретает у Достоевского очевидные черты парадоксальности. Обыкновенный человек (т. е. такой же, как все, принадлежащий множеству), будучи равен членам этого множества, противопоставляет себя им, заявляя о своем с ними неравенстве и одновременно — о равенстве с теми гениями человечества, с которыми у него — человека «обыкновенного» — не может быть равенства по определению.

Гений и ничтожество, если перефразировать Пушкина, в такой системе координат оказываются вещами совместными.

II

«Середина» — «центр»: антропологические типы

В художественной антропологии Достоевского человек осмысливается в категориальной парадигме середины, верха и низа (или иных крайностей). Если строить типологию с учетом этих категорий, то все персонажи писателя делятся на тех, кто имеет середину, и тех, кто ее не имеет. Первый тип в этой классификации может быть обозначен как человек «середины» (т. е. не знающий крайностей), а второй — человек «без середины» (т. е. не знающий «середины»).

Остановимся на характеристике человека «середины». В самом общем виде это человек, существование которого связывается с серединой — с положением между верхом и низом. А вот характер его отношений с этими крайностями указывает на его разновидность.

«Золотая середина» осмысливается Достоевским весьма иронично и отнюдь не по-аристотелевски. Тот, кто к ней принадлежит, не знает ни

---

¹⁷ Здесь улавливается переключка с тем, как выражается сущность денег у К. Маркса, прежде всего в его экономическо-философских рукописях: «То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег... Разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?» (*Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 42. С. 150.*)

верха, ни низа, поскольку живет «на всем готовом»¹⁸ и обращен исключительно на самого себя. В его системе координат он — центр мироздания, а мир — зеркало, отражающее его самодовольное «я». К этому типу у Достоевского можно отнести все разновидности приживальщиков, начиная с Фомы Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и мужа мадам М* («Маленький герой») и заканчивая такими лакеями, как Видоплясов и Петр Верховенский. «Готовое» существование такого человека есть основание, повод и возможность для возникновения сюжета борьбы за место: только у «готового» человека может быть нацеленный на его замещение двойник.

Еще одна разновидность человека «середины» — «ординарный» человек. Он тоже не знает крайностей, но уже потому, что его существование подобно движению в колее¹⁹, удерживающей от возможных отклонений и не позволяющей ни достичь вершины, ни оказаться в самом низу. При этом, однако, ординарный человек амбициозен и, по слову Достоевского, «весь, с ног до головы... заражен желанием оригинальности» (8, 385). Так будет сказано о Гавриле Ардалионовиче Иволгине, которого повествователь отнесет в своей классификации к разряду тех, «кто поумнее». В отличие от «ограниченных», последние о своем положении догадываются, но относятся к этому факту как к ошибке природы, требующей исправления с помощью «волшебных» помощников — денег или чудесной жены. При этом и «ограниченные», и те, «кто поумнее», будучи самыми что ни на есть ординарными, свято верят в свою исключительность.

Третью разновидность представляют те персонажи, для которых верх и низ не имеют никакого значения потому, что их нет в системе координат, где точкой отсчета является не действительность, а «живая жизнь» и Христос как средоточие любви, как середина, все к себе стягивающая и всех уравнивающая. Если в пространстве действительности верх и низ всячески нацелены на размежевание между собой, то в пространстве «живой жизни», напротив, — на снятие различий, разводящих их по разные стороны. Жизнь во Христе Сони Мармеладовой невероятным образом ставит знак равенства между блудницей и святой.

Для второго типа персонажей Достоевского общим признаком является отсутствие середины. Но и «человек без середины» имеет несколько разновидностей. Одну из них представляют те герои, существование которых может быть выражено разделительным союзом «либо-либо»: либо верх, либо низ. Это и Настасья Филипповна («Идиот»), и Грушенька («Братья Карамазовы»), и Лиза («Бесы»). А первым из персонажей Достоевского, кто отрефлектировал такое состояние, был автор

---

¹⁸ См. об этом: *Савинков С. В.* Готовое и неготовое как формы существования в творчестве Достоевского // *Савинков С. В., Фаустов А. А.* Аспекты русской литературной характеристики. М., 2010. С. 108–132.

¹⁹ «Жизнь в колее» — одна из базовых метафор существования ординарного человека в романе «Идиот».

«Записок из подполья»: «Либо герой, либо грязь, середины не было» (5, 133). Отсутствие середины подвигает таких персонажей на метание между крайностями. А в случае с Настасьей Филипповной — «безысходной неодолимости двух противоположных стихий духа»²⁰.

Человеком «без середины» является, безусловно, и игрок, персонаж из одноименного романа. В отличие от подпольного человека, который, по его признанию, ничем не смог сделаться (ни героем, ни грязью), игрок с помощью рулетки имеет фантастическую возможность безо всякой, по слову Достоевского, «выделки» — сразу и вдруг — все получить в готовом виде, «один оборот колеса и все изменяется»: «Что я теперь? Зéго. Чем могу быть завтра? Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить! Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» (5, 311).

Еще одну разновидность «человека без середины» представляют те персонажи, которые на «внутреннем» языке творчества Достоевского определяются словосочетанием «широкий человек».

В романе «Идиот» князь Мышкин в разговоре с Ипполитом противопоставит современному человеку человеку прошлого времени: «Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, чувствительнее, как-то о двух, о трех идеях зараз... теперешний человек шире, — и, клянусь, это-то и мешает ему быть таким односоставным человеком, как в тех веках...» (8, 433). Но наиболее развернутое высказывание о широком человеке инкорпорировано в рассуждение Дмитрия Карамазова о красоте: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеалы Мадонны... Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (14, 100).

Широкий человек — человек без середины не потому, что мечется между крайностями, а потому, что эти крайности так в нем между собой сходятся, что оказываются неразличимыми. В этом случае определяющей чертой «человека без середины» является не раздвоение, предполагающее балансирование между верхом и низом, а двойственность, предполагающая неразличимое сопричастие крайностей.

Широкому человеку противопоставлен человек «односоставный», у которого нет середины и нет верха и низа — он целиком сориентирован на какую-либо крайность: либо на верх, либо на низ. Таков, к примеру, Рогожин. «Его предки с неистовым остервенением поклонились деньгам, он же с не меньшим остервенением поклоняется Настасье Филипповне»²¹. К этому же типу можно отнести и Аглаю Епанчину, бешеная ревность которой к Настасье Филипповне сродни рогожинской ревности к Мышкину.

---

²⁰ Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 43.

²¹ Курганов Е. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб., 2001. С. 58.

Возможны, конечно, и некие промежуточные или смешанные варианты. В Раскольникове, к примеру, есть и то, и другое — и раздвоение, и двойственность.

Раздвоение Раскольникова обусловлено его балансированием между верхом и низом из-за невозможности разрешения вопроса о принадлежности к одному из двух разрядов — «право имеющих» или «тварей дрожащих». Двойственность же — как бы наложением друг на друга систем координат с разными точками отсчета: «действительности» и «живой жизни». Как остроумно подметили: «Раскольников — это Соня Мармеладова, в которую вселился (временно, но цепко) бес рациональности и неверия»²². При этом и «двойственность», и «раздвоенность» Раскольникова можно считать следствием его уклонения (по каким-то причинам произошедшего) от изначально ему данной «односоставности». Ее, по всей видимости, и имеет в виду Порфирий Петрович: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль бога найдет» (6, 351).

Широтой наделены у Достоевского и персонажи не первого плана, к примеру, Келлер и Лебедев из романа «Идиот». И тот, и другой демонстрируют Мышкину возможность такой широты, которая выражается в схождении протигвоположных друг другу мыслей. От Лебедева князь узнает, что можно, искренне раскаиваясь в низком поступке, одновременно стараться извлечь для себя выгоду. «И слова, и дело, и ложь, и правда — все у меня вместе, и совершенно искренно. Правда и дело состоят у меня в истинном раскаянии... а слова и ложь состоят в адской (и всегда присущей) мысли, как бы и тут уловить человека, как бы и чрез слезы раскаяния выиграть!» (8, 259).

Настало время изменить ракурс и поговорить о значении середины как центра в представлении Достоевского о мироустройстве. В свое время еще Н. А. Бердяев обратил внимание на то, что «в конструкции романов Достоевского есть очень большая централизованность. Все и всё устремлено к одному центральному человеку, или этот центральный человек устремлен ко всем и всему. Человек этот загадка, и все разгадывают его тайну. Все притягивает эта загадочная тайна»²³. Таким центром, требующим разгадывания (акцент Бердяевым сделан именно на этом), в «Подружке» является Версилов, в «Идиоте» — Мышкин, в «Бесах» — Ставрогин. Ставрогина Бердяев уподобил солнцу, вокруг которого все вращается: «Он весь — загадка и тайна, он весь из полярных противоположностей, все вращается вокруг него, как солнца». Подобно первосущности Плотина (аналогия здесь вполне прозрачна),

---

²² *Андреев А. Н.* Персоноцентризм в классической русской литературе XIX века. Минск, 2003. С. 155.

²³ *Бердяев Н. А.* Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М., 2016. С. 339.

Ставрогин порождает и формы бытия, и все многообразие вещей путем эманации.

Сначала он эманурует идеи («Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника»), которые, в свою очередь, «породили других людей, в других людей перешли»: «Из духа Ставрогина вышел и Шатов, и П. Верховенский, и Кириллов, и все действующие лица “Бесов”». Ставрогиным были сотворены все иерархии этого мира: «В духе Ставрогина зародились и из него эманировали не только носители идей, но и все эти Лебядкины, Лутугины, все низшие иерархии “Бесов”, элементарные духи». И женский мир был также порожден Ставрогиным: «Из эротизма ставрогинского духа родились и все женщины “Бесов”». А заканчивается это место в рассуждениях Бердяева так: «От него идут все линии. Все живут тем, что было некогда внутренней жизнью Ставрогина. Все бесконечно ему обязаны, все чувствуют свое происхождение от него, все от него ждут великого и безмерного — и в идеях, и в любви»²⁴.

Однако, согласно интерпретации Н. А. Бердяева, эманация такого рода ведет не к созиданию, а к разрушению: «Безмерность желаний Ставрогина вышла наружу и породила беснование и хаос. Он не совершил творческого акта, не перевел ни одного из своих стремлений в творческое действие, ему не было дано ничего сотворить и осуществить <...> Только подлинный творческий акт сохраняет личность, не истощает ее. Истошающая эманация ничего не творит и умерщвляет личность»²⁵.

Интерпретация, данная Ставрогину Бердяевым, стала классической. Однако не в ней сейчас дело. В данном случае внимание должно быть обращено на роль и значение центра в мире Достоевского не только с точки зрения его романного устройства (о чем говорил Бердяев), а с точки зрения его художественной идеологии.

Нельзя не заметить, что положение Мышкина сходно со ставрогинским. Но так же очевидно, что Мышкин является центром другим: не тем, к которому все развернуты, а тем, который сам развернут ко всем. Как заметил Н. Бердяев, «в «Идиоте» все движение идет не к центральной фигуре князя Мышкина, а от нее ко всем»²⁶. Мышкин — центр и середина в том смысле, о котором говорится в Евангелии от Матфея: Христос дал нам обетование: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

С самого начала своего появления в Петербурге князь невольно включается в происходящие перипетии, оказывается в центре двух

---

²⁴ Бердяев Н. А. Откровения о человеке в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. С. 31–32.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. С. 341.

семейных драм, и все их участники попадают в ситуацию, когда уже не могут что-то предпринять без учета его присутствия.

Мышкин становится соединительным звеном между теми, кто развернут по отношению друг к другу в разные стороны: между Настасьей Филипповной и Рогожиным и одновременно между Настасьей Филипповной и Аглаей; между Аглаей и Ганей Иволгиным, а также между Ипполитом и Ганей Иволгиным и т. д. И тот, кто оказывается рядом с ним, обнаруживает в себе не только свое, но и мышкинское. Это отмечает, например, Рогожин в отношении Настасьи Филипповны: «С тобой она будет не такая, и сама, пожалуй, этакому делу ужаснется, а со мной вот именно такая» (8, 174).

Если эманации Ставрогина порождают его своеобразных двойников, образующих множество суверенных и амбициозных единиц, то доброжелательство Мышкина создает условия для сближения крайностей и созидания существования (по аналогии с «широким человеком») без разделительной черты. И сам Мышкин ответно начинает обнаруживать в себе то, что есть у других. Примечательна его реакция на слова Келлера о двойных мыслях: «Вы мне точно меня самого теперь рассказали... Мне даже случилось иногда думать... что и все люди так» (8, 258). Здесь было бы не лишним вспомнить о мыслях Достоевского по поводу присущей русскому человеку «всемирной отзывчивости». Она как раз и заключается в предназначенной ему миссии вносить примирение во все противоречия для достижения «великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (26, 148)

Однако такое взаимообратное соприкосновение ангелического и человеческого не повлекло за собой изменения ни людей, ни Мышкина: кто каким был, таким и остался. В эпилоге о судьбах разных персонажей будет сказано одной строкой: «Лебедев, Келлер, Ганя, Птицын и многие другие лица нашего рассказа живут по-прежнему, изменились мало, и нам почти нечего о них передать» (8, 508). Подобно Пушкину, способному проникать в дух других народов, Мышкину дано проникать в дух других людей, но не дано изменить их. У него как бы нет необходимой для этого пушкинской творческой энергии, без которой преобразование невозможно. И это апофатически согласуется с одной из основных и повторяющихся мыслей Достоевского, что жизнь — сама по себе искусство, и жить — значит создавать из себя произведение искусства²⁷. Апофеозом пребывания Мышкина в мире стало только его братское согласие с тем, с кем, казалось бы, никакого согласия быть не может, — с Парфеном Рогожиным. А соединила их, принеся себя в жертву, Настасья Филипповна, в гибели которой оказались повинны они оба. Такой финал позволяет иначе рассмотреть вопрос о центре

---

²⁷ См. об этом авторитетное исследование: *Джексон Р.Л.* Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб., 2020. 228 с.

в этом романе и лучше понять, что имел в виду Достоевский, говоря устами своих героев, что красота способна, по слову Аделаиды, мир перевернуть а, по слову князя Мышкина, спасти его.

Центричная организация сюжетного и персонажного пространства — явление у Достоевского скорее типическое, чем исключительное. На место в центре в первую очередь претендуют персонажи «середины», служители золотого тельца. Среди них можно выделить и Фому Опискина («Село Степанчиково и его обитатели»), и Зверкова («Записки из подполья»), и мужа мадам М* («Маленький герой»), и Ганю Иволгина («Идиот»), и Петра Верховенского («Бесы»). В центре может оказаться и «математическая голова», на которую, в пересказе Разумихина, уповают социалисты. По их представлениям, из этой головы должна выйти социальная система, которая «тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным». Точно так же и вышедшая из головы теория Раскольникова претендует на новое слово в понимании мироустройства, а сам Раскольников — на статус мироустроителя. Роман «Преступление и наказание» в том числе и о том, кто должен быть в центре — «математическая голова», Раскольников или Христос, теория или Евангелие.

Какой будет «организация духовной и земной жизни»²⁸ — напрямую зависит от того, кто окажется в центре. При сопоставлении высказываний писателя (взятых из разных его текстов) выстраивается такой синтагматический ряд: древний мир был организован Гомером, новый мир — Христом, русский — Пушкиным, а мировой (согласно Пушкинской речи) — наделенным «всемирной отзывчивостью» русским человеком²⁹. Если «общечеловечество» образуется на основе всеобщего преклонения перед идолом, то «всечеловечество» — на основе всеобщего стремления к идеалу. Последнее предполагает рост, а значит, постоянное пребывание, как сказано о мальчишке-подростке в «Маленьком герое», «в уклоненной, переходной и неготовой форме» (2, 276).

На это произведение Достоевского следует обратить особое внимание. На первый план в нем выдвигается герой-подросток³⁰, а вместе с ним важная для писателя тема и идея.

Одиннадцатилетнему мальчику удастся совершить не сказочное, а настоящее чудо преображения. Совершается оно тогда, когда у самых разных действующих лиц безостановочного праздничного спектакля (где все роли заданы, предопределены и неизменны) вдруг

---

²⁸ Ср. высказывание Достоевского: «... в “Илиаде” Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни совершенно в такой же силе, как Христос новому» (28, 69).

²⁹ Об историко-культурном контексте спора о Пушкине как русском человеке см.: Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л., 1987. С. 168–193.

³⁰ О детях и подростках в творчестве Достоевского см.: Барут К. А. Герой Ф. М. Достоевского как подросток // «Педагогія» Ф. М. Достоевского: Матеріали конференції. Коломна, 2003. С. 9–20.

начинают распадаться готовые формы их амплуа. Этому своему герою Достоевский определил положение, которое стало семиотически значимым в его творчестве, — положение «между», требующее выбора и поиска. Подросток оказывается между двумя дамами, друг другу во всем противоположными. Одна — сама отвага и смелость, другая — робость и беспокойство. Одна — неумное движение, другая — душевное смятение при внешнем спокойствии. Эти женщины (представляющие две разные ипостаси красоты) и побудили мальчика к свершению двух главных для жизни подвигов — самоутверждения и самоотвержения. Осуществление каждого из них требует усиленной работы над собой, по слову Достоевского, — «выделки»: «По-моему, одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» (25, 110).

Схожая диспозиция представлена и в «Идиоте». Подобно «маленькому герою», князь Лев Мышкин оказывается между Настасьей Филипповной (красотой небесной) и Аглаей (красотой земной), но, любя их обеих, подвиг совершить не в состоянии. Тот, кто не способен изменяться, не имеет возможности и что-то изменить. А вот у героя романа «Подросток» (продолжающего и развивающего тему «Маленького героя») эта возможность есть потому, что у него есть и идея, и идеал, без которых нет роста — необходимого условия для изменения и преобразования и самого себя, и того, что вокруг.

Идея роста заложена уже в самой повествовательной структуре «Подростка»: Аркадий Долгорукий доверяет письму те ощущения и переживания, которые он испытывал, будучи подростком, осознавая при этом, что между ним «теперешним» и ним «тогдашним» — «бесконечная разница». Определяющим фактором такого роста является его постоянное пребывание в промежуточном состоянии «между молодостью и взрослостью, между всеми семейными и общественными функциями, между авторством и ролью героя». Аркадий Долгорукий становится автором в двойном смысле — автором текста и автором жизни. Именно такая динамическая двойственность и заставляет подростка все время менять векторы своих устремлений, действовать во все стороны и тем самым невольно оказываться в гуще событий, в самом их центре. Версилов же (по Бердяеву, центральная загадка) оказывается в таком случае псевдоцентром.

Понятно, что центричность подростка имеет иную — созидательную — природу. А это возможно тогда, когда действительность понимается не как данность, но как динамичный процесс постоянного переосмысления, конструирования, проектирования и интерпретации. В этом случае есть то, чего не было у Мышкина, — преобладающая действительность творческая («пушкинская») активность. И это еще один шаг к ответу на вопрос о том, почему красота может спасти мир.

Человек, обращенный к идеалу красоты и нравственности³¹, — человек, не знающий середины. И это подросток. Это именование Достоевский относит и к человеку вообще, безотносительно к его возрасту. Ибо человек «есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» (20, 173). Идеальная ситуация для Достоевского — быть посередине (исходная позиция для преобразования мира) и без середины внутри себя (необходимое условие для движения и развития).

Библиографический список

- Андреев А. Н.* Персонализм в классической русской литературе XIX века. Минск, 2003. 233 с.
- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Барит К. А.* «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы...» О неполной проходимости границы между 9 и 8 классами по Табели о рангах в произведениях Ф. М. Достоевского // V Летние чтения в Даровом. Коломна, 2019. С. 92–103.
- Барит К. А.* Герой Ф. М. Достоевского как подросток // «Педагогика» Ф. М. Достоевского: Материалы конференции. Коломна, 2003. С. 9–20.
- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. С. 309–510.
- Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л., 1987. 196 с.
- Вайсенофф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993. 590 с.
- Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 12–76.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1937–1952.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1982. 407 с.
- Джексон Р. Л.* Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб., 2020. 228 с.
- Курганов Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб., 2001. 208 с.
- Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.; Л., 1957. 900 с.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 42. С. 150.
- Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. 864 с.
- Савинков С. В., Фаустов А. А.* Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010. 332 с.
- Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 23–88.
- Фаустов А. А.* Метаморфозы «обыкновенного» человека // Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж, 2015. С. 117–215.

---

³¹ Ср. известное высказывание Достоевского из «Дневника писателя» 1881 г.: «Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете» (27, 57).

References

- Andreev A.N. *Personotsentrizm v klassicheskoi russkoi literature XIX veka* [Personacentrism in classical Russian literature of the 19th century]. Minsk, 2003. 233 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. *Dostoevskiy: etimologiya povestvovaniia* [Dostoevsky: Etymology of Narrative]. Saint Petersburg, 2019. 456 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. “Napoleonom-to, mozhet byt’, i ne sdelalsia by...” O nepolnoi prokhozdimosti granitsy mezhdu 9 i 8 klassami po Tabeli o rangakh v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo [“Perhaps I would not have become Napoleon...” On the incomplete passage of the boundary between grades 9 and 8 according to the Table of Ranks in the works of F.M. Dostoevsky]. In: *V Letnie chteniia v Darovom*. Kolomna, 2019. Pp. 92–103. (In Russ.)
- Barsht K.A. Geroi F.M. Dostoevskogo kak podrostok [F.M. Dostoevsky’s hero as a teenager]. In: “*Pedagogiia*” *F.M. Dostoevskogo. Materialy konferentsii*. Kolomna, 2003. Pp. 9–20. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky’s worldview]. In: Berdyaev N.A. *Russkaia ideia. Mirosozertsanie Dostoevskogo*. Moscow, 2016. Pp. 309–510. (In Russ.)
- Budanova N.F. *Dostoevskii i Turgenev: tvorcheskii dialog* [Dostoevsky and Turgenev: a creative dialogue]. Leningrad, 1987. 196 p. (In Russ.)
- Dal’ V.I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Vol. 4. Moscow, 1982. 407 p. (In Russ.)
- Faustov A.A. Metamorfozy “obyknoennogo” cheloveka [Metamorphoses of an “ordinary” man]. In: Faustov A.A., Savinkov S.V. *Universal’nye kharaktery russkoi literatury*. Voronezh, 2015. Pp. 117–215. (In Russ.)
- Gogol’ N.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 14 vols. Moscow; Leningrad, 1937–1952. (In Russ.)
- Jackson R.L. *Dostoevskii: poisk formy. Filosofiiia iskusstva pisatelii* [Dostoevsky: Search for Form. The Writer’s Philosophy of Art]. Saint Petersburg, 2020. 228 p. (In Russ.)
- Kurganov E. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [The novel “The Idiot” by F.M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, 2001. 208 p. (In Russ.)
- Lermontov M. Yu. *Sochineniia* [Works]: in 6 vols. Vol. 6. Moscow; Leningrad, 1957. 900 p. (In Russ.)
- Marx K. Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia*, vol. 42. Moscow, 1974. Pp. 146–152. (In Russ.)
- Pumpyanskiy L.V. *Klassicheskaiia traditsiia. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Moscow, 2000. 864 p. (In Russ.)
- Savinkov S.V., Faustov A.A. *Aspekty russkoi literaturnoi kharakterologii* [Aspects of Russian literature characterology]. Moscow, 2010. 332 p. (In Russ.)
- Skaftymov A.P. Tematicheskaiia kompozitsiia romana “Idiot” [Thematic composition of the novel “The Idiot”]. In: *Nravstvennye iskaniiia russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 23–88. (In Russ.)
- Vayskopf M. *Suzhet Gogolia* [Gogol’s plot]. Moscow, 1993. 590 p. (In Russ.)
- Vetlovskaya V.E. F.M. Dostoevskii. In: *Russkaia literatura i fol’klor. Vtoraiia polovina XIX veka*. Leningrad, 1982. Pp. 12–76. (In Russ.)

А. В. ЗОЛОТАРЕВ*

ORCID ID: 0000-0002-4055-0344

ДОСТОЕВСКИЙ И МИСТИКА

Аннотация: Автор выдвигает тезис, что существенной частью мирозерцания Достоевского была своего рода мистика — во-первых, как определенный опыт, и, во-вторых, как построенная на осмыслении этого опыта философия. Неоднократно изображенное писателем переживание выхода за пределы своего «я», соединения с вечными истоками бытия, со Христом и со всем человечеством, имеет ярко выраженные черты христианской «мистики сердца». Свообразие мистического опыта Достоевского состоит в том, что в его основе лежат главным образом нравственные интуиции — уважения к человеческой личности и любви ко Христу — которые в силу своей чрезвычайной интенсивности приобретают у писателя характер религиозного откровения. Важнейшие идеи философии Достоевского — о возможности осуществления в мире всеобщей гармонии, о необходимости преобразования человеческого сердца путем жертвенной любви и сострадания, о принятии человеком на себя всеобщей вины — имеют мистические истоки.

Ключевые слова: христианская мистика, «мистика сердца», апокалиптика, кенозис, исихазм.

A. V. Zolotarev

DOSTOEVSKY AND MYSTICISM

Annotation: Author defends the thesis that an essential part of Dostoevsky's worldview was a kind of mysticism — firstly, as a certain experience, and, secondly, as a philosophy built on this experience. The experience of self-transcendence and unity with the eternal sources of being, with Christ and with mankind, repeatedly depicted by the writer, has pronounced features of the Christian “mysticism of the heart”. The peculiarity of Dostoevsky's mystical experience

---

* Алексей Вадимович Золотарев, канд. филос. наук, доц. кафедры философии и биоэтики Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова; Alexey Vadimovich Zolotarev, candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of philosophy and bioethics, First Pavlov State Medical University of St. Petersburg. avzolo@yandex.ru.

lies in the fact that it is based mainly on moral intuitions — the intuition of respect for the human person and the intuition of love for Christ — which, due to their extreme intensity, acquire the character of a religious revelation. Dostoevsky's most important ideas, such as the possibility of universal harmony, the necessity to transform the human heart by means of sacrificial love and compassion, every man's responsibility for all humanity, have mystical origins.

Key words: Christian mysticism, “mysticism of heart”, apocalypticism, kenosis, hesychasm.

Понятие мистики обозначает, во-первых, экстатический опыт непосредственного соединения человека с Абсолютом и, во-вторых, философское и богословское осмысление такого опыта. К обоим этим составляющим мистики Достоевский многократно обращался в своих художественных произведениях, публицистике и частных суждениях. Наш тезис состоит в том, что особого рода мистика является основополагающей частью мирозерцания писателя — как в качестве его личного опыта, так и в форме созданной им религиозной философии.

На первый взгляд этому утверждению противоречат многочисленные прямые высказывания самого Достоевского о мистике. Дж. Скэнлан справедливо замечает: «Достоевский... почти всегда употреблял это слово в уничижительном смысле», однако он ошибается, поясняя, что при этом писатель «имел в виду вызывание или принятие какой бы то ни было сверхъестественной силы, помимо христианского Бога»¹. На самом деле Достоевский использовал слово «мистика» в отрицательном смысле не только говоря о спиритизме или иных нехристианских феноменах, но и применительно к христианству. В частности, он противопоставлял мистику как существенное свойство католицизма, подлинному, т.е. русскому православному, христианству. В записной тетради 1876–1877 г. Достоевский пишет: «Я православие определяю не мистическими верованиями, а человеколюбием и этому радуюсь, там блудница и тайна, а у нас нет ее» (24, 254); в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г.: «В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное» (23, 130). Характеризуя Алешу Карамазова, рассказчик в романе замечает: «Алеша был вовсе не фанатик... даже и не мистик вовсе... был он просто ранний человеколюбец» (14, 17).

Как видим, ложному, «мистическому» пониманию христианства Достоевский противопоставляет подлинное, по его мнению, т.е. нравственное, «человеколюбивое» понимание². Неподлинное же видение христианства присуще, согласно Достоевскому, не только католицизму — широко укоренилось оно и в «омертвевшей» официальной

¹ Скэнлан Дж. Достоевский как мыслитель. СПб., 2006. С. 56.

² Характерно, впрочем, что в поздний период это противопоставление исчезает: «Исходила же... нравственная идея всегда из идей мистических» («Дневник писателя», 1880 г.) (26, 165).

Православной Церкви; его представителями, например, являются лишённые любви, зато склонные к мистическим видениям фанатики наподобие о. Ферапонта из «Братьев Карамазовых». Здесь писатель сходится со многими предшествующими и современными ему русскими мыслителями — славянофилами, почвенниками, архим. Феофором (Бухаревым). Все они отвергали «мистику», «аскетизм», «фанатизм» как проявления квиетического, бездеятельного, «уединенного» христианства, противопоставляя ему «истинное христианство», т.е. религию братской деятельной любви к человечеству. Христианство, в их понимании, не должно быть «трансцендентным эгоизмом», когда человек озабочен лишь загробным спасением собственной души, но призвано быть силой, созидающей общественную гармонию.

Образ грядущей «всеобщей гармонии» был важной частью мировоззрения Достоевского. Именно за проповедь такой гармонии К. Н. Леонтьев обвинил его в «розовом христианстве», существенным признаком которого является, помимо прочего, слабость «мистического элемента». Противопоставляя Зосиму как носителя «розового христианства» Амвросию Оптинскому, Леонтьев пишет: «У от. Амвросия *прежде всего* строго церковная мистика и уже потом — прикладная мораль. У от. Зосимы (устами которого говорит сам Фед<ор> Мих<айлович>) — прежде всего мораль, “любовь”... ну а мистика *очень* слаба»³.

Есть, однако, момент, существенно отличающий религиозное мировоззрение Достоевского от взглядов славянофилов и почвенников: это ярко выраженный эсхатологизм. Именно данное обстоятельство, отмеченное многими, делает Достоевского центральной фигурой русской философии, соединяющей религиозных мыслителей XIX в. с деятелями «религиозно-философского ренессанса» Серебряного века. Об этом свидетельствует, например, Н. А. Бердяев: «Достоевский целиком принадлежит эпохе катастрофического мироощущения, эпохе, религиозно обращенной к Апокалипсису. <...> Между славянофилами и идеалистами 40-х годов и духовными течениями начала XX века лежит духовный переворот — творчество Достоевского»⁴. «Всеобщая гармония» Достоевского носит отнюдь не присущий почвенническому мировоззрению апокалиптический характер, она предстает как своего рода хилиастическая утопия, как пришедшее «в последние времена» «царство Божие на земле».

Это дает некоторым авторам основание причислять Достоевского к единомышленникам русского религиозного модернизма, в наиболее радикальной форме воплощенного в «новом религиозном сознании», для которого в высшей степени характерно было как раз создание хилиастических утопий, противопоставленных «отжившему»

---

³ Цит. по: Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Стрехов, К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 337.

⁴ Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. С. 458, 497.

«историческому христианству» (т. е. православию) в качестве некой новой «Церкви Третьего Завета». Прежде всего к такому причислению были склонны сами деятели «нового религиозного сознания». Так, Бердяев заявлял: «Достоевский... выходит за пределы исторического православия. <...> С ним связаны и все формы неохристианства»⁵. Д. С. Мережковский еще более категоричен: «Он думал или хотел думать, что его религия — православие. Но истинная религия его... вовсе не православие, не историческое христианство, ни даже христианство вообще, а то, что за христианством... Грядущий Третий Завет...»⁶

Такая оценка мировоззрения Достоевского глубоко ошибочна. В частности, существует важнейшее отличие хилиастической утопии Достоевского (действительно весьма нехарактерной для богословия Православной Церкви) от всех утопических проектов русского Серебряного века. Общая черта последних состоит в том, что «царство Божие на земле» предстает в них как закономерный итог общественно-исторического развития, как результат действия социальных институтов и движений. Конечно, построение такого «царства» предполагает не только изменение общественных отношений, но и нравственное преобразование человека, однако действующие силы этого процесса — суть именно социальные силы: царь и папа у В. С. Соловьева, «религиозная общественность» у Бердяева и Мережковского и т. д. По Достоевскому же Царство Божие приходит на землю только изнутри человеческой души, прошедшей путем всецелого покаяния и нравственного преобразования⁷. Мистическое преобразование человеческого сердца есть единственный способ осуществить на земле небесную гармонию, которую проповедует Достоевский. Таким образом, его хилиастическая утопия демонстрирует ключевую роль «мистики сердца» в мировоззрении писателя.

Однако, прежде чем рассуждать о мистическом мирозерцании Достоевского, надо указать на опытные истоки такого мирозерцания. Те авторы, которые недвусмысленно говорят о наличии у писателя мистического опыта (например, Дж. Сканлан и Р. Лаут), как правило, связывают этот опыт исключительно с «эпилептической аурой», что, с нашей точки зрения, является ошибкой. Тем не менее начать стоит именно с рассмотрения особого рода переживаний, связанных с эпилепсией, как они представлены в художественном творчестве писателя.

Наиболее подробно эти переживания даны в романе «Идиот» в описаниях припадков кн. Мышкина, в романе «Бесы» в рассказах Кириллова Ставрогину и Шатову, а также отчасти во «Сне смешного человека».

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. С. 484, 496.

⁶ Мережковский Д. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб., 1906. С. 50.

⁷ См.: Золотарев А. В. Своеобразие хилиастической утопии Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 12–26.

Несомненно, эти описания основываются на опыте, лично пережитом Достоевским. Основное содержание этого опыта — ощущение полной и совершенной гармонии в мироздании, слияние с этой гармонией и ощущение полноты существования в таком слиянии. Переживаемый Мышкиным за мгновение до припадка опыт «оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни» (8, 188). О подобном опыте Кириллов сообщает Шатову: «Есть секунды... и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой» (10, 450). Здесь переживается выход за пределы времени в вечность — Кириллов говорит Ставрогину: «...время вдруг останавливается и будет вечно» (10, 188). Время не может идти дальше, потому что цель — полнота бытия — уже достигнута: «к чему развитие, коли цель достигнута?» (10, 450) Кириллов связывает это переживание с библейским пророчеством «времени уже не будет» (Откр. 10: 6), то же говорит и Мышкин в беседе с Рогожиным: «В этот момент... — мне как-то становится понятно необычайно слово о том, что *времени больше не будет*» (8, 189).

Важно подчеркнуть, что в данном опыте не происходит затемнение сознания, напротив, ощущается чрезвычайное усиление мыслительной способности: «Мгновения эти были именно одним только необыкновенным усилением самосознания...» (8, 188) Рассматриваемый опыт не только не противоречит человеческому разуму, но воспринимается как полное, высшее проявление разума. Опыт ощущается как абсолютная достоверность и несомненность: «Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто... вдруг говорите: да, это правда» (10, 450). Опыт сопровождается переживаниями сверхчувственного света: «Ум, сердце озарялись необыкновенным светом», в них появляются «молнии и проблески» (8, 188). Все это соединено с переживанием радости и совершенного покоя: «...все волнения... как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости...» (8, 188)

Таким образом, рассмотренный опыт предстает в своей сущности как выход человека за пределы эмпирически данного «я» в область «высшего бытия», соединение с вечной первоосновой сущего, которая видится как «гармония», «высший синтез жизни». Эта «гармония» пребывает постоянно как бытийственная основа мира, но в обычном своем состоянии человек не замечает ее. Стоит, однако, в экстатическом опыте увидеть эту бытийственную основу и пережить свое единство с ней, как человек обретает полноту существования и счастье: «Все хорошо... Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив... <...> Кто узнает... сейчас станет счастлив, сию минуту» (10, 188). Чувство бесконечной гармонии, слияния с миром как единым целым, фотизм (видение сверхчувственного света), остановка времени, ощущение абсолютной достоверности переживаемого, молитвенное чувство

и экстагический восторг — все это признаки именно мистических переживаний.

Достоевский, однако, вполне осознает проблему, связанную с патологическим происхождением этих переживаний, — и решает ее от лица своих персонажей. Не суть ли рассмотренные переживания только болезненная иллюзия? Этим вопросом задается кн. Мышкин: «...ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и “высшего бытия”, не что иное, как болезнь... а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему. И, однако же, он все-таки дошел наконец до чрезвычайно парадоксального вывода: “Что же в том, что это болезнь?.. Какое до того дело... если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты?..”» (8, 188). Как видим, Мышкин (а вместе с ним, очевидно, и Достоевский) проверяет свой экстагический опыт трезвым и здоровым разумом и приходит к выводу о подлинности этого опыта. Сканлан вполне справедливо замечает, что для Достоевского в опыте эпилептической ауры «нет отказа от разума, но лишь особая возможность получить доступ к его высшим формам»⁸.

Герой «Сна смешного человека» также приходит к выводу, что, каково бы ни было происхождение его видений (пусть и не прямо эпилептических, но явно болезненных по истокам), подлинность их содержания несомненна, их истина объективна, ибо превосходит возможности человеческой субъективности: «...все это, быть может, было вовсе не сон! <...> Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды!» (25, 115) Болезненное состояние организма, возможно, есть всего лишь физическая предпосылка для вполне объективного опыта соприкосновения с «другими мирами». Здесь уместно вспомнить мысль Свидригайлова: «Ведь обыкновенно как говорят?.. — “Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред”. А ведь тут нет строгой логики. <...> Здоровому человеку, разумеется... незачем видеть... Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира...» (6, 220, 221)

В конечном счете критерием истинности опыта эпилептической ауры для Достоевского является согласие содержания этого опыта с «высшим разумом» и нравственной интуицией. Несмотря на патологические истоки этого опыта, он был признан Достоевским как подлинный, как отражающий в своем содержании некую глубинную объективную реальность. Оставляя, вслед за писателем, в стороне вопрос

---

⁸ Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. С. 49.

о физиологической основе этих переживаний, мы должны признать, что содержание их оказало большое влияние на мирозерцание Достоевского и получило там именно мистическую интерпретацию. Однако сами по себе эти переживания не суть еще в полном смысле то, что мы называем «мистикой» Достоевского. Они выступают у него только как сырой материал для дальнейшего осмысления с позиций христианского сознания.

В основе христианского мирозерцания Достоевского лежит нравственная интуиция, важнейшими составляющими которой являются, во-первых, чрезвычайная любовь ко Христу («Через всю жизнь свою Достоевский пронес... какую-то иступленную любовь к лику Христа...»⁹) и, во-вторых, ощущение бесконечной ценности человеческой личности. Из этого последнего проистекает для Достоевского необходимость принятия трех философских постулатов: бессмертия души, свободы воли и бытия Бога. Здесь Достоевский следует Канту, но, в отличие от Канта, опирается не столько на дискурсивный разум, сколько на моральные переживания, доходящие вследствие чрезвычайной своей интенсивности до мистического вдохновения. В нравственном переживании для Достоевского происходит экстатический выход за пределы собственного «я» и сверхрациональное откровение истины, что и составляет, с нашей точки зрения, основу «нравственной мистики» писателя. Прот. Василий Зеньковский справедливо говорит о «мистической этике» Достоевского, характеризуя ее при этом следующим образом: «...моральные движения определяются не чувствами, не рассудком, не разумом, а прежде всего живым ощущением Бога...»¹⁰ С нашей точки зрения, однако, у Достоевского не этическое чувство происходит из ощущения Бога, а наоборот — ощущение Бога рождается из чрезвычайной интенсивности моральных переживаний.

Именно исходные нравственные интуиции Достоевского — любовь ко Христу и ощущение бесконечности человеческой личности — рождают у писателя веру во Христа как в Бога и переживание единства всех человеческих лиц во Христе. Переживание единства с Богом для Достоевского есть переживание единства именно со Христом. Но опыт эпилептической ауры совершенно недостаточен для такого переживания. Переживаемые в ауре «полнота» и «синтез» не требуют еще личностного Бога и тем более Христа. Однако у Достоевского опыт экстатического переживания «полноты», «гармонии» и «синтеза» (сам по себе еще внеэтический) совмещается с чисто нравственным, но тоже экстатическим, опытом сострадания и любви.

Ощущение бесконечной ценности человеческой личности порождает у писателя чрезвычайно интенсивное чувство жалости ко всем «униженным и оскорбленным», сострадание к боли любого существа,

---

⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. С. 329, 330.

¹⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 411, 412.

потребность в жертвенной любви. Здесь, а не в радостном экстазе ауры, прежде всего происходит для Достоевского соединение со Христом. Такое соединение требует кенозиса страдания, так как Бог, кенотически отдавший себя людям, присутствует в каждом акте человеческого страдания. Именно поэтому кн. Мышкин говорит: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8, 192). В подготовительных материалах к «Идиоту» Достоевский записывает: «Сострадание — все христианство» (9, 270). Потребность в самоумалении, в добровольном принятии на себя страданий как пути соединения с Богом — это переживание, в высшей степени характерное для христианской мистики: «...погрузиться в смирение, это значит погрузиться в Бога, ибо Бог есть дно смирения... испытать уничижение... есть уничтожение в Боге ...мы в этом погружении — *одна жизнь с Ним*»¹¹.

Христос — невинный страдалец, взявший на себя вину всех без исключения людей, явивший совершенную любовь ко всем без исключения людям и послуживший им «даже до смерти». Мистическая нравственная интуиция Достоевского требует поэтому, чтобы человек ради уподобления Христу и соединения с Богом принял на себя вину всех людей и перед всеми людьми, сострадал бы всей страдающей твари и любил бы всех совершенной любовью «всеслужения». В такого рода переживаниях человек выходит из своего ограниченного «я», соединяется со всем миром и, таким образом, со Христом.

Именно синтез экстатического опыта «гармонии», «полноты бытия» с экстатическими же нравственными переживаниями страдания, вины и жертвенной любви лежит в основе того, что может быть названо «мистической философией», или «мистическим мирозерцанием» Достоевского, которое последовательно развивалось и углублялось на протяжении жизни писателя.

Первый очерк такой философии содержится в его записи 1864 г. по поводу смерти жены («Маша лежит на столе»). Здесь уже присутствует ряд принципиальных для «мистического мировоззрения» Достоевского идей: 1) Бог есть «лоно всеобщего синтеза»; 2) этот «синтез», т. е. совершенное единство человечества, есть конечная цель всей человеческой истории и в то же время вечный «рай Христов»: «...бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, “времени больше не будет”»; 3) чтобы войти в него, надо достичь полноты преображения человеческой природы в соединении со Христом, что будет в то же время воскресением человека (20, 172–174).

Важный момент этой философии — противопоставление понятия человеческого «я», которое (в отличие от «я» Христа) есть неподлинное существование, понятию «лица» как подлинному существованию,

---

¹¹ *Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. М., 1910. С. 50, 51.*

обретаемому только в синтезе воскресения¹². «Я» эгоистично и безлюбно, оно противостоит всем другим человеческим «я», оно обречено вечно страдать и причинять страдания другим. Только принеся «*люблю* в жертву свое я людям», отдав его «всем и каждому безраздельно и беззаветно», человек отождествляется с «синтетической натурой Христа» и таким образом обретает полноту существования в качестве «лица». Воскреснув в синтезе, в «слитии» со Христом и другими людьми, человек обретет полноту личного существования: «Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем...» (20, 172–174) Полное соединение со Христом при сохранении собственного лица и есть то, что в мистическом богословии христианства называется обожением.

После 1864 г. до конца жизни писателя происходило постоянное углубление его мистического мирозерцания. В наибольшей степени оно выражено в «Братьях Карамазовых» — прежде всего в речах Зосимы, его брата Маркела и «таинственного посетителя». «Рай Христов» существует актуально в глубине бытия, в качестве мистической основы эмпирического мира, но его не видит непросветленное сознание: «...жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того» (14, 262), «рай... в каждом из нас затаен, вот он теперь и во мне кроется, и, захочу, завтра же настанет он для меня в самом деле и уже на всю мою жизнь» (14, 275). Эмпирическая действительность живет благодаря причастию «другим мирам», и человеку в особом откровении дано ощутить это: «...даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим... <...> Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным...» (14, 290)

В глубинной основе все бытие едино, именно поэтому каждый виноват перед всеми. Эту излюбленную мысль Достоевского, фундаментальную для его нравственного учения, — «всякий пред всеми за всех и за все виноват» (14, 262) — невозможно объяснить иначе, чем в контексте его мистического мирозерцания. Благодаря мистическому единству мира любое греховное действие или даже греховный эгоистический помысел человека затрагивает все мироздание. Зосима говорит: «Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается...» (14, 290) Более того, поскольку в сверхэмпирическом бытии времени нет, постольку человек ответственен и за прошлое, как за будущее, за предков, как за потомков. Мысль о том, что человек должен принять вину даже за предков, была важна для Достоевского. Он выразил ее в письме Ю. Ф. Абаза, давая своей корреспондентке рекомендации относительно

---

¹² См.: Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. С. 169–174.

вымышленного ею персонажа: «Дайте ему... осмысление своего греха, как целого поколения... и заставьте его сознательно пойти на страдание за всех предков своих, и за всех и вся, чтобы искупить грех людской. Мысль великая...» (30₁, 192)

Принять вину за все — это и значит признать единство со всем, единство с Богом. Эгоистически отпадая от такого единства, человек берет на себя ответственность за все зло и страдание раздробленного мира. Через свой личный грех человек разрушает пребывающий внутри него мистический «Христов рай» и превращает его в эмпирический мир вражды, потому он и становится ответственным за все грехи этого эмпирического мира. Сохраняя же единство со всеми, человек воплощает в себе образ Христов, который есть «свет миру», и таким образом ведет мир ко спасению. Просвещающий сердца людей свет этого образа — основа и залог всеобщего спасения: «...не усомнись в силе света небесного; верь тому, что если теперь не спаслись, то потом спасутся» (14, 292).

Мировоззрение Достоевского христоцентрично. Он мало говорит о Боге как о трансцендентном Творце мира, все его внимание направлено на Богочеловека Христа. Это обстоятельство, вкупе с тем, что писатель неоднократно называл Христа идеалом человека, дает основание некоторым исследователям полагать, что Христос для Достоевского всего лишь человек, который в полноте реализовал потенции, заложенные в человеческой природе, и в этом смысле стал «идеалом». Такое понимание в корне ошибочно. Оно несовместимо с рассмотренным выше мистическим мировоззрением Достоевского и противоречит некоторым его прямым высказываниям. В черновых набросках к «Бесам» Достоевский устами Ставрогина, но, очевидно, выражая собственную мысль, говорит: «Христос-человек не есть Спаситель и источник жизни... и залог для бытия всего мира, и заключается в трех словах: *Слово плоть бысть...*» (11, 179) Христос Достоевского — это воплощенный Бог-Слово, и только поэтому Он является синтетической основой бытия. Исследователь христианского мистицизма П. М. Минин пишет: «Мы никогда вполне не поняли бы той настойчивости и убежденности, с которыми православные... отстаивали учение о божестве Христа, если бы не учили мистической основы этого учения», ведь решить данный вопрос последнее есть процесс «обожения», а это «обожение» невысказимо без признания божеского достоинства Христа¹³.

Любовь ко Христу как синтетическому единству мира есть, таким образом, любовь ко всей твари: «Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку» (14, 289). Эта любовь, по учению Зосимы, должна даже носить экстатический характер, доходить до иступления: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби... ищи восторга и иступления

---

¹³ Минин П. М. Мистицизм и его природа. Киев, 2003. С. 62.

сего» (14, 292). Именно такой мистический экстаз пережил Алеша, когда «нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”» (14, 328).

В момент мистического соединения с Богом человек становится точкой, в которой пересекаются все линии мироздания. «Эвклидов ум» человека не может понять, каким образом параллельные прямые могли бы сойтись, но мистический ум знает, что все прямые совпадают в бесконечном Боге. Достоевский неоднократно обращался к образу Бога как точки пересечения параллельных прямых. Так, в записной тетради за 1880–1881 гг. он пишет: «Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. <...> А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир» (27, 43). Для мистического опыта в высшей степени характерно видение Бога как точки, в которой сходятся все линии, сливаясь с этой точкой и в то же время не утрачивая своей различимости. Фламандский мистик XIV в. Рейсбрук пишет: «...нужно, чтобы наш дух выступил... к этому вечному центру, где кончаются и начинаются все наши линии. И в этом центре эти линии теряют свое имя и всякое различие... и становятся тем самым единством, которое есть сам центр, и, тем не менее, всегда пребывают сами по себе сходящимися линиями»¹⁴. В известном поучении аввы Дорофея (VI в.) Бог также уподобляется точке, в которой сходятся все линии, т. е. «пути жизни человеческой», так что люди «сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу»¹⁵.

Границы между человеческими индивидуумами — суть границы только эмпирического мира, в глубине бытия они отсутствуют. «Попробуйте разделиться, попробуйте определить, где кончается ваша личность и начинается другая... В христианстве и вопрос немислим этот» (27, 49). Человек един со всем бытием и потому несомненно бессмертен. Р. Лаут делает очень верное замечание: «...у Достоевского не было ужаса или страха перед небытием. Вообще в целостном виде комплекс страха современной экзистенциалистской философии у него отсутствовал. <...> В насильственной смерти больше всего Достоевского страшило и потрясало насилие над душой»¹⁶. Отсутствие экзистенциального страха перед небытием очень характерно именно для мистического мироощущения. Достоевский не знает страха смерти как экзистенциального страха небытия. В «гармонии», описанной во «Сне смешного человека», люди не боятся смерти, потому что они непосредственно ощущают единство бытия: «...у них было какое-то насущное, живое

¹⁴ Рейсбрук *Удивительный*. Одевание духовного брака. С. 69.

¹⁵ [Дорофей, *прп.*] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 2011. С. 118.

¹⁶ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 91.

и непрерывное единение с Целым вселенной... было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью...» (25, 114) Человек не может не быть, но он может существовать неподлинно, т.е. в разъединении с миром. Такое существование и есть ад; смерть страшна не как небытие, а как возможность адского существования. У Достоевского и ад, и рай суть гипостазированные состояния души¹⁷, что тоже характерно именно для мистического миропонимания.

Рассмотренное мирозерцание обладает всеми особенностями именно христианской мистики. От всякой иной мистики, например индийской или неоплатонической, ее отличают некоторые черты. Во-первых, ярко выраженный персонализм, «мистика личности»¹⁸. Бог понимается здесь не как безличный Абсолют, а как Личность, а человек, соединяясь с Богом, не растворяется в нем, но сохраняет себя в качестве личности. Во-вторых, христианская мистика предельно христоцентрична: соединение с Богом в ней мыслится исключительно при содействии Христа: «...христианская мистика, и в особенности церковная, есть мистика Логоса, мистика Христа»¹⁹. Эти особенности вполне отвечают двум названным выше базовым интуициям «нравственной мистики» Достоевского: беспредельной любви ко Христу и ощущению бесконечной ценности человеческой личности. Мистическое мирозерцание писателя более всего приближается к тому, что П. Н. Минин называет «нравственно-практическим направлением церковной мистики», или, иначе говоря, к «мистике сердца», отличной от «мистики ума». Лишь для «мистики ума», но не для «мистики сердца» характерно то, что отталкивало Достоевского в плохом мистицизме — квиетизм, «трансцендентный эгоизм», отрешенность от людей и природы.

К мистическому мирозерцанию Достоевского оказывается особенно близка «мистика сердца» православного подвижника IV в. Макария Великого, которая «глубоко этична и чужда крайностей мистического квиетизма»²⁰. Достоевский многократно говорил о спасительной силе Лица Христова, Образа Христова как проявления бесконечной красоты. Иногда это понимают в духе далекого от православия гуманистического учения об Иисусе как «нравственным примере», «образце для подражания». Между тем учение о спасении как запечатлении в душе Образа Христова есть и у Макария Великого. По Достоевскому, только запечатлев в себе Лик Христов, человек становится способен

---

¹⁷ Ад есть «страдание о том, что нельзя уже более любить» (14, 292), и в то же время «рай... в каждом из нас затаен» (14, 275).

¹⁸ Минин П. Н. Мистицизм и его природа. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 67.

²⁰ Там же. С. 118.

обрести полноту существования в качестве «лица». Макарий же рассказывает, как душа подвижника, «осиянная небесными лучами Лица Христова... <...> всецело сделана светом и духом, вся исполнена очей и... отовсюду представляется ликом, потому что снизошла на нее и восседает на ней неизреченная красота славы Света Христа»²¹.

«Мистика сердца» Макария и других ранних подвижников получила развитие в православном исихазме. Исихастская традиция, как указывает ее исследователь С.С. Хоружий, видит обожение человека как «онтологическое размыкание антропологической реальности». В этом «размыкании» человек открывается Божественному бытию, тем самым конституируя свою личность. «По православному учению, истинная личность — Божественная Ипостась, тогда как эмпирический человек не является личностью в подлинном смысле. Однако, приобщаясь к Богу, он приобщается, тем самым, личному бытию...»²² «Онтология личности», присутствующая в «мистической философии» Достоевского, также предполагает, что личность может существовать только в «размыкании» своей эгоистической замкнутости, в соединении с Лицом Христа и, тем самым, с миром. Самоутверждение же человеческого «я» всегда ведет, по Достоевскому, к распаду человеческой личности. Совершенно справедливо заметил прп. Иустин (Попович): «Достоевский... неопровержимо доказывает, что человек как человек, в своей эмпирической данности, не обладает такой силой, которая бы сделала его способным быть единственным создателем и осуществителем своей личности»²³. Любая последовательная попытка осуществить такое самоутверждение ведет к тому, что человек оказывается во власти дьявольской стихии.

Тема одержимости человека злым духом, превращения человеческой воли в волю дьявольскую, очень важна для мирозерцания Достоевского. Об этом также говорит прп. Иустин: «...особая заслуга Достоевского в том, что он открыл метод действий дьявола в сфере человеческой природы: он незаметно, тайно забирается в самосознание человека, становится его неотделимой частью... захватывает ум и все психические силы человека, так что человек несознательно чувствует его как себя, как содержание своего самосознания...»²⁴ Здесь мы тоже обнаруживаем неслучайные параллели с мистикой Макария Великого, который так учит о соединении грешника со злым духом: «...сатана чем-то одним делается с душою, оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно»²⁵.

²¹ Макарий Египетский, прп. Творения. М., 2002. С. 151, 253, 254.

²² Хоружий С.С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии // Достоевский и мировая культура: Альманах. Вып. 25. М., 2009. С. 23.

²³ Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск, 2007. С. 112.

²⁴ Там же. С. 124.

²⁵ Макарий Египетский, прп. Творения. С. 348.

Несмотря на многочисленные параллели с православными мистическими учениями, открытым остается вопрос, насколько мистическое мирозерцание Достоевского в целом согласуется с Православием. Прот. Павел Хондзинский называет учение Зосимы «новым пелагианством»: «За это говорит отсутствие ясного учения не только о необходимости благодати, но и о первородном грехе, а также мысль о возможности путем личного подражания Единому Безгрешному, силами естественной любви, достичь царствия Божия»²⁶. Примерно это же имеет в виду и прот. Василий Зеньковский, говоря о «христианском натурализме» Достоевского: «...его антропология стоит посередине между чисто церковной и секулярной идеей о человеке. Для полного соответствия взглядов Достоевского учению Церкви ему не хватало представления на верховное место того центрального учения христианства, которое видит в страданиях и смерти Спасителя необходимое предварение спасительного Его воскресения»²⁷.

На самом деле страдание и кенотическое унижение — ключевой момент христологии, а следовательно, и антропологии Достоевского. Христос потому и несравненно прекрасен, потому и достоин быть Богом, что Он принял безвинные страдания и мученическую смерть за людей. Равным образом ощущение могущества зла в мире, видение всеобщей онтологической поврежденности грехом очень сильно у Достоевского. Но вот отсутствие хоть сколько-нибудь выраженной мысли о необходимости благодати Св. Духа для подражания Христу, для воплощения в душе человека Образа Христова делает учение Достоевского действительно в значительной степени «пелагианским». У Достоевского очень много христологии, но почти совсем нет пневматологии, что, конечно, невозможно в последовательно православном мистическом мирозерцании.

Еще один вопрос состоит в том, насколько мирозерцание Достоевского близко к взглядам критиков «исторического христианства», призывавших к отказу от «монашеского православия». Весьма вероятно, что на образ Алеши Карамазова повлиял отказавшийся от монашеских обетов А. М. Бухарев²⁸, но это не значит, что Достоевский, подобно Мережковскому или В. В. Розанову, был разочарован в монашестве как таковом. С. С. Хоружий обращает внимание на то, что «мотив выхода аскетической традиции в мир и старчества, понятого как созидание “монастыря в миру”... воплощаемый в двуединстве Зосимы и Алеши», весьма стар и характерен для исихастской монашеской традиции: «Достоевский наверняка не знал, что вернуться в мир посылал лучших своих учеников св. Григорий Синаит... один из великих исихастских

---

²⁶ Хондзинский Павел, протоиерей. Достоевский как «учитель Церкви» // Вестник РХГА. 2013. Т. 14, вып. 2. С. 141.

²⁷ Зеньковский В. В. История русской философии. С. 409.

²⁸ См.: Баритт К. А. Алексей Карамазов — последователь архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) // Словесность и история. 2021. № 4. С. 7–35.

учителей... Мы же, зная это, не можем не признать глубину духовной интуиции писателя, а равно и подлинную близость старца Зосимы к исихазму»²⁹. Отторжение Достоевским монашеского фанатизма и ложного мистицизма не есть отторжение самой православной монашеской традиции, представленной любимыми им Тихоном Задонским, иноком Парфением, Леонидом и Амвросием Оптинскими. Это не отрицание монашеской «мистики сердца», это всего лишь отвращение от того, что С.И. Фудель назвал «темным двойником Церкви»: «Достоевский учился у Тихона, Парфения и Леонида... но тут же рядом с ними были феодосии-ферапонты, которые подвижничили, пророчествовали, имели видения, претендовали быть носителями всей мистической стороны христианства. И Достоевский настаивает против мистики»³⁰.

Мистическое мировоззрение Достоевского имеет не церковные истоки. Оно вытекает из его собственного уникального опыта, в первую очередь нравственного по природе. Прав был В. В. Розанов, сказавший о писателе: «...очень похоже на то, что человек, разошедшийся с религиозными формами какого бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, начинает тревогами своей совести приводиться к мысли о религии и развивает ее самостоятельно, исключительно из этих тревог»³¹. Однако нельзя не признать, что развивалось это мировоззрение на протяжении жизни писателя именно в направлении сближения с православно-церковной традицией. Мысль Достоевского в поисках своего выразителя двигалась от образа «самородного», стоящего вне всякой традиции мистика-христианина кн. Мышкина к образам православных монахов Тихона («Бесы») и Зосимы. Отчасти это движение направлялось идеологией Достоевского, его почвенничеством, которое побуждало искать идеал в русском народе, воспитанном исторической Церковью. Но в большей степени, как нам кажется, это движение было обусловлено внутренней логикой мистического мирозерцания писателя.

Библиографический список

- Барит К. А.* Алексей Карамазов — последователь архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) // *Словесность и история*. 2021. № 4. С. 7–35.
- Бердяев Н. А.* Мирозерцание Достоевского // *Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского*. М., 2016. С. 311–510.

---

²⁹ Хоружий С.С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии. С. 35, 36.

³⁰ Фудель С.И. Наследство Достоевского. М., 2016. С. 232.

³¹ *Розанов В. В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: опыт критического комментария // *Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях*. М., 1996. С. 103.

- [Дорофей, прп.] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 2011. 381 с.
- Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. 880 с.
- Золотарев А. В. Своеобразие хилиастической утопии Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 12–26.
- Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007. 312 с.
- Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. 336 с.
- Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 447 с.
- Макарий Египетский, прп. Творения. М., 2002. 639 с.
- Мережковский Д. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб., 1906. 153 с.
- Минин П. М. Мистицизм и его природа. Киев, 2003. 148 с.
- Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. М., 1910. 272 с.
- Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: опыт критического комментария // Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 7–156.
- Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнаники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М., 2001. 477 с.
- Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. СПб., 2006. 256 с.
- Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 2016. 340 с.
- Хондзинский Павел, протоиерей. Достоевский как «учитель Церкви» // Вестник РХГА. 2013. Т. 14, вып. 2. С. 137–146.
- Хоружий С. С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии // Достоевский и мировая культура: Альманах. Вып. 25. М., 2009. С. 13–56.

References

- Barsht K. A. Aleksei Karamazov — posledovatel' arhimandrita Feodora (A. M. Bukhareva) [Alexey Karamazov is a follower of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Slovesnost' i istoriia*, 2021, no. 4, pp. 7–35. (In Russ.)
- Berdyayev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's worldview]. In: Berdyayev N. A. *Russkaia ideia. Mirosozertsanie Dostoevskogo*. Moscow, 2016. Pp. 311–510. (In Russ.)
- [Dorotheus, rev.] *Prepodobnogo ottsa nashego avvy Dorofeia dushepoleznye pouchenii i poslania* [The soul-beneficial teachings and messages of our venerable father Abba Dorotheus]. Moscow, 2011. 381 p. (In Russ.)
- Fudel S. I. *Nasledstvo Dostoevskogo* [Dostoevsky's heritage]. Moscow, 2016. 340 p. (In Russ.)
- Iustin (Popovich), rev. *Filosofia i religia F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, 2007. 312 p. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: hudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: An Artistic Way of Expression]. Moscow, 2019. 336 p. (In Russ.)

- Khondzinskii Pavel, prot. Dostoevskii kak “uchitel’ Tserkvi” [Dostoevsky as a “Doctor of the Church”]. *Vesnik RHGA*, 2013, vol. 14, iss. 2, pp. 137–146. (In Russ.)
- Khoruzhy S. S. “Brat’ia Karamazovy” v prizme isikhastskoi antropologii [“The Brothers Karamazov” in the Prism of Hesychastic Anthropology]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul’tura*: almanac, iss. 25. Moscow, 2009. Pp. 13–56. (In Russ.)
- Lauth R. *Filosofia Dostoevskogo v sistematicheskoi izlozhenii* [Dostoevsky’s philosophy in a systematic presentation]. Moscow, 1996. 447 p. (In Russ.)
- Macarius of Egypt, rev. *Tvoreniia* [Works]. Moscow, 2002. 639 p. (In Russ.)
- Merezhkovsky D. *Prorok russkoi revoliutsii. K iubileiu Dostoevskogo* [Prophet of the Russian Revolution. On Dostoevsky’s Anniversary]. St. Petersburg, 1906. 153 p. (In Russ.)
- Minin P. M. *Misticizm i ego priroda* [Misticism and its nature]. Kiev, 2003. 148 p. (In Russ.)
- Rozanov V. V. *Legenda o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo: opyt kriticheskogo kommentariia* [The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky: An Experiment in Critical Commentary]. In: Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii. Legenda o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Lit. ocherki. O pisatel’stve i pisateliakh*. Moscow, 1996. Pp. 7–156. (In Russ.)
- Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev* [Collected Works. Literary Exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev]. Moscow, 2001. 477 pp. (In Russ.)
- Ruysbroeck the Admirable. *Odeianie dukhovnogo braka* [The Garment of Spiritual Marriage]. Moscow, 1910. 272 p. (In Russ.)
- Scanlan J. *Dostoevskii kak myslitel’* [Dostoevsky as a thinker]. Saint Petersburg, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Zenkovsky V. V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, 2001. 880 p. (In Russ.)
- Zolotarev A. V. *Svoeobrazie khiliasticheskoi utopii Dostoevskogo* [The Peculiarities of Dostoevsky’s Chiliastic Utopia]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, 2022, no. 3 (10), pp. 12–26. (In Russ.)

В. М. ЛУРЬЕ*

ORCID ID: 0000-0001-6618-2829

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ: ПРИНОШЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО ПОЗДНИМ СЛАВЯНОФИЛАМ

Аннотация: Достоевский отредактировал в мессианском смысле славянофильское представление о русском народе. А.И. Кошелев воспринял эту инновацию как ошибку, но многие славянофилы пошли за Достоевским, связав с ним новый этап развития учения. Из современников Достоевского никто, даже пронзительный Леонтьев, не подозревал, что русский мессианизм является у Достоевского частью его эсхатологических верований. Их главным источником был христианский социализм Пьера Леру и Жорж Санд, но место мессианского народа в нем занял русский народ в этническом смысле. В качестве ближайшей типологической параллели можно назвать представления Адама Мицкевича о мессианстве польского народа. Что касается любимого Достоевским термина *millenium* (всегда латинскими буквами именно в такой орфографии), то этот псевдо-латинизм был придуман английскими протестантами на рубеже XVI и XVII вв. и вошел в английский социалистический жаргон у Роберта Оуэна и его последователей, откуда он и мог стать известным Достоевскому.

Ключевые слова: Достоевский, поздние славянофилы, милленаризм, христианский социализм, Пьер Леру, Жорж Санд, «Спиридион».

V. M. LOURIE

SOCIALISTIC ESCHATOLOGY: DOSTOEVSKY'S OFFERING FOR THE LATER SLAVOPHILES

Annotation: Dostoevsky edited the Slavophile conception of Russian people in a messianic sense. The Slavophile A. I. Koshelev considered this move as a mistake, whereas many later Slavophiles followed Dostoevsky as a reformer of the old doctrine. Nobody of the contemporaries (nor perspicacious Leontiev) realised that Dostoevsky spoke from his strong eschatological convictions, mainly borrowed in the Christian socialism by Pierre Leroux and George Sand but

---

* Вадим Миронович Лурье, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; Vadim Mironovich Lourié, Dr. of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. hieromonk@gmail.com

replacing there the messianic people with the Russian people in the ethnic sense. The closest typological parallel is the ethnic Polish messianism by Adam Mickiewicz. As for Dostoevsky's beloved pseudo-Latinism *millenium* (sic), it was invented by English protestants ca 1600 and was adapted to the jargon of English-speaking socialists by Robert Owen, thus becoming available to Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky, later Slavophiles, millenarianism, Christian socialism, Pierre Leroux, George Sand, *Spiridion*.

Окончательное присоединение Достоевского к славянофилам произошло посмертно. В славянофильстве рубежа XIX и XX вв., уже не имевшем общепризнанного лидера¹, каким был после смерти Ю. Ф. Самарина (1819–1876) И. С. Аксаков (1823–1886), ярче всех выделялось направление, которое встало на сторону Достоевского в его расхождениях с современными ему славянофилами и даже поставило по этой причине его рядом с Хомяковым среди славянофильских учителей. Эти славянофилы были благодарны Достоевскому за привнесение в старое славянофильство эсхатологической перспективы и мессианского воодушевления. Они полагали, что Достоевский, подобно Хомякову, стал реципиентом соответствующего божественного откровения.

Оставляя в стороне вопрос о божественности соответствующего откровения и заметив, что Хомяков получил откровение через посредство европейской интеллектуальной моды 1830-х гг.², мы постараемся показать, что и Достоевский получил свое откровение не без посредства европейской интеллектуальной моды — но чуть более поздней, 1840-х гг., и чуть более экзотической — французского религиозного социализма, к 1870-м гг. забытого почти всеми, но только не Достоевским.

«Народ-церковь»

В русском националистическом богословии XX в. была популярна идея «народа-церкви», которая обычно считалась унаследованной от славянофилов³. Легко убедиться, что у славянофилов как при жизни

---

¹ См. классификацию славянофильских направлений по состоянию на начало XX в. в брошюре одного из героев нашей статьи, славянофила барона Михаила Фердинандовича Таубе (1855–1924): *Таубе М. Ф.* Славянофильство и его определения. Харьков, 1905. В это время почти все, кто называл себя славянофилами, имели непрерывное идейное преемство от Хомякова и, несмотря на разногласия, ощущали между собой идейную общность. Вскоре после 1917 г. даже такая неоднородная славянофильская традиция прекращается.

² Подробно о месте идей Шеллинга и, в связи с ними, европейской внеконфессиональной мистики, восходящей к «теософии» Якоба Бёме, в богословии Хомякова см. комментарии В. М. Лурье в: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах / под ред. А. П. Дмитриева. Т. 9. СПб., 2021; Т. 10, ч. 1. СПб. (в печати). Хомяков относился отрицательно к аскетической стороне этой традиции, но находился в фарватере ее богословия и философии (онтологии).

³ В качестве позднейшего и особенно зрелого плода этой традиции можно назвать *opus magnum* эмигрантского богослова Петра Константиновича Иванова (1876–1956)

А. С. Хомякова (1804–1860), так и некоторое время спустя такой идеи не было. Приоритет в ее формулировке принадлежит Достоевскому. Собственно термина «народ-церковь» еще нет даже у него, но сама концепция уже сформулирована: «Церковь — весь народ — признано восточными патриархами весьма недавно в 48 году, в ответе папе Пию IX-му» (27, 57)⁴. Эти слова из черновых тетрадей к ненаписанному февральскому выпуску «Дневника писателя» за 1881 г. были впервые опубликованы в 1883 г. Н. Н. Страховым в книге, которую современникам невозможно было воспринять иначе как духовное завещание Достоевского⁵.

В тех же заметках к февральскому «Дневнику писателя» у Достоевского встречается знаменательная фраза: «Что такое Церковь — из Хомякова» (27, 68)⁶. Она доказывает, что ссылка Достоевского на Окружное послание Восточных патриархов 1848 г. вдохновлена А. С. Хомяковым, поскольку именно для Хомякова это послание играло совершенно исключительную роль (единственный документ, на который он мог опереться в доказательство того, что его богословие имеет какое-то отношение к православной традиции, а не является исключительно его личной выдумкой⁷). Тем не менее Достоевский придает этому посланию тот смысл, который в него не вкладывали ни авторы, ни Хомяков⁸.

В главе 17 Окружного послания было сказано только лишь то, что не одна лишь церковная иерархия, а все вообще верующие составляют

«Тайна святых. Введение в Апокалипсис» (Париж, 1949; много переизданий), где концепция народов-церквей положена в основу «историцирующего» толкования на Апокалипсис.

⁴ По свидетельству В. С. Соловьева, Достоевский собирался развить эту тему в новом романе, продолжении «Братьев Карамазовых»; см.: Лурье В. М. «Братья Карамазовы». «Дневник писателя». Дополнения к комментарию. 1. «Прилог по Дамаскину». 2. «Церковь — весь народ» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. СПб., 1991. С. 246–249, особ. 248–249.

⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / [изд. Н. Н. Страхов]. СПб., 1883. С. 372 второй пагинации.

⁶ В издании Н. Н. Страхова эта фраза исключена без обозначения пропуска, хотя сохранен весь остальной текст соответствующего раздела: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 360 второй пагинации. Похоже, что Страхов не хотел указывать на зависимость Достоевского от Хомякова. Вопреки тексту Полного собрания сочинений в 30 томах, восстанавливаю написание слова «Церковь» с прописной буквы на основании рукописи Достоевского, воспроизведенной в: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. / под ред. И. С. Зильберштейна и Л. М. Розенблюм. М., 1971. (Литературное наследство; т. 83). С. 681; в публикации этого текста (Л. М. Розенблюм) на с. 682 прописная буква заменена на строчную.

⁷ Подробно о значении этого Окружного послания в произведениях Хомякова см. мои комментарии в: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8, 9. СПб., 2021. Т. 10, ч. 2. СПб. (в печати), *passim*.

⁸ *Lourié B. Alexei Khomiakov and the Slavophiles // Wiley-Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds. I. Paert, A. Kolosova, A. Shishkov. Oxford (forthcoming).*

в православии коллективного «защитника религии»: «...у нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что защитник религии у нас самое тело Церкви, то есть самый народ»⁹. Это утверждение было направлено против католического разделения Церкви на две части — клир как «Церковь учающую» и народ как «Церковь поучаемую». Русское академическое богословие тут следовало католичеству и потому восприняло послание с недовольством¹⁰, тогда как Хомякову оно подошло идеально. Достоевский, однако, переворачивает формулировку послания: как будто не только весь церковный народ является «телом Церкви», но и народ сам по себе — Церковь. Выражаясь языком логики, Достоевский понял послание так, как будто условие принадлежности к Церкви совпадает с условием принадлежности к народу. Понятно, что речь идет о так называемых православных народах, но от этого прочтение Достоевского не становится корректным. Условия принадлежности человека к Церкви следуют из богословия и формулируются в канонах; совпадать с условиями принадлежности человека к народу они не могут заведомо. В исторически православных народах очень многие (а если по строгости канонов, то и большинство) к Церкви не принадлежали. Это было ясно не только для авторов послания¹¹, но и для Хомякова. Достоевский же вывел из Послания, будто существуют народы, у которых условия принадлежности к ним совпадают с условиями принадлежности к Церкви.

Славянофильское богословие Ю. Ф. Самарина

Достоевский читал Окружное послание в цитатах у Хомякова и в контексте богословия Хомякова, но пришел к оригинальному богословскому выводу. Впрочем, этот вывод был оригинальным только наполовину. Почва для него была подготовлена той рецепцией

---

⁹ Ἐγκύκλιος τῆς μᾶς, ἁγίας, καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς Ἐκκλησίας ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς ἀπανταχοῦ Ὀρθοδόξους [Окружное послание единия, святяя, соборная и апостольския Церкви ко иже повсюду Православным]; современное стандартное издание Иоанна Кармириса: Ἰ. Καρμίρης. Τὰ δογματικὰ καὶ συμβολικὰ μνῆμεια τῆς Ὀρθοδόξου καθολικῆς Ἐκκλησίας. Ἔκδ. δευτέρα, ἐπιτηρημένη καὶ βελτιωμένη. 2 τόμοι. Τ. II. Graz, 1968. Σ. 902–925, цит. с. 920: παρ' ἡμῖν οὐτε Πατριάρχοι οὐτε Σύνοδοι ἐδυνήθησάν ποτε εἰσαγαγεῖν νέα, διότι ὁ ὑπερασπιστὴς τῆς θρησκείας ἐστὶν αὐτὸ τὸ σῶμα τῆς Ἐκκλησίας, ἧτοι αὐτὸς ὁ λαός.

¹⁰ См. подробно (в том числе об отрицательной реакции митр. Филарета (Дроздова)) в прим. В. М. Лурье в: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 8. С. 345–352.

¹¹ Послание было издано от имени патриархов и всех епископов трех из четырех существовавших тогда патриархатов (почему-то без Александрийского), но имело одного автора — выдающегося богослова своего времени, бывшего патриарха Константинопольского (1834–1835), а на тот момент архиепископа Синайского Константия I (1779–1859).

богословия Хомякова, которую создал в 1860-е гг. Ю.Ф. Самарин¹² и популяризировал в 1870-е И.С. Аксаков¹³.

Ю.Ф. Самарин придумал термин «соборность» и вставил его трижды в свой перевод с французского языка главных богословских произведений Хомякова, тем самым сделав Хомякова в глазах потомков автором какого-то учения о соборности. Впервые «соборность» появляется у Самарина чуть раньше переводов Хомякова в программной статье 1863 г. «Современный объем польского вопроса», где она получает нечто вроде определения по аналогии с введенным им же понятием общинности: «...среда, в которой предназначено было развиваться историческим силам славянства, <...> предопределена внутренним сродством двух <...> начал — общинности и соборности»; общинность — это «характеристическая племенная особенность славянства»¹⁴. Как общинность не является эмпирическим фактом наличия у славян крестьянских общин, а является, по Самарину, особым свойством этих народов образовывать такие общины, так и соборность является в Церкви ее особым свойством соединять людей.

Самарин был уверен, что словом «соборность» он выражает мысль Хомякова, но Хомяков так и не остановился ни на какой концепции единства Церкви, меняя свои взгляды весьма радикально¹⁵. Самарин, однако, не допускал мысли о возможности каких бы то ни было богословских колебаний и неясностей у Хомякова и поэтому так легко позволил себе «дописать» его текст, придумав специальное нематериальное сцепляющее начало, которое он назвал соборностью. Заметим, что эта самаринская соборность не идентична ни Духу Святому, ни Телу Христову, а требует для себя какого-то особого обозначения. И заметим также, что это начало имеет внутреннее, — а не какое-нибудь внешнее — сродство с «общинностью» славян. Самарин имел в виду, что в Церкви люди становятся причастны некоему началу, родственному тому, что славяне имеют в силу своей принадлежности к своим народам.

Повторим, что от Хомякова подобные богословские идеи были далеки. На это обратил внимание бывший славянофил художник

---

¹² См. подробно: *Лурье В. М.* «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica*. 2020. №1. С. 72–88; перепечатано: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8. С. 177–190.

¹³ См. подробно: *Lourié B. Alexei Khomiakov and the Slavophiles*.

¹⁴ *Самарин Ю. Ф.* Собрание сочинений в пяти томах / под общ. ред. А. Н. Николюкина. Т. I. СПб., 2013. С. 446.

¹⁵ См. комментарии В. М. Лурье к «Церковь одна» и ко второй и третьей французским богословским брошюрам: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8 и 9. Об отношении Самарина (и И. С. Аксакова) к Хомякову как к непогрешимому во всех своих писаниях отцу Церкви см.: *Lourié B. Alexei Khomiakov and the Slavophiles*.

Э. А. Дмитриев-Мамонов, вступивший в крайне резкую полемику с И. С. Аксаковым¹⁶. Однако ко времени полемики Дмитриев-Мамонов уже оставил всякую институциональную религию и присоединился к русской революционной эмиграции, поэтому люди верующие не проявили к его статьям интереса. Насколько можно судить, они не привлекли и внимания Достоевского. Дмитриев-Мамонов, хорошо знавший Хомякова и как человека, и как богослова, возмущался подменой его учения каким-то богословием народа, в котором народу атрибутировалась догматическая непогрешимость в точном соответствии с католическим догматом о непогрешимости Папы Римского *ex cathedra*.

Такое богословие народа и на самом деле следовало из соборности, придуманной Самариним: ведь если Церковь непогрешима, и она непогрешима в лице церковного народа как целого, то, объявив принцип единства этого народа «внутренне сродным» с принципом единства народов славянских, мы получаем если и не прямо непогрешимый народ, то народ, «внутренне сродный» с непогрешимостью. Дмитриев-Мамонов опровергал Самарина и Аксакова приемом *reductio ad absurdum*, но из их учения (которое они приписывали Хомякову) не могла не следовать какая-то особая прирожденная церковность (а тогда и догматическая непогрешимость) тех народов, которым присуща общинность, и, в этом смысле, богоизбранность таких народов. Для старых славянофилов этот полемический прием работал: они не хотели принимать такой вывод из собственного учения, и поэтому статьи Дмитриева-Мамонова переживались Аксаковым как оскорбление. А для Достоевского это уже не так. Он сам с удовольствием делает подобные выводы из учения Хомякова в переработке Самарина. Для него это не абсурд, а доказательство того мессианского значения русского народа, о котором он говорил в Пушкинской речи в июне 1880 г., и которое ему теперь понадобилось защищать в развернувшейся после «Речи» полемике.

Иванов 16-й — за Достоевского

Чтобы ощутить чисто богословское измерение этой впервые сформулированной Достоевским идеи церковности целого народа, нужно проследить ее рецепцию у более поздних авторов сходного направления. С 1890-х гг. славянофильство окончательно перестает быть

---

¹⁶ Дмитриев-Мамонов Э. А. Славянофилы. Историко-критический очерк. (По поводу статьи г-на Пыпина) // Русский архив. 1873. Т. 11. Стб. 2488–2508; Аксаков И. С. Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи // Там же. Стб. 2508–2529; Дмитриев-Мамонов Э. А. Наука и предание // Отечественные записки. 1875. № 8. Современное обозрение. С. 245–265; № 11. Современное обозрение. С. 30–37. Об этой полемике см.: *Loulié B. Alexei Khomiakov and the Slavophiles.*

единым, но в нем можно выделить направление, оказавшееся под влиянием Достоевского¹⁷.

Полемику против старых славянофилов в защиту взглядов Достоевского (пусть и не названного по имени) можно найти у ученика И. С. Аксакова, но при этом вполне оригинального позднего славянофила Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911). В 1907–1909 гг. он опубликовал под псевдонимом Лев Семенов утопию о победе славянофильства в России — четыре повести от том, как Россия спасается от революционной смуты благодаря диктатуре полковника Иванова 16-го, которому Государь вручил для этого всю полноту власти. Во второй повести цикла («Иванов 16-й и Соколов 18-й. Политическая фантазия. Продолжение “Диктатора”», 1907 г.) описывается проект церковной реформы, которую диктатор проводит после совещания со светскими богословами и церковными деятелями, включая славянофилов Д. А. Хомякова (старшего сына А. С. Хомякова и также мыслителя-славянофила), Ф. Д. Самарина (племянника Ю. Ф. Самарина) и генерала А. А. Киреева, но без участия духовенства, потерявшего доверие церковных людей. «Хомяков» и «Самарин» в повести — это, конечно, не только Д. А. и Ф. Д., но и реинкарнации А. С. и Ю. Ф.

В Древней Руси, по мнению диктатора, «и государство, и народ составляли Церковь, жили в ней. Ячейкой всего быта народного был приход». Необходимо вернуть церковному приходу его значение общины как основы экономической и политической жизни народа. На это (воображаемые) Д. А. Хомяков и Ф. Д. Самарин возражают, что таким образом Церковь окажется вмешанной в мирские дела, — показав себя таким образом скептиками и рационалистами. Ответ диктатора исполнен религиозной веры и важен тем, что показывает собственно богословскую сторону проблемы: «...я моим непосредственным чувством иду в самую глубину вопроса, куда проникнуть вам мешает ваш научный балласт. Простите эту самоуверенность, но я думаю, что опасности омирщения Церкви не существует. Что-нибудь одно. Или еще в русском народе сохранилась его вера и духовные идеалы, или он уже их потерял. Если случилось последнее, то все наши заботы о Церкви <...> — ложь, пережиток невозвратно минувшего прежнего <...>. Но если вера жива, если <...> русский народ свои идеалы хранит <...>, тогда не бойтесь за Церковь, не опекайте и не изолируйте ее. Не Церковь омирщится от прикосновения к мирскому, а это мирское одухотворится! *Если возможна церковная община, если наша русская общественная связь есть связь братства о Христе, то эта община будет и судиться о Христе, и самоуправляться о Христе, и землю пахать*

---

¹⁷ Обобщающего исследования позднего славянофильства (считая славянофилами тех, кто сам себя так называл между, условно говоря, 1890 и 1920 гг.) до сих пор не существует, хотя уже появляются работы, посвященные отдельным деятелям.

о Христе, и даже кредит давать и торговлю вести о Христе. Я чувствую глубокую фальшь в том, что вы словно боитесь за Христа, что Он не справится <...>»¹⁸.

Шарапов готов поставить под сомнение степень духовной сохранности русского народа, но это не влияет на его веру в главный принцип: светской и церковной общинам русского народа надлежит быть идентичными, а всякое отклонение от их идентичности является разрушением того и другого. Нельзя не заметить сходства такого устройства мирской жизни с монастырским, но монашеская община изначально создается изнутри Церкви и вопреки мирским интересам народов вокруг, пусть даже и христианских. Шарапов же верил, что община русского народа какая-то особенная, и от нее надо ожидать следования монашеским по своей сути принципам. Тут он следовал и самаринскому учению о внутреннем сродстве общинности славянских народов и соборности, но еще ближе — Достоевскому с его прямым утверждением о церковности русского народа как такового.

Чтобы оценить инновацию, внесенную в славянофильское богословие Достоевским, эксплицируем учение Ю. Ф. Самарина в четырех тезисах:

1. Все народы как коллективные сущности обладают реальным существованием, а не являются умственными конструктами. Таково было общее мнение эпохи, и оно не имеет отношения к богословию.

2. Для славянских народов, особенно для русского, свойственен принцип общинности. Это утверждение, специфическое для славянофилов, но оно также не является богословским.

3. Принцип единства Церкви состоит в некоей соборности, которая не является просто Богом и не сводится ни к каким богословским категориям, известным прежде 1863 г., когда соборность была придумана Ю. Ф. Самариним.

4. Славянская общинность и церковная соборность имеют внутреннее сродство. Это еще один богословский принцип Ю. Ф. Самарина.

Достоевский не рассуждал о соборности, но сделал следующий шаг: принцип единства общины у него не просто имеет внутреннее сродство с принципом единства Церкви, а ему идентичен. У Самарина соборность и общинность хотя бы различались. У Достоевского это различие потеряно. Отдельная соборность ему не нужна.

Воображаемый спор Шарапова («Иванова 16-го») с «Хомяковым» и «Самариним» как раз и возникает на месте этого разрыва между представлениями Достоевского и старого славянофильства.

---

¹⁸ Шарапов С. Ф. Россия будущего / сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина. М., 2011. (Русская цивилизация). С. 433–435. Курсив мой. Шарапов употребляет церковнославянский предлог «о», который соответствует русским предлогам «в», «посредством».

Старые славянофилы в споре о Достоевском: А. И. Кошелев и И. С. Аксаков

В действительности реальной, а не воображаемой, старое славянофильство в лице А. И. Кошелева (ближайшего друга и соратника Хомякова, разделявшего с Ю. Ф. Самаринным авторство славянофильского культа Хомякова как учителя Церкви) успело высказать Достоевскому свое недоумение по поводу тех мессианских представлений о русском народе, которые Достоевский сформулировал в Пушкинской речи.

Не видя со стороны Достоевского богословской аргументации в пользу подобного мессианства, которой в Пушкинской речи еще не было, Кошелев не мог поверить, что речь идет о действительно глубоком расхождении, и ему хочется исправить недоразумение: «Если мы, немногие из народа, под час и лелеим (так! Кошелев следует церковнославянской грамматике. — *В. Л.*) мысли о всемирности и всечеловечности в будущем, то в этом вовсе не заключается отличительной черты нашего народного духа. Вполне признаем и убеждены, что славянскому племени и русскому православному народу в особенности предстоит великая будущность, что ему предлежат к разрешению великие задачи и что ему суждено, в свое время, вложить свою лепту в общечеловеческую сокровищницу; но никак не можем согласиться, чтобы такое стремление составляло отличительную черту нашего народного духа. Поэтому, быть может, и предстоит ему совершить многое, что скромны его желания и требования»¹⁹. Реакция Достоевского на эту критику показывает, что для него тут речь шла далеко не о второстепенных подробностях учения²⁰.

Не менее характерна реакция И. С. Аксакова, который защищал Достоевского от критики Кошелева, подменяя тезис, но искренне не замечая подмены и настаивая на мнимом единомыслии Достоевского с учением старых славянофилов. «Но Вы едва ли не ошибаетесь, смешивая “всечеловечность” с безличностью с одной стороны и с напыщенным притязанием на первенство (притязанием на первенство *вставлено вместо зачеркнутого* самомнением. — *В. Л.*) — с другой. Я понимаю это в таком смысле, что для русского народа определение национальности *совпадает с христианством* (которое он понимает только под видом православия). Кровное племенное родство для него почти ничего не значит, а единоверие почти все»²¹, — пишет он Кошелеву

---

¹⁹ Кошелев А. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф. М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880. №10. С. 4.

²⁰ «Кстати, Кошелева статью в “Р<усской> мысли” до сих пор не читал. И не хочу. Известно, что *свои-то* первыми и нападают на своих же»; письмо к И. С. Аксакову от 4 ноября 1880 г. (30, 227); подчеркнуто Достоевским. Из этого отзыва видно, что он представлял себе содержание статьи, не читая.

²¹ Бадалян Д. А. Неопубликованные письма И. С. Аксакова о Пушкинских торжествах 1880 г., участия в них Ф. М. Достоевского и М. Н. Каткова // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 3 (79). С. 58.

около 14 июля 1880 г. по поводу его уже написанной, но еще не изданной статьи о Пушкинской речи. Самому Достоевскому он пишет похоже (20 августа 1880 г.): «Для русского человека родство племенное, физиологическое очень мало значит <...>. Одним словом, для него определение его национальности совпадает с православием, другими словами, с Христианством, ибо в другой форме он его не знает»²². — Аксаков корректно эксплицирует упомянутую нами выше логическую конструкцию «условие принадлежности к (русскому) народу идентично условию принадлежности к Церкви», а также корректно делает вывод, что в этом случае русским будет считаться всякий православный, даже пусть и самый не русский, а русский католик считаться русским не будет (эти примеры Аксаков также приводит в обоих цитированных письмах). Далее Аксаков утверждает, что русский народ именно по такому критерию отличает чужого от своего. Но затем происходит подмена тезиса: ведь речь идет не о том, кого сам русский народ принимает за своего, а о том, кого считает русским Достоевский. Православный немец из примера Аксакова для Достоевского не превращается в православного русского, а остается православным немцем. Для обсуждения тезиса Достоевского совершенно безразличен вопрос о самоидентификации русского народа. Важно, как идентифицирует народ Достоевский (а он это делает вполне традиционно, т. е. в этнических границах), и в какое отношение к Церкви ставится этот народ Достоевским же.

Аксакову очень хотелось, чтобы Достоевский разделял славянофильское учение Самарина, но все-таки прав был Кошелев, который увидел у Достоевского нечто иное. Впрочем, даже Кошелев не мог оценить истинного масштаба расхождений. Аксаков, однако, смог внушить Достоевскому надежду, что именно в богословии Хомякова тот найдет выход из богословского тупика, в который его загнали критики Пушкинской речи. Позиция Аксакова, публично выражавшего свою полную солидарность с Пушкинской речью²³, повлияла на восприятие Достоевского теми, кто, как С. Ф. Шарапов, учился славянофильству у Аксакова. В их глазах Достоевский был сопричислен к славянофилам.

Барон Таубе о Достоевском как втором учителе славянофильства

Еще более видный, чем С. Ф. Шарапов, теоретик позднего славянофильства М. Ф. Таубе²⁴ не просто займет сторону Достоевского в его споре со старыми славянофилами, но объявит Достоевского вторым

---

²² Волгин И. Л. Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31, вып. 4. С. 354.

²³ См. подробно: Бадалян Д. А. Неопубликованные письма И. С. Аксакова...

²⁴ Крайние взгляды Таубе в сочетании с очень своеобразным языком его публицистики помешали серьезному изучению его взглядов. Илона Светликова в своей важной

после Хомякова теоретиком славянофильства. Существенное различие позиций сторон представляло собой факт, а дальше возникал вопрос о его интерпретации: нужно ли отлучать Достоевского от славянофилов или, напротив, объявить новый этап развития славянофильства, открытый Достоевским? Таубе провозгласил второе.

Для определения места Достоевского в новом славянофильстве Таубе показалось достаточно статьи «Три идеи» из «Дневника писателя» за январь 1877 г. Он эксплицирует то, о чем Достоевский готовился сказать прямо только в Пушкинской речи. По мнению Таубе, Достоевский «влил душу живую в учение Данилевского о типах»²⁵, развив его «с самой глубокой внутренней стороны, со стороны духовной. Одна из главок здания и храма славянофильства и притом срединная и самая высокая, хотя и не самая обширная, принадлежит Ф. М. Достоевскому»²⁶.

Не ограничиваясь пространной цитатой из Достоевского, Таубе договаривает его мысль от себя: «Вероисповедная сила, оставаясь отчасти преобладающею в типе романо-германском, утрачена в большой доле типом англо-американским; в противоположность, эта духовная сила есть преобладающая суть в типе греко-славянском, и она должна составить основу грядущего европо-славяно-азиатского мира — Света — Востока — вот почему с полною основательностью называем мы тип этот “Святорусским миродержавством”, ибо срединная, коренная часть его — Русь, которая по своей духовности получила искони признание Святой»²⁷. Тут с мессианским значением русского народа все

работе уделила Таубе значительное место, но, не будучи историком логики, заменила анализ его логическо-философских идей несколькими ироническими фразами: *Svetlikova I. The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism. New York, 2013. P. 117–124 et passim*. По мнению автора этих строк, именно Таубе принадлежит приоритет в формулировании неконсистентных логик (т. е. логик, допускающих противоречия). См.: *Лурье В. М. «Психологика» и «металогика» барона Таубе: первое описание паракомплектной и паракогностической логик в 1909 году (в печати)*.

²⁵ Таубе М. Ф. Достоевский как славянофил // Таубе М. Ф. Памятка о Ф. М. Достоевском. Харьков, 1906 (Отдельные оттиски из журнала «Мирный труд» за 1906 г.). С. 12. Имеется в виду книга Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869) с изложенной в ней теорией культурно-исторических типов. Данилевского и Достоевского объединяло как петрашевское прошлое, так и последующая революция мировоззрения.

²⁶ Там же. С. 9. Две другие главки — это А. С. Хомяков и епископ Феофан Затворник (Говоров; 1815–1894). Ср.: «В недрах самого славянофильства, Достоевский — выразитель второй ступени после Хомякова и его друзей в развитии полноты школы, а именно душевного ее проникновения. Так как с одной стороны Достоевский имеет предшественником Хомякова, домостроителя тела школы, а Епископа Феофана завершителя и духовного поборника школы, с другой» (Там же. С. 13). Заметим, что в вышеприведенной цитате Достоевский развивал славянофильство со стороны духовной, а в этой цитате духовное перешло к еп. Феофану, а Достоевскому осталось душевное.

²⁷ Там же. С. 12.

настолько понятно, насколько Достоевский решится сформулировать только в Пушкинской речи. У читателя «Дневника писателя» за 1877 г. еще могли бы оставаться сомнения в правоте интерпретации Таубе, но у читателя «Дневника писателя» за 1880 г. (единственный выпуск которого составила Пушкинская речь с сопроводительными статьями) и за январь 1881 г. таких сомнений бы не осталось.

Итак, в новом славянофильстве русскому народу приписывается особенная духовная сила и сообразное ей всемирное мессианское назначение. Приоритет в формулировке этой мысли признается за Достоевским: «Тесная связь Достоевского с коренным славянофильством, его предводительское место на ряду с другими исполнителями этого славянофильского просвещения и даже первенство по силе дарования и душевной глубине взгляда делают то, что без Ф.М. не достигло-бы полноты славянофильское направление, единство которому заложил Хомяков, и цельность которого ждет своего исполнителя»²⁸.

Церковь мессианского народа

Почти до конца жизни Достоевский избегал богословских рассуждений не только в печати, но даже в переписке. Он рассуждал о богословии сам с собой, и это отразилось в его записных книжках, но для публичных высказываний он предпочитал язык художественного произведения или светской публицистики²⁹. Тем не менее на волне обсуждений Пушкинской речи он начал отступать от своего правила. В январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. (единственном вышедшем) он позволил себе довольно пространное рассуждение о некоей еще не сформированной Церкви будущего и особой миссии русского народа по ее созданию. В свете этого рассуждения Пушкинская речь читается задним числом как намек именно на такую идею. В январе 1881 г. Достоевский гораздо более эксплицитен и не уклоняется от использования богословских понятий:

Я знаю, надо мною смеялись наши интеллигентные люди: «той идеи» даже и признавать они не хотят в народе, указывая <...> на индифферентность будто бы народа к религии, а иные даже воображают, что русский народ просто-напросто атеист. Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе Церкви.

---

²⁸ Там же. С. 12–13. Отметим, что учение славянофилов мыслится незаконченным, хотя чуть ниже на той же странице еп. Феофан был назван его «завершителем» (см. цитату в сн. 25).

²⁹ Поэтому богословие Достоевского невозможно пересказать цитатами из его произведений. Требуется анализ, причем не столько публицистических, сколько художественных высказываний. Особенно убедительным примером такого анализа служит недавняя монография: *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. (Русская литература и философия: пути взаимодействия).

Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский «социализм» теперь говорю (и это обратно противоположное Церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созиждилась³⁰ еще Церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой Церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов (*было в черновике, но исключено из публикации: церковным. — В.Л.*) *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-«церковной» идеи вы и смеетесь, господа еврейцы наши (27, 18–19, 225).

В этом отрывке отразились сразу две богословских идеи, в представлении Достоевского следующих одна из другой. Первая идея: впереди должно быть «всесветное единение во имя Христово» в какую-то до сих пор не осуществившуюся Церковь. Вторая идея: существует некий народ, который, в силу своих особенных свойств, это единение осуществит. Можно в качестве третьей идеи назвать то, что мессианским народом оказывается именно русский, но если принять во внимание происхождение двух первых идей, то, как мы увидим, будет вернее сказать, что подобным мессианским народом всегда оказывался тот самый народ, к которому принадлежал проповедник его мессианского значения.

Кошелеву и Аксакову не хватило богословской эрудиции, чтобы идентифицировать такое учение, потому что о русском народе так никто больше не говорил. Мысль Достоевского им казалась оригинальной. Однако оригинальным в ней был лишь выбор значения переменной в известной религиозно-идеологической формуле (которую мы подробно рассмотрим ниже).

Сама же формула была такой: впереди человечество ожидает новая и уже окончательная всеобщая Церковь (религия), к этой цели его поведет коллективный мессия — получивший особое откровение Божие народ x (тот самый, к которому принадлежит очередной проповедник формулы). Если коротко, то эта формула предполагала треть

---

³⁰ В академическом издании вместо «созиждилась» (как было написано у автора — в согласии с грамматикой церковнославянского и русского языков, от глагола «(со)зидати») почему-то исправлено на «созиделась»; также восстанавливаю написание в этом отрывке слова «Церковь» с прописной буквы; ср.: *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1881. Январь. СПб., 1881. С. 14.

откровение (после Ветхого и Нового Заветов), поэтому и третью Церковь, и соответствующего этому откровению мессию, но обязательно коллективного — целого народа. Достоевский внес в эту формулу значение: $x = \text{русский народ}$.

Достоевский, конечно, настаивал, что это чаяние новой Церкви, которая еще «не созиждилась», называется православием, тогда как его предшественники, отталкивавшиеся от католичества, не стеснялись называть ее чем-то вполне новым.

Возраст «Миллениума»

Обе упомянутые в январе 1881 г. идеи — о Церкви, которая еще только имеет осуществиться, и о мессианском народе, который это осуществит, — подразумевались еще в Пушкинской речи 1880 г., но не эксплицировались ни в самой речи, ни в последовавшей за ней полемике в «Дневнике писателя» за 1880 г. В тот раз Достоевский едва удержался, чтобы не начать спорить о богословии в ответе А. Д. Градовскому, которому бросилось в глаза несоответствие этих мечтаний Достоевского общеизвестной христианской эсхатологии. В черновике у Достоевского содержалось рассуждение, которое он решил не включать в печатную версию своего ответа ему, несмотря даже на то, что сам же назвал этот ответ своим *profession de foi*³¹ («исповеданием веры»):

Вы вот в победоносной иронии вашей насчет [того, что я] моих слов в моей Речи о том, что мы, может быть, изречем слово «окончательной гармонии» в человечестве, бросаетесь на Апокалипсис и ядовито [пишете] восклицаете:

«Словом, совершите то, чего не предсказывает и Апокалипсис! Напротив, тот предвещает не “окончательное согласие”, а окончательное “несогласие” с пришествием Антихриста. Зачем же приходить Антихристу, если мы изречем слово “окончательной гармонии”».

Ужасно остроумно, только вы тут передернули. Вы верно не дочитали Апокалипсис, г-н Градовский. Там именно сказано, что [после] во вре<мя> самых сильных несогласий не Антихрист, придет Христос и устроит царство свое на земле (слышите, на земле) на 1000 лет. Тут же прибавлено: блажен, кто участвует в воскрешении первом, то есть в этом царстве. Ну вот в это время, может быть, мы и изречем то слово окончательной гармонии, о котором я говорю в моей Речи. Вы [удивитесь моему мистицизму] опять скажете, что это фантастично, закричите, что это уже мистика. А не суйтесь [сами] в Апокалипсис, не я начинал, вы начали (26, 323).

---

³¹ В письме к К. П. Победоносцеву от 25 июля 1880 г. (30, 204).

Для кого-то такой аргумент был бы убедителен³², но Достоевский все же проявил осторожность, решив его исключить. Исповеданная в процитированном выше пассаже вера в «тысячелетнее царствие» Христово на земле не могла вызвать одобрения его церковных друзей. Скорее всего, Достоевский и сам это почувствовал.

Вера в «тысячелетнее царствие» была популярна у многих христианских авторов до начала IV в., из числа которых одни ее разделяли сами (как, например, Ириной Лионский; ок. 135 — ок. 200), другие считали допустимым мнением (как, например, Юстин Философ; ок. 100–165), хотя и тогда уже находились третьи, которые считали ее иудейским заблуждением, цепляющимся за букву Писания и отказывающимся от его глубинного символического смысла (как, например, Ориген; ок. 185–253/254)³³. Начиная с IV в. на византийском востоке и на латинском западе был достигнут консенсус в понимании слов Апокалипсиса Иоанна

---

³² А. Г. Гачева, справедливо отметив, что этот аргумент был бы «кульминационным», даже посчитала его «разящим не в бровь, а в глаз»: *Гачева А. Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Петрозаводск, 2005. С. 313. Ее поддержал, но не безоговорочно, А. В. Золотарев, который признал «частичную справедливость леонтьевской критики “утопизма” Достоевского», но отказался видеть у Достоевского «гуманистическую теорию прогресса» на том основании, что, как ему кажется, эта теория должна была обязательно исповедовать «первичность общественного строя» по отношению к «нравственному состоянию» человечества (замечу, что это верно для теорий Сен-Симона или Маркса, но неверно для многих других вполне «гуманистических» и современных им теорий прогресса, особенно религиозных, которые только и могли вдохновлять Достоевского); в то же время Золотарев ставит свой собственный вопрос к Достоевскому: «...не окажется ли оно [“созданное людьми <...> и на земле Царство Божие”] царством Великого Инквизитора?»: *Золотарев А. В. Спор Леонтьева с Достоевским о хилиазме: вхождение темы Апокалипсиса в круг проблем русской религиозной философии // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 156 (курсив автора). Леонтьев в посвященной Пушкинской речи статье «О всемирной любви» отчетливо оговаривал то различие, на которое указывает Золотарев: «Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору “Карамазовых”, надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ. Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое <...>» (*Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. Литературно-критические статьи и рецензии 1860–1890 годов / тексты подг. и коммент. сост. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2014. С. 199; курсив Леонтьева).***

³³ О словах Апокалипсиса см. классический труд: *Bietenhard H. Das tausendjährige Reich. Eine biblisch-theologische Studie. 2. Aufl. Zürich, 1955; современное введение в ту же проблематику: Webb Mealy J. After the Thousand Years: Resurrection and Judgment in Revelation 20. Sheffield, 1992. (Journal for the Study of the New Testament. Supplement Series; 70). В качестве популярного введения в христианские традиции миллениаризма (хилиазма) см.: *Tabor J. D. Ancient Jewish and Early Christian Millennialism // Oxford Handbook of Millennialism / ed. by C. Wessinger. Oxford, 2011. P. 252–266; Court J. M. The Apocalypse: a Short History of Christian Millenarianism. London — New York, 2008; Erdmann M. The Millennial Controversy in the Early Church. Eugen, 2005. Более подробно о патристическом понимании: Daley B. E. The Hope of the Early Church: A Handbook of Patristic Eschatology.**

о тысячелетнем царствии в смысле времени, которое уже наступило, — когда на земле существует Церковь Христова, и в ней совершается пир Евхаристии. Как написал об этом в начале VII в. Андрей Кесарийский (точное время жизни неизвестно; автор наиболее авторитетного с тех пор в Византии, а затем и на Руси толкования на Апокалипсис), «тысяча лет — это время от вочеловечения Господня [в части рукописей: Христова] до пришествия антихриста»³⁴. Тем не менее отброшенное святоотеческим консенсусом понимание «тысячелетнего царствия» как некоторого периода земной истории не было осуждено как ересь.

Современники Достоевского, однако, могли думать иначе. В 1853 г. в своем «Догматическом богословии» (многократно переиздававшемся и имевшем в XIX в. репутацию справочника по догматике) митрополит Макарий (Булгаков) воспроизвел распространенное в то время среди ученых ошибочное мнение об осуждении хилиазма (милленаризма) на Втором Вселенском соборе (381 г.), и до начала XX в. его ошибка не была исправлена в русской богословской печати³⁵. На Макария сослался и Константин Леонтьев:

«Любовь» же (или проще и яснее: *доброту, милосердие, справедливость*) надо *проповедовать*, ибо ее мало у людей, и она легко гаснет у них; но не должно *пророчить* ее *воцарение на земле*. — Это *психологически, реально* невозможно; и *теологически* — *непозволительно*; — ибо — *давно осуждено церковью*, как своего рода *ересь (хилиазм — т. е. 1000-летнее Царство Христа на земле, перед концом света)*. — Смотри «Богословие» *Макария*, т. V-й, стр. 225; изд. 1853 г.³⁶

Показательно, что Леонтьев почувствовал эту приверженность Достоевского к хилиазму, хотя ему не было известно ни одно из его

Cambridge, 1991. Сохраняет значимость богатая материалом монография: *Gry L. Le millénarisme dans ses origines et son développement*. Paris, 1904.

³⁴ Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис. Слово 20, гл. 60; *Schmid J. Studien zu Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes*. I. Teil: Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Kaisareia. Text. München, 1955. (Münchener theologische Studien; 1). S. 216: 13–15: *χίλια ἔτη τοῖνυν ὁ ἀπὸ τῆς τοῦ κυρίου [в части рукописей: христоῦ] ἐνανθρωπίσεως χρόνος μέχρι τῆς τοῦ ἀντιχρίστου ἐλεύσεως*. Первый русский перевод (протоиерея Михаила Симоновича Боголюбского; 1826–1902) был издан только в 1882 г., уже после смерти Достоевского. Достоевскому «Толкование» Андрея Кесарийского теоретически могло быть (но не стало) доступным в переводах на церковнославянский язык и пересказах в современной ему богословской литературе, включая русскую.

³⁵ См.: *Дунаев А. Г.* Предисловие [к разделу «Папий Иерапольский»] // *Писания мучей апостольских* / сост. А. Г. Дунаев. Изд. 2-е. М., 2008. (Творения святых отцов и учителей Церкви). С. 429–445, особ. 436–437.

³⁶ Письмо к В. В. Розанову от 8 мая 1891 г.; *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 3. Письма 1891 года. Дополнения / тексты подг. и коммент. сост. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2021. С. 106–107; ср. с. 532 (прим. с полной цитатой из Макария).

эксплицитных высказываний на эту тему, поскольку все они остались в черновиках, не публиковавшихся при жизни Леонтьева.

Для самого Достоевского хилиастическая трактовка Апокалипсиса была к 1880 г. давним убеждением. Как обратила внимание А. Г. Гачева, те же самые мысли о «тысячелетнем царствии» находятся в записных тетрадах к «Бесам» лета 1870 г. (11, 167, 177, 182, 187–188)³⁷. Часто употребляемое в этих записях слово *millenium* (11, 182 [два раза], 183, 187, 188; всегда в таком написании вместо этимологически правильного *millennium*) исключает мысль о том, что Достоевский пришел к своему милленаризму в результате только лишь собственных размышлений над Апокалипсисом³⁸ или хотя бы чтения западных средневековых авторов вроде Иоахима Флорского или литературы о них³⁹. Дело

³⁷ Гачева А. Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского. С. 316–317.

³⁸ А. Г. Гачева говорит о «явившемся» Достоевскому «понимании истории» и о его «духовно-творческой работе», в процессе которой «он и приходит к идее “миллениума”» (Там же. С. 316). Происхождение термина заставляет заключить, что Достоевский если и «приходит» к идее «миллениума», то отнюдь не без помощи поводырей из числа европейских современников.

³⁹ При этом влияние на Достоевского Иоахима Флорского отрицать невозможно, вопрос только в определении путей этого влияния. Ниже мы подтвердим сделанный в 1930-е гг. вывод И. В. Пузыны о том, что оно было опосредовано Жорж Санд и Пьером Леру. Статья Э. Ренана, на которую указывает В. А. Котельников (*Renan E. Joachim de Flore et l'Évangile éternel // Revue des Deux Mondes. 1866. 2e période. Т. 64. Р. 94–142; ср.: Котельников В. А. Ф. М. Достоевский на пути к «окончательному идеалу» // Русско-византийский вестник. 2022. №2 (9). С. 11–25, особ. с. 16*), вероятно, была прочитана Достоевским, но не содержала сколько-нибудь заразного религиозного пафоса; гораздо важнее, что Ренан вспомнил в ней о романе Жорж Санд «Спиридион» (*Renan E. Joachim de Flore et l'Évangile éternel. Р. 142, note 1*), который в его собственной молодости радикально повлиял на его решение оставить католицизм и на дальнейший выбор жизненного и научного пути (о влиянии Жорж Санд на Ренана см.: *Pommier J. George Sand et le rêve monastique. Spiridion. Paris, 1966. Р. 94–109*); это могло стать важным напоминанием и для Достоевского. О значении романа «Спиридион» для Достоевского см. ниже. Ср. также: *Котельников В. А. Средневековье Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 23–31, особ. с. 26–27; Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // Русская литература. 2011. №3. С. 51–67; Котельников В. А. Теология истории Иоахима Флорского в рецепциях Ф. Достоевского и З. Красиньского // Вопросы философии. 2011. №4. С. 122–127 (последняя статья интересна тем, что впервые поставлен вопрос о типологическом сходстве между мессианскими эсхатологиями Достоевского и современных ему идеологов польского мессианизма, хотя и только на одном и не самом близком примере). Хилиазм Достоевского привлекает довольно пристальное внимание в современной российской научной литературе, но почти никто не догадывается о его социалистических истоках; ср.: *Золотарев А. В. Свообразии хилиастической утопии Достоевского // Русско-византийский вестник. 2022. №3 (10). С. 12–26 (с библиографией)*. Тем не менее некоторый отдаленный отзвук исследований И. В. Пузыны, уже без имени автора и через третьи-четвертые руки (Н. Лобковица, который ссылается на А. де Любака; о его работе см. ниже), отразился в недавней работе В. А. Котельникова (*Котельников В. А. Ф. М. Достоевский на пути к «окончательному идеалу»*). С. 16 и прим. 9; *Лобковиц Н. Иоахим Флорский и Миллениум / пер. с нем. Д. Атласа // Вопросы философии. 2002. №3. С. 55–68, особ. с. 65, прим. 48; название доклада нельзя признать**

в том, что «псевдолатинское», как назвал его А. фон Гарнак⁴⁰, слово *millen(n)ium* было придумано лишь в начале XVII в., в англоязычной литературе стало получать распространение только с середины того же столетия, в немецкоязычной — с первой половины XVIII в., а во франкоязычной — со второй половины XVIII столетия (после «Энциклопедии»)⁴¹. Очевидно английское и именно протестантское происхождение термина, который становится привычным в английском языке уже во второй половине XVII в., а во французском и немецком получает широкое распространение лишь в первой половине XIX в.⁴²

Написание *millenium*, которое всегда использует Достоевский, в английском постепенно стало преобладать по сравнению с первоначальным *millennium*, но во второй половине XIX в. вновь уступило ему место и теперь воспринимается как устаревшее. Оно сохранилось в качестве нормативного во французском языке, и во времена Достоевского не требовало обязательного *accent aigu (millénium)*.

Этот экскурс в историю термина доказывает, что размышления Достоевского о «миллениуме» не могли питаться никакой сколько-нибудь давней христианской традицией, а были навеяны чем-то европейским и не очень давним. Написание *millenium* — пусть и возможное в XVII в., но все же редкое — говорит скорее в пользу XVIII в. в качестве *terminus ante quem non* для его источников.

Впрочем, для такого вывода было бы достаточно современных знаний о истории идей. Буквальная вера в тысячелетнее царствие Христова на земле появляется в новое время в качестве религиозного коррелята к материалистической философии, хотя видимым образом эти направления мысли были враждебны друг другу. В качестве общего знаменателя их объединяла вера в прогресс. Религия одобряла материальные достижения цивилизации и становилась все более материалистичной сама. Но и материализм перенимал чисто религиозное отношение

удачным, поскольку термина «миллениум» у Иоахима Флорского не было и даже быть не могло). В западной историографии наблюдения И. В. Пузыны не совсем забыты благодаря Анри де Любаку (см. ниже).

⁴⁰ А. На. [von Harnack C. G. A.]. Millennium // Encyclopaedia Britannica. Vol. 18. London, 1911. P. 461: «а pseudo-Latin word formed on the analogy of *biennium, triennium*». Настоящие средневековые латинские слова для обозначения периода в тысячу лет — *millenarium* (наиболее употребительное) и *millearium*. См.: *du Cange Ch. et al. Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Éd. augm. 10 tomes. Niort, 1883–1887. Т. 5. Col. 389ab; *Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, 1976. P. 681; *Maigne d'Arnis W.-H. Lexicon manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. Paris, 1866 [репринт: Hildesheim — New York, 1977]. Col. 1440.

⁴¹ В этимологических словарях английского языка слово обычно датируется 1630-ми гг. Наиболее точные исторические данные по частоте употребления любого слова во многих языках сейчас можно получить при помощи использованного нами сервиса Google Books Ngram Viewer.

⁴² Насколько мне известно, до сих пор не существует исследования о происхождении и ранней истории термина *millen(n)ium*.

к своим успехам и, экстраполируя их на бесконечность, получал квази-религиозную веру в будущее вечное царство справедливости⁴³. Удивление Э. Тьювсона (Ernest Lee Tuveson; 1915–1996) от собственных выводов хочется процитировать — настолько точно они соответствуют представлениям К. Н. Леонтьева: «Я прослеживаю <...> одно из наиболее удивительных событий в истории мысли — совпадение двух великих идей, кажущихся совершенно различными и даже антагонистичными, которое произвело глубокую революцию в общественных позициях и убеждениях. Новая (т. е. материалистическая. — В. Л.) Философия и возрождение верования в понятый буквально милленаристский конец истории, сойдясь вместе, произвели Идею Прогресса. <...> без сочетания этих двух великих идеологий вера в секулярный милленаризм, который мы знаем как Прогресс, никогда бы не смогла возникнуть»⁴⁴. Источники милленаристских идей Достоевского нам надо будет искать в этих процессах, т. е. именно там, куда указывал Леонтьев.

Из факта исключения Достоевским пассажа с буквальным толкованием Апок. 20: 2–6 видно, насколько неуверенно он себя чувствовал на богословской почве еще в августе 1880 г., и как он до последнего старался на нее не ступать в публичных дискуссиях. Также из этого пассажа видно, что нарушить это казавшееся пожизненным табу провоцировал Достоевского Градовский. Ниже мы подтвердим справедливость недавнего вывода А. В. Викторovichа: «Так получается, что мы должны быть благодарны А. Д. Градовскому: его системно аргументированное неприятие “Пушкинской речи” вызвало в ответ “окончательное” и “непокровленное” высказывание Достоевского. Другие критики <...> не смогли вызвать такую реакцию»⁴⁵. Добавим только, что эта реакция не ограничилась двумя статьями 1880 г., но продолжалась и в следующем году — в высказываниях еще более «окончательных» и «непокровленных».

---

⁴³ См. особенно классические теперь работы: *Cohn N. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages*. Rev. and exp. ed. Oxford, 1970; *Tuveson E. L. Idem, Millennium and utopia: a study in the background of the idea of progress*. 2nd ed. New York, 1964. См. также его работу об американском мессианизме, который имел те же самые идейные корни, что и русский: *Tuveson E. L. Redeemer Nation: The Idea of America's Millennial Role*. Chicago, 1968; сравнение с русским см.: *Rowley D. G. "Redeemer Empire": Russian Millenarianism // The American Historical Review*. 1999. Vol. 104, no. 5. P. 1582–1602.

⁴⁴ «I trace <...> one of the most fascinating events in the history of thought — the coincidence of two great ideas, apparently entirely divergent and even antagonistic, to produce a profound revolution in social attitudes and beliefs. The coming together of the New Philosophy and the revival of the belief in a literal millennial end to history produced the Idea of Progress. <...> without the combination of these two great ideologies, the faith in the secular millennialism that we know as Progress could never have arisen»; *Tuveson E. L. Millennium*. P. vi (курсив автора).

⁴⁵ *Викторovich В. А. «Схватка с Градовским»: причины и следствия // Неизвестный Достоевский*. 2022. №9 (4). С. 233.

Желание Достоевского продолжать полемику возникло не только потому, что, как не раз отмечалось, за спиной у Градовского возник куда более серьезный оппонент — Константин Леонтьев, но и потому, что у него в руках появилось новое для него оружие — богословие Хомякова, т. е. его интерпретация у Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова.

Когда понадобился Хомяков

В 1860-е гг. Достоевский, уже пережив около 1862 г. увлечение общественно-политическими работами Хомякова, не проявлял к его богословию никакого интереса — несмотря даже на влияние Аполлона Григорьева, который не разделял религиозных интересов Хомякова, но относился к его богословским брошюрам с восхищением⁴⁶. После выхода в 1868 г. тома богословских произведений Хомякова на русском языке в Праге А. Н. Майков пишет Достоевскому восторженное письмо с настойчивой рекомендацией их прочитать⁴⁷. Достоевский в своем ответе (от 11 (23) декабря) не реагирует на рекомендацию, но зато приписывает Хомякову чересчур своеобразное высказывание об иконе (будто икона аккумулирует силу от обращенных к ней молитв и затем излучает ее обратно), которое в действительности принадлежало И. В. Киреевскому (28₂, 33)⁴⁸.

В тех самых подготовительных материалах к «Бесам» 1870 г., где встречается слово *millenium*, Достоевский оставляет несколько отрицательных отзывов о славянофильском православии⁴⁹. Тут он уже вспоминает, что неудачное высказывание об иконе принадлежало Киреевскому,

---

⁴⁶ См. подробно прим. В. М. Лурье в: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. С. 519–532, особ. с. 528–532 (в частности, критику мнения В. А. Викторovichа о том, что Достоевский изучал богословские сочинения Хомякова уже в первой половине 1860-х гг.; это мнение нельзя опровергнуть логически строго, но оно недоказуемо, и против него есть ряд косвенных доводов); *Лурье В.* Анонимная рецензия на *Стихотворения А. С. Хомякова: Аполлон Григорьев или Ф. М. Достоевский?* // *Russian Literature*. 2022. Vol. 134. P. 73–95. К. А. Баршт, несмотря на свое доверие к упомянутому выше выводу В. А. Викторovichа, подчеркивает интерес Достоевского к тем аспектам учения Хомякова, которые максимально сближали Хомякова с христианскими социалистами, о которых мы скажем ниже: *Баршт К. А.* О концепте *pochva* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. Т. 19, вып. 1. С. 4–28.

⁴⁷ От 28 ноября 1868 г. Изд.: *Ашимбаева Н. А.* Майков. Письма к Достоевскому. 1867–1878 // *Ашимбаева Н. Достоевский: контекст творчества и времени: сб. статей.* СПб., 2005. (Б-ка альманаха «Достоевский и мировая культура»). С. 91–168, особ. с. 134.

⁴⁸ Достоевский о нем узнал от Герцена («Былое и думы», ч. IV, гл. 30); ср. comment. Т. И. Орнатской (28₂, 490, прим. 35).

⁴⁹ Эти отзывы обычно выпадают из поля зрения тех исследователей, которые настаивают на религиозном преемстве между Достоевским и старшими славянофилами. См., напр.: *Hudspith S.* Dostoevsky and the Idea of Russianness: A new perspective on unity and brotherhood. London — New York, 2004.

но это не придает в его глазах Хомякову какой-либо привлекательности. Все эти упоминания связаны с иконой, т. е. все с тем же высказыванием Киреевского: «Славянофилы — барская затея. <...> Слова Киреевского об иконе» (11, 64); две реплики от имени Шатова: «Они (речь о славянофилах. — В. Л.) не веруют (Киреевск<ий>, икона)» (11, 185), «славянофилы — барская затея, икона ((Киреевск<ий>)). Никогда они не могут верить непосредственно» (11, 186); ср. также реплику Князя (Ставрогина) из диалога с Шатовым, указывающую на то же самое высказывание Киреевского: «Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа — надо православной дисциплиной и смирением» (11, 177). В окончательный текст «Бесов» вошел эпизод с иконой, где она также выступает индикатором веры или неверия (10, 252–254)⁵⁰.

Церковные позиции Достоевского и славянофилов сильно разошлись и по вопросу о болгарском расколе 1872 г., но богословские импликация этой темы требуют отдельного изучения.

Во время пушкинских торжеств в июне 1880 г. у Достоевского установились неожиданно теплые личные отношения с И. С. Аксаковым⁵¹, и в том же году том богословских сочинений Хомякова был впервые издан в России. Достоевский поручил купить эту книгу Анне Григорьевне, о чем она отчитывалась ему из Петербурга в Старую Руссу 11 августа: «Купила Хомякова»⁵². К этому времени Достоевский уже не должен был считать славянофилов неверующими.

---

⁵⁰ По всей видимости, роль И. В. Киреевского в формировании взглядов Достоевского нуждается в более пристальном изучении. К. А. Баршт обратил внимание на отражение в записях Достоевского разного времени начиная с 1860-х гг. мыслей Киреевского, с которыми он мог познакомиться по двухтомному изданию А. И. Кошелева (*Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / изд. А. И. Кошелев. М., 1861*); речь идет о сочинениях Киреевского дославянофильского периода: *Баршт К. А. Философская теология Ф. Шлейермахера и религиозное реформаторство в произведениях И. В. Киреевского и Ф. М. Достоевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 57–59*. В частности, из описания у Киреевского (в письме к родным от 3/15 марта 1830 г.: *Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. I. С. 42*) лекции Шлейермахера с рассуждениями о возможности гнилых изменений в мертвом теле Христа мог возбудиться интерес к этой проблеме у Достоевского (хотя Киреевский считал этот вопрос неважным), который дальше скажется на его интересе к картине Гольбейна «Мертвый Христос». Ради нее он специально посетит Базель в 1867 г., и затем эта картина займет свое место в сюжете романа «Идиот» (*Баршт К. А. Философская теология. С. 67–68*). О значении этой картины для формирования религиозных воззрений Достоевского см. также: *Лурье В. М. Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 290–309, особ. с. 299–300*.

⁵¹ *Бадалян Д. А. Неопубликованные письма И. С. Аксакова*.

⁵² *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка / изд. подг. С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л., 1976. (Литературные памятники). С. 349*. Из лаконизма фразы видно, что это сообщение о выполненном поручении. Второй том второго издания сочинений Хомякова находился в библиотеке Достоевского: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. С. 146, № 107.

Из той же поездки в Петербург Анна Григорьевна привезла в Старую Руссу часть статьи Леонтьева «О всемирной любви» — вторую из трех, опубликованную 7 августа в № 169 газеты «Варшавский дневник»⁵³. Номер газеты передал через нее, вместе со своим письмом от 12 августа, К. П. Победоносцев⁵⁴. Таким образом, не ранее 13 августа (следующего дня после посещения А. Г. Достоевской Победоносцева в Ораниенбауме) и не позднее 16 августа (даты ответного письма Достоевского к Победоносцеву) в руки Достоевского попадают одновременно центральная часть статьи Леонтьева о Пушкинской речи и богословский том Хомякова с предисловием Ю. Ф. Самарина о Хомякове как учителе Церкви. О том, как и когда Достоевский познакомился с двумя остальными частями статьи Леонтьева, точных сведений нет, но, судя по тому, что он собирався ответить на нее в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г., он должен был прочитать статью Леонтьева полностью⁵⁵.

Статья Леонтьева оскорбила Достоевского еще сильнее, чем текст Градовского. Сам Леонтьев, вероятно, не ожидал такой резкой реакции. Он писал свою статью в надежде предостеречь Достоевского от некоторых перспектив развития его учения, а такая надежда подразумевала, что перспективы пока что не реализовались. Леонтьев не мог знать, что предостережения опоздали, так как Достоевский совершенно сознательно исповедует милленаризм.

Как раз в той, второй части статьи, которая попала в руки Достоевского первой, Леонтьев прослеживал его эволюцию: от «Мертвого дома» до «Карамазовых» Достоевский «приближался все больше и больше к Церкви». «И вдруг эта *речь!* <...> Опять это “последнее слово всеобщего примирения!” <...> *И ты тоже, Брут! Увы, и ты тоже!*...»⁵⁶

Леонтьев мягко, но недвусмысленно намекнул, что своеобразная эсхатология Достоевского находится на грани ереси — очевидно, имея в виду милленаризм: «Он тогда как будто хотел *только усилить* теплоту любви своим потрясающим влиянием; он не мечтал еще, по-видимому, в то время⁵⁷ о *невозможной реально, о чуть не еретической церковно*

---

⁵³ Статья печаталась в трех номерах: 162, 169 и 173, от 29 июля, 7 и 12 августа соответственно.

⁵⁴ Победоносцев в своем письме рекомендует статью вниманию Достоевского, прибавляя: «Если у Вас нет, то я пришло Вам этот №» (*Гроссман Л. Достоевский — реакционер. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. Письма консерваторов к Достоевскому / под науч. ред. О. Золотко. М., 2015. С. 110; ср. коммент. Л. П. Гроссмана, с. 111*). Но, судя по ответному письму Достоевского от 16 августа, это письмо было передано Достоевскому через жену, и Победоносцев сразу приложил к нему номер газеты: «Жена передала мне о том, как Вы ее лобезно приняли. — Благодарю за присылку “Варшавского дневника”» (30₁, 210).

⁵⁵ Ср. также коммент. в: *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. С. 807–808.

⁵⁶ Там же. С. 208, 209 (курсив Леонтьева).

⁵⁷ Речь идет сразу о довольно разных периодах времени — создания «Записок из Мертвого дома» (1860–1862) и «Преступления и наказания» (1865–1866). Эти

кристаллизации этой теплоты в форме здания всечеловеческой жизни»⁵⁸. Достоевского эти слова сильно задели, как видно из его уже упомянутого письма Победоносцеву от 16 августа: «Леонтьев в конце концов немного еретик — заметили Вы это?» (30₁, 210; подчеркнуто Достоевским). Достоевскому могло быть особенно досадно, что его только что⁵⁹ совершенная маленькая хитрость с исключением милленаристского пассажа из ответа Градовскому не помогла: милленаризм все равно себя выдал. Деликатность тона Леонтьева («чуть не еретической») вместо прямого и грубого «еретической») могла в глазах Достоевского выглядеть угрозой — требованием отступить, чтобы не оказаться обвиненным уже по всей форме.

Отказ Леонтьева видеть в проповеди Достоевского нечто церковное или хотя бы русское, а не повторение общих мест определенного направления европейской мысли⁶⁰ должен был быть ему особенно обидным из-за специфического указания на Жорж Санд: «Все эти надежды на земную любовь и на мир земной можно найти и в песнях Беранже, и еще больше у Ж. Санд и у многих других»⁶¹. Леонтьев, конечно, не знал тех подробностей, к которым мы перейдем ниже, но особое значение Жорж Санд почувствовал точно.

Достоевский увидел, что Леонтьев понял его глубже, чем он сам решился высказаться. Тогда он решил ответить Леонтьеву прямо, вступив на богословскую почву. Цитированные нами выше слова «Что такое Церковь — из Хомякова» появляются в заметках к этому неосуществленному ответу. Они свидетельствуют о сложившемся у Достоевского плане построить славянофильское (в смысле Самарина и Аксакова) представление о народе и Церкви в собственную хилиастическую веру.

Идея будет подхвачена теми из поздних славянофилов, которые захотят построить в старое славянофильство мессианство и светское подобие хилиазма. Надо все же оговориться, что в позднем славянофильстве не было ни одного милленариста в строго религиозном смысле (в то время настоящий религиозный милленаризм был достоянием

произведения разделены религиозным обращением Достоевского в 1864 г., о чем Леонтьев не знал. Ср.: Касаткина Т. А. «Записки из подполья» и «Маша лежит на столе...»: Опыт медленного чтения в ближайшем контексте // Достоевский и мировая культура. 2018. № 1. С. 121–147.

⁵⁸ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. С. 205–206 (курсив Леонтьева).

⁵⁹ Ответ Градовскому был дописан 17 июля; см. прим. Г. М. Фридендера и Е. И. Кийко в (27, 473).

⁶⁰ «Слишком розовый оттенок, вносимый в Христианство *этой* речью г. Достоевского, есть *новшество* по отношению к Церкви, от человечества ничего особенно благоприятного в будущем не ждущей; но этот оттенок не имеет в себе ничего — ни особенно русского, ни особенно нового по отношению к преобладающей европейской мысли XVIII и XIX веков» (Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. С. 210). Ср. процитированный выше вывод Э. Тьюсона.

⁶¹ Там же. С. 210.

В. С. Соловьева и его последователей). Утопия Шарапова тем и отличается от религиозной веры Достоевского, что она — утопия, и ее автор сохранял к ней отношение как к собственной выдумке. У Достоевского никакого критического отношения к идее миллениума нет, и поэтому неверно ее называть утопией: это предмет религиозной веры, т. е. то, что принимается за реальность, пусть и отнесенную в будущее. Достоевский за нее держится и пытается ее защитить как важнейшую часть собственной жизни.

Жорж Санд, Пьер Леру и «Спиридион»

О том, что Достоевский почерпнул свой милленаризм от Жорж Санд (1804–1876) и ее друга и наставника Пьера Леру (Pierre Leroux; 1797–1871), написал впервые профессор Католического института в Париже, специалист по истории западного христианства и коммунизма русский католик Иван Владимирович Пузына (1888–1961). Его пионерскую статью, опубликованную в 1933 г. в не слишком известном католическом журнале⁶², заметил Л. П. Гроссман, но в дальнейшем его наблюдения выпали из советской историографии⁶³. Основную работу Пузыны, опубликованную в 1939 г. в солидном иезуитском журнале *Études*⁶⁴ (основанном в 1856 г. Иваном Сергеевичем (Иоанном Ксаверием) Гагариным, О. И.), в Советском Союзе не знали.

Все наблюдения Пузыны строились вокруг поразительного сюжетного сходства между романами «Братья Карамазовы» и «Спиридион» Жорж Санд⁶⁵. Оба романа посвящены обновлению христианства, которое созревает в монастыре, но вопреки мнению монашеского

⁶² *Puzyna I.* Dostoiewsky und das Evangelium Aeternum // Die christliche Frau. 1933. Jg. 31. S. 42–47 (мне недоступно).

⁶³ *Гроссман Л.* Последний роман Достоевского // Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы». М., 1935. С. 3–51, особ. с. 11–12; те же наблюдения, но уже без ссылки на Пузыну (в популярной серии, где библиографического аппарата не предполагалось): *Гроссман Л. П.* Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1965. (Жизнь замечательных людей; вып. 4 (357)). С. 441–442. Работы Пузыны и роман «Спиридион» не упоминаются в: *Кийко Е. И.* Достоевский и Жорж Санд // Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. Т. 24, № 1–2. Р. 65–85, и в комментариях к «Братьям Карамазовым» в Полном собрании сочинений в 30 томах. Работ Пузыны не знал также и Джозеф Франк, который, однако, самостоятельно догадался о возможном влиянии романа «Спиридион» на «Братьев Карамазовых», указав на наиболее очевидные сюжетные параллели и на известный факт увлечения Беллинского этим романом: *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt. 1821–1849. 2nd ed., with corrections. Princeton, 1977. P. 130.

⁶⁴ *Puzyna I.* George Sand et Dostoïevsky. La parenté littéraire des *Frères Karamazov* et du *Spiridion* // *Études*. 1939. Т. 238. P. 345–360.

⁶⁵ Критическое изд.: *George Sand.* Œuvres complètes / sous la dir. de Béatrice Didier. 1939. *Spiridion* / Édition critique par Isabelle Hoog Naginski, notes en collaboration avec Marie-Jacques Hoog. Paris, 2018. (Textes de littérature moderne et contemporaine; 197) (мне недоступно). Первый опубликованный русский перевод (только редакции 1842 г.): *Жорж*

большинства — с тем, однако, отличием, что у Жорж Санд процесс растягивается на три поколения (покойный монах Спиридион, его успевший состариться ученик Алексей и молодой ученик Алексея Ангел), а не на два (Зосима и Алеша); у обоих авторов проникнутый новым пониманием христианства ученик должен выйти из монастыря в мир, причем в обоих случаях непонятно, что он там будет делать (правда, Достоевский, в отличие от Жорж Санд, надеялся разъяснить это в продолжении романа). В настоящее время наблюдения Пузыны о сюжетном сходстве двух романов (поддержанные еще в их первом наброске Л. П. Гроссманом) продолжены и уточнены Франсуазой Женевре⁶⁶, и едва ли могут вызывать сомнение, но не могут не вызывать вопросов. Особенно неясной остается пока именно та тема, которая интересует нас больше всего (и которой не касается Ф. Женевре в своей выдающейся книге), — рецепции Достоевским миллениаризма Поля Леру.

Знакомство Достоевского с романом «Спиридион» Пузына доказывал тем, что, как вспоминал сам Достоевский⁶⁷, он впервые прочитал роман Жорж Санд (это был «Ускок») в возрасте «лет шестнадцати» — значит, в журнальной публикации *Revue des Deux Mondes*, в котором этот роман печатался с апреля по июль (Достоевскому, впрочем, уже исполнилось семнадцать). Однако в октябре того же года в том же журнале началась публикация «Спиридиона», закончившаяся в январе 1839 г. По мнению Пузыны, Достоевский был знаком только с этой, первой редакцией романа, и поэтому ничего не знал о вдохновенности автора идеями Иоахима Флорского, чье имя в первой редакции не упоминалось⁶⁸. Впрочем, в первой редакции не содержалось никаких специальных рассуждений о «тысячелетнем царствии», как нет их и в «Братях Карамазовых».

Первая редакция «Спиридиона» была создана Жорж Санд в 1837–1838 гг. хотя и под сильным влиянием Пьера Леру, но еще без его прямого участия, с которым создавалась вторая редакция (1842 г.)⁶⁹. Только

Санд. Спиридион / пер. В. А. Мильчиной. М., 2012 (впервые издано в 2004). См. также: Мильчина В. А. О романе «Спиридион» // Там же. С. 293–318.

⁶⁶ Genevray F. George Sand et ses contemporains russes. Audience, échos, réécritures. Paris — Montréal, 2000. (Des idées et des femmes). P. 309–323. Влияние на Достоевского социализма Жорж Санд и Леру, будь то в связи с романом «Спиридион» или иначе, совершенно выпало из поля зрения О. Б. Кафановой (*Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. (Мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск, 1998.*

⁶⁷ В июльском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (23, 33).

⁶⁸ Сравнение двух редакций (точнее, разных окончаний романа): Hoog Naginski I. George Sand mythographe. Clermont-Ferrand, 2007. (Cahiers romantiques). P. 183–196.

⁶⁹ Karénine W. George Sand, sa vie et ses œuvres. T. 3. Paris, 1899. P. 217–244 et passim (Wladimir Karénine, Владимир Каренин — псевдоним Варвары Дмитриевны Комаровой, урожд. Стасовой; 1862–1943); Pommier J. George Sand et le rêve monastique; Bowman F. George Sand, le Christ et le Royaume // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1976. No. 28. P. 243–262; Reeves M., Gould W. Joachim of Fiore and the Myth of

вторая редакция завершается длинным богословским трактатом, основанным якобы на (в реальности не существовавшем) «Введении в Вечное Евангелие» ученика Иоахима Флорского Иоанна Пармского. В первой редакции не было не только этого трактата, но и вообще никаких отсылок к иоакимитской традиции.

О статьях Пузыны напомнил один из самых крупных католических богословов XX в. Анри де Любак (Henri de Lubac; 1896–1991) в своем фундаментальном труде о духовной традиции, прямо или косвенно связанной с именем Иоахима Флорского⁷⁰ (эта традиция понималась будущим кардиналом как постоянный темный спутник христианства, подменяющий его духовный смысл земными иллюзиями). Де Любак был близок к журналу *Études* даже не просто как его постоянный автор в 1940-е гг., но и как лидер той группы иезуитов, которую журнал в меру сил поддерживал даже во время репрессий 1950-х гг. (после энциклики Пия XII *Humani generis*, 1950 г.; прямым адресатом содержащихся в ней обличений, хотя и не названным, был де Любак), но которая в 1962–1965 гг. определила курс Второго Ватиканского собора. В глазах этой группы Достоевский, несмотря на его антикатолицизм, был едва ли не ближе к христианству, нежели официальное католическое богословие эпохи борьбы с «модернизмом»⁷¹.

Де Любак полностью принял фактические данные Пузыны, но отверг его интерпретацию (Пузына считал, что Достоевский в основном принял также и богословские идеи Жорж Санд). При этом он сам представил Достоевского как последовательного христианина и оппонента социализма (в духе ставшей привычной после Гуардини христианской апологии Достоевского). Ф. Женевре справедливо оспорила обе крайние позиции — и Пузыны, и де Любака — и, главное, посмотрела на проблему в контексте всего творчества Достоевского, а не только

---

the Eternal Evangel in the Nineteenth Century. 2nd ed. Oxford, 2001. P. 100–131 (ch. 4. Pierre Leroux, Georges Sand, and their Circle) [Марджори Ривс (Marjorie Reeves; 1905–2003) была крупнейшим в мире специалистом по Иоахиму Флорскому]; *Henriet P. George Sand et l'Église de l'avenir. À propos de Spiridion et de quelques autres œuvres // Archives des sciences sociales des religions*. 2020. T. 190. P. 143–161.

⁷⁰ *de Lubac H. La Postérité spirituelle de Joachim de Flore*. 2 vols. Paris, 1979–1981. Vol. 2. P. 402–405.

⁷¹ Отношение к Достоевскому как к выразителю актуальных для современного католичества богословских идей было задано другим крупнейшим католическим богословом XX в., относившимся к старшему поколению, — Романо Гуардини (Romano Guardini; 1885–1968) — в его книге: *Guardini R. Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs großen Romanen*. Leipzig, 1932, а затем и в других публикациях и лекциях. Работы Гуардини о Достоевском породили, в свою очередь, обширную научную и богословскую литературу, но до сих пор не существует работы о месте богословских идей Достоевского во внутрикатолических богословских дискуссиях эпохи официального «антимодернизма», открытой в 1907 г. энцикликой Пия X *Pascendi Dominici gregis*. Ср.: Корбелла К. Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. 2019. № 2. С. 147–159.

одного романа «Братья Карамазовы», призвав не отрицать, но и не преувеличивать влияние на него «Спиридиона»⁷².

Нас, однако, интересует не история романа «Братья Карамазовы», а источник веры Достоевского в миллениум. Первая редакция «Спиридиона» таким источником точно быть не могла⁷³, а знакомство Достоевского со второй редакцией пока не доказано. Мне представляется, что можно его доказать если не вполне достоверно, то с очень значительной вероятностью, но в то же время это и не так важно, поскольку Достоевский читал и самого Пьера Леру. Но все-таки второй редакцией «Спиридиона» пренебрегать не следует, поскольку она в любом случае повлияла на Достоевского через Белинского.

Белинский

В том самом письме Белинского к Гоголю 1847 г., за распространение которого Достоевский едва не был расстрелян, содержится своего рода богословский пассаж. По его поводу Ф. Женебре имела все основания заявить, что «Белинский присвоил слова *Спиридиона*, осуждающие церкви за то, что они забыли, сокрыли и предали первоначальный христианский идеал»⁷⁴. Однако она не нашла убедительного решения одной проблемы: ее наблюдение верно применительно только ко второй редакции «Спиридиона», тогда как, по ее мнению, Панаев переводил для Белинского окончание романа в первой редакции. Действительно, если верить хронологическому указанию самого Панаева, то эти переводы делались в 1841 г., когда второй редакции еще

---

⁷² *Genevray F. George Sand. P. 312–323.* Автор учитывает критику Достоевского Леонтьевым, по поводу которой замечает: «Leont'ev accentue le dilemme que voudra minimiser le cardinal de Lubac: christianisme noir ou rose? "Vrai" christianisme ou religion humanitaire?» (Ibid. P. 318; «Леонтьев подчеркивает дилемму, которую хотел бы минимизировать кардинал де Любак: христианство черное или розовое? "Истинное" христианство или гуманистическая религия?»).

⁷³ В первом издании у Жорж Санд еще даже нет характерного для «иоакимитской» традиции термина «Вечное Евангелие», а вместо него появляется лишь какое-то «новое»: Спиридион приходил к выводу, что задача Христа выполнена, и теперь вместо Нового Завета должен явиться какой-то новейший, «новый мессия должен восстать, новое евангелие появиться» («...qu'un nouveau messie devait se lever, un nouvel évangile surgir...»); *Sand G. Spiridion. Dernière partie // Revue des Deux Mondes. 1839. Série 4. T. 17. P. 204–240, цит. p. 231–232; George Sand. Spiridion. Berlin — Leipzig, 1839. P. 321.*

⁷⁴ *Genevray F. George Sand. P. 141: «Belinskij a fait siens les mots de Spiridion condamnant les églises qui ont oublié, occulté, trahi le premier idéal chrétien».* О французском религиозном социализме Леру и Жорж Санд как источнике обсуждаемых взглядов Белинского впервые написал историк французского религиозного социализма Жак Виар (создавший в 1985 г. «Ассоциацию друзей Пьера Леру» и вдохнувший новую жизнь в изучение этого полузабытого направления социалистической мысли): *Viard J. Socialistes chrétiens: George Sand, Dostoïevsky et Péguy // Études. 1974. T. 341. P. 389–413, особ. p. 394.*

не существовало⁷⁵. Однако еще И. Г. Ямпольский указал на хронологическую ошибку мемуариста, писавшего через без малого двадцать лет после событий: речь идет о периоде, когда Белинский переселился в дом Лопатина на углу Невского и Фонтанки, а это произошло только в 1842 г.⁷⁶ Поэтому панаевский перевод конца «Спиридиона» нужно все-таки датировать 1843 г. и относить ко второй редакции. И действительно, в этой редакции концовка представляет собой самостоятельный трактат, который имело бы смысл переводить для Белинского, тогда как концовка первой редакции не требовала бы столь глубокого изучения.

Сравнение текста письма Белинского к Гоголю⁷⁷ и второй редакции «Спиридиона»⁷⁸ см. в таблице; цитата из романа Жорж Санд начинается с текста «Введения в Вечное Евангелие», которое читает Алексей; выделения полужирным шрифтом мои.

Белинский	Жорж Санд	Перевод с французского
<p>Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства, и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только</p>	<p>«<...> Le règne du Saint-Esprit a été prédit par Saint Jean, et c'est ce règne qui va succéder à la religion chrétienne, comme la religion chrétienne a succédé à la loi mosaïque.» — Quoi! s'écria Alexis, est-ce ainsi qu'il faut entendre le développement des paroles de Jésus à la Samaritaine: L'heure vient que vous n'adorerez plus le Père ni à Jérusalem, ni sur</p>	<p>«<...> Царствие Святаго Духа было предсказано святым Иоанном, и это то царствие, которое сейчас наследует христианской религии, как и христианская религия наследовала закону Моисееву. — Как! — воскликнул Алексей, — это значит, что именно таким образом нужно понимать выражение Иисуса, обращенное к Самарянке: <i>Грядет час, егда ни в Иерусалимех, ни в горе сей поклонитесь Отцу,</i></p>

⁷⁵ *Genevray F. George Sand. P. 121. См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания / вступ. статья и коммент. И. Г. Ямпольского. М., 1988. (Литературные воспоминания). С. 278 («я перевел нарочно для него конец “Спиридиона”») и 279 (дата: зима 1841 г.).* Женевре пытается выйти из затруднения через предположение о том, что Панаев знакомил Белинского с прочими сочинениями Леру (*Genevray F. George Sand. P. 121–122*). Е. И. Кийко в комментарии к очерку «Старые люди» (в «Дневнике писателя» за 1873 г.) считает, что Панаев переводил для Белинского финал первой редакции, где революционные солдаты громят монастырь, но ошибочно полагает, что этот текст редактировал Леру, не зная о различии двух редакций романа (21, 378).

⁷⁶ См. его прим. 250 в: *Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 399; ср. с. 277.*

⁷⁷ *Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 10. М., 1956. С. 214.*

⁷⁸ *George Sand. Œuvres. Nouvelle édition revue par l'auteur. II. Lélia. III. Spiridon. Paris, 1842. P. 429. Перевод мой.*

до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. <...> Но смысл учения Христа открыт философским движением прошлого века.

cette montagne, mais que vous l'adorez en Esprit et en Vérité? Oui, la doctrine de l'Évangile éternel! cette **doctrine de liberté, d'égalité et de fraternité** <...> l'a entendu ainsi.

но поклонитесь ему в Дусе и в Истине (ср.: Ин. 4: 21, 23)? Да, учение вечного Евангелия! — Это **учение свободы, равенства и братства** <...> понял это так.

Объявить учение XVIII в. о «свободе, равенстве и братстве» учением Христа могли только французские религиозные социалисты круга Пьера Леру⁷⁹. И, насколько сейчас известно, только вторая редакция «Спиридиона» могла стать тем произведением, в котором Белинский мог прочитать прямое заявление об этом.

Знал ли Достоевский, распространяя письмо Белинского, о том, что оно вдохновлено представлением о христианстве, почерпнутым из «Спиридиона»? Если он сам перечитывал «Спиридион» в редакции 1842 г., то должен был узнать те же мысли. Если Панаев именно с этого издания делал перевод для Белинского, то это означало популярность «иоакимитского» трактата Жорж Санд в той среде, к которой принадлежал и Достоевский. Его знакомство с Белинским состоялось несколько позже (в середине 1845 г.), но в очерке «Старые люди» («Дневник писателя» за 1873 г.) он еще вспоминал о Белинском того периода, когда тот «более всего уважал» Жорж Санд, Кабе, Леру и Прудона (21, 11).

Также мы знаем, что для Достоевского имело особенную важность выражение «вечное Евангелие». По крайней мере он его подчеркнул карандашом и поставил на полях лигатуру NB в своем экземпляре Нового Завета на русском языке⁸⁰. Это выражение встречается в Апок. 14: 6, где его значение никак не разъясняется. Пометка Достоевского (датировать

⁷⁹ Разумеется, уже поздний Сен-Симон (1760–1825), отказавшийся от своей научной религии с культом Ньютона, в своем предсмертном и незавершенном произведении «Новое христианство» представил религиозное и мессианское учение, но с особым упором только на один принцип братства, что соответствовало его социальным воззрениям: «Dieu a dit: *Les hommes doivent se conduire en frères à l'égard les uns des autres*; ce principe sublime renferme tout ce qu'il y a de divin dans la religion chrétienne» (*de Saint-Simon H. Nouveau christianisme, dialogues entre un Conservateur et un Novateur. Premier dialogue. Paris, 1825. P. 2*; «Бог сказал: *Люди должны вести себя как братья по отношению друг ко другу*; этот возвышенный принцип включает все, что есть божественного в христианской религии»). Ср. изложение этого учения в: [Бутаевич-Петрашевский М. В.]. Неохристианизм // *Словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка* / изд. Н. Кирилова. СПб., 1845. С. 239. Очевидно, что не этой традиции следует Белинский.

⁸⁰ *Коган Г. Ф.* Вечное и текущее. (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // *Достоевский и мировая культура: альманах. 1994. № 3. С. 27–42, особ. с. 29.* Речь идет о подаренном Достоевскому в январе 1850 г. женами декабристов

которую сколько-нибудь точно мы не можем) показывает, что для него какое-то разъяснение существовало, причем такое, что делало это выражение особенно важным. Это однозначно указывает на то, что Достоевский узнал в нем «иоахимитский» термин. Прочитать об этом термине Достоевский мог в разных источниках, но прочитать и признать очень важным — только в немногих и только связанных со значимой для него религиозной традицией Жорж Санд и Леру. Поэтому самым вероятным источником тут представляется «Спиридион» в редакции 1842 г.

Наконец, как отметил еще И. В. Пузына⁸¹, в своем некрологе в «Дневнике писателя» за июль 1876 г. Достоевский определяет значение Жорж Санд как выходящее далеко за пределы литературы: «...к половине сороковых годов слава Жорж Занда и вера в силу ее гения стояли так высоко, что мы, современники ее, все ждали от нее чего-то несравненно большего в будущем, неслыханного еще нового слова, даже чего-нибудь разрешающего и уже окончательного» (23, 36). Такие ожидания могли казаться уместными именно от автора «Спиридиона», особенно второй редакции. Эти ожидания не сбылись, но Достоевский признается, что до сих пор солидарен с ее идеалом будущего: «Жорж Занд не мыслитель, но это одна из самых ясновидящих предчувственниц (если только позволено выразиться такую кудрявою фразою) более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижение идеалов которого она бодро и великодушно верила всю жизнь, и именно потому, что сама, в душе своей, способна была воздвигнуть идеал. Сохранение этой веры до конца обыкновенно составляет удел всех высоких душ, всех истинных человеколюбцев» (23, 36–37). Здесь Достоевский говорит не только о Жорж Санд, но и о своей собственной религиозной вере в «счастливое будущее». Он только умалчивает, что и у него, как и у Жорж Санд, эта вера была хилиастической.

Пьер Леру

Не так давно было отмечено, что влияние на Достоевского религиозных социалистических мыслителей и, в частности, Пьера Леру изучалось недостаточно⁸². Но эти направления мысли и сами по себе изучались мало, будучи вытеснены своими атеистическими конкурентами не только из политической жизни, но и из поля зрения историков.

экземпляре издания: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб., 1823. С. 604; см. скан этого экземпляра: https://fedordostoevsky.ru/pdf/evangelie_original.pdf

⁸¹ Пузына И. George Sand et Dostoïevsky. P. 346.

⁸² Кибальник С. А. К вопросу о влиянии на Достоевского французской социально-утопической мысли и литературы (Достоевский и Этьен Кабе) // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore / a cura di Stefano Aloe. Napoli, 2012. P. 87–108, особ. p. 88.

Говоря о влиянии на Достоевского Пьера Леру, нужно добавить к его социалистическому «иоахимизму», выраженному в «Спиридионе», еще как минимум два момента. Первый и главный — интерес к толкованию Апокалипсиса в хилиастическом смысле. Достоевский излагает суть подобного толкования в черновике ответа Градовскому, но, очевидно, имел это в виду уже в записях 1870 г. В «Спиридионе» рассуждений на эту тему нет, но зато их излагает самым подробным образом Пьер Леру в труде, который считался в середине 1840-х гг. его главной работой и поэтому не мог пройти мимо внимания Достоевского, — «О человечестве, его начале и его будущем, включая изложение истинного определения религии и объяснение смысла, последовательности и взаимосвязи религии Моисеевой и христианства» (1840 г.; Достоевскому могло быть более доступно второе издание 1845 г.)⁸³. В этом произведении разбор соответствующего места Апокалипсиса⁸⁴ был подан в контексте подробнейшего анализа милленаристских верований раннехристианского времени. Леру не был самостоятельным ученым, но в качестве автора как издававшейся им «Новой энциклопедии», так и своего труда «О человечестве» был компетентным компилятором научных данных, и поэтому история раннехристианского милленаризма в его изложении не выглядит слишком устаревшей даже сегодня. Для неосведомленной аудитории милленаризм в изложении Леру мог выглядеть как основное направление христианства, против которого никогда не выдвигали серьезных возражений. По-видимому, так его и воспринял Достоевский.

Второй момент — это вера в прогресс как в религию. Особенно яркая формулировка этой веры была дана Леру в программной статье, опубликованной в основанном Леру, Жорж Санд и Луи Виардо журнале *La Revue indépendante*, за которым внимательно следили в круге Белинского: «Есть нечто в нашем веке, что производит философов и уничтожает их, если они не хотят идти до конца. Это религия прогресса, религия человеческого равенства, религия будущего»⁸⁵. Достоевский мог прочитать эту статью через несколько лет после публикации, но даже если и не прочитал, то эхо этих и подобных идей до него докатилось. Слова Леонтьева о том, что православие Достоевского оказывается разновидностью религии прогресса, должны были казаться особенно

---

⁸³ *Leroux P.* De l'humanité, de son principe, et de son avenir; où se trouve exposée la vraie définition de la religion, et où l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement du Mosaïsme et du Christianisme. 2 tomes. Deuxième éd. Paris, 1845. Интересно, что эта книга вышла с посвящением Беранже — которого Леонтьев упомянул рядом с Жорж Санд в своей статье «О всемирной любви».

⁸⁴ *Ibid.* Т. 2. P. 193–194.

⁸⁵ «Ce quelque chose, en notre siècle, qui fait les philosophes et les défait quand ils ne veulent pas marcher jusqu'au bout, c'est la religion du progrès, la religion de l'égalité humaine, la religion de l'avenir» (*Leroux P.* Du cours de philosophie de Schelling. Aperçu de la situation de la philosophie en Allemagne // *La Revue indépendante*. 1842. Т. 3. P. 334).

обидными потому, что понятие религии прогресса для всех вокруг было лишь ироническим выражением, нарочито абсурдным, а для Достоевского — не было: это была настоящая вера его молодости. Достоевский не переставал ею дорожить, как видно из его слов памяти Жорж Санд.

Месснианский народ

«Иоахимитский» социализм Пьера Леру требовал учения о мессии, и этот мессия понимался в социалистическом духе — как мессия коллективный. Леру и Жорж Санд не делали ставок ни на какой конкретный народ, но в эпоху расцвета национальных движений было невозможно добиться, чтобы от этого воздерживались также и их друзья и ученики.

В истории социалистического движения особенно памятен случай Джузеппе Мадзини (Giuseppe Mazzini; 1805–1872), который узнал от своих друзей Леру и Жорж Санд об Иоахиме Флорском, вдохновился «Спиридионом» и вскоре стал сам пророком и апостолом «иоахимитского» откровения о Третьем Риме и объединении Италии, народ которой должен был стать мессией для всех остальных народов⁸⁶. Новое духовное состояние принесло ему значительный успех в политике, так как его роль в объединении Италии оказалась велика. В то же время оно осложнило его положение в социалистическом движении и рассорило с Бакуниным⁸⁷. Прямых связей между Мадзини и Достоевским нет, но на существовании типологической параллели можно настаивать.

Случай Адама Мицкевича⁸⁸ (1798–1855) может быть к Достоевскому ближе, хотя Мицкевич был просто другом Жорж Санд и Леру⁸⁹,

---

⁸⁶ Подробно, с дальнейшей библиографией, см. монографию Софии Алюни: *Alunni S. Secolarizzazione gioachimita e teologia politica. Il messianismo di Giuseppe Mazzini*. Roma, 2018.

⁸⁷ В своей брошюре «Политическая теология Мадзини и Интернационал» Бакунин определяет веру Мадзини как «la foi dans la prédestination messianique de l'Italie, reine des nations, avec Rome, capitale du monde» («вера в месснианское предназначение Италии, царицы народов, вместе с Римом, столицей мира»); *Bakounine M. La théologie politique de Mazzini et l'Internationale*. Neuchâtel, 1871. P. 3).

⁸⁸ О польском месснианстве и месте в нем (почти во всех отношениях — главным) Адама Мицкевича см. прежде всего работы Анджея Валицкого (1930–2020), начиная с первой и основополагающей: *Walicki A. The Paris Lectures of Mickiewicz and Russian Slavophilism // The Slavonic and East European Review*. 1968. Vol. 46. P. 155–175 (здесь впервые сделан вывод о наличии типологической параллели в образе мысли Мицкевича и польских месснианских мыслителей, с одной стороны, и славянофилов, с другой), и кончая итоговой: *Walicki A. Mesjanizm Adama Mickiewicza w perspektywie porównawczej*. Warszawa, 2006. См. также: *Rojek P. Mesjanizm integralny // Pressje*. 2011. No. 26. S. 20–49 (классификация польских месснианских концепций XIX в.).

⁸⁹ См.: *Markiewicz Z. Mickiewicz i George Sand: dzieje przyjaźni i jej odbicie w literaturze // Pamiętnik Literacki*. 1961. T. 52, no. 3. S. 51–76; *Dorota I. Les cours d'Adam Mickiewicz au Collège de France, vus par George Sand // Les amis de George Sand*. 2007. No. 29. P. 41–58.

не разделяя их увлечения социализмом. Жорж Санд и Мицкевич познакомились в 1836 г. О репутации Мицкевича в окружении Леру свидетельствует Мадзини: «Мицкевич для нас больше, чем поэт: он пророк, как и великие поэты Израиля, с которыми он имеет так много сходных черт»⁹⁰.

В 1843 г. Жорж Санд посетила несколько лекций Мицкевича о славянах и славянских литературах в Collège de France. Это был третий из четырех сезонов и первый, когда Мицкевич стал сильно уклоняться в политику и религию. В четвертом сезоне это уклонение стало настолько заметным, что ему отказали от чтения. Лекции пришлось на тот период (1841–1845), когда Мицкевич верил в мессианское и апостольское призвание Анджея Товяньского (Andrzej Towiański; 1799–1878) и был членом его религиозного кружка.

Плодом посещения лекций стала статья Жорж Санд, вышедшая в 1843 г. в *La Revue indépendante*, которую совершенно точно внимательно прочитали в Петербурге, так что либо ее текст, либо какие-то мысли из нее могли дойти и до Достоевского. Статья представляла собой небольшое предисловие за подписью G. S., после которого следовало много выдержек из курса Мицкевича⁹¹.

Жорж Санд пишет о Мицкевиче как об очень близком идейно мыслителе, но понимает его мессианство как индивидуалистическое (возможно, тут влияли не столько слова Мицкевича, сколько его принадлежность к кружку Товяньского). Поэтому она формулирует в качестве альтернативного понимания своего собственного кружка: «...одним словом, мы веруем, что наш мессия — это народ, и что *идея* воплотится не в одном человеке, но в миллионах людей»⁹². В то же время она оговаривается, что для славянских народов это может быть не так, как для французского: если во Франции «учение *вечного Евангелия*» («la doctrine de l'Évangile éternel»; курсивом выделено имя собственное, «иоахимитский» термин) уже не требует той мистической формы, в которую его облакали наши отцы, то «из этого не следует, что такая форма стала бесполезна для славянской расы, у которой нет таких же путей и таких же средств для развития» («il ne s'en suit pas qu'elle soit inutile à la race slave, qui n'a pas les mêmes voies et le même moyens de développement») ⁹³.

В следующем сезоне лекций Мицкевич решил заговорить прямо о мессианском значении славянских народов, особенно одного из них.

---

⁹⁰ [Mazzini G.] Adam Mickiewicz // The Polish Monthly Magazine (London). 1838. No. 2, Nov. P. 100–101: «...for us, Mickiewicz is more than a poet, — he is a prophet, like the great poets of Israel, with whom he has so many points of resemblance». Авторство статьи установлено на основании переписки Мадзини; см., в частности: *Naliwajek Z. Romain Rolland et la littérature polonaise // Revue de littérature compare. 2003. No. 3 (307). P. 325–338, особ. p. 326.*

⁹¹ *G. S<and>*. De la littérature slave, par M. Adam Mickiewicz // *La Revue indépendante*. 1843. T. 7. P. 378–383 (вступительная статья), 383–401 (выписки из лекций).

⁹² Ibid. P. 381: «...nous croyons, en un mot, que notre messie, c'est le peuple, et que l'*idée* s'incarnera, non dans un homme, mais dans des millions d'hommes» (курсив Жорж Санд).

⁹³ Ibid. P. 383.

Наступает новая эпоха, и лучше всего ее приближение ощущают те народы, кто не имеет, за что держаться на земле, — какова славянская раса. «Вот почему вся славянская раса, у которой нет почти ничего на земле, и чьи желания, все надежды покоятся в Боге, была избрана, чтобы первой узнать новое откровение. И по тому же самому часть этой расы — народ, который в среде этой расы то же самое, что Франция в расе романской — <...> польская нация, была расчленена, стерта с карты Европы, брошена блуждать по земному шару. <...> Эти люди, у которых больше нет ничего на земле, суть единственные, кто должны первыми понять то, что однажды должно воцариться на земле»⁹⁴. Развивая свою мысль, Мицкевич уточнил, что «Польша была предназначена воплотить новое откровение; Франция предназначена первой его принять»⁹⁵. Тут интересно, что рассматривается «воплощение» некоего откровения в народе, который благодаря этому и становится мессианским. В византийском церковном учении похожим образом интерпретируется Церковь как Тело Христово, т. е. тот народ Божий, в которого воплотился Логос. У Мицкевича на месте Церкви стоит народ в этническом смысле.

Чуть позже в этих же лекциях Мицкевич заявил: «... я провозглашаю себя перед лицом неба живым свидетелем нового откровения» («je me proclame à la face du ciel le témoin vivant de la révélation nouvelle»), — и обратился к аудитории с предложением сказать, кто из слушателей тоже познал это откровение (тут многие встали и ответили «Да») ⁹⁶. Нельзя удивляться, что вскоре после подобных акций Collège de France постарался распрощаться с лектором.

При всех различиях Мицкевич и Достоевский в Пушкинской речи типологически близки: наша нация самая бедная (в случае русских, речь, конечно, идет не о государстве, а о культурных традициях), но потому и избранная для того, чтобы осчастливить человечество. То, что человечеству надлежит быть осчастливленным, является презумпцией, которую не полагается обсуждать. И все это произносится так, что аудитория отвечает восторгом.

---

⁹⁴ *Mickiewicz A. L'Église et le Messie. II. Cours de littérature slave du Collège de France. (1843–1844). Publié d'après les notes sténographiques. Deuxième partie. Religion et politique. Paris, 1845. P. 206–207: «Voilà pourquoi la race slave entière, qui n'a presque rien sur la terre, et dont tous les désirs, toutes les espérances reposent en Dieu, a été choisie pour reconnaître la première la nouvelle révélation; et pourquoi aussi une fraction de cette race, le peuple qui, au milieu de la race slave, est ce qu'est la France dans la race romane, <...> la nation polonaise, a été démembrée, effacée de la carte de l'Europe, jetée errante sur le globe. <...> Ces hommes, qui n'ont plus rien sur la terre, sont les seuls qui doivent comprendre les premiers ce qui doit un jour régner sur la terre». Заметим, что критического издания лекционного курса Мицкевича нет до сих пор, так как на его пути стоят весьма сложные текстологические проблемы.*

⁹⁵ *Ibid.* P. 269: «La Pologne était destinée à incarner la révélation nouvelle; la France est destinée à la recevoir la première».

⁹⁶ *Ibid.* P. 209.

Откуда все же *millenium*?

Если по существу хилястические взгляды Достоевского происходят от Жорж Санд и Поля Леру, то это ставит перед нами вопрос, откуда у него взялся термин *millenium*. Французские социалисты им не пользовались, и в начале XIX в. этот термин был экзотическим за пределами англоязычной среды. Но мы уже знаем, что искать надо у социалистов. И действительно, этот термин постоянно использовал Роберт Оуэн (Robert Owen; 1771–1858), сделав его даже названием своего журнала⁹⁷. Оуэн был атеистом и считал религию для человечества крайне вредной. Тем не менее он верил в социализм как неизбежно имеющую наступить новую эру, которую любил называть термином, заимствованным от английских протестантов, — *millen(n)ium*. Устроенные им коммуны также воплощали то, что он называл этим термином. Не обязательно было читать Оуэна (которого, впрочем, читали в кружке петрашевцев⁹⁸), чтобы запомнить это слово.

Заключение

Инновация Достоевского по отношению к славянофильству состояла в придании русскому народу мессианского значения и помещении его истории в эсхатологическую перспективу. Это замечали все заинтересованные современники (кроме И. С. Аксакова, которому очень уж не хотелось замечать). Кто-то, как поздние славянофилы, увидел в этом развитие славянофильского учения, а кто-то, как А. И. Кошелев, — уклонение от него.

Современники не догадывались, что эсхатологическая перспектива у Достоевского милленаристская. Не догадывался даже Леонтьев, который безошибочно идентифицировал милленаристскую тенденцию, но все-таки так и не мог подумать, будто Достоевский следует ей совершенно сознательно. Возможно, Достоевский собирался открыть свои милленаристские карты в февральском «Дневнике писателя» 1881 г., но теперь об этом остается только гадать.

---

⁹⁷ *Claeys G. Machinery, Money and the Millennium: From Moral Economy to Socialism, 1815–1860. Princeton, 1987; Royle E. Robert Owen and the commencement of the millennium: A study of the Harmony community. Manchester — New York, 1998.*

⁹⁸ Ср.: [Буташевич-Петрашевский М. В.] Овеннизм // Словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка / изд. Н. Кириловым. СПб., 1845. С. 363–366. Термин «овенизм», как и упоминавшийся выше «неохристианизм», были выдуманы Петрашевским ради создания соответствующих словарных статей. Из библиотеки кружка Петрашевцев книгу то ли самого Оуэна, то ли о нем брал читать А. Н. Плещеев (*Семевский В. И. Собрание сочинений. Т. 2. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы / под ред. В. Водозова. Ч. 1. М., 1922. С. 169*) — друг Достоевского, который и привел его в этот кружок в 1846 г.

Милленаризм был хотя и сокровенным, но твердым верованием Достоевского. Источник его определяется совершенно однозначно: это религиозный социализм Пьера Леру и Жорж Санд. Своеобразным введением в это учение послужил роман Жорж Санд «Спиридион», первую редакцию которого Достоевский должен был прочитать в семнадцатилетнем возрасте. Глубоко проникнуться учением Леру Достоевский должен был в середине 1840-х гг., в кругу общения Белинского и в кружке Петрашевского.

Сам полубившийся ему термин *millenium* Достоевский мог заимствовать от Роберта Оуэна, но не обязательно из чтения его сочинений. Достаточно было и общения среди друзей-петрашевцев.

Наше источниковедческое исследование подтвердило вывод Леонтьева о том, что Достоевский следует современным европейским и вовсе не христианским мечтаниям о всеобщем благоденствии. Леонтьев, однако, не мог указать источник этих идей, поскольку они расходились с тем образом социализма, который стал привычным в 1870-е гг., когда Пьер Леру и весь религиозный социализм были забыты. Леонтьев был младше Достоевского на десять лет, поэтому интеллектуальной моды на религиозный социализм уже не застал.

Истоки милленаризма Достоевского отсылают нас к истокам социализма. Сам термин «социализм» фиксируется впервые в 1827 г. в материале анонимного автора в англоязычном журнале, находившемся под влиянием Роберта Оуэна⁹⁹, а широкую известность он получил после того, как в 1832 г. его независимо впервые употребил по-французски Пьер Леру. Леру и, может быть, Оуэн оказываются авторами близких Достоевскому социалистических идей. В истории социалистических учений эти идеи обычно рассматриваются как рано умершие, но будет вернее сказать, что, перейдя к Достоевскому и к великому множеству тех, кто пытался после него примирить христианство с социализмом, эти идеи просто изменили способ своего бытия.

Библиографический список

- Аксаков И. С. Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи // Русский архив. 1873. Т. 11. Стб. 2508–2529.
- Ашимбаева Н. А. Майков. Письма к Достоевскому. 1867–1878 // Ашимбаева Н. Достоевский: контекст творчества и времени. Сб. статей. СПб., 2005. (Б-ка альманаха «Достоевский и мировая культура»). С. 91–168.
- Бадалян Д. А. Неопубликованные письма И. С. Аксакова о Пушкинских торжествах 1880 г., участии в них Ф. М. Достоевского и М. Н. Каткова // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 3 (79). С. 40–73.

---

⁹⁹ Вопреки часто встречающемуся утверждению о приоритете Леру. См.: Beer M. A History of British Socialism. Vol. 1. London — New York, 2002. P. 187 (впервые издано в 1919 г.).

- Барит К. А.* О концепте *почва* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, вып. 1. С. 4–28.
- Барит К. А.* Философская теология Ф. Шлейермахера и религиозное реформаторство в произведениях И. В. Киреевского и Ф. М. Достоевского // Фило-софические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 57–79.
- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 10. М., 1956. 474 с.
- Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. 336 с.
- Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / [изд. Н. Н. Страхов]. СПб., 1883. 839 с.
- [*Бутаевич-Петрашевский М. В.*] Нео-христианизм // Словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка / изд. Н. Кириловым. СПб., 1845. С. 239.
- [*Бутаевич-Петрашевский М. В.*]. Овенизм // Словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка / изд. Н. Кириловым. СПб., 1845. С. 363–366.
- Викторович В. А.* «Схватка с Градовским»: причины и следствия // Неизвестный Достоевский. 2022. № 9 (4). С. 231–261.
- Волгин И. Л.* Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 4. С. 349–362.
- Гачева А. Г.* Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Петрозаводск, 2005. С. 312–323.
- Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб., 1823. XVI, 620 с. https://fedordostoevsky.ru/pdf/evangelie_original.pdf (дата обращения: 02.08.2023).
- Гроссман Л.* Достоевский — реакционер. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. Письма консерваторов к Достоевскому / науч. ред. О. Золотько. М., 2015. 140 с.
- Гроссман Л. П.* Достоевский. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1965. (Жизнь замечательных людей; вып. 4 (357)). 605 с.
- Гроссман Л.* Последний роман Достоевского // Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1935. С. 3–51.
- Дмитриев-Мамонов Э. А.* Наука и предание // Отечественные записки. 1875. № 8. Современное обозрение. С. 245–265; № 11. Современное обозрение. С. 30–37.
- Дмитриев-Мамонов Э. А.* Славянофилы. Историко-критический очерк. (По поводу статьи г-на Пыпина) // Русский архив. 1873. Т. 11. Стб. 2488–2508.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: ежемесячное издание. 1881. Январь. СПб., 1881. 32 с.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка / изд. подг. С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л., 1976. (Литературные памятники). 483 с.
- Дунаев А. Г.* Предисловие [к разделу «Папий Иерапольский»] // Писания мужей апостольских / сост. А. Г. Дунаев. Изд. 2-е. М., 2008. (Творения святых отцов и учителей Церкви). С. 429–445.

- Золотарев А. В.* Своеобразие хилиастической утопии Достоевского // Русско-византийский вестник. 2022. №3 (10). С. 12–26.
- Золотарев А. В.* Спор Леонтьева с Достоевским о хилиазме: вхождение темы Апокалипсиса в круг проблем русской религиозной философии // Христианское чтение. 2018. №4. С. 150–160.
- Иванов П. К.* Тайна святых. Введение в Апокалипсис. Париж, 1949. 606 с.
- Касаткина Т. А.* «Записки из подполья» и «Маша лежит на столе...»: Опыт медленного чтения в ближайшем контексте // Достоевский и мировая культура: альманах. 2018. №1. С. 121–147.
- Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. (Русская литература и философия: пути взаимодействия). 335 с.
- Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века. (Мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск, 1998. 410 с.
- Кибальник С. А.* К вопросу о влиянии на Достоевского французской социально-утопической мысли и литературы (Достоевский и Этьен Кабе) // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore / a cura di Stefano Aloe. Napoli, 2012. P. 87–108.
- Кийко Е. И.* Достоевский и Жорж Санд // Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. Т. 24, №1–2. P. 65–85.
- Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений: в 2 т. / изд. А. И. Кошелев. М., 1861.
- Коган Г. Ф.* Вечное и текущее. (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура: альманах. 1994. №3. С. 27–42.
- Корбелла К.* Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. 2019. №2. С. 147–159.
- Котельников В. А.* Апокалиптика и эсхатология у Достоевского // Русская литература. 2011. №3. С. 51–67.
- Котельников В. А.* Средневековые Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001. С. 23–31.
- Котельников В. А.* Теология истории Иоахима Флорского в рецепциях Ф. Достоевского и З. Красиньского // Вопросы философии. 2011. №4. С. 122–127.
- Котельников В. А.* Ф. М. Достоевский на пути к «окончательному идеалу» // Русско-византийский вестник. 2022. №2 (9). С. 11–25.
- Кошелев А.* Отзыв по поводу слова, сказанного Ф. М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880. №10. С. 1–6.
- Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. Литературно-критические статьи и рецензии 1860–1890 годов / тексты подг. и коммент. сост. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2014. 974 с.
- Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 3. Письма 1891 года. Дополнения / тексты подг. и коммент. сост. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2021. 808 с.
- Лобковиц Н.* Иоахим Флорский и Миллениум / пер. с нем. Д. Атласа // Вопросы философии. 2002. №3. С. 55–68.
- Лурье В.* Анонимная рецензия на *Стихотворения* А. С. Хомякова: Аполлон Григорьев или Ф. М. Достоевский? // Russian Literature. 2022. Vol. 134. P. 73–95.

- Лурье В. М.* Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 290–309.
- Лурье В. М.* «Братья Карамазовы». «Дневник писателя». Дополнения к комментарию. 1. «Прилог по Дамаскину». 2. «Церковь — весь народ» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. СПб., 1991. С. 246–249.
- Лурье В. М.* «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica*. 2020. № 1. С. 72–88.
- Мильчина В. А.* О романе «Спиридон» // Жорж Санд. Спиридон / пер. В. А. Мильчиной. М., 2012. С. 293–318.
- Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. / под ред. И. С. Зильберштейна и Л. М. Розенблюм. М., 1971. (Литературное наследство; т. 83). 727 с.
- Панаев И. И.* Литературные воспоминания / вступ. статья и коммент. И. Г. Ямпольского. М., 1988. (Литературные воспоминания). 448 с.
- Самарин Ю. Ф.* Собрание сочинений: в 5 т. / под общ. ред. А. Н. Николоюкина. Т. I. СПб., 2013. 527 с.
- Санд Жорж.* Спиридон / пер. В. А. Мильчиной. М., 2012. 320 с.
- Семевский В. И.* Собрание сочинений. Т. 2. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы / под ред. В. Водовозова. Ч. 1. М., 1922. 217 с.
- Таубе М. Ф.* Достоевский как славянофил // Таубе М. Ф. Памятка о Ф. М. Достоевском. Харьков, 1906. (Отдельные оттиски из журнала «Мирный Труд» за 1906 г.). С. 1–14.
- Таубе М. Ф.* Славянофильство и его определения. Харьков, 1905. 28 с.
- Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / под ред. А. П. Дмитриева. Т. 8. СПб., 2021. 413 с.; Т. 9. СПб., 2021. 784 с.; Т. 10, ч. 1. СПб. (в печати).
- Шаранов С. Ф.* Россия будущего / сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина. М., 2011. (Русская цивилизация). 720 с.
- A. Ha.* [von Harnack C. G. A.]. Millennium // *Encyclopaedia Britannica*. Vol. 18. London, 1911. P. 461–463.
- Alunni S.* Secolarizzazione gioachimita e teologia politica. Il messianismo di Giuseppe Mazzini. Roma, 2018. 323 p.
- Bakounine M.* La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. Neuchâtel, 1871. 111 p.
- Beer M.* A History of British Socialism. Vol. 1. London — New York, 2002. XXIV, 364 p.
- Bietenhard H.* Das tausendjährige Reich. Eine biblisch-theologische Studie. 2. Aufl. Zürich, 1955. 174 S.
- Bowman F.* George Sand, le Christ et le Royaume // *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*. 1976. No. 28. P. 243–262.
- Claeys G.* Machinery, Money and the Millennium: From Moral Economy to Socialism, 1815–1860. Princeton, 1987. XXX, 245 p.
- Cohn N.* The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. Revised and Expanded Edition. Oxford, 1970. 412 p.
- Court J. M.* The Apocalypse: A Short History of Christian Millenarianism. London — New York, 2008. XV, 231 p.

- Daley B.E.* The Hope of the Early Church: A Handbook of Patristic Eschatology. Cambridge, 1991. XIV, 303 p.
- de Lubac H.* La Postérité spirituelle de Joachim de Flore. 2 vols. Paris, 1979–1981.
- de Saint-Simon H.* Nouveau christianisme, dialogues entre un Conservateur et un Novateur. Premier dialogue. Paris, 1825. VIII, 91 p.
- Dorota I.* Les cours d'Adam Mickiewicz au Collège de France, vus par George Sand // Les amis de George Sand. 2007. No. 29. P. 41–58.
- du Cange Ch. et al.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Éd. augm. 10 tomes. Niort, 1883–1887.
- Erdmann M.* The Millennial Controversy in the Early Church. Eugen, 2005. xxv, 229 p.
- Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt. 1821–1849. 2nd edition, with corrections. Princeton, 1977. 424 p.
- Genevray F.* George Sand et ses contemporains russes. Audience, échos, réécritures. Paris — Montréal, 2000. (Des idées et des femmes). 413 p.
- Gry L.* Le millénarisme dans ses origines et son développement. Paris, 1904. 144 p.
- Guardini R.* Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs großen Romanen. Leipzig, 1932. 377 S.
- Henriet P.* George Sand et l'Église de l'avenir. À propos de *Spiridion* et de quelques autres œuvres // Archives des sciences sociales des religions. 2020. T. 190. P. 143–161.
- Hoog Naginski I.* George Sand mythographe. Clermont-Ferrand, 2007. (Cahiers romantiques). 273 p.
- Hudspith S.* Dostoevsky and the Idea of Russianness: A new perspective on unity and brotherhood. London — New York, 2004. X, 228 p.
- Karénine W.* George Sand, sa vie et ses œuvres. T. 3. Paris, 1899. VI, 696 p.
- Leroux P.* De l'humanité, de son principe, et de son avenir; où se trouve exposée la vraie définition de la religion, et où l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement du Mosaïsme et du Christianisme. 2 tomes. Deuxième éd. Paris, 1845.
- Leroux P.* Du cours de philosophie de Schelling. Aperçu de la situation de la philosophie en Allemagne // La Revue indépendante. 1842. T. 3. P. 289–348.
- Loulié B.* Alexei Khomiakov and the Slavophiles // Wiley-Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds. I. Paert, A. Kolosova, A. Shishkov. Oxford (forthcoming).
- Maigne d'Arnis W.-H.* Lexicon manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Paris, 1866 [репринт: Hildesheim — New York, 1977]. 2336 col.
- Markiewicz Z.* Mickiewicz i George Sand: dzieje przyjaźni i jej odbicie w literaturze // Pamiętnik Literacki. 1961. T. 52, no. 3. S. 51–76.
- [*Mazzini G.*] Adam Mickiewicz // The Polish Monthly Magazine (London). 1838. No. 2, Nov. P. 100–113.
- Mickiewicz A.* L'Église et le Messie. II. Cours de littérature slave du Collège de France. (1843–1844). Publié d'après les notes sténographiques. Deuxième partie. Religion et politique. Paris, 1845. XVI, 304 p.
- Naliwajek Z.* Romain Rolland et la littérature polonaise // Revue de littérature comparée. 2003. No. 3 (307). P. 325–338.
- Niermeyer J.F.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Leiden, 1976. XIX, 1138 p.

- Pommier J.* George Sand et le rêve monastique. *Spiridion*. Paris, 1966. 124 p.
- Puzyna I.* Dostoiewsky und das Evangelium aeternum // *Die christliche Frau*. 1933. Jg. 31. S. 42–47.
- Puzyna I.* George Sand et Dostoïevsky. La parenté littéraire des *Frères Karamazov* et du *Spiridion* // *Études*. 1939. T. 238. P. 345–360.
- Reeves M., Gould W.* Joachim of Fiore and the Myth of the Eternal Evangel in the Nineteenth Century. 2nd ed. Oxford, 2001. 448 p.
- Renan E.* Joachim de Flore et l'Évangile éternel // *Revue des Deux Mondes*. 1866. 2e période. T. 64. P. 94–142.
- Rojek P.* Mesjanizm integralny // *Pressje*. 2011. No. 26. S. 20–49.
- Rowley D. G.* “Redeemer Empire”: Russian millenarianism // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104, no. 5. P. 1582–1602.
- Royle E.* Robert Owen and the commencement of the millennium: A study of the Harmony community. Manchester — New York, 1998. XI, 274 p.
- S<and> G.* De la littérature slave, par M. Adam Mickiewicz // *La Revue indépendante*. 1843. T. 7. P. 378–401.
- Sand G.* Œuvres. Nouvelle édition revue par l'auteur. II. Lélia. III. Spiridion. Paris, 1842. 444 p.
- Sand G.* Spiridion. Berlin — Leipzig, 1839. 368 p.
- Sand G.* Spiridion. Dernière partie // *Revue des Deux Mondes*. 1839. Série 4. T. 17. P. 204–240.
- Sand G.* Œuvres complètes / sous la direction de Béatrice Didier. 1939. Spiridion / Édition critique par Isabelle Hoog Naginski, notes en collaboration avec Marie-Jacques Hoog. Paris, 2018. (Textes de littérature moderne et contemporaine; 197). 601 p.
- Schmid J.* Studien zu Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes. I. Teil: Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Kaisareia. Text. München, 1955. (Münchener theologische Studien; 1). [5], 296 S.
- Svetlikova I.* The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism. New York, 2013. x, 184 p.
- Tabor J. D.* Ancient Jewish and early Christian millennialism // *Oxford Handbook of Millennialism* / ed. by Catherine Wessinger. Oxford, 2011. P. 252–266.
- Tuveson E. L.* Idem, Millennium and utopia: a study in the background of the idea of progress. 2nd ed. New York, 1964. 254 p.
- Tuveson E. L.* Redeemer Nation: The Idea of America's Millennial Role. Chicago, 1968. 252 p.
- Viard J.* Socialistes chrétiens: George Sand, Dostoïevsky et Péguy // *Études*. 1974. T. 341. P. 389–413.
- Walicki A.* Mesjanizm Adama Mickiewicza w perspektywie porównawczej. Warszawa, 2006. 281 s.
- Walicki A.* The Paris lectures of Mickiewicz and Russian slavophilism // *The Slavonic and East European Review*. 1968. Vol. 46. P. 155–175.
- Webb Mealy J.* After the Thousand Years: Resurrection and Judgment in Revelation 20. Sheffield, 1992 (*Journal for the Study of the New Testament. Supplement Series*; 70). 250 p.
- Καρμίρη Ι.* Τὰ δογματικά καὶ συμβολικά μνήμεια τῆς Ὁρθοδόξου καθολικῆς Ἐκκλησίας. Ἔκδ. δευτέρα, ἐπιρξημένη καὶ βελτιωμένη. 2 τόμοι. Τ. ΙΙ. Graz, 1968. Σ. X, 435–1055.

References

- A. Ha. [von Harnack C. G. A.]. Millennium. In: *Encyclopaedia Britannica*, vol. 18. London, 1911. Pp. 461–463.
- Aksakov I. S. Pis'mo k izdateliu po povodu predydushchei stat'i [Letter to the publisher regarding the previous article]. *Russkii arkhiv*, 1873, vol. 11, col. 2508–2529. (In Russ.)
- Alunni S. *Secolarizzazione gioachimita e teologia politica. Il messianismo di Giuseppe Mazzini*. Roma, 2018. 323 p. (In Ital.)
- Ashimbaeva N. A. Maikov. Pis'ma k Dostoevskomu. 1867–1878 [Maikov. Letters to Dostoevsky. 1867–1878]. In: Ashimbaeva N. *Dostoevskii: kontekst tvorchestva i vremeni*. Sb. statei. Saint Petersburg, 2005. (B-ka al'manakha “Dostoevskii i mirovaia kul'tura”). Pp. 91–168. (In Russ.)
- Badalian D. A. Neopublikovannye pis'ma I. S. Aksakova o Pushkinskikh torzhestvakh 1880 g., uchastii v nikh F. M. Dostoevskogo i M. N. Katkova [Unpublished letters of I. S. Aksakov about the Pushkin celebrations of 1880, the participation of F. M. Dostoevsky and M. N. Katkov in them]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2023, iss. 3 (79), pp. 40–73. (In Russ.)
- Bakounine M. *La théologie politique de Mazzini et l'Internationale*. Neuchâtel, 1871. 111 p. (In French)
- Barsht K. A. O kontsepte *pochva* v trudakh starshikh slavianofilov i v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1860–1870-kh gg. [On the concept of *soil* in the works of senior Slavophiles and in the works of F. M. Dostoevsky in the 1860s–1870s.] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 2022, vol. 19, iss. 1, pp. 4–28. (In Russ.)
- Barsht K. A. Filosofskaia teologija F. Shleiermakhera i religioznoe reformatorstvo v proizvedeniiakh I. V. Kireevskogo i F. M. Dostoevskogo [Philosophical theology of F. Schleiermacher and religious reformism in the works of I. V. Kireevsky and F. M. Dostoevsky]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 57–59. (In Russ.)
- Beer M. *A History of British Socialism*. Vol. 1. London — New York, 2002. XXIV, 364 p.
- Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 13 vols., ed. N. F. Bel'chikov. Vol. 10. Moscow, 1956. 474 p. (In Russ.)
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo. Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniie* [Library of F. M. Dostoevsky. Reconstruction experience. Scientific description], ed. N. F. Budanova. St. Petersburg, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Bietenhard H. *Das tausendjährige Reich. Eine biblisch-theologische Studie*. 2. Aufl. Zürich, 1955. 174 S. (In Germ.)
- Biografiia, pis'ma i zamecki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoevskogo* [Biography, letters and notes from the notebook of F. M. Dostoevsky], ed. N. N. Strakhov. Saint Petersburg, 1883. 839 p. (In Russ.)
- Bowman F. George Sand, le Christ et le Royaume. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 1976, no. 28, pp. 243–262. (In French)
- [Butashevich-Petrashevskii M. V.]. Neo-khristianizm. In: *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav Russkogo iazyka*, izd. N. Kirilovym. Saint Petersburg, 1845. P. 239. (In Russ.)

- [Butashevich-Petrashevskii M. V.]. Ovenizm. In: *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav Russkogo iazyka*, izd. N. Kirilovym. Saint Petersburg, 1845. Pp. 363–366. (In Russ.)
- Claeys G. *Machinery, Money and the Millennium: From Moral Economy to Socialism, 1815–1860*. Princeton, 1987. XXX, 245 p.
- Cohn N. *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages*. Rev. and exp. ed. Oxford, 1970. 412 p.
- Court J. M. *The Apocalypse: A Short History of Christian Millenarianism*. London — New York, 2008. XV, 231 p.
- Daley B. E. *The Hope of the Early Church: A Handbook of Patristic Eschatology*. Cambridge, 1991. XIV, 303 p.
- de Lubac H. *La Postérité spirituelle de Joachim de Flore*: in 2 vols. Paris, 1979–1981. (In French)
- de Saint-Simon H. *Nouveau christianisme, dialogues entre un Conservateur et un Novateur. Premier dialogue*. Paris, 1825. VIII, 91 p. (In French)
- Dmitriev-Mamonov E. A. Nauka i predanie [Science and tradition]. *Otechestvennye zapiski*, 1875, no. 8, Sovremennoe obozrenie, pp. 245–265; no. 11, Sovremennoe obozrenie, pp. 30–37. (In Russ.)
- Dmitriev-Mamonov E. A. Slavianofily. Istoriko-kriticheskii ocherk. (Po povodu stat' i g-na Pypina) [Slavophiles. Historical and critical essay. (Regarding Mr. Pypin's article)]. *Russkii arkhiv*, 1873, vol. 11, col. 2488–2508. (In Russ.)
- Dorota I. Les cours d'Adam Mickiewicz au Collège de France, vus par George Sand. *Les amis de George Sand*, 2007, no. 29, pp. 41–58. (In French)
- Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: ezhe mesiachnoe izdanie. 1881. Ianvar'* [The Diary of the Writer: monthly edition. 1881. January]. Saint Petersburg, 1881. 32 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M., Dostoevskaia A. G. *Perepiska* [Correspondence], izd. podg. S. V. Belov, V. A. Tunimanov. Leningrad, 1976. (Literaturnye pamiatniki). 483 p. (In Russ.)
- du Cange Ch. et al. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Éd. augm. 10 tomes. Niort, 1883–1887. (In French)
- Dunaev A. G. *Predislovie [k razdelu "Papii Ierapol'skii"]* [Preface [to the section "Papias of Hierapolis?"]]. In: *Pisaniia muzhei apostol'skikh*, sost. A. G. Dunaev, ed. 2nd. Moscow, 2008. (Tvoreniiia sviatykh ottsov i uchitelei Tserkvi). Pp. 429–445. (In Russ.)
- Erdmann M. *The Millennial Controversy in the Early Church*. Eugen, 2005. XXV, 229 p.
- Frank J. *Dostoevsky: The Seeds of Revolt. 1821–1849*. 2nd ed., with corr. Princeton, 1977. 424 p.
- Gacheva A. G. Tsarstvie Bozhie na zemle v ponimanii F. M. Dostoevskogo [The Kingdom of God on Earth in the Understanding of F. M. Dostoevsky]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki. Vyp. 7: Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr*, iss. 4. Petrozavodsk, 2005. Pp. 312–323. (In Russ.)
- Genevray F. *George Sand et ses contemporains russes. Audience, échos, réécritures*. Paris — Montréal, 2000. (Des idées et des femmes). 413 p. (In French)

- Gospoda nashego Iisusa Khrista Novyi Zavet*. Saint Petersburg, 1823. XVI, 620 p. Skan of F. M. Dostoevsky's exemplare: https://fedordostoevsky.ru/pdf/evangelie_original.pdf (accessed: 02.08.2023). (In Russ.)
- Grossman L. *Dostoevskii — reaktsioner. Dostoevskij i pravitel'stvennye krugi 1870-kh godov. Pis'ma konservatorov k Dostoevskomu* [Dostoevsky the Reactionary. Dostoevsky and Government Circles of the 1870s. Letters from Conservatives to Dostoevsky], ed. O. Zolot'ko. Moscow, 2015. 140 p. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoevskii*, ed. 2nd, corr. and ext. Moscow, 1965. (Zhizn' zamechate-l'nykh liudei; iss. 4 (357)). 605 p. (In Russ.)
- Grossman L. *Poslednii roman Dostoevskogo* [The last novel by Dostoevsky]. In: Dostoevskii F. M. *Brat'ia Karamazovy*. Moscow, 1935. Pp. 3–51. (In Russ.)
- Gry L. *Le millénarisme dans ses origines et son développement*. Paris, 1904. 144 p. (In French)
- Guardini R. *Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs großen Romanen*. Leipzig, 1932. 377 S. (In Germ.)
- Henriet P. George Sand et l'Église de l'avenir. À propos de *Spiridion* et de quelques autres œuvres. *Archives des sciences sociales des religions*, 2020, t. 190, pp. 143–161. (In French)
- Hoog Naginski I. *George Sand mythographe*. Clermont-Ferrand, 2007. (Cahiers romantiques). 273 p.
- Hudspeth S. *Dostoevsky and the Idea of Russianness: A new perspective on unity and brotherhood*. London — New York, 2004. X, 228 p.
- Ivanov P. K. *Taina sviatykh. Vvedenie v Apokalipsis* [The Mystery of the Saints. Introduction to the Apocalypse]. Paris, 1949. 606 p. (In Russ.)
- Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaia literatura XIX veka. (Mify i real'nost'). 1830–1860 gg.* [George Sand and Russian Literature of the 19th century (Myths and reality). 1830–1860s]. Tomsk, 1998. 410 p. (In Russ.)
- Karénine W. *George Sand, sa vie et ses œuvres*, t. 3. Paris, 1899. VI, 696 p. (In French)
- Καρμίρη Ί. *Τὰ δογματικά καὶ συμβολικά μνήμεια τῆς Ὀρθοδόξου καθολικῆς Ἐκκλησίας. Ἔκδ. δευτέρα, ἐπιρὼξημένη καὶ βελτιωμένη. 2 τόμοι. Τ. ΙΙ. Graz, 1968. X, 435–1055 p.* (In Greek)
- Kasatkina T. A. “Zapiski iz podpol'ia” i “Masha lezhit na stole...”: Opyt medlennogo chteniia v blizhaishem kontekste [“Notes from the Underground” and “Masha is lying on the table...”: An experience of slow reading in the nearest context]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2018, no. 1, pp. 121–147. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vy-skazyvaniia* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: An Artistic Way of Expression]. Moscow, 2019. (Russkaia literatura i filosofia: puti vzaimode-istviia). 335 p. (In Russ.)
- Khomiakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 12 vols., ed. A. P. Dmitrieva. Vol. 8. Saint Petersburg, 2021. 413 p.; Vol. 9. Saint Petersburg, 2021. 784 p.; Vol. 10, part 1. Saint Petersburg (in print). (In Russ.)
- Kibal'nik S. A. K voprosu o vliianii na Dostoevskogo frantsuzskoi sotsial'no-utopi-cheskoi mysli i literatury (Dostoevskii i Et'en Kabe) [On the influence of French social-utopian thought and literature on Dostoevsky (Dostoevsky and Etienne

- Cabet)]. In: *Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*, a cura di S. Aloe. Napoli, 2012. Pp. 87–108. (In Russ.)
- Kiiko E. I. Dostoevskii i Zhorzh Sand [Dostoevsky and George Sand]. *Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1982, vol. 24, no. 1–2, pp. 65–85. (In Russ.)
- Kireevskii I. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], izd. A. I. Koshel've: in 2 vols. Moscow, 1861. (In Russ.)
- Kogan G. F. Vechnoe i tekushchee. (Evangelië Dostoevskogo i ego znachenie v zhizni i tvorchestve pisatel'ia) [Eternal and Current. (The Gospel of Dostoevsky and its significance in the life and work of the writer)]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*: almanac, 1994, no. 3, pp. 27–42. (In Russ.)
- Korbella K. Romano Guardini: prisutstvie Khrista v tekstakh Dostoevskogo [Romano Guardini: The presence of Christ in Dostoevsky's texts]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*: almanac, 2019, no. 2, pp. 147–159. (In Russ.)
- Koshelev A. Otzyv po povodu slova, skazannogo F. M. Dostoevskim na Pushkinskom torzhestve [Review of the speech given by F. M. Dostoevsky at the Pushkin celebration]. *Russkaia mysl'*, 1880, no. 10, pp. 1–6. (In Russ.)
- Kotel'nikov V. A. Apokaliptika i eskhatologija u Dostoevskogo [Apocalypticism and Eschatology in Dostoevsky]. *Russkaia literatura*, 2011, no. 3, pp. 51–67. (In Russ.)
- Kotel'nikov V. A. Srednevekov'e Dostoevskogo [Dostoevsky's Middle Ages]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 16. Saint Petersburg, 2001. Pp. 23–31. (In Russ.)
- Kotel'nikov V. A. Teologija istorii Ioakhima Florskogo v retseptsiakh F. Dostoevskogo i Z. Krasin'skogo [Theology of History by Joachim of Fiore in the Receptions of F. Dostoevsky and Z. Krasinsky]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 122–127. (In Russ.)
- Kotel'nikov V. A. F. M. Dostoevskii na puti k "okonchatel'nomu idealu" [F. M. Dostoevsky on the way to the "final ideal"]. *Russko-vizantiiskii vesnik*, 2022, no. 2 (9), pp. 11–25. (In Russ.)
- Leont'ev K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*: in 12 vols. Vol. 9. *Literaturno-kriticheskie stat'i i retsenzii 1860–1890 godov* [Complete works and letters. Literary critical articles and reviews from the 1860s to the 1890s], text prep. and comment. comp. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg, 2014. 974 p. (In Russ.)
- Leont'ev K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*: v 12 t. T. 12. Kn. 3. *Pis'ma 1891 goda. Dopoleniia* [Complete works and letters. Letters of 1891. Additions], text prep. and comment. comp. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg, 2021. 808 p. (In Russ.)
- Leroux P. *De l'humanité, de son principe, et de son avenir; où se trouve exposée la vraie définition de la religion, et où l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement du Mosaïsme et du Christianisme*: 2 tomes. Deuxième éd. Paris, 1845. (In French)
- Leroux P. Du cours de philosophie de Schelling. Aperçu de la situation de la philosophie en Allemagne. *La Revue indépendante*, 1842, t. 3, pp. 289–348. (In French)
- Lobkovits N. Ioakhim Florskii i Millenium, per. s nem. D. Atlasa. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 3, pp. 55–68. (In Russ.)
- Lourié B. Alexei Khomiakov and the Slavophiles. *Wiley-Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity*, eds. I. Paert, A. Kolosova, A. Shishkov. Oxford (forthcoming).

- Lur'e V. Anonimnaia retsenziia na *Stikhotvoreniia* A. S. Homiakova: Apollon Grigor'ev ili F. M. Dostoevskii? [Anonymous review of Poems by A. S. Khomyakov: Apollon Grigor'ev or F. M. Dostoevsky?] *Russian literature*, 2022, vol. 134, pp. 73–95. (In Russ.)
- Lur'e V. M. Dogmatika “religii liubvi”. Dogmaticheskie predstavleniia pozdnego Dostoevskogo [Dogmatics of the “religion of love”. Dogmatic ideas of the late Dostoevsky]. In: *Khristianstvo i russkaia literatura*. Sb. 2. Saint Petersburg, 1996. Pp. 290–309. (In Russ.)
- Lur'e V. M. “Brat'ia Karamazovy”. “Dnevnik pisatel'ia”. Dopolneniia k kommentariiu. 1. “Prilog po Damaskinu”. 2. “Tserkov' — ves' narod” [“The Brothers Karamazov”. “A Writer's Diary”. Supplements to the commentary. 1. “An Addendum on Damascene”. 2. “The Church — the Whole Nation”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 9. Saint Petersburg, 1991. Pp. 246–249. (In Russ.)
- Lur'e V. M. “Sobornost'”: poivlenie termina i poniat'ia v trudakh Psevdo-Khomiakova [“Sobornost'”: the emergence of the term and concept in the works of Pseudo-Khomyakov]. *Studia Religiosa Rossica*, 2020, no. 1, pp. 72–88. (In Russ.)
- Maigane d'Arnis W.-H. *Lexicon manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. Paris, 1866 [reprint: Hildesheim — New York, 1977]. 2336 col. (In French)
- Markiewicz Z. Mickiewicz i George Sand: dzieje przyjaźni i jej odbicie w literaturze. *Pamiętnik Literacki*, 1961, t. 52, no. 3, pp. 51–76. (In Pol.)
- [Mazzini G.] Adam Mickiewicz. *The Polish Monthly Magazine* (London), 1838, no. 2, Nov., pp. 100–113. (In Pol.)
- Mickiewicz A. *L'Église et le Messie. II. Cours de littérature slave du Collège de France. (1843–1844): Publié d'après les notes sténographiques. Deuxième partie. Religion et politique*. Paris, 1845. XVI, 304 p. (In French)
- Mil'china V. A. O romane “Spiridion” [On the novel *Spiridion*]. In: Sand G. *Spiridion*, per. V. A. Mil'chينوi. Moscow, 2012. Pp. 293–318. (In Russ.)
- Naliwajek Z. Romain Rolland et la littérature polonaise. *Revue de littérature comparée*, 2003, no. 3 (307), pp. 325–338. (In French)
- Neizdannyy Dostoevskii. *Zapisnye knizhki i tetradi. 1860–1881 gg.* [Unpublished Dostoevsky. Notebooks and notebooks. 1860–1881], eds. I. S. Zil'bershteina i L. M. Rozenblium. Moscow, 1971. (Literaturnoe nasledstvo; vol. 83). 727 p. (In Russ.)
- Niermeyer J. F. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, 1976. XIX, 1138 p. (In Latin)
- Panaev I. I. *Literaturnye vospominaniia* [Literature memoirs], vstup. stat'ia i komment. I. G. Iampol'skogo. Moscow, 1988. (Literaturnye vospominaniia). 448 p. (In Russ.)
- Pommier J. *George Sand et le rêve monastique. Spiridion*. Paris, 1966. 124 p. (In French)
- Puzyna I. Dostoevsky und das Evangelium aeternum. *Die christliche Frau*, 1933, Jg. 31, pp. 42–47. (In Germ.)
- Puzyna I. George Sand et Dostoevsky. La parenté littéraire des *Frères Karamazov* et du *Spiridion*. *Études*, 1939, t. 238, pp. 345–360. (In French)
- Reeves M., Gould W. *Joachim of Fiore and the Myth of the Eternal Evangel in the Nineteenth Century*. 2nd ed. Oxford, 2001. 448 p.
- Renan E. Joachim de Flore et l'Évangile éternel. *Revue des Deux Mondes*, 1866, 2e période, t. 64, pp. 94–142. (In French)
- Rojek P. Mesjanizm integralny. *Pressje*, 2011, no. 26, pp. 20–49. (In Pol.)

- Rowley D.G. “Redeemer Empire”: Russian millenarianism. *The American Historical Review*, 1999, vol. 104, no. 5, pp. 1582–1602.
- Royle E. *Robert Owen and the commencement of the millennium: A study of the Harmony community*. Manchester — New York, 1998. XI, 274 p.
- Samarin Iu. F. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 5 vols., ed. A.N. Nikoliukina. Vol. I. Saint Petersburg, 2013. 527 p. (In Russ.)
- Sand G. De la littérature slave, par M. Adam Mickiewicz. *La Revue indépendante*, 1843, t. 7, pp. 378–401. (In French)
- Sand G. *Œuvres. Nouvelle édition revue par l’auteur. II. Lélia. III. Spiridion*. Paris, 1842. 444 p. (In French)
- Sand G. *Spiridion*. Berlin — Leipzig, 1839. 368 p. (In French)
- Sand G. Spiridion. Dernière partie. *Revue des Deux Mondes*, 1839, série 4, t. 17, pp. 204–240. (In French)
- Sand G. *Œuvres complètes, sous la direction de Béatrice Didier. 1939. Spiridion*, édition critique par Isabelle Hoog Naginski, notes en collaboration avec Marie-Jacques Hoog. Paris, 2018. (Textes de littérature moderne et contemporaine; 197). 601 p. (In French)
- Sand G. *Spiridion*, per. V.A. Mil’chanoi. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
- Schmid J. *Studien zu Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes. I. Teil: Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Kaisareia. Text*. München, 1955. (Münchener theologische Studien; 1). [5], 296 S. (In Germ.)
- Semevskii V.I. *Sobranie sochinenii* [Works]. Vol. 2. *M. V. Butashevich-Petrashkevskii i petrashevtsy*, pod red. V. Vodovozova. Part 1. Moscow, 1922. 217 p. (In Russ.)
- Sharapov S.F. *Rossiiia budushchego* [Russia of the future], sost., predisl., primech., imennoi slovar’ A.D. Kaplina. Moscow, 2011. (Russkaia tsivilizatsiia). 720 p. (In Russ.)
- Svetlikova I. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. New York, 2013. X, 184 p.
- Tabor J.D. Ancient Jewish and early Christian millennialism. In: *Oxford Handbook of Millennialism*, ed. by Catherine Wessinger. Oxford, 2011. Pp. 252–266.
- Taube M.F. Dostoevskii kak slavianofil [Dostoevsky as a Slavophile]. In: *Pamiatka o F.M. Dostoevskom*. Harkov, 1906. (Otdel’nye ottiski iz zhurnala “Mirnyi trud” za 1906 g.). Pp. 1–14. (In Russ.)
- Taube M.F. *Slavianofil’stvo i ego opredeleniia* [Slavophilism and its definitions]. Harkov, 1905. 28 p. (In Russ.)
- Tuveson E.L. *Idem, Millennium and utopia: a study in the background of the idea of progress*, 2nd ed. New York, 1964. 254 p.
- Tuveson E.L. *Redeemer Nation: The Idea of America’s Millennial Role*. Chicago, 1968. 252 p.
- Viard J. Socialistes chrétiens: George Sand, Dostoïevsky et Péguy. *Études*, 1974, t. 341, pp. 389–413. (In French)
- Viktorovich V.A. “Skhvatka s Gradovskim”: prichiny i sledstvia [“Fight with Gradovsky”: causes and consequences]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2022, no. 9 (4), pp. 231–261. (In Russ.)
- Volgin I.L. Pis’ma I. S. Aksakova k F. M. Dostoevskomu [Letters from I. S. Aksakov to F. M. Dostoevsky]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literaturny i iazyka*, 1972, vol. 31, iss. 4, pp. 349–362. (In Russ.)

- Walicki A. *Mesjanizm Adama Mickiewicza w perspektywie porównawczej*. Warszawa, 2006. 281 p. (In Pol.)
- Walicki A. The Paris lectures of Mickiewicz and Russian slavophilism. *The Slavonic and East European Review*, 1968, vol. 46, pp. 155–175.
- Webb Mealy J. *After the Thousand Years: Resurrection and Judgment in Revelation 20*. Sheffield, 1992 (Journal for the Study of the New Testament. Supplement Series; 70). 250 p.
- Zolotarev A. V. Svoeobrazie khiliasticheskoi utopii Dostoevskogo [The Peculiarities of Dostoevsky's Chiliastic Utopia]. *Russko-vizantiiskii vestnik*, 2022, no. 3 (10), pp. 12–26. (In Russ.)
- Zolotarev A. V. Spor Leont'eva s Dostoevskim o khiliazme: vkhozhdenie temy Apokalipsisa v krug problem russkoi religioznoi filosofii [Leontiev's dispute with Dostoevsky on chiliasm: the entry of the theme of the Apocalypse into the circle of problems of Russian religious philosophy]. *Khristianskoe chtenie*, 2018, no. 4, pp. 150–160. (In Russ.)

И. И. ЕВЛАМПИЕВ *

ORCID ID: 0000-0002-7209-2616

ДОСТОЕВСКИЙ И ОРИГЕН

Аннотация: В статье доказывается существенное сходство некоторых ключевых положений учения Оригена, изложенного в трактате «О началах», и важнейших положений философского мировоззрения Достоевского. Прежде всего это утверждение о том, что каждый человек после смерти получает новое тело и новую жизнь, соответствующие степени совершенства его предшествующей жизни; эта новая жизнь может протекать как в нашем земном мире, так и в иных мирах, которые сосуществуют с нашим или следуют за ним во времени. Оба мыслителя создавали свои учения в рамках традиции гностического христианства, в котором главным принципом является признание человека божественным существом, обладающим абсолютной свободой и имеющим целью достижение абсолютного совершенства в земной жизни.

Ключевые слова: Ориген, гностическая традиция, переселение душ, иные миры.

I. EVLAMPIEV

DOSTOEVSKY AND ORIGEN

Annotation: The article proves the essential similarity of some key provisions of Origen's teaching, set forth in the treatise "On the Principles", and the most important provisions of Dostoevsky's philosophical worldview. First of all, this is the statement that every person after death receives a new body and a new life, corresponding to the degree of perfection of his previous life; this new life can take place both in our earthly world and in other worlds that coexist with ours or follow it in time. Both thinkers created their teachings within the tradition of Gnostic Christianity, in which the main principle is the recognition of man as a divine being, possessing absolute freedom and aiming to achieve absolute perfection in earthly life.

Key words: Origen, Gnostic tradition, transmigration of souls, other worlds.

---

* Игорь Иванович Евлампиев, д-р филос. наук, проф. кафедры русской философии и культуры Института философии СПбГУ; Igor I. Evlampiev, Dr. of Sciences in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. yevlampiev@mail.ru

Ориген (ок. 185 — ок. 253) занимает уникальное место в истории европейской мысли. С одной стороны, он является первым, кто принял попытку дать последовательное и системное философское изложение христианского мировоззрения, и все последующие богословы и философы были вынуждены иметь в виду эту первую детально проработанную интерпретацию вероучения. Но, с другой стороны, на протяжении столетий церковные историки старались преуменьшить значение Оригена и особенно его главного трактата «О началах»: признавалось, что Ориген внес вклад в разработку некоторых важных христианских концепций (апофатическое понимание Бога, идея Троицы, концепция Христа-Логоса как творящего начала и др.), но его учение в целом оценивалось не очень высоко в связи с тем, что оно якобы было непоследовательным и противоречивым, а некоторые его ключевые идеи были осуждены как еретические¹. Получалось, что наследие Оригена может быть интересно только узким специалистам, историкам и культурологам, но оно не имеет значения для современности и ее актуальных проблем. Здесь мы имеем показательный пример искажения исторической истины, осуществленного христианской церковью, чтобы умалить значение одного из главных мыслителей раннего христианства, не укладывающегося в ортодоксальную традицию. На самом деле Ориген создал последовательную философско-богословскую систему, основанную на принципах гностического христианства и продолжавшую традицию великих гностических систем II в. (Валентин, Василид и др.). В последующие века к Оригену особенно часто обращались мыслители, которые не хотели мириться с искажениями, внесенными в учение Иисуса Христа господствующей церковью и пытались восстановить это учение в его первозданной чистоте, понимая, что оно остается живым только в гностических учениях².

Ориген оказался самым значимым из мыслителей первых веков христианства, благодаря которым подлинное учение Иисуса Христа сохранилось в истории и дошло до наших дней, вдохновляя других искателей истины на подвиг восстановления этого учения после многих веков искажений и замалчивания. Достоевский ни разу не упоминает имя Оригена в своих текстах, но, поскольку он сам был великим искателем истинного христианства и пытался увидеть зерна истины Христа в самых разных учениях древности

---

¹ См., например: *Болотов В. В.* Учение Оригена о Святой Троице. СПб., 1879; *Снацкий А.* История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Тринитарный вопрос (История учения о Св. Троице). 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; *Петров В. В.* Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV–IX веков // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 301–327.

² См.: *Евлатицев И. И.* Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб., 2023.

и современности, его мысль не могла не прийти в идейный резонанс с мыслью Оригена³.

В письме от 9 августа 1838 г. Достоевский писал брату Михаилу: «Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» (28₁, 49). Исследователи не решаются предположить, откуда мог взять эту мысль шестнадцатилетний юноша, увлекавшийся Шиллером, Гофманом и Бальзаком; считается, что эти слова отражают собственные мировоззренческие искания Достоевского, еще не оформившиеся в какую-то ясную форму. Однако человек, хорошо знающий богословие раннего христианства, воспримет это высказывание не как пример юношеских религиозных исканий, а как достаточно адекватное (хотя и художественно оформленное) выражение известнейшей концепции, вызывавшей яростные споры у мыслителей III–V вв. Чтобы увидеть связь этого высказывания с учением Оригена, мы возьмем последнее не в его собственной, достаточно сложной форме (об этом речь пойдет ниже), а в лаконичной интерпретации В. С. Соловьева, приведенной в статье об Оригене для энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Соловьев так характеризует понимание земного мира и земного человека в учении Оригена: «Ориген настаивает на том, что наш физический мир есть только результат, частью прямой, частью косвенный, нравственного падения духовных существ. <...> Ориген утверждает, что первожденные духовные существа, охладевая в своей пламенной любви к Богу, становятся душами и ниспадают в область чувственного бытия»⁴. При очевидном различии художественно-романтического стиля молодого Достоевского и рационального стиля зрелого Соловьева в их высказываниях нетрудно усмотреть разные формы выражения одной и той же религиозной концепции⁵.

---

³ О гностическом характере мировоззрения Достоевского подробнее см.: *Евлатиев И. И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб., 2021. В текстах Достоевского упоминаются Григорий Богослов, Василий Великий и Иоанн Златоуст — известные богословы первых веков христианства, опиравшиеся на наследие Оригена (9, 149; 24, 202, 205; 27, 66). Влияние этих мыслителей на Достоевского уже частично анализировалось в исследовательской литературе; см.: *Баритт К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. С. 224–236.

⁴ *Соловьев В. С.* Ориген // *Философский словарь Владимира Соловьева*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 337.

⁵ В качестве одного из возможных источников идеи, которую воспроизводит Достоевский, можно назвать небольшую книгу Ореста Марковича Новицкого «О духоборцах», изданную в Киеве в 1832 г. Пересказывая основные положения учения духоборов, в том числе мысль о существовании человеческих душ до сотворения мира в высшей духовной реальности и их падении в низший материальный мир, автор в качестве их основания указывает верования древнейших гностиков и их позднейших продолжателей (манихеи, павликиане, альбигойцы и др.) (см.: *Новицкий О.* О духоборцах. Киев, 1832. С. 49–51,

В качестве второго примера возьмем известное высказывание Князя из рукописных набросков к роману «Бесы»: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, бесперывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: “Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает”. Я думаю, люди становятся бесами или ангелами. Говорите: несправедливо наказание вечное, и пищеварительная французская философия выдумала, что все будут прощены. Но ведь земная жизнь есть процесс перерождения. Кто виноват, что вы переродитесь в черта. Все взвесится, конечно. Но ведь это факт, результат — точно так же, как и на земле все исходит одно из другого. Не забудьте тоже, что “времени больше не будет”, так клялся ангел. Заметьте еще, что бесы — знают. Стало быть, и в загробных натурах есть сознание и память, а не у одного человека, — правда, может быть, нечеловеческие. Умереть нельзя. Бытие есть, а небытия вовсе нет» (11, 184).

Этот фрагмент уже неоднократно подвергался анализу и интерпретации, и исследователи пришли к выводу, что содержащаяся здесь идея о перерождении человека после смерти в ангела или беса происходит из учения известного шведского мистика и визионера Э. Сведенборга⁶. Для подтверждения связи приведенного рукописного фрагмента Достоевского с представлениями Сведенборга и в данном случае можно обратиться не к собственным трудам последнего, а к изложению его взглядов в соответствующей статье Владимира Соловьева, написанной для энциклопедии Брокгауза и Эфрона (именно так поступает Б. Н. Тихомиров в своем детальном анализе влияния Сведенборга на творчество Достоевского): «Весьма оригинально в теософии Сведенборга, что он не признает до-человеческого и сверхчеловеческого происхождения ангелов и демонов, а видит в них лишь эволюцию человека в двух

103–110). В числе прочих упоминается и учение Оригена, также содержащее указанную мысль: «В своем сочинении “О началах” он (Ориген. — *И. Е.*) пишет, что души наши были ангелами и что они заключены в тела в наказание за грехи, совершенные ими в состоянии первоначальном» (Там же. С. 104). Книга (магистерская диссертация) Новицкого стала одним из первых объективных исследований нецерковных религиозных движений в России. Молодой Достоевский живо интересовался такого рода движениями, поэтому логично предположить, что он мог знать указанную работу. Новицкий позже стал профессором кафедры философии Киевского императорского университета св. Владимира, известным исследователем истории античной и раннехристианской философии. В 1862 г. в Киеве вышел из печати 4-й том его истории древней философии «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований», в котором было дано первое на русском языке подробное изложение гностических учений I–II вв. Весьма вероятно, что и эта книга была известна Достоевскому, именно из нее он мог почерпнуть сведения о гностическом христианстве и его первых философских интерпретациях — о той традиции, в рамках которой он сформировал свое собственное религиозно-философское мировоззрение (выражаю благодарность К. А. Баршту за информацию о книге Новицкого).

⁶ См.: *Тихомиров Б. Н.* Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // *Неизвестный Достоевский.* 2016. № 3. С. 92–127.

противоположных направлениях, так что и до смерти каждый человек есть уже, в сущности, или ангел, или дьявол, и тот, у кого, как у Сведенборга, открылось духовное зрение, может это ясно различать»⁷.

Определение «оригинально», которым Соловьев характеризует теософское учение Сведенборга, можно понять как указание на его уникальность, отсутствие для него каких бы то ни было ясных оснований в предшествующем христианском богословии. Именно так и понимают идеи Сведенборга современные исследователи, указывающие на их использование в текстах Достоевского. Это оказывается ошибкой, которая не позволяет понять подлинный источник приведенных фрагментов и, что еще более важно, не позволяет понять их глубокий смысл в контексте философского мировоззрения писателя. Отметим, что сам Соловьев не совершает такой ошибки. Утверждая в начале статьи, что Сведенборг при создании своего теософского учения не опирался на какие-то «книжные источники» (он вообще плохо знал религиозную и философскую литературу), Соловьев затем делает важное замечание, которое опровергает мнение о совершенной оригинальности учения Сведенборга: «Оригинальность теософского учения Сведенборга не исключает, однако, существенных аналогий между ним и другими известными (нам, но не ему) учениями — именно некоторыми системами гностицизма и особенно еврейской каббалой»⁸. Соловьев не уточняет, что он здесь имеет в виду. Однако поскольку в еврейской каббале нет ничего похожего на превращение человека после смерти в ангела или беса, можно заключить, что присутствие этой идеи в учении Сведенборга Соловьев объяснял для себя влиянием какой-то гностической системы. Как мы покажем ниже, в качестве таковой наиболее естественно рассматривать учение Оригена.

Обращаясь к тексту главного трактата Оригена «О началах», мы находим вполне последовательную систему идей, развивающую традицию истинного, гностического христианства. Начинает свое учение Ориген с разработки концепции абсолютно непостижимого Бога, которого невозможно ввести в круг каких-либо определений (поскольку все определения — это ограничения): ни определения личности, ни определения троичности, ни даже определения бытия. Наиболее адекватным описанием Бога оказывается представление его в виде абсолютного света, пронизывающего мир и просвещающего людей. Ориген оговаривается, что этот образ является сугубо символическим, что Бог принципиально непостижим и «невыразимо и несравнимо превосходит» все духовные существа: «...мы утверждаем, сообразно с истиной, что Бог непостижим и неоценим. Даже и в том случае, если бы мы получили возможность знать или понимать что-либо о Боге, мы все равно,

---

⁷ Соловьев В. С. Сведенборг // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 441–442.

⁸ Там же. С. 439.

по необходимости, должны верить, что Он несравненно лучше того, что мы узнали о Нем»⁹.

Следующий раздел трактата Оригена посвящен описанию метафизической сущности Христа. Он понимается как творящее начало, рождаемое Богом-Отцом и содержащее в себе идеальную модель творимого мира. В этом аспекте Ориген отождествляет Христа с Премудростью (Софией); в то же время определение Христа как Слова, Логоса означает его функцию просвещения людей, сообщения им «тайн духа»: «В <...> ипостаси Премудрости находились вся сила и предначертание будущего творения — и того, что существует с самого начала мира, и того, что происходит впоследствии; все это было предначертано и расположено в Премудрости силою предвидения. <...> Премудрость предначертывает и содержит в Себе начала всей твари. Так же должно понимать и наименование Премудрости Словом Божиим, а именно в том смысле, что Премудрость открывает всем прочим (существам), т. е. всей твари, познание тайн и всего сокровенного, содержащегося внутри Божьей Премудрости: Она называется Словом потому, что служит как бы толкователем тайн духа»¹⁰.

Ориген утверждает, что Бог-Отец рождает Христа-Премудрость не во времени, а в вечности, на основании этого многие ортодоксальные исследователи утверждали и утверждают, что Ориген приближается к формулировке идеи Троичного Бога, принятой через сто лет на Никейском соборе в качестве важнейшего догмата церковного учения. На самом деле это убеждение ничего общего не имеет с действительностью: представления Оригена являются естественным развитием гностического христианства, существовавшего в органической целостности учения Иисуса Христа, и они несовместимы с догматическим учением церкви¹¹. Это наглядно проявляется в его утверждении, что

⁹ Ориген. О началах. Против Цельса. СПб., 2008. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 69.

¹¹ Неприятие Оригеном грубых церковных представлений его эпохи в некоторых случаях проявляется с удивительной откровенностью. Защищая свой метод сугубо аллегорической интерпретации ветхозаветных сюжетов, он не скрывает своего резко негативного отношения к общепринятой буквальной их трактовке. Особенно сильное возмущение у него вызывает прямолинейное понимание истории Творения в Книге Бытия: «Кто, имея разум, подумает, что первый, второй и третий день, также вечер и утро были без солнца, луны и звезд, а первый день — даже и без неба? Кто настолько глуп, чтобы подумать, будто Бог, по подобию человека-земледела, насадил рай в Эдеме на востоке и в нем сотворил дерево жизни, видимое и чувственное, чтобы вкушающий от плода его телесными зубами тем самым обновлял свою жизнь, а кушающий от плодов дерева (познания) добра и зла участвовал бы в добре и зле?» (Ориген. О началах. Против Цельса. С. 363–364). Не менее язвительно он относится к тем, кто слишком буквально понимает описаниерая в Откровении Иоанна и после воскресения «желают таких тел, которые никогда не были бы лишены способности есть, пить и делать все, что свойственно плоти и крови»; такие верующие хотя и совершенства, а продолжения грубых чувственных наслаждений. «Так думают те, — подводит итог Ориген, — которые, хотя и веруют во Христа, но понимают божественные Писания по-иудейски и в этих (обетованиях)

Христос-Премудрость как творящий принцип является *ограниченным по своим способностям божественным началом*. «Теперь возвратимся к предположенному плану рассуждения и рассмотрим начало твари, каким бы ни созерцал это начало ум Творца — Бога. Должно думать, что в этом начале Бог сотворил такое число разумных или духовных тварей (или как бы ни называть те твари, которые мы наименовали выше умами), сколько, по Его предвидению, могло быть достаточно. Несомненно, что Бог сотворил их, наперед определивши у Себя некоторое число их. Ведь не должно думать, что тварям нет конца, как этого желают некоторые, потому что где нет конца, там нет и никакого познания и невозможно никакое описание. Если бы это было так, то Бог, конечно, не мог бы содержать сотворенное или управлять им, потому что бесконечное по природе — непознаваемо»¹². Здесь «начало твари», которое *не может управлять бесконечным*, — это творящий принцип в Боге, т. е. Христос-Премудрость.

Эта идея Оригена является естественным развитием гностической концепции возникновения мира, в ней мир появляется как результат действия низшего божественного начала, которое, «выходя» из непостижимого Бога-Отца, оказывается не вполне совершенным, обладающим некоторым «дефектом». В Апокрифе Иоанна, известнейшем и древнейшем гностическом памятнике, таким низшим началом оказывается Премудрость (София), которая совершает «космическую ошибку», порождает злого Демиурга, становящегося творцом земного мира. В более позднем памятнике, Евангелии Истины, вероятно, созданном в школе Валентина в начале II в., из не-сущего Отца спонтанно рождаются некие существа, не обладающие полнотой знания Отца, их «испуг и страх» от осознания своего несовершенства становится материей, из которого возникает земной мир¹³. Ориген объясняет возникновение мира в полном соответствии с логикой этих классических христианских концепций творения: материальный мир создает *несовершенное* божественное начало, Христа-Премудрость, хотя, как мы сейчас увидим, в этом процессе активно соучаствуют и те «духовные твари» (умы), о которых речь шла в приведенной выше цитате.

не находят ничего, достойного обетований божественных» (*Ориген. О началах. Против Цельса. С. 225–226*). В последнем высказывании Ориген прозрачно намекает на то, что церковное христианство ближе к иудаизму с его наивным религиозным материализмом, чем к истинному учению Христа. Отметим, что с критикой Оригеном буквального смысла библейских историй имеют отдаленное сходство ироничные рассуждения на ту же тему Смердякова в романе «Братья Карамазовы»: «Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?» (14, 114).

¹² *Ориген. О началах. Против Цельса. С. 203–204.*

¹³ См.: *Евлатицев И. И. Евангелие Истины и рождение христианской философии // История философии. 2017. № 1. С. 15–26.*

Естественно, что несовершенное творящее начало создает несовершенный мир. Этот процесс в учении Оригена имеет два этапа. На первом этапе Бог творит конечную совокупность указанных «духовных тварей» (умов), обладающих свободой воли, но не совершенством (эту совокупность можно рассматривать как аналог Плеромы более ранних гностических концепций), в своем исходном *чисто духовном* существовании эти существа были полностью равны друг другу: «...всех, кого Он сотворил, Он сотворил равными и подобными, потому что для Него не существовало никакой причины разнообразия и различия»¹⁴. Начав существовать, они по-разному реализовали свою свободу — одни устремились к единению с Богом, другие — к еще большему отдалению от Бога и большему несовершенству. На втором этапе Христос-Премудрость создает материальный мир и фиксирует состоявшееся распределение существ по степени отдаления от Бога с помощью наделения их телами разной степени совершенства, здесь существа и распадаются на ангелов, демонов и людей. Подчеркнем, что в системе Оригена это принципиальное различие существ определено их собственной свободной волей, а не Богом: «...причина различия и разнообразия во всех тварях заключается не в несправедливости Распорядителя, но в более или менее ревностных или ленивых движениях самих тварей, направленных в сторону или добродетели, или злобы»¹⁵.

Целью дальнейшего генезиса мироздания является соединение всех разумных существ с Богом, при этом Бог никак не предопределяет этот процесс, он целиком зависит от свободной воли существ, не имеющих никаких ограничений в своем действии: любое низменное существо из области демонов может свободно изменить направление своей воли и стать человеком, а затем и ангелом, до предела приблизившись к Богу, точно так же и любое возвышенное, ангельское существо может отклониться от правильного пути и пасть до человека и далее до демона. Люди в учении Оригена отличаются от демонов и ангелов наибольшим динамизмом своей воли, они способны с гораздо большей легкостью, чем ангелы и демоны, изменить свое движение к добру или ко злу на противоположное. Здесь и выясняется положительный смысл смерти и необходимость концепции переселения душ в системе Оригена. Материальное тело должно точно отражать состояние души, фиксируя и демонстрируя нравственное достоинство человека (именно в этом состоял замысел творения материального мира), но если он на протяжении своей жизни изменился, существенно продвинувшись к благу и Богу или уклонившись в сторону зла, то тело перестанет соответствовать его душе. Смерть в этом случае исправляет ситуацию, поскольку ликвидирует старое тело человека и наделяет его, по божественному

---

¹⁴ Там же. С. 208–209.

¹⁵ Там же. С. 140.

закону справедливости, новым телом, соответствующим его новому нравственному уровню.

Спор исследователей и критиков учения Оригена по поводу того, придерживался ли он концепции переселения душ, продолжается до наших дней. Проблема заключается в том, что этой концепции нет в явном виде в трактате «О началах». Однако этот странный факт связан только с боязнью Оригена быть обвиненным в ереси. Церковь с середины II в. перешла к ожесточенной борьбе с теми, кто продолжал исповедовать учение Христа в версии первохристиан, поэтому прямо защищать характерные гностические идеи стало небезопасно. Ориген все-таки формулирует все эти идеи, используя косвенные и завуалированные формы выражения. Концепцию переселения душ он использует при интерпретации конкретных сюжетов из Священного Писания. Наиболее наглядно она присутствует в интерпретации ветхозаветной истории близнецов Иакова и Исав. Ориген цитирует высказывание ап. Павла о том, что Бог еще до их рождения возлюбил Иакова, а Исав возненавидел (Римл. 9: 11–13), и вслед за Павлом недоумевает, как возможно было Богу столь неравно относиться к еще ничего не совершившим в жизни младенцам. Если бы их души были созданы Богом в момент рождения, получилось бы, что Бог по произволу, без их собственных заслуг и прегрешений дарует им разные степени своей благодати и ненависти. Ориген считает это невозможным и разрешает этот парадокс указанием на то, что Исав и Иаков существовали до своего земного рождения и именно их прошлую жизнь оценивает Бог: «...нет неправды у Бога <...> нет неправды в том, что Иаков даже во чреве запинал своего брата; мы понимаем, что он достойно возлюблен был Богом, по заслугам предшествующей жизни, и потому заслужил быть предпочтенным брату»¹⁶.

Смерть и переселение душ в новые, более совершенные тела помогают человеческим личностям двигаться к Богу, но остается вопрос, как такое же движение возможно для ангелов и демонов, ведь они являются бессмертными. Эту проблему решает еще одна известнейшая идея Оригена, по поводу которой между его интерпретаторами нет никаких разногласий, поскольку она сформулирована совершенно ясно и определенно.

Формально Ориген соглашается с ортодоксальной идеей Страшного Суда, согласно которой время существования нашего мира ограничено, в конце концов он будет уничтожен Богом, однако он видит последствия этого акта совершенно иначе, чем принято в церковной традиции. Никакого отдельного от нашего мира Царствия Небесного (рая) в его учении нет. На месте уничтоженного мира Бог тут же создаст новый мир, подобный уничтоженному, т. е. тоже несовершенный, хотя и отличающийся в своей структуре и конкретных деталях от прежнего. При этом все

---

¹⁶ *Евлатицев И. И.* Евангелие Истины и рождение христианской философии. С. 210.

разумные существа, тела которых будут уничтожены вместе со старым миром, в новом мире получат тела, соответствующие их нравственному росту или падению в предшествующей жизни (в предшествующем мире), и это будет относиться уже не только к человеческим личностям, но также к ангелам и демонам. Как пишет Ориген, «при конце этого мира будет великое разнообразие и различие, и это разнообразие, полагаемое нами в конце этого мира, послужит причиной и поводом новых различий в другом мире, имеющем быть после этого мира»¹⁷.

Мысль о том, что после уничтожения нашего мира возникнет новый, похожий на него, естественно ведет к предположению о том, что и возникший мир когда-нибудь будет уничтожен, а на его месте возникнет следующий и так далее в бесконечность. Но и это еще не все. Ориген со всей определенностью утверждает, что наш мир не является первым, до него был похожий на него, который был уничтожен перед сотворением нашего, а его существа получили в нашем мире тела, соответствующие их нравственному уровню, достигнутому в этом предшествующем мире. Он прямо утверждает это относительно ангельских существ: «Не должно думать, что известно ангелу случайно поручается такая или иная должность, например: Рафаилу — дело лечения и врачевания, Гавриилу — наблюдение за войнами, Михаилу — попечение о молитвах и прошениях со стороны смертных. Нужно полагать, что они удостоились этих должностей не иначе, как каждый по своим заслугам, и получили их за усердие и добродетели, оказанные ими еще прежде создания этого мира»¹⁸.

В результате в учении Оригена нам предстает весьма необычная картина мироздания и его временного генезиса. Вероятно, когда-то в прошлом состоялось творение первого мира Богом, но мы не можем считать наш мир этим первым, он стал одним из множества миров, последовавшим за первым. Положение разумных существ в нем (прежде всего ангелов и демонов) было определено их нравственным развитием в предыдущем мире, люди же в последовательности своих жизней могут существенно менять свое положение в иерархии разумных существ, в частности некоторые могут переходить в разряд ангелов или демонов после очередной смерти. Наш мир тоже когда-нибудь будет уничтожен Богом, но на его месте возникнет новый мир, который когда-то сменится другим, и так далее.

Известнейшей характеристикой учения Оригена, которую ему приписывают все интерпретаторы и критики, является концепция апокатастасиса, всеобщего спасения, согласно которой, в описанной последовательности миров постепенно все существа свободно выберут путь добра и приближения к Богу, в результате чего в одном из будущих миров произойдет окончательное соединение всех с Богом. При этом все

---

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 139.

существа утратят материальные тела (точнее, они будут заменены духовными телами), поскольку снова, как в акте творения, станут равными друг другу (хотя теперь это будет равенство в абсолютном совершенстве), и этот мир станет последним: он будет уничтожен без создания нового. В трактате «О началах» Ориген ясно описывает такой финал мирового процесса, представляя его в качестве высшей цели всех актов свободной воли всех разумных существ. Однако, внимательно читая другие части его трактата, можно прийти к выводу, что он отрицает возможность реализации этой цели и считает, что последовательность несовершенных миров будет продолжаться до бесконечности. Это связано с тем, что свобода воли разумных существ является для Оригена абсолютной ценностью, которая не может исчезнуть никогда и которая ставится им гораздо выше, чем идея всемогущества Бога и наличия Божественного провидения в мире. Свобода несовместима с окончательным и уже неизменным совершенством; если она сохранится и в состоянии совершенства, то, осуществляя ее, разумные существа снова отпадут от Бога и придут в несовершенное состояние. Ориген прямо формулирует этот тезис; как он пишет, даже если на какое-то мгновение будет достигнуто окончательное совершенство, «разумные существа, у которых никогда не отнимается способность свободного произволения, снова подвергнутся каким-нибудь возмущениям, а Бог с своей стороны попустит это с той целью, чтобы они, сохраняя свое состояние всегда неподвижным, не забывали, что они достигли этого окончательного блаженства не своею силой, но благодатью Божьей. А за этими возмущениями, без сомнения, снова последует то различие и разнообразие тел, которым всегда украшается мир, потому что мир не может состоять иначе, как только из различий и разнообразия»¹⁹. Это означает, что апокатастасис является высшим идеалом и целью устремлений разумных существ, но он никогда не будет достигнут, к нему можно только приближаться в бесконечной последовательности миров (эонов, «веков»): «...все будет восстановлено в первоначальное единство и Бог будет во всем. Но это произойдет, нужно полагать, не внезапно, а малопомалу и по частям в течение бесконечных и неисчислимых веков»²⁰.

Даже после такого краткого изложения учения Оригена нетрудно найти явные соответствия между его идеями и идеями и образами Достоевского. Однако, прежде чем переходить к сопоставительному анализу, еще раз вспомним про Сведенборга. Учение последнего можно рассматривать как модифицированную версию учения Оригена, причем изменения, которые вносит Сведенборг, приводят его учение в большее соответствие с протестантизмом и в целом с ортодоксальным христианством. Сведенборг устраняет идею множества миров, точно так же,

---

¹⁹ *Евлатиев И. И.* Евангелие Истины и рождение христианской философии. С. 157–158.

²⁰ Там же.

как и идею переселения душ, в его модели мироздания человек имеет только одну жизнь и только одну «попытку» достичь совершенства, после завершения жизни он получает окончательное определение как ангел или как бес в трансцендентном мире подлинного бытия, определенного Богом. В этом случае свобода человека по отношению к своему спасению и в определении своей окончательной судьбы оказывается весьма ограниченной, как бы совмещенной с протестантской идеей предопределения; это наиболее явно контрастирует с признанием свободы человека абсолютной ценностью в учении Оригена.

Если мы теперь посмотрим на то, как исследователи, анализировавшие влияние Сведенборга на Достоевского, описывали самые заметные отличия позиции Достоевского, то мы увидим, что в своем мировоззрении Достоевский восстанавливал в исходной форме именно те положения учения Оригена, которые отверг Сведенборг. В результате получается, что совпадение некоторых ключевых принципов мировоззрения Достоевского с положениями учения Оригена является точным и буквальным, в противоположность их весьма условной и относительной близости к представлениям Сведенборга.

Самое главное совпадение касается концепции последовательных миров, в которых происходит борьба разумных существ (людей) за совершенство, и представления о получении людьми, достигшими относительного совершенства, после смерти более совершенного тела. Принципиальное значение идеи множественности миров в мировоззрении Достоевского не вызывает сомнений. Наиболее прямо эту идею выражает старец Зосима: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе» (14, 290–291). Кажется, что в начале этого высказывания речь идет не о последовательности подобных друг другу миров, а об иерархическом подчинении нашего низшего мира какому-то высшему. Однако во второй половине фразы Зосима говорит не о (высшем) мире, но о мирах, которые уже вряд ли можно считать высшими по отношению к земному миру, об этом свидетельствуют и множественность этих миров, и примененное к ним определение «таинственные».

Наиболее прямо с идеей Оригена о последовательно существующих мирах соотносится указание писателя из рукописных набросков к роману «Братья Карамазовы», где по поводу веры Алешки сказано: «Он понял, что знание и вера — разное и противоположное, но он понял — постиг, по крайней мере, или почувствовал даже только, — что

если есть другие миры и если правда, что человек бессмертен, то есть и сам из других миров, то, стало быть, есть и всё, есть связь с другими мирами» (15, 201). Здесь идея бессмертия понимается именно в контексте признания иных миров: предполагается, что человек пришел в земной мир из некоего предшествующего мира и после смерти уйдет в некий последующий. «Миры» упоминает черт в беседе с Иваном Карамазовым (15, 80); от ощущения «бесчисленных миров Божиих» трепещет душа Алеши в финале сцены в келье умершего старца Зосимы (глава «Кана Галилейская») (14, 328).

Близко к мыслям Оригена также «мистическое» рассуждение старца Зосимы об аде²¹. Он отвергает материальный смысл адского огня и сводит его к страданию «о том, что нельзя уже более любить» (14, 292), и к раскаянию по поводу совершенных злых дел, которые уже нельзя исправить делами любви: «Хотя бы и жизнь свою рад был отдать за других, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было в жертву любви принести, и теперь бездна между тою жизнью и сим бытием» (14, 293). По сути, причиной «адских мучений» Зосима считает память и совесть, которые показывают человеку неисправимость его прошлых деяний. Точно так же, с акцентом на память и совесть, интерпретирует адские мучения как чисто духовные Ориген: «...душа собирает в себе множество злых дел и обилие грехов; в надлежащее же время все это собрание зла воспламеняется для наказания и возгорается для мук. Тогда самый ум или совесть Божественною силою будет воспроизводить в памяти все, некоторые знаки или формы чего ум отпечатлел в себе при совершении грехов, — (будет воспроизводить) все, что сделал гнусного и постыдного или что совершил нечестивого, и, таким образом, будет видеть перед своими глазами некоторую историю своих преступлений. Тогда сама совесть будет преследовать и бить себя своими собственными рожами и сама сделается своею обвинительницей и свидетельницей»²².

Еще более наглядная близость к представлениям Оригена проступает в рассуждениях Достоевского в «Дневнике писателя» за 1880 г., в полемике с А. Д. Градовским по поводу Пушкинской речи. Говоря об основании нравственных идей, Достоевский пишет: «Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими

---

²¹ Ч. Милош, вслед за Л. П. Гроссманом, признал это рассуждение близким к представлениям об аде в сочинениях Сведенборга (Милош Ч. Достоевский и Сведенборг // Иностранная литература. 1992. № 8–9. С. 296). Однако Б. Тихомиров убедительно показывает существенные расхождения между пониманием ада в поучениях Зосимы и в представлениях Сведенборга (Тихомиров Б. Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде». С. 97–103). Можно предположить, что подлинным источником вдохновения для Достоевского и в данном случае были не вторичные взгляды Сведенборга, а учение Оригена.

²² Там же. С. 217.

мирами и с вечностью» (26, 165). Здесь вновь представление о других мирах ассоциируется с идеей вечности, бессмертия человека, с тем, что он, в отличие от «земного животного», видит перспективу своего существования за пределами земного мира и земной жизни, но не в райском бытии, а в мирах, подобных земному. Такое представление наиболее естественно понимать именно в смысле учения Оригена. Содержание высшего нравственного идеала в этом же фрагменте «Дневника писателя» Достоевский формулирует также в полном согласии с учением Оригена: «А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале <...>» (26, 164). Идеал апокатастасиса Оригена заключается в соединении с Богом, т. е. в *абсолютном* совершенстве каждого человека, причем движение к нему осуществляется только через свободную волю личности, т. е. путем *самосовершенствования*. Возможности такого движения не препятствует смерть, поскольку человек продолжит свое существование в новом теле после смерти и, значит, получит возможность продолжить свое самосовершенствование.

В этом контексте нужно понимать как очень важное выражение собственных взглядов Достоевского высказывание Свидригайлова о других мирах как форме посмертного существования человека: «“Привидения — это, так сказать, клочки и обрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир”. Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить» (6, 221).

С таким пониманием бессмертия хорошо согласуются рассуждения Кириллова в романе «Бесы» о посмертном существовании Иисуса Христа и разбойника после их смерти на кресте. Кириллов так описывает кульминацию евангельской истории: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: “Будешь сегодня со мною в раю”. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдалось сказанное» (10, 471). Эти слова принято интерпретировать как отрицание Кирилловым бессмертия, поскольку он утверждает, что Христос и разбойник не нашли *воскресения*. Однако черновой автограф писателя содержит другой вариант слов героя, и он подсказывает другой вариант интерпретации; там Кириллов говорит: «...пошли и не нашли ни рая, ни Бога» (12, 81). В этом высказывании нет отрицания воскресения, т. е. продолжения существования личности после смерти, Кириллов отрицает его соответствие церковной вере, т. е.

отрицает обретение Царствия Небесного, рая и общения с Богом после смерти; наиболее естественно понимать эту фразу именно в смысле отрицания совершенства посмертного бытия Христа и разбойника — они обрели бытие в таком же несовершенном мире, как наш.

В истории Кириллова есть еще одна важная деталь, в которой можно увидеть соответствие его мировоззрения учению Оригена. Испытываемые им «пять секунд» абсолютной («вечной») гармонии можно понять как знак того, что он достиг предельного совершенства, возможного для человека в его нынешнем телесном облике. Для достижения еще большего совершенства необходимо обрести другое, более совершенное тело. Именно так можно понять его загадочные слова: «Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. <...> Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически» (10, 450). Поскольку человек не может изменить свою телесность при жизни, остается надеяться на то, что радикальное преобразование к большему телесному совершенству произойдет после смерти, и оно будет соответствовать достигнутому Кирилловым в земной жизни духовному совершенству. Получается, что в смерти Кириллов, как и Ориген, усматривает не только отрицательное, но и положительное значение²³.

С учением Оригена ясно связано идейное содержание рассказа «Сон смешного человека» из «Дневника писателя» за 1877 г.²⁴ Здесь герой прямо попадает в тот другой мир, который ждет человека после смерти, и оказывается, что, действительно, в этом мире, как говорил Кириллов, нет ни рая (в церковном смысле), ни Бога, и вообще он очень похож на наш земной мир. История разращения совершенных людей, описанная героем рассказа, очень хорошо согласуется с описанием начала существования всей системы разумных существ в учении Оригена. Бог создал их исходно равными и относительно совершенными, хотя все-таки не абсолютно совершенными, чтобы существа (люди) имели возможность свободно выбрать путь к Богу и добровольно и собственными силами соединиться с ним. Как пишет Ориген, «возможность совершенства дана ему <человеку> вначале через достоинство образа,

---

²³ Точно такое же понимание смерти как способа обретения более совершенного тела, которое является важным орудием на пути к окончательному совершенству человеческой личности, можно найти в творчестве В.Ф. Одоевского. Весьма вероятно, что именно влияние Одоевского обусловило появление этой идеи в размышлениях Кириллова; подробнее см.: *Евлампиев И.И.* Достоевский и мистическая философия В.Ф. Одоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 3–25.

²⁴ В комментариях В.А. Туниманова к этому рассказу в ПСС (25, 400–402) в очередной раз возникает имя Сведенборга в качестве вероятного источника некоторых деталей этого повествования. Вновь можно констатировать, что неоригинальное повторение учения Оригена в сочинениях шведского мистика заслоняет в глазах исследователей оригинал.

совершенное же подобие он должен получить в конце сам через исполнение дел»²⁵. Однако большая часть существ использовала свою свободу не для достижения совершенства, а против него, это и привело к их деградации и возникновению нашего земного мира как существенно несовершенного. Смешной человек называет состояние людей в фантастическом мире «раем» и это определение можно принять, если интерпретировать его в смысле учения Оригена, где исходное состояние существ является относительно, а не абсолютно совершенным. Ориген утверждает, что во всех мирах, даже очень совершенных, близких к «раю», люди являются смертными, и это не только не мешает их движению к еще большему совершенству, но даже является его условием. Это хорошо соотносится со вполне положительным отношением людей фантастического общества, изображенного в рассказе Достоевского, к смерти: «У них почти совсем не было болезней, хотя и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. <...> Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертию. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса» (25, 114). Утверждение о том, что люди сохраняли «земное единение» с умершими, можно понять в том смысле, что умершие не попадали в церковное Царство Небесное, а продолжали существовать в нашем мире или в каком-то «параллельном» мире, подобном земному.

Истории «развращения» людей фантастического общества героем рассказа можно дать еще одно объяснение на основании учения Оригена. Можно понять изображенное в рассказе совершенное общество как положительный результат усилий многих поколений людей, живших в бесконечной последовательности несовершенных миров. Однако Ориген утверждает, что при любой степени достигнутого совершенства свобода, неотъемлемо присущая людям, снова приведет их к падению в состояние несовершенства («разумные существа, у которых никогда не отнимается способность свободного произволения, снова подвергнутся каким-нибудь возмущениям, а Бог с своей стороны попустит это...»); этот неизбежный процесс и изображен в рассказе Достоевского, он только делает его более обоснованным психологически, показывая, что причиной «падения» стало радикальное несовершенство героя рассказа, пришедшего из другого мира. Важно отметить, что в данном случае мы имеем не формальное соответствие образов, используемых двумя мыслителями, но точное совпадение убеждений: Достоевский, точно так же как Ориген, отвергает возможность реализации в истории абсолютного совершенства людей, несмотря на то что оно выступает их безусловно

---

²⁵ Ориген. О началах. Против Цельса. С. 323.

желаемым идеалом, — ведь в состоянии достигнутого совершенства люди лишаются свободы, а свобода для них являлась высшей ценностью.

Еще одно, совершенно неожиданное, но очень важное совпадение образов Достоевского с образами Оригена обнаруживается в романе «Братья Карамазовы», в размышлениях Великого инквизитора о том, из какого мира пришел Иисус Христос. В самом начале долгого монолога Великого инквизитора, пытающегося понять смысл нового явления Христа на землю, совсем не похожего на то его Второе Пришествие, которое он обещал при первом явлении, описанном в Евангелиях, он говорит Христу загадочные слова: «Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел? <...> нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возведишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад» (14, 228–229). В рамках церковного учения Христос после смерти вознесся к Богу-Отцу, в Царстве Небесное, и ничего таинственного в описании этого мира нет, он подробно, хотя и символически, описан, например, в Откровении Иоанна. Тем более трудно понять, почему описание этого мира должно «посягнуть на свободу веры людей», скорее наоборот, люди принимают церковную веру именно для того, чтобы иметь надежду попасть в Царствие Небесное, и его описание никак не может умалить их веры. Можно заключить, что в этом фрагменте под миром, из которого пришел Христос, понимается что-то необычное, не совпадающее с традиционными представлениями церковного учения.

Такое же точно загадочное описание мира, из которого пришел Христос еще в первом, евангельском его явлении, мы находим в трактате Оригена «О началах». Упомянув слова Христа из Евангелия от Иоанна «Я не от мира сего» (Ин. 17: 15), Ориген отвергает трактовку указанного мира как чисто духовного Царства Небесного и развивает собственное понимание этих слов: «...мы совершенно чужды того, чтобы признавать бестелесный мир, существующий только в воображении ума и в игре представлений, и я не понимаю, как можно утверждать, что Спаситель — из этого мира или что туда пойдут святые. Однако то, к чему Спаситель призывает и убеждает стремиться верующих, несомненно, по Его изображению славнее и блистательнее, нежели этот настоящий мир. Но будет ли тот мир, подразумеваемый Спасителем, отдельным от этого мира и удаленным от него на большое расстояние и по месту, и по качеству, и по славе; или же он, хотя и будет превосходить (этот мир) славой и качеством, но однако будет содержаться внутри пределов этого мира, — это неизвестно и, по моему мнению, еще недоступно для человеческой мысли и ума, хотя последнее предположение кажется мне более вероятным»²⁶.

---

²⁶ Ориген. О началах. Против Цельса. С. 160–161.

Как и в тексте Достоевского, в этом фрагменте мир Христа предстает загадочным и неопределенным, однако все выражения, которые использует Ориген, намекают на то, что этот мир подобен нашему — является столь же материальным (!) и только количественно, а не качественно превосходит наш мир по степени совершенства²⁷. Более того, Ориген склоняется к мысли, что мир, из которого пришел Христос, составляет часть нашего! В результате нужно признать, что в его учении «иные миры» — это не только миры, последовательно сменяющие друг друга во времени; каждый из этих временных миров, в том числе наш земной, состоит в свою очередь из относительно независимых миров (видимо, различающихся степенью своего совершенства), в которые, вероятно и уходят люди после смерти. В один из таких миров, самый совершенный внутри земного мира, и ушел Христос после своей голгофской смерти. Здесь в концепции Оригена проявляется еще одна парадоксальная идея: он предполагает строгое соответствие степени совершенства параллельно существующих миров нравственным качествам его разумных обитателей. Эту же идею исследователи фиксируют в размышлениях Ивана Карамазова о евклидовой и неевклидовой геометрии и о различии миров, соответствующих этим геометриям²⁸.

После такого дополнения к изложенной выше концепции о следующих друг за другом мирах приведенные выше параллели между идеями Оригена и художественными образами Достоевского становятся еще более наглядными, поскольку в большинстве приведенных выше примеров из текстов Достоевского «иные миры» более логично понимать как параллельно существующие, а не следующие друг за другом во времени. Особенно ясно «оригеновское» основание проступает в приведенных выше словах старца Зосимы об иных мирах; теперь первый из упоминаемых им миров, «горний и высший», можно отождествить с тем миром, из которого, согласно Оригену, на землю пришел Христос. Этот же мир имеет в виду Инквизитор в своем монологе, обращенном

---

²⁷ Ориген производит радикальную трансформацию гностической традиции в одном из известнейших ее слагаемых. В ранних гностических текстах мы находим резко негативное отношение к материи и материальному миру, высшей целью человека (души) признается расставание с телом и уход из материального мира в чисто духовную Плерому. Ориген же решительно утверждает, что разумные существа не могут существовать без тел, их наличие — не недостаток, а признак *относительного, земного совершенства*. Он придает новый, христианский смысл греческому представлению о совершенстве Космоса и о гармоническом соответствии мироздания и тела человека: «Как наше тело, будучи единым, сложено из многих членов и содержится одною душою, так, думаю я, и весь мир нужно считать как некоторым необъятным и огромным животным, которое содержится как бы единою душою, силою и разумом Божиим» (*Ориген. О началах. Против Цельса. С. 148*). Дальнейшее развитие гностической традиции определялось именно этими идеями, вплоть до ее кульминации в философии эпохи Возрождения.

²⁸ См.: *Барут К. А. Достоевский: Этимология повествования. С. 360.*

к молчащему Христу; о подобных мирах говорит и Свидригайлов в своем суждении о привидениях и о будущей жизни.

Как же нужно интерпретировать указанные выразительные параллели между идеями Оригена и Достоевского? Мы убеждены, что Достоевский все свое творчество посвятил развитию гностической традиции, в которой сохранилось в веках подлинное учение Христа, искаженное в церковной традиции через внедрение в него иудейских концепций антропоморфного Бога, Творения, грехопадения и искупления. Уже в художественном построении повести «Хозяйка» молодой Достоевский использует известнейший гностический миф о падшей Софии, этот же миф станет основой символического плана его самого известного романа «Преступление и наказание»²⁹. По сути, в своем творчестве Достоевский стал самым ярким представителем движения к восстановлению «апостольского» христианства в русской и европейской культуре XIX в. Очевидно, что при таком непреходящем интересе к различным формам гностической мысли он не мог пройти мимо фигуры Оригена, который занимает уникальное место в истории: именно он сформулировал первую всеобъемлющую богословско-философскую систему, в которой получили полное и оригинальное выражение все слагаемые истинного христианства. Системы его великих предшественников Маркиона, Василида и Валентина церковь сумела уничтожить, и они не оказали значительного влияния на развитие европейской философии, а вот учение Оригена оказалось настолько популярным и востребованным в течение нескольких веков после его создания, что его уже не удалось уничтожить и радикально исказить³⁰. В результате его отзвуки можно обнаружить у самых разных мыслителей и в самые разные эпохи — от системы «ученого незнания» Николая Кузанского до сложнейших философских построений И. Г. Фихте и Ф. В. Й. Шеллинга³¹.

Если Достоевский сознательно использовал образы и идеи Оригена, то можно предположить, что знание о нем писатель получил из каких-то немецких и французских источников. Нужно напомнить, что герой «Хозяйки» Василий Ордынов с необычной страстью занимается научными изысканиями и пишет сочинение, которое «относилось к истории церкви» (1, 318). Причем содержание этого сочинения Ордынов воспринимает как свою собственную «систему», обладающую

---

²⁹ См.: *Евламиев И. И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. С. 52–103, 144–223.

³⁰ История борьбы церкви с Оригеном и его наследниками занимает несколько столетий. Самые яркие эпизоды этой истории связаны с двумя известными ереснархами, Арием и Пелагием — великими защитниками свободы человека, целиком опиравшимися на идеи Оригена. В конце концов и собственное учение Оригена было признано ересью, под именем «оригенизм» оно было осуждено на нескольких соборах IV–V вв.

³¹ Подробнее см.: *Евламиев И. И.* Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб., 2023.

оригинальностью и самобытностью (1, 266). Очевидно, что все эти определения предполагают весьма необычное отношение Ордынова, образ которого носит очевидный автобиографический характер, к истории церкви. Вероятно, Достоевский намекает здесь на свой интерес к истории раннего христианства и к гностической традиции, хорошее знание которой с очевидностью проявилось в сюжете «Хозяйки». Вне всякого сомнения, в контексте занятий историей церкви Достоевский должен был познакомиться и с учением Оригена. Хотя нельзя исключить и того, что все ключевые идеи Оригена Достоевский воспринял через их вторичное использование в других системах, ведь таких систем можно указать великое множество.

В частности, роль такого «вторичного источника» могли играть и сочинения Сведенборга, влияние которых на некоторые образы Достоевского хорошо удостоверено и его собственными прямыми ссылками, и работами современных исследователей. Но совершенно очевидно, что, используя яркие и парадоксальные образы Сведенборга, Достоевский категорически не принимает его учения и даже весьма иронично относится к нему. В связи с этим возникает принципиальный вопрос, зачем он заимствует указанные образы из сочинений шведского мистика, какую роль они сыграют в его творчестве и мировоззрении. Проведенное нами исследование подводит к естественному ответу на поставленный вопрос: Достоевский использовал образы Сведенборга для маскировки своих самых важных идей, заимствованных из гностической традиции. Причина, по которой он избегал прямых ссылок на Оригена и близких к нему мыслителей, вполне понятна: такие ссылки могли печально сказаться на его творчестве в силу жесткой церковной и светской цензуры. А вот ссылки на Сведенборга, сопровождаемые нескрываемой иронией по поводу содержания его идей, оказывались вполне безопасными, хотя все-таки намекавшими на глубокую истину, которая заключалась не собственно в этом карикатурном учении, а в его великом первоисточнике.

Библиографический список

- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Болотов В. В.* Учение Оригена о Святой Троице. СПб., 1879. 461 с.
- Евлямпиев И. И.* Достоевский и мистическая философия В. Ф. Одоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 3–25.
- Евлямпиев И. И.* Евангелие Истины и рождение христианской философии // История философии. 2017. № 1. С. 15–26.
- Евлямпиев И. И.* Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб., 2023. 808 с.
- Евлямпиев И. И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб., 2021. 600 с.

- Милош Ч. Достоевский и Сведенборг // Иностранная литература. 1992. № 8–9. С. 289–296.
- Ориген. О началах. Против Цельса. СПб., 2008. 790 с.
- Петров В. В. Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV–IX веков // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 301–327.
- Соловьев В. С. Ориген // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-на-Дону, 1997. С. 332–343.
- Соловьев В. С. Сведенборг // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-на-Дону, 1997. С. 433–446.
- Спасский А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Тринитарный вопрос (История учения о Св. Троице). 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. 648 с.
- Тихомиров Б. Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // Неизвестный Достоевский. 2016. № 3. С. 92–127.

References

- Barshht K.A. *Dostoevskii: Etimologiiia povestvovaniia* [Dostoevsky: the Etymology of the Narrative]. St. Petersburg, 2019. 456 p. (In Russ.)
- Bolotov V.V. *Uchenie Origena o Sviatoi Troitse* [Origen's doctrine of the Holy Trinity]. St. Petersburg, 1879. 461 p. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. Dostoevskii i misticheskaia filosofiiia V.F. Odoevskogo [Dostoevsky and the mystical philosophy of V.F. Odoevsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 22. Saint Petersburg, 2019. Pp. 3–25. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. Evangelie Istiny i rozhdenie khristianskoi filosofii [The Gospel of Truth and the Birth of Christian Philosophy]. *Istoriia filosofii*, 2017, no. 1, pp. 15–26. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. *Neiskazhennoe khristianstvo i ego sud'ba v evropeiskoi istorii* [Undistorted Christianity and its fate in European history]. St. Petersburg, 2023. 808 p. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo* [The Image of Jesus Christ in the Philosophical Worldview of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, 2021. 600 p. (In Russ.)
- Milosh Ch. Dostoevskii i Svedenborg [Dostoevsky and Swedenborg]. *Inostrannaia literatura*, 1992, no. 8–9, pp. 289–296. (In Russ.)
- Origen. *O nachalakh. Protiv Tsel'sa* [On the First Principles. Against Celsus]. St. Petersburg, 2008. 790 p. (In Russ.)
- Petrov V.V. *Eschatologiiia Origena i znanie ee osnov na latinskom Zapade IV–IX vekov* [Eschatology of Origen and knowledge of its foundations in the Latin West of the 4th–9th centuries]. In: *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii*. Iss. 6. Moscow, 2001. Pp. 301–327. (In Russ.)
- Solov'ev V.S. Origen. In: *Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva*. Rostov-na-Donu, 1997. Pp. 332–343. (In Russ.)
- Solov'ev V.S. Svedenborg. In: *Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva*. Rostov-na-Donu, 1997. Pp. 433–446. (In Russ.)

Spasskiy A. *Istoriia dogmaticheskikh dvizhenii v epokhu vselenskikh soborov (v sviazi s filosofskimi ucheniami togo vremeni). Trinitarnyi vopros (Istoriia ucheniia o Sv. Troitse)*. 2nd ed. [History of dogmatic movements in the era of ecumenical councils (in connection with the philosophical teachings of that time). The Trinitarian Question (History of the Doctrine of the Holy Trinity)]. Sergiev Posad, 1914. 648 p. (In Russ.)

Tikhomirov B. N. Dostoevskii i traktat E. Svedenborga “O nebesakh, o mire dukhov i ob ade” [Dostoevsky and E. Swedenborg’s treatise “On Heaven, on the World of Spirits and on Hell”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2016, no. 3, pp. 92–127. (In Russ.)

Т. В. КОВАЛЕВСКАЯ*

ORCID ID: 0000-0002-0527-2289

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И В. Д. СПАСОВИЧ КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОППОНЕНТЫ

Аннотация: В статье рассматривается фигура В. Д. Спасовича как юриста, философа права и литературного критика; в его антропоцентричной философии права отрицается существование абсолюта, а источником права становится сам человек как носитель имманентного качества справедливости, опредмеченного в уголовном праве. Мы утверждаем, что именно такое понимание права, последовательно проводимое во всех публичных выступлениях адвоката, послужило причиной длительного заочного спора Достоевского со Спасовичем. Другим предметом расхождений двух мыслителей был вопрос национально-фундированной истории, где Спасович стоял на позициях Белинского, Кавелина и раннего Чаадаева. В статье также указывается, что полемика Достоевского со Спасовичем не была односторонней, но публичная реплика Спасовича была сделана уже после смерти Достоевского и относилась к Пушкинской речи писателя. Спасович предлагал свой собственный взгляд на вопрос национальных основ творчества Пушкина, прямо отрицая положения Пушкинской речи Достоевского.

Ключевые слова: философия права, религиозные основы права, «Учебник уголовного права», национально-фундированная историософия, абсолют.

T. V. KOVALEVSKAYA

FYODOR DOSTOEVSKY AND VLADIMIR SPASOVICH AS RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL OPPONENTS

Annotation: The article discusses the figure of Vladimir D. Spasovich as a lawyer, a philosopher of law, and as a literary critic. His anthropocentric philosophy of law denies the absolute as such, and the source of law is placed the concept of justice as an attribute of the human being; criminal law objectifies this

---

* Татьяна Вячеславовна Ковалевская, д-р филос. наук, зав. кафедрой европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; Tatyana Vyacheslavovna Kovalevskaya, Dr. of Philosophy, Head of the Department of European Languages at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities. tkowalewska@yandex.ru

attribute. The article claims that this concept of law has been consistently present in all of Spasovich's public speeches and caused Dostoevsky's long-standing polemic with Spasovich. Another point of divergence between the two thinkers was the matter of ethnically specific idea of history where Spasovich was of the same mind as Belinsky, Kavelin, and early Chaadaev. The article also points out that the argument between Dostoevsky and Spasovich was not entirely one-sided, but the lawyer joined the fray after the writer's death. In his own Pushkin speech, Spasovich offered his own take on the ethnic foundations of Pushkin's works and directly argued with Dostoevsky's Pushkin speech.

Key words: philosophy of law, religious foundations of law, *Criminal Law Textbook*, ethnicity-based historiosophy, the absolute.

Фигура Владимира Даниловича Спасовича (1829–1906), русского юриста, литературоведа, публициста, историка, не получила, как представляется, должного внимания в контексте изучения художественной мысли Ф. М. Достоевского. Спасович упоминается в связи с делом С. Л. Кроненберга (Достоевский называет его Кронебергом) и нечаевцев (он защищал А. К. Кузнецова, непосредственного участника убийства, П. Н. Ткачева и Е. Х. Томилову), а также в качестве прототипа адвоката Фетюковича в «Братьях Карамазовых». Из этого складывается впечатление, что В. Д. Спасович был прежде всего юристом и именно в таком качестве заслужил неблагоприятное отношение Достоевского, особенно, как указывает Ю. В. Юхнович, в связи с разочарованием в судебной реформе и личным печальным опытом писателя в общении с представителями адвокатского сословия¹. Не претендуя на исчерпывающее описание значения Спасовича для Достоевского, мы рассмотрим фигуру Спасовича в связи с его философией права, с некоторыми уголовными процессами, где он выступал в роли защитника, с Пушкинской речью и философией истории в целом.

Спасович придерживался либеральных взглядов, был другом К. Д. Кавелина, высоко ценил его работу «Взгляд на юридический быт Древней России», в связи с которой В. Г. Белинский и К. Д. Кавелин обсуждали вопрос о начале личности в русском и германском народах, отрицая существование этого начала в «русском славянине» (выражение Кавелина) в противовес народам германским². Как и Белинского, и Кавелина, и Достоевского, Спасовича также весьма интересовала, если так можно выразиться, философия истории, построенная на национальных началах, хотя он занимал здесь позицию, противоположную позиции Достоевского. Спасович сотрудничал с «Вестником Европы», крайне негативно отзывался о М. Н. Каткове, редакторе «Русского вестника».

---

¹ Юхнович Ю. В. Адвокатская тема в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2022. С. 597–607.

² См.: Jackson R. L. Unbearable Questions. Two Views of Gogol and the Critical Synthesis // Jackson R. L. Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions. Stanford, 1983. P. 192–199.

Так, осуждая уходящего с должности министра просвещения Д. А. Толстого, В. Д. Спасович провозглашал: «Да пропадут и его вдохновители и руководители, водившие его на помочах, а во главе их тот мрачный митрополит реакции, покрутее московского Филарета, злой дух, превзошедший Аракчеева, Магницкого и, пожалуй, и Муравьева, хотя этот злой дух был только литератор и журналист, философ Страстного бульвара М. Н. Катков!»³

Исследователи отмечали, что «по содержанию своих речей В. Д. Спасович в каждом деле был не только защитником, но и мыслителем, для которого частный случай служил поводом для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста. Его речи часто представляют из себя, независимо от своего делового содержания, цельные отрывки из учения об обществе, об уголовной политике и о судебной этике»⁴; «в каждом судебном разбирательстве Владимир Данилович играл не только роль правозащитника, но и роль определенного философа, который сподвигал общество рассматривать частные случаи для поднятия насущных проблем всего общества»⁵. Таковым же Спасович предстал и в написанном им «Учебнике уголовного права» (1863).

Этот учебник стал достаточно значимым событием русской культуры, чтобы рецензию на первый выпуск напечатали в «Отечественных записках». Анонимного рецензента интересует не собственно уголовное право, а философия права и его основания в представлении Спасовича. Особенно рецензенту импонируют следующие строки из предисловия: «Я никогда не мог помириться с теориями безусловной справедливости; пришлось покончить и с эклектическими попытками согласования абсолютных теорий с утилитарными; пришлось *отказаться и от всякого вообще абсолюта*, отвергнуть все отвлеченности и, *став на почве реализма*, цель и задачу науки поставить в неусыпном наблюдении явлений живой действительности»⁶. Рецензент выделяет эти слова курсивом⁷. И действительно, значительная часть итогового объема учебника посвящена вопросу о том, на каком основании строится любая правовая система. Эти основания — философия права, определенные представления о человеке и обществе. Спасович делит основания права

³ Застольные речи В. Д. Спасовича в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 24. Речь была произнесена 27 апреля 1880 г.

⁴ Эсмантович И. И. Развитие представлений о правах и свободах человека в трудах В. Д. Спасовича // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 128.

⁵ Малофеев М. М., Желудков М. А. Влияние В. Д. Спасовича на становление института адвокатуры после судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 7. С. 177.

⁶ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 2.

⁷ Учебник уголовного права, г. Спасовича // Отечественные записки. 1863. № 4. С. 91 (3-я пагинация).

на идеалистические и реалистические, они же абсолютные и относительные, т.е. признающие наказание целью права для осуществления возмездия и восстановления справедливости, или признающие наказание средством достижения иной цели, например охранения государства и закона. Есть также смешанные, или эклектические, теории, и теории, вообще отвергающие наказание. В абсолютных теориях совесть соразмеряет поступки с нравственным законом; такое представление о праве есть у Платона, Канта, Цахаризэ, Гегеля, Генке, Штала. Завершается разбор этих теорий их отрицанием и фундаментальным философским выводом о природе современного общества вообще: «Вера в абсолют потрясена теперь до основания. Нет безусловных истин, нет непреложных положений, нет действий безусловно добрых или злых. Целый порядок вещей, основанный на вере в безусловное, рушится и мы входим в мир новый, где все условно, где все относительно, где каждый предмет должен быть оцениваем по связи своей с другими предметами, <...> так что мы <...> никогда не дойдем до спокойной пристани абсолюта»⁸.

Далее Спасович разбирает относительные теории: теорию Фихте, Фейербаха, Бентама, теорию самозащиты государства, теорию вознаграждения, теорию частного предупреждения, теорию исправления. Общий вывод Спасовича таков: «Они стоят на почве действительности; они основаны на наблюдении фактов, на той или другой верно подмеченной черте в природе человека и общества. Их коренной недостаток есть узкость взгляда, односторонность. Изучив две, три черты в жизни, они полагают, что знают всю жизнь, что объяснят все явления общежития, между тем как эта жизнь гораздо полнее и сложнее, нежели они предполагают»⁹. Затем Спасович предлагает краткие обзоры теорий смешанных и теорий, отрицающих наказание в принципе. В группе последних оказываются учение утопического социалиста Р. Оуэна и выводы из кальвинистской теории предопределения.

Все эти теории представляются ему неудовлетворительными. «Критическая работа кончена; главнейшие теории уголовные разобраны и лежат перед нами в обломках», — пишет он и далее предлагает свое основание уголовной системы: юридическая система должна поддерживать жизнеспособность человеческого общежития, а основанием ее является справедливость, которую он полагает свойством человеческой природы. «Справедливость не есть что-то трансцендентное, а просто качество, присущее человеку (имманентное), вытекающее прямо из существа его природы. Это качество, будучи человеком создано, отвлечено, обобщено, сделано предметным, становится идеею справедливости, которая, таким образом, есть ничто иное, как отражение собственного же существа человека»¹⁰.

---

⁸ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. С. 29.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 50.

Таким образом, «Учебник уголовного права», который современная Достоевскому пресса приветствовала как заполнение лакуны в уголовном праве, которую она справедливо полагала важнейшей областью жизни общества, рисует картину мироздания, в которой не существует абсолюта, а его место занимает человек, опредмечивающий имманентное ему качество справедливости, создавая из него замену абсолюту. Эти слова сопровождаются ссылкой на труд Иммануила Германа Фихте (инициалы ошибочно указаны как S. H.; сын Иоганна Готлиба Фихте) «Философское учение о праве, государстве и обычаях Германии, Франции и Англии». Мироздание потеряло абсолют как свой центр, но обрело новый центр в человеке. Эта концепция также косвенно связана с трудами Л. Фейербаха, о чем позже скажет сам Спасович: «Во время бытности моей в высших классах гимназии, во мне заговорило религиозное чувство, то я вдруг сделался восторженным пантеистом, я опьянел от божества, все было божеское и во мне и в природе и откровением была вся история. Этот пантеизм был прямою подготовкою к гегелевской школе, чрез которую я прошел; потом уже чрез К. Д. Кавелина я познакомился и с учением Людвига Фейербаха и уразумел, что божественное есть проекция нашего же собственного духа»¹¹. Подобные антропоцентрические взгляды фигурировали и в трудах старшего Фихте: «В человеке, в этом высшем и совершеннейшем ее творении, она (природа. — *Т. К.*) созерцает и познает себя; она в нем как бы удваивается и из простого бытия становится соединением бытия и сознания»¹².

К этой позиции близки слова Степана Трофимовича в «Бесах»: «...я в Бога верую, mais distinguons, я верую, как в существо, себя лишь во мне сознающее» (10, 33). (Возможно, они появились именно под влиянием Фихте-отца¹³.) Эта позиция фактически возносит тварь над творцом, делая тварь необходимой для творца, а не наоборот.

Появляется у Достоевского и справедливость как фундаментальное качество бытия. Она фигурирует в «Записках из подполья»: «Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и т. д. в бесконечность. <...> Значит, он <человек> первоначальную причину нашел, основание нашел, а именно: *справедливость*. <...> Злость, конечно, могла бы все пересилить <...> и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина» (5, 107; курсив мой. — *Т. К.*).

¹¹ Спасович В. Д. Собрание сочинений. СПб., 1889–1902. Т. 9. С. 271.

¹² Фихте И. Г. Назначение человека // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 86.

¹³ О Достоевском и Фихте см., в частности: *Евлампиев И. И.* Достоевский и Фихте // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 274–290.

Как уже указывалось ранее¹⁴, Достоевский здесь пользуется вторым доказательством бытия Божия св. Фомы Аквинского, и справедливость для него — синоним Бога. Таким образом, как раз во время работы Достоевского над «Записками из подполья» из печати выходит учебник уголовного права, отменяющий абсолютизм и ставящий на его место некое опредмеченное качество человека — и то же качество делает атрибутом божества подпольный человек. Нельзя отрицать возможности влияния философии права Спасовича на «Записки из подполья», где подпольный, для которого фундаментальным свойством является злость, пытается заменить справедливость опредмеченной злостью. Можно сделать вывод, что споры Достоевского со Спасовичем основаны не только на конкретных уголовных делах, в которых участвовал адвокат, но и на его взглядах на правосудие как таковое, а также на том, что эти взгляды предлагались всему обществу в качестве нормы. Отдельное уголовное дело создает прецедент. Учебник уголовного права объясняет нормы и основания жизни общества, на основании которых оно имеет право на суд над своими членами.

Антропология Спасовича выходит на первое место и на процессе об убийстве фон Зона (1870), где Спасович защищал проститутку Александру Авдееву, которая заманила фон Зона на квартиру его убийц, чоккалась с ним, чтобы подтолкнуть его выпить яд, а потом по приказу убийц шумела, чтобы не дать соседям услышать крики жертвы, на которую яд не подействовал, а потому фон Зона додушивали пледом и добивали утюгом. Учитывая интерес Достоевского к делу фон Зона, появившемуся в «Подружке» и «Братьях Карамазовых», довольно странно, что участие Спасовича в этом процессе не фигурирует ни в комментариях к этим романам, ни в исследованиях о Спасовиче и Достоевском. Между тем дело фон Зона и само по себе заслуживает внимания в сопоставлении с творчеством Достоевского и еще ждет более подробного исследования, и выступление Спасовича на этом процессе не лишено некоторых любопытных черт. Основной элемент в его защите — требование смягчения наказания для Авдеевой (чего он добился). Основанием всякой уголовной ответственности Спасович полагал понимание преступником собственной преступности, т. е. вменяемость. Поскольку отрицать вменяемость Авдеевой на основании умственной неполноценности было невозможно, Спасович избрал тактику представления ее невменяемой нравственно, если можно так выразиться. Здесь, особенно в сопоставлении с будущим процессом Кроненберга, ярко проявляются манипулятивные приемы Спасовича. В деле Кроненберга он

---

¹⁴ «Свои доказательства он почерпает преимущественно из Фомы Аквинского, но так как он об этом умалчивает, то читателю кажется, что эти мысли принадлежат собственно рассказчику» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. С. 493); анализ соотношения богословия св. Фомы и повести Достоевского см. в: *Kovalevskaya T. V.* Dostoevsky and Scholastic Theology: Points of Intersection // Достоевский и мировая литература: филологический журнал. 2021. № 1. С. 106–123.

будет старательно замалчивать возраст его дочери (семь лет), выстав-
ляя ее развращенным ребенком. В защите Авдеевой он, наоборот, под-
черкивает ее возраст, упирая на то, что она с 15 лет занимается про-
ституцией, причем развратил ее некий офицер, которому она отдалась
«даром»¹⁵. В результате «она так рано предалась разврату, что у нее
не было почти того промежуточного периода между состоянием, когда
у дитяти еще нет стыдливости, и состоянием, когда уже нет и не может
быть никакой стыдливости»¹⁶.

Более того, Авдееву в его изображении даже нельзя вполне назвать
человеком. «Первый признак человека, как человека, то есть как суще-
ства разумного, — говорит Спасович, — то, чем человек прежде всего
отличается от животного, заключается в том, что он думает о себе, что
он “себе на уме”, что он старается сделаться самостоятельным, не под-
чиняться другим, а напротив того возвышается над ними и сам ста-
рается подчинить других своему влиянию»¹⁷. Авдеева же «действует
во всем как дрессированная собачка»¹⁸.

Однако такая характеристика человека, необходимая для целей Спа-
совича в деле фон Зона, входит в противоречие с его теорией права,
опирающейся на справедливость *общежития*, и далее он заявляет:
«Я изобразил вам эгоизм как первую ступень человеческого бытия; вто-
рая затем, которая ставит его еще выше, есть человечность или способ-
ность чувствовать не только за себя, но и за других, видеть, как другой
страдает, и самому переживать ту самую боль, те самые мучения, ко-
торые испытывает страдалец. Эта-то способность и отсутствует вполне
не у Авдеевой. <...> она при мне плакала, но плакала только о себе,
не о других»¹⁹. В некотором роде это заявление противоречит отсут-
ствию у Авдеевой эгоизма, но Спасович, возможно, назвал бы поведе-
ние Авдеевой животным эгоизмом. Примечательно, что Спасович стре-
мится быть последовательным. Его философия права — действительно
философия, целостность и последовательность которой он стремится
поддерживать.

В следующем, 1871 г. Спасович выступал защитником некоторых
нечаевцев, и газеты, в частности «Московские ведомости», печатали
стенограммы всего процесса. Исследователи обращались к выступле-
нию Спасовича, отмечая, что именно под влиянием его речи появилось
в тексте «Бесов», в главе «Петр Степанович в хлопотах», стихотворе-
ние «Светлая личность», которое пытались приписать Герцену — пародия
на стихотворение «Студент», которое Нечаев приписывал Огареву,
хотя Спасович утверждал, что на самом деле оно было таким скверным,
что даже не самый лучший в мире поэт Огарев такое бы не написал.

¹⁵ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 5. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 130.

«Возможно, Достоевский был склонен разделять мнение Спасовича» (12, 203). Отмечалось также и возможное обратное влияние Достоевского на Спасовича — возможно, именно из-за самого названия «Бесы» адвокат представлял Нечаева, который на тот момент находился за границей, а потому не был в числе обвиняемых, неким исчадием ада²⁰. Возможно, выступление Спасовича отчасти повлияло и на легенду об Иване-царевиче. «Он возымел еще в январе 1869 г. мысль гениальную, он задумал (живой человек) создать самому для себя легенду, сделаться мучеником и прослыть таковым на всю землю русскую»²¹, — говорит Спасович о Нечаеве. Возможно, что и отношения Петруши с Юлией Михайловной также навеяны описанием отношений Нечаева и Томиловой (по результатам защиты Спасовича Томилова была полностью оправдана): «Нечаев явился к Томиловой в 1868 году. <...> Он пришел к ней под видом получения латинских уроков, познакомился, зашел раз, другой, понравился, как человек бойкий; резкость его манер, резкость речи принимали за откровенность и прямоту. Нечаев, вообще, человек, могущий производить впечатление, внушать уважение к себе и даже привлекать, из чего не следует, чтобы он сам привязывался»²². Таким образом, изображение дела Нечаева и его фигуры в речах Спасовича могли повлиять на многие детали повествования Достоевского.

Здесь также проявляются риторические приемы Спасовича, о которых писал В.В. Виноградов применительно к его речи в защиту Кроненберга, а именно замена выражений, оказывающих на слушателей сильное эмоциональное воздействие, на более нейтральные; так, например, истязание девочки Кроненбергом становится «наказанием»²³. На процессе нечаевцев Спасович заявляет: «Здесь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполне сознаю, что он нехорошо поступил, весьма нехорошо; ему следовало бы, выходя от Успенского, взять извозчика и отправиться к Иванову предупредить его»²⁴. По сути дела, вместо убийства Спасович предлагает суду думать о «нехорошем поступке».

Тенденция Спасовича делать историко-философские обобщения в своих судебных выступлениях проявилась и на процессе нечаевцев в весьма любопытной форме. Указывалось, что он видит корни молодежного радикализма в любви к народу и в желании докопаться до сути вещей²⁵, но Спасович объясняет уход этой любви в радикализм через

---

²⁰ Чернова М.С. «...Что считать за правду»: В.Д. Спасович и Ф.М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» // Весник Брэскага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. № 1. С. 53.

²¹ Спасович В.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 142.

²² Там же. С. 190.

²³ Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 123–146, особ. с. 125.

²⁴ Спасович В.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 169.

²⁵ Чернова М.С. «...Что считать за правду». С. 51.

национально-фундированную историософию. «У молодого человека нашего века главное, первенствующее чувство, с которым он вступает в мир, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви к народу, чувство демократическое, желание идти в этот народ, сжиться с ним. <...> Это неопределенное демократическое чувство должно чем-либо выражаться. Способ его выражения в значительной степени зависит от национальности. <...> Поляк любит народ, т. е. свой народ, у этого народа есть богатое прошлое, есть в прошлом многое, от чего и донныне бьется сердце у современников. Это прошлое и возникает перед его глазами в пурпуре и злате, в дивном величии, и он кидается в это национальное прошлое с тем, чтобы осуществить посредством него свои демократические мечтания. Вот каким способом делается он революционером. Другое дело русский юноша. Прошлое его небогато, весьма небогато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бедно, голо, как степь раскатистая, в которой можно разгуляться, но не на чем остановиться! Та размахистость русской природы, о которой так много говорят, тот радикализм, который замечен в большинстве русских деятелей, происходит именно от неимения прошлого, от отсутствия культуры, от того, что не на что опереться. Радикализм этот есть самая крупная, всего более выдающаяся черта в деятелях русских; почти всякий молодой человек делается радикалом, то есть по необходимости, по естественному ходу идет докапываться до корня вещей, до сути отношений, до самой сокровеннейшей подкладки; он пробивается разлагающим эти отношения умом сквозь государство, сословность, религию, науки, искусство, сквозь все эти оболочки, и останавливается на том, откуда дальше и пути никакого нет — на экономическом основании быта, на противоположностях и борьбе с одной стороны капитала и собственности, с другой стороны — труда»²⁶.

Здесь узнаются идеи, весьма сходные с идеями Чаадаева из его Первого философического письма, о котором Достоевский писал «гадкая статья Чаадаева» (20, 190)²⁷. Но если Чаадаев противопоставляет Россию абсолютно всему миру, не только Западу, но и Востоку и Новому свету («Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь,

---

²⁶ *Спасович В. Д.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 157.

²⁷ К. А. Баршт подробно и наглядно сравнивает идеи Чаадаева в Первом философическом письме и Ф. М. Достоевского. См.: *Баршт К. А.* О «гадкой статье Чаадаева» и «смрадной букашке Белинском»: Ф. М. Достоевский и западничество (несколько аллюзий и реминисценций) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. (2), № 4. С. 56–75, особ. с. 60. Соотношение идей Чаадаева и Достоевского рассматривает также В. М. Розин, указывая на эволюцию идей Чаадаева и на значительное сходство их зрелой формы и идей Достоевского. См.: *Розин В. М.* Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 46–47.

я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители?»²⁸), то Спасович рассуждает исключительно об одной стране — Польше. Спасович был уроженцем Речицы в Минской губернии Российской империи (ныне в Гомельской области Белоруссии) и провозглашал: «...моя родина, моя Литва, или Белая, или Черная Русь, — разные разное ее называли. Эта родина преподана мне была в готовой форме, культурной, исторической, в форме польской культуры»²⁹. На процессе нечаевцев также проявилась его самоидентификация с польской культурой и представление о русской культуре (вернее, ее отсутствии с точки зрения Спасовича) как конституируемой в сравнении с культурой польской. По мысли Спасовича, демократические порывы польской молодежи можно направить в конструктивное русло, давая им в качестве ориентира великое польское прошлое, тогда как для русской молодежи такого исхода не существует, и они вынуждены обращаться к исключительно экономическому пониманию человека как такового и человека в истории. Но в отсутствие абсолюта в современном мире трудно представить себе иные основы историософии, кроме экономических, поэтому это противопоставление становится несколько безосновательным.

Национальная тема была для Спасовича весьма важной. Аналогичные национально-фундированные аргументы Спасович будет приводить и в деле Кроненберга, однако, в отличие от риторических приемов юриста, они освещались гораздо меньше, а если и затрагивались, то в отрыве от личности защитника. Рассуждая о Кроненберге, он говорит: «К. — почти иностранец, то есть, хотя он русский подданный, уроженец царства польского, но он более немец, и еще более француз»³⁰. Итальянская исследовательница И. Уччелло отмечает, что на отношение Достоевского к Кроненбергу могла повлиять и национальность банкира: «Кроненберг соединял в себе все три нелюбимых русским писателем национальностей: этнический еврей (выкрест), родившийся и выросший в Варшаве, учившийся во Франции и воевавший за нее. <...> В случае Кроненберга на первый план была выдвинута не только национальность, но и аристократизм, богатство и ненавистный Достоевскому космополитизм. Соблазн противопоставления голоса такого героя голосам “простых русских женщин” оказался непреодолимым»³¹. Однако соображения национальности приложимы и к фигуре самого

---

²⁸ Чаадаев П. Я. Первое философическое письмо // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 329.

²⁹ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 9. С. 271. Его в равной мере причисляют к российским, польским (*Pol K. Poczet prawników polskich XIX i XX w. Wyd. 2 / przejrzał i uzupełnił Adam Redzik. München: C. H. Beck, 2011. S. 253–272*) и белорусским юристам (так, Министерство юстиции Белоруссии проводит ежегодный правовой конкурс на приз имени Спасовича).

³⁰ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 49.

³¹ Уччелло И. Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского // Мир русского слова. 2019. №4. С. 53.

В. Д. Спасовича. Применительно к Спасовичу это тем более справедливо, что очерку «Дело Кроненберга» в «Дневнике писателя» непосредственно предшествует «Мужик Марей», где трижды повторяется одна и та же фраза, произнесенная ссыльным поляком. В начале, после описания сцены усмирения Газина, Достоевский пишет: «Мне встретился поляк М-цкий, из политических; он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: “Je hais ces brigands!” — проскрежетал он мне вполголоса и прошел мимо» (22, 46). Затем он ложится на койку и снова вспоминает ссыльного поляка: «...в ушах звучали слова М-цкого: “Je hais ces brigands!”» (22, 47). И завершением рассказа опять становится возвращение к началу: «Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме “Je hais ces brigands!” Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!» (22, 49–50). История мужика Марейя не только помогает рассказчику обрести связь с народом, но и подчеркивает обособление польских ссыльных³². Сложное отношение Достоевского к полякам, которых он чаще всего изображал в весьма неприглядном виде, анализировалось неоднократно, как в России, так и в самой Польше³³. «Польская тема» звучала и в «Записках из Мертвого дома»: «...в казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не общавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы. Это были натуры измученные, больные... <...> поляки составляли особую цельную кучку» (4, 54–55). По сравнению с «Мертвым домом» тон описания польских каторжников несколько меняется, и их обособление от остальных и от народа рисуется как их глубинная трагедия, при этом их страдания тем больше, чем больше их оторванность от всех и замкнутость в себе. Отмеченное И. Уччелло противопоставление Кроненберга «простым русским женщинам» логично продолжает тему национального обособления, поднятую в «Мужике Марее», и эта тематика актуальна для защитника, а возможно, даже более, чем для подзащитного, поскольку защитник сам сделал национальную принадлежность подзащитного и вытекающие из нее культурно-философские следствия частью своих юридических аргументов.

Но особенно громко тема конфликта между защитником и народом (в виде крестьянского жюри присяжных) возникает в «Братьях Карамазовых», где, как оказывается из речи защитника, ни денег не было, ни

---

³² Подробнее об этом см.: *Джексон Р.Л.* Искусство Достоевского. М., 1998. С. 25–33.

³³ См. хотя бы два примера: *Подрезов М.В.* Идеиные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №49. С. 170–176; *Углик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского. // Toronto Quarterly Review. 2011. №37. С. 136–149.

кражи не было, ни убийства не было. В свете высказываний Спасовича спор с подобным подходом к адвокатской практике выходит не просто на уровень полемики с либералами с их представлениями о русской истории и русском национальном характере³⁴. Для Достоевского это конфликт русского национального характера и его абсолютных оснований (насколько такое мнение было оправдано — другой вопрос) с философией права и человека у Спасовича, где закон исходит из самого человека, а характеристика человечности колеблется от эгоизма до способности к общежитию в силу необходимости существования права. Фетюкович, именующий Христа «распятым человеколюбцем» (15, 169), а не Богом (на что так напирал прокурор Ипполит Кириллович) — еще одна отсылка к Спасовичу с его антропоцентризмом. Название главы «Мужички за себя постояли» говорит именно об этом — «мужички» постояли за свой мир, основанный на существовании абсолюта в противовес миру, основанному на опредмеченной человечности. Вопрос о несправедливости такого приговора, о проблеме крестьянских жюри присяжных составляет предмет отдельного рассмотрения, и, конечно, динамика осуществления правосудия в «Братьях Карамазовых» крайне сложная, но несогласие присяжных с философской антропологией Спасовича — одна из важнейших ее составляющих.

В диалоге Спасовича и Достоевского реплика Спасовича последовала уже после кончины писателя. Спасович, бывший также литературным критиком (он писал о разных аспектах польской литературы, о Байроне и его предшественниках, о байронизме Мицкевича, Пушкина и Лермонтова, о Шекспире и Гамлете, о польской литературе), 31 января 1887 г. на поминальном обеде по поводу пятидесятилетия со дня смерти поэта произнес свою Пушкинскую речь. Заявляя, что лучше всего чествовать Пушкина правдой, Спасович говорит: «Мне нет никакого дела до того полумифического Пушкина, каким он был изображен в одной из известных речей, произнесенных 8-го июня 1880 г.; до “всечеловека”, не то Христа, не то святого духа Параклита, обладавшего дивною, невиданною и никогда не встречавшеюся способностью воплощать свой народный дух в дух других народов и в этом смысле народного. Такая способность перевоплощения была бы на мой взгляд лишь вышею степенью подражательности, а Пушкин был лучше и выше того — он был сам собой»³⁵. Спасович пытался превратить «всечеловечность» в «многонациональность», ссылаясь при этом на Достоевского: «Достоевский был прав, многонационалистом

---

³⁴ В комментариях к «Дневнику писателя» В. Д. Рак так подытоживает цели и задачи Достоевского в критике адвоката в деле Кроненберга: «Посвящая данную главу “Дневника писателя” разбору его речи в защиту отца-истязателя, Достоевский ставил себе целью не только критику адвокатской казуистики, но и дискредитацию в его лице типа либерального деятеля и тем самым либерализма в целом» (*Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 15 т. Л., 1988–1996. Т. 13. С. 448).

³⁵ *Спасович В. Д. Собрание сочинений*. Т. 1. С. 211.

были и Ленский в “Онегине”, с душою чисто геттингенской, и люди 1812 года и сам Пушкин — француз по уму и образованию. Я до конца жизни буду противником исключительного национализма и буду стоять за многонационализм, за совмещение нескольких национальных душ в одном самосознании»³⁶.

М. С. Чернова, сопоставляя речи Спасовича и Достоевского, подытоживает: «Выводы Спасовича об эстетическом аристократизме Пушкина, об отсутствии общественного значения его творчества, недооценка роли поэта в национальной и общечеловеческой культуре вызывали не только критические отзывы, но порой и оскорбительные нападки. Его обвиняли в отсутствии глубины понимания предмета и оригинальности в суждениях. “Все его мысли — подняты с улицы”, — заявит В. В. Розанов и объявит Спасовича чуть ли не врагом России, который “не может перенести, что Пушкин народен и историчен” <Розанов В. В. Два вида «правительства» // Новое время. 1897. 15 июля. С. 2>. Однако данные высказывания религиозных философов продиктованы, прежде всего, идеологическими расхождениями с западником Спасовичем»³⁷.

Спасович словно бы сфокусировал в себе практически все, что вызывало отрицательную реакцию Достоевского. Его адвокатская казуистика составляла предмет постоянных опровержений Достоевского; вполне вероятно, что и его либеральные взгляды, и постоянное противопоставление русской и польской культур не в пользу культуры русской не прошли мимо внимания писателя. Но это было не главное. Истоком их полемики, вышедшей даже за пределы жизни Достоевского, были диаметрально противоположные философские антропологические воззрения. Достоевский видел бытие человека в мире структурированным вертикально — определяющим в этом бытии были отношения человека с абсолютом. В человеке присутствует отражение Бога, Его образ, и задача человека — открыть этот образ в себе и других и так обрести и других, и подлинного себя, и Бога. «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в вашу душу» (14, 52). Для Спасовича же человек существовал в сугубо горизонтальном измерении, и все, что определяло его бытие, он извлекал из самого себя. Такой человек мог стать и «собачкой», как проститутка Авдеева в изображении адвоката. Но идеальный человек Спасовича — это человек Кириллова, который стал богом без самоубийства, просто в силу юридических установлений. Такого человека Достоевский принять не мог.

---

³⁶ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 9. С. 273.

³⁷ Чернова М. С. В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский. Две «речи» об А. С. Пушкине // Русский язык в контексте культуры: Сборник научных статей. Могилев, 2010. С. 309.

Библиографический список

- Барит К. А.* О «гадкой статье Чаадаева» и «смрадной букашке Белинском»: Ф. М. Достоевский и западничество (несколько аллюзий и реминисценций) // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2019. Т. (2), №4. С. 56–75.
- Виноградов В. В.* О художественной прозе // *Виноградов В. В. О языке художественной прозы.* М., 1980. С. 123–146.
- Джексон Р. Л.* Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. 288 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л., 1988–1996. Т. 13. 541 с.
- Евлампиев И. И.* Достоевский и Фихте // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 21. СПб., 2016. С. 274–290.
- Застольные речи В. Д. Спасовича в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903. 104 с.
- Малофеев М. М., Желудков М. А.* Влияние В. Д. Спасовича на становление института адвокатуры после судебной реформы 1864 года // *Юридическая наука: история и современность.* 2021. №7. С. 176–181.
- Подрезов М. В.* Идейные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. №49. С. 170–176.
- Розин В. М.* Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // *Культура и искусство.* 2017. №9. С. 37–52.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. 611 с.
- Спасович В. Д.* Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1889–1902.
- Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. 428 с.
- Узлик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского. // *Toronto Quarterly Review.* 2011. №37. С. 136–149.
- Учебник уголовного права, г. Спасовича // *Отечественные записки.* 1863. №3–4. 3-я паг. URL: http://az.lib.ru/s/spasowich_w_d/text_1863_uchebnik_oldorfo.shtml (дата обращения 10.10.2023).
- Уччелло И.* Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского // *Мир русского слова.* 2019. №4. С. 48–54.
- Фихте И. Г.* Назначение человека // *Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т.* СПб., 1993. Т. 2. С. 65–224.
- Чаадаев П. Я.* Первое философическое письмо // *Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т.* М., 1991. Т. 1. С. 320–339.
- Чернова М. С.* «...Что считать за правду»: В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» // *Вестник Брэсцага універсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія.* 2010. №1. С. 49–56.
- Чернова М. С.* В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский. Две «речи» об А. С. Пушкине // *Русский язык в контексте культуры: сборник научных статей.* Могилев, 2010. С. 306–310.
- Юхнович Ю. В.* Адвокатская тема в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной.* М., 2022. С. 597–607.

- Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford: Stanford University Press, 1983. 346 p.
- Kovalevskaya T. V. Dostoevsky and scholastic theology: Points of intersection // Достоевский и мировая литература. Филологический журнал. 2021. № 1. С. 106–123.
- Pol K. *Poczet prawników polskich XIX i XX w. Wyd. 2 / przejrzał i uzupełnił A. Re-dzik*. München: C. H. Beck, 2011. 1246 s.

References

- Barsht K. A. O “gadkoi stat’e Chaadaeva” i “smradnoi bukashke Belinskom”: F. M. Dostoevskiy i zapadnichestvo (neskol’ko alliuзии i reministsentsii) [On the “nasty article of Chaadaev” and the “stinking bug Belinsky”: F. M. Dostoevsky and Westernism (several allusions and reminiscences)]. *Filosoficheskie pis’ma. Russko-evropeiskii dialog*, 2019, vol. (2), no. 4, pp. 56–75. (In Russ.)
- Chaadaev P. Ia. Pervoe filosoficheskoe pis’mo [The first philosophical letter]. In: Chaadaev P. Ia. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis’ma*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1991. Pp. 320–339. (In Russ.)
- Chernova M. S. “...Chto schitat’ za pravdu”: V. D. Spasovich i F. M. Dostoevskii o tak nazyvaemom “nechayevskom dele” [“...What should be considered as truth”: V. D. Spasovich and F. M. Dostoevsky on the so-called “Nechayevsky affair”]. *Vestnik Brestskaga universiteta. Ser. 3. Filalogiia. Pedagogika. Psikhologiya*, 2010, no. 1, pp. 49–56. (In Russ.)
- Chernova M. S. V. D. Spasovich i F. M. Dostoevskii. Dve “rechi” ob A. S. Pushkine [V. D. Spasovich and F. M. Dostoevsky. Two “speeches” about A. S. Pushkin]. In: *Russkii iazyk v kontekste kul’tury: Sbornik nauchnykh statei*. Mogilev, 2010. Pp. 306–310. (In Russ.)
- Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 15 vols., vol. 13. Leningrad, 1988–1996. 541 s.
- Evlampiev I. I. Dostoevskii i Fichte [Dostoevsky and Fichte]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 21. Saint Petersburg, 2016. Pp. 274–290. (In Russ.)
- Fichte J. G. Naznachenie cheloveka [The purpose of man]. In: Fichte J. G. *Sochineniia*: in 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg, 1993. Pp. 65–224. (In Russ.)
- Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford: Stanford University Press, 1983. 346 p.
- Jackson R. L. *Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktiurny* [The Art of Dostoevsky. Delirium and Nocturnes]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russ.)
- Kovalevskaya T. V. Dostoevsky and scholastic theology: Points of intersection. *Dostoevskii i mirovaia literatura. Filologicheskii zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 106–123.
- Malofeev M. M., Zheludkov M. A. Vliianie V. D. Spasovicha na stanovlenie instituta advokatury posle sudebnoi reformy 1864 goda [The influence of V. D. Spasovich on the formation of the institution of advocacy after the judicial reform of 1864]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost’*, 2021, no. 7, pp. 176–181. (In Russ.)
- Podrezov M. V. Ideinye vozzreniia F. M. Dostoevskogo na mesto Pol’shi v Rossii i mire [Ideological views of F. M. Dostoevsky on the place of Poland in Russia

- and the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 2019, no. 49, pp. 170–176. (In Russ.)
- Pol K. *Poczet prawników polskich XIX i XX w.*, wyd. 2, przejrzał i uzupełnił Adam Redzik. München: C. H. Beck, 2011. 1256 p. (In Pol.)
- Rozin V. M. Osmyslenie F. M. Dostoevskim v “Dnevnikakh pisatel’ia” missii Rossii i ee otnosheniia k Evrope [F. M. Dostoevsky’s understanding of Russia’s mission and its relationship to Europe in the “Diaries of a Writer”]. *Kul’tura i iskusstvo*, 2017, no. 9, pp. 37–52. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 20 vols. Moscow, 1965–1977. Vol. 4. 611 p. (In Russ.)
- Spasovich V. D. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 10 vols. Saint Petersburg, 1889–1902. (In Russ.)
- Spasovich V. D. *Uchebnik ugovornogo prava* [Criminal law textbook]. Saint Petersburg, 1863. 428 p. (In Russ.)
- Uccello I. Ritorika sudebnaia i ideologicheskaia: ugovorny protsess v traktovke Dostoevskogo [Judicial and Ideological Rhetoric: Criminal Procedure as Interpreted by Dostoevsky]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Uchebnik ugovornogo prava, g. Spasovicha [Criminal law textbook by mr. Spasovich]. *Otechestvennye zapiski*, 1863, no. 4. URL: http://az.lib.ru/s/spasovich_w_d/text_1863_uchebnik_olderfo.shtml (дата обращения 10.10.2023). (In Russ.)
- Uglik J. Obraz poliakov v romanakh i publitsistike F. M. Dostoevskogo [The image of Poles in the novels and journalism of F. M. Dostoevsky]. *Toronto Quarterly Review*, 2011, no. 37, pp. 136–149. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. O khudozhestvennoi proze [About fiction]. In: Vinogradov V. V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow, 1980. Pp. 123–146. (In Russ.)
- Yukhnovich Yu. V. Advokatskaia tema v romane F. M. Dostoevskogo “Podrostok” [The lawyer theme in F. M. Dostoevsky’s novel “The Adolescent”]. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Podrostok”: sovremennoe sostoyanie izuchenii*, pod red. T. A. Kasatkinoi. Moscow, 2022. Pp. 597–607. (In Russ.)
- Zastol’nye rechi V. D. Spasovicha v sobraniiah sosl’oviiia prisiazhnykh poverennykh okruga S.-Peterburgskoi sudebnoi palaty (1873–1901)* [Table speeches of V. D. Spasovich at meetings of the class of attorneys of the district of the St. Petersburg judicial chamber (1873–1901)]. Leipzig, 1903. 104 p. (In Russ.)

Г. М. РЕБЕЛЬ*

ORCID ID: 0000-0001-6595-8859

ВАРИАНТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ХРИСТА В РОМАНАХ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Данное исследование предпринято с целью создания типологии прямых и косвенных вариантов предьявления Христа в романах Пятикнижия. В ходе работы получены следующие результаты: 1) обозначена отправная точка художественного самоопределения Достоевского в религиозной сфере и зафиксировано движение художественной мысли писателя к опосредованному и прямому предьявлению образа Христа в романах Пятикнижия; 2) описаны следующие типологические варианты: а) благовествователи о Христе: Соня Мармеладова и старец Зосима; б) персонафицированные свидетельства о Христе: князь Мышкин и безымянный герой легенды о Великом инквизиторе; в) свидетели о Христе от противного: «теоретик» Раскольников; Антихрист — Великий инквизитор; лжехристос Ставрогин, «бесы»; г) «ученики» Христа — братья Карамазовы. В христоцентричной типологии романых героев Достоевского заложен потенциал для осмысления творчества писателя в целом, а также художественных систем других авторов, построенных на иных ценностных основаниях.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы», Закон и Благодать, типология героев, художественная антропология, Христос, христоцентричность.

G. M. REBEL

VARIANTS OF THE PRESENTATION OF CHRIST IN DOSTOEVSKY'S NOVELS

Annotation: This study was undertaken with the aim of creating a typology of direct and indirect options for the presentation of Christ in the novels of the Pentateuch. In the course of the work, the following results were obtained: 1) the starting point of Dostoevsky's artistic self-determination in the religious sphere was identified and the movement of the writer's artistic thought towards

---

* Галина Михайловна Ребель, д-р филол. наук, проф. Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Galina Mikhailovna Rebel, Dr. of Philology, professor of Perm State Humanitarian Pedagogical University. ranilag@yandex.ru

the indirect and direct presentation of the image of Christ in the novels of the Pentateuch was recorded; 2) the following typological options are described: a) evangelists of Christ: Sonya Marmeladova and Elder Zosima; b) personalized testimonies about Christ: Prince Myshkin and the nameless hero of the legend of the Grand Inquisitor; c) witnesses to Christ by contradiction: “theorist” Raskolnikov; Antichrist — Grand Inquisitor; false Christ Stavrogin, “demons”; d) “disciples” of Christ — the Karamazov brothers. The Christocentric typology of Dostoevsky’s novel heroes contains the potential for understanding the writer’s work as a whole, as well as the artistic systems of other authors built on different value foundations.

Key words: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, *Demons*, *Idiot*, *Brothers Karamazov*, Law and Grace, typology of heroes, artistic anthropology, Christ, christocentricity.

Творчество Достоевского на протяжении более полутора веков остается актуальным предметом исследования, неисчерпаемым материалом идеологических и научных штудий. Уникальная религиозная и идеологическая насыщенность сочинений послекаторжного периода породила полемическую достоевистику, в совокупности своей многократно и многообразно воспроизводящую диалогическое напряжение художественного мира Достоевского.

Христоцентричность этого мира не подлежит сомнению, однако исследуется преимущественно на материале отдельных произведений или в идеологическом и этическом ракурсах творчества в целом. В данном случае предметом исследования является не только содержательная, но и структурообразующая функция образа Христа и варианты его предъявления в рамках Пятикнижия.

Для начала обозначим момент художественного поворота Достоевского к религиозной проблематике. Нам уже приходилось писать о том, что в «Записках из Мертвого дома» содержатся едва ли не все протомотивы и прообразы дальнейшего творчества¹, в том числе впервые намечены религиозные ориентиры и религиозная стратегия Достоевского, и связано это с образом иудея Исай Фомича Бумштейна. Этого героя невозможно назвать ни эпизодическим, ни второстепенным, так как, с одной стороны, это одно из множества других лиц каторги, данных в калейдоскопе впечатлений автобиографического рассказчика, с другой стороны, Исай Фомич — лицо концептуально значимое в рамках не только этого произведения, но и творчества Достоевского в целом. Подчеркнутая физиономическая, поведенческая, а главное, религиозная инакость, странность, чуждость иудея Бумштейна — это не только индивидуальная характеристика, но и своего рода художественная метафора мировоззренческого самоопределения автора.

---

¹ Ребель Г.М. «Записки из Мертвого дома» как источник тем и образов позднего Достоевского (тезисы) // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. Вып. 7. Ижевск, 2008. С. 118–121.

Исай Фомич выступает как олицетворение Закона, иудейской религии, относительно которой дистанцируются и самоопределяются (чего не происходит в связи с присутствием в казармах мусульман) каторжники-христиане. Обозначенный в Мертвом доме стык иудейской и христианской религиозности восходит к противопоставлению Закона и Благодати, сформулированному в XI в. митрополитом Иларионом. Комментируя его «Слово о Законе и Благодати», А. Ранчин акцентирует заданную еще апостолом Павлом «серию противопоставлений»: «Закон — пересохшее озеро, а Благодать — вечный источник живой воды, Закон — тень, а Благодать — Истина, Закон — луна, светящая ущербным, отраженным светом, а Благодать — солнце»².

Именно такое соотношение иудаизма и христианства в его православном изводе присутствует в описании религиозной жизни каторжников. С одной стороны — неуклонное и комичное в своей неуклонности соблюдение Закона Исаем Фомичом, чей законнический буквализм остраняется и осмешняется; с другой стороны, ожидание рождественского чуда — Благодати — православными каторжниками.

Десятая глава называется «Праздник Рождества Христова» и, как и предыдущая, начинается с надежды «какой-то перемены, чего-то необыкновенного» (4, 104), — а завершается печальной констатацией: «Грусть, тоска и чад тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы»; «Весь этот бедный народ хотел повеселиться, провести весело великий праздник — и, господи! какой тяжелый и грустный был этот день чуть не для каждого. Каждый проводил его, как будто обманувшись в какой-то надежде» (4, 111).

Ожидание чуда чудом не увенчалось, явление Христа, т. е. Рождество в широком символическом смысле: возрождение, перерождение — в Мертвом доме не состоялось. Однако движение в эту сторону в художественном мире Достоевского началось, причем началось историко-мифологически значимо: от законопослушного иудея, данного сквозь призму иронизирующего над ним коллективного сознания нерадивых христиан — к ним самим, презревшим закон, отверженным, но не сводимым к своим преступлениям:

Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, *незаконно* (выделено нами. — Г. Р.), безвозвратно. А кто виноват?

То-то, кто виноват? (4, 231)

Не отвечая на этот «юридический» вопрос, Достоевский задает движение в другую сторону. Уже здесь закон во всех его значениях

---

² Ранчин А. Как читать «Слово о Законе и Благодати». URL: <https://gorky.media/context/kak-chitatat-slovo-o-zakone-i-blagodati/> (дата обращения: 07.12.2023).

и вариантах подвергается сомнению как недостаточная и недостоверная, не «изоморфная» человеку этическая мерка.

Религиозный Закон в лице Исаия Фомича профанируется, низводится до уровня забавного ритуала, из которого выхолощен малейший признак иудейской богоизбранности, которая Достоевским впоследствии будет переадресована народу русскому, осененному Благодатью и уповающему на Благодать³.

Это противопоставление и предпочтение, в несколько иной интерпретации, Достоевский сформулировал еще в начале 1854 г. в письме к Н. Д. Фонвизиной, а затем вложил в уста героев романа «Бесы»: «..если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28₁, 176). Иными словами — не с Законом, а с Благодатью.

Выношенный в «страшных мучениях» собственный символ веры, согласно которому «нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но <...> и не может быть» (28₁, 176), Достоевский экстраполирует и на духовную жизнь народа. В 1880 г. в ходе полемики с профессором А. Д. Градовским он, в частности, пишет: «...если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и его учение, то вместе с ним, с Христом, уж конечно, принял и истинное просвещение. <...> Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу!» (26, 150–151).

Этот страдалец-народ в разительном многообразии своих типов впервые предстал перед Достоевским на каторге. Мертвый дом стал для писателя открытием простонародной России, и в этом плане очень знаменательно признание в первом послекаторжном письме к брату, М. М. Достоевскому, от 30 января — 22 февраля 1854 г.: «С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали» (28₁, 169). По контрасту с этими тяжелыми впечатлениями — в качестве защитной психологической реакции и нового идеологического фундамента — и возникает концепция народа-богоносца.

Однако, как уже сказано выше, в Мертвом доме чудо Рождества, т. е. явление Христа, снисхождение Благодати, не состоялось. Достоевскому

---

³ См.: *Ребель Г. М.* «Но да здравствует братство!» Национальный вопрос у Достоевского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 95–108.

посредством его героев прежде предстояло дойти «до последних столбов» (6, 392): проторить художественный путь из ада социального (Мертвый дом) через ад индивидуальный (интеллектуально-психологическое подполье) — к опосредованному и прямому предъявлению образа Христа в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Принято считать, что кардинальный перелом в сознании писателя произошел во время его пребывания на каторге. Однако произведения, написанные и опубликованные по окончании вынужденного литературного безмолвия, позволяют говорить о том, что перелом случился не одномоментно и оформился существенно позже. Произведения, опубликованные с 1859 до 1864 г., т. е. до «Записок из подполья», транслируют систему мировоззренческих координат, общую у Достоевского с кругом В.Г. Белинского и впервые представленную в «Бедных людях»⁴.

По поводу публикации «Записок из подполья» Достоевский сообщал брату: «Свинья цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду* — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено...» (28², 73)

Вывода этого в «Записках из подполья» нет⁵, но «потребность веры и Христа» как единственная спасительная альтернатива и Мертвому дому, и подполью становится ключевой идеей романов Достоевского, где образ Христа выступает смыслообразующим и структурообразующим началом.

В «Преступлении и наказании» Христос присутствует неявно, опосредованно: в подтексте теории Раскольникова и в сцене чтения Соней Мармеладовой евангельского эпизода воскресения Лазаря.

По логике теории Раскольникова, «законодатели и установители человечества» — «все до единого были преступники, уже тем одним, давая *новый закон*, тем самым нарушали *древний*, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за *древний закон*) могла им помочь (выделено нами. — *Г.Р.*)» (6, 199–200). Тезис иллюстрируется именами Ликурга, Солона, Магомета, Наполеона, Ньютона, но в этом ряду «внимательный читатель не может не увидеть зияющую лакуну: *новый закон* в противовес *древнему закону* провозглашен Христом»⁶, которого Раскольников неявно,

---

⁴ Подробное см.: *Ребель Г.М.* Власть среды и искушение своеволием в творчестве Ф.М. Достоевского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. №3. С. 91–105.

⁵ *Буданова Н.Ф.* «Записки из подполья»: загадки цензурной истории повести // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 236–246.

⁶ *Ребель Г.М.* Христианские аллюзии в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. Вып. 15. С. 166–176.

но очевидно делает одним из аргументов *pro* своей теории, а соответственно — и преступления.

В рамках этой логики сопричастными преступлению становятся, с одной стороны, жертвы несправедливости — Пульхерия Александровна и Авдотья Романовна Раскольниковы, Соня Мармеладова, пьяная девочка на бульваре, Катерина Ивановна Мармеладова, с образом которой рифмуется образ-символ векового безответного страдания — насмерть забитой в сне Раскольникова клячи; с другой — прямые или косвенные насильники Лужин и Свидригайлов; с третьей — все без исключения «законодатели и установители человечества», включая Христа, ибо отмена *ветхого закона* в пользу *нового* неминуемо чревата кровью.

Парадоксальным образом раскольниковская «казуистика» увенчалась успехом за пределами романа, в многочисленных интерпретациях его, где Раскольникову присваивается статус, на который он и претендовал: Раскольников «выше любого героя наполеоновского типа», ибо «внутренне предан безусловной справедливости и моральности»⁷, считает В. В. Кожин; «заблудившимся филантропом»⁸ называет героя «Преступления и наказания» философ-гуманист Г. С. Померанц. Своего рода апогеем этой тенденции стала недавно вышедшая статья И. И. Евлампиева, где, минуя все эти промежуточные стадии, Раскольников объявляется гностическим Христом, который, «будучи обычным человеком, <...> раскрывает в себе божественное начало и тем самым показывает всем людям путь спасения»⁹. Путь этот описан следующим образом: «Убийство старухи-процентщицы Раскольниковым-Христом (выделено нами. — Г. Р.) можно понять как его попытку бороться с силами зла их же собственными методами. Эта попытка не удастся, но она все-таки важна для понимания Раскольниковым своей антиномичной сущности: как каждый человек, он по своей эмпирической природе создан Демиургом и поэтому подчинен ему и его законам, но несет в себе нераскрытое божественное содержание. Поняв эту внутреннюю диалектику, он должен через страдания, подобные голгофским страданиям Христа, полностью преодолеть в себе раскрепощенное убийством низшее начало и полностью раскрыть высшее, божественное начало»¹⁰. Воистину, «черт остался жив»¹¹. По этой логике избранным, *право имеющим*, не только дозволено, но и показана *кровь по совести*, что в самом романе мгновенно и точно улавливает и формулирует Разумихин. Правда, в статье Евлампиева речь идет о единственном

---

⁷ Кожин В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 180, 181.

⁸ Померанц Г. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 2003. С. 94.

⁹ Евлампиев И. И. Гностический миф в творчестве Ф. М. Достоевского // Мифологос. 2022. № 1. С. 170.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 191.

«гностическом Христе», но и это предусмотрено и прокомментировано в романе еще более пронизательным, чем Разумихин, следователем Порфирием Петровичем: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» (6, 204)

В случае Раскольников, вообразившего себя «власть имеющим» (Мф. 4: 29), *невяные* отсылки ко Христу становятся частью идеологических спекуляций героя, основой его убийственной и самоубийственной теории: «Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!...» (6, 322)

В случае Сони Мармеладовой Христос *явлен* — опосредованно, но очевидно.

Соня не случайно поселена Достоевским у *Капернаумовых* и вполне правомерно вызвала претензии К. Леонтьева, примерявшего к ней статус православной верующей¹². Когда в иудейском Капернауме «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий» (Мф. 4: 16), исходящий от проповедника новой религии, в числе примкнувших к нему сторонников были придавленные Законом и жаждавшие Благодати женщины. Они и представлены в романе «Преступление и наказание» в образе «вечной Сонечки, пока мир стоит» (6, 38). Символическое наполнение образа Сони Мармеладовой становится очевидным в сцене чтения Евангелия: в сущности, она не читает — она *свидетельствует*. Достоевский включает в роман объемные цитаты из Евангелия не от художественной беспомощности, а из точного художественного расчета: древний текст сопряжен с сиюминутными переживаниями героини, это не трансляция чужого слова, а рождение своего, это личностное видение, проживание ситуации *здесь и сейчас*. Соня олицетворяет тех женщин, которые уверовали во Христа до христианства и безоглядно последовали за Иисусом от Капернаума до Иерусалима. Она *видит* воскресшего Лазаря — а с ней и в ней опосредованно, но несомненно присутствует *Тот*, по слову которого и происходит чудо.

В отличие от Мармеладова, в пьяном экстатическом видении которого есть элемент спекуляции и расчета на то, что во время последнего суда прощена будет не только «дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела» (6, 21), но и сам этот непотребный отец будет призван, устыжен и прощен, — Соня забывает о себе, преодолевает себя, тихую и кроткую, преобразается — «голос ее стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нем и крепили его», — и, хотя и в скобках, но прямо дается понять читателю, что в момент воскресения Лазаря происходит и другое чудо: «...(громко и восторженно прочла она, дрожа и холодея, как бы в очию сама видела)». Она действительно не читала, а *видела* воскресшего

---

¹² См.: *Ревель Г. М.* Христианские аллюзии в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». С. 166–176.

Лазаря и всем своим существом ощущала присутствие *Того*, Кто сотворил чудо.

Финал сцены чтения о Лазаре — контрастная отсылка к сцене Суда в исполнении Мармеладова.

— Господи, да придет царствие твое!

И он опустил на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись. Слова его произвели некоторое впечатление; на минуту воцарилось молчание, но вскоре раздался прежний смех и ругательства:

— Рассудил!

— Заврался!

— Чиновник!

И проч., и проч. (6, 20)

«Некоторое впечатление» снимается не только несовместной с ним обстановкой, но и сиюминутностью пафоса оратора.

Чтение о Лазаре, напротив, завершается полным отсутствием пафоса и смятением Сони, в откровении которой сомкнулись отдаленные друг от друга тысячелетиями лица и времена: «Все об воскресении Лазаря, — отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза. Лихорадочная дрожь ее еще продолжалась. Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги. Прошло минут пять или более» (6, 251–252).

Именно здесь, в этой сцене, поверх всех границ и условностей, *опосредованно, но очевидно явлен* Иисус — как спасительное обетование Благодати: возможности воскресения даже для такого грешника, как Раскольников.

В романе «Идиот» уже не опосредованно, а прямо дан *хриstopодобный* князь Мышкин, явление которого — беспрецедентная в своем роде попытка спроецировать личность Христа на современную действительность, «проверить» возможность и эффективность второго пришествия.

Употребив в данном контексте слово «личность», мы должны уточнить, что о двойственности восприятия Христа Достоевским писали неоднократно, указывая, что писатель «искушается» собственным чистым, искренним человеколюбием и перестает различать Христа евангельского и утопического¹³, т. е. Христа-Богочеловека и Христа — идеал человека. Однако тот факт, что «антропология

---

¹³ Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 21.

Достоевского — *христианская*¹⁴, безусловно подтверждается сочинениями писателя, а в центре такого антропологического универсума столь же безусловно находится Христос во плоти: «Многие думают, что достаточно верить в мораль Христову, чтоб быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасает мир, а именно вера в то, что слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, все воплощенное слово, Бог воплотившийся (РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 39)»¹⁵.

«Положительно прекрасный» князь Мышкин и есть художественное воплощение видения Достоевским Христа во плоти и его миссии в современном мире, примерка *идеала* к современности¹⁶.

Относительно этого персонажа по сей день существуют жесткие разночтения. Приведем формулировку, лаконично суммирующую отрицательные интерпретации личности и миссии *идиота*: «Трагический исход событий в романе предопределен, с одной стороны, самозванством, с другой — наивностью самого Мышкина, не ведающего подлинной природы человеческого зла»¹⁷. Некорректность этих оценок очевидна при сравнении их с претензиями, которые предъявляет своему пленнику Великий инквизитор в поэме Ивана Карамазова. Дабы не возникло никаких двусмысленностей в идентификации безымянного героя, Достоевский устами сочинителя предваряет рассказ подробными пояснениями, указывая, что действие происходит в XVI столетии, когда «как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горние силы» (14, 309). Тезис иллюстрируется целым рядом примеров, после чего Иван замечает: «...вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время. У меня на сцене является он...» и т. д. Иными словами, никаких шансов усомниться в том, кто этот *он*, который «ничего и не говорит в поэме, а только появляется и проходит» (14, 310), даже у самого скептического читателя и/или исследователя не остается. Бессловесность тому дополнительное свидетельство: «Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано» (14, 315).

И именно *ему* Великий инквизитор адресует тот самый упрек, который без учета контекста творчества Достоевского — и исторического

---

¹⁴ Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. С. 150–164. URL: <http://elibrary.petrsu.ru/books/34975> (дата обращения: 21.09.2023).

¹⁵ См.: Там же. С. 160.

¹⁶ Подробнее см.: Ребелъ Г. Кто «виноват во всем этом»? Мир героев, структура и жанр романа «Идиот» // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 190–227.

¹⁷ Арсентьева Н. Н. «Положительно прекрасный человек» // Федор Достоевский: Антология жизни и творчества. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/096/> (дата обращения: 07.12.2023).

контекста прошедших с момента первого пришествия веков — предъявляется Мышкину: «Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, — и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл...» (14, 322) Это обобщение и перенос на все человечество того опыта невозможности соответствия идеалу, о котором применительно к себе говорит Мышкину Настасья Филипповна: «Ты меня совершенством давеча называл; хорошо совершенство, что из одной похвалы, что миллион и княжество растоптала, в трущобу идет!» (8, 143)

Обличители и ниспровергатели князя Мышкина незаметно для себя предъявляют ему то же обвинение в несостоятельности, которое бросает своему пленнику Великий инквизитор: «...завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если бы кто всех более заслужил наш костер, то это ты» (14, 237). Между тем в поэме Ивана Карамазова, т. е. в системе художественных координат самого Достоевского, подтверждена христоподобность *идиота*. И в самом романе образ Мышкина удвоен в его христоподобном качестве с помощью экфрасиса — образа картины Гольбейна «Мертвый Христос в гробу». «...Космический символ непреодолимого зла, смерти и разрушения всего прекрасного и возвышенного»¹⁸, картина эта в ее романной интерпретации — символ еще более страшной судьбы заживо умерщвленного князя Мышкина. И потому от романа, как и от помещенной в его смысловой центр картины, «у иного еще вера может пропасть» (8, 182). Ипполит подробно иллюстрирует и разворачивает этот тезис: «...если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели все ученики его, его главные будущие апостолы, видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста, все веровавшие в него и обожавшие его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик воскреснет?» (8, 339) Мышкин и Ипполит формулируют то, что мучило Достоевского на протяжении всей его жизни, что запечатлено и в самом Евангелии: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9: 24).

Безоглядную, не подверженную никаким искушениям веру Достоевский отдал двум своим героиням. Соне Мармеладовой, убежденной в неминуемом посрамлении неверующих, которые «сейчас, через минуту, как громом пораженные, падут, зарыдают и уверуют» (6, 251). И Лизавете

---

¹⁸ *Натова Н.* Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 26–45.

Прокофьевне, которая раз и навсегда выбрала для себя этого «невозможного жениха»: «Я бы тех всех вчерашних прогнала, а его оставила, вот он какой человек!..» (8, 460) В этих словах очевидно содержится отсылка к эпизоду Евангелия от Иоанна: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек» (Ин. 19: 5).

При этом в романе «Идиот» Достоевский устами своего христоподобного героя противопоставляет подлинному Христу «Христа искаженного», «противоположного» (8, 450), которого проповедует католицизм. «Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» (8, 451) — провозглашает князь Мышкин.

После того как в 1870 г. на Ватиканском соборе был утвержден догмат о непогрешимости папы, Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. развивает высказанную в романе «Идиот» мысль: «Провозгласив как догмат, “что христианство па земле удержаться не может без земного владения папы”, оно (католичество. — Г.Р.) тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: “Все сие отдам тебе, поклонися мне!”» (22, 88). Тем самым, по логике писателя, заданной в романе «Идиот», «католичество римское даже хуже самого атеизма» (8, 450). Однако, так же как инвективы князя Мышкина профанируются предсказанным и неизбежным казусом с китайской вазой, жесткие формулировки Достоевского-публициста корректируются Достоевским-художником.

Противопоставление Христа как «идеала воплотившегося» (11, 193) и Христа *нового, противоположного, подменного* предъявлено в поэме Ивана Карамазова, которая задумывалась как обличение католицизма. Однако исполнение по масштабу своему многократно превзошло замысел: по словам В.В. Розанова, «в столь мощном виде, как здесь, диалектика никогда не направлялась против религии <...> Можно сказать, что здесь восстает на Бога божеское же в человеке: именно чувство в нем справедливости и сознание своего достоинства»¹⁹. При этом Великий инквизитор, несомненно, выступает в роли Антихриста, но не лжехриста, хотя между этими явлениями нередко ставится знак равенства, а именно Анти-Христа: жесткого и принципиального оппонента, фигуры масштабной и трагической, почему и удостаивается *прощального* поцелуя своего безмолвного пленника — зеркального относительно поцелуя Иуды жеста.

Не менее концептуально значимы в творчестве Достоевского пародийные персонификации образа Христа и его окружения, представленные в романе «Бесы».

Претензия на роль Христа здесь вменена Петру Верховенскому: «Помилуй, кричу я ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям

---

¹⁹ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе. М.: Республика, 1996. С. 92.

взамен Христа предложить желаешь?» (10, 171) — негодует Степан Трофимович, однако он ошибается, Петруша выстраивает более замысловатую иерархию. «Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, я ваш червяк...» (10, 438) — извивается он в подобострастии перед Ставрогиным. Подобные, хотя иначе выраженные чувства к Ставрогину высказывают и другие герои. Примечательная деталь: Федька Каторжный называет его, как и Бога, «Истинным» (10, 205). И содержание образа Ставрогина, и самый способ его подачи позволяют говорить о его исключительности, на которой настаивал и автор: «Все заключается в характере Ставрогина. Ставрогин *всё*» (11, 207). В контексте разыгрывающейся вокруг него и во многом с его подачи бесовщины это исключительность не Анти-Христа, как в варианте Великого инквизитора, а — *лжехриста*, одного из тех, о которых сказано: «Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и великие чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24: 24). Верховенский-младший действует как по методичке, стремясь внести в уже сформировавшийся демонический образ (текст пестрит соответствующими определениями: «вдруг зверь показал свои когти» (10, 37), «изверг», внушающий «смертный страх», «взбесившийся» (10, 43), «премудрый змий» (10, 83), «человеконенавистник» (10, 106)) дополнительный мистический элемент: «Мы скажем, что он скрывается, — тихо, каким-то любовным шепотом проговорил Верховенский <...> — Знаете ли вы, что значит это слово: “Он скрывается”? Но он явится, явится. Мы пустим легенду получше, чем у скопцов» (10, 325). Впрочем, Ставрогин и сам мастерски играет эту роль: «Он есть, но никто не видел его — он скрывается» (10, 326). На него не просто возлагают надежды — на него едва ли не молятся. Его слово преображает, его личность завораживает, он *прельщает*, порождает фанатиков, готовых встать под его знамя. Однако таинственное в нем оказывается закамуфлированной пустотой, проповедничество его — злонамеренная манипуляция, вместо знамени у него — веревка висельника. А «ученики» его — свора разнокалиберных бесов. Визит Ставрогина к Тихону и исповедь перед ним — своего рода «проба», эксперимент: намерение публично пасть на самое дно, дабы подняться на самый верх. Но «проклятый психолог» раскусил маневр, перевел ситуацию из трагического регистра в пародийно-смеховой, тем самым изблотив самозванца, как это сделала и Хромоножка, в свою очередь наделенная «зловещей двойственностью»: «Обвинения в самозванстве, брошенные ею Ставрогину, бумерангом возвращаются обратно, ибо она — миф, тщательно культивируемый собственным братом (“Мария Неизвестная, урожденная Лебядкина” (10, 139)), и в то же время — мифотворица, создающая брату условия для скандальных выходов в гостиную Варвары Петровны, сочиняющая про себя историю непорочного зачатия (о ребеночке плачет, а мужа не знает) и убийства собственного ребенка, то ли мальчика, то ли девочки, уже по другому,

литературному, образцу. В этой “святой идиотке”²⁰ и близко нет той подлинности, глубины и силы религиозного переживания, той незапятнанной грязью “профессии” нравственной, душевной чистоты, которыми щедро наделена Соня Мармеладова»²¹.

Парадоксальным и в то же время закономерным в мире Достоевского образом-выразителем христианской идеи в «Бесах» становится в конце своего романного и жизненного пути либерал 1840-х годов Степан Трофимович Верховенский. Более того, именно на нем лежит отсвет фигуры самого Христа. Вряд ли случайна переключка между словами Варвары Петровны у постели умирающего Степана Трофимовича «Вот какой это человек!» (10, 505) и словами Елизаветы Прокофьевны о «невозможном женихе» князе Мышкине: «Я бы тех всех вчерашних прогнала, а его оставила, вот он какой человек!..» (8, 460) И то и другое, как уже сказано, отсылает к евангельскому «Се, Человек!» (Ин. 19: 5).

Принципиально иной вариант христианской антропологии представлен Достоевским в романе «Братья Карамазовы».

«Безудерж» Карамазова-отца К. Мочульский трактовал как «хаотическое кипение творческих сил, которым предназначено преобразить мир»²². Питающиеся от этого щедро унавоженного грехами корня сыновья Федора Павловича — *побеги* в разные стороны: и от отца, и друг от друга, но при этом в них проглядывает сходство с теми, кто окружал Христа на его земном пути, и это делает их не только кровными, но и символическими братьями — в перспективе, возможно, «благовестователями». Причем в случае братьев Карамазовых и Смердякова можно говорить и о личностном сходстве с евангельскими персонажами, отчасти осознанном. «Да ведь ты не Христос, а я не Иуда» (14, 325), — бросает Алеше раздраженный Ракитин. В данном случае знаменательна не отрицательная констатация, а система координат, в которой существуют герои: Христос, Иуда, антихрист, ученики Христа в «Братьях Карамазовых» — ориентиры, точки отсчета и точки притяжения, мерила человеческой сущности персонажей. Роман насыщен и ветхозаветной символикой, в частности в нем многократно актуализируется история Каина и Авеля. Однако ветхозаветная антропология здесь органично встроена в единое целое и дана сквозь призму христианского мироощущения в идеальном его варианте, олицетворяемом старцем Зосимой, который говорит о Книге в неразрывном единстве Ветхого и Нового Заветов и Книгой этой поверяет жизнь во всех ее проявлениях.

---

²⁰ Иваск Ю. Упоение Достоевского // Ф.М. Достоевский: 1881–1981. Лондон, 1981. С. 181.

²¹ Ребель Г.М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 223–224.

²² Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. URL: <https://predanie.ru/book/83149-gogol-solovev-dostoevskiy/#/toc33> (дата обращения: 07.12.2023).

Почти все евангельские параллели судеб братьев Карамазовых символически заданы и даже отчасти проговорены старцем Зосимой уже в начале романа.

Одержимому страстями, по-отцовски безудержному Мите уготована участь Савла, преобразившегося в Павла, и процесс его преобразования, искания им Бога — одна из главных сюжетных линий романа. Дмитрий безобразничает, весь «город трещит и гремит от его кутежей» (14, 66), но и низвергаясь в очередной раз в бездну низости, он помнит о бездне святости, и прозревает лик Мадонны — и движется по пути прозрения, и формулирует смысл веры в Бога, как его понимал Достоевский: «А меня Бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как его нет? Что, если прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без Бога-то? Вопрос! Я всё про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет?» (15, 32)

Митя единственный, в ком «безудерж карамазовский нечестивый» (его собственное определение) (14, 324) переплавляется в гимн любви, причем само это слово рефреном звучит в связи с ним: «И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» (14, 99). Катерина Ивановна в последнем разговоре с Алешей говорит о состоянии Мити: «Он там толкует <...> про какие-то гимны, про крест, который он должен понести, про долг какой-то...» (15, 181)

Хождение Митиной души по мытарствам — это одна из главных сюжетных линий романа «Братья Карамазовы». Изначально это определяющие ход событий мытарства гнева и ярости, гордости, блуда и убийства, затем — мытарства без вины виноватости, которые прямо обозначены таковыми и вынесены в названия главок в сценах допросов; наконец — и мытарства любви к Грушеньке, и готовности пострадать, чтобы не плакало больше дите и черная мать дитяти, — все это этапы движения снизу вверх, преобразования Савла в Павла.

Показателен в этом плане фрагмент главы «Кана Галилейская», когда Алеша сквозь дрему слушает отца Паисия, читающего Евангелие над гробом старца Зосимы, и соотносит услышанное с пережитым: «...это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... “Кто любит людей, тот и радость их любит...” Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была... Без радости жить нельзя, говорил Митя... Да, Митя... Все, что истинно прекрасно, всегда полно всепрощения — это опять-таки он говорил...» (14, 326) Финальное «он говорил» — неожиданное

сопряжение Мити со старцем Зосимой, своего рода указание и пророчество. Митя единственный из Карамазовых, кто переживает настоящую любовь: из безудержной страсти-пожара она превращается в неугасимое ровное пламя, в ту любовь, которая, по слову апостола Павла, «никогда не перестает» (1 Кор. 13: 1–8), которой, по слову старца Зосимы, «все покупается, все спасается» (14, 48). В начале романа, в сцене в монастыре Зосима подробно и долго беседует с Иваном, опекает и наставляет Алешу, в проповеди его подразумевается даже Смердяков, и только с Митей и о Мите он не говорит, а слушает его, наблюдает за ним и отвешивает ему земной поклон — в залог неминуемого будущего крушения в бездну, за которым должно последовать воскресение.

Если самые эмоционально насыщенные, пронзительные страницы романа посвящены Мите, то самые идеологически острые связаны с Иваном. Его «роковой приезд» и роковая *нигилистическая* формула — «уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие <...> тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» (14, 64–65), — становится толчком к катастрофическому развитию событий. Он своего рода Фома неверующий, который отнюдь не случайно упоминается в главе «Старцы»: «Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже веровал вполне, в тайнике своего существа, даже еще тогда, когда произносил: “Не поверю, пока не увижу”» (14, 25). Здесь есть несомненная параллель с переживаниями Ивана, однако в случае Ивана формула «Не поверю, пока не увижу» усложняется: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, — говорит он Алеше, — я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (14, 214). Это случай самого Достоевского, для которого «вопрос невинного страдания <...> намного более тяжелое, трагическое искушение веры, чем “доводы противные” науки»²³.

То, что в Мите было источником стихийного порыва, «мистическим» прозрением-сном о плачущем *дитяти* («За дите-то это я теперь и в Сибирь пойду!» (15, 10)), — в Иване оформляется в интеллектуальный и этический бунт: «...если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» (12, 223). Но и это предвидит старец: «В вас этот вопрос не решен и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения... <...> Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться, “горняя мудрствовать и горних искати, наше бо жителство на небесех есть”. Дай вам бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и да благословит Бог пути ваши!» (14, 65–66) Однако в данном случае Бог не дал: *умствование* Ивана оборачивается *умопрачением*.

---

²³ Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского. С. 20.

«...я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою» (14, 215), — признается Иван Алеша, перед которым исповедуется. И хотя надежда Ивана не сбылась — Алеша еще не созрел, для того чтобы «взять такой вес», — тем не менее в предлагаемом символическом раскладе Алеша, безусловно, — Петр, которого старец перед смертью благословил и послал в мир «на великое послушание»: «Все должен будешь перенести, пока вновь пребудеши. А дела много будет. Но в тебе не сомневаюсь. Потому и посылаю тебя. С тобой Христос» (14, 71–72). После смерти старца Алеша оступился по слабости человеческой и на Бога возроптал, и преступление не предотвратил, и брата Ивана не спас, но двигался по указанному старцем пути, от великого послушания не уклонился — и в финале романа именно он закладывает краеугольный камень церкви-братства вместе с детьми, ибо их страдания сжигали душу Ивана, побуждали к новой жизни Дмитрия, «ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10: 14).

Аналогия Смердяков — Иуда лежит на поверхности: предатель и убийца, не вынесший своего предательства и не воспользовавшийся своими тридцатью сребренниками (тремя тысячами). И к нему можно отнести слова из проповеди старца Зосимы в начале романа: «Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил божью любовь?» (14, 48)

Сам старец Зосима, «чистый идеальный христианин»²⁴, подобно Соне Мармеладовой, князю Мышкину и безмолвному герою поэмы о Великом инквизиторе, является, если можно так выразиться, олицетворением *Благодати*.

С этими образами, как и с художественной логикой романов Достоевского в целом, не согласуется, на наш взгляд, утверждение А.Г. Гачевой, что «для писателя, как и для героев, скрещающих мировоззренческие копы на страницах его романов, вопрос о Христе ставится буквально как “или — или”: “или вера — или жечь” <...>, или Богочеловечность, открывающая полноту развития человечности, или человечность, лишенная Божественного измерения, а значит — безнадежно тождественная самой себе, неспособная к трансценденсу, к расширению за свои границы, обреченная на “вечность на аршине пространства”»²⁵.

Достоевский не вывел на поверхность окончательного текста «Бесов» формулу радикального религиозного фундаментализма «или вера — или жечь». Вряд ли корректно трактовать эту черновую запись в качестве его символа веры. И даже если это так относительно

---

²⁴ Буданова Н. Ф. Достоевский и преподобный Сергей Радонежский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 196.

²⁵ Гачева А. Христология Достоевского в контексте традиции нравственного и толкования догмата // Богословие Достоевского. М., 2021. С. 129.

Достоевского-идеолога, Достоевский-писатель создает многозначный, не укладывающийся в жесткую антиномию pro и contra, несводимый к взмаху идеологической плети художественный мир. При этом во всех своих ипостасях Достоевский ищет благодати грядущего бессмертия, без которой, полагает он, нельзя человеку жить и быть человеком: «Нет добродетели, если нет бессмертия» (14, 65), — эту свою сокровенную мысль он вложил в уста Ивана Карамазова. А залогом бессмертия является вера в то, что Христос «есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Именно *личность* Христа дорога Достоевскому, для Достоевского Христос — «вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы призван стремиться на земле человек» (20, 172).

Этот идеал и воплощен в творчестве писателя — в сюжетной логике произведений, в системе персонажей романов Пятикнижия, где ключевыми героями выступают:

- свидетели о Христе, олицетворяющие и символизирующие Благодать, — Соня Мармеладова, старец Зосима;
- персонафицированные предьявления Христа — князь Мышкин; безымянный герой легенды о Великом инквизиторе;
- антагонисты Христа как свидетели от противного: лжесвидетель Раскольников, подгоняющий Христа под свою теорию, Антихрист — Великий инквизитор; лжехристос Ставрогин и порожденные им разномастные «бесы»;
- «ученики», которым только предстоит (или не предстоит) стать благовествователями, — братья Карамазовы.

Заметим, что в этом раскладе есть герои, олицетворяющие Благодать или устремленные к ней, есть их антагонисты, но после Исаия Фомича нет никого, кто бы олицетворял Закон, притом что представители светского закона играют в криминальных романах Достоевского важную роль. Однако вопрос о том, в какой мере они вписываются — или не вписываются — в христианскую антропологию писателя, пока оставим открытым.

Предлагаемая типологическая парадигма в настоящем своем варианте позволяет внести существенные уточнения в описание структуры и смыслов произведений Достоевского, при этом она открыта для дополнений, усложнений и корректировок. В ней заложен потенциал для осмысления других произведений Достоевского (в частности, романа «Подросток»), а также художественных систем других авторов, построенных на иных ценностных основаниях.

Библиографический список

- Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. 680 с.
- Арсентьева Н. Н.* «Положительно прекрасный человек» // Федор Достоевский: Антология жизни и творчества. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/096/> (дата обращения: 07.12.2023).

- Буданова Н. Ф.* Достоевский и преподобный Сергей Радонежский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 195–201.
- Буданова Н. Ф.* «Записки из подполья»: загадки цензурной истории повести // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 236–246.
- Гачева А.* Христология Достоевского в контексте традиции нравственного и толкования догмата // Богословие Достоевского. М., 2021. С. 21–156.
- Захаров В. Н.* Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 150–164.
- Евлампиев И. И.* Гностический миф в творчестве Ф. М. Достоевского // Мифологос. 2022. № 1. С. 170–181.
- Иваск Ю.* Упоение Достоевского // Ф. М. Достоевский: 1881–1981. Лондон, 1981. С. 179–188.
- Кириллова И. А.* Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 17–25.
- Кожин В.* «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 107–184.
- Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с. URL: <https://predanie.ru/book/83149-gogol-solovev-dostoevskiy/#/toc33> (дата обращения: 07.12.2023).
- Натова Н.* Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 26–45.
- Померанц Г.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 2003. 352 с.
- Ранчин А.* Как читать «Слово о Законе и Благодати». URL: <https://gorky.media/context/kak-chitat-slovo-o-zakone-i-blagodati/> (дата обращения: 07.12.2023).
- Ребель Г.* Кто «виноват во всем этом»? Мир героев, структура и жанр романа «Идиот» // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 190–227.
- Ребель Г. М.* Христианские аллюзии в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской конференции. Вып. 15. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 166–176.
- Ребель Г. М.* «Записки из Мертвого дома» как источник тем и образов позднего Достоевского (тезисы) // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. Вып. 7. Ижевск, 2008. С. 118–121.
- Ребель Г. М.* Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.
- Ребель Г. М.* Власть среды и искушение своеволием в творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 91–105.
- Ребель Г. М.* «Но да здравствует братство!» Национальный вопрос у Достоевского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 95–108.
- Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе. М.: Республика, 1996. 704 с.

References

- Annenskii I. *Knigi otrazhenii* [Books of reflections]. Moscow, 1979. 680 p. (In Russ.)
- Arsent'eva N.N. "Polozhitel'no prekrasnyi chelovek" ["A positively wonderful person"]. In: *Fedor Dostoevskii: Antologiya zhizni i tvorchestva*. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/096/> (accessed: 07.12.2023). (In Russ.)
- Budanova N.F. Dostoevskii i prepodobnyi Sergii Radonezhskii [Dostoevsky and St. Sergius of Radonezh]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 14. Saint Petersburg, 1997. Pp. 195–201. (In Russ.)
- Budanova N.F. "Zapiski iz podpol'ia": zagadki tsenzurnoi istorii povesti ["Notes from the Underground": the mysteries of the censorship history of the story]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 21. Saint Petersburg, 2016. Pp. 236–246. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. Gnosticheskie mify v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Gnostic myth in the works of F.M. Dostoevsky]. *Mifologos*, 2022, no. 1, pp. 170–181. (In Russ.)
- Gacheva A. Khristologiya Dostoevskogo v kontekste traditsii npravstvennogo i tolkovaniia dogmata [Dostoevsky's Christology in the context of the moral tradition and interpretation of dogma]. In: *Bogoslovie Dostoevskogo*. Moscow, 2021. Pp. 21–156. (In Russ.)
- Ivask Iu. Upoenie Dostoevskogo [Dostoevsky's rapture]. In: *F.M. Dostoevskii: 1881–1981*. London, 1981. Pp. 179–188. (In Russ.)
- Kalinina I.A. Khristos v zhizni i tvorchestve Dostoevskogo [Christe in the life and work of Dostoevsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 14. Saint Petersburg, 1997. Pp. 17–25. (In Russ.)
- Kozhinov V. "Prestuplenie i nakazanie" F.M. Dostoevskogo ["Crime and Punishment" of F.M. Dostoevsky]. In: *Tri shchedyva russkoi klassiki*. Moscow, 1971. Pp. 107–184. (In Russ.)
- Mochul'skii K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii*. Moscow: Respublika, 1995. Available at: <https://predanie.ru/book/83149-gogol-solovev-dostoevskiy/#/toc33> (accessed: 07.12.2023). (In Russ.)
- Natova N. Metafizicheskie simvolizm Dostoevskogo [Metaphysical symbolism of Dostoevsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 14. Saint Petersburg, 1997. Pp. 26–45. (In Russ.)
- Pomerants G. *Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the Abyss: Encounters with Dostoevsky]. Moscow, 2003. 352 p. (In Russ.)
- Ranchin A. *Kak chitat' "Slovo o Zakone i Blagodati"* [How to read "The Word on Law and Grace"]. URL: <https://gorky.media/context/kak-chitat-slovo-o-zakone-i-blagodati/> (accessed: 07.12.2023). (In Russ.)
- Rebel G. Kto "vinovat vo vsem etom"? Mir geroev, struktura i zhan romana "Idiot" [Who is "to blame for all this"? The world of characters, structure and genre of the novel "The Idiot"]. *Voprosy literatury*, 2007, no. 1, pp. 190–227. (In Russ.)
- Rebel G.M. Khristianskie alluzii v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Christian allusions in the novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky]. In: *Kormanovskie chteniia: stat'i i materialy Mezhdvuzovskoi konferentsii*, iss. 15. Izhevsk: Udmurtsky University Press, 2016. Pp. 166–176. (In Russ.)

- Rebel G. M. “Zapiski iz Mertvogo doma” kak istochnik tem i obrazov pozdnego Dostoevskogo (tezisy) [“Notes from the Dead House” as a source of themes and images of late Dostoevsky (theses)]. In: *Kormanovskie chteniia: Stat’i i materialy Mezhvuz. nauch. konf, iss. 7. Izhevsk, 2008. Pp. 118–121. (In Russ.)*
- Rebel G.M. *Turgenev v russkoi kul’ture* [Turgenev in Russian culture]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2018. 376 p. (In Russ.)
- Rebel G. M. Vlast’ sredy i iskushenie svoevoliem v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The power of the environment and the temptation of self-will in the works of F. M. Dostoevsky]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istorii i filologii*, 2021, no. 3, pp. 91–105. (In Russ.)
- Rebel G.M. “No da zdravstvuet bratstvo!” Natsional’nyi vopros u Dostoevskogo [“But long live brotherhood!” The national question for Dostoevsky]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istorii i filologii*, 2022, no. 6, pp. 95–108. (In Russ.)
- Rožanov V.V. *Legenda o Velikom inkvizitore* [The Legend of the Grand Inquisitor]. Moscow: Respublika, 1996. 704 p. (In Russ.)
- Zakharov V.N. Khudozhestvennaia antropologii Dostoevskogo [Dostoevsky’s art anthropology]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki: sb. nauch. tr. Iss. 11: Evangel’skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reminisentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Iss. 8. Petrozavodsk: PetrGU Press, 2013. Pp. 150–164. (In Russ.)*

С. А. СКУРИДИНА *

ORCID ID: 0000-0002-2313-2482

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОДЕЛИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В работе рассматривается семантический потенциал имен собственных, используемых в художественных текстах Достоевского, и отмечается, что на основе их анализа может быть выявлена модель ономастического творчества — иерархическая структура, включающая ономастические доминанты разных уровней, выполняющие определенные функции, и обладающая системными признаками, проявляющимися в индивидуально-авторском ономастическом коде, который представляет собой комбинацию апеллятивно-онимных элементов, способных эксплицировать информацию о художественном образе, хронотопе, автобиографии, мифопоэтических константах и др.

Ключевые слова: Достоевский, ономастика, ономастический код, модель ономастического творчества, семантически маркированные онимы.

S. A. SKURIDINA

ABOUT SOME FEATURES OF THE MODEL OF DOSTOEVSKY'S ONOMASTIC CREATIVITY

Annotation: The research examines the semantic potential of proper names used in Dostoevsky's literary texts, and notes that on the basis of their analysis, a model of onomastic creativity can be identified — a hierarchical structure that includes onomastic dominants of different levels that perform certain functions, and has systemic features that manifest themselves in an individual author's onomastic code, which is a combination of appellative-onymic elements capable of explicating information about an artistic image, chronotope, autobiography and mythopoetic constants.

Key words: Dostoevsky, onomastics, onomastic code, model of onomastic creativity, semantically marked onyms.

---

* Светлана Анатольевна Скуридина, д-р филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета; Svetlana A. Skuridina, Dr. of Philology, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State University. saskuridina@yandex.ru

Исследование особенностей именина художественных произведений Достоевского начато в работах А.Л. Бема и П.А. Бицилли в 1930-х гг. По мнению А. Бема, «там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя», которое выражается в стремлении Достоевского дать своим героям имена, определяющие национальную принадлежность, соответствующие социальному статусу и способные выполнить мнемоническую функцию («избранное имя является знаком другого, которое писатель подразумевает для себя (отнюдь не для читателя)»)¹. П. А. Бицилли рассматривал имя собственное в творчестве Достоевского как прием индивидуализации персонажа и отмечал способность имени вызывать у читателя определенные фонетические ассоциации: «...что-то очень сильное, внушительное и вместе тяжелое, недоброе, в таких именах, как Ставрогин, Свидригайлов»². Несмотря на то что В.В. Виноградов не занимался систематическим описанием ономастического произведения Достоевского, необходимо отметить указанную исследователем языка художественных произведений обусловленность выбора имени литературным направлением: «общая сентиментальная канва романа (“Бедные люди”. — С. С.) определяет и названия действующих лиц»³.

Анализ именина произведений Достоевского представлен в трудах М.С. Альтмана, в которых ученый обращается к проблеме соотношения имен героев и их прототипов: «...из всех “именных” характеристик в произведениях Достоевского особый интерес представляют те случаи, когда он пользуется собственным именем не только для характеристики его обладателя, но и для указания на его прототип»⁴. С.В. Белов также отмечал «поразительное переосмысление Достоевским имен при создании литературных персонажей»⁵.

Поскольку имя собственное — это лаконичная по форме, но емкая по содержанию лингвистическая категория, многие исследователи при изучении разных аспектов творчества Достоевского привлекают ономастический материал. Обращение к образной системе романов, к их сюжетно-композиционной структуре, к символическому и мифопоэтическому уровням невозможно без анализа значимых онимных единиц, что свидетельствует о многоплановой мотивированности именина писателя. К. А. Баршт, анализируя особенности создания онимов Достоевским,

---

¹ См.: Бем А.Л. Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные // О Достоевском. Прага, 1933. Т. 2. С. 415, 421, 420, 411.

² См.: Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 633.

³ Виноградов В.В. Школа сентиментального романтизма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 339–340.

⁴ Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 7.

⁵ Белов С.В. Имена и фамилии у Ф.М. Достоевского // Русская речь. 1976. № 5. С. 31.

отмечает: «Нарождающееся в творческом процессе Достоевского имя собственное можно определить как “имя контактное”, т. е. промежуточное, гибридное, в котором пучки новых свойств, придающие ему уникальность, только появляются»⁶. К таким именам-апеллятивам относятся лексемы, замещающие традиционное имя в периоды изобретения и продумывания образа, например Наездница, Воспитанница, Князь и др., поскольку они «помогают сохранить хрупкий нарождающийся образ героя в его младенческом онтологическом статусе»⁷.

Как указывает основоположник воронежской ономастической школы Г. Ф. Ковалев, использование онимов в художественном тексте обусловлено четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом⁸. Несмотря на то что в художественном поиске стихийная составляющая имеет большое значение, выбор онимов определяется моделью ономастического творчества писателя, являющейся фрагментом его индивидуально-авторской картины мира и выполняющей функцию каркаса художественного произведения, который обрывает текстом, демонстрирующим апеллятивно-онимную взаимосвязь⁹. Модель ономастического творчества писателя — это не просто совокупность имен собственных определенного художественного произведения, а иерархическая структура, которая включает ономастические доминанты разных уровней, выполняющие определенные функции, и обладает системными признаками, проявляющимися в индивидуально-авторском ономастическом коде¹⁰. Доминанта — компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов¹¹, в связи с чем можно говорить об апеллятивно-онимном взаимодействии, характерном для художественного произведения. Каркасная функция модели ономастического творчества обусловлена сильной позицией имени собственного в тексте, проявление которой наблюдается в нередком замещении антропонимом главного героя названия произведения (например, «читал Раскольников?»). Автор вводит в повествование онимную единицу, являющуюся кумулятивным узлом собственного мировоззрения, однако в созданном художественном тексте

---

⁶ Барит К. А. Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 29.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 5.

⁹ Скуридина С. А., Бугакова Н. Б. Модель ономастического творчества писателя в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 93.

¹⁰ Скуридина С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского. Воронеж, 2022.

¹¹ Мужаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 411.

имя переосмысливается читателем, приобретая дополнительные коннотации.

Осознанный подход Достоевского к выбору имени подтверждается эпизодами его биографии. В. А. Савостьянова, племянница писателя, вспоминала, что Достоевский ее «пожурил» за выбор имени первому ребенку: «“Не Андреем он должен называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту так ведется”. — “Но дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив”. Он только ласково улынулся, но не уступил» (6, 216). О склонности Достоевского к ономастическому творчеству свидетельствуют псевдонимы *Зубоскал*, *Зубоскалов*, *Друг Козьмы Пруткова*, *Летописец*. Свое особое отношение к имени Достоевский проецирует на персонажей, которые размышляют о соответствии / несоответствии собственных фамилий, раскрывают семантику фамилий других действующих лиц, выбирают себе новые имена и фамилии.

Сохранившиеся черновики и переписка свидетельствуют о работе Достоевского с биографическим ономастическим материалом, результатом которой является использование в художественных текстах реально существующих, но переосмысленных и, как следствие, выражающих авторские интенции онимов разных разрядов. К их числу относится фамилия *Рогожин*, позаимствованная Достоевским у Е. Г. Рогожина, выходца из купеческого сословия, являвшегося управляющим московской конторы Государственного коммерческого банка, и имя и отчество *Настасья Филипповна*, принадлежавшее жене Е. Г. Рогожина. Их имена Достоевский мог слышать в доме Куманиных, в который была вхожа супружеская чета Рогожиных¹².

Обращаясь к творчеству Достоевского, вспомним слова А. Е. Врангеля: «Он весь был поглощен изучением человека, со всеми его достоинствами, слабостями и страстями. Все остальное было для него второстепенным. Он с искусством великого анатома отмечал малейшие изгибы души человеческой»¹³, в связи с чем предсказуемо, что ономастическими доминантами художественных текстов Достоевского являются семантически маркированные антропонимы, созданные по традиционным моделям, характерным для языка национальности, представителем которой является персонаж. Семантически значимые антропонимы полифункциональны — не только используются писателем как средство создания художественного образа, но и, к примеру, реализуют свое символическое значение, организуют пространственно-временной континуум. Предполагаемым этимологом фамилии *Ставрогин*, ономастическим импульсом для создания которой могла послужить фамилия

---

¹² Сукина Л. Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.

¹³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. С. 91.

родственников Достоевского — Ставровских, участвовавших в тяжбе за наследство А.Ф. Куманиной, является лексема *σταυρος* ‘крест’, вписывающая происходящие события в романе «Бесы» во вселенский хронотоп, поскольку крест в христианстве выступает символом мироздания. В подготовительных материалах к роману Достоевский ниже подзаголовка «Хронология» записывает следующее: «Действие романа в *сентябре*» (выделено Ф. М. Достоевским. — С. С.) (10, 94). Как указывает Л.И. Сараскина, события в «Бесах» начинают активно развиваться 12 сентября¹⁴, а праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который в народе называют Ставров день, приходится на 14 сентября. По мнению Т.А. Касаткиной, фамилия главного героя романа «Бесы» связана с образом паука-крестовика: «Здесь также налицо символика образа антихриста, ибо крест соединяется с пауком — символом осатаневшей самости в произведениях Достоевского. Можно сказать, что паук-крестоносец — один из удачейших символических образов Достоевского, показывающих границы и размах человеческого существа — от рая до ада, и его возможность реализоваться в любой момент в любой из точек в этих границах»¹⁵. Б.Н. Тихомиров, подробно рассматривая энтомологическую (арахнологическую) символику Достоевского и отмечая многоплановость образа паука, указывает на характерную для творчества писателя метафору «душа паука», которая обозначает «расчеловечивание человека»¹⁶.

Компоненты антропонимов в произведениях Достоевского представляют собой семантическую целостность: если для именования героя используется традиционная русская ономастическая модель *фамилия + имя + отчество*, значит, каждый оним в ней важен, в том числе смысловую нагрузку несут диминутивы, наличие или отсутствие которых свидетельствует об особом отношении автора к персонажу, например, средний сын Федора Павловича Карамазова ни разу не называется с использованием диминутивной формы имени Иван, тогда как для именования старшего и младшего привлекаются онимы *Митя* и *Алеша*.

Об изменениях в жизни Вареньки Доброселовой в романе «Бедные люди» свидетельствует подпись в конце каждого ее письма: изначально используя формулу *Варвара Доброселова*, трансформированную впоследствии в указание инициалов *В.Д.*, в последнем письме Макару Девушкину героиня ставит только начальную букву своего имени. В романе нет точного указания на изменение семейного положения Варвары Доброселовой (Достоевским вводится мотив увоза: «Вас увозят, вы

¹⁴ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 23.

¹⁵ Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015. С. 55.

¹⁶ Тихомиров Б.Н. «Вот у вас ползет клоп...» (Из наблюдений над «энтомологией Достоевского») // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 54.

едете! <...> Вот я от вас письмецо сейчас получил, всё слезами заплапанное. Стало быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят...» — восклицает Макар Девушкин (1, 106), в связи с чем эмблематично предваряющее это событие упоминание пушкинской повести «Станционный смотритель», какую Варенька рекомендует прочитать Макару Девушкину, как будто заранее подготавливая его к подобным переменам в ее жизни). Девичья фамилия в подписи утрачена, новая фамилия, которую героиня должна была приобрести после замужества, не указана, что является свидетельством неоднозначности положения Варвары Доброселовой.

Следует отметить, что в ономастической модели творчества Достоевского доминирующее положение тех или иных онимов не определяется частотностью их употребления. Например, некоторые топонимы, также относящиеся к числу ономастических доминант, возникают в тексте однажды, хотя могут нести основную смысловую нагрузку. В романе «Братья Карамазовы» название города *Скотопригоньевск* вводится в повествование только во второй главе одиннадцатой книги романа «Братья Карамазовы», но ремарка рассказчика «увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя» свидетельствует о значимости созданного писателем топонима (15, 15), актуализирующего зооморфные коннотации и определяющего апеллативно-онимную систему, индивидуально выстраиваемую автором в каждом произведении и являющуюся одной из основных особенностей ономастического кода художественных текстов Достоевского: писатель вводит в повествование апеллативы, родственные ключевым именам собственным или входящие с данными онимами в одно лексико-семантическое поле. В романе «Братья Карамазовы» апеллативно-онимное взаимодействие представлено зооморфными лексемами (*Скотопригоньевск*, *Воловьёвская станция*, *поросенок (поросяточки)*, *свинья*, *курица*, *стадо*, *свинство* и др.) и семантически связанными с ними лексемами и словосочетаниями, актуализирующими ольфакторный код (*Смердящая*, *Смердяков*, *смердеть*, *смерд*, *пронохать*, *вонь*, *вонючий*, *тлетворный дух*, *воздух чистый (нечистый)* *пускать*, *пахнуть* и др.), в соответствии с чем предсказуемо, что отношения в семье Карамазовых подаются с помощью ольфакторных глаголов *смердеть* и *пронохать*, используемых в речи Ракитина: «Смердит у вас» (14, 73), Зосима «действительно прозорлив: уголовщину пронохал...» (14, 73). Этимологически ольфакторный глагол *пронохать* — разузнать что-то тайное — содержит прямой намек на истинного убийцу старика Карамазова, носящего зловонную фамилию *Смердяков* и являющегося поваром, т. е. имеющего прямое отношение к запахам.

В романе «Бесы» апеллативно-онимное взаимодействие выражено орнитоморфными лексемами (*Скворешники*, глагол *лететь* и его производные, антропонимы *Лебядкина*, *Дроздова*, *Гаганов*, существительными *гнездо*, *птены*), позволяющими Достоевскому создать хронотоп

хаоса: выбранные Достоевским онимы и апеллятивы описывают постоянное движение как во времени, так и в пространстве, что обусловлено возвращением Ставрогина и младшего Верховенского (птенцов, как они называются в тексте), в родное гнездо.

Раскрытие семантики имени собственного происходит в контексте произведения, в персонажной речи и каламбурах, а также в паремиях, включающих онимный компонент. В романе «Братья Карамазовы» значение фамилии *Карамазов* представлено в речи жены штабс-капитана Снегирева, называющей Алешу Черномазовым (14, 184). Слово *черномазый* Достоевский услышал на каторге, включив его в свои заметки, изданные впоследствии под названием «Сибирская тетрадь»: «Да он у нас [когда] белый не ходит, а все такой черномазый»¹⁷. В романе «Бесы» капитан Лебядкин возмущается: «а между тем я только Лебядкин, от лебеда, — почему это?» (10, 141), а лакей Видоплясов в повести «Село Степанчиково и его обитатели» каждый день придумывает себе новую фамилию: Олеандров, Тюльпанов, Григорий Верный, Уланов, Танцев, Эсбукетов.

В романе «Преступление и наказание» Лужин ошибочно называет Разумихина Рассудкиным, таким образом обозначая рациональность приятеля Раскольникова, однако, как известно, в творчестве Достоевского противопоставляются герои, руководствующиеся сердцем, и герои, выбирающие разум, и авторская симпатия принадлежит, безусловно, первым, поэтому не случайно лексема *сердце* используется писателем как элемент библионимов («Слабое сердце»; «Исповедь горячего сердца» — три главы в романе «Братья Карамазовы» и т.д.), а в последнем романе «сердечную» фамилию носит доктор, практикующий в Скотопригоньевске (*Герценштубе: Herz* ‘сердце’ + *Stube* ‘комната’). Но оказывается, что Разумихин является обладателем другой фамилии: «Я вот, извольте видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын...» (6, 93) (ср. *Разумихин* от *разуметь* ‘понимать, постигать, знать усвоить себе разумом или наукой’ (4, 53), *Вразумихин* от *вразумить* (*вразумлять*) ‘наставлять, поучать, давать о чем ясное и правильное понятие, убеждать, наводить на толк, надоумлять’ (2, 259)). Товарищ Раскольникова может вразумлять других, однако сам живет сердцем, отсюда его порывистость: «Иногда он буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже непозволительно, но мог и совсем не проказить» (6, 44). Макар Девушкин сетует, что из его имени пословицу сделали: «... всё на Макара Алексеевича; они только и умели сделать, что в пословицу ввели Макара Алексеевича» (1, 47). Безусловно, речь идет о пословице

---

¹⁷ Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. С. 31.

«на бедного Макара все шишки валяются», которая не только углубляет прочтение имени героя первого романа Достоевского, но и соотносит его образ с библионимом «Бедные люди».

При анализе ономастикона художественных текстов Достоевского необходимо учитывать, что к каждому имени писатель подходил индивидуально, поэтому выяснение значения того или иного имени — только первый шаг на пути понимания авторского выбора. Достоевский мастерски владел словом, умело соотносил имя и апеллятив, в результате чего одной из особенностей его модели ономастического творчества стало апеллятивно-онимное взаимодействие, осуществляемое на основе народной этимологии имени, например, в романе «Идиот» Лебедев назван *Лукияном*, а при описании его действий Достоевский настойчиво использует адектив *лукавый* и его производные: «И Лебедев лукаво приложил палец ко лбу» (8, 166), «умилительно заключил Лебедев, и что-то лукавое проглянуло в его усмешке» (8, 372), «Лебедев <...>, лукаво подмигивая глазами, делал и показывал что-то руками» (8, 440). Личное имя Раскольникова *Родион*, употребляемое в виде диминутивных форм *Родя* («Милый мой Родя...» (6, 27), — обращается к сыну Пульхерия Александровна в письме, и читатель узнает имя героя романа «Преступление и наказание»), *Роденька* («Ответ: есть, потому такая мамаша есть, что из стадвадцатипятирублевой своей пенсии, хоть сама есть не будет, а уж Роденьку выручит, да сестрица такая есть, что за братца в кабалу пойдет» (6, 97–98)), соотносится с глаголом *родить* и его дериватами *родной*, *Родина*. Э.Б. Магазаник и Л.И. Ройзензон высказали предположение о рифмовке имени *Родион* с именем *Наполеон*¹⁸, что, на наш взгляд, небезосновательно, так как один из персонажей романа с семантически маркированной фамилией *Заметов* размышляет: «Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором ужокошил?» (4, 204) Отметим еще раз склонность Достоевского к словотворчеству и к поиску внутренней формы слова, например, Е.Н. Опочинин рассказывал, «как в беседе с ним Достоевский “осмыслил” фамилию — Авенариус: “Какая славная фамилия! — сказал Достоевский, разлагая ее по частям: — Ave — по-латыни ‘здравствуй’, Narr — по-немецки ‘дурак’” — и переводит: “здравствуй, дурак”»¹⁹, в связи с чем возможно предположить, что в имени Раскольникова писатель увидел противопоставление *Родион* (род человеческий и герой), которое поддерживается фамилией, связанной с существительным *раскол*. На важность имени *Родион* указывается в одном из эпизодов романа, когда поручик Порох ошибочно называет его Родионович: «Ну что: Раскольников. И неужели вы могли

¹⁸ Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментовке собственных имен в русской художественной литературе // Вопросы ономастики. Вып. 214. Самарканд, 1971. С. 71.

¹⁹ Цит. по: Альтман М.С. По вехам имен. С. 5.

предположить, что я забыл! Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?...)» (6, 407) Не случайно соединение в одном восклицании Порфирия Петровича имени-отчества Раскольникова и лексем, связанных с родством: «Батюшка! Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с Вами?» (6, 264) — Раскольников не только связывается со всем человеческим родом, но и отмечается его главное предназначение как мужчины — быть отцом рода. Архетип отца впоследствии возникнет в романе «Братья Карамазовы», когда штабс-капитан Снегирев, обращаясь к своему сыну, будет использовать лексему *батюшка*: «“Батюшка, милый батюшка!” — восклицал он поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша был в живых, говорить ему ласкаючи: “Батюшка, милый батюшка!”» (15, 190)

Интересно, что значение имени или фамилии персонажа поддерживается указанием автора на какую-нибудь индивидуальную особенность, например, в романе «Братья Карамазовы» имя *Грушенька* соотносится с названием плодового дерева, в связи с чем гармонично с точки зрения реализации апеллятивно-онимного взаимодействия описание героини Митей: «Я говорю тебе: изгиб. У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался» (14, 109). В романе «Бесы» Марья Тимофеевна, чья фамилия связана с образом лебедя, изображается с «длинною шеей» и отмечается, что она «белится и румянится и губы чем-то мажет» (10, 114), а фамилия губернатора *Лембке* соотносится с описанием его внешности, в которой привлекают внимание «бараньи глаза» («бараний взгляд») ²⁰.

Как видим, обращение к модели ономастического творчества Достоевского позволяет выявить не только онимные уровни, но и установить принципы, на основе которых осуществляется взаимодействие имен собственных с другими лексическими единицами, в результате чего текст предстает как апеллятивно-онимное единство. Несмотря на то что Достоевский вводит в текст автобиографичные онимы, его персонажи не являются точной копией своих прототипов — писатель заимствует семантически емкое имя, способное эксплицировать дополнительные смыслы, и дает его герою произведения, зачастую не связанному с реальным носителем имени. Модель ономастического творчества Достоевского отличается системностью, которая характерна для произведений разных периодов творчества, в связи с чем ономастические доминанты можно рассматривать как основные элементы, участвующие в построении концепции всего произведения.

---

²⁰ *Альтман М. С.* По вехам имен. С. 79.

Библиографический список

- Альтман М. С.* По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Барит К. А.* Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 4. С. 25–36.
- Белов С. В.* Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского // Русская речь. 1976. № 5. С. 27–31.
- Бем А. Л.* Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные // О Достоевском. Прага, 1933. Т. 2. С. I–VIII, 1–89 (Приложение). С. 415, 421, 420, 411.
- Бицилли П. М.* Происхождение имени Карамзовых // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 633–635.
- Виноградов В. В.* Школа сентиментального романтизма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 339–340.
- Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. 223 с.
- Достоевский Ф. М.* Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. 111 с.
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
- Ковалев Г. Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
- Магазаник Э. Б., Ройзензон Л. И.* Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментовке собственных имен в русской художественной литературе // Вопросы ономастики. Вып. 214. Самарканд, 1971. С. 60–72.
- Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 411.
- Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
- Скуридина С. А.* Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского: монография. Воронеж: Воронежск. гос. техн. ун-т, 2022. 342 с.
- Скуридина С. А., Бугакова Н. Б.* Модель ономастического творчества писателя в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92–97.
- Сукина Л. Б.* Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.
- Тихомиров Б. Н.* «Вот у вас ползет клоп...» (Из наблюдений над «энтомологией Достоевского») // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 43–65.

References

- Al'tman M. S. *Po vekham imen* [By milestones of names]. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. Ob imenakh sobstvennykh v podgotovitel'nykh materialakh k romanu F. M. Dostoevskogo "Besy" [About proper names in the preparatory materials for the novel by F. M. Dostoevsky "Demons"]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2019, vol. 78, no. 4, pp. 25–36. (In Russ.)
- Belov S. V. Imena i familii u F. M. Dostoevskogo [Names and surnames in F. M. Dostoevsky]. *Russkaia rech'*, 1976, no. 5, pp. 27–31. (In Russ.)
- Bem A. L. Slovar' lichnykh imen u Dostoevskogo. Ch. 1: Proizvedeniia khudozhestvennyye [Dostoevsky's dictionary of personal names. Part 1: Works of art]. In: *O Dostoevskom*, vol. 2 (Prilozhenie). Praga, 1933. Pp. 415, 421, 420, 411. (In Russ.)
- Bicilli P. M. Proiskhozhdenie imeni Karamazovykh [The origin of the name Karamazov]. In: *Rossii i slavianstvo* (Paris), 1931, 24.X. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Moia tetradka katorzhnaia (Sibirskaia tetrad')* [My convict notebook (Siberian notebook)]. Krasnoiarsk, 1985. 111 p. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo* [The sacred in the everyday: A two-part image in the works of Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 528 p. (In Russ.)
- Kovalev G. F. Aspekty izucheniia imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniakh [Aspects of the study of proper names in works of art]. In: Kovalev G. F. *Izbrannoe. Literaturnaia onomastika*. Voronezh: Novaia kniga, 2014. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Magazaniuk E. B., Roizenzon L. I. Poeticheskaia onomastika i foneticheskaia ekspressiia; k instrumentovke sobstvennykh imen v russkoi khudozhestvennoi literature [Poetic onomastics and phonetic expression; towards the instrumentation of proper names in Russian fiction]. In: *Voprosy onomastiki*, iss. 214. Samarkand, 1971. Pp. 60–72. (In Russ.)
- Mukarzhovskii Ja. Literaturnyi iazyk i poeticheskii iazyk [Literary language and poetic language]. In: *Prazhskii lingvisticheskii krugozor*. Moscow, 1967. P. 411. (In Russ.)
- Saraskina L. I. "Besy": roman-preduprezhdenie ["Demons": a warning novel]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990. 480 p. (In Russ.)
- Skuridina S. A. *Onomasticheskij kod khudozhestvennykh tekstov F. M. Dostoevskogo*: monograph [Onomastic code of F. M. Dostoevsky's literary texts]. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2022. 342 p. (In Russ.)
- Skuridina S. A., Bugakova N. B. Model' onomasticheskogo tvorchestva pisatel'ia v individual'no-avtorskoi kartine mira [The model of onomastic creativity of a writer in an individual author's picture of the world]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, 2023, no. 1 (28), pp. 92–97. (In Russ.)
- Sukina L. B. Pisatel' Dostoevskii i kuptsy Kumaniny [The writer Dostoevsky and the merchants Cumanians]. *Kommunar*, 1990, Dec. 1, p. 3. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. "Vot u vas polzet klop..." [Iz nabliudeniia nad "entomologiei Dostoevskogo"] ["Here you have a bug crawling..."] (From observations on

- Dostoevsky's entomology)]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: filologicheskii zhurnal*, 2023, no. 3 (23), pp. 43–65. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Shkola sentimental'nogo romantizma. Roman Dostoevskogo "Bednye liudi" na fone literaturnoi evoliutsii 40-kh godov [The school of sentimental romanticism. Dostoevsky's novel "Poor People" against the background of literary evolution of the 40s]. In: *Evoliutsiia russkogo naturalizma. Gogol' i Dostoevskii*. Leningrad, 1929. Pp. 339–340. (In Russ.)
- Vrangel' A. E. *Vospominaniia o F. M. Dostoevskom v Sibiri 1854–1856 gg.* [Memories of F. M. Dostoevsky in Siberia 1854–1856]. St. Petersburg, 1912. 223 p. (In Russ.)

А. В. ТОИЧКИНА *

**ПСИХОЛОГИЯ ИГРЫ В РУЛЕТКУ В ЖИЗНИ
ДОСТОЕВСКОГО, ЕГО РОМАНЕ «ИГРОК»
И ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ Н. Н. СТРАХОВА ****

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза, что изображение «ада рулетки» создается Достоевским во многом с опорой на научные разработки в сфере психологии и физиологии его времени. Работы Страхова по психологии до сих пор не изучались в роли источника психологического реализма Достоевского. Контекст работ Страхова по психологии позволяет исследовать специфику развития творческого метода Достоевского, описать механизмы решения таких проблем, как воля и свобода выбора героя в произведениях писателя, в частности в романе «Игрок». Анализ проблемы воли в контексте объективно-идеалистического подхода Страхова дает возможность проинтерпретировать ее воплощение в произведении в соответствии с авторской модальностью творческой лаборатории писателя. Исследование выявило многосоставный характер реализованного Достоевским в образе Алексея Ивановича типа игрока, в котором переработаны и сплавлены в новом образном единстве типологические черты мечтателя и подпольного героя. Проблема свободы воли оказывается ключевой в процессе художественного познания тайны человека в романе «Игрок». Достоевский, с одной стороны, учитывает концепцию Страхова, а с другой стороны, полемизирует с ним. Анализ проводится с опорой на подход, разработанный Д. И. Чижевским. Проведенное исследование позволяет на современном этапе восполнить лакуны, существующие в источниковедческой базе достоевсковедения.

Ключевые слова: Страхов, Достоевский, психология, психологический реализм, «Игрок», свобода воли.

---

* Александра Витальевна Тоичкина, канд. филол. наук, доц. кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; Alexandra V. Toichkina, PhD, associate professor at the Sankt-Petersburg State University. a.toichkina@spbu.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01302, «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского»; <https://rscf.ru/project/23-28-01302>

THE PSYCHOLOGY OF ROULETTE GAME
IN THE DOSTOEVSKY'S LIFE, HIS NOVEL "THE GAMBLER"
AND THE PHILOSOPHICAL WORKS OF N. N. STRAKHOV

Annotation: The context of Strakhov's works in psychology allow us to investigate the specifics of the mechanism for creating the image of a gambler in the writer's eponymous novel; consider the features of Dostoevsky's psychological realism through the prism of Strakhov's scientific developments, which have not yet been updated in Dostoevsky studies. Analysis of the poetics of dreams and the problem of will in the context of Strakhov's objectively idealistic approach allows us to interpret them in accordance with the author's modality of Dostoevsky's creative laboratory. The study revealed the multi-component nature of the type of player realized by Dostoevsky in the image of Alexei Ivanovich. The typological features of the dreamer and underground man are reworked and fused in the first figurative unity. The problem of free will turns out to be a key one in the process of artistic cognition of the "mystery of man" in Dostoevsky's novel "The Gambler". The analysis is based on the approach developed by D. Chizhevsky. The conducted research allows at the present stage to fill in the gaps that exist in the source study base of Dostoevsky studies.

Key words: Dostoevsky, N. Strakhov, psychology, psychology realism, novel "The Gambler", free will.

Труды Н. Н. Страхова по психологии изучены недостаточно. В достоевковедении они, насколько нам известно, не рассматриваются в качестве возможного источника психологического реализма Достоевского. Разработка проблемы в этом ракурсе в данном исследовании опирается на аксиологические основы метода Д. И. Чижевского (1894–1977). В своих работах, посвященных Страхову и Достоевскому, Чижевский указывал на то, что Страхов был «философским информатором Достоевского», и многие темы и образы в художественном творчестве писателя генетически связаны с философскими исследованиями ученого¹. Проблема воли в «Игроке» Достоевского в рамках данной статьи будет рассматриваться в контексте работ Страхова по психологии и физиологии.

Но прежде чем мы перейдем к анализу работ Страхова, необходимо остановиться на понятии «психологический реализм Достоевского». Понятие это, с одной стороны, является общим местом

---

¹ См.: Тоичкина А. В. 1) «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. СПб., 2013. (Dostoevsky Monographs; вып. 4). С. 299–315; 2) Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18, вып. 3. С. 479–497.

в достоевсковедении (о нем существует большая литература²). С другой стороны, оно требует обозначения нашего понимания определения художественного метода писателя. Термин возник еще в 1840-е гг., когда писатель только входил в литературу. В известном письме брату, М. М. Достоевскому, он писал: «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь» (28₁, 118). В. Н. Майков в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» писал: «И Гоголь и г. Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический <...> В “Двойнике” манера г. Достоевского и любовь его к психологическому анализу выразились во всей полноте и оригинальности. В этом произведении он так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно взгляделся в сокровенную машину человеческих чувств, мыслей и дел, что впечатление, производимое чтением “Двойника”, можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи»³. Позже это определение вызвало протест у самого Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27, 65). Но это высказывание писателя не означает, что он был противником психологии как науки вообще. Он внимательно следил за ее развитием на протяжении всей своей жизни. Труды Страхова по философии, физиологии и психологии были для него важным источником аналитических наблюдений.

Тем более что психология как наука в XIX в. развивалась параллельно в двух основных направлениях: материалистическом и идеалистическом. Так, русский физиолог и психолог И. М. Сеченов (1829–1905) положил в основу своей программы развития психологии как самостоятельной науки рефлекторную концепцию психического. Детерминистский анализ психической деятельности человека вызвал острую полемику в отечественной науке (К. Д. Кавелин, Ю. Ф. Самарин, Н. Н. Страхов) и культуре (Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский). Сеченов считал, что за любым психическим движением стоит физиологический рефлекс. «Рефлекс трактовался Сеченовым как целостный психически регулируемый акт поведения, связывающий организм со средой (“Рефлексы головного мозга”, 1863). Психическая деятельность рассматривалась по типу рефлекторного процесса: подобно рефлексу, психические акты вызываются внешним воздействием, продолжаются центральной деятельностью и завершаются движением, поступком, речью

² См., напр.: *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974; *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л., 1979; и др.

³ *Майков В. Н.* Критические опыты (1845–1847). СПб., 1891. С. 325–327.

и др. Тем самым радикально менялось понимание предмета психологии, который отныне не сводился к непосредственно данным фактам сознания, начинающимся и кончающимся в *его* недрах. Психология определялась как наука о происхождении (в смысле протекания) психических деятельностей (“Кому и как разрабатывать психологию”, 1873). При этом важнейшая роль отводилась генетическому методу, позволяющему проследить становление сознания и тем самым объяснить его⁴. Страхов принадлежал к лагерю религиозной философии, на базе которой формировалась традиция идеалистической психологии. Проблема соотношения физиологии и психологии была в центре внимания ученых второй половины XIX в. Упомянем такие труды, как «Учебник психологии» С. П. Автократова (СПб., 1865), монографии М. Владиславлева «Современные направления в науке о душе» (СПб., 1866), архимандрита Гавриила (Кикодзе) «Основания опытной психологии» (СПб., 1858), Ф. А. Голубинского «Умозрительная психология» (М., 1871), Н. Я. Грота «Основания экспериментальной психологии» (М., 1896), «Лекции по психологии» Н. Г. Дебольского (СПб., 1886), «Задачи психологии» К. Д. Кавелина (СПб., 1872), книги «Психология» В. А. Снегирева (Харьков, 1893), «Самостоятельное начало душевных явлений» Г. Струве (М., 1870), «Немецкая психология в текущем столетии» М. М. Троицкого (М., 1867), «Язык физиологов и психологов» П. Д. Юркевича (1862). Страхов писал свои сочинения в контексте научных исследований своего времени. Не случайно он в окончательном варианте издал свою книгу в двух частях с общим названием «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886). Она включала первую часть «Об основных понятиях психологии», вторую «Об основных понятиях физиологии» и приложение «О развитии организмов». Такая систематизация материала отражала не только его решение вопроса о соотношении души и тела, но была характерна для литературы по психологии этого времени. В разделе о физиологии он предлагал как объяснение соотношения психологии и физиологии (науки о душе и науки о теле) образ часов: «Вот очень меткое сравнение: тело живого существа есть механизм часов, а душа есть то время, которое часы показывают. Механизм действует сам по себе, ничего не зная о разделении времени и не содержа в себе никакой причины этого разделения; между тем показания времени совершаются и в одних этих показаниях — весь смысл этого механизма»⁵. И здесь же он писал: «Психическими явлениями мы называем только наши *сознательные* явления, т. е. те, которые наблюдаем внутри самих себя, в своем сознании, или внутреннем мире, и которых никаким другим способом наблюдать не можем»⁶. К вопросу о Боге как

⁴ Ждан А. Н. Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: антология / авт.-сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 9.

⁵ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. С. 146.

⁶ Там же. С. 142–143.

начале всего и вся Страхов выходил ближе к финалу своего очерка физиологии. Это достаточно редкий случай, когда философ прямо высказывается о своих религиозных воззрениях и смысле своих научных исследований: «Все происходит из Бога и все по воле Его совершается. Но такая общая и отвлеченная мысль, хотя часто может быть достаточна для нашего сердца, не может однако удовлетворять нашего ума и нисколько не упраздняет научных задач. <...> Анализируя окружающую нас природу, мы, очевидно, стремимся внести в наше созерцание связь, порядок, ясное различие и отчетливую иерархию явлений, так что, если способны видеть Бога, то будем таким образом постепенно и твердо вести нашу мысль к лучшему и лучшему Его постижению»⁷. Смысл естественных наук для Страхова состоит в постижении Бога⁸.

Базис философских и естественно-научных знаний Страхова проявлялся в его критических работах о русской литературе. Так, в IV, заключительном разделе первой статьи о «Войне и мире» Толстого Страхов писал, что «всякая человеческая жизнь управляется не умом и волею, т. е. не мыслями и желаниями, достигшими ясной сознательной формы, а чем-то более темным и сильным, так называемую *натурой* людей»⁹. Эта мысль была важна и для Достоевского: он тоже постоянно обращался к «натуре» человека и постоянно ее художественно исследовал. Сложное взаимодействие «ума-сознания» и «натуры» человека является источником поступков его героев. Понятие свободы воли оказывается ключевым в плане постижения судьбы человека, с одной стороны, зависящего от значительного круга обстоятельств, с другой — имеющего возможность выбора собственной судьбы. Страхов обращался к этой теме в своих работах по психологии.

Еще в самом начале 1860-х гг., на этапе сотрудничества с журналом «Светоч» и знакомства с братьями Достоевскими в кружке А. П. Милокова, Страхов останавливался на проблеме воли. В его статьях, которые выходили в «Светоче» в 1860–1861 гг., в целом были подняты многие темы и проблемы, из которых потом выросли его работы следующих десятилетий по физиологии и психологии¹⁰. О проблеме сво-

⁷ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. С. 174.

⁸ В этом смысле известный его трактат «Мир как целое» (1872) — это тоже трактат о Боге, написанный естественно-научным языком.

⁹ Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 204.

¹⁰ Во второй половине 1860-х гг. в «Отечественных записках» вышли две его статьи «Английская психология. “Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка” М. Троицкого. М. 1867» (в первой книге за сентябрь и второй за декабрь 1868 г. В «Заре» эта тема была продолжена Страховым в статьях «Самостоятельное начало душевных явлений. Психо-физиологическое исследование, написанное <...> Генрихом Струве. М. 1870 <...> (1870. №5. О. П. С. 132–172); «Основания психологии и логики по Бенке. Руководство <...> составлено И. Г. Дресслером <...> СПб., 1871» (1871. №8. О. П. С. 1–8). В 1872 г. вышел выполненный Страховым перевод труда И. Тэна «Об уме и познании»

боды воли¹¹ Страхов писал в рецензии на «Очерки вопросов практической философии П. Л. Лаврова»: «...главное начало, существенное основание личности <...> есть стремление воли человека к свободе. Когда спрашивают, свободна ли воля или нет, то при этом обыкновенно разумеют на манер схоластиков какое-то свойство, совершенно определенное и принадлежащее существу, называемому душою, точно так, как желтый цвет принадлежит золоту. Подобные представления совершенно неверны. Человек сознает себя свободным; это не значит, что он действительно свободен, а только то, что свобода воли для него возможна, что в нем действует неискоренимое стремление к такой свободе. Воля по самой своей сущности — желает своей свободы. Очень часто человек, подобно каким-нибудь ничтожным существам, управляется обстоятельствами и представляет покорную игрушку всех сил, какие на него действуют. Но это не значит, что человек есть существо, слепо подчиненное необходимости. Напротив, в нем живет, и только в нем одном, сила бесконечного противодействия, неумолимого освобождения от всего, что на него ни действует. История этого противодействия есть история человечества. Как для мысли существенный идеал есть чистая мысль, мысль сама себя полагающая, так и для воли главный идеал есть чистая, сама себя полагающая воля. Таким образом, воля не управляется чем-нибудь для нее чуждым, но сама в себе носит свой идеал. Существенным, необходимым образом воля подчинена только одному — именно идее своей свободы, идее неподчинения, самобытного и сознательного самоопределения»¹². В «Основных понятиях психологии» эта тема приобретает более сложную интерпретацию.

Страхов пишет, что психические явления во всех состояниях человека (не только во снах) не зависят от его сознания: «Мы приносим с собою, являясь на свет, определенные задатки душевных сил, и ни качество, ни размеры этих сил от нас не зависят». Человек не управляет ни развитием собственной души, ни развитием своего тела

с предисловием переводчика («О чисто эмпирическом методе»). В 1873 г. в «Гражданине», выходящем под редакцией Ф. М. Достоевского, была опубликована рецензия Страхова на «Психологические этюды» И. М. Сеченова. В 1878 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» были опубликованы статьи «Об основных понятиях психологии. Глава I. Различие между душой и телом», «Глава вторая и последняя. Изучение души». Размышления Страхова о душе (как главном предмете изучения психологии) позже составили первую часть его книги «Об основных понятиях психологии и физиологии». Отдельным изданием очерк Страхова «Об основных понятиях психологии» вышел раньше, в 1878 году. Издание было в библиотеке Достоевского (Библиотека Достоевского. СПб., 2005. С. 302).

¹¹ Этой теме был посвящен целый ряд научных исследований второй половины XIX в. Укажем, к примеру, книги П. Е. Астафьева «Опыт о свободе воли. (Из посмертных рукописей)» (СПб., 1897), Н. Я. Грота «Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности» (М., 1889). Разделы, посвященные феномену воли, можно найти в большинстве сочинений по психологии этого времени. См., напр., большой раздел «Воля» в «Психологии» В. А. Снегирева (Харьков, 1893).

¹² Светоч. 1860. № 7. О. III. С. 12–13.

«от младенчества до дряхлости». При этом тело характеризуется большим постоянством, чем душа. Так как «в душе мы не можем, по-видимому, ругаться ни за одну мысль, ни за одно желание, ни за одно чувство, как за что-нибудь неизменное; все это может исчезнуть, все это может замениться другим содержанием». По Страхову, «сама природа психических явлений такова, что мы лишены возможности закрепить их, удержать в неизменном виде». Получается, что человек не свободен от себя самого, от своей природы. Мало того, никакие усилия человека не могут остановить процесс изменений в нем: «пламенное чувство холодеет», «живая мысль иссыхает». И этот процесс превращений не могут остановить и даже задержать никакие усилия¹³. Человек в этом рассуждении Страхова — всегда «зритель собственной жизни, а не только ее творец». Решение вопроса о свободе человека и независимости его волеизъявления в данном контексте оказывается весьма проблематичным. Процесс объективирования собственных душевных состояний чреват состоянием, подобным сну, когда человек не живет, а созерцает, как ему живет. Настроение, подобное сну «среди самой бодрой жизни», значит, что «в душе нашей поднялись такие чувства, которых мы не ожидали ни от себя, ни от внешних обстоятельств, и мы вдруг теряем обыкновенное чувство обладания и собою и действительностью»¹⁴. Вместе с тем Страхов выступает в этом очерке против субъективного идеализма, утверждая объективный характер окружающей нас действительности, так как «действительность не только не входит в число явлений внутреннего мира, но составляет то условие, которое необходимо, чтобы образовалось понятие о внутреннем мире»¹⁵.

В 12-м разделе очерка «Воля» Страхов писал, что воля «не есть источник или производящая причина наших действий; круг наших действий дан нам помимо нашей воли: он зависит от свойств и сил нашей души и тела, и никакая воля не может расширить и изменить его». Тем не менее Страхов не отрицает свободы выбора и свободы волеизъявления, так как «воле дано избирать между этими данными действиями, или воздерживаться от них». И хотя он пишет о том, что «по-русски воля и свобода — синонимы, и “несвободная воля” есть “*contradictio in adjecto*”¹⁶», далее в его концепции свобода (как власть человека над своими поступками) выглядит ограниченной¹⁷. Так, он пишет, что воля (как всякая сила) «подчинена известным законам, от которых не может уклоняться». И «свободная сила» — такое же *contradictio in adjecto*, как и «несвободная воля». То есть, чтобы правильно понимать волю, «мы должны объективировать все силы и действия души, и потом представить, что воля распоряжается ими, следовательно, стоит выше сил

¹³ *Страхов Н. Н.* Об основных понятиях. С. 47–48.

¹⁴ Там же. С. 48–49.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Противоречие в определении (*лат.*).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Об основных понятиях. С. 81.

и действий одушевленного существа, а не в числе их, не наряду с ними. Если же так, то она объективирована быть не может. И в самом деле, как объективировать *выбор* и *воздержание*?»¹⁸ Далее Страхов спорит с популярной в 1860–1870-х гг. точкой зрения, что выбора нет, а есть только уничтожение одного желания другим. «Но все мы знаем, что человек, душа которого находится во власти борющихся желаний, который повинуется лишь сильнейшему из них и не может воздержаться ни от одного, пока оно не подавлено другими, есть жалкое существо, не умеющее владеть собою, лишенное *воли*. И всем нам понятно, что значит — стать выше своих желаний и стремиться одни подавить, а другие воспитать и усилить». Страхов пишет о том, что «мы можем объективировать свои желания, т. е. сделать их тщетными и ложными, как выражается Декарт, обратить их в простые явления внутреннего мира, и уйти от них в свое недоступное “я”»¹⁹. Далее он приводит слова Шопенгауэра (один из любимых и почитаемых Страховым философов): «Если мы предположим <...> свободу воли, то каждое человеческое действие было бы необъяснимым чудом, именно — действием без причины»²⁰. «Ум при этом собственно становится в тупик», так как «невозможно, <...> чтобы какое бы то ни было действие не было вполне определено его условиями; следовательно, нет произвольных действий»²¹. Страхов указывает на специфику отношения человека к действию: «Но в некоторых действиях одно из условий есть мое соизволение, а это соизволение я лишь совершенно неправильно могу признать за что-то объективное и поставить в один ряд с другими условиями. Объективировать его я имею столь же мало права и возможности, как объективировать познание или чувство». Вывод Страхова: «<...> только тот мир, который мы вполне объективируем, только мир вещественный мы признаем вместе с тем областью полной необходимости, тогда как самым низшим одушевленным существам приписываем зачатки произвола»²².

Достоевский ставил и разрабатывал проблему свободы воли человека на протяжении всего своего творческого пути. Особенно остро эта проблема высветилась в характерах таких персонажей, как «мечтатель», «двойник», «подпольный человек». В 1866 г. писатель воплотил эту проблему в сюжете преступления Раскольникова и судьбе Алексея Ивановича в романе «Игрок». Художественное осмысление темы свободы воли в творчестве Достоевского имеет ряд черт, заставляющих вспомнить о концепции Страхова.

В свое время С. А. Аскольдов в статье «Психология характеров у Достоевского» указывал на главную проблему персонажей Достоевского

---

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 84.

²² Там же.

как на вторжение в их жизнь сверхличной силы: «Эта область сверхличных эмоций очень существенна в жизни героев Достоевского, поскольку ими именно определяются многие их поступки и вообще вся духовная эволюция»²³. По наблюдениям Аскольдова, в душевных переживаниях действующих лиц «мы ясно видим, что по временам в их душевную жизнь вторгается нечто, в той или иной мере чуждое их природе, существенно изменяющее строй их мыслей, чувств и настроений. Это чуждое другое имеет все степени обособления от их собственного “я”. Иногда это чуждое почти неразлично от собственного “я”, наиболее с ним ассимилировано»²⁴. Особенность подобного рода раздвоения персонажа Достоевского (Раскольников, Ивана Карамазова) Аскольдов видит в том, что «раздвоение не касается только какой-нибудь области мысли, чувств или действий. Нет, оно проникает все существо человека». Вместе с тем Аскольдов пишет: «Достоевский может во многих отношениях служить ключом к пониманию душевных болезней, а именно того, что душевная болезнь развивается, как постепенное выхождение из нормы, и при том именно из нравственных норм, что душевнобольной, во многих случаях, является нравственно ответственным в том, что он дошел до душевной болезни»²⁵.

В «Игроке» (1866) Достоевский изображает «ад рулетки»²⁶ — который он переживал сам в течение нескольких лет своей жизни. Как пишет Л. П. Гроссман, «еще в 40-х годах он увлекался игрою на бильярде до крупных проигрышей и знакомств с шулерами. В Сибири, по выходе из каторги, еще решительнее сказывалась эта дремлющая страсть. <...> Попав летом 1862 года впервые за границу, Достоевский прежде всего направляется в один из знаменитых игорных курортов Германии и выигрывает, “прежде чем доехал до Парижа”, 10 тысяч франков. Это происходило, очевидно, в одном из городов, расположенных неподалеку от французской границы — Висбаден, Гомбург, Баден-Баден, — которые на целое десятилетие вошли в биографию Достоевского как места его чрезвычайно сильных, а подчас и весьма тяжелых переживаний. Сила охватившей его страсти сильнее всех доводов рассудка: “Хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил”. Азарт непреодолимо влечет его, как опасный и гибельный соблазн: “Главное — сама игра. Знаете ли, как это втягивает. Нет, кланюсь вам, тут не одна корысть, хотя мне прежде всего нужны были деньги для денег”. <...> В 1863 году, когда его ждет в Париже А. П. Сусллова,

---

²³ Аскольдов С. А. Психология характеров у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.–М., 1924. С. 7.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Достоевский писал: «А это описание своего рода ада, своего рода каторжной “бани”; хочу и постараюсь сделать картину» (письмо Страхову из Рима от 18 (30) сентября 1863 г., 28,, 51).

он снова задерживается по пути на несколько дней в Висбадене с мечтой выиграть 100 тысяч. Он сразу выигрывает 10 400 франков и решает на другой же день уехать, не заходя на рулетку; но решения не выдерживает и проигрывает более половины выигранной суммы. Из оставшихся 5 тысяч франков он переводит значительную часть в Петербург с просьбой передать их тяжело больной Марии Дмитриевне. Но уже через несколько дней сообщает родным, что “проигрался на рулетке весь совершенно, дотла”. Достоевский просит родственников о срочном возвращении ему отосланных денег²⁷. Не случайно роман был назван Достоевским «Рулетенбург», а не «Игрок» — это название дал изданию издатель. Главным предметом исследования в произведении было переживание азарта рулетки, жизнь героя, втянутая в омут игры. «Весь рассказ — рассказ о том, как он третий год играет по игорным городам на рулетке» (28, 51). Роман написан в форме записок молодого человека, от лица главного героя. Процесс втягивания протагониста в игру показан с самого начала, с первой игры, на которую герой отправился по заданию Полины, до состояния «глубокого запоя игрой», когда герой уже не в силах выбраться из мира Рулетенбурга в финале произведения. В процессе самоанализа Алексей Иванович тщательно фиксирует в тексте свои чувства и переживания. И, как писал С. А. Аскольдов, герои Достоевского «и свои собственные положения и поступки постоянно как бы рассматривают со стороны. Правда, эта оценка себя “со стороны” бывает и заинтересованной; она совпадает с их самолюбием, которое у них часто бывает болезненным, как например, у “подростка”. Но к самолюбию примешивается еще и нечто другое, какая-то своеобразная объективность. Им не только важно “казаться” тем или иным для других, но и “казаться” для себя. Они часто ставят себя в те или иные положения не потому, что это отвечает их личным целям, и не только, чтобы произвести эффект на других, а побуждаемые какой-то странной страстью просто совершить то или иное деяние, стать в определенное положение, чтобы быть своим собственным зрителем»²⁸. Достоевский последовательно объективирует повествование героя. Слово героя конструируется в двух плоскостях: непосредственные впечатления настоящего момента, а также мысли, переживания, события, реакции других участников событий, и в самом его слове обозначаются две плоскости изображения: субъективная и объективная.

Во второй главе, когда герой первый раз входит в игорные залы, он пишет: «Признаюсь, у меня стучало сердце, и я был не хладнокровен; я наверно знал и давно уже решил, что из Рулетенбурга так не выеду; что-нибудь непременно произойдет в моей судьбе радикальное и окончательное. Так надо, и так будет. Как это ни смешно, что я так много жду для себя от рулетки, но мне кажется еще смешнее рутинное

²⁷ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. С. 285–287.

²⁸ Аскольдов С. А. Психология характеров у Достоевского. С. 7.

мнение, всеми признанное, что глупо и нелепо ожидать чего-нибудь от игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег — например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один. Но какое мне до того дело?» (5, 240). Герой в этот первый визит хочет изучить игру, «потому что, несмотря на тысячи описаний рулетки, которые я читал всегда с такою жадностью, я решительно ничего не понимал в ее устройстве до тех пор, пока сам не увидел». Это значит, что герой был готов к встрече с рулеткой, и дело не в Полине, которая послала его играть. Неприятные ощущения, которые он испытывает, в первый раз попав на рулетку, носят двойственный характер. «Мне там, с первого взгляда, все не понравилось» (5, 240). Не понравилась, как оказывается, во-первых, скудость обстановки и отсутствие «гор золота»: «Никакого великолепия нет в этих дрянных залах, а золота не только нет грудями на столах, но и чуть-чуть-то едва ли бывает» (5, 240). Во-вторых, «мне все показалось грязно — как-то нравственно грязно» (5, 241). Но при этом чуть далее герой сам отстраняет от себя вопрос нравственных убеждений: «<...> во все последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Другое управляло мною...» (5, 243). Вопрос остается открытым: что это — «другое»? И в-третьих, герою невыносимо от того, что он играет для Полины: «Мысль, что я приступаю к игре не для себя, как-то сбивала меня с толку. Ощущение было чрезвычайно неприятное, и мне захотелось поскорее развязаться с ним. Мне все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться к игорному столу, чтобы тотчас же не заразиться суеверием?» (5, 243). И вот ощущения первого выигрыша: «<...> из десяти фридрихсдоров у меня появилось вдруг восемьдесят. Мне стало до того невыносимо от какого-то необыкновенного и странного ощущения, что я решился уйти. Мне показалось, что я вовсе бы не так играл, если бы играл для себя» (5, 243). Герой отдает Полине деньги и отказывается играть для нее, потому что «это мешает», а он «хочет играть для себя» (5, 244). Из вопроса Полины мы узнаем об убеждении героя: «Так вы решительно продолжаете быть убеждены, что рулетка единственный исход и спасение? — спросила она насмешливо. Я отвечал очень серьезно, что да <...>» (5, 244). Страсть к Полине — сопутствующая основной страсти — страсти к рулетке. Обе эти страсти обозначают внутреннюю порабощенность воли героя, одержимость его надличными эмоциями. Так, Н. С. Трубецкой формулировал «основную психологическую тему» «Игрока» как «вытеснение любви к женщине страстью к игре»²⁹. Напомним, что против этой (популярной в XIX в.) идеи вытеснения одного желания другим возражал в своих работах Страхов.

---

²⁹ Трубецкой Н. С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 700.

Вопрос о свободной воле и само это выражение возникает в ироническом объяснении Алексея Ивановича с генералом по поводу затеянной им (по приказу Полины) истории с бароном Вурмергельмом и его женой. В начале герой оправдывает себя болезненным состоянием: «В последнее время, эдак недели две, даже три, я чувствую себя нехорошо: больным, нервным, раздражительным, фантастическим и, в иных случаях, теряю совсем над собою волю» (5, 263). А далее он говорит генералу о своем намерении объясниться с бароном: «Я желаю только разъяснить обидное для меня предположение, что я нахожусь под опекой у лица, будто бы имеющего власть над моей свободной волею» (5, 265). Сказано очень точно, потому что генерал никакой реальной власти над Алексеем Ивановичем не имеет. Одержимость рулеткой дает герою ощущение независимости и власти: «Странное дело, я еще не выиграл, но поступаю, чувствую и мыслю как богач и не могу представлять себя иначе» (5, 266).

Бабушка (Антонида Васильевна Тарасевичева) при первом посещении рулетки видит молодого человека, который выигрывает деньги: «Он был бледен; у него сверкали глаза и тряслись руки; он ставил уже без всякого расчета, сколько рука захватит, а между тем все выигрывал да выигрывал, все загребал да загребал» (5, 292). Бабушка пытается его остановить, но это оказывается невозможным: «Экая досада! Пропал человек, значит сам хочет...» (5, 292) А через короткое время она сама оказывается в ситуации азартного игрока, и остановиться тоже не может. Сперва выигрывает, а потом проигрывает все наличные деньги. Один из моментов выигрыша бабушки, поставившей на *zéro*, Алексей Иванович комментирует следующим образом: «Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. У меня руки-ноги дрожали, в голову ударило» (5, 295). Еще в худшем состоянии он оказывается в момент своего фантастического выигрыша: «<...> о странное ощущение — я помню отчетливо, что мною вдруг действительно без всякого вызова самолюбия овладела ужасная жажда риску. Может быть, перейдя через столько ощущений, душа не насыщается, а только раздражается ими и требует ощущений еще, и все сильней и сильней, до окончательного утомления» (5, 328). Герой возвращается к Полине в состоянии тяжелом: «Я, впрочем, не помню, о чем я думал дорогою; мысли не было. Ощущал я только какое-то ужасное наслаждение — удачи, победы, могущества — не знаю, как выразиться. Мелькал передо мной образ Полины; я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас с нею сойдуся и буду ей рассказывать, покажу... но я уже едва вспомнил о том, что она мне давеча говорила, и зачем я пошел, и все те недавние ощущения, бывшие всего полтора часа назад, казались мне уж теперь чем-то давно прошедшим, исправленным, устаревшим — о чем мы уже не будем более поминать, потому что теперь начнется все сызнова» (5, 329). Уже утром, после побега Полины к мистеру Астлею, Алексей Иванович фиксирует новый ракурс в своем отношении к Полине: «Клянусь мне было жаль Полину,

но странно — с самой той минуты, как я дотронулся вчера до игорного стола и стал загребать пачки денег, моя любовь отступила как бы на второй план. Это я теперь говорю; но тогда еще не замечал всего этого ясно» (5, 335). Сам герой только в этот момент вдруг задается вопросом, ответ на который уже очевиден для других участников событий и читателя: «Неужели я и в самом деле игрок, неужели я и в самом деле... так странно любил Полину? Нет, я до сих пор люблю ее, видит Бог!» (5, 335). Герой даже себе не признается, что его любовь к Полине — ничто по сравнению со страстью к рулетке. Герой уезжает в Париж с Бланш уж как-то совсем не по своей воле: «Не скажу, чтобы мне было весело. Жизнь переламывалась надвое, но со вчерашнего дня я уж привык все ставить на карту. Может быть и действительно правда, что я не вынес денег и закружился. Может быть только этого мне и надо было» (5, 337). Жизнь с Бланш в Париже не дает герою ни радости, ни утешения, но он сам ничего сделать не может: «<...> я всеми силами желал, чтоб все это поскорее кончилось. Но наших ста тысяч франков хватило, как я уже сказал, почти на месяц, чему я искренне удивлялся <...>» (5, 341).

В последней главе романа герой возвращается к своим запискам через год и восемь месяцев после описанных событий. Здесь он сам констатирует положение дел как следствие своих поступков: «Я просто сгубил себя!» (5, 346–347). Но эта констатация факта удивительным образом не затрагивает рулетку: «Тут дело в том, что — один оборот колеса и все изменяется, и эти же самые моралисты первые (я в этом уверен) придут с дружескими шутками поздравлять меня. <...> Что я теперь? zéro. Чем могу быть завтра? Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить! Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» (5, 347). Ужас психической одержимости героя страстью к рулетке состоит в том, что он на уровне чувств фиксирует свое состояние, но осознанно сформулировать реальное положение не может: «Я, конечно, живу в постоянной тревоге, играю по самой маленькой и чего-то жду, рассчитываю, стою по целым дням у игорного стола и наблюдаю игру, даже во сне вижу игру, но при всем этом мне кажется, что я как будто одеревенел, точно застрял в какой-то тине» (5, 348). Этот его психический статус подтверждает и мистер Астлей: «Вы одеревенели, <...> вы не только отказались от жизни, от интересов своих и общественных, от долга гражданина и человека, от друзей своих (а они все-таки у вас были) — вы не только отказались от какой-либо цели, кроме выигрыша, — вы даже отказались от воспоминаний своих» (5, 350). Как пишет Р.Л. Джексон, «“Мертвы те, кто потерял свои воспоминания”. Для Достоевского потеря памяти подразумевает статичный взгляд на вселенную и, в конце концов, нравственную и духовную гибель»³⁰. Достоевский вскрывает проблему воли изнутри, в слове героя, которое воплощает внутренний конфликт его личностного самосознания: «Неужели я сам не понимаю,

---

³⁰ Джексон Р.Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 184.

что я погибший человек? Но — почему же я не могу воскреснуть. Да! Стоит только хоть раз в жизни выдержать характер, и я в один час могу всю судьбу изменить! Главное — характер» (5, 354). В сознании героя происходит искажение понимания возможностей проявления воли. Мир Рулетенбурга цикличен и замкнут на себе, смерть — это проигрыш, воскресение из мертвых — выигрыш, одно оборачивается другим, деньги фантастическим образом появляются и исчезают, но все это не дает позитивного исхода — герой не может вырваться из мира рулетки. Подмена ценностных ориентиров приводит к полному порабощению его воли навязанными извне правилами, происходит подчинение его души, ума, сердца рулетке как способу бытия. Достоевский художественно исследует деформации души человека, втянувшегося в мир азарта и барыша. Но при этом писатель не ставит под сомнение возможность свободы выбора героем своей судьбы, который предопределяет развитие событий. В своем романе Достоевский исследует последствия выбора, уже сделанного героем, который не в состоянии выбраться из «тины рулетки».

В своем произведении Достоевский описал тип русского игрока, продолжив линию характера пушкинского Германа³¹. В этом типе он синтезировал черты, ранее разработанные им в типах «мечтателя» и «подпольного человека». Но изображение психических состояний «погибшего человека» и описание проблемы свободы воли одержимого страстью к рулетке в «Игроке» были направлены на диагностику и вскрытие болезни души с целью ее излечения. В 1860-е гг. писатель формулировал задачу литературы как «восстановление погибшего человека». Этой гуманной задаче он подчинял все средства своего художественного труда. Страхов в своих работах рассматривал проблему свободы воли с позиций «вечных и общих интересов», «по мерилам благородства и красоты», в то время как Достоевский исследовал в историческом преломлении драму «неизбежной власти различных влияний и неизбежной податливости человеческой природы», что не только не отменяло у него понятие нравственного центра, а должно было заставить читателя искать и обретать этот центр³². Р. Лаут указывает, что Достоевский «не поднимал волю до уровня фундаментального метафизического принципа. Он считал, что хотение есть “проявление всей жизни”». При этом, выступая в явлении, оно выражает целостную природу человека, а не только часть ее. Центр волевых решений отделен и независим от разума, воля зачастую совершенно расходится с ним. Когда душа решается на какой-то поступок, она действует как целое, включая все — как осознанные, так и неосознанные — компоненты.

---

³¹ Генезис образа Алексея Ивановича в этом аспекте первым рассмотрел А.Л. Бем в статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» (Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А.Л. Бема. М., 2007. С. 430–461).

³² Об этом Страхов пишет в своих воспоминаниях: *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. С. 172.

Человеческое воление определяется не только сознательной, но и бессознательной частью души. Разум может предлагать центру волевых решений определенные действия, но волевые импульсы остаются все же самостоятельными, питаясь из всех источников души»³³.

Роман «Игрок» принято рассматривать в контексте биографии Достоевского, на собственном опыте познавшего «ад рулетки»³⁴. Анна Григорьевна писала в «Воспоминаниях» по поводу увлечения писателя игрой: «Сначала мне представлялось странным, как это Федор Михайлович, с таким мужеством перенесший в своей жизни столько разнородных страданий (заключение в крепости, эшафот, ссылку, смерть любимого брата, жены), как он не имеет настолько силы воли, чтобы сдержаться, остановиться на известной доле проигрыша, не рисковать своим последним талером. Мне казалось это даже некоторым унижением, недостойным его возвышенного характера, и мне было больно и обидно признать эту слабость в моем дорогом муже. Но скоро я поняла, что это не просто “слабость воли”, а всепоглощающая человека страсть, нечто стихийное, против чего даже твердый характер бороться не может. С этим надо было примириться, смотреть на увлечение игрой как на болезнь, против которой не имеется средств»³⁵. Чудо случилось весной 1871 г. Проигравшись в Висбадене в пух и прах, 16/28 апреля Достоевский направил покаянное письмо жене, и более к рулетке не возвращался. По мнению Анны Григорьевны, состоялось излечение от тяжелой болезни, в процессе чего немаловажную роль сыграл и роман «Игрок», психологические рассуждения в котором развивались не без взаимодействия с концепциями Н. Н. Страхова.

Библиографический список

- Аскольдов С. А.* Психология характеров у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.–М., 1924. С. 5–27.
- Бем А. Л.* «Пиковая дама» в творчестве Достоевского // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А. Л. Бема. М., 2007. С. 430–461.
- Бем А. Л.* «Игрок» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Т. 24. С. 379–392.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. 338 с.
- Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л., 1979. 224 с.

---

³³ *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 94.

³⁴ См., напр.: *Бем А. Л.* «Игрок» Достоевского: (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Т. 24. С. 379–392; *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 373–377.

³⁵ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 162–163.

- Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. 544 с.
- Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. 288 с.
- Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. 495 с.
- Ждан А. Н. Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: антология / авт.-сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 1–26.
- Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 447 с.
- Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. 350 с.
- Майков В. Н. Критические опыты (1845–1847). СПб., 1891. 750 с.
- Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 373–377.
- Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. 317 с.
- Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 179–329.
- Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. Издание второе. Москва, 1868. Статья первая // Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 177–206.
- Страхов Н. Н. Очерки вопросов практической философии П. Л. Лаврова. СПб., 1860 // Светоч. 1860. № 7. О. III. С. 1–13.
- Тоичкина А. В. «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. СПб., 2013. (Dostoevsky Monographs; вып. 4). С. 299–315.
- Тоичкина А. В. Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18, вып. 3. С. 479–497.
- Трубецкой Н. С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 689–705.

References

- Askol'dov S. A. Psikhologija kharakterov u Dostoevskogo [Psychology of characters in Dostoevsky]. In: *F. M. Dostoevskii. Statii i materialy*, vol. 2. Leningrad — Moscow, 1924. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Bem A. L. “Pikovaia dama” v tvorcestve Dostoevskogo [“The Queen of Spades” in Dostoevsky’s Works]. In: *Vokrug Dostoevskogo: in 2 vols.*, vol. 1: *O Dostoevskom: sbornik statei*, ed. A. L. Bem. Moscow, 2007. Pp. 430–461. (In Russ.)
- Bem A. L. “Igrok” Dostoevskogo: (V svete novykh biograficheskikh dannykh) [Dostoevsky’s “The Gambler”: (In light of new biographical data)]. *Sovremennye zapiski*, 1925, vol. 24, pp. 379–392. (In Russ.)
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo: *Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Library of F. M. Dostoevsky: Reconstruction experience. Scientific description]. Saint Petersburg, 2005. 338 p. (In Russ.)

- Dostoevskaia A.G. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, 1971. 495 p. (In Russ.)
- Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe* [About the literature hero]. Leningrad, 1979. 224 p. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoievskii*. Moscow, 1962. 544 p. (In Russ.)
- Jackson R. L. *Iskusstvo Dostoievskogo. Bredy i noktturny* [The Art of Dostoevsky. Delirium and Nocturnes]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russ.)
- Laut R. *Filosofia Dostoievskogo v sistemsticheskom izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow, 1996. 447 p. (In Russ.)
- Lotman L. M. *Realizm russkoi literatury 60-kh godov XIX veka* [Realism of Russian Literature of the 60s of the 19th Century]. Leningrad, 1974. 350 p. (In Russ.)
- Maikov V. N. *Kriticheskie opyty (1845–1847)* [Critical experiences (1845–1847)]. Saint Petersburg, 1891. 750 p. (In Russ.)
- Mochul'skii K. V. *Dostoievskii. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and works]. In: Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoievskii*. Moscow, 1995. Pp. 373–377. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Ob osnovnykh poniatiiakh psikhologii i fiziologii* [About the basic principles of psychology and physics]. Saint Petersburg, 1886. 317 p. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Vospominaniia o Fedore Mikhailoviche Dostoievskom* [Memoirs on Fedor Mikhailovich Dostoevsky]. In: *Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoievskogo*. Saint Petersburg, 1883. Pp. 179–329. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Voina i mir*. Sochineniia grafa L. N. Tolstogo. Tomy I, II, III i IV. Izdanie vtoroe. Moskva, 1868 [War and Peace. Collection of Count L. N. Tolstoy. Vols I, II, III and IV. 2nd Edition. Moscow, 1868]. In: *Voina iz-za "Voiny i mira": Roman L. N. Tolstogo "Vojna i mir" v russkoi kritike i literaturovedenii*. Saint Petersburg, 2002. Pp. 177–206. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Ocherki voprosov prakticheskoi filosofii P. L. Lavrova*. Sankt-Peterburg, 1860 [Essays on the issues of practical philosophy by P. L. Lavrov. Saint Petersburg, 1860]. *Svetoch*, 1860, no. 7, div. III, pp. 1–13. (In Russ.)
- Toichkina A. V. "I kak pishet kritik Strakhov..." (Tema spiritizma v publitsistike Dostoievskogo, N. N. Strahova i v romane "Bratia Karamazovy") ["And as the critic Strakhov writes..." (The theme of spiritualism in the publishing of Dostoevsky, N. N. Strahov and in the novel "The Brothers Karamazov")]. In: *Dostoievskii i zhurnalizm*, eds V. Zaharov, K. Stepanian, B. Tikhomirov. Saint Petersburg, 2013. (Dostoevsky Monographs; vol. 4). Pp. 299–315. (In Russ.)
- Toichkina A. V. N. N. Strakhov, zhurnal *Zaria* i tvorchestvo F. M. Dostoievskogo kontsa 1860-kh gg. [N. N. Strakhov, *Zaria* journal and creative work of F. M. Dostoevsky, 1860s]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 479–497. (In Russ.)
- Trubetskoi N. S. O "Zapiskakh iz podpolia" i "Igroke" [About "Notes from the Underground" and "The Gambler"]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk*. Moscow, 1995. Pp. 689–705. (In Russ.)
- Zhdan A. N. *Obshchii ocherk istorii psikhologii v Rosii* [General outline of the history of psychology in Russia]. In: *Rossiiskaia psikhologia: antologია*. Author-compiler A. Zhdan. Moscow, 2009. Pp. 1–26. (In Russ.)

Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ*

ORCID ID: 0000-0001-6310-1579

**«ОДНОВРЕМЕННО Я ОТКРЫЛ ЕВАНГЕЛИЕ
И ДОСТОЕВСКОГО». МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ
АНТОНИЙ О ДОСТОЕВСКОМ**

Аннотация: В статье рассматривается восприятие одним из крупнейших православных иерархов и проповедников XX в. митрополитом Суружским Антонием (Блумом) (1914–2003) личности и произведений писателя Ф. М. Достоевского. Владыка Антоний в своих беседах многократно обращался к примерам из творчества русского писателя и признавался, что сам открыл его для себя одновременно с Евангелием и Церковью. Анализируется своеобразное отношение Антония Суружского к цитатам и особенностям чтения им глубоких текстов. Чаще всего владыка упоминал в своих выступлениях образы и сцены из романов так называемого Великого Пятикнижия и, главным образом, из финального романа Достоевского «Братья Карамазовы». Несмотря на то что владыка Антоний многократно обращался к наставлениям и воспоминаниям старца Зосимы из этого романа, сама фигура старца как литературного персонажа вызывала у него критическое отношение. Тем не менее большой интерес к Достоевскому владыка сохранял на протяжении всей своей долгой жизни.

Ключевые слова: митрополит Антоний Суружский, богословие, Христос, «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», проблема зла, красота.

N. N. PODOSOKORSKIJ

**“AT THE SAME TIME I DISCOVERED THE GOSPEL
AND DOSTOEVSKY”. METROPOLITAN ANTHONY
OF SOUROZH ABOUT DOSTOEVSKY**

Annotation: The article examines the perception of one of the largest Orthodox hierarchs and preachers of the 20th century, Metropolitan Anthony (Bloom) of Sourozh (1914–2003) of the personality and works of the writer

---

* Николай Николаевич Подосокорский, канд. филол. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН; Nikolay Nikolaevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher at the Research Center “F. M. Dostoevsky and World Culture” IMLI RAS. n.podosokorskiy@gmail.com

F.M. Dostoevsky. The Bishop Anthony in his conversations repeatedly turned to examples from the work of the Russian writer and admitted that he had discovered it for himself simultaneously with the Gospel and the Church. The author analyzes the peculiar attitude of Anthony Surozhsky to quotations and the peculiarities of reading deep texts by him. Most often, the Bishop mentioned in his speeches images and scenes from the novels of the so-called The Great Pentateuch and, mainly, from Dostoevsky's final novel "The Brothers Karamazov". Even though the Bishop Anthony repeatedly turned to the instructions and memoirs of Elder Zosima from this novel, the figure of the Elder himself as a literary character caused him a critical attitude. Nevertheless, the Bishop maintained a great interest in Dostoevsky throughout his long life.

Keywords: Metropolitan Anthony of Sourozh, theology, Christ, "The Brothers Karamazov", "Crime and Punishment", "The Idiot", "Demons", the problem of evil, beauty.

Имена двух выдающихся православных богословов нового времени — писателя Ф. М. Достоевского (1821–1881)¹ и митрополита Сураожского Антония (в миру — Андрей Борисович Блум) (1914–2003)² — могут быть поставлены в один ряд на том основании, что оба деятеля обладали удивительным даром (один его проявлял главным образом через свое литературное творчество, другой — через непосредственное церковное служение и устную проповедь) приводить ко Христу многих людей, которые либо о Нем забыли, либо никогда в Него не верили.

---

¹ Как поясняет Татьяна Касаткина, «философия и богословие Достоевского — это философия и богословие, изложенные принципиально другим способом, чем мы привыкли видеть в философских и богословских трактатах — а выражены они так потому, что их создатель ставит перед собой другую цель: не систематизировать и передать интеллектуальное знание — а инициировать преобразование человека» (Касаткина Т. А. Введение // Богословие Достоевского. М., 2021. С. 15).

² Об особенностях богословствования владыки Антония писали многие исследователи: Кыргелев А. И. Митрополит Антоний Сураожский — «заезжий православный миссионер» в России // Континент. 1994. № 82. С. 234–236; Ликвинцева Н. В. «Все человечество — единый, сильный поток жизни»: митрополит Антоний Сураожский о способности человека быть живым // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 131; Михайлов П. Б. Богословский метод владыки Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сураожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М., 2013. С. 71–85; Шмагина-Великанова А. И. Насилие и жертва в богословии митрополита Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сураожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М., 2013. С. 86–102; Вакуленко Н. С. Методология митрополита Сураожского Антония (Блюма) // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 128–148; и др. По словам Т. А. Касаткиной, «митрополит Антоний не только богослов, но богослов, который всех вокруг делает богословами, потому что он показывает, как иначе, в ином свете можно увидеть обстоятельства самой обыденной жизни — и своей собственной, и всех вокруг. И таким образом он показывает, как никто не исключен из этого круга богообщения, богопознания и богоприсутствия» (Касаткина Т. А. Выступление на презентации книги митрополита Сураожского Антония «Спасение мира». 25 декабря 2017 г. Москва, благотворительный фонд «Предание»: аудиозапись. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=44CрxaSB1o> (дата обращения: 08.02.2023)).

Т. А. Касаткина, которая из современных достоевистов наиболее часто и содержательно обращается в своих статьях и книгах о Достоевском к трудам митрополита Антония, констатирует: «Митрополит Антоний настойчиво продолжал в современном восточно-христианском мире то изменение глаза, которое масштабно начал Достоевский. Ср., например, их программные высказывания: “Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть”, — писал Ф. М. Достоевский. “Неужели не понимаем, — пишет митрополит Суражский Антоний, — человек так велик, что Бог может стать Человеком и человек остается собой? И что так велика тварь, которую Бог призвал к бытию, что человек может вместить в себя Бога?”»³. Главное же, по всей видимости, состояло в том, что Антонию «очень близка была страстная любовь Достоевского к Христу», который «был сердцем и основой его веры»⁴. При этом владыка, с одной стороны, был твердо убежден в том, что писать всегда надо только из своего внутреннего опыта⁵, а, с другой стороны, по верному наблюдению А. И. Шмаиной-Великановой, не видел принципиальной разницы между впечатлениями от чтения художественных произведений и непосредственным проживанием жизни⁶.

Сам владыка Антоний многократно (речь идет как минимум о нескольких десятках упоминаний, зафиксированных только в опубликованных текстах его выступлений, бесед, интервью) обращался к творчеству Достоевского. Это тем более знаменательно, что в целом, по словам А. И. Кырлежева, речи владыки была свойственна «экзистенциальность без всякой литературности»⁷. Еще в молодости «проницательным умом врача он вникал в психологические прозрения русского романа девятнадцатого столетия»⁸, а позднее вспоминал, что именно чтение Достоевского открыло для его поколения духовные ценности и большую правду жизни: «Художник, который изнутри своего какого-то опыта жизни, опыта человека, опыта Бога выражал бы себя или музыкой, или в живописи, или в литературе, — такой художник, мне кажется, может открыть духовные ценности и для других. Поэтому я не думаю, что можно просто сказать: пишите только

---

³ Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 75–76.

⁴ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Суражским // Достоевский и мировая культура: альманах. № 36. СПб., 2018. С. 91.

⁵ Пайман А. Митрополит Антоний Суражский. Жизнь. М., 2022. С. 521–522.

⁶ Духовное наследие митрополита Антония Суражского: Материалы Первой международной конференции 28–30 сентября 2007 г. М., 2008. С. 343.

⁷ Кырлежев А. И. Митрополит Антоний: контекст жизни и служения // Духовное наследие митрополита Антония Суражского: Материалы Первой международной конференции 28–30 сентября 2007 г. С. 53.

⁸ Пайман А. Митрополит Антоний Суражский. Жизнь. С. 506.

аскетическую литературу и ничего другого, — девять из десяти людей не станут читать вашей духовной литературы; к ней надо прийти. Скажем, в моем поколении чтение Достоевского сыграло колоссальную роль, как и чтение целого ряда других писателей — причем не обязательно благочестивых или особенно устремленных в этом направлении, а просто писателей, у которых была большая правда человеческая, которые нас научили правде раньше, чем чему-либо, и довели куда-то. Поэтому я не думаю, что можно было бы оптом сказать людям: перестаньте заниматься творчеством, а занимайтесь молитвой, — человек может перестать заниматься одним и не быть в состоянии заниматься другим»⁹.

В интервью Дмитрию Сапрыкину 21 июня 2001 г. митрополит Антоний высказался уже не просто о восприятии его поколения, но непосредственно о своем личном знакомстве с творчеством Достоевского в юности, и о том, какое огромное влияние оно на него оказало: «Когда я поступил в университет в Париже, в Сорбонну, на факультет естественных наук, физики, химии, биологии, одновременно мне раскрылся Достоевский и одновременно я встретил Церковь. И вот эти три вещи меня вдохновили. Наука, как она преподавалась учеными, а не школьными учителями, раскрыла предо мной целый мир сотворенного. Достоевский открыл предо мною целые глубины человеческие. А Церковь — Божий мир. И этого я желаю всем»¹⁰.

Об *одновременности* открытия для себя Достоевского и Евангелия владыка говорил и за много лет до этого. Например, в беседе со своими прихожанами в Лондоне 12 июня 1989 г.: «Я открыл для себя физику, химию, биологию в университете, и одновременно я открыл Евангелие и Достоевского, и помню, как одно подкрепляло другое, и как я видел в учении Мориса Кюри и других о физике развертывающуюся картину творения Божия. Это не были мистические переживания в том смысле, что я не подменял физические факты чудесами, но это видение все росло, расширялось, углублялось. И чем больше углубляешься, тем шире открывается горизонт, и тем больше поводов удивляться, и тем больше новых возможностей для открытий, словно идешь ко все расширяющемуся горизонту. И мне кажется, это возможно, только если ты сам не входяшь составной частицей в то, что изучаешь»¹¹.

Влияние идей Достоевского на Антония Сурожского было не только прямым, но и опосредованным. Косвенно воздействовавший своей прозелитической лекцией на религиозное обращение пятнадцатилетнего

---

⁹ Антоний, митрополит Сурожский. О встрече. 2-е изд. Клин, 2004. С. 129–130.

¹⁰ Интервью с митрополитом Сурожским Антонием. Интервью записал Дмитрий Сапрыкин 21 июня 2001 г. URL: <https://antsur.ru/ru/intervyu-s-mitropolitom-surozhskim-antoniem-21-iyunya-2001-g/> (дата обращения: 08.02.2023).

¹¹ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 2. 3-е изд. М.: Практика, 2014. С. 822.

Андрея Блума в 1929 г.¹² богослов, инспектор Свято-Сергиевского православного богословского института, протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) был к тому времени автором ряда публикаций о Достоевском («Иван Карамзев как философский тип» (1902), «Васнецов, Достоевский, Соловьев и Толстой. Параллели» (1902), «Очерк о Ф. М. Достоевском: Через четверть века. (1881–1900)» (1906), «Венец терновый (памяти Ф. М. Достоевского)» (1906), «Русская трагедия (о “Бесах” Достоевского)» (1914)), и не исключено, что в том своем выступлении он также обращался к наследию великого писателя, поскольку, по его собственному признанию, причислял Достоевского «к числу своих духовных отцов»¹³. Булгаков использовал идеи и образы Достоевского и в других своих работах¹⁴. По его мнению, все книги Достоевского, особенно последних лет, были «написаны о Христе, во всех Он является истинным, хотя и незримым центром, иногда выступая открыто. Величайшее торжество гения Достоевского состоит именно в том, что он, сняв церковную позолоту и византийскую традиционность, по-новому, по-своему сумел в своих произведениях дать почувствовать живого Христа, он ставит Его как бы среди нас и, приближая Его, научает любить Его»¹⁵.

Первый и главный духовный наставник владыки — настоятель Трехсвятительского подворья в Париже, архимандрит Афанасий (Нечаев) (1886–1943), на лице которого при их первой встрече юный Андрей Блум неожиданно увидел *сияние вечной жизни* и сразу же попросился стать его учеником¹⁶ — также в юности испытал колоссальное влияние произведений русского писателя и, по его признанию, «читал

---

¹² Именно после лекции о. Сергия Булгакова, которая очень не понравилась будущему владыке, Андрей Блум отправился домой, чтобы лично прочесть Евангелие и убедиться уже наверняка в том, насколько оно правдиво или лживо. В этот день он и обрел веру на всю последующую жизнь, почувствовав во время чтения Евангелия от Марка подлинное присутствие Христа возле себя. Вот как об этом рассказывает сам Антоний Сурожский: «Он меня привел в такое состояние, что я решил не возвращаться на волейбольное поле, несмотря на то что это была страсть моей жизни, а ехать домой, попробовать обнаружить, есть ли у нас дома где-нибудь Евангелие, *проверить и покончить* с этим; мне даже на ум не приходило, что я не покончу с этим, потому что было совершенно очевидно, что он знает свое дело, и, значит, это так» (*Антоний, митрополит Сурожский*. Труды. Кн. 1. 3-е изд. М.: Практика, 2014. С. 247).

¹³ См. его письмо к вдове писателя А. Г. Достоевской от 16 июня 1906 г.: Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым // *Минувшее: исторический альманах*. №9. Paris, 1990. С. 249.

¹⁴ О влиянии Достоевского на философию и богословие о. Сергия Булгакова см.: *Гачева А. Г.* Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века // *Достоевский и XX век: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 18–96; Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский и книга С. Н. Булгакова «Философия хозяйства» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2012. №4 (20). С. 81–86.

¹⁵ *Булгаков С. Н.* Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского // *Булгаков С. Н.* Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 227.

¹⁶ *Пайман А.* Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 59.

всего Достоевского». В частности, он вспоминает о своем послушании в Валаамском монастыре в середине 1920-х годов следующее: «После долгого перерыва в чтении захотелось чего-нибудь классического, русского. Потянуло страшно к Достоевскому. Прихожу в библиотеку и спрашиваю у о. Иосифа, библиотекаря, “Братьев Карамазовых”. “Послушникам у нас не разрешается чтение светских книг”, — был ответ. Это было для меня совершенно неожиданно. Я начал настаивать: “Послушник послушнику рознь. Я-де из интеллигенции и к тому же читал уже всего Достоевского”. “Нет, без разрешения о. игумена не могу выдать”. Я решил идти к о. игумену, в той уверенности, что для меня-то он, конечно, сделает исключение. Прихожу, спрашиваю. “Нет у нас такого обычая, чтобы читать послушникам светские книги”. Мое самолюбие было больно уязвлено. Но решительный тон игумена сразу смирил меня. Все же я вздумал “пожаловаться” своему духовнику о. Ефрему. Тот как услышал, так и залился смехом: “Вот так монах, пришел в монастырь читать Достоевского”. И тогда я понял, как это в самом деле нелепо. Да, “всякой вещи свое время и свое место”, как изрек Соломон»¹⁷.

В приведенном мемуаре удивляет не столько традиционный консерватизм монастырской среды и конечное смирение послушника Афанасия (он также впоследствии прививал это качество Антонию Сурожскому), сколько настойчивость, с которой он добивался для себя права читать Достоевского в монастыре. Нельзя не заметить, что в отношении всех других запретов отец Афанасий, согласно его воспоминаниям, отнюдь не был настолько упорен в желании дойти до самой последней монастырской инстанции. Впрочем, к тому времени со смерти Достоевского не прошло и полвека, и скепсис монахов был вполне понятен и объясним. Важно другое: духовного учителя митрополита Антония «потянуло страшно к Достоевскому» именно в монастыре. В конце своих воспоминаний о Валааме о. Афанасий, в частности, заключает: «И то правда, что наши русские монастыри не приспособлены для интеллигента. Нет в них поприща для интеллектуальной деятельности. Образованные монахи учились в духовных академиях и занимались педагогической деятельностью в духовных школах. Так и мне пришлось идти работать умом, учиться богословским наукам»¹⁸.

Когда в 1943 г. отец Афанасий умер, молодой монах Антоний оказался в замешательстве — ему представлялось, что невозможно будет найти нового духовника, который бы мог заменить ему прежнего. Однажды, сидя в комнате в раздумье по этому поводу, он в очередной раз спросил себя: «Что же мне делать?» После чего, как ему показалось, он услышал внутренний голос: «Почему ты ищешь духовного отца? Я все

¹⁷ Афанасий (Нечаев), архимандрит. От Валаама до Парижа. М., 2011. С. 82–83.

¹⁸ Там же. С. 94.

еще жив»¹⁹. Это напоминает сцену в главе «Кана Галилейская» в романе «Братья Карамазовы», в которой Алеша в видении встречает недавно умершего старца Зосиму, утешающего его (14, 327).

Помимо отца Афанасия (Нечаева), «определяющее влияние на формирование» Антония Сурожского в годы его студенчества²⁰ также оказал архимандрит Лев (Жилле) (1893–1980), православный богослов и церковный писатель, публиковавшийся под псевдонимом Монах Восточной Церкви. Именно он, *зачитывавшийся в свое время Достоевским*²¹, посоветовал будущему владыке раз и навсегда отказаться от зачитывания текстов по бумажке перед аудиторией и говорить всегда только от себя, несмотря на ошибки в произношении (митрополит Антоний поначалу совсем не знал английского языка) и неизбежные неточности при воспроизведении цитат по памяти²², — этому наказу митрополит Сурожский затем следовал всю свою жизнь, став в итоге выдающимся проповедником Христовым. «Не носим ли мы печать его апостольства?»²³ — с таким риторическим вопросом обращался митрополит Антоний в своей проповеди к собравшимся в апреле 1980 г. по случаю погребения отца Льва.

И. А. Кириллова, близко дружившая с митрополитом Антонием, и известная как переводчик британской королевской семьи, преподаватель русской литературы в Ньюэ-м-колледже Кембриджского университета и специалист по творчеству Достоевского²⁴, вспоминает, что во время совместных поездок с владыкой (она часто выступала в роли его бесплатного и добровольного шофера, поскольку владыка не мог позволить себе иметь личную машину, а в последние годы жизни Антония Сурожского занимала пост председателя Епархиального собрания

---

¹⁹ Кроу Д. «Этот бесценный человек»: воспоминания о митрополите Антонии. М., 2021. С. 159.

²⁰ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 92.

²¹ Ликвинцева Н. В. Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 118, 120.

²² Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 260.

²³ Антоний, митрополит Сурожский. Проповедь на погребение архим. Льва (Жилле). Апрель 1980 г. URL: <https://antsur.ru/ru/proповед-na-pogrebenie-arhim-lva-zhille-aprel-1980-g/> (дата обращения: 26.02.2023).

²⁴ Примечательно, что и свою книгу «Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления» (2010) И. А. Кириллова посвятила памяти митрополита Антония Сурожского. В предисловии к ней она отмечает: «Митрополит Антоний, для которого образ Христа был столь же страстно живым, как и для Достоевского, полностью поддерживал мою концепцию, мою “экзегетику” образа князя Мышкина. Для него, как и для меня, было неприемлемо истолкование князя как до конца “положительно прекрасного”, хриstopодобного лица, и страшное окончание романа он считал совершенно оправданным. Митрополит Антоний хорошо знал Достоевского. Он, врач и священник, разделял мое понимание его как писателя-реалиста в плане и физически-историческом, и одновременно духовно-символическом» (Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М., 2010. С. 8–9).

Сурожской епархии) они в разговорах «постоянно возвращались к той или иной теме романов Достоевского или к образам героев из его Великого пятикнижия»²⁵.

По ее словам, из эмигрантской литературы, «редко обходившейся без обсуждения Достоевского», особенно близка мыслям владыки была книга Н. А. Бердяева (1874–1948) «Миросозерцание Достоевского» (1923). «Священная тема Достоевского: человек, — пишет Кириллова, — была темой всего служения Владыки, сначала как врача, в военное и мирное время, а потом как священника и епископа. Его пастырское богословие отличается сродным Достоевскому прозрением в мятежную душу современного человека и перекликается со словами Бердяева: “...Достоевскому дано было познать человека в страстном, буйном, исступленном движении, в исключительной динамичности”; он “возвращает веру в человека, в глубину человека”»²⁶.

О ранних, докаторжных произведениях писателя митрополит, по свидетельству И. А. Кирилловой, «почти не говорил», отмечая, впрочем, «удивительную точность описания шизофрении в “Двойнике”»²⁷. Огромное значение «Записок из подполья» он признавал, но их «не любил», поскольку их герой был ему «слишком противен»²⁸. Наиболее же высоко владыка ценил романы так называемого Великого пятикнижия, «Записки из Мертвого дома» (сравнивая их с произведениями А. И. Солженицына о советском ГУЛаге) и некоторые из поздних рассказов: «Бобок», «Кроткая» и «Сон смешного человека»²⁹.

Чаще всего митрополит Антоний вдохновлялся в своих выступлениях отдельными местами из романа «Братья Карамазовы» (он вспоминает о бунте Ивана Карамазова против Бога и желании вернуть ему

---

²⁵ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском... С. 89. Мемуары Кирилловой о частных разговорах с владыкой Антонием о Достоевском представляют большую ценность, но из них не всегда можно понять, идет ли речь о собственной точке зрения митрополита (почти всегда — оригинальной и подчас парадоксальной), или же всего лишь о близких и интересных ему мнениях самой Кирилловой и цитируемых ею философов (Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, Г. В. Флоровского и др.). Например, она пишет: «...он был вполне согласен с утверждением Бердяева»; «любимый Владыкой отец Георгий Флоровский подводит итог мысли Достоевского с такой же лаконичностью, как это делал Владыка»; «как отец Георгий и другие религиозные мыслители ранней эмиграции, Владыка считал...»; «Владыка поддерживал отца Георгия в его мысли»; «Владыка проявлял живой интерес к моей концепции образа князя Мышкина»; «мы с Владыкой считали эту теорию Юнга особенно применимой в интерпретациях “Идиота”, “Бесов” и “Братьев Карамазовых”» и т. п. См.: Там же. С. 90, 92, 93, 94, 98. Очевидно, что в дружеских беседах, не рассчитанных на публичную аудиторию, довольно легко создается иллюзия полного взаимного согласия, подавшись которой, даже самый умный человек может считать, что его внимательный и учтивый собеседник целиком разделяет его суждения, а не всего лишь проявляет по отношению к ним любопытство и понимание.

²⁶ Там же. С. 90.

²⁷ Там же. С. 91.

²⁸ Там же. С. 92.

²⁹ Там же. С. 91.

«билет»³⁰; о «проклятых вопросах»³¹ и проч.), гораздо реже — цитатами из «Преступления и наказания», «Идиота», «Дневника писателя» и других текстов.

Случаи обращения митрополита Антония к роману «Преступление и наказание», который, по словам И. А. Кирилловой, он «считал художественно наиболее совершенным»³², затрагивают самые глубинные смыслы этого произведения. В одной из бесед с прихожанами первой половины 1980-х гг. он апеллирует к судьбе Раскольникова, рассуждая о «величине» смертного греха: «При обычных обстоятельствах смертный грех убивает, мелкий — нет; но смертный грех не всегда убьет, и мелкий грех может оказаться убийственным. <...> Раскольников в каком-то смысле спасен, несмотря на то что он совершил убийство, — так часто бывает, когда мы совершили что-то отчаянно дурное и приходим в чувство, оно не уничтожило нас до конца»³³.

Антоний Сурожский обращает внимание на то, что перед Богом не существует никакой четкой, неизменной иерархии греха, как и нет *общей участи* для всех преступников: спасение человека зависит от множества факторов, и даже убийца при определенных обстоятельствах вовсе не окончательно утрачивает способность к богообщению. Это, конечно, противоречит мнению тех Достоевистов, которые считают, что сам факт совершения убийства Раскольниковым в той форме, в какой он его совершил, обрекает его на вечную погибель³⁴.

В другой беседе, состоявшейся 15 мая 1987 г. в Москве, владыка цитирует пьяную исповедь Мармеладова, отвечая на вопрос, есть ли в православии место предопределению: «Это не предопределение, а призвание. Господь всех зовет: придите ко Мне *все!* В каком-то смысле почти можно взять тираду Мармеладова: “Придите ко мне, мои пьяненькие...”»³⁵. Также, по воспоминаниям И. А. Кирилловой, главу Сурожской епархии в этом романе интересовал психологический поединок между Раскольниковым и следователем Порфирием Петровичем,

---

³⁰ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 106.

³¹ Там же. С. 392.

³² Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском... С. 93.

³³ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 3. М., 2020. С. 129.

³⁴ См., напр.: Сараскина Л. И. «Наметив подходящую жертву...» Стандарты интерпретаций // Достоевский и мировая культура: альманах. № 27. СПб., 2010. С. 231–246.

³⁵ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 926. Здесь у Антония цитата, как и в других случаях, несколько изменена; у Достоевского Мармеладов говорит следующее: «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но придите и вы!”» (6, 21). Исповеди Мармеладова как глубокому и трансформирующему тексту посвящена недавняя замечательная статья Т. А. Касаткиной: *Касаткина Т. А.* Как и для чего формируется в произведениях Достоевского «указующий перст» автора: Радикальное богословие Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 27–51.

описание которого он считал «безупречным», и образ Свидригайлова³⁶. Сою Мармеладову он рассматривал «как раннюю попытку Достоевского изобразить образ ясновидящей юродивой и ее выход на улицу как характерную черту определенного типа юродства»³⁷.

Главного героя романа «Идиот», князя Мышкина, владыка Антоний сравнивал с героем любимой им повести французского писателя Жоржа Бернаноса (1888–1948) «Дневник сельского священника» (1935–1936), причем для него это сопоставление, по словам И. А. Кирилловой, «выявляло утопический характер “нового христианства” князя сравнительно с выстраданной кенотической верой и словами героя Бернаноса»³⁸. Т. А. Касаткина замечает, что «то состояние, в которое приводит Достоевский князя Мышкина в конце романа, православным мыслителем воспринимается как *единственно возможное адекватное описание той смерти, которая может длиться долго, которой вообще свойственно длиться, которую можно в пределе помыслить как вечную*. Митрополит Антоний Сурожский пишет: “Разумеется, есть смерть биологическая, но есть также то, что Романо Гуардини называет ‘смертью биографической’, — смерть, которая гораздо страшнее телесной: она-то (т. е. телесная смерть. — Т. К.) может оказаться победой, миром, высвобождением. Биографическая смерть имеет иной характер и может тянуться долго; это смерть переживших себя существ: они потеряли разум, но телом продолжают оставаться среди нас”»³⁹.

О романе «Бесы» Антоний Сурожский говорил мало: «...прочитав его в юности, он его никогда не перечитывал, потому что “в нем слишком реально ощущается зло, сила зла”»⁴⁰. В тех редких случаях, когда об этом романе все же заходил разговор, он указывал на «редкое сочетание исторического и психологического реализма с гротеском в характерах и в действии, создающее таким образом почти метафизическое ощущение жути»⁴¹. Если говорить об отношении владыки к проблеме зла и дьявола, то в своих проповедях и беседах он старался не акцентировать внимание на зле как на самостоятельно действующей в мире могущественной силе, предпочитая обращаться к свободе выбора человека, живущему в нем Христу, Божией любви и милосердию. Однако его личный опыт взаимодействия со злом, очевидно, был гораздо глубже, чем он об этом распространялся.

Протоиерей Сергей Овсянников (1952–2018), который хорошо знал владыку лично, отмечает, что тот, избегая публичного теоретизирования на тему действия дьявола, тем не менее довольно часто вспоминал

---

³⁶ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском... С. 93–94.

³⁷ Там же. С. 94.

³⁸ Там же. С. 95.

³⁹ Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. С. 205–206.

⁴⁰ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском... С. 96.

⁴¹ Там же.

его во время принятия исповеди⁴². А, как пишет Д. Кроу, «если кто-то из духовных чад владыки Антония чувствовал себя атакованным дьяволом, владыка предлагал: “Пошлите его ко мне, и я разберусь с ним”. Однажды владыка рассказал, как сатана пришел и встряхнул решетку перед его камином. “И это все, что ты можешь сделать!” — иронично произнес митрополит Антоний, уверенный в том, что “лучшая защита — это нападение”. Это был реальный опыт, о котором говорил владыка; не образ и не метафора»⁴³.

В тяжелый для владыки Антония период середины 1960-х гг., когда его при помощи травли, интриг и клеветнических доносов пытались сместить с должности патриаршего экзарха Западной Европы (он занимал ее сперва как исполняющий обязанности, а затем как собственно экзарх с 1963 по 1974 г.), французский православный богослов Оливье Клеман (1921–2009)⁴⁴ выступил в его безусловную поддержку, сравнив в одном из писем к владыке нападающих на него с «бесами» Достоевского⁴⁵.

Наиболее же высоко Антоний ценил финальный роман Достоевского «Братья Карамазовы». Одна из любимых его цитат была заимствована из мистического рассуждения старца Зосимы об аде и адском огне: «Отцы и учителя, мысля: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» (14, 292). Владыка по памяти приводил ее таким образом: «Достоевский, рассуждая в “Братьях Карамазовых” об аде, говорит, что ад можно выразить двумя словами: “Слишком поздно!” Только память о смерти может позволить нам жить так, чтобы никогда не сталкиваться с этим страшным словом, ужасающей очевидностью: *слишком поздно*»⁴⁶. Он еще не раз обращался к этому рассуждению в разных вариациях, говоря с самыми разными аудиториями⁴⁷.

Другая необычайно значимая для владыки цитата из «Братьев Карамазовых» связана с воспоминаниями старца Зосимы о своей юности; в оригинале она выглядит так: «Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу,

---

⁴² Духовное наследие митрополита Антония Сурожского. С. 244.

⁴³ Кроу Д. «Этот бесценный человек». С. 392–393.

⁴⁴ Оливье Клеман часто цитировал Достоевского в своих работах. См.: Горичева Т. М. Памяти Оливье Клемана // Вестник РХГА. 2009. № 1. С. 217. В частности, он заявлял следующее: «Достоевский не говорил, что он христианский романист. Однако он один из тех, кто дал сильнейший импульс мироощущению, мышлению христианства и, я бы даже сказал, христианскому богословию. Весь мир читает его, он один из отцов современности. И нам надо вновь быть творцами в современном мире, не жалуясь на жизнь. Миру не нужны хнычущие христиане — нужны христиане-творцы» (Клеман О. Тэзе. От тревоги к доверию. 2-е изд. М., 2015. С. 69). Это определение — христианин-творца — очень точно описывает и неутомимую деятельность владыки Антония.

⁴⁵ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 254.

⁴⁶ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 51.

⁴⁷ Ср. Там же. С. 84; Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 2. С. 425; и др.

о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмелел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились. Не скажу, чтобы были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя скверно, а пуще всех я» (14, 268). Митрополит Антоний и здесь передает лишь ее общий смысл так, как он когда-то запечатлелся в его памяти: «Вы, наверное, помните, как в “Братьях Карамазовых” старец Зосима рассказывает о своей юности. Он говорит: люди-то были хорошие, да поступали плохо. Он умел различить между поступком и человеком, умел, ненавидя зло, жалеть преступника и не обманываться, будто, ненавидя человека, мы ненавидим действующее в нем зло»⁴⁸.

Удивительно, что при этом сам образ старца Зосимы митрополиту Антонию казался фальшивым и неестественным. В одной из бесед в Лондоне, состоявшихся в мае — июне 1989 г., владыке задали вопрос, как он относится к тому, как Достоевский изображает человека? Ответ его был следующим: «Я не специалист по Достоевскому, но мое впечатление от Достоевского то, что во всем своем творчестве он описывает борьбу людей, но никак не может описать победу, потому что именно этого он сам так и не достиг в себе. Всю свою жизнь он боролся и боролся с крайностями, и когда он пытается изобразить человека, который одержал победу, результат очень слабый, безвкусный, даже не сахар, а сахарин. Возьмите старца Зосиму: это очень неудачный образ Тихона Задонского⁴⁹, который был мощной фигурой. А здесь все слашаво. Много в нем трогательного и хорошего, но оно нереально, потому что в себе Достоевский этого не видит.

С другой стороны, Достоевский всегда старался описывать людей, как они есть, не святых, достигших святости, и не грешников (за исключением, может быть, Ставрогина), доведших себя до гибели. Он всегда показывает людей, которые борются в многосложности своей собственной души и в окружающих влияниях. И то знание, которое мы приобретаем, и то, что нам открывается, я думаю, очень важно: все учит нас не спешить выносить суждение и называть кого-то светлым, кого-то темным, а знать что свет и во тьме светит, и тьма не может его принять, но не может и погасить (Ин 1: 5). И что нельзя сосредоточиться на свете и пропустить без внимания тьму, потому что это будет разрушительно для человека, которого мы безусловно почитаем, не видя в нем хрупкость, слабость или зло»⁵⁰.

---

⁴⁸ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 584–585. Ср.: Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 2. С. 168, 475; Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 3. С. 111.

⁴⁹ По словам И. А. Кирилловой, митрополит Антоний указывал и на расхождение между образом Зосимы и старца Амвросия Оптинского, «который до конца жизни был мучим ужасом перед Страшным Судом» (Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. С. 68).

⁵⁰ Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 2. С. 823.

Некоторые источники обращений Антония Сурожского к Достоевскому установить не так-то просто. Например, в 1989 г. он упоминает писателя в таком контексте: «Знаете, Достоевский пишет: “Обо всем можно говорить с интересом, только о себе — с аппетитом...” Так я скажу только одно: я стал верующим, потому что оказался лицом к лицу с живым воскресшим Христом»⁵¹. Вероятно, здесь имеется в виду герой «Записок из подполья», заявляющий: «А впрочем: о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? Ответ: о себе. Ну так и я буду говорить о себе» (5, 101).

Или можно лишь приблизительно идентифицировать конкретный источник его рассуждения о Достоевском и красоте в выступлении на конференции Общества византистики и патристики в декабре 1994 г.: «Можно вспомнить и другую цитату, на этот раз из Достоевского, о том, что красота это совершенная приобщенность к совершенной Красоте, которая есть Бог. И в другом месте он пишет, что почуять красоту — значит войти в мистическое соединение с объектом, в котором мы ее увидели. Это очень важное утверждение, потому что оно сразу связывает то, что доступно нам прямо и непосредственно, с чем-то, что может стать более чем доступным — может стать самой нашей *жизнью*, нашей сутью»⁵². Возможно, в данном случае владыка отсылает к статье Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (1861): «<...> если б даже смотреть на искусство с одной вашей точки зрения, то есть со стороны одной полезности, то ведь еще неизвестен в подробности нормальный исторический ход полезности искусства в человечестве. Трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству, например, “Илиадой” или Аполлоном Бельведерским, вещами, по-видимому, совершенно в наше время ненужными. Вот, например, такой-то человек, когда-то, еще в отрочестве своем, в те дни, когда свежи и “новы все впечатленья бытия”, взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно прекрасным образом. Кажется, факт пустой: полюбовался две минуты красивой статуей и пошел прочь. Но ведь это любованье не похоже на любованье, например, изящным дамским туалетом. “Мрамор сей ведь бог”, и вы, сколько ни плюйте на него, никогда у него не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатление юноши, может быть, было горячее, потрясающее нервы, холодащее эпидерму; может быть, даже, — кто это знает! — может быть даже, при таких ощущениях высшей красоты, при этом сотрясении нерв, в человеке происходит какая-нибудь внутренняя перемена, какое-нибудь передвижение частиц,

---

⁵¹ Антоний, митрополит Сурожский. О вере в человека. Выступление в Доме художника. Москва, 15 октября 1989 г. URL: <https://antsur.ru/ru/o-vere-v-cheloveka-15-oktyabrya-1989-g/> (дата обращения: 08.02.2023).

⁵² Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 695.

какой-нибудь гальванический ток, делающий в одно мгновение прежнее уже не прежним, кусок обыкновенного железа магнитом. Впечатлений на свете, конечно, множество, но ведь недаром же это впечатление особенное, впечатление бога. Недаром же такие впечатления остаются на всю жизнь. И кто знает? Когда этот юноша, лет двадцать-тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великого общественного события, в котором он был великим передовым деятелем, таким-то, а не таким-то образом, то, может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не этак, заключалось, бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского, виденного им двадцать лет назад» (18, 77–78).

Как отмечает наиболее тонкий исследователь жизни митрополита А. Пайман, «сущность красоты для владыки Антония была сакральной: “Для того, чтобы увидеть красоту, мы должны приобщиться ей, здесь — мистическое измерение <...> Таким образом, красота становится не объектом эстетического изучения, но опытом”»⁵³. Для того чтобы уловить в искусстве прекрасное как «напоминание о недостижимой одним разумом глубине», нужно одновременно быть увлеченным красотой и отрешенным от нее, т. е. «мы должны бескорыстно отдаться воздействию искусства, не навязывая ему чуждых назначению художника идеологических или каких бы то ни было других задач»⁵⁴.

Будучи гостем радиостанции «Свобода»⁵⁵ в начале 1990-х гг., владыка Антоний еще раз указал на Достоевского как на необычайно чуткого человека, способного видеть красоту Божьего мира там, где все остальные заняты исключительно собой и своими неотложными делами: «У Достоевского есть замечательное место, где он вспоминает свой приезд в Неаполь. Он стоит на палубе корабля и видит неопишемую красоту: голубое бездонное небо и природу, горы, город, море. Он весь охвачен этой красотой, а вокруг приехавшие одновременно с ним и не смотрят на природу, на небо. Это все успеется, сейчас им надо заняться своим багажом, высадиться как можно скорее, раньше других, чтобы успеть найти извозчиков. Достоевский смотрит и говорит: да, а небо-то глубокое, бездонное, но небо всегда будет, “успеется” на него посмотреть, а теперь надо высадиться».

Не так ли мы живем очень часто — не только по отношению к Богу, но и по отношению к людям? Слишком часто, почуяв нечто глубокое, на чем мы могли бы остановиться, мы это отстраняем, потому что есть что-то другое — мелкое, ничтожное, но что “надо” сделать сейчас. Оно

---

⁵³ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 508.

⁵⁴ Там же. С. 509.

⁵⁵ С декабря 2017 г. в соответствии с законом РФ «О массовой информации» «Радио “Свобода”» и ряд его региональных дочерних проектов были внесены Министерством юстиции РФ в список иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

от нас может уйти, багаж мой может остаться на корабле или я его потеряю по дороге — на небо я успею посмотреть... Так бывает и с Богом. И к Богу я “успею” дойти»⁵⁶.

Отличительной особенностью мировосприятия владыки Антония было то, что он нередко прочитывал в книгах то, чего в них буквально не содержалось, но что в какой-то миг сообщалось через них конкретно ему одному в качестве ответа на мучившие его внутренние вопросы. Приведу лишь один, наиболее значимый подобный случай из его жизни, как он сам о нем вспоминал: «Я стал священником через несколько лет после того, как прочел отрывок из 58-й главы Книги пророка Исаии. Ожидая пациента, я открыл Библию и начал читать. И мои глаза упали на место, которое я прочел так: отдай душу свою на растерзание, на съедение голодному. Я три раза это место читал, три раза его так же прочел и подумал: вот мне заповедь Божия. Как это выразится, я не знаю, но это то, чего хочет от меня Бог. Несколько лет спустя я перечитывал это же место в той же книге и обнаружил, что этих слов там нет (ср.: Ис. 58: 10)»⁵⁷.

Знавшие владыку люди не раз отмечали, что и сами воспринимали от него слова, которых он как бы не говорил. Симптоматично свидетельство поэтессы и филолога Ольги Седаковой о разговоре с митрополитом Антонием в лондонском храме в 1989 г.: «Но тут в его взгляде, как будто ушедшем — в печальную даль или в трудную глубину — вдруг загорелся тот веселый огонь, который знают все, кому пришлось вблизи видеть его переменчивое лицо: веселый, непобедимый, видящий все как есть.

— Бог подскажет.

Скорее всего, он и не сказал этих слов. Они просто загорелись в его глазах. Он посмотрел на меня не то чтобы не своими глазами — своими: но еще и глазами великой, бессмертной победы, глазами Воскресения, глазами близко стоящего Царства»⁵⁸.

Частые неточности в приводимых Сурожским митрополитом цитатах могут быть объяснены особым типом его богословствования — не книжным и начетническим, но максимально живым и личным. Как справедливо отмечает филолог, близкий друг и биограф владыки Антония — А. Пайман, он «был менее всего теоретиком, литературоведом. Он был — читателем, который любил и умел оживить духовные поучения примерами из литературы, как и из собственного жизненного опыта»⁵⁹. К этому можно добавить, что принципиальной разницы между усвоенными им «примерами из литературы» и «собственным

---

⁵⁶ *Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 1. С. 598–599.*

⁵⁷ Там же. С. 820.

⁵⁸ *Седакова О. А. О Владыке Антонии Митрополите Сурожском // Седакова О. А. Собрание сочинений: в 4 т. М., 2010. Т. IV. С. 847.*

⁵⁹ *Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 504–505.*

жизненным опытом» для него просто не существовало. «Литературное произведение он на самом деле переживал как живую жизнь»⁶⁰.

9 июня 2016 г. фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» и Дом Русского зарубежья им. А. И. Солженицына провели совместный семинар «Владыка Антоний о красоте и уродстве: точки соприкосновения с Ф. Достоевским». Выступавшая на нем с докладом Т. А. Касаткина обратила внимание на то, что в точности приводимых цитат владыка мог ошибаться, а в их интерпретации достаточно далеко уходить от того смысла, который есть собственно у Достоевского (эти неточности, впрочем, могли быть отчасти вызваны невольными искажениями со стороны тех, кто переводил его устные выступления⁶¹ в письменный текст), но порой Антоний ссылаясь на как бы *не существующие* места в романах писателя, которые в его богословствовании удивительным образом выражают самую суть того, о чем писал Достоевский⁶².

«Митрополит Антоний цитирует Достоевского, когда ему нужен “спарринг-партнер”, то есть когда ему нужно поспорить, но поспорить как бы почти с самим собой, и он цитирует в этой ситуации некий текст Достоевского, дальше тут же оговаривается: “Но Достоевский, конечно, не имел этого в виду и не хотел бы...” Его система цитации Достоевского строится очень интересно»⁶³, — отмечает Касаткина. По словам исследовательницы, «красота и для митрополита Антония, и для Достоевского, на самом деле, — это одно. Красота — это то, что находится в самой глубине как мира, так и любого другого существа в этом мире. Красота — это тот изначальный замысел, который создавал все творение и каждую отдельную тварь в течение тех самых дней, когда Господь постоянно говорил: это хорошо <...> И именно поэтому красота — это то, что спасает мир»⁶⁴.

Еще одним уроком Достоевского для владыки был прочитанный им призыв к честным и думающим людям не только не бояться открыто говорить о том, что тебя в настоящее время больше всего интересует, но обязательно это проговаривать, чтобы лучше понять. Так, к примеру,

---

⁶⁰ *Пайман А.* Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 519–520.

⁶¹ Устная речь владыки Антония отличалась богатством оттенков. Протоиерей Александр Борисов вспоминает о том впечатлении, которое она произвела на него в начале 1970-х гг.: «Речь владыки производила особенное впечатление и своим характерным акцентом, и тем, что смысловые слова выделялись специальными интонациями. Речь изобиловала усилениями голоса и многозначными паузами. Некоторые слова произносились с легким грассированием. Я наслаждался не только содержанием, но и особенной музыкальностью этой речи» (*Александр Борисов, прот.* Целомудрие есть целостная мудрость // *Континент.* 2003. № 117. С. 11).

⁶² *Касаткина Т. А.* Выступление на Семинаре по наследию митрополита Антония Сурожского. 9 июня 2016 г. URL: <https://rutube.ru/video/371141413a1831e61ab73e1b147c1e11/> (дата обращения: 08.02.2023).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

Антоний начал свое выступление на тему «Человеческие ценности в медицине» перед Бристольским медико-хирургическим обществом 8 мая 1974 г.: «Возможно, у меня недостаточно прав и оснований выступать здесь с такой темой, но Достоевский в одном из своих сочинений говорит, что, если вас действительно занимает какой-то вопрос, если вы подлинно заинтересованы и убеждены в чем-то, вы и вправду и обязаны говорить об этом. И я хотел бы поговорить о некоторых основоположных, непреложных человеческих ценностях в их связи с медициной и затронуть вопрос страдания вообще и вопрос смерти, ее места по отношению к нам, медикам, христианам, священникам, потому что я — так уж случилось — одновременно священник и бывший медик»⁶⁵.

В данном случае владыка отсылал к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 г., в котором Достоевский заявляет следующее: «Пусть не смеются над мной заранее, что я считаю ошибки ума слишком легкими и быстро изгладимыми. И уж смешнее всего было бы, даже кому бы то ни было, а не то что мне, принять на себя в этом случае роль изглаживателя, твердо и спокойно уверенного, что словами проймешь и перевернешь убеждения данной минуты в обществе. Я это все сознаю. Тем не менее стыдиться своих убеждений нельзя, а теперь и не надо, и кто имеет сказать слово, тот пусть говорит, не боясь, что его не послушают, не боясь даже и того, что над ним насмеются и что он не произведет никакого впечатления на ум своих современников» (25, 5–6).

Многие, кто писал и говорил о личности митрополита Антония Сурожского, не стовариваясь, то и дело сравнивали его с теми или иными героями Достоевского — бунтарями, чудаками, юродивыми, визионерами, святыми. Лучший биограф владыки Аврил Пайман находит общие черты богоборчества у четырнадцатилетнего Андрея Блума и двадцатитрехлетнего Ивана Карамазова⁶⁶. Александр Кырлежев, излагая взгляды Антония Сурожского на взаимоотношения человека, Бога и мира, вспоминает о «Сне смешного человека»⁶⁷. Бывший секретарь Сурожской епархии Джиллиан Кроу находит черты сходства в общении с посетителями между Антонием Сурожским и старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых»⁶⁸. Ирина Кириллова когда пишет об образе старца Зосимы у Достоевского, не может отказать себе в том, чтобы сопоставить его слова с высказываниями митрополита⁶⁹. Протоиерей Сергей Овсянников в разговоре о владыке опять же обращается к тексту «Братьев Карамазовых»: «Что митрополита Антония не все любили — это понятно,

---

⁶⁵ Антоний, митрополит Сурожский. Человеческие ценности в медицине. Доклад Бристольскому медико-хирургическому обществу 8 мая 1974 г. URL: <https://antsur.ru/ru/chelovecheskie-tsennosti-v-meditsine-8-maya-1974-g/> (дата обращения: 08.02.2023).

⁶⁶ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 46.

⁶⁷ Кырлежев А. И. Мистик в мире // Континент. 2003. № 117. С. 14.

⁶⁸ Кроу Д. «Этот бесценный человек». С. 369.

⁶⁹ Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. С. 50.

потому что “широк, слишком широк, я бы сузил...”. Владыку, конечно, хотели бы сузить. Широк в нескольких смыслах даже, широк безусловно, по своему кругозору, по своему горизонту, по своей интеллигентности. И широк по тому, как он принимал. Широта — первое, что не нравится людям, по их самоопределению, узким»⁷⁰. Сам владыка Антоний в интервью В. Васильеву в 1999 г. говорил, что чувствует себя «дореволюционным русским, ископаемым или даже русским, которых никогда не бывало, кроме как в литературе»⁷¹.

Порой само имя Достоевского возникало в речи владыки как маркер человеческой открытости другому человеку и Богу. Например, в своих последних беседах в Лондоне в сентябре — ноябре 2002 г. Антоний вспоминает о преподобномученице матери Марии (Скобцовой) (1891–1945), которая «была русской писательницей, попала в эмиграцию и решила делиться своим знанием, своим опытом с теми людьми, которые находятся на работах, чтобы оживить их сердце, открыть снова их ум, чтобы что-то блеснуло в их жизни. И она поехала в один из городов, где на заводе было много русских, бывшие военные там целой группой поселились. Она объявила, что прочтет лекцию о Достоевском, но как только она заикнулась об этом, начался крик: “Брось, нам не до Достоевского, нам нужен кто-нибудь, кто бы постирал наше белье, кто бы нам приготовил немножко пищи, кто помог бы нам вычистить помещения, в которых мы живем”. Она остановилась и сказала: “Конечно, это самое главное! Скажите, куда мне идти”. И она в течение двух недель, если я помню хорошо, чистила, мыла, стирала, и когда эти недели прошли и она думала уже уезжать, к ней эти же люди обратились: “О нет, не уезжайте, прочтите нам лекцию о Достоевском”»⁷².

Митрополит Антоний, как и мать Мария (Скобцова) для сотен тысяч людей, многие из которых даже не были с ними знакомы лично, явил то самое *сияние вечной жизни*, не увидев которое хотя бы однажды на лице другого человека, никто, по его словам, не может по-настоящему уверовать в Бога. Сам он признавался, что его вера — не слепое доверие чужим свидетельствам, но личное опытное знание. Один из самых преданных почитателей владыки, филолог С.С. Аверинцев (1937–2004) признавал, что для целого ряда поколений русских людей Антоний был «символом аутентичного, чистого Христова Благовестия» и что «его духовного присутствия в сумеречной атмосфере позднесоветских десятилетий — я имею в виду, конечно, приезды в Россию, проповеди, беседы, но и чтение его проповедей в самиздатовских списках, и просто знание, что он есть на свете, — не смогло бы заменить

---

⁷⁰ Человек в богословии митрополита Антония Сурожского. С. 323.

⁷¹ Антоний, митрополит Сурожский. Интервью В. Васильеву. Лондон, 1999 г. // Митрополит Антоний Сурожский. Биография в воспоминаниях современников. М., 2015. С. 93.

⁷² Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Кн. 2. С. 31.

ничто другое»⁷³. Схожий эффект на многих интеллектуалов в атеистической советской подцензурной среде производили и произведения Ф. М. Достоевского.

В заключение процитирую еще раз Т. А. Касаткину, отмечающую, что «Достоевский выступает <...> как гениальный богослов, напоминающий Церкви о ее истинном порядке и настоящем учении. В XX веке о том же самом будет настойчиво напоминать митрополит Сурожский Антоний — и в своих работах и в своем опыте построения церковной жизни: “Я с самого начала призывал людей к тому, чтобы Церковь была единой. Когда я услышал недавно высказывание о том, что в Церкви епископ имеет власть, что он властвует над священниками, а священники должны управлять мирянами, меня охватил ужас. Нет, мы все едины, мы все — *дети одного и того же Бога, братья и сестры Христовы по Его собственному слову и свидетельству*” (в выделенных словах митрополита Антония, в сущности, дано полное и адекватное объяснение названия романа “Братья Карамазовы”). “И с самого начала мы стали строить приход на том основании, что каждый священник является слугой, а не управляющим, не начальником, а, если можно так сказать, рабом, который свою жизнь отдал для того, чтобы служить людям...”»⁷⁴.

Библиографический список

- Александр Борисов, прот.* Целомудрие есть целостная мудрость // *Континент*. 2003. № 117. С. 10–13.
- Антоний, митрополит Сурожский.* Человеческие ценности в медицине. Доклад Бристольскому медико-хирургическому обществу 8 мая 1974 г. URL: <https://antsur.ru/ru/chelovecheskie-tsennosti-v-meditsine-8-maya-1974-g/> (дата обращения: 08.02.2023).
- Антоний, митрополит Сурожский.* Проповедь на погребение архим. Льва (Жилле). Апрель 1980 г. URL: <https://antsur.ru/ru/propoved-na-pogrebenie-arhim-lva-zhille-aprel-1980-g/> (дата обращения: 26.02.2023).
- Антоний, митрополит Сурожский.* О вере в человека. Выступление в Доме художника. Москва, 15 октября 1989 г. URL: <https://antsur.ru/ru/o-vere-v-cheloveka-15-oktyabrya-1989-g/> (дата обращения: 08.02.2023).
- Антоний, митрополит Сурожский.* О встрече. 2-е изд. Клин, 2004. 256 с.
- Антоний, митрополит Сурожский.* Труды. Кн. 1. 3-е изд. М., 2014. 1097 с.
- Антоний, митрополит Сурожский.* Труды. Кн. 2. 3-е изд. М., 2014. 977 с.

---

⁷³ *Пайман А.* Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 435. Как пишет о значении проповедей владыки Антония в позднем СССР историк церкви А. И. Кырлежев: «Не было стадионов и ТВ, но ни одно слово не пропало. Можно с уверенностью сказать, что “на счету” митрополита Антония тысячи уже тогда обращенных в христианство людей» (*Кырлежев А. И.* Митрополит Антоний Сурожский — «заезжий православный миссионер» в России. С. 231).

⁷⁴ *Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 393.

- [*Антоний, митрополит Сурожский*]. Интервью В. Васильеву. Лондон, 1999 г. // Митрополит Антоний Сурожский. Биография в воспоминаниях современников / Сост. Е. С. Тугаринов. М., 2015. С. 75–127.
- Антоний, митрополит Сурожский*. Труды. Кн. 3. М., 2020. 1040 с.
- Афанасий (Нечаев), архимандрит*. От Валаама до Парижа. М., 2011. 224 с.
- Булгаков С. Н.* Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2. Избранные статьи / сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. И. Б. Роднянской. С. 222–239.
- Вакуленко Н. С.* Методология митрополита Сурожского Антония (Блюма) // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 128–148.
- Гачева А. Г.* Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. Т. 1. С. 18–96.
- Горичева Т. М.* Памяти Оливье Клемана // Вестник РХГА. 2009. № 1. С. 216–219.
- Духовное наследие митрополита Антония Сурожского: Материалы Первой международной конференции 28–30 сентября 2007 г. М., 2008. 390 с.
- Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым / публ. Э. Гаретто // Минувшее: исторический альманах. № 9. Paris, 1990. С. 235–293.
- Интервью с митрополитом Сурожским Антонием. Интервью записал Дмитрий Сапрыкин 21 июня 2001 г. URL: <https://antsur.ru/ru/intervyu-s-mitropolitom-surozhskim-antoniem-21-iyunya-2001-g/> (дата обращения: 08.02.2023).
- Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. 480 с.
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. 528 с.
- Касаткина Т. А.* Выступление на Семинаре по наследию митрополита Антония Сурожского. 9 июня 2016 г. URL: <https://rutube.ru/video/371141413a1831e61ab73e1b147c1e11/> (дата обращения: 08.02.2023).
- Касаткина Т. А.* Выступление на презентации книги митрополита Сурожского Антония «Спасение мира». 25 декабря 2017 г. Москва, благотворительный фонд «Предание». Аудиозапись. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=44CsrxaSB1o> (дата обращения: 08.02.2023).
- Касаткина Т. А.* Введение // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М., 2021. С. 15–20.
- Касаткина Т. А.* Как и для чего формируется в произведениях Достоевского «указующий перст» автора: Радикальное богословие Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 27–51.
- Кириллова И. А.* Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М., 2010. 160 с.
- Кириллова И. А.* Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским // Достоевский и мировая культура: альманах. № 36 / гл. ред. Б. Н. Тихомиров; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб., 2018. С. 89–99.
- Клеман О.* Тэзе. От тревоги к доверию / пер. с фр. 2-е изд. М., 2015. 112 с.

- Кроу Д.* «Этот бесценный человек»: воспоминания о митрополите Антонии / пер. с англ. И. Таласйоки и И. Пиляр. М., 2021. 448 с.
- Кырлежев А. И.* Митрополит Антоний Сурожский — «заезжий православный миссионер» в России // *Континент*. 1994. № 82. С. 229–246.
- Кырлежев А. И.* Мистик в миру // *Континент*. 2003. № 117. С. 13–23.
- Кырлежев А. И.* Митрополит Антоний: контекст жизни и служения // Духовное наследие митрополита Антония Сурожского. Материалы Первой международной конференции 28–30 сентября 2007 г. М., 2008. С. 48–58.
- Ликвинцева Н. В.* «Все человечество — единый, сильный поток жизни»: митрополит Антоний Сурожский о способности человека быть живым // Ежегодник Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 118–134.
- Ликвинцева Н. В.* Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья // Ежегодник Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 117–151.
- Михайлов П. Б.* Богословский метод владыки Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М., 2013. С. 71–85.
- Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский и книга С. Н. Булгакова «Философия хозяйства» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 81–86.
- Пайман А.* Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. М., 2022. 528 с.
- Сараскина Л. И.* «Наметив подходящую жертву...» Стандарты интерпретаций // Достоевский и мировая культура: альманах. № 27. СПб., 2010. С. 231–246.
- Седакова О. А.* О Владыке Антонии Митрополите Сурожском // Седакова О. А. Собрание сочинений: в 4 т. М., 2010. Т. IV. *Moralia*. С. 836–851.
- Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М., 2013. 336 с.
- Шмаина-Великанова А. И.* Насилие и жертва в богословии митрополита Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М., 2013. С. 86–102.

References

- Afanasii (Nechaev), archimandrit. *Ot Valaama do Parizha* [From Valaam to Paris]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.)
- Aleksandr Borisov, prot. Tselomudrie est' tselostnaia mudrost' [Chastity is a whole wisdom]. *Kontinent*, 2003, no. 117, pp. 10–13. (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *Chelovecheskie tsennosti v meditsine* [Human values in medicine]. Doklad Bristol'skomu mediko-khirurgicheskomu obshchestvu 8 maia 1974 g. Available at: <https://antsur.ru/ru/chelovecheskie-tsennosti-v-meditsine-8-maya-1974-g/> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *Propoved' na pogrebenie arkhim. L'va (Zhille)* [Sermon on the funeral of Archimandrite Lev (Zhille)]. Aprel' 1980 g. Available at:

- <https://antsur.ru/propoved-na-pogrebenie-arhim-lva-zhille-aprel-1980-g/> (accessed: 26.02.2023). (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *O vere v cheloveka* [On the faith in human]. Vystuplenie v Dome khudozhnika. Moskva, 15 oktiabria 1989 g. Available at: <https://antsur.ru/ru/o-vere-v-cheloveka-15-oktyabrya-1989-g/> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *O vstreche* [On the appointment]. 2nd ed. Klin, 2004. 256 p. (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *Trudy* [Works]. Book 1. 3rd ed. Moscow, 2014. 1097 p. (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *Trudy* [Works]. Book 2. 3rd ed. Moscow, 2014. 977 p. (In Russ.)
- [Antonii, mitropolit Surozhskii]. Interv'iu V. Vasil'evu. London, 1999 g. [Interview to V. Vasil'ev. London, 1999]. In: *Mitropolit Antonii Surozhskii. Biografiia v vospominaniakh sovremennikov*, comp. E. S. Tugarinov. Moscow, 2015. Pp. 75–127. (In Russ.)
- Antonii, mitropolit Surozhskii. *Trudy* [Works]. Book 3. Moscow, 2020. 1040 p. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. Venets ternovyi. Pamiati F.M. Dostoevskogo [Crown of thorns. In memory of F.M. Dostoevsky]. In: Bulgakov S.N. *Sochineniia*: in 2 vols., vol. 2: Izbrannye stat'i, comp., prep. of text, intro, comment. I.B. Rodnianskaia. Moscow, 1993. Pp. 222–239. (In Russ.)
- Chelovek v bogoslovii mitropolita Antonii Surozhskogo: Doklady Vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii 11–13 sentiabria 2009 g. Moskva* [Man in the theology of Metropolitan Anthony of Sourozh: Reports of the Second International Conference, September 11–13, 2009, Moscow]. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Dukhovnoe nasledie mitropolita Antonii Surozhskogo* [The Spiritual Heritage of Metropolitan Anthony of Sourozh]. Materialy Pervoi mezhdunarodnoi konferentsii 28–30 sentiabria 2007 g. Moscow, 2008. 390 p. (In Russ.)
- Gacheva A. G. Tvorchestvo Dostoevskogo i russkaia religiozno-filosofskaia mysl' kontsa XIX — pervoi treti XX veka [The works of Dostoevsky and Russian religious and philosophical thought of the late 19th — first third of the 20th century]. In: *Dostoevskii i XX vek*: in 2 vols., ed. T.A. Kasatkina, vol. 1. Moscow, 2007. Pp. 18–96. (In Russ.)
- Goricheva T.M. Pamiati Oliv'e Klemana [In memory of Olivier Cleman]. *Vestnik RKhGA*, 2009, no. 1, pp. 216–219. (In Russ.)
- Interv'iu s mitropolitom Surozhskim Antoniem. Interv'iu zapisal Dmitrii Saprykin 21 iunია 2001 g.* [Interview with Metropolitan Anthony of Sourozh. Recorded by Dmitry Saprykin on June 21, 2001]. URL: <https://antsur.ru/ru/intervyu-s-mitropolitom-surozhskim-antoniem-21-iyunya-2001-g/> (accessed: 08.02.2023).
- Iz arkhiva A. G. Dostoevskoi. Pis'ma D. S. Merezhkovskogo i S. N. Bulgakova. Peregovorka s V. V. Rozanovym [From the archive of A. G. Dostoevskaya. Letters of D. S. Merezhkovsky and S. N. Bulgakov. Correspondence with V. V. Rozanov], publ. E. Garetto. In: *Minuvshee: istoricheskii al'manakh*, no. 9. Paris, 1990. Pp. 235–293. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [On the creative

- nature of the word. The ontological nature of the word in the works of F. M. Dostoevsky as the basis of “realism in the highest sense”]. Moscow, 2004. 480 p. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvustavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [The sacred in the everyday: A two-part image in the works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2015. 528 p. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. *Vystuplenie na Seminare po naslediiu mitropolita Antonii Surozhskogo. 9 iyunia 2016 g.* [Speech at the Seminar on the heritage of Metropolitan Anthony of Sourozh. June 1, 2016]. Available at: <https://rutube.ru/video/371141413a1831e61ab73e1b147c1e11/> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.)
- Kasatkina T.A. *Vystuplenie na prezentatsii knigi mitropolita Surozhskogo Antonii “Spasenie mira”. 25 dekabria 2017 g. Moskva, blagotvoritel’nyi fond “Predanie”* [Speech at the presentation of the book by Metropolitan Anthony of Sourozh “Salvation of the World”. December 25, 2017. Moscow, charitable foundation “Tradition”]: audiorecord. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=44CcpxaSB1o> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.)
- Kasatkina T.A. Vvedenie [Introduction]. In: *Bogoslovie Dostoevskogo*, resp. ed. T.A. Kasatkina. Moscow, 2021. Pp. 15–20. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. Kak i dlia chego formiruetsia v proizvedeniiakh Dostoevskogo “ukazyiushchii perst” avtora: Radikal’noe bogoslovie Dostoevskogo v romane “Prestuplenie i nakazanie” [How and for what purpose in Dostoevsky’s works “indicative finger” of the author is formed: Dostoevsky’s radical theological essay in the novel “Crime and Punishment”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura: filologicheskii zhurnal*, 2022, no. 4 (20), pp. 27–51. (In Russ.)
- Kirillova I.A. *Obraz Khrista v tvorchestve Dostoevskogo. Razmyshleniia* [The Image of Christ in Dostoevsky’s Works. Reflections]. Moscow, 2010. 160 p. (In Russ.)
- Kirillova I.A. Razgovory o Dostoevskom s mitropolitom Antoniem Surozhskim [Conversations about Dostoevsky with Metropolitan Anthony of Sourozh]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul’tura*: almanac, no. 36, ed.-in-chief B. N. Tikhomirov. Saint Petersburg, 2018. Pp. 89–99. (In Russ.)
- Kleman O. *Teze. Ot trevogi k doveriiu* [Teze. From alarm to trust], 2nd ed. Moscow, 2015. 112 p. (In Russ.)
- Krou D. “*Etot bestsennyi chelovek*”: *vospominaniia o mitropolite Antonii* [“This Priceless Man”: Memories of Metropolitan Anthony], transl. from Eng. I. Talasjoki i I. Pilyar. Moscow, 2021. 448 p. (In Russ.)
- Kyrlezhev A. I. Mitropolit Antonii Surozhskii — “zaezzhii pravoslavnyi missioner” v Rossii [Metropolitan Anthony of Sourozh — “visiting orthodox missionary” in Russia]. *Kontinent*, 1994, no. 82, pp. 229–246.
- Kyrlezhev A. I. Mistik v miru [Mystic in the secular world]. *Kontinent*, 2003, no. 117, pp. 13–23. (In Russ.)
- Kyrlezhev A. I. Mitropolit Antonii: kontekst zhizni i sluzheniia [Metropolitan Anthony: the context of life and church service]. In: *Dukhovnoe nasledie mitropolita Antonii Surozhskogo. Materialy Pervoi mezhdunarodnoi konferentsii 28–30 sentiabria 2007 g.* Moscow, 2008. Pp. 48–58. (In Russ.)
- Likvintseva N.V. “Vse chelovechestvo — edinyi, sil’nyi potok zhizni”: mitropolit Antonii Surozhskii o sposobnosti cheloveka byt’ zhivym [“All of humanity is a single, powerful stream of life”: Metropolitan Anthony of Sourozh on the

- ability of human to be alive]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2013, no. 4, pp. 118–134. (In Russ.)
- Likvintseva N. V. Arkhimandrit Lev (Zhille) v kontekste istorii russkogo zarubezh'ia [Archimandrite Lev (Zhille) in the context of the history of the Russian diaspora]. *Ezhegodnik Doma Russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2018, no. 8, pp. 117–151. (In Russ.)
- Mikhailov P. B. Bogoslovskii metod vладыki Antoniiia [Theological method of bishop Anthony]. In: *Chelovek v bogoslovii mitropolita Antoniiia Surozhskogo: Doklady Vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii 11–13 sentiabria 2009 g. Moskva*. Moscow, 2013. Pp. 71–85. (In Russ.)
- Novikova E. G. F. M. Dostoevskii i kniga S. N. Bulgakova “Filosofia khozyaistva” [Dostoevsky and S. N. Bulgakov’s book “Philosophy of Economy”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, no. 4 (20), pp. 81–86. (In Russ.)
- Paiman A. *Mitropolit Antonii Surozhskii. Zhizn'* [Metropolitan Anthony of Sourozh. Life]. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.)
- Saraskina L. I. “Nametiv podkhodiashchuiu zhertvu...” Standarty interpretatsii [“Having identified a suitable victim...” Standards of interpretation]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*: almanac, no. 27. Saint Petersburg, 2010. Pp. 231–246. (In Russ.)
- Sedakova O. A. O Vladyke Antonii Mitropolite Surozhskom [On the bishop Anthony of Sourozh]. In: Sedakova O. A. *Sobranie sochinenii*: in 4 vols., vol. IV: Moralia. Moscow, 2010. Pp. 836–851. (In Russ.)
- Shmaina-Velikanova A. I. Nasilie i zhertva v bogoslovii mitropolita Antoniiia [Violence and victim in the theology of metropolitan Anthony]. In: *Chelovek v bogoslovii mitropolita Antoniiia Surozhskogo: Doklady Vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii 11–13 sentiabria 2009 g. Moskva*. Moscow, 2013. Pp. 86–102. (In Russ.)
- Vakulenko N. S. Metodologiya mitropolita Surozhskogo Antoniiia (Bluma) [Methodology of Metropolitan Anthony (Blum) of Sourozh]. *Khristianskoe chtenie*, 2016, no. 3, pp. 128–148. (In Russ.)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Л. ФОКИН*

ORCID ID: 0000-0003-4853-985X

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР ЧИТАЕТ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье рассматриваются автобиографические, мемуарные и эпистолярные источники, контекстно-исторический анализ которых позволяет утверждать, что М. Хайдеггер с самого начала творческого пути оставался прилежным читателем сочинений Ф.М. Достоевского. Сближаясь с русским писателем отнюдь не на почве антисемитизма или консервативной революции, как это утверждается в новейших исследованиях европейских ученых, немецкий мыслитель ценил его устремленность к укорененности в родной почве, напряженное внимание к малой и большой родине. В статье делается вывод, что именно культ родного края (*Heimat*) становится краеугольным камнем критики нигилизма, которую предпринимает Хайдеггер, опираясь на Достоевского.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, рецепция Достоевского в Германии, консервативная революция, антисемитизм, нигилизм, философия и литература.

S. FOKIN

MARTIN HEIDEGGER READS DOSTOEVSKY

Annotation: The article deals with autobiographical, memoir and epistolary sources, the contextual and historical analysis of which allows us to assert that M. Heidegger remained a diligent reader of F.M. Dostoevsky's works from the very beginning of his creative path. Approaching the Russian writer not at all on the basis of anti-Semitism or conservative revolution, as it is claimed in the latest studies of European scholars, the German thinker appreciated his aspiration to rootedness in his native soil, intense attention to small and large homeland. The article concludes that it is the cult of the native land (*Heimat*) that becomes the cornerstone of Heidegger's critique of nihilism, based on Dostoevsky.

---

* Сергей Леонидович Фокин, д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН; Sergey Leonidovich Fokin, Dr. of Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, St. Petersburg State University of Economics, Senior Researcher at IMLI RAS. serge.fokine@yandex.ru

Key words: M. Heidegger, reception of Dostoevsky in Germany, conservative revolution, antisemitism, nihilism, philosophy and literature.

I

До последнего времени имя Достоевского нечасто появлялось в исследованиях трудов и дней М. Хайдеггера (1889–1976). Вплоть до выхода «Черных тетрадей» (2014–2018, соответственно 94–98-го томов полного собрания сочинений — Gesamtausgabe) комментаторы насчитали четыре упоминания русского писателя в изданных текстах немецкого мыслителя². Развернутая цитата из «Объяснительного слова» к Пушкинской речи встречается в самом начале курса «Ницше: европейский нигилизм» (1940). Представляя генеалогию понятия «нигилизм» в европейской культуре, немецкий философ замечал: «Слово “нигилизм” — это название, пущенное в оборот русским *Тургеневым*, от латинского nihil = ничто, для воззрения, согласно которому реально только то, что доступно чувственному восприятию, т. е. самоопытное сущее и ничего более. <...> С этим следует сравнить “Объяснительное слово” *Достоевского* к Пушкинской речи (1880) <...>; оно гласит»³: «Собственно же в речи моей я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России. 1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе» (26, 129–130).

Разумеется, Хайдеггер читает своим студентам немецкий перевод текста Достоевского из 12-го тома легендарного полного собрания сочинений русского писателя. Напомним, что в 1905–1906 гг. по инициативе воспитанников в Лифляндской губернии сестер Люси и Лесс (Элизабет) Кэррик в Германии было предпринято беспрецедентное издание полного собрания сочинений Достоевского в немецком переводе,

² Jaran F., Perrin Ch. The Heidegger concordance. London, 2013.

³ Heidegger M. Nietzsche: Der europäische nihilismus // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 48. Frankfurt am Main, 1986. Имеющийся русский перевод этого текста, выполненный В. В. Библиным, сделан с позднейшего переиздания курса в 1961 г., в которое философ внес определенные изменения, указав, в частности, на немецкие источники в генеалогии понятия (Якоби, Жан Поль): *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм / пер. В. В. Библина // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 63.

возглавленное выдающимся немецким литератором Артуром Меллер ван ден Бруком и активно поддержанное Д. С. Мережковским и Д. В. Filosoфовым⁴. «Полное собрание сочинений Достоевского завершается публикацией “Подростка” (1915) и тома “Автобиографических материалов” (1919)»⁵. Как это ни парадоксально, но именно война с Россией способствовала нарастанию общего внимания немецких читателей 1910–1920-х гг. к русской литературе и, в частности, к романам Достоевского, правда, отнюдь не меньшее влияние на активизацию рецепции творчества русского писателя было оказано революционными бурями начала века. Так или иначе, но ссылка на Пушкинскую речь в курсе 1940 года может рассматриваться как первый наглядный знак внимания Хайдеггера к творчеству русского писателя.

Как уже было сказано, до последнего времени имя Достоевского редко возникало в исследованиях жизни и творчества Хайдеггера. Ситуация резко изменилась с публикацией «Черных тетрадей» — частных «размышлений» и «примечаний» 1932–1946 гг., которые философ завещал предать печати лишь после окончания работ по изданию полного собрания сочинений. В результате столь эффективного посмертного жеста опубликованные ранее тексты Хайдеггера были поставлены под вопрос и потребовали в свете обнародованных откровений новых толкований и переоценки. Проблема усугубляется тем, что в «Черных тетрадях» открывается доступ не только к потаенной творческой мастерской философа, но и к текущим заметкам на злобу дня: учреждение и крах III Рейха, Вторая мировая война и оккупация Германии, чистки в немецких университетах и «еврейский вопрос», послевоенная Европа и роль России в новом миропорядке. Если диалог с французской интеллектуальной традицией был столь важен и столь очевиден в философском становлении Хайдеггера, что его почти всерьез называли французским философом, то особое отношение к России открылось именно в «Черных тетрадях», а также в опубликованных в последнее время эпистолярных и мемуарных источниках. Так, например, из воспоминаний Карла Лёвита, который был одним из учеников Хайдеггера во Фрайбурге в начале 1920-х гг., до нас дошла такая красноречивая деталь: «С этого фрайбургского времени я до сих пор помню, как видел портреты Паскаля и Достоевского на его рабочем столе, а в углу комнаты, похожей на келью, висело экспрессионистское распятие»⁶. Подчеркнем, что особое место России в мысли Хайдеггера подтверждается и оперативным русским переводом «Черных тетрадей» (2016–2018),

---

⁴ Романова Г. Судьба первого немецкоязычного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 190–193.

⁵ Дудкин В., Азадовский К. Достоевский в Германии (1846–1921) // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М., 1973. С. 697.

⁶ Löwith K. Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933. Ein Bericht. Stuttgart — Weimar, 2007. S. 31.

и выходом в свет коллективной монографии «Хайдеггер, “Черные тетради” и Россия»⁷.

Именно в последней работе появилась статья французского философа Э. Фая «Хайдеггер и Россия. От консервативной революции ко Второй мировой войне», начальный раздел которой озаглавлен «Хайдеггер, читатель Достоевского»: он представляет собой первый опыт обсуждения на русском языке восприятия творчества русского писателя немецким философом⁸. Следует уточнить, что статья Фая увидела свет по-французски в 2017 г., но в русском издании коллективной монографии якобы по недосмотру редакции (?) была опубликована более ранняя версия этой работы 2015 г., которая, по уверению автора, впоследствии была исправлена и дополнена для публикации на французском языке: «К настоящему моменту мы полностью пересмотрели этот вопрос, исходя из писем Хайдеггера к его жене Эльфриде, признанию, сделанному Ф. де Товарниcki и наших собственных изысканий относительно Артура Меллер ван ден Брука и консервативной революции»⁹. Так или иначе, но и в русских, и во французской версиях этой работы присутствует несколько несообразностей, объясняющихся невниманием современного французского философа к немецкому и русскому контекстам творчества Достоевского. Тем не менее несомненным достоинством этой работы является указание на другие источники, свидетельствующие об интересе Хайдеггера к творчеству Достоевского: переписка с Эльфридой и беседа с Ф. де Товарниcki, одним из пионеров французского хайдеггеризма.

Судя по всему, самое первое упоминание имени Достоевского встречается в письме Хайдеггера к Эльфриде от 28 августа 1918 г., когда молодой немецкий философ проходит военную службу в метеорологическом отделении неподалеку от Вердена: «И потом будь так любезна справиться, существует ли издание “Братьев Карамазовых” Достоевского — здесь книги отлично хранятся»¹⁰. Уже этот вопрос, который задается солдатом, принимающим участие в Великой войне, пусть и не на переднем крае, позволяет усомниться в трактовке французского философа Э. Фая, объясняющего интерес Хайдеггера к Достоевскому в основном через «Дневник писателя», по его мнению, «не лишнего

---

⁷ Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. М., 2018.

⁸ Фай Э. Хайдеггер и Россия. От консервативной революции ко Второй мировой войне // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия. С. 329–362.

⁹ Faye E. Heidegger et la Russie: de la révolution conservatrice à la Seconde Guerre mondiale // Sens public. 2017. <https://doi.org/10.7202/1048862ar>

¹⁰ Heidegger E. & M. “Mein liebes Seelchen!” Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride. München, 2005. Здесь цитируется по французскому изданию: “Ma chère petite âme”. Lettres de Martin Heidegger à sa femme Elfride / édité par G. Heidegger; traduit par M.-A. Mailet. Paris, 2007. P. 111.

националистических и антиеврейских тонов»¹¹. Напротив, интерес к «Братьям Карамазовым» свидетельствует скорее о том, что следует считать активным «модернистским настроем» мышления философа: Достоевский в моде в воюющей Германии, а Хайдеггер с самого начала творческого пути отличается напряженным вниманием к актуальной литературе. Уже в первой публикации Хайдеггера-студента сказывается эта критическая открытость ко всему новому: «В наши дни много говорится о “личности”». И философы находят новые ценностные понятия. Помимо критического, морального, эстетического суждений, они оперируют “ценностью личности”, особенно в литературе. Личность художника выходит на первый план. Вот почему вы много слышите об интересных людях. О. Уайльд — денди, П. Верлен — “гениальный пьяница”, М. Горький — великий бродяга, сверхчеловек Ницше — все это интересные люди»¹². Несмотря на критический настрой, замечание указывает нам на круг чтения молодого философа, отнюдь не чуждого новейшим веяниям в европейской литературе. Со временем в этот круг входит Достоевский. Позднее, в предисловии к первому изданию «Ранних сочинений», Хайдеггер так писал об этой эпохе: «О том, что принесли волнующие годы между 1910 и 1914, невозможно рассказать, укажу лишь на некоторые моменты: второе, увеличенное вдвое, издание “Воли к власти” Ницше, перевод произведений Кьеркегора и Достоевского, пробуждающийся интерес к Гегелю и Шеллингу, поэзия Рильке и стихи Тракля, “Собрание сочинений” Дильтея»¹³.

Следующее упоминание имени Достоевского встречается в письме к Эльфриде от 27 октября 1918 г. (в 2 часа ночи), также написанном с фронта; оно вновь свидетельствует о том, что интерес Хайдеггера отнюдь не сводился к политическому или тем более антисемитскому аспектам мысли русского писателя. Судя по всему, супруга, которая, следует думать, тоже тогда взялась читать Достоевского, поделилась в своем письме размышлениями об особой трактовке темы сострадания в творчестве русского писателя (письмо Эльфриды не сохранилось). Философ немедленно откликнулся: «Что касается проблемы сострадания, которую ты прочувствовала у Достоевского как нечто основополагающее, поговорим об этом в другой раз»¹⁴. Здесь не место, чтобы останавливаться на подробной характеристике той роли, которую Эльфрида сыграла в духовном становлении Хайдеггера; заметим лишь, что девушка, с которой начинающий философ связал свою жизнь, была одной из самых образованных молодых особ в консервативной Германии того

¹¹ Фай Э. Хайдеггер и Россия. С. 331.

¹² Heidegger M. Per mortem ad vitam (Gedanken über Jörgensen “Lebenslüge und Lebenswahrheit”) (März 1910) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16. Frankfurt am Main, 2000. S. 3.

¹³ Heidegger M. Vorwort zur ersten Ausgabe der “Frühen Schriften” (1972) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1978. S. 56.

¹⁴ “Ma chère petite âme”. Lettres de Martin Heidegger à sa femme Elfride. P. 128.

времени. Прочитируем новейшую биографию мыслителя: «В 1915 году она поступила во Фрайбургский университет, чтобы изучать политическую экономию, особенно ее волновали вопросы, связанные с местом женщины в современном обществе. Это был совершенно исключительный маршрут для немецкой женщины того времени, который к тому же был связан с необыкновенной географической мобильностью, не имевшей ничего общего с ситуацией Хайдеггера, остававшегося долгое время на юго-западе Германии, потом из Месскирха перебравшегося в Констанц, затем во Фрайбург. Эльфрида знала как северную, так и южную Германию, повидав столь несхожие города, как Лайсниц, Хемниц, Висбаден, Киль, Берлин, Кассель, Фрайбург. К этим перемещениям по Империи, связанным с образованием, добавлялись поездки за границу скорее личного плана: зимой 1907–1908 годов она побывала в Ницце, где изучала французский язык, в то время как ее отец поправлял там свое здоровье; летом 1908 года она ездила в Лондон, где на курсах совершенствовала свой английский, после чего путешествовала по Англии и Уэльсу»¹⁵. Независимая, образованная, всецело открытая всему современному, включая известную свободу нравов, Эльфрида вместе с тем сохраняла вековые предрассудки благополучной прусской буржуазной среды, которым до поры до времени Хайдеггер — сын сельского бочара и ризничего, оставался чужд: бытовой антисемитизм, воинственный национализм, политический консерватизм.

Последнее упоминание имени Достоевского в письмах Хайдеггера к Эльфриде встречается в письме от 28 июля 1920 г., написанном из родного Месскирха: «Здесь, на высотах, достаточно свежо — зато есть все, что нужно для нашего дьяволенка (старшего сына Йорга. — С. Ф.) — я очень рад снова увидеть этот край, луга и поля, и мало-помалу начинаю испытывать, что значит быть укоренным в почве — я это по-настоящему осознал лишь благодаря Достоевскому, и очень сильно ощущаю контраст с такими людьми... что живут лишь отношениями»¹⁶. Как можно убедиться, в этом суждении нет даже намек на антисемитизм, зато есть указание на то, что одно из ключевых понятий философии Хайдеггера восходит — среди прочих источников — к заветным мыслям Достоевского: «Лишь из укоренения при-сутствия во временности становится видна экзистенциальная *возможность* феномена, который в начале аналитики присутствия мы отметили как его основоустройство: *бытия-в-мире*»¹⁷. Стремление к укорененности в родной почве, напряженное внимание к малой и большой родине — вот что схватывает молодой Хайдеггер в размышлениях Достоевского. Разумеется, этот культ родного края (Heimat) становится краеугольным камнем критики нигилизма, что и объясняет появление цитаты из Достоевского в курсе

¹⁵ Payen G. Martin Heidegger. Catholicisme, révolution, nazisme. Paris, 2014. P. 111.

¹⁶ “Ma chère petite âme”. Lettres de Martin Heidegger à sa femme Elfride. P. 128.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М., 1997. С. 351.

о Ницше и европейском нигилизме. Более того, не что иное, как культ русской литературы (Горький, Гончаров, Толстой) наряду с позднейшим культом французской поэзии (А. Рембо, Р. Шар), равно как, например, и восторженное восприятие «Бродячей жизни» К. Гамсуна, придают мировоззрению немецкого философа поистине европейское или даже космополитическое измерение, которое неизменно будет препятствовать редукации его позиции к элементарному национализму или, тем более, к радикальному антисемитизму, что происходит в последнее время в угоду сложившейся политической конъюнктуре.

III

Разумеется, не стоит преувеличивать значения нескольких спорадических высказываний философа, особенно на фоне той громады текстов, что образована основным корпусом его сочинений, университетских курсов, публичных выступлений, к этому времени составивших около 100 томов, к которым в последние годы добавляются все новые тома переписки с современниками — с Х. Арндт, Э. Гуссерлем, Э. Юнгером, К. Ясперсом и др. Хайдеггер остается немецким мыслителем, который как никто до него и как никто после него выстраивал свою философию в ответственном диалоге с античной, средневековой, классической и новейшей традициями философской мысли. Правда, не стоит недооценивать и того, что сила, могущество, авторитет его философии определялись — помимо прочих факторов — своеобразным использованием немецкого языка, которое во многом было обусловлено немецкой поэтической традицией — Гёльдерлин, Ницше, Рильке, Трагль. Как нельзя более выразительно сказал об этом французский писатель М. Бланшо: «Остается — мы все это чувствуем — что в Хайдеггере, возможно, не столько через характер его утверждений, сколько через раскрывающую силу его языка нечто совершенно другое сказывается и вступает в игру. Ибо он, быть может, по существу писатель. Вот почему нелегко решить (если сказать это на его собственном языке), “стихотворит ли он мышлением или мыслит стихотворно”. Отсюда одиночный смысл его появления; отсюда умственная дружба, которой мы ему обязаны»¹⁸. Полагаю, что последняя формулировка — «умственная дружба» — более всего подходит для характеристики отношения Хайдеггера к Достоевскому; впрочем, сам он признавался в беседе с Ф. де Товарницки в 1945 г., что «в юности был прилежным читателем Достоевского и с тех пор никогда не прекращал его читать»¹⁹.

¹⁸ Blanchot M. Lettre sur Heidegger // Philosophie. 2021. No. 4 (151). P. 7–8.

¹⁹ Towarnicki Fr. de. À la rencontre de Heidegger. Souvenirs d'un messager de la Forêt-Noire. Paris, 1993. P. 44.

Библиографический список

- Дудкин В., Азадовский К. Достоевский в Германии (1846–1921) // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 659–740.
- Романова Г. Судьба первого немецкоязычного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 190–193.
- Фай Э. Хайдеггер и Россия. От консервативной революции ко Второй мировой войне // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. М., 2018. С. 329–362.
- Хайдеггер М. Европейский нигилизм / пер. В. В. Биbihина // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 63–176.
- Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Биbihина. М., 1997. 451 с.
- Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. М., 2018. 368 с.
- Blanchot M. Lettre sur Heidegger // *Philosophie*. 2021. No. 4 (151). P. 7–8.
- Faye E. Heidegger et la Russie: de la révolution conservatrice à la Seconde Guerre mondiale. Sens public. 2017. <https://doi.org/10.7202/1048862ar>
- Heidegger M. Vorwort zur ersten Ausgabe der “Frühen Schriften” (1972) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1978. S. 55–57.
- Heidegger M. Nietzsche: Der europäische nihilismus // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 48. Frankfurt am Main, 1986. 356 S.
- Heidegger M. Per mortem ad vitam (Gedanken über Jörgensen “Lebenslüge und Lebenswahrheit”) (März 1910) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16. Frankfurt am Main, 2000. S. 3–5.
- Heidegger E. & M. “Mein liebes Seelchen!” Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride. München, 2005. 348 S.
- “Ma chère petite âme”. Lettres de Martin Heidegger à sa femme Elfride / Édité par G. Heidegger; traduit par M.-A. Mailet. Paris, 2007. 524 p.
- Jaran F., Perrin Ch. The Heidegger concordance. London, 2013. 1488 p.
- Löwith K. Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933. Ein Bericht. Stuttgart — Weimar, 2007. 160 S.
- Payen G. Martin Heidegger. Catholicisme, révolution, nazisme. Paris, 2014. 682 p.
- Towarnicki Fr. de. À la rencontre de Heidegger. Souvenirs d’un messager de la Forêt-Noire. Paris, 1993. 336 p.

References

- Blanchot M. Lettre sur Heidegger. *Philosophie*, 2021, no. 4 (151), pp. 7–8. (In French)
- Dudkin V., Azadovskii K. Dostoevskii v Germanii (1846–1921) [Dostoevsky in Germany (1846–1921)]. In: *F. M. Dostoevskii: novye materialy i issledovaniia*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 659–740. (In Russ.)
- Faye E. *Heidegger et la Russie: de la révolution conservatrice à la Seconde Guerre mondiale*. Sens public. 2017. <https://doi.org/10.7202/1048862ar> (In French)

- Faye E. Haidegger i Rossiia. Ot konservativnoi revoliutsii ko Vtoroi mirovoi voine [Heidegger and Russia: From the Conservative Revolution to the Second World War]. In: *Heidegger, "Chernye tetradi" i Rossiia*, eds. M. Lariuel', E. Faye; sci. ed. of transl. M. Maiatskii. Moscow, 2018. Pp. 329–362. (In Russ.)
- Heidegger M. Evropeiskii nigilizm [European nihilism], transl. V.V. Bibikhin. In: Heidegger M. *Vremia i bytie. Stat'i i vystupleniia*. Moscow, 1993. Pp. 63–176. (In Russ.)
- Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and time], transl. V.V. Bibikhin. Moscow, 1997. 451 p. (In Russ.)
- Heidegger, "Chernye tetradi" i Rossiia [Heidegger, "Black Notebooks" and Russia], eds. M. Lariuel', E. Fai; sci. ed. of transl. M. Mayatskii. Moscow, 2018. 368 p. (In Russ.)
- Heidegger M. Vorwort zur ersten Ausgabe der "Frühen Schriften" (1972). In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*, Bd. 1. Frankfurt am Main, 1978. S. 55–57. (In Germ.)
- Heidegger M. Nietzsche: Der europäische nihilismus. In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Bd. 48. Frankfurt am Main, 1986. S. 340 (In Germ.)
- Heidegger M. Per mortem ad vitam (Gedanken über Jörgensen "Lebenslüge und Lebenswahrheit") (März 1910). In: Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Bd. 16. Frankfurt am Main, 2000. S. 3–5. (In Germ.)
- Heidegger E. & M. "Mein liebes Seelchen!" *Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride*. München, 2005. 248 S. (In Germ.)
- Jaran F., Perrin Ch. *The Heidegger concordance*. London, 2013. 1488 p.
- Löwith K. *Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933. Ein Bericht*. Stuttgart — Weimar, 2007. 160 S. (In Germ.)
- "Ma chère petite âme". *Lettres de Martin Heidegger à sa femme Elfride*, édité par G. Heidegger; traduit par M.-A. Maillat. Paris, 2007. 524 p. (In French)
- Payen G. *Martin Heidegger. Catholicisme, révolution, nazisme*. Paris, 2014. 682 p. (In French)
- Romanova G. Sud'ba pervogo nemetskoiazynchnogo sobraniia sochinenii F.M. Dostoevskogo [The fate of the first German-language collection of works by F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 2, pp. 190–193. (In Russ.)
- Towarnicki Fr. de. *À la rencontre de Heidegger. Souvenirs d'un messenger de la Forêt-Noire*. Paris, 1993. 336 p. (In French)

С. С. БЫТКО *

ORCID ID: 0000-0003-0642-6363

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ПРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о восприятии Ф. М. Достоевским революционно-демократических идей XIX столетия в контексте проблематики религиозного инакомыслия. Устанавливаются факторы, роднящие почвеннические воззрения Достоевского с мировоззрением русских старообрядцев, а также причины его критики данной этноконфессиональной группы. Анализируются мотивы участия староверов в антиправительственных выступлениях XVIII–XIX вв. Делается вывод, что Ф. М. Достоевский не рассматривал староверие в качестве значимого фактора антигосударственных протестов, полагая, что старообрядчество выступало лишь духовным символом народных восстаний. Выдвигается гипотеза, что подлинным проводником революционных настроений в народной среде, на взгляд Достоевского, являлись разнообразные сектантские деноминации. Выявляются общие ментальные сходства таких художественных категорий в творчестве классика, как атеизм, наполеонизм, сектантство и несвобода личности.

Ключевые слова: Достоевский, нигилизм, революция, атеизм, старообрядцы, раскол, сектантство, Наполеон, почвенничество, единоверие.

SERGEY S. BYTKO

REFLECTIONS ON THE REVOLUTIONARY POTENTIAL OF THE OLD BELIEVERS IN THE MORAL PHILOSOPHY OF DOSTOEVSKY

Annotation: The article deals with the question of F. M. Dostoevsky's perception of the revolutionary democratic ideas of the 19th century in the context of the problems of religious dissent. The factors that related Dostoevsky's *pochvennicheskie* views with the worldview of the Russian Old Believers, as well as the reasons that caused the writer's criticism of this ethno-confessional

---

* Сергей Станиславович Бытко, аспирант Нижневартковского государственного университета; Sergey S. Bytko, Postgraduate Student, Nizhnevartovsk State University. labarum92@rambler.ru

group, are established. The reasons for the participation of Old Believers in anti-government protests of the 18th–19th centuries are analyzed. It is concluded that F. M. Dostoevsky did not consider Old Believers as a significant factor in anti-state protests, believing that Old Believers acted only as a spiritual symbol of popular uprisings. The hypothesis is put forward that, in Dostoevsky's opinion, various sectarian denominations were the real conductor of revolutionary sentiments among the people. The general mental similarities of such artistic categories in the classic's work as atheism, Napoleonism, sectarianism and personal unfreedom are revealed.

Key words: Dostoevsky, nihilism, revolution, atheism, Old Believers, schism, sectarianism, Napoleon, *pochvennichestvo*, *edinoverie*.

Творчество Ф. М. Достоевского оказало колоссальное влияние на развитие мировой литературы, философии, богословия и теории искусства. Однако, кроме сугубо художественной деятельности, классика также заботили мысли об исторической судьбе России, ее настоящем и будущем. Как показывает изучение общественно-политической полемики XIX в., к позиции Достоевского по социально значимым вопросам прислушались многие его современники из числа творческой и интеллектуальной элиты России. Идеи почвенничества, в разработку которых внес немалую лепту Федор Михайлович, были восприняты такими видными публицистами той эпохи, как А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский. Однако в пору своей зрелой литературной деятельности Достоевский был вынужден сталкиваться и с острой критикой со стороны той части интеллигенции, которая принадлежала к революционно-демократическому лагерю отечественных мыслителей. Революция осмыслялась писателем в контексте христианской идеи, а политическая реальность оказывалась неразрывно связана с вопросами религиозной этики. Прямо или опосредованно тема губительности радикальных общественных преобразований рассматривалась Достоевским в произведениях «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы».

Значительное внимание в своем творчестве Федор Михайлович уделял старообрядчеству. Русские раскольники на протяжении всего творческого пути писателя вызвали у него весьма смешанные чувства. Будучи усердными хранителями отеческих заветов, поборниками идеалов допетровской Руси и неутомимыми искателями правды Божией, готовыми пострадать за свои вероисповедные принципы, староверы не могли не вызывать восхищения у Достоевского. Неортодоксальность религиозных взглядов самого писателя, а также заметное взгляду каждого современника несоответствие реальной жизни синодальных иерархов нравственному примеру Христа укрепляли Достоевского в мысли о том, что истину следует искать не в узких рамках официального церковного богословия¹.

---

¹ *Бытко С. С.* Проблемы восприятия единоверия в контексте эстетики страдания Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 229.

Вместе с тем классик был далек и от идеализации старообрядчества. Так, Федор Михайлович упрекал «ревнителей древнего благочестия» за ту фанатичную озлобленность, с которой, по его мнению, исповедовали учение Христа лидеры старообрядческого протеста. Писатель негативно оценивал слепое следование «старолюбцев» букве закона, строго регламентировавшего обрядовые практики, но оставлявшего без должного внимания нравственный облик своих апологетов: «...хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени» (4, 34). От старOVERия Достоевского отворачивала и та отчужденность, с которой последователи этого движения относились не только к остальному русскому «нераскольничьему» народу, но даже к собственным единоверцам из числа представителей иных толков и согласий².

Неудивительно, что тема революционного народничества в сознании великого писателя зачастую пересекалась с проблематикой церковного раскола. Достоевский стремился указать путь нравственного преобразования общества, который в положительную сторону изменил бы быт и нравы русского народа, однако исключил насильственную революцию и кровопролитный политический террор. Поэтому некоторых бывших приверженцев старообрядчества Достоевский осмыслял как лучших представителей русского народа, способных своим жизненным примером сформировать христианский идеал новой эпохи и привести страну к духовному единению.

Известно, что одной из ключевых идей в философии почвенничества стало воссоединение оторвавшейся от народной среды образованной интеллигенции с жизненными идеалами рядового русского населения. Так, классовую разделенность общества и неутраченные споры внутри интеллектуальной элиты страны Достоевский называл не иначе, как «отпетым старOVERством»³. Сочувствуя угнетенному положению старообрядцев, Федор Михайлович тем не менее упрекал современных ему раскольников в том, что их идеология, базировавшаяся на нетерпимости и изоляционизме от остального русского народа, внесла немалый вклад в усугубление религиозных противоречий в обществе и отвратила от «народного православия» многих светских и церковных деятелей того времени.

Исследователи замечают, что старообрядчество уже на заре формирования русской революционной мысли становится предметом пристального интереса со стороны оппозиционно настроенных кругов российского общества. Согласно Л.Н. Цой, быт и нравы старOVERов

---

² *Бытко С.С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф.М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2017. Вып. 1. С. 7.

³ *Кирпотин В.Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 17.

положительно оценивали еще сосланные на поселение в Сибирь декабристы⁴. Ф. Ф. Болонев уточняет, что идеализация старообрядческого жизненного уклада участниками восстания на Сенатской площади была обусловлена их стремлением показать, что русское крестьянство, освобожденное от оков крепостной зависимости, способно к деятельному труду и устройению зажиточных хозяйств, служащих как общественному благосостоянию, так и государственному благополучию⁵.

С. Д. Снигирева отмечает, что и кружок петрашевцев усматривал в староверах потенциал к выступлению против действующих властей. Так, сам М. В. Буташевич-Петрашевский считал, что в результате вековых притеснений старообрядцы всегда готовы к «ужасной жакерии»⁶. В качестве аргумента мыслитель ссылаясь на раскольников, принявших в 1770-х гг. участие в восстании под предводительством Емельяна Пугачева. Известно также, что другой петрашевец А. В. Ханыков, с которым Достоевский был знаком еще по кружку Бекетовых, обсуждал революционный потенциал раскола с Н. Г. Чернышевским и даже намеревался вести пропаганду в среде «старолюбцев»⁷.

Однако, несмотря на то что еще в «петрашевские» годы Ф. М. Достоевский задумывался о сближении с «ревнителыми старины», привлекавшими демократически ориентированную интеллигенцию своими способностями к автономии и самоорганизации, писатель не разделял намерения других членов кружка вовлечь старообрядцев в антиправительственный протест⁸. По всей видимости, это представлялось Федору Михайловичу не иначе как очернением искреннего порыва общественных низов к свободе и попыткой революционной интеллигенции играть на наивности русского простонародья. Столь же скептически писатель относился и к намерениям других видных демократов заручиться поддержкой раскольников (В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина) (12, 179).

Вместе с тем в своих произведениях Федор Михайлович не раз прямо или косвенно указывал на видимые сходства в мироощущении староверов и революционных деятелей. Так, по возвращении из Сибири писатель начинает усматривать в революционной среде черты, отталкивавшие его прежде от некоторых «религиозных вольнодумцев»,

---

⁴ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 14.

⁵ Болонев Ф. Ф. Декабристы о семейских — староверах Забайкалья // Старовер.net: интернет-портал. URL: http://wiki.starover.net/index.php?title=Декабристы_о_семейских_-_старообрядцах_Забайкалья (дата обращения: 03.12.2022).

⁶ Снигирева С. Д. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Русская литература. 2019. № 4. С. 88.

⁷ Снигирева С. Д. Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. С. 17.

⁸ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 16–17, 28, 39–40.

а именно — нетерпимость, радикализм и неспособность даже к малейшим компромиссам. Примечательно, что И.П. Липранди, непосредственно стоявший за раскрытием и осуждением кружка петрашевцев (в результате чего Достоевский был приговорен к каторге и на десять лет оторвался от петербургской литературной среды), будучи специалистом по расколу и скопчеству, также имел отношение к обличению некоторых «зловредных сект», в том числе небезызвестного общества Е.Ф. Татариновой, удостоенного Достоевским нескольких заметок в журнале «Дневник писателя»⁹.

Подчеркивая, к каким негативным последствиям может привести человека фанатическая приверженность ложным убеждениям, Ф.М. Достоевский проводит ряд параллелей между социалистической мыслью 1860-х гг. и убеждениями порожденных народной средой «искателей религиозной истины», интерес к которым со стороны творческой общественности заметно возрастает в этот период. Исследователи отмечают типологическое сходство Нового Иерусалима, о построении которого грезит нигилист Раскольников, со старообрядческими легендами о грядущем обретении Беловодья¹⁰.

Наряду с этим ментальная связь инаковерия с представителями революционного подполья наблюдается в образе «бегуна» Миколки, единоверцы которого, по словам пристава Порфирия Петровича, стремятся «страдание <...> принять, а от властей — так тем паче» (6, 348). Следует отметить, что красильщик Николай Дементьев, следуя методу М.М. Бахтина, выступает в произведении Достоевского не иначе как «двойником» Раскольникова, развенчивающим пороки и обновляющим личность протагониста¹¹. К теме связи революции с нетрадиционными верованиями Федор Михайлович обращается и в работе над романом «Атеизм» («Житие великого грешника»), где потерявший веру в Бога и охваченный духовными поисками герой «шныряет по новым поколениям, по атеистам, <...> по русским изуверам и пустынножителем, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины...» (15, 116).

Попытки атеистически настроенных выходцев из революционной среды сблизиться со староверами демонстрируют нам и подготовительные материалы к роману «Бесы», где Нечаев (персонаж, послуживший прообразом Петра Верховенского) «лопается с раскольников». Примечательно, что Федор Михайлович намеревался описать характеры

---

⁹ Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 2018. С. 320–321, 323.

¹⁰ Цой Л.Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф.М. Достоевского. С. 33, 60.

¹¹ Подосокорский Н.Н. Отечественная война 1812 года в творчестве Ф.М. Достоевского // История: научно-образовательный журнал. 2013. Т. 4. Вып. 1 (17). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s20798784000011-1-2/> (дата обращения: 19.03.2021).

задуманных, но так и не получивших воплощение в финальной версии произведения «религиозных вольнодумцев», опираясь на «Записки из Мертвого дома», а именно — продемонстрировать читателю суровых, надменных и заносчивых отрицателей, наравне с государством презирающих и окружающее их общество (11, 234).

В других набросках к роману Достоевский кратко упоминает о встрече Нечаева с Голубовым и намерении нигилиста организовать тайную вольную старообрядческую типографию (12, 179). Нет сомнений в том, что данный сюжет стал бы аллюзией на основанную в Лондоне Вольную русскую типографию, а также на попытки ее основателей и сотрудников (А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.И. Кельсиева) сблизиться с зарубежными и российскими раскольниками. Показательно, что идею пропаганды революционных идей в среде инаковерцев Достоевский вкладывает в уста Петра Верховенского, которого считает не иначе как сумасбродом и представляет преимущественно в сатирическом ключе¹².

Несостоятельность идеи вовлечения «ревнителю древлего благочестия» в оппозиционную деятельность Достоевскому продемонстрировал случившийся за несколько лет до выхода романа демарш В.И. Кельсиева, отрекшегося от революционных идей и сдавшегося царским властям. Известно, что Кельсиев начиная с 1863 г. переживал острый духовный кризис, связанный с разочарованием в подрывной деятельности против российского правительства, которой он отдал несколько лет своей жизни. Так, несмотря на присутствие в рядах староверов отдельных деятелей, готовых к сотрудничеству с лондонским кружком, подавляющая масса раскольников весьма холодно встречала революционную агитацию эмигрантов, не желая идти по пути насильственного уничтожения общественного неравенства (12, 180).

После ряда скоропостижных смертей членов семьи Кельсиева (в 1864–1865 гг. Василий Иванович теряет жену, брата и двух своих детей) апатия революционера усиливается, ввиду чего в 1867 г. он возвращается в Россию и получает полное прощение от Александра II. Достоевский положительно оценивал раскаяние Кельсиева и его воссоединение с родной землей¹³. «Исповедь» Кельсиева и другие консервативные публицистические сочинения последних лет его жизни были также весьма благожелательно встречены в среде мыслителей охранительного толка.

Судьба В.И. Кельсиева оказала непосредственное влияние на формирование в романе «Бесы» литературного образа Ивана Шатова. Подобно пережившему экзистенциальный кризис и духовно

---

¹² Снигирева С.Д. Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф.М. Достоевского. С. 18.

¹³ Снигирева С.Д. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». С. 88.

обновившемуся Раскольникову, бывший крепостной Шатов приходит к разрыву с революционным подпольем и воссоединению с народной средой, что воплощается в призывах Ивана Павловича к Ставрогину «целовать землю» (12, 232). Крайне символично, что именно персонаж Шатова, имевший непосредственную связь с русской *почвой*, должен был стать жертвой революционного террора, проводники которого утверждали, что действуют от имени народа¹⁴.

Большое влияние на складывание общественно-политического облика Раскола в глазах Достоевского имели также труды А. П. Шапова. Согласно Афанасию Прокофьевичу, очерки которого публиковались в журнале Ф. М. и М. М. Достоевских «Время», старообрядчество действительно являлось порождением социального протеста¹⁵. Однако его трактовка истории раскола кардинально расходилась с интерпретациями революционно-демократических мыслителей. Исследователь утверждал, что возникновение староверия было обусловлено сопротивлением простонародья немецкому культурному влиянию и попыткам реформирования государства по чуждому рядовой русской общественности европейскому образцу¹⁶.

Позиции Шапова вторил Ф. М. Достоевский, считавший, что петровские преобразования вели к дестабилизации вероисповедной ситуации в стране и провоцировали общественные низы к сопротивлению инокультурному вторжению в традиционный жизненный уклад православного населения¹⁷. Высоко оценивая выводы Афанасия Прокофьевича, Достоевский также соглашался с тем, что старообрядчество по сути своей было не причиной народных выступлений против действующих властей, но лишь знаменем притесненного народа, восстававшего против административных поборов и ограничения вековых вольностей. Рассматривая раскол как явление, объединявшее наряду с религиозными также политические, социальные и экономические стороны, Федор Михайлович, однако, негативно оценивал попытки проводить аналогии между «староверством» и деятельностью современных писателю революционеров, считая старообрядчество явлением несравненно более глубоким и созидательным¹⁸.

---

¹⁴ Барум К. А. «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 127.

¹⁵ Карпачева Т. С. Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 252.

¹⁶ Снигирева С. Д. Историсофские воззрения Ф. М. Достоевского и демократическая концепция раскола А. П. Шапова // Литера. 2020. № 5. С. 18.

¹⁷ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 198.

¹⁸ Карпачева Т. С. «Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб., 2019. С. 240.

По убеждению автора «Преступления и наказания», XVII–XVIII вв. продемонстрировали, что кровавый протест против действующих властей в исторической перспективе не смог завладеть умами русского общества¹⁹. Однако это удалось сделать старообрядчеству, сконцентрировавшему вокруг вероисповедной проблематики наиболее протестное и свободное в выражении своих умонастроений население страны. Данный вывод Достоевский, несомненно, заимствует у А. П. Шапова²⁰. Находя, что именно «приказная» политика государства, навязывавшая официальную модель христианства, стала причиной массового уклонения социальных низов в раскол, писатель заключает, что отрицание староверами официальных институтов власти являлось именно формой пассивной борьбы за свободное исповедание православия в его «народном» варианте²¹.

Одной из ключевых категорий в нравственной философии Ф. М. Достоевского являлась тема наполеонизма. Ввиду этого подробное раскрытие вопроса о революционности раскольников в творчестве писателя не представляется возможным без обращения к проблематике 1812 г. Н. Н. Подосокорский утверждает, что Отечественная война начала XIX в., подобно национально-освободительным движениям на Балканах времен турецкого владычества, символизировала для писателя всенародное единение и должна была служить ярким примером готовности славянских народов к самопожертвованию²². По наблюдению того же исследователя, в корпусе текстов Федора Михайловича не встречается упоминаний о сотрудничестве староверов с Наполеоном, несмотря на то что обвинения раскольников в коллаборационизме активно использовали миссионеры официальной иерархии на протяжении всего XIX в. По всей видимости, классик избегал данной темы, дабы не разрушить мифологему о всеединении русского народа перед лицом западной угрозы.

Современные исторические исследования достаточно убедительно опровергают версию о массовом переходе староверов на сторону Наполеона. Так, изыскания Л. В. Мельниковой показывают, что многие старообрядческие рукописные сочинения начала XIX в., подобно официальной государственной пропаганде тех лет, ассоциировали французское нашествие с явлением в мир антихриста. По данным исследовательницы, купцы-старообрядцы в 1812 г. активно жертвовали

---

¹⁹ Агашина Е. Н. Тема религиозного раскола в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 6.

²⁰ Шапов А. П. Земство и раскол. СПб., 1862. Вып. I. С. 49.

²¹ Барит К. А. Почвенничество Ф. М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины» // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. № 1. С. 49.

²² Подосокорский Н. Н. Отечественная война 1812 года в творчестве Ф. М. Достоевского. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000011-1-2/> (дата обращения: 19.03.2021).

денеги на нужды народного ополчения, духовные центры «старообрядцев» не имели отношения к печатанию фальшивых рублей (в действительности наполеоновские фальшивки выпускались исключительно в Париже в 1805–1811 гг.), а рассказы о присяге федосеевцев Преображенского кладбища оккупационным властям не находят убедительных подтверждений. Показательно, что старообрядческие публицисты рубежа XIX–XX вв. не только с гневом отвергали причастность своих предков к коллаборационизму, но даже были склонны преувеличивать их участие в сопротивлении французской армии²³.

Вместе с тем в творчестве классика имеются весьма наглядные указания на связь наполеонизма с некоторыми нетрадиционными религиозными течениями, имевшими хождение в российском обществе. Так, классик указывает на ментальное родство культурно-исторического облика Наполеона с сектантством. Согласно концепции Достоевского, многократно демонстрировавшего в «Дневнике писателя» неприятие мистических и в особенности рационалистических сект, данные религиозные движения независимо от наблюдаемых между ними различий проистекают из единого корня, а именно невежества и незнания глубинных основ православия (25, 12).

Е. Н. Агашина утверждает, что именно секты молокан и духоборов весьма благожелательно встретили вступление в Россию французской армии, ожидая скорых перемен в крестьянской политике государства и смягчения вероисповедного законодательства²⁴. Федор Михайлович полагал, что, подобно отвернувшемуся от Христа сектантам, оборвавшие связь с *почвой* нигилисты и индивидуалисты стремились обрести своего нового спасителя в Наполеоне. Так, именно Павел Смердяков, на причастность которого к секте скопцов не единожды обращали внимание исследователи, сожалеет о поражении Наполеона в 1812 г.²⁵

Революционный кружок, показанный классиком в романе «Бесы», также имеет прямые аллюзии на сектантство. Так, Петр Верховенский активно интересуется скопцами, усматривает в них искомый радикализм и революционный потенциал²⁶. В подготовительных материалах к роману «Атеизм» Федор Михайлович приводит тип личности, «измельчавшийся до свинства». Именно люди такого характера, по мнению классика, часто становились лидерами кровавых народных

---

²³ Мельникова Л. В. Отношение старообрядцев к Наполеону и наполеоновскому нашествию на Россию в 1812 году: к вопросу о мифах и фактах // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения. М., 2020. С. 507–508, 514, 518.

²⁴ Агашина Е. Н. Раскольников и «наполеоновы» (к теме Раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С. 98–99.

²⁵ Боград Г. Л. Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 169.

²⁶ Снигирева С. Д. Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». С. 84, 86.

протестов или же основателями собственных религиозных лжеучений (9, 128).

Согласно писателю, одним из страшнейших пороков еретических лжеучений является подавление личности своих адептов и неограниченная власть лидеров общин²⁷. По мысли Ф. М. Достоевского, подобно поклонникам Наполеона, страстно желавшим всеобъемлющей власти и господства, сектантские «пророки» подавляли волю рядовых раскольников, подменяя в их сознании идеалы православия глубоко аморальными искусственными доктринами, сконструированными вокруг идеи бездумного подчинения силе. Именно подобный паттерн поведения мы обнаруживаем у нигилистов и революционеров, встречающихся на страницах произведений классика.

Примечательно, что во второй четверти XIX в. в Москве существовало общество поклонников Наполеона, обожеествлявших фигуру французского императора. Оставшаяся прежде потаенной, к середине столетия секта привлекла внимание чиновников и была раскрыта, а следом о ней стало известно широкой общественности²⁸. Несмотря на то что мы не обладаем достоверными свидетельствами о знакомстве Федора Михайловича с учением «наполеоновых», можно думать, что от внимания писателя, столь интересовавшегося разнообразными ересями, не могли укрыться хотя бы фрагментарные свидетельства об этом религиозном движении. В свою очередь существование секты, прямо постулирующей поклонение Наполеону, образ которого столь отчетливо контрастировал с нравственной философией Достоевского, мог непосредственно повлиять на замысел писателя провести параллели *Наполеон — сектантство — нигилизм* в своем творчестве 1860–1880-х гг.

Крайний индивидуализм современных Достоевскому нигилистов, размежевание их идеологии с христианством, а также готовность революционеров использовать народные массы в качестве разменной монеты в деле достижения своих политических амбиций оттолкнули писателя от утопического социализма. Согласно поздним убеждениям Федора Михайловича, формирование которых приходится на сибирский период его жизни, а кристаллизация связана с первыми годами после возвращения писателя в Петербург, постулаты социализма вступают в прямое противоречие с идеалами моральной свободы. Нравственное же совершенствование личности и подлинная свобода, согласно Достоевскому, возможны лишь во Христе²⁹.

---

²⁷ Карпачева Т. С. Московские и петербургские секты в изображении Ф. М. Достоевского // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей. М., 2015. С. 16, 29–30.

²⁸ Липранди И. П. О секте Татариновой // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. Кн. IV, отд. V. С. 50.

²⁹ Суворцев С. С. Развитие и становление философских взглядов Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного технического университета. 2008. Т. 11, № 1. С. 49–50, 52.

Подобно некоторым направлениям староверия, развивавшим идею о духовном воцарении в мире антихриста, Ф. М. Достоевский постулировал мысль об укреплении в современном ему буржуазном обществе духа тотального индивидуализма и безбожия. Именно идеологию почвенничества классик считал противовесом деятельности Интернационала и единственной идеей, способной объединить русский народ перед лицом социалистической угрозы³⁰.

Значительное влияние на осмысление писателем церковного раскола оказали воззрения славянофилов, согласно которым, схизма XVII в. обернулась для России колоссальной духовной трагедией и усугубила вероисповедными противоречиями уже наметившийся культурный разрыв между народными массами и образованной верхушкой социума. Отмечая некоторые деструктивные черты староверия, писатель полагал несправедливым возлагать всю вину за расколотость российского общественного сознания на «ревнителей древнего благочестия». По мысли Достоевского, именно интеллигенция XIX в. оторвалась от народной среды и пребывала в конфликте с окружающей действительностью³¹.

Таким образом, писателю думалось, что именно образованные круги общества должны первыми предпринять решительные шаги к воссоединению с общественными низами. Центральным вопросом при этом выступала проблема веротерпимости. Так, наряду с возвращением в лоно христианской церкви, российская интеллигенция должна была примириться с «народным» православием, неразрывно слившимся с менталитетом русского крестьянства³². В качестве иллюстрации данного вывода следует привести черновые материалы к роману «Бесы», где Федор Михайлович приписывает Князю, презирающему атеистов и выступающему проводником идеологии почвенничества, стремление уйти в мужики или раскольники (11, 100).

Идеал вероисповедного примирения классик видел в единоверии, сохранившем лучшие черты народной религиозности — искренность исповедания веры, готовность к мученичеству, критическое отношение к авторитетам. Наряду с этим, единоверие выступало противовесом худшим атрибутам старообрядчества — вероисповедной нетерпимости, доктринерству, склонности к размежеванию на многочисленное толки и согласия³³.

---

³⁰ Буданова Н. Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (новые материалы к теме Достоевский и старообрядчество) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 97.

³¹ Барит К. А. О концепте *почва* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 1. С. 14.

³² Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 46, 86.

³³ Барит К. А. О концепте *почва* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. С. 10, 22.

В данном контексте необходимо рассмотреть образ старика-стародубца, описанного Достоевским в «Записках из Мертвого дома». Примечательно, что, олицетворяя все лучшие черты «народного» православия (кротость, добросердечие, равнодушие к мирским благам), старик оказывается в бессрочной каторге не иначе как за поджог единоверческой церкви. Весьма любопытно сознательное искажение писателем подлинных причин ареста раскольника. В частности, наиболее вероятный прототип персонажа — С. И. Щекотихин³⁴ — подвергся судебному преследованию вовсе не за уничтожение храма, а лишь за сопротивление обращению в единоверие (4, 283).

Ранее мы делали предположение о том, что антиединоверческие воззрения старика на страницах повести были обусловлены хронологией ее написания. Так, пристальный интерес, а позднее и выраженная симпатия к феномену единоверия возникают у Достоевского лишь спустя шесть лет после публикации «Записок из Мертвого дома». По всей видимости, на момент написания произведения сожжение единоверческого храма символизировало для классика лишь акт протеста против нравственной несвободы, а намеренное преувеличение преступления старика было необходимо по цензурным соображениям, чтобы ослабить впечатление от чрезвычайной суровости судебного решения³⁵.

Примечательно, что зачастую в произведениях Ф. М. Достоевского ключевые положения его нравственной философии вкладываются в уста духовенства и простолюдин, исповедующего весьма неортодоксальные религиозные убеждения³⁶. Недаром образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», обнаруживающий ряд отсылок к вероисповедной культуре старообрядчества, выступает антиподом как революционеру, так и типическому руководителю сектантской общины. Именно преждевременное разложение тела старца должно было стать предостережением к сотворению идолов и бездумному подчинению нравственным авторитетам³⁷.

Выполненное исследование позволяет говорить о том, что общественно-политические воззрения Ф. М. Достоевского были неразрывно связаны с проблематикой религиозного инакомыслия. Нравственная философия писателя, чуждая любым формам деспотизма и подавления личности, отвергала не только радикальные идеи революционно-демократических мыслителей, но и различные формы сектантства, имевшие

---

³⁴ *Починская И. В.* Из истории введения единоверия в России: новый источник о процессе воссоединения с официальной церковью стародубских старообрядцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 179.

³⁵ *Бытко С. С.* Проблемы восприятия единоверия в контексте эстетики страдания Достоевского. С. 234.

³⁶ *Снигирева С. Д.* Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 24–25.

³⁷ *Карпачева Т. С.* Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. С. 254.

во второй половине XIX столетия широкое хождение в российской общественной среде. Некоторые компоненты, характерные для революционной теории, классик обнаруживал в мировоззрении последователей еретических учений, в их числе догматизм, радикализм, обособление, попрание свободы личности.

Наряду с этим к проблеме нетрадиционной религиозности писатель обращался и в своих поисках универсального базиса, способного объединить расколотый по конфессиональному, социальному и экономическому признакам русский народ. Ключевую роль в данных исканиях писатель отводил единоверцам — бывшим старообрядцам, демонстрирующим пример преодоления вероисповедных различий. Именно веротерпимость, по мысли классика, должна была раскрыть лучшие черты староверия, дать необходимый позитивный толчок официальному православию, а также воссоединить крестьянское большинство с пребывающими в двухвековой изоляции верхами общества.

Библиографический список

- Агашина Е. Н.* Раскольники и «наполеоновы» (к теме раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. №4. С. 98–101.
- Агашина Е. Н.* Тема религиозного раскола в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №3. С. 5–7.
- Барит К. А.* «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. №2 (49). С. 116–131.
- Барит К. А.* О концепте *почва* в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, вып. 1. С. 4–28.
- Барит К. А.* Почвенничество Ф. М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины» // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. №1. С. 41–57.
- Боград Г. Л.* Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 161–169.
- Болонев Ф. Ф.* Декабристы о семейских — староверах Забайкалья // Старовер.net: интернет-портал. URL: http://wiki.starover.net/index.php?title=Декабристы_о_семейских_-_старообрядцах_Забайкалья (дата обращения: 03.12.2022).
- Буданова Н. Ф.* Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Данииловых» (новые материалы к теме Достоевский и старообрядчество) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 86–101.

- Бытко С. С.* Проблемы восприятия единоверия в контексте эстетики страдания Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 228–247.
- Бытко С. С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2017. Вып. 1. С. 4–10.
- Волгин И. Л.* Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 2018. 729 с.
- Карпачева Т. С.* Московские и петербургские секты в изображении Ф. М. Достоевского // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей. М., 2015. С. 14–31.
- Карпачева Т. С.* Образы сектантов в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 252–263.
- Карпачева Т. С.* «Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб., 2019. С. 234–243.
- Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. 560 с.
- Липранди И. П.* О секте Татариновой // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. Кн. IV, отд. V. С. 20–51.
- Мельникова Л. В.* Отношение старообрядцев к Наполеону и наполеоновскому нашествию на Россию в 1812 году: к вопросу о мифах и фактах // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения. М., 2020. С. 505–520.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. 321 с.
- Подосокорский Н. Н.* Отечественная война 1812 года в творчестве Ф. М. Достоевского // История: научно-образовательный журнал. 2013. Т. 4, вып. 1 (17). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s20798784000011-1-2/> (дата обращения: 19.03.2021).
- Починская И. В.* Из истории введения единоверия в России: новый источник о процессе воссоединения с официальной церковью стародубских старообрядцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 177–182.
- Снигирева С. Д.* Историческое воззрение Ф. М. Достоевского и демократическая концепция раскола А. П. Щапова // Litera. 2020. № 5. С. 14–26.
- Снигирева С. Д.* Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Русская литература. 2019. № 4. С. 81–91.
- Снигирева С. Д.* Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 26 с.
- Суровцев С. С.* Развитие и становление философских взглядов Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного технического университета. 2008. Т. 11, № 1. С. 49–54.
- Цой Л. Н.* Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. 114 с.
- Щапов А. П.* Земство и раскол. Вып. I. СПб., 1862. 161 с.

References

- Agashina E.N. Raskol'nikov i "napoleonovy" (k teme raskola v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie") [Raskolnikov and the "Napoleonic" (on the topic of schism in the novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment")]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2011, no. 4, pp. 98–101. (In Russ.)
- Agashina E.N. Tema religioznogo raskola v zhurnale M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremia" [The theme of religious schism in the journal of M. M. and F. M. Dostoevsky "Time"]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2010, no. 3, pp. 5–7. (In Russ.)
- Barsht K.A. "...Iskhodil, blagoslovliia, papa-antikhris". Ob odnoi paradoksal'noy formulirovke v podgotovitel'nykh materialakh k romanu F.M. Dostoevskogo "Besy" ["...proceeded, blessing, the pope Antichrist". About a paradoxal formulation in the preparatory materials for the novel by F. M. Dostoevsky's "Demons"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, no. 2 (49), pp. 116–131. (In Russ.)
- Barsht K.A. O kontsepte *pochva* v trudakh starshikh slavianofilov i v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 1860–1870-kh gg. [On the concept of soil in the works of senior Slavophiles and in the works of F. M. Dostoevsky in the 1860s–1870s]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Iazyk i literatura*, 2022, vol. 19, iss. 1, pp. 4–28. (In Russ.)
- Barsht K.A. Pochvennichestvo F.M. Dostoevskogo kak element russkoi religioznoi reformatsii v sbornike "Iz glubiny" [*Pochvennichestvo* of F. M. Dostoevsky as an element of Russian religious reformation in the collection "From the Depth"]. *Filosofskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, 2018, no. 1, pp. 41–57. (In Russ.)
- Bograd G.L. Predpolozheniia o Smerdiakove (k voprosu ob otnoshenii Dostoevskogo k raskolu) [Assumptions about Smerdyakov (on the question of Dostoevsky's attitude to the split)]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 18. Saint Petersburg, 2007. Pp. 161–169. (In Russ.)
- Bolonev F.F. Dekabristy o semeiskikh — staroverakh Zabaikal'ia [Decembrists about the Semey — Old Believers of Transbaikalia]. *Starover.net*: Internet portal. Available at: http://wiki.starover.net/index.php?title=Dekabristy_o_semeyskikh_-_staroobryadtsakh_Zabaykal'ya (accessed 03.12.2022). (In Russ.)
- Budanova N.F. Pavel Prusskii i ego kniga "Besedy o prishestvii prorokov Ilii i Enoha, ob antikhrisite i sedminakh Daniilovykh" (novye materialy k teme Dostoevskii i staroobriadchestvo) [Pavel Prussky and his book "Conversations on the Coming of the Prophets Elijah and Enoch, on the Antichrist and the Weeks of Daniilov" (new materials on the topic of Dostoevsky and the Old Believers)]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 18. Saint Petersburg, 2007. Pp. 86–101. (In Russ.)
- Bytko S.S. Problemy vospriiatiia edinoveriia v kontekste estetiki stradanii Dostoevskogo [Problems of perception of the same faith in the context of the aesthetics of Dostoevsky's suffering]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 23. Saint Petersburg, 2021. Pp. 228–247. (In Russ.)
- Bytko S.S. Filosofskoe osmyslenie staroobriadchestva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: osobennosti interpretatsii [The philosophical understanding of the Old Believers in the works of F. M. Dostoevsky: Features of Interpretation]. In:

- Materialy i issledovaniia po istorii Rossii, vol. 1. Nizhnevartovsk, 2017. Pp. 4–10. (In Russ.)
- Karpacheva T. S. Moskovskie i peterburgskie sekty v izobrazhenii F. M. Dostoevskogo [Moscow and St. Petersburg sects in the image of F. M. Dostoevsky]. In: Moskva i “moskovskiy tekst” v russkoy literature. Moskva v sud’be i tvorchestve russkikh pisatelei. Moscow, 2015. Pp. 14–31. (In Russ.)
- Karpacheva T. S. Obrazy sektantov v “Dnevnikhe pisatelya” F. M. Dostoevskogo [Images of sectarians in the “Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2014, no. 12, pp. 252–263. (In Russ.)
- Karpacheva T. S. “Strozhaishhe zapreshcheno-s’”: o rode zaniatii Murina v povesti F. M. Dostoevskogo “Khoziaika” [“Strictly forbidden”: about the kind of occupation of Murin in the story of F. M. Dostoevsky “The Mistress”]. In: *Pushkinskie chteniia — 2019. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst*. St. Petersburg, 2019. Pp. 234–243. (In Russ.)
- Kirpotin V. Ia. *Dostoevskii v shestidesiatye gody* [Dostoevsky in the sixties]. Moscow, 1966. 560 p. (In Russ.)
- Liprandi I. P. O sekte Tatarinovoii [About the Tatarinova sect]. *Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 1868, book IV, iss. V, pp. 20–51. (In Russ.)
- Melnikova L. V. Otnoshenie starobryadtsev k Napoleonu i napoleonovskomu nashestviu na Rossiiu v 1812 godu: k voprosu o mifakh i faktakh [The attitude of Old Believers to Napoleon and the Napoleonic invasion of Russia in 1812: to the question of myths and facts]. In: *Starobriadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniiia*. Moscow, 2020. Pp. 505–520. (In Russ.)
- Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Vremia”. 1861–1863* [Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky “Time”. 1861–1863]. Moscow, 1972. 321 p. (In Russ.)
- Pochinskaya I. V. Iz istorii vvedeniia edinoveriia v Rossii: novyi istochnik o protsesse vossoedineniia s ofitsial’noi tserkov’iu starodubskikh starobryadtsev [From the history of the introduction of the Same Faith in Russia: a new source about the process of reunification with the official church of the Starodub Old Believers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 441, pp. 177–182. (In Russ.)
- Podosokorskiy N. N. Otechestvennaia voina 1812 goda v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The Patriotic War of 1812 in the works of F. M. Dostoevsky]. *Istoriia: scientific and educational magazine*, 2013, vol. 4, iss. 1 (17). Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s20798784000011-1-2/> (accessed 19.03.2021). (In Russ.)
- Shchapov A. P. *Zemstvo i raskol* [Zemstvo and split], iss. I. St. Petersburg, 1862. 161 p. (In Russ.)
- Snigireva S. D. Istoriosofskie vozzreniia F. M. Dostoevskogo i demokraticheskaia kontseptsiiia raskola A. P. Shchapova [The historiosophical views of F. M. Dostoevsky and the democratic concept of the schism of A. P. Shchapov]. *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26. (In Russ.)
- Snigireva S. D. Motiv samozvanstva i sektantskii kontekst v romane F. M. Dostoevskogo “Besy” [The motive of imposture and sectarian context in F. M. Dostoevsky’s novel “Demons”]. *Russkaia literatura*, 2019, no. 4, pp. 81–91. (In Russ.)

- Snigireva S.D. *Starobriadchestvo i sektantstvo v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Old Believers and sectarianism in the works of F.M. Dostoevsky]: Thesis diss. Moscow, 2020. 26 p. (In Russ.)
- Surovtsev S.S. Razvitie i stanovlenie filosofskikh vzgliadov F.M. Dostoevskogo [The development and formation of philosophical views of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2008, vol. 11, no. 1, pp. 49–54. (In Russ.)
- Tsoy L.N. *Problemy raskola i narodnykh eresei v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The problems of schism and folk heresies in the works of F.M. Dostoevsky]. Yakutsk, 1995. 114 p. (In Russ.)
- Volgin I.L. *Rodit'sia v Rossii. Dostoevskii i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [To be born in Russia. Dostoevsky and his Contemporaries: Life in Documents]. Moscow, 2018. 729 p. (In Russ.)

А. С. БЕЛОУСОВА *

ORCID ID: 0000-0002-0771-4271

Р. Ч. ПАУЛА **

ORCID ID: 0000-0002-1792-6286

«СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ» ПО-ИСПАНСКИ: ПОЭТИКА ДОСТОЕВСКОГО В ЗЕРКАЛЕ (ПЕРЕ)ПЕРЕВОДА***

Аннотация: Статья посвящена недавним переводам «Скверного анекдота» на испанский язык. Хотя этот рассказ Достоевского ранее переводился по крайней мере четырежды, в XXI в. были опубликованы четыре новых перевода: два в Испании и два в Аргентине. В статье обсуждаются причины роста интереса к малой прозе Достоевского, контекст появления новых переводов, вопросы передачи главных лингвостилистических черт оригинала, а также проблема взаимодействия переводов с принимающими культурами. Авторы приходят к выводу, что переводчики нового поколения успешно воссоздают стилистические особенности текста, однако сокращение критического аппарата и комментариев мешает полноценному пониманию рассказа.

Ключевые слова: «Скверный анекдот», Достоевский, переперевод, аллюзии в переводном тексте, рецепция русской литературы, гипотеза повторного перевода, Бела Мартынова, Луиса Боровски, Алехандро Ариэль Гонсалес, Марта Санчес Ньевес.

A. BELOUSOVA
R. CH. PAULA

“A NASTY STORY” IN SPANISH: DOSTOEVSKY’S POETICS IN THE MIRROR OF (RE)TRANSLATION

Annotation: The article is dedicated to recent translations of Dostoevsky’s “A Nasty Story” into Spanish. Although this Dostoevsky short story has been

---

* Анастасия Сергеевна Белоусова, канд. филол. наук, Институт мировой культуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник; Anastasia Sergeevna Belousova, PhD in Philology, Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University. Anastassja.belousova@gmail.com

** Руис Чаррис Паула, магистр философии, ассистент-профессор в Национальном университете Колумбии; Ruiz Harris Paula, Master of Philosophy, Assistant Professor Universidad Nacional de Colombia. pruiuze@unal.edu.co

*** Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда №22-78-10153 (<https://rscf.ru/project/22-78-10153/>) в Институте мировой культуры МГУ. Авторы благодарят И. А. Пильщикова и Сантьяго Е. Мендеса за советы и замечания.

translated at least four times before, in the 21st century, four new translations were published: two in Spain and two in Argentina. The article discusses the reasons for the growing interest in Dostoevsky's short prose, the context of the emergence of these new translations, issues related to rendering the original's main linguistic and stylistic features, and the problem of how the new translations interact with the receiving cultures. The authors conclude that the new generation of translators successfully recreates the stylistic characteristics of the text; however, the reduction of critical apparatus and commentary hinders its complete understanding.

Key words: *A Nasty Story*, Dostoevsky, retranslation, allusions in translated texts, reception of Russian literature, retranslation hypothesis, Bela Martinova, Luisa Borovsky, Alejandro Ariel González, Marta Sánchez Nieves.

Введение

Переводоведение давно не рассматривает перевод лишь как отзвук оригинала, оцениваемый на основании единственного критерия — его адекватности источнику. Перевод видится сегодня частью сложного, многомерного и многоэтапного процесса диалога культур; динамика целевой культуры играет в этом процессе значительную и активную роль. Рецепция определяется не только спецификой воспринимаемого феномена, но и свойствами воспринимающей стороны, более того, сам воспринимаемый феномен меняется в процессе рецепции¹. Современное переводоведение не только сравнивает оригинал с переводом, отмечая удачные и неудачные решения, но и задается вопросом, как выбирается текст для перевода, какую роль играют переводчик, редактор и издатель в этом выборе и, главное, как переводной текст взаимодействует с целевой культурой². Культурологический взгляд, тем не менее, не отменяет проблемы адекватности перевода оригиналу. Скорее, он рассматривает этот традиционный вопрос в новой перспективе, позволяющей уйти от узко прескриптивного взгляда на перевод. В частности, тема адекватности перевода оригиналу рассматривается в многочисленных современных работах о перепереводе.

Переперевод, или повторный перевод (фр. *retraduction*, англ. *retranslation*, исп. *retraducción*) — это перевод текста, который ранее уже был переведен на определенный язык³. В явлении перепе-

---

¹ См. теорию культурного трансфера и парадигму *histoire croisée*.

² Bassnett S. The translation turn in culture Studies // Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon, 1998. P. 123. См. также: Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London, 1995.

³ Gambier Y. La retraduction, retour et détour // *Meta*. 1994. No. 39 (3). P. 413. <https://doi.org/10.7202/002799ar>; Berman A. La Retraduction comme espace de traduction // *Palimpsestes*. 1990. No. 13 (4). P. 1–7. Ср. также термин «переводная множественность», получивший

ревода, с одной стороны, отражается ведущая роль принимающей культуры, ведь зачастую новый перевод вызван к жизни желанием соответствовать ее меняющимся требованиям, в то время как оригинал остается неизменен. С другой стороны, переперевод часто понимается как сигнал углубления и расширения влияния культуры-источника. Так, согласно так называемой гипотезе о перепереводе (*retranslation hypothesis*), позднейшие переводы обычно оказываются более ориентированными на культуру исходного текста, чем первые опыты⁴. Сравнение переводов между собой с оглядкой на гипотезу о повторном переводе осуществляется традиционными методами критики перевода и возвращает фокус внимания на культуру-источник и на поэтику и семантику оригинала. Таким образом, казалось бы, антагонистичные подходы к переводу, традиционный (фокус на авторе, оригинальном произведении и культуре-источнике) и культурологический (фокус на переводчике, переводе и принимающей культуре), синтезируются.

В настоящей работе мы рассмотрим новые, опубликованные в Испании и Аргентине в XXI в., переводы рассказа Достоевского «Скверный анекдот» на испанский язык именно в этой методологической перспективе⁵. Сначала мы представим четыре новых перевода «Скверного анекдота», их переводчиков, издания и сопровождающие паратексты. Затем, кратко описав современное состояние изучения «Скверного анекдота» в достоеведении, мы выделим те лингвостилистические черты подлинника, которые наиболее важны для передачи смысла рассказа, и посмотрим, как они воссозданы в новых переводах⁶. В завершение мы проанализируем, как поэтика оригинала отражается в зеркале воспринимающих культур и что это отражение может сказать нам о художественном методе Достоевского.

распространение в отечественном литературоведении: *Левин Ю. Д.* К вопросу о переводной множественности // *Классическое наследие и современность*. Л., 1981. С. 365–372.

⁴ *Berman A.* La Retraduction comme espace de traduction // *Palimpsestes*. 1990. No. 13 (4). P. 1–7; *Chesterman A.* A causal model for Translation Studies // *Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies I: Textual and Cognitive Aspects* / ed. M. Olanah. Manchester, 2000. P. 15–27.

⁵ О перепереводах Достоевского на другие европейские языки см. недавние работы П. Булоня: *Boulogne P.* And now for something completely different... Once again the same book by Dostoevsky: A (con)textual analysis of early and recent Dostoevsky retranlations into Dutch // *Cadernos de Tradução*. 2019. Vol. 39. № 1 (Jan. — Abr.). P. 117–144. <http://dx.doi.org/10.5007/2175-7968.2019v39n1p117>; *Boulogne P.* Retranslation as an (un)successful counter-narrative: Les frères Ka-ra-mazov versus Les frères Karamazov // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, № 1. С. 129–143. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-1-8>

⁶ Ранее мы посвятили разбору одного из новых переводов отдельную статью, опубликованную на испанском языке: *Belousova A., Ruiz P.* Las técnicas del 'skaz' en traducción: problemas de transmisión estilística ("Un episodio desagradable" de Dostoievski, traducido por Alejandro Ariel González) // *Mundo Eslovo*. 2020. Vol. 19. P. 177–194. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17712> (дата обращения: 17.09.2023).

Переводчики и издания

В последние годы в испаноязычном мире увидели свет многочисленные новые переводы произведений Достоевского, ранее уже не единожды полностью переведенного на язык Сервантеса⁷. «Скверный анекдот» был переведен в XXI в. четырежды, при том что уже существовало по крайней мере четыре перевода рассказа⁸.

В 2007 г. в издательстве «Siruela» в Мадриде было опубликовано собрание малой прозы Достоевского, подготовленное Белой Мартыновой (Bela Martinova, р. 1958, псевдоним Исабель Мартинес Фернандес). Переводчица, дочь испанских детей войны, проведшая детство в России, Мартынова — специалист по Достоевскому, автор книг и статей, посвященных его биографии и творчеству. В предисловии к своему изданию Мартынова представляет испаноязычному читателю непривычного Достоевского, автора рассказов, повестей и эссе: «Несмотря на то что Достоевский достиг наибольшего признания как романист, нет никаких сомнений в том, что его рассказы, повести, заметки и эссеистика заслуживают особого внимания, благодаря как их художественному уровню, так и тематике»⁹. Переводчица подчеркивает, что в рассказах и повестях находят выражение главные идеи писателя и что в то же время читатель найдет в них практически неизвестные ему черты его поэтики, такие как юмор, тонкая ирония, сарказм перед лицом трагедии. Уделяя лишь по несколько строк введения конкретным текстам,

⁷ Об истории переводов и рецепции Достоевского в Испании и Латинской Америке см. работы Ю. Л. Оболенской, в частности: *Оболенская Ю. Л.* Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М., 1998. См. также недавнюю серию работ Жорди Морильяса: *Арсентьева Н., Морильяс Ж.* Испанское достоевсковедение: истоки, итоги и перспективы // Достоевский: Исследования и материалы. Т. 20. СПб., 2013. С. 305–328; *Morillas J.* La recepción de F. M. Dostoievski en España // Estudios Dostoievski. 2019. Vol. 2 (enero — junio). P. 4–22. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoievski/ed02pdf/morillas004.pdf>; *Морильяс Ж.* Русский герой на аргентинской земле. Восприятие, влияние и переводы Ф. М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 198–224. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-198-224>; *Morillas J.* La recepción de F. M. Dostoievski en el continente iberoamericano. Una visión panorámica // Estudios Dostoievski. 2019. Vol. 2 (enero — junio). P. 23–37. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoievski/ed02pdf/morillas023.pdf>; *Morillas J.* Dostoevsky in Spain: A Short History of Translation and Research // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. 2013. Vol. 13. P. 121–143.

⁸ *Dostoyevski F. M.* Obras completas. T. I (1844–1870). Biografía, traducción y notas de R. Cansinos Assens. Madrid, 1935; *Dostoievski F. M.* Una historia molesta. Corazón débil. Buenos Aires, 1958; *Dostoievski F. M.* Obras completas: in 9 vols. / edición en castellano dirigida y prologada por A. Vidal; con un estudio preliminar de J. L. L. Aranguren. Barcelona, 1969; *Dostoyevski F. M.* Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso / introducción, traducción y notas de J. López-Morillas. Alianza, 1982.

⁹ Все переводы с испанского языка принадлежат авторам статьи. В настоящей работе мы цитируем издание Мартыновой по пятому переизданию: *Martinova B.* Prólogo // Dostoievski F. M. Cuentos / edición y traducción de B. Martinova. Barcelona, 2011. P. 7.

Мартынова сосредоточивается на сквозных темах сборника. В частности, это темы Петербурга и дегуманизирующей бюрократии¹⁰. В рецензии на антологию Жорди Морильяс также видит ее значение в том, что она позволяет выйти за рамки традиционного образа Достоевского — автора Великого пятикнижия, и представляет читателю некоторые из лучших произведений гениального писателя¹¹. «Скверный анекдот» в издании Мартыновой никак не выделяется на фоне других текстов, он интересен как часть целого, а именно по-новому оцененной малой прозы Достоевского.

Луиса Боровски (р. 1958), аргентинская переводчица и редактор, перевела «Скверный анекдот» для независимого издательства «La Compañía», выпустившего рассказ в 2010 г. в Буэнос-Айресе отдельным томиком в мягкой обложке цвета фуксии. Основной интерес издательства — несправедливо забытые, малодоступные или никогда ранее не публиковавшиеся на испанском книги. Новые переводы, вступительные статьи, написанные известными интеллектуалами, оригинальный и узнаваемый дизайн серии, низкие цены выделяют этот интересный издательский проект. Введение к «Скверному анекдоту» принадлежит перу знаменитого писателя и литературного критика Ноэ Хитрика (1928–2022). В нем он размышляет о гениальности Достоевского и его отношении с другими литературными гениями и с загадочной «русской душой». Послесловие же, написанное переводчицей, посвящено историческому, литературному и культурному контексту «Скверного анекдота». По мнению Боровски, в рассказе Достоевский задается вопросом «какова судьба России?» и отвечает на него со славянофильских позиций¹². Переводчица также связывает рассказ с современностью: «<...> читая рассказ, мы чувствуем его современность. В ощущении нехватки личного и общественного достоинства, в легкомыслии, интеллектуальных ловушках и самодовольстве персонажей мы узнаем конфликты собственного времени»¹³.

В 2018 г. в том же Буэнос-Айресе издательством «Galerna» был опубликован том малой прозы Достоевского «Сон смешного человека и другие рассказы»¹⁴ в переводах Алехандро Ариэля Гонсалеса (р. 1973), крупнейшего современного переводчика русской литературы на испанский язык и специалиста по Достоевскому. Гонсалес переводит

---

¹⁰ Этой проблематике переводчица посвятила специальную монографию: *Martínez Fernández I. Dostoiévski, de la igualdad a la diferencia: Ensayo sobre la burocracia*. Madrid, 2003.

¹¹ *Morillas J. Fiodor M. Dostoiévski. Cuentos // Mundo Eslovo*. 2010. Vol. 9. P. 110–111. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17488>.

¹² *Borovsky L. Posfácio // Dostoiévsky F. Una historia desagradable*. Buenos Aires, 2010. P. 109–116.

¹³ *Ibid.* P. 114.

¹⁴ В том, помимо «Скверного анекдота» и «Сна смешного человека», вошли «Крокодил», «Бобок» и «Кроткая».

малую прозу Достоевского на протяжении последних 20 лет¹⁵, выбирая не самые известные его тексты: произведения, написанные до ссылки, а также малую прозу периода зрелости. Во многих случаях Гонсалес снабжает свои переводы критическим аппаратом¹⁶, но интересующая нас антология — исключение, в ней нет ни вступления, ни послесловия, лишь краткие примечания переводчика.

Последний новый перевод — отдельное издание «Скверного анекдота», выпущенное издательством «Nórdica» в Мадриде в 2021 г. (печать тиража была завершена 11 ноября 2021 г., в день двухсотлетия Достоевского, сообщает издатель). Перевод выполнен Мартой Санчес Ньевес (р. 1974), дипломированной слависткой университета Комплутенсе, признанной переводчицей русской литературы. Книга — часть серии издательства, в которой выходят иллюстрированные книги для взрослых читателей. В 2015 г. «Nórdica» опубликовало в этой серии «Белые ночи» в переводе Санчес Ньевес с иллюстрациями Николая Трошинского, перевод был удостоен переводческой премии Эстер Бенитес. «Скверный анекдот» сопровождается яркими иллюстрациями Кении Родригес, подчеркивающие карнавальныи характер текста¹⁷. В издании нет вступления и послесловия, но есть краткие примечания переводчицы.

Отдельные издания «La Compañía» и «Nórdica» меняют жанровое восприятие «Скверного анекдота» по сравнению с антологиями малой прозы или собраниями сочинений¹⁸. Текст воспринимается не как рассказ, а скорее как повесть, «*novela corta*» в испаноязычной жанровой классификации, что повышает статус произведения. Сравнительно крупный объем рассказа (около сотни страниц малого формата) легко допускает такое жанровое перемещение¹⁹. Уже при жизни Достоевского «Скверный анекдот» выходил отдельным изданием (1866 г.). В 1945 г. в Париже также выходило отдельное иллюстрированное издание²⁰.

---

¹⁵ Ранее в его переводах вышли «Белые ночи», «Честный вор», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и др., в 2020 г. были опубликованы переводы «Слабого сердца» и «Господина Прохарчина».

¹⁶ Именно о роли такого рода сопроводительных материалов он говорил в докладе «К новому подходу изданий русских текстов за рубежом на конгрессе» на XV Конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире», прошедшем 12–16 сентября 2023 г.

¹⁷ В иллюстрациях Родригес можно предполагать влияние знаменитого отдельно французского издания «Скверного анекдота» с иллюстрациями Анненкова в переводе Ремизова и Ж. Шюзиля: *Dostoevsky Th. M. Scandaleuse histoire / traduction originale D'Alexis Remisoff et Jean Chuzeville; illustrations de G. Annenkoff; preface de L. Durtain. Paris, 1945.* Пселдонимовы Анненкова и Родригес очень схожи.

¹⁸ «Скверный анекдот» также ранее выходил отдельным изданием в Уругвае (видимо, был перепечатан перевод издательства Вепрапа): *Dostoevski F. Un percance desagradable. Montevideo, 1994.*

¹⁹ Стоит вспомнить, что объем произведений, которые Достоевский относил к жанру романа, повести и рассказа, мог сильно варьироваться, см.: *Аврамец И.* Поэтика новеллы Достоевского. Тарту, 2001. С. 55.

²⁰ См. сноску 19.

Как видно, новые переводы зачастую выполняются переводчиками-русистами или даже специалистами по Достоевскому. «Скверный анекдот» публикуется не только в рамках собраний сочинений Достоевского и антологий, но и отдельными изданиями. Меняются также издательства и издательские серии: от гигантов книжного мира к независимым или, по крайней мере, экспериментальным издательским проектам.

Поэтика «Скверного анекдота» и эволюция художественного перевода на испанский язык

«Скверный анекдот», опубликованный в журнале «Время» в 1862 г., не относится к числу самых известных произведений Достоевского. Незамеченный современниками, со временем он, однако, привлек внимание исследователей: повествовательная техника рассказа, его жанровая принадлежность, явно присутствующий в нем гоголевский интертекст, а также евангельские реминисценции не раз становились предметом анализа и интерпретации²¹.

В книге «Марксизм и философия языка» Волошинов (возможно, при участии Бахтина) разбирал «Скверный анекдот» как случай блестящего использования «чужой речи»: «<...> почти каждое слово этого рассказа с точки зрения своей экспрессии, своего эмоционального тона, своего акцентного положения в фразе входит одновременно в два

---

²¹ См.: Степанова Г. В. «Скверный анекдот» (Достоевский и Гоголь) // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г. М. Фридлендер. Т. 7. Л., 1987. С. 166–169; Циц М. И. О повествовательных особенностях рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: межвузовский сборник. Петрозаводск, 1991. С. 115–122; Юдин Ю. И. «Скверный анекдот» Достоевского в свете фольклорной традиции // Достоевский: Материалы и исследования / отв. ред. Г. М. Фридлендер. Т. 9. Л., 1991. С. 56–65; Живолупова Н. В. Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф. М. Достоевского 60-х годов («Скверный анекдот», «Записки из подполья», «Крокодил») // Достоевский и современность: Материалы VIII Международных Старорусских чтений. Новгород, 1994. С. 121–130; Лейбов Р. Заметки о «Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 158–173; Дауговиш С. Н. О жанровой природе «Скверного анекдота». (Заметки) // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридлендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 165–167; Дудкин В. В. «Скверный анекдот» Достоевского: (Жанр и интертекст) // Pro memoria. Памяти академика Г. М. Фридлендера. СПб., 2003. С. 156–164; Oliver D. Parodic Layering in Dostoevsky's "Skvernyi Anekdot" // The Slavic and East European Journal. 2003. No. 47 (2). P. 171–185. <https://doi.org/10.2307/3219942>; Кабакова Е. Г. Скверный анекдот // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 168–172; Назиров Р. Г. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. № 32. СПб., 2014. С. 181–196 [подготовка текста С. С. Шаулова]; Тихомиров Б. Н. Евангельский пласт в архитектонике рассказа Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2018. № 4. С. 65–77. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77>

пересекающиеся контекста, в две речи: в речь автора-рассказчика (ироническую, издевательскую) и в речь героя (которому не до иронии). <...> Перед нами классический случай почти совершенно не изученного лингвистического явления — речевой интерференции»²². В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин кратко анализировал рассказ с точки зрения его близости к мениппе и вновь указывал на его особый тон: «Все здесь построено на крайней *неуместности* и *скандальности* всего происходящего. Все здесь полно резких карнавальных контрастов, мезальянсов, амбивалентности, снижений и развенчаний. <...> Тон рассказа нарочито зыбкий, двусмысленный и издевательский, пронизанный элементами скрытой социально-политической и литературной полемики»²³.

Помимо повествовательных приемов, карнавальных черт, элементов сатиры и пародии рассказ отмечен виртуозной работой Достоевского с интертекстом. Изучение этого аспекта рассказа заставило Б. Н. Тихомирова в 2018 г. переосмыслить его место в наследии писателя: исследователь рассматривает «Скверный анекдот» как глубоко новаторское и рубежное произведение, превосходящее принципы поэтики зрелого Достоевского²⁴. Развивая наблюдения Р. Г. Лейбова и Н. В. Живолуповой, сделанные в середине 1990-х гг., Тихомиров детально анализирует роль новозаветного интертекста в рассказе (травестия евангельского эпизода брака в Кане Галилейской, параболы Христа о новом вине и новых и старых мехах) и показывает, как соотнесение с Писанием становится средством выражения авторской позиции, инструментом проявления глубокого скрытого смысла в незначительном анекдоте.

В «Скверном анекдоте» Достоевский демонстрирует мастерское владение сказовой техникой, унаследованной от Гоголя, и опробывает те приемы, которые станут основой его зрелого художественного метода. Это превращает его перевод в трудную творческую задачу: для воссоздания художественного эффекта от переводчика требуются полное понимание рассказа в его многоплановости, способность определить смыслообразующие элементы и силы воссоздать их на иностранном языке.

То, что мы знаем об истории переводов русской литературы на испанский язык²⁵, позволяет заранее предположить, что первые

---

²² Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. М., 1993. С. 148.

²³ Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М., 2002. С. 174.

²⁴ Тихомиров Б. Н. Евангельский пласт в архитектонике рассказа Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2018. № 4. С. 65–77. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77>

²⁵ См. об этом: Оболенская Ю. Л. La historia de las traducciones de la literatura rusa y los problemas de equivalencia // III Encuentros Complutenses en torno a la traducción: 2–6 de abril de 1990. Madrid, 1993. P. 169–181, а также неопубликованный доклад А. Гонсалеса

переводы рассказа не могли в полной степени отразить многие из его смыслообразующих черт. Хорошо известно, что на протяжении долгого времени в испаноязычном мире циркулировали переводы русской литературы, выполнявшиеся с языков-посредников (французского, немецкого и английского). Речь шла скорее об адаптациях, урезанных, приспособленных к массовому вкусу версиях, от которых нельзя было ожидать пристального внимания к художественной стороне произведений. Со временем стали появляться первые переводы, выполненные напрямую с русского языка, и на протяжении всего XX в. качество их росло. Испанский читатель со временем получил полные, достоверные, комментированные издания русской классики. Тем не менее воспроизведение стилистических особенностей оригинала на протяжении десятилетий оставалось неполным, в частности потому, что переводчики следовали жестким нормам испанского литературного языка: это неизбежно затрудняло адекватную передачу поэтики русских авторов (например, сказочных элементов²⁶). В результате проза Толстого, Достоевского или Чехова звучала по-испански единообразно, стилистическая индивидуальность русских авторов утрачивалась. Наконец, начиная с последних десятилетий XX в. и в новом тысячелетии переводчики стали уделять заметно больше внимания особенностям стиля писателей. Это, безусловно, связано с повышением культуры литературного перевода в целом, с ростом числа профессиональных русистов и переводчиков с русского в Испании и Латинской Америке, а также с углублением связей между культурами²⁷.

Переводы «Скверного анекдота» на испанский вполне отражают эти общие закономерности, хоть и с некоторыми особенностями. История переводов рассказа иллюстрирует последовательное движение от переводов «одомашнивающих» к форенизирующим: последние два перевода, выполненные Алехандро А. Гонсалесом и Мартой Санчес

от 10.11.2021 г. ¿Qué Dostoievski leemos? Traducción y recepción de Dostoievski en el mundo hispanohablante. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cFSNPKBeJAU>. См. также: *Rodríguez Espinosa M.* Acerca de los traductores españoles del exilio republicano en la URSS: El Grupo de Moscú y la difusión de la literatura rusa en España en la segunda mitad del siglo XX // *Ruiz Noguera F., Zaro Vela J. J.* Retraducir: una nueva mirada: la retraducción de textos literarios y audiovisuales. Málaga, 2007. P. 243–262.

²⁶ Характерны в этом отношении метастатьи современных аргентинских переводчиков Достоевского: *Гонсалес А.* Повести Достоевского на испанском языке: диалог культур, недоразумение или монолог переводчика? // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 505–507; *Лобос О.* Как воспроизводить на испанском языке голос Достоевского-рассказчика: заметки переводчика // *Литература двух Америк*. 2021. №11. С. 183–197. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-183-197>

²⁷ Пример такого углубления — деятельность испанского и аргентинского обществ Достоевского, журналы *Cuadernos de rusística española*, *Mundo Esclavo*, *Estudios Dostoievski*, *Eslavia*.

Ньевес²⁸, ближе всего следуют за стилистическими особенностями оригинала. Выбивается из общей логики «последовательного переводческого прогресса» лишь работа Боровски, в которой черты стиля Достоевского ощутимо сглажены. По всей видимости, свою роль тут играет не столько время появления перевода само по себе, сколько поколение, к которому принадлежит переводчица. Не исключено также, что в случае издательства «La Compañía» тенденция к доместикации является частью эдичионной стратегии: стремлением приблизить текст к читателю отмечен не только перевод сам по себе, но и сопровождающий его паратекст, речь о котором шла в предыдущем разделе статьи.

Смыслообразующие элементы текста в новых переводах

Теперь, описав в общем виде интересующие нас переводы, проанализируем, как в них переданы опорные элементы художественной структуры рассказа Достоевского.

Особенности повествования: речевые маски (рассказчик). Уже в первом абзаце рассказа обращают на себя внимание черты, замеченные еще Волошиновым и Бахтиным, стилистические контрасты, делающие тон «зыбким». Синтаксис и порядок слов, высокопарное и/или архаичное использование творительного падежа на -ю («с такою неудержимую силою»), лексика («любезного отечества», «доблестных сынов его») первого предложения создают стилистическое ожидание, нарушаемое во втором предложении, когда книжный стиль («три чрезвычайно почтенные мужа») смешивается с коллоквиальными элементами («впрочем», «даже»). Выделяется и ряд избыточных и тривиальных эпитетов, о которых специально говорится в книге «Марксизм и философия языка» («комфортной», «прекрасном», «солидным», «превосходным»).

Достоевский:

Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось **с такою неудержимую силою** и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего **любезного отечества** и стремление всех **доблестных сынов его** к новым судьбам и надеждам. Тогда, однажды зимой, в ясный и морозный вечер, **впрочем** часу уже в двенадцатом, **три чрезвычайно почтенные мужа** сидели в **комфортной** и **даже** роскошно убранной комнате, в одном **прекрасном** двухэтажном доме на Петербургской стороне и занимались **солидным** и **превосходным** разговором на весьма

---

²⁸ В одном интервью Санчес Ньевес специально указывает на то, что переводчик должен избегать «приглаживания оригинала» (plancharlo). URL: <https://departamentoderuso.blogspot.com/2017/01/m-arta-sanchez-nieves-fernandez.html> (дата обращения: 26.09.2023).

любопытную тему (5, 5; здесь и далее выделение полужирным принадлежит авторам статьи).

*Мартинова*²⁹:

con incontenible ímpetu y conmovedor e ingenuo arrebatado
nuestra querida patria
nuestros heroicos hijos
cerca de las doce
tres distinguidos caballeros
una confortable, e incluso lujosa, habitación de una espléndida casa
una seria y excelente conversación (p. 299).

*Боровски*³⁰:

con fuerza tan incontenible y con impulso tan ingenuo y conmovedor
nuestra querida patria
sus valientes hijos
cerca ya de las doce
tres hombres sumamente respetables
una habitación confortable e incluso suntuosa de una magnífica casa
una importante y elevada conversación (p. 21).

*Гонсалес*³¹:

con tan incontenible fuerza y con tan conmovedor ímpetu
nuestra querida patria
sus valerosos hijos
ya pasadas las once
tres hombres de lo más honorables
una confortable e incluso lujosamente arreglada habitación de una
hermosa casa
una seria y magnífica conversación (p. 11).

*Санчес Ньевес*³²:

con gran y incontenible fuerza y con un ímpetu conmovedor en su inocencia
nuestra amada patria

---

²⁹ Здесь и далее перевод Б. Мартиновой цитируется по следующему изданию с указанием страницы в скобках после цитаты: *Dostoievski F.M. Cuentos / edición y traducción de B. Martinova. Barcelona, 2011.*

³⁰ Здесь и далее перевод Л. Боровски цитируется по следующему изданию с указанием страницы в скобках после цитаты: *Dostoievsky F. Una historia desagradable. Buenos Aires, 2010.*

³¹ Здесь и далее перевод А. Гонсалеса цитируется по следующему изданию с указанием страницы в скобках после цитаты: *Dostoievski F.M. Sueño de un hombre ridículo y otros cuentos / traducción de A. A. González. Buenos Aires, 2018.*

³² Здесь и далее перевод М. Санчес Ньевес цитируется по следующему изданию с указанием страницы в скобках после цитаты: *Dostoievski F. Una historia desagradable / ilustraciones de K. Rodríguez; traducción de M. Sánchez-Nieves. Madrid, 2021.*

sus valerosos hijos
por cierto que pasadas ya las once
tres hombres en extremo respetables
una estancia cómoda y podría decirse que lujosamente adornada, en una
bonita casa
una conversación seria y excelente (p. 11).

Переводы Мартыновой, Гонсалеса и особенно Санчес Ньевес передают стилистический контраст: синтаксис сохраняет книжный характер, лексика принадлежит высокому стилю, но вводятся дискурсивные слова. Переводчики сохраняют банальные прилагательные и не стремятся сделать их более разнообразными. Ориентация на устную речь выразительнее передана у Санчес, которая несколько распространяет коллоквиализмы Достоевского «впрочем» и «даже»: «por cierto que pasadas ya las once», «podría decirse que lujosamente adornada». Лишь Боровски вводит менее тривиальные прилагательные, упрощает синтаксис и тем самым теряет характерные особенности тона рассказа.

Далее сказовые тенденции повествователя становятся заметнее.

Достоевский:

начал он свою карьеру мелким необеспеченным чиновником, **спокойно тянул канитель лет сорок пять сряду**, очень хорошо знал, до чего дослужится, **терпеть не мог хватать с неба звезды, хотя имел их уже две**, и особенно не любил высказывать по какому бы то ни было поводу **свое собственное личное мнение** (5, 5).

Помимо разговорного выражения («тянуть канитель»), мы находим каламбур (употребление слово «звезда» в двух значениях одновременно) и плеоназм («свое собственное личное мнение»), причем двойной, поскольку «свое собственное» — уже плеоназм, только стершийся, общеязыковой.

Мартынова и Санчес Ньевес сохраняют каламбур со словом «звезда», Гонсалес заменяет его на игру слов, но все три переводчика теряют плеоназм. В переводе Боровски пропадают оба элемента. Все четыре переводчика несколько нормализуют выражение «тянуть канитель».

Мартынова:

aguantando tranquilamente durante cuarenta y cinco años seguidos
no soportaba la idea de alcanzar las estrellas del cielo, aunque ya luciera
dos de ellas en su uniforme
su propia opinión (p. 300).

Боровски:

Había manejado sus asuntos sin sobresaltos a lo largo de cuarenta y cinco años

Detestaba distinguirse por sus condecoraciones, aunque ya tenía dos su opinión personal (p. 22).

Гонсалес:

desempeñado su monótono servicio durante unos cuarenta y cinco años, tranquilo
no soportaba el afán de distinguirse, si bien había recibido dos distinciones
su opinión sobre el asunto que fuere (p. 12).

Санчес Ньевес:

se tomó con muchísima calma unos cuarenta y cinco años
no soportaba destacar o, como suele decirse, brillar en el cielo más que otras estrellas, — aunque ya tenía dos
su opinión personal (p. 12).

В других случаях странность повествователя выходит за границы плана выражения и дает о себе знать на уровне логики. Как часто случилось с гоголевским рассказчиком, разрушение синтаксической логики (абсурдное использование союзов, вводных слов) — инструмент пародии на бюрократический мир, полностью лишенный смысла. Так, Никифоров описывается следующим образом: «Был он и честен, **то есть** ему не пришлось сделать чего-нибудь особенно бесчестного» (5, 5); «Место у него было довольно комфортное: он где-то заседал и что-то подписывал. **Одним словом**, его считали превосходнейшим человеком» (5, 6).

В этом случае интересующая нас черта повествования передается всеми переводчиками.

Мартынова:

Era honesto, **lo que vale a decir que** no se le había presentado la ocasión de hacer algo deshonesto <...> (p. 300).
Ocupaba un puesto bastante cómodo: mantenía algunas reuniones y firmaba algunos papeles. **Resumiendo**, se le consideraba una excelente persona (p. 300).

Боровски:

Era honesto, **es decir**, no le había tocado hacer algo particularmente deshonesto (p. 22).
Su cargo era cómodo, una reunión por aquí, algo para firmar por allá. **En una palabra**, se le consideraba una persona excelsa (p. 23).

Гонсалес:

Era honrado, **es decir**, nunca había tenido que hacer algo particularmente deshonesto <...> (p. 12).

Su puesto era bastante confortable: alguna que otra reunión y firmar documentos. **En una palabra**, era considerado un hombre excelentísimo (p. 12).

Санчес Ньевес:

Era, además, honrado, **es decir**, no había tenido que hacer nada demasiado deshonesto (p. 12).

Su cargo era bastante cómodo: asistir a alguna que otra reunión y echar firmas. **En resumen**, era considerado un hombre excelentísimo (p. 13).

Еще один пример абсурдной, взломанной логики в рассказе связан с описанием жителей Петербурга.

Достоевский:

Впрочем, есть два **существенные и незыблемые** признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: «Петербургские ведомости», а всегда говорят: «Академические ведомости». Второй, **одинаково существенный**, признак состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово «завтрак», а всегда говорит: «фрыштик», особенно напирая на звук фры. По этим двум **коренным и отличительным** признакам вы их всегда различите; **одним словом**, это тип смиренный и окончательно выработавшийся в последние тридцать пять лет (5, 26).

Мартынова:

dos características esenciales y clave
igual de fiable
arraigadas y diferenciadoras
en una palabra (p. 329–330).

Боровски:

dos de las señas esenciales e inmutables
estas dos señales permiten distinguirlos de manera infalible
igualmente esencial
en fin (p. 67–68).

Гонсалес:

dos indicios fundamentales e inmutables
tan fundamental como el primero
indicios sustanciales y distintivos
en una palabra (p. 47).

Санчес Ньевес:

dos señales significativas y sólidas
igual de significativa
dos señales fundamentales y diferenciadoras
en resumen (p. 64–65).

Казалось бы, все переводчики адекватно передают этот абсурдный пассаж. Однако Боровски не только убирает пару прилагательных «коренной» и «отличительный», она к тому же добавляет к этому фрагменту два примечания. Первое, касающееся «Петербургских ведомостей», звучит следующим образом: «Автор указывает на издание, публиковавшееся петербургской Академией наук» (p. 67). Второе поясняет читателю, что в тексте имеет место игра слов на основе русского и немецкого понятий, обозначающих завтрак. Эти примечания как будто призваны прибавить логики абсурдным построениям рассказчика, который к тому же назван автором. Это вновь подтверждает наш вывод о том, что из всех новых переводов именно перевод Боровски наименее точен в понимании и передаче стилистических аспектов рассказа.

Особенности повествования: речевые маски (Пралинский). Голос рассказчика — не единственный звучащий в «Скверном анекдоте». Столь же важно в рассказе присутствие другой речевой маски: маски протагониста, генерала Ивана Ильича Пралинского. Она строится на контрасте между высокопарными клише и разговорными выражениями и ярко демонстрирует неспособность персонажа адекватно выражать свои мысли, что частично обусловлено опьянением, а частично связано с его неспособностью логично рассуждать (смысл постоянно теряется из-за автоматизации языка и мысли). Как указывал Р.Г. Лейбов, «Скверный анекдот» строится на реализации метафоры, когда «опьянение либеральным говореньем» превращается в настоящее опьянение³³. Комический эффект маски усиливается, когда в речи Пралинского смешиваются не только регистры, но и языки.

Достоевский:

Какие тут всё домишки. Должно быть, **мелкота** живет, чиновники... купцы, может быть... этот Степан Никифорович! и какие все они ретрограды, **старые колпаки!** Именно колпаки, *c'est le mot*. Впрочем, он умный человек; **есть этот bon sens**, трезвое, практическое понимание вещей. Но зато старики, старики! **Нет этого... как бишь его!** (5, 10–11)

---

³³ Лейбов Р. Заметки о «Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. №8. С. 159. Ср. близкий каламбур Пушкина в строфе о Зарецком, где метафорическое упоение боем оказывается настоящим опьянением.

Мартынова:

la morralla
¡Viejos pazguatos!
Precisamente pazguatos, c'est le mot
tiene eso que se llama bon sens
Les falta eso... ¡cómo decirlo! (p. 307)

Боровски:

gente de poco nivel
qué viejos papanatas son todos ellos!
Verdaderos papanatas, c'est le mot.
tiene bon sens
Aunque no es eso... ¡Hay que verlo! (p. 33–34)

Гонсалес:

gente pequeña
viejos pazguatos!
Eso, pazguatos, c'est le mot.
tiene bon sens
Carecen de eso... ¿cómo se llama?... bueno, carecen de algo... (p. 21)

Санчес Ньевес:

toda una caterva
¡viejos simplones!
Así es, simplones, c'est le mot.
tiene ese bon sens
No tienen el... ¿cómo se llamaba...? (p. 26)

Особенности речи Пралинского успешно воссоздаются всеми переводчиками. Еще один пример находим несколькими страницами далее, здесь во внутренней речи персонажа сталкиваются разговорные выражения и славянизмы.

Достоевский:

Что же! — мелькало в его голове, — вот мы все говорим, говорим, а коснется до дела, и **только шиш выходит**. Вот пример, хоть бы этот самый Пселдонимов: он приехал давеча от венца в волнении, в надежде, **ожидая вкусить...** **Это один из блаженнейших дней его жизни...** (5, 13)

Мартынова:

todo queda en nada
con la esperanza de agradar los paladares...
Es uno de los días más felices de su vida (p. 310–311).

Боровски:

no obtenemos ningún resultado
la intención de probar...
Este es uno de los días más felices de su vida (p. 39).

Гонсалес:

todo se va al traste
aguardando disfrutar de...
Es uno de los días más dichosos de su vida... (p. 24–25)

Санчес Ньевес:

y, mira, ahora asoma
esperando comer y beber algo...
Es uno de los días más dichosos de su vida... (p. 32)

Стилистический контраст отчетливо передан А. Гонсалесом и, отчасти, М. Санчес Ньевес (переводчица не поняла переносного значения слова «вкусить», передав его как желание выпить и поесть).

Очевидно, что в целом в новых переводах Мартыновой, Гонсалеса и Санчес Ньевес успешно воссоздаются повествовательные приемы Достоевского. Эти переводчики используют коллоквиализмы, не стремятся сгладить шероховатости стиля или облагородить тривиальные выражения. Как маска рассказчика, так и маска Пралинского легко воспринимаются читателем как иронические, сатирические, дистанция между подлинным автором и его персонажами прозрачна.

Евангельский интертекст

Как мы сказали выше, работа Достоевского с евангельским интертекстом — это важнейшее средство выражения авторской позиции, тот инструмент, который позволяет обнаружить сокрытый смысл в незначительном анекдоте. Для адекватного восприятия этого смыслового уровня рассказа даже современный русскоязычный читатель, часто далекий от новозаветного текста, нуждается в проводнике. Без комментариев библейские отсылки зачастую не распознаются, а значит, оказывается невозможным соотнесение двух сюжетных планов, явного и скрытого.

Рассмотрим центральную метафору рассказа о новом вине и старых мехах. Она появляется в начале рассказа в разговоре трех генералов и вновь звучит в последней фразе рассказа, когда Пралинский говорит, что он «не выдержал» (как старые мехи не выдержат нового вина). Как писал Р.Г. Лейбов, «Иван Ильич не выдерживает выпитого, как ветхие мехи <...>»³⁴.

---

³⁴ Лейбов Р. Заметки о «Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 164.

В переводе Мартыновой сохранена евангельская цитата, но игра слов, основанная на прямом и метафорическом значении глагола «выдержать», не передана: в первом случае используется выражение «estar preparado» ‘быть готовым’, а во втором «hacer mi papel» ‘исполнить свою роль’. В переводе Боровски игра воссоздана более адекватно (с использованием глагола «resistir» ‘выдерживать’ в обоих контекстах), кроме того, имеется краткое примечание переводчицы, указывающее на источник цитаты о старых мехах. Гонсалес также добавляет примечание переводчика и указывает на источник цитаты. Тем не менее глагол, избранный аргентинским переводчиком, лишен физического значения («rasar la grueba», ‘пройти испытание’), так что, хоть он и использован в обоих контекстах, важный элемент оригинального приема оказывается утрачен. Санчес Ньевес также вводит переводческое примечание и указывает на источник цитаты. Глагол, избранный переводчицей, повторяется в двух контекстах и имеет как прямое физическое, так и фигуральное значение «aguantar» ‘переносить’.

Помимо примечания к этому фрагменту рассказа, во всех четырех новых переводах отсутствуют какие-либо иные отсылки к евангельским контекстам: их нет в примечаниях, а сопровождающие тексты практически отсутствуют (за исключением издания с переводом Боровски, в котором, правда, тема роли евангельского пласта в рассказе никак не обсуждается). Тексты переводов сами по себе не дают читателю ключа к пониманию иносказательного уровня «Скверного анекдота».

Поэтика «Скверного анекдота» в зеркале принимающих культур

Гипотеза о перепереводе, постулирующая постепенный прогресс переводов, их движение от доместикации к форенизации как доминирующей стратегии, отчасти подтверждается исследованным материалом. Перевод Луисы Боровски выбивается из этой закономерности, но переводы А. Гонсалеса и М. Санчес Ньевес оказываются самыми стилистически адекватными из известных нам испаноязычных версий рассказа Достоевского.

Интерес к «Скверному анекдоту» следует связывать с целым рядом процессов принимающих культур. С одной стороны, играют свою роль особенности издательского рынка испаноязычных стран. Издательства предпочитают не покупать права, часто очень дорогие, на уже существующий перевод, а предлагать читателю свой собственный. Рост уровня испаноязычной славистики вообще и достоевистики в частности, в свою очередь, приводит к закономерному росту качества переводов. С другой стороны, важно то, что «Скверный анекдот» неизвестен широкому читателю. Свою роль также играет объем этого рассказа. Он

позволяет выпустить отдельную книгу, не слишком большую, которая может привлечь публику громким именем автора.

С точки зрения рецепции Достоевского в целом, новые переводы отражают процесс пересмотра двух важных стереотипов о русском авторе. Первый — это стереотип о Достоевском-романисте, второй — о Достоевском как писателе, лишенном юмора. Усталость от этого образа приводит к переоценке малой прозы писателя, а также к тому, что внимание фокусируется на его стиле, его юморе, иронии и сатире. Типологически близкий случай актуализации «Скверного анекдота» имел место в США: там в 2021 г. издательством «Pushkin Press» был выпущен том рассказов Достоевского с вынесенным на титул «Скверным анекдотом» в новом переводе.

Что касается интерпретации рассказа, то можно сказать, что в новых переводах она соответствует уровню его критического осмысления почти столетней давности (Бахтин, Волошинов). Повествовательные приемы, карнавальные черты, гоголевский пласт — все это учитывается и воссоздается новыми переводчиками. Однако плоды достоевсковедения последних десятилетий, пересмотревшего место рассказа в творчестве писателя и предложившего его новую интерпретацию, еще не доступны испаноязычному читателю.

Отчасти это связано с тем, что «Скверный анекдот» — рубежная вещь, в которой новые методы выражения авторской позиции лишь нащупываются. Они оказываются отчасти заслонены карнавальным и сказовым блеском рассказа, и лишь самый вдумчивый читатель обнаруживает библейский фундамент конструкции. Текст сам по себе, без подробного комментария, оказывается лишен ключа.

В завершение процитируем недавнюю статью Т.А. Касаткиной и А.Б. Кузнецовой, посвященную переводам Достоевского: «<...> наибольшие проблемы подстерегают переводчика, когда он имеет дело либо с выраженными авторскими концептами, которые, конечно, надо стремиться сохранять на всем их протяжении, ни в коем случае не пытаясь “улучшить стиль” Достоевского путем отмены “ненужных повторений”, либо с скрытыми или трансформированными автором цитатами. И все больше становится понятно, что для перевода, приближенного к адекватному, переводчик, работающий с текстами Достоевского, должен быть одновременно филологом-исследователем, владеющим инструментами скрупулезного анализа текста, хорошо знающим библейские и литургические тексты на нескольких языках, чтобы уметь как опознать цитаты в тексте, так и найти их эквиваленты. Или, что более осуществимо, — сотрудничать с филологами-исследователями»³⁵. Анализ новейших переводов «Скверного анекдота» на испанский язык полностью подтверждает этот вывод.

---

³⁵ Касаткина Т.А., Кузнецова А.Б. Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2020. №4. С. 132. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133>

Библиографический список

- Аврамец И.* Поэтика новеллы Достоевского. Тарту, 2001. 142 с.
- Арсентьева Н., Морильяс Ж.* Испанское достоевскоеведение: истоки, итоги и перспективы // Достоевский: Исследования и материалы. Т. 20. 2013. С. 305–328.
- Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М., 2002. 799 с.
- Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.).* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. М., 1993. 189 с.
- Гонсалес А.* Повести Достоевского на испанском языке: диалог культур, недоразумение или монолог переводчика? // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 505–507.
- Дауговитш С. Н.* О жанровой природе «Скверного анекдота» (Заметки) // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридлендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 165–167.
- Дудкин В. В.* «Скверный анекдот» Достоевского (Жанр и интертекст) // Pro memoria. Памяти академика Г. М. Фридлендера. СПб., 2003. С. 156–164.
- Живолупова Н. В.* Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф. М. Достоевского 60-х годов («Скверный анекдот», «Записки из подполья», «Крокодил») // Достоевский и современность: Материалы VIII Международных Старорусских чтений. Новгород, 1994. С. 121–130.
- Кабакова Е. Г.* «Скверный анекдот» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 168–172.
- Касаткина Т. А., Кузнецова А. Б.* Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2020. № 4. С. 117–133. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133>
- Левин Ю. Д.* К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 365–372.
- Лейбов Р.* Заметки о «Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 158–173.
- Лобос О.* Как воспроизводить на испанском языке голос Достоевского-рассказчика: заметки переводчика // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 183–197. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-183-197>
- Морильяс Ж.* Русский герой на аргентинской земле. Восприятие, влияние и переводы Ф. М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 198–224. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-198-224>
- Назиров Р. Г.* Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. № 32. СПб., 2014. С. 181–196 [подготовка текста С. С. Шаулова].
- Оболенская Ю. Л.* La historia de las traducciones de la literatura rusa y los problemas de equivalencia // III Encuentros Complutenses en torno a la traducción: 2–6 de abril de 1990. Madrid, 1993. P. 169–181.

- Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М., 1998. 315 с.
- Степанова Г.В. «Скверный анекдот» (Достоевский и Гоголь) // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г.М. Фридлендер. Т. 7. Л., 1987. С. 166–169.
- Тихомиров Б.Н. Евангельский пласт в архитектонике рассказа Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский и мировая культура: филологический журнал. 2018. № 4. С. 65–77. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77>
- Циц М.И. О повествовательных особенностях рассказа Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: межвузовский сборник. Петрозаводск, 1991. С. 115–122.
- Юдин Ю.И. «Скверный анекдот» Достоевского в свете фольклорной традиции // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г.М. Фридлендер. Т. 9. Л., 1991. С. 56–65.
- Bassnett S. The translation turn in culture studies // Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon, 1998. P. 123–140.
- Belousova A., Ruiz P. Las técnicas del ‘skaz’ en traducción: problemas de transmisión estilística (“Un episodio desagradable” de Dostoievski, traducido por Alejandro Ariel González) // Mundo Eslavo. 2020. Vol. 19. P. 177–194. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17712> (дата обращения: 17.09.2023).
- Boulogne P. And now for something completely different... Once again the same book by Dostoevsky: A (con)textual analysis of early and recent Dostoevsky retranlations into dutch // Cadernos de Tradução. 2019. Vol. 39, no. 1 (Jan. — Abr). P. 117–144. <http://dx.doi.org/10.5007/2175-7968.2019v39n1p117>.
- Boulogne P. Retranslation as an (un)successful counter-narrative: *Les frères Karamazov* versus *Les frères Karamazov* // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 1. С. 129–143. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-1-8>
- Berman A. La Retraduction comme espace de traduction // Palimpsestes. 1990. No. 13 (4). P. 1–7.
- Borovsky L. Posfacio // Dostoievsky F. Una historia desagradable. Buenos Aires, 2010. P. 109–116.
- Chesterman A. A causal model for Translation Studies // Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies I: Textual and Cognitive Aspects / ed. M. Olan. Manchester, 2000. P. 15–27.
- Dostoievski F.M. Obras completas: in 9 vols. / edición en castellano dirigida y prologada por A. Vidal; con un estudio preliminar de J.L.L. Aranguren. Vol. III. Barcelona, 1969. 939 p.
- Dostoievski F.M. Cuentos / edición y traducción de B. Martinova. Barcelona, 2011. 517 p.
- Dostoievski F.M. Sueño de un hombre ridículo y otros cuentos / traducción de A.A. González. Buenos Aires, 2018. 230 p.
- Dostoievski F. Una historia desagradable / ilustraciones de K. Rodríguez; traducción de M. Sánchez-Nieves. Madrid, 2021. 128 p.

- Dostoievsky Th. M.* Scandaleuse histoire / traduction originale D'Alexis Remisoff et J. Chuzeville; illustrations de G. Annenkoff; preface de L. Durtain. Paris, 1945. 165 p.
- Dostoiewski F.M.* Una historia molesta. Corazón débil. Buenos Aires, 1958. 146 p.
- Dostoievsky F.* Una historia desagradable. Buenos Aires, 2010. 128 p.
- Dostoyevski F.* Un percance desagradable. Montevideo, 1994. 76 p.
- Dostoyevski F.M.* Obras completas. T. I (1844–1865) / traducción, introducción, prólogo y notas de R. Cansinos Assens. Madrid, 1968. 1556 p.
- Dostoyevski F.M.* Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso / introducción, traducción y notas de J. López-Morillas. Alianza, 1982. 175 p.
- Espinosa M.* Acerca de los traductores españoles del exilio republicano en la URSS: El Grupo de Moscú y la difusión de la literatura rusa en España en la segunda mitad del siglo XX // Ruiz Noguera F., Zaro Vela J.J. Retraducir: una nueva mirada: la retraducción de textos literarios y audiovisuales. Málaga, 2007. P. 243–262.
- Gambier Yv.* La retraduction, retour et détour // Meta. 1994. No. 39 (3). P. 413–417. <https://doi.org/10.7202/002799ar>.
- Martínez Fernández I.* Dostoievski, de la igualdad a la diferencia: ensayo sobre la burocracia. Madrid, 2003. 224 p.
- Martinova B.* Prólogo // F.M. Dostoievski. Cuentos / edición y traducción de B. Martinova. Barcelona, 2011. P. 7–17.
- Morillas J.* Fiodor M. Dostoyevski. Cuentos // Mundo Esloveno. 2010. Vol. 9. P. 110–111. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17488> (дата обращения: 25.08.2023).
- Morillas J.* Dostoevsky in Spain: A short history of translation and research // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. 2013. Vol. 13. P. 121–143.
- Morillas J.* La recepción de F.M. Dostoyevski en España // Estudios Dostoyevski. 2019. Vol. 2 (enero — junio). P. 4–22. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoyevski/ed02pdf/morillas004.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
- Morillas J.* La recepción de F.M. Dostoyevski en el continente iberoamericano. Una visión panorámica // Estudios Dostoyevski. 2019. Vol. 2 (enero — junio). P. 23–37. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoyevski/ed02pdf/morillas023.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
- Oliver D.* Parodic Layering in Dostoevsky's "Skvernyi Anekdot" // The Slavic and East European Journal. 2003. No. 47 (2). P. 171–185. <https://doi.org/10.2307/3219942>
- Venuti L.* The Translator's Invisibility. London, 1995. 353 p.

References

- Arsent'eva N., Morillas J. Ispanskoe dostoyevskovedenie: istoki, itogi i perspektivy [Spanish Dostoevsky studies: origins, results and prospects]. *Dostoyevskii: Issledovaniia i materialy*, 2013, no. 20, pp. 305–328. (In Russ.)
- Avramets I. *Poetika novelly Dostoyevskogo* [Poetics of Dostoevsky's short story]. Tartu, 2001. 142 p. (In Russ.)

- Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960–1970-h gg.* [Collected works: in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics, 1963. Works of the 1960s–1970s]. Moscow, 2002. 799 p. (In Russ.)
- Bassnett S. The translation turn in culture studies. In: Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon, 1998. Pp. 123–140.
- Belousova A., Ruiz P. Las técnicas del ‘skaz’ en traducción: problemas de transmisión estilística (“Un episodio desagradable” de Dostoievski, traducido por Alejandro Ariel González) [The Skaz Technique in Translation: Aspects of Stylistic Rendition (“A Nasty Story” by Dostoevsky, Translated into Spanish by Alejandro Ariel González)]. *Mundo Esloveno*, 2020, vol. 19. Pp. 177–194. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17712> (accessed: 17.09.2023). (In Span.)
- Boulogne P. And now for something completely different... Once again the same book by Dostoevsky: A (con)textual analysis of early and recent Dostoevsky retranlations into Dutch. *Cadernos de Tradução*, 2019, vol. 39, no. 1 (jan. — abr), pp. 117–144. <http://dx.doi.org/10.5007/2175-7968.2019v39n1p117>
- Boulogne P. Retranslation as an (un)successful counter-narrative: *Les frères Karamazov* versus *Les frères Karamazov*. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 129–143. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-1-8>
- Berman A. La Retraduction comme espace de traduction [Retranslation as a Space of Translation]. *Palimpsestes*, 1990, no. 13 (4), pp. 1–7. (In French)
- Borovsky L. Posfacio [Afterword]. In: Dostoievsky F. *Una historia desagradable*. Buenos Aires, 2010. Pp. 109–116. (In Span.)
- Chesterman A. A causal model for Translation Studies. In: *Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies I: Textual and Cognitive Aspects*, Olanhan M., ed. Manchester, 2000. Pp. 15–27.
- Daugovish S. N. O zhanrovoi prirode “Skvernogo anekdota”. (Zametki) [On the genre nature of “A Nasty Story” (Notes)]. In: *Pro memoria: Pamiati akademika G. M. Fridlendera (1915–1995)*. Saint Petersburg, 2003. Pp. 165–167. (In Russ.)
- Dostoievski F. M. *Obras completas: in 9 vols.* [Complete works. 9 vols.], edición en castellano dirigida y prologada por Augusto Vidal; con un estudio preliminar de José Luís L. Aranguren, vol. III. Barcelona, 1969. 939 p. (In Span.)
- Dostoievski F. M. *Cuentos* [Stories], edición y traducción de B. Martinova. Barcelona, 2011. 517 p. (In Span.)
- Dostoievski F. M. *Sueño de un hombre ridículo y otros cuentos* [Dream of a ridiculous man and other stories], traducción de A. A. González. Buenos Aires, 2018. 230 p. (In Span.)
- Dostoievski F. *Una historia desagradable* [A Nasty Story], ilustraciones de Kenia Rodríguez. Traducción de Marta Sánchez-Nieves. Madrid, 2021. 128 p. (In Span.)
- Dostoievsky Th. M. *Scandaleuse histoire* [A Nasty Story], traduction originale D’Alexis Remisoff et J. Chuzeville; illustrations de G. Annenkoff; preface de Luc Durtain. Paris, 1945. 165 p. (In French)
- Dostoiewski F. M. *Una historia molesta. Corazón débil* [A Nasty story. Weak heart]. Buenos Aires, 1958. 146 p. (In Span.)

- Dostoievsky F. *Una historia desagradable* [A Nasty Story]. Buenos Aires, 2010. 128 p. (In Span.)
- Dostoievski F. *Un percance desagradable* [A Nasty Story]. Montevideo, 1994. 132 p. (In Span.)
- Dostoyevski F.M. *Obras completas. Tomo I (1844–1865)* [Complete works. Vol. I (1844–1865)], traducción, introducción, prólogo y notas de R. Cansinos Assens. Madrid, 1968. 1556 p. (In Span.)
- Dostoyevski F.M. *Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso* [White Nights. The Little Hero. A Nasty Story]. introducción, traducción y notas de J. López-Morillas. Alianza, 1982. 175 p. (In Span.)
- Dudkin V.V. “Skvernyj anekdot” Dostoevskogo: (Zhanr i intertekst) [“A Nasty Story” by Dostoevsky: (Genre and intertext)]. In: *Pro memoria: Pamjati akademika G. M. Fridlendera (1915–1995)*. Saint Petersburg, 2003. Pp. 156–164. (In Russ.)
- Espinosa M. Acerca de los traductores españoles del exilio republicano en la URSS: El Grupo de Moscú y la difusión de la literatura rusa en España en la segunda mitad del siglo XX [About the Spanish translators of the republican exile in the USSR: The Moscow Group and the dissemination of Russian literature in Spain in the second half of the 20th century]. In: Ruiz Noguera F., Zaro Vela J.J. *Retraducir: una nueva mirada: la retraducción de textos literarios y audiovisuales*. Málaga, 2007. Pp. 243–262. (In Span.)
- Gambier Yv. La retraduction, retour et détour [Retranslation, Return and Detour]. *Meta*, 1994, no. 39 (3), pp. 413–417. <https://doi.org/10.7202/002799ar> (In French)
- Gonsales A. Povesti Dostoevskogo na ispanskom iazyke: dialog kul'tur, nedorazumenie ili monolog perevodchika? [Dostoevsky's stories in Spanish: dialogue of cultures, misunderstanding or translator's monologue?]. *Mezhdunarodnyi simpozium “Russkaia slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste”*: izbrannye doklady i tezisy. Moscow, 2008. Pp. 505–507. (In Russ.)
- Iudin Ju. I. “Skvernyj anekdot” Dostoevskogo v svete fol'klornoi traditsii [Dostoevsky's “A Nasty Story” in the light of folklore tradition]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, Fridlender G. M., ed., vol. 9. Leningrad, 1991. Pp. 56–65. (In Russ.)
- Kabakova E. G. “Skvernyj anekdot” [A Nasty Story]. In: *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik*, G. K. Shhennikov, B. N. Tikhomirov, eds. Saint Petersburg, 2008. Pp. 168–172. (In Russ.)
- Kasatkina T.A., Kuznetsova A.B. Problemy perevoda Dostoevskogo [Problems of translating Dostoevsky]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: filologicheskii zhurnal*, 2020, no. 4, pp. 117–133. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133> (In Russ.)
- Leibov R. Zametki o “Skvernom anekdote” [Notes on “A Nasty Story”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 8, pp. 158–173. (In Russ.)
- Levin Iu. D. K voprosu o perevodnoj mnozhestvennosti [On the issue of translation plurality]. In: *Klassicheskoe nasledie i sovremennost'*. Leningrad, 1981. Pp. 365–372. (In Russ.)
- Lobos O. Kak vosproizvodit' na ispanskom iazyke golos Dostoevskogo-rasskazchika: zametki perevodchika [Rerproducing the voice of Dostoevsky-narrator in Spanish: Translator's notes]. *Literatura dvuh Amerik*, 2021, no. 11, pp. 183–197. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-183-197>. (In Russ.)

- Martínez Fernández I. *Dostoievski, de la igualdad a la diferencia: Ensayo sobre la burocracia*. Madrid, 2003. 224 p. (In Span.)
- Martinova B. Prólogo [Foreword]. In: Dostoievski F. M. *Cuento*, edited and translated by B. Martinova. Barcelona, 2011. Pp. 7–17. (In Span.)
- Morillas J. Fiodor M. Dostoevski. Cuentos [Fyodor M. Dostoevsky. Stories]. *Mundo Eslavo*, 2010, vol. 9, pp. 110–111. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17488> (In Span.)
- Morillas J. Dostoevsky in Spain: A short history of Translation and Research. *Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society*, 2013, vol. 13, pp. 121–143.
- Morillas J. La recepción de F. M. Dostoievski en España [The reception of F. M. Dostoevsky in Spain]. *Estudios Dostoievski*, 2019, vol. 2 (enero — junio), pp. 4–22. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoievski/ed02pdf/morillas004.pdf>. (In Span.)
- Morillas J. La recepción de F. M. Dostoievski en el continente iberoamericano. Una visión panorámica [The reception of F. M. Dostoevsky in the Ibero-American continent. A panoramic view]. *Estudios Dostoievski*, 2019, vol. 2 (enero — junio), pp. 23–37. URL: <http://www.agonfilosofia.es/EstudiosDostoievski/ed02pdf/morillas023.pdf> (In Span.)
- Morillas J. Russkii geroi na argentinskoi zemle. Vospriiatie, vliianie i perevody F. M. Dostoevskogo v Argentine [Russian hero on Argentine soil. Perception, influence and translations of F. M. Dostoevsky in Argentina]. *Literatura dvukh Amerik*, 2021, no. 11, pp. 198–224. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-198-224> (In Russ.)
- Nazirov R. G. Gogolevskaia traditsiia i “Skvernyi anekdot” Dostoevskogo [Gogolian tradition and Dostoevsky’s “A Nasty Story”]. [text prep. S. S. Shaulov]. In: Shaulov S. S., ed. *Dostoievskii i mirovaia kul'tura: almanac, №32*. Saint Petersburg, 2014. Pp. 181–196. (In Russ.)
- Obolenskaia Iu. L. La historia de las traducciones de la literatura rusa y los problemas de equivalencia [The history of translations of Russian literature and the problems of equivalence]. In: *III Encuentros Complutenses en torno a la traducción: 2–6 de abril de 1990*. Madrid, 1993. Pp. 169–181. (In Span.)
- Obolenskaia Iu. L. *Dialog kul'tur i dialektika perevoda. Sud'by proizvedenij russkikh pisatelej XIX veka v Spanii i Latinskoj Amerike* [Dialogue of cultures and dialectics of translation. The fate of the works of Russian writers of the 19th century in Spain and Latin America]. Moscow, 1998. 315 p. (In Russ.)
- Oliver D. Parodic Layering in Dostoevsky’s “Skvernyi Anekdot”. *The Slavic and East European Journal*, 2003, no. 47 (2), pp. 171–185. <https://doi.org/10.2307/3219942>
- Stepanova G. V. “Skvernyj anekdot” (Dostoievskii i Gogol’) [“A Nasty Story” (Dostoevskij i Gogol’)]. In: *Dostoievskii. Materialy i issledovaniia*, Fridlender G. M., ed., vol. 7. Leningrad, 1987. Pp. 166–169. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. Evangel'skii plast v arkhitektonike rasskaza Dostoevskogo “Skvernyi anekdot” [The Evangelical stratum in the architectonics of Dostoevsky’s short story “A Nasty Story”]. *Dostoievskii i mirovaia kul'tura: filologicheskii zhurnal*, 2018, no. 4, pp. 65–77. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77> (In Russ.)

- Tsits M.I. O povestvovatel'nykh osobennostiakh rasskaza F.M. Dostoevskogo "Skvernyi anekdot" [On the Narrative Features of F.M. Dostoevsky's Story "A Nasty Story"]. In: *Sovremennye problemy metoda, zhanra i poetiki russkoi literatury: mezhvuzovskii sbornik*. Petrozavodsk, 1991. Pp. 115–122. (In Russ.)
- Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London, 1995. 353 p.
- Voloshinov V.N. (Bahtin M.M.). *Marksizm i filozofia iazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o iazyke* [Marxism and philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language], comment. V. Makhlina. Moscow, 1993. 189 p. (In Russ.)
- Zhivolupova N. V. *Transformatsiia motiva "podrazhaniia Khristu" v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo 60-kh godov* ("Skvernyj anekdot", "Zapiski iz podpol'ia", "Krokodil") [Transformation of the motive of "Imitation of Christ" in the works of F.M. Dostoevsky of the 60s ("Bad joke", "Notes from the Underground", "Crocodile")]. In: *Dostoevskii i sovremennost': Materialy VIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii*. Novgorod, 1994. Pp. 121–130. (In Russ.)

К. С. КОРКОНОСЕНКО*

ORCID: 0009-0001-9714-6860

ДОСТОЕВСКИЙ И «ПОКОЛЕНИЕ 98-го ГОДА» В ИСПАНИИ

Аннотация: Присутствие Достоевского в интеллектуальной жизни «поколения 98-го года» в Испании исследуется в двух аспектах: восприятие произведений и формирование образа самого автора, который на рубеже веков обрел собственное существование, не совпадающее с реальной биографией Достоевского. Установлено существенное различие в восприятии Толстого и Достоевского «поколением 98-го года». Творческое наследие Толстого пронизывает всю испанскую литературу той эпохи. При этом не всегда удастся определить, в чем именно заключается это влияние. Толстой был тем воздухом, которым дышали все испанские интеллектуалы, подчас не замечая этого. Влияние Достоевского, напротив, не стало всепроникающим; зато в тех конкретных случаях, когда можно вести доказательный разговор о влиянии или переосмыслении идей, сюжетов, художественных приемов русского писателя, присутствие Достоевского явлено в произведениях испанских писателей в концентрированном виде и свидетельствует о прямом интересе определенного автора к его творчеству.

Ключевые слова: Достоевский, «поколение 98-го года» в Испании, Л. Н. Толстой, Унамуну, Бароха, Ортега-и-Гассет.

K. S. KORKONOSENKO

DOSTOEVSKY AND THE SPANISH GENERATION OF '98

Annotation: I concern the presence of Dostoevsky in the intellectual life of the Spanish *Generation of '98* in two aspects: perception of his works and formation of the image of the author, that at the turn of the century gained independent existence, not coinciding with the real biography of Dostoevsky. There is a significant difference between the perception of Tolstoy and Dostoevsky by the *Generation of '98*. Tolstoy's artistic heritage permeates the entire Spanish

---

* Кирилл Сергеевич Корконосенко, канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Kirill Sergeevich Korkonosenko, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences. korkonos@mail.ru

literature of that time, but it is not always possible to determine exactly what it is. Tolstoy was the air that all Spanish intellectuals breathed, sometimes without noticing it. On the contrary, the influence of Dostoevsky has not become all-pervasive; but in those concrete cases when we can evidentially confirm the influence or rethinking of ideas, plots, artistic techniques of the Russian writer, the presence of Dostoevsky is manifested in a concentrated form and indicates the direct interest of a certain author in his work.

Key words: Dostoevsky, Spanish *Generation of '98*, Lev Tolstoy, Unamuno, Baroja, Ortega y Gasset.

В 1898 г. Испания, потерпев сокрушительное поражение в войне с Соединенными Штатами, окончательно утратила статус мировой колониальной державы. Даже по прошествии сотни лет после так называемой «катастрофы» выражение «поколение 98-го года» остается в истории испанской литературы общепринятым, но не строго определенным терминологически понятием: разные авторы вкладывают в него различное содержание, состав представителей поколения варьируется в зависимости от позиции исследователя и от предмета исследования¹. Поэтому разговор о восприятии Достоевского «поколением 98-го года» целесообразно начать с рабочего определения этого понятия, которым я буду пользоваться в рамках своей статьи.

Для многих представителей испанской интеллигенции бесславно проигранная война, приведшая к потере заокеанских колоний, послужила толчком к раздумьям об исторической судьбе своей родины, о путях вывода страны из глубокого экономического, политического и духовного кризиса. Позже это идейно-культурное течение, к которому принадлежали писатели, философы, публицисты, общественные деятели, получило название «поколение 98-го года».

Речь в первой части статьи пойдет в основном о представителях этого поколения, писавших романы, в которых отразились влияние, преемственность и полемика с творчеством Достоевского — и Льва Толстого, отношение к которому рассматривается как вторая статья сравнения, необходимая для создания системы координат. Таких ключевых фигур как минимум четыре: Асорин (Хуан Мартинес Руис), Рамон дель Валье Инклан, Пио Бароха и Мигель де Унамуно.

Говоря о присутствии Достоевского и Толстого в интеллектуальной жизни Испании, необходимо иметь в виду как минимум два разных по сути явления: восприятие и творческое переосмысление их произведений и формирование образов самих авторов, которые на рубеже веков обрели свое собственное существование, не совпадающее с реальными их биографиями.

---

¹ Детальный обзор точек зрения на проблему определения «поколения 98-го года» см., например: Диас Плаха Г. Модернизм лицом к лицу с поколением 1898 года // Диас Плаха Г. От Сервантеса до наших дней. М., 1981. С. 118–129.

Рубеж веков в Испании был периодом смены мифологем. Поражение 1898 г. окончательно развеяло миф об Испании как о великой империи, над которой никогда не заходит солнце. Образовавшийся вакуум неизбежно заполнялся новыми объектами мифологизации, в роли которых выступали понятия, явления, личности и художественные образы.

Олицетворением родины в культурном сознании испанцев на долгие годы становится Дон Кихот. Из персонажа романа Сервантеса он превращается в национальный миф, к которому обращаются, когда стремятся разгадать «загадку Испании». При этом Дон Кихот был не единственным олицетворением «духа нации»; в ряду испанских мифологем рубежа веков он стоит в одном ряду с другими литературными и историческими персонажами: Дон Жуаном, Игнатием Лойолой, Святой Тересой, Селестиной и т. д.

С другой стороны, эти образы у разных авторов и даже в разных текстах одного автора превращались в специальные термины, смысловые единства, наличествующие во многих текстах, но изменяющие свое значение от текста к тексту. Такое же превращение явления в знак происходило в культурном сознании испанцев и со словами-понятиями «Толстой», «Война и мир», «Крейцера соната», «Исповедь», а начиная примерно с 1910-х гг. этот ряд пополнился и терминами «Достоевский», «Раскольников», «Братья Карамазовы».

Действительно, письма, статьи, прологи к романам и сами тексты испанских романов тех лет насыщены упоминаниями Толстого и Достоевского, причем предполагается, что эти имена-термины известны всем и каждому; пояснения требует только контекст, к которому они отсылают. Приведу три характерных примера, в которых обращает на себя внимание форма отсылки к русскому автору.

Из письма Хосе Ортеги-и-Гассета к Мигелю де Унамуно: «Было бы прекрасно, если бы Вы — в качестве зарядки для духа — написали научную работу. И да будет Вам предостережением “Исповедь” Толстого: “Я искал во всех знаниях и не только не нашел...”»². Здесь особенно показательно, что Ортега даже не считает нужным продолжить цитату, предполагая, что она хорошо знакома Унамуно.

Из книги литературной критики Пио Барохи: «Что такое “Оды” Горация? Средоточие общих мест. Что такое “Вакханки” Еврипида, пьесы Шекспира и “Братья Карамазовы”? Средоточие экстравагантности»³. Подразумевается, что произведение Достоевского настолько известно, что фамилию автора можно не указывать.

Из журнальной статьи Рамиро де Маэсту: «Всякий читатель “Бесов” Достоевского знает, что революционный процесс был давно уже

---

² Ортега-и-Гассет Х. Письма к Мигелю де Унамуно // Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 282.

³ Baroja P. El escritor según él y según los críticos. Madrid, 1944. P. 216.

описан гениальным писателем, предвосхитившим события больше чем за полвека»⁴. Ясно, что публицист обращается к широкому кругу читателей, предположительно знакомых с романом Достоевского.

Подобно тому как античные боги и герои являлись персонажами нескольких, зачастую противоречивых, мифов, подобно тому как Дон Кихот для писателей «поколения 98-го года» представлял собой цельный образ и в то же время служил объектом для бесчисленных интерпретаций, так и имена Достоевского и Толстого в интеллектуальных дискуссиях того времени могли употребляться в разных контекстах, для отстаивания различных — даже противоположных — философских, художественных и политических принципов. Особенно это касается Толстого. Мало того, что на рубеже веков все читали Толстого, о нем к тому же говорили и писали как о своем, всем знакомом и потому важном явлении. Русский ученый Л. Ю. Шепелевич, находясь в Испании, писал о Толстом: «Его именем полны все газеты. Некоторые его трактаты общественного характера циркулируют в бесчисленных экземплярах среди рабочих классов населения»⁵.

Чтобы избежать долгого цитирования, ограничусь лишь перечислением особенно характерных эпитетов, которыми наделяли Толстого и Достоевского представители «поколения 98-го года». Многие из этих оценок хорошо нам знакомы, потому что пришли в Испанию из русской и французской критики. Толстой — это анархист, социалист, носитель истинно христианского чувства, гуманист, эгоист, пророк, тонкий стилист. Достоевский — анархист, антиреволюционер, пророк русской революции, больной писатель, тонкий психолог, новатор в области романной техники. К тому же оба они, несомненно, гении и величайшие писатели XIX в., чье влияние на современную литературу неоспоримо (в этом контексте Толстой и Достоевский обычно упоминаются наряду с другими европейскими писателями, такими как Ибсен, Диккенс, Золя, Стендаль). Все эти оценки приводятся без комментариев, обычно как самоочевидные примеры и пояснения в разговоре о более спорных предметах, таких как будущее Испании, сущность христианства, творчество испанских писателей.

Как видно даже из этого короткого перечисления, вести речь о цельных образах Достоевского и Толстого в восприятии испанцев конца XIX — первой трети XX в. не очень продуктивно. Они представляют собой нерасторжимые смысловые единства; их внутренняя противоречивость объясняется тем, что Достоевский и в особенности Толстой воспринимаются в категориях мифа. Чтобы двигаться дальше в этом направлении, нужно изучать образ Толстого или образ Достоевского

---

⁴ *Maestu R. de. El populismo de Rusia // Acción Española (Madrid). 1936. Enero, t. 16, no. 83. P. 159.*

⁵ Цит. по: *Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982. С. 93.*

в восприятии отдельных литераторов и критиков, о них писавших — на этом уровне действительно можно говорить о цельности образа. Что касается крупных писателей, в первую очередь Унамуно, Валье-Инклана, Барохи, Асорина, Ортеги-и-Гассета, Рамиро де Маэсту, эта работа во многом проделана. Исследованию значимых для эпохи прямых откликов на творчество Достоевского посвящена вторая часть настоящей статьи.

В первой части работы объектом исследования является влияние произведений Толстого и Достоевского на само творчество писателей — представителей «поколения 98-го года».

Влияние на творчество: Лев Толстой как фон

Влияние Толстого на испанскую литературу начала — первой трети XX в. настолько обширно и многообразно, что зачастую сложно бывает определить, в чем именно оно выражается. Оно просто есть.

Исследователя может поставить в тупик одно перечисление проявлений этого влияния. Так, например, сами представители «поколения 98-го года», литературные критики — их современники и позднейшие исследователи-литературоведы усматривали влияние философских и художественных открытий русского писателя в столь различных областях, как:

- изображение батальных сцен;
- умножение центров действия в романе;
- интерес к глубинной жизни простого народа;
- критика буржуазных ценностей и предрассудков;
- критика современных представлений о любви и браке;
- утверждение новой анархической морали;
- проповедь деятельной любви к ближнему;
- призыв к непротивлению злу насилеиом;
- интерес к внутреннему миру человека в целом, — и этот перечень легко может быть продолжен.

Причем в большинстве случаев конкретный текстологический анализ подтверждает правоту таких утверждений. Учитывая всеохватный характер воздействия Толстого на испанскую литературу, я считаю более сложным вопрос, насколько прямым и осознанным было это влияние.

Г. Портнов в книге «Русская литература в Испании» делает такой общий и вполне правильный вывод: «В Испании многие восхищались талантом Толстого, и, наверное, многие писатели изменили — внутренне или внешне — свою манеру писать, ориентируясь на художественный ритм Толстого»⁶. Поэтому, на мой взгляд, разговор об общем

---

⁶ *Portnoff G.* La literatura rusa en España. New York, 1932. P. 209.

влиянии Толстого на творчество какого-нибудь отдельно взятого писателя не всегда будет продуктивен — так же как, например, часто позволительно выносить «за скобки» общий разговор о влиянии «Дон Кихота» на испанскую литературу или, шире, на роман нового времени.

На мой взгляд, непосредственное и определяющее воздействие творчество Толстого оказало на романы, посвященные Второй карлистской войне в Испании: на «Мир среди войны» Унамуно (1897) и на трилогию Валье-Инклана «Крестоносцы правого дела» (1908), «Отблески огня» (1909), «Кречетья охота» (1909). Влияние «Войны и мира» на их творчество признавали сами писатели. Унамуно писал: «Роман “Война и мир” мне очень нравится и довольно многому меня научил, так как я и сам нахожусь в состоянии спора между войной и миром. Разумеется, мой подход к проблеме, мой стиль, моя точка зрения — все разительно отличается от Толстого»⁷. Валье-Инклан ставил «Войну и мир» выше всей мировой литературы и мечтал написать роман, который так же грандиозно представлял бы «войну и мир» во всех измерениях⁸.

Как писала И. А. Тертерян, «эпическая концепция “Войны и мира” поразила испанских писателей, стремившихся к созданию произведений, синтезирующих личные судьбы героев и исторические судьбы нации, и указала им новые пути такого синтеза»⁹. В романах Унамуно и Валье-Инклана целостная картина мира — испанского народа, охваченного войной, — складывается из восприятия войны многими действующими лицами — ее участниками с обеих сторон, аристократами и бедняками, солдатами и генералами; а над мнениями героев уровнем выше явственно различима позиция автора, который и выносит свое суждение о происходящем. Голос автора играет особенно важную роль в «Мире среди войны»: как и Толстой, Унамуно вводит в текст романа философские отступления, в которых от первого лица излагает свою концепцию «интраистории».

При этом философия войны и истории испанского писателя принципиально отличается от толстовской (об этом свидетельствует уже само смысловое различие названий двух романов). Справедливо наблюдение З. И. Плавскина: и у Толстого, и у Унамуно «исторический процесс — это равнодействующая многих частных воль и целей. Но у Толстого каждый человек служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей, а Унамуно не только совершенно равнодушен к общей цели исторического движения, но и никак не связывает его с частной жизнью людей: обычная история и “интраистория” не пересекаются»¹⁰. Нужно только добавить, что в романе Унамуно полной изоляции двух миров не происходит: война — это как раз

⁷ *Unamuno M. de. Cartas inéditas.* Madrid, 1973. P. 173.

⁸ Цит. по: *Тертерян И. А. Испытание историей.* М., 1973. С. 171.

⁹ Там же. С. 171.

¹⁰ *Плавский З. И. Испанская литература XIX–XX веков.* М., 1982. С. 80.

то время, когда история вторгается в интраисторию, выхватывает отдельные личности из моря народной жизни и вовлекает их в несвойственный им водоворот исторических событий; война ощущается героями Унамуно как разрыв в череде событий, всегда зависевших лишь от смены времен года и поколений.

Толстого, Валье-Инклана и Унамуно объединяет неприятие современной им историографии, объясняющей исторические события как производные от поступков и решений ряда выдающихся личностей, которые и вершат судьбы мира. Такой взгляд все трое признают поверхностным и неверным, так как описание биографий великих личностей не имеет ничего общего с жизнью миллионов простых людей.

Отдельные эпизоды романов Унамуно и Валье-Инклана генетически восходят к «Войне и миру»; некоторые параллели настолько явственны, что, как я полагаю, испанские романисты и не пытались их скрыть: напротив, в их замыслы входило узнавание читателем реминисценций из всем знакомого русского романа.

Приведу несколько примеров. Вот толстовское описание смерти Пети Ростова: «Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и все дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костер, уперлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. <...> Пуля пробила ему голову» (т. 4, ч. 3, XI). А вот описание гибели мальчика в романе «Отблески огня»: «У самого моста пуля пробила ему голову. Он продолжал скакать, вцепившись желтыми руками в поводья. <...> Он медленно сползал на сторону и наконец упал. Осел встал, упершись, рядом с ним»¹¹.

В бою герои Толстого, Унамуно и Валье-Инклана «не чувствуют» войны — такой, какой она представляется в историях, рассказываемых после боя; находясь внутри боя, его участники замечают лишь детали, которые не складываются в их восприятии в целостную картину: «Ростов ничего не видел, кроме бежавших вокруг него гусар, цеплявшихся шпорами и брэнчавших саблями»¹². Игнасио, герой «Мира среди войны», «слышал звуки стрельбы, но по-прежнему ничего не видел, а когда увидел, что окружавшие его товарищи побежали, подчиняясь приказу, вперед, тоже побежал вместе с ними. Позже он узнал, что они преследовали противника до самых городских ворот»¹³, — это цитата из Унамуно. И Валье-Инклан: «Многие офицеры совершенно затерялись среди солдат. Один, совсем еще молодой, бежал, увлекаемый людским потоком, и думал, кажется, только о том, чтобы не запутаться в портупее»¹⁴.

¹¹ Валье-Инклан Р. дель. Избранные произведения: в 2 т. Л., 1986. Т. 2. С. 189.

¹² Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1. Ч. 2. Гл. VIII // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. С. 178.

¹³ Унамуно М. де. Святой Мануэль Добрый, мученик. СПб., 2000. С. 131.

¹⁴ Валье-Инклан Р. дель. Избранные произведения: в 2 т. Л., 1986. Т. 2. С. 190.

Исследователи отмечают много других точек соприкосновения «военных» романов Унамуно и Валье-Инклана с «Войной и миром» (и с другими произведениями Толстого, которые вполне могли быть знакомы испанским авторам)¹⁵. На мой взгляд, приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о том, что влияние Толстого в данном случае было прямым, осознанным и многообразным.

Влияние на творчество: Достоевский как ориентир

Иначе сложилась в Испании судьба произведений Достоевского. В.Е. Багно, специально занимавшийся этой проблематикой, пишет о том, что до 1903 г. о Достоевском в испанских литературных журналах не было напечатано ни одной статьи. «Для испанских критиков XIX века философский, социальный и психологический смысл образов Достоевского остался недоступным»¹⁶. Достоевский был открыт испанцами, в том числе романистами из «поколения 98-го года», позже, когда творческая манера многих из них уже сформировалась.

Пытаясь выявить в знакомых мне текстах испанских писателей явные или неявные черты сходства с романами Достоевского, я пришел к такому выводу: если влияние Достоевского можно обнаружить, то оно выражено ярко, рельефно и зримо; мимо него, можно сказать, не пройдешь. Такие черты присущи некоторым — но не всем — романам Унамуно и Барохи. Присутствие Достоевского можно ощутить — и, что важнее для исследования, зафиксировать — на разных уровнях: как переосмысление идей, обсуждаемых в его романах, как заимствование сюжетов, как сходство поэтики испанского романа с романами Достоевского.

Примечательно при этом, что Унамуно и Бароха читали и перечитывали все большие произведения Достоевского. Уже в 1940-е гг. Бароха писал, отрицая возможность влияния на него Горького: «Я не могу подражать Горькому, потому что читал только два-три его рассказа и одну статью о нем, и было это больше сорока лет назад. Напротив, я читал все, что написал Достоевский, даже неоднократно перечитывал, и он-то уж наверняка повлиял на меня»¹⁷. В личной библиотеке Унамуно сохранилось по несколько изданий романов Достоевского (разных лет и на разных языках) и даже такие произведения, как «Кроткая»,

---

¹⁵ См., например: *Oostendorp H. Th.* Los puntos de semejanza entre “La guerra y la paz” de Tolstoy y “Paz en la guerra” de Unamuno // *Bulletin Hispanique*. 1967. Т. 69, no. 1–2. P. 85–103; *Тертерян И. А.* Испытание историей. С. 96–98, 168–173; *Багно В. Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. С. 116–123, 138; *Aparicio Cortés E.* La novela intrahistórica: Presencia de Lev Tolstoi en “Paz en la guerra” de Miguel de Unamuno. Leioa, 1995.

¹⁶ *Багно В. Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. С. 95.

¹⁷ *Varoja P.* El escritor según él y según los críticos. P. 112.

«Хозяйка», «Дневник писателя», «Зимние заметки о летних впечатлениях», — и все эти издания содержат читательские пометы Унамуно. Также немаловажно, что и Бароха, и Унамуно специально посвятили творчеству Достоевского несколько отдельных публицистических работ (речь о них пойдет ниже).

В центре повести (или небольшого романа) Унамуно «Святой Мануэль Добрый, мученик» — переосмысление сюжета-ситуации «Легенды о Великом инквизиторе»: «Самая очевидная параллель между “Легендой о Великом инквизиторе” и повестью “Святой Мануэль Добрый, мученик” — это то, что в них показаны два человека, облеченные властью церкви, оба в Испании, страдающие от того, что через всю свою жизнь они проносят тайну, которая кажется невыносимой для любого человека в их положении: они не верят в учение церкви, в жизнь вечную, или, в христианском смысле, в Бога»¹⁸. Об этой параллели много писали, поэтому специально останавливаться на ней я не буду. Замечу лишь, что идеи, образы и отдельные эпизоды «Святого Мануэля...» связаны также и со всем целым романом «Братья Карамазовы» (возвращение Ласаро в лоно церкви схоже — с точностью до цитат — с религиозным обращением Маркела, брата старца Зосимы), а некоторые высказывания священника звучат в унисон с речами героя «Записок из подполья»¹⁹.

«Раскавыченные» цитаты из Достоевского встречаются и в романах Барохи. Так, один из героев «Алой зари» повторяет знаменитую формулу Ивана Карамазова: «И если бы мне сказали, что счастье всего человечества зависит от слез только одного-единственного ребенка, и если бы я имел право решать, то я не допустил бы этого, даже если бы весь мир просил меня об этом на коленях»²⁰.

Отношения Хоакина, Авеля и Елены в романе Унамуно «Авель Санчес» сходятся с отношениями Рогожина, князя Мышкина и Настасьи Филипповны — с той разницей, что Унамуно делает акцент на всепоглощающем чувстве зависти Хоакина Монегро к своему другу-врагу, а не на любви-ненависти к женщине²¹. Но эта тема тоже заявлена в романе Унамуно. В своем экземпляре романа «Идиот», который испанский писатель читал во время работы над «Авелем Санчесом», он подчеркнул слова Мышкина, обращенные к Рогожину: «Не навидеть будешь очень ее за эту же теперешнюю любовь, за всю эту муку, которую теперь принимаешь» (8, 177); в «Авеле Санчесе» эти

¹⁸ *Сроче А. Л.* Unamuno and Dostoevsky: some thoughts on atheistic humanitarism. P. 46.

¹⁹ Подробнее см.: *Корконосенко К. С.* «Святой Мануэль Добрый, мученик» в контексте романа «Братья Карамазовы» // Корконосенко К. С. Мигель де Унамуно и русская культура. СПб., 2002. С. 181–223.

²⁰ *Бароха П.* Алая заря. М., 1964. С. 229.

²¹ Подробнее см.: *Корконосенко К. С.* Скрытые цитаты из Достоевского в романе М. де Унамуно «Авель Санчес» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 209–220.

слова превратились в признание Хоакина Монегро: «Временами я даже не знаю, чего у меня в сердце больше: любви или ненависти!»²²

Справедливо также наблюдение Деметриоса Басдекиса: «“Исповедь” Хоакина Монегро очень похожа на откровения Подпольного человека Достоевского»²³. Такому субъективному ощущению можно найти и текстологическое подтверждение: в прологе к роману «Тетя Тула» Унамуно писал: «В “Авеле Санчесе” мне хотелось добраться до таких подвалов и тайников человеческого сердца, спуститься в такие катакомбы души, в которые большинство людей боится войти»²⁴.

Все эти схождения носят все-таки частный характер. Воздействие Достоевского на Бароху и Унамуно гораздо значительнее проявляется в том, что некоторые их романы отмечены чертами полифонии — в том смысле этого слова, в каком его использует М. М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского»: «Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово, оно не подчинено объективному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса»²⁵.

О полифонии в романах Барохи как о следствии его увлечения Достоевским писала И. А. Тертерян²⁶; полифония романов Унамуно исследуется в книге Ирис Савалы «Унамуно и диалогическое мышление: (М. де Унамуно и М. Бахтин)»²⁷. И. А. Тертерян сопоставляет романы Барохи с романом «Воля» Хуана Мартинеса Руиса (принявшего впоследствии псевдоним Асорин): «Идейный комплекс поколения 98-го года со всеми его основными положениями и тревожными противоречиями воспроизведен в этой книге чрезвычайно полно и ярко. Но это последовательно монологический роман: в его героях <...> представлено по существу одно и то же сознание, одна и та же идейная величина. В романе много разговоров, но нет диалога в том смысле, в каком он разворачивается на страницах Барохи и Достоевского, нет спора сознаний, спора идей. <...> Другим сознаниям никакой самостоятельности не дано, если они и появляются в романе, то лишь как материал для интеллектуальной работы Асорина (главного героя романа. — К. К.)»²⁸.

Полифоническими можно назвать романы Барохи «Путь к совершенству», «Борьба за существование», «Или Цезарь, или никто», «Алая заря». Характеризуя их, И. А. Тертерян пишет: «...его романы

---

²² Унамуно М. де. Избранное: в 2 т. Т. 1. Л., 1981. С. 396.

²³ Basdekis D. Miguel de Unamuno. New York; London, 1969. P. 30.

²⁴ Унамуно М. де. Назидательные новеллы. М.; Л., 1962. С. 210.

²⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 7.

²⁶ См.: Тертерян И. А. Испытание историей. С. 229–234, 247–249.

²⁷ Zavala I. M. Unamuno y el pensamiento dialógico: (M. de Unamuno y M. Bajtin). Barcelona, 1991. См. также: Корконосенко К. С. Полифонический роман Достоевского и агонический «руман» Унамуно // Русская литература. 1999. №4. С. 114–123.

²⁸ Тертерян И. А. Испытание историей. С. 249–250.

были для него своего рода проверочными экспериментами, в ходе которых он устанавливал жизненность и ценность интересовавших его идей». Бароха от Достоевского отличает не только «масштаб таланта, но и масштаб мышления»: испанский романист «пользуется готовыми построениями, уже имеющими хождение теориями. Герой Барохи не вырабатывает свое “слово” сам, во внутреннем диалоге с другими голосами, но берет его из интеллектуального арсенала эпохи в готовом виде». При этом «столкновение идей в романах Барохи происходит “на равных”. Бароха не пользуется своим авторским правом сделать теорию более убедительной, доверив ее более привлекательному персонажу, либо, напротив, скомпрометировать теорию, сделав отталкивающими ее адептов»²⁹.

В своем стремлении проверить идеи на прочность Бароха не останавливается и перед тем, чтобы представить носителей высокой идеи в смешном виде. Эта особенность романной техники, как представляется, тоже идет от Достоевского и выгодно отличает романы Барохи от произведений его современников. Приведу слова самого Барохи: «Писатели моего времени испытывали потребность посмеяться куда меньше, чем я. Я никогда не видел смеющимися ни Унамуну, ни Валье-Инклана, ни Маэсту. <...> Правда, иногда я слышал смех Асорина, да еще помню этот громоподобный смех Ортеги»³⁰. Вот, например, отрывок из «Алой зари», в котором философский спор о природе анархии неожиданно меняет регистр и превращается в перебранку двух националистов:

— Для меня идеалом анархиста является Паллас.

— Ясное дело! Ведь он же каталонец, — ехидно заметил Мадридец.

— Да, это настоящие анархисты. Не пьяницы, как французы, и не предатели, как итальянцы.

— А андалузцы?

— Андалузцы? Они как и все прочие испанцы.

— Но вы, конечно, особая статья?

— Мы каталонцы.

— Какая чепуха! — воскликнул Мадридец³¹.

Подобными приемами пользовался и Достоевский. Вспомним, например, как началось собрание «наших» в «Бесах»:

— Но откуда произошел предрассудок о семействе? Откуда могло взяться само семейство? <...>

— Я полагаю, что ответ на такой вопрос нескромен, — отвечал Ставрогин.

²⁹ Тертерян И. А. Испытание историей. С. 233–235.

³⁰ Varoja P. El escritor según él y según los críticos. P. 262.

³¹ Бароха П. Алая заря. С. 134.

— Как так? — дернулась вперед студентка.

Но в учительской группе послышалось хихиканье, которому тотчас же отозвались с другого конца Лямшин и гимназист, а за ними силным хохотом и родственник майор (10, 306).

Еще одна особенность полифонических романов Барохи, важная в свете темы настоящей статьи, состоит в том, что часто в общем хоре голосов, отражающих умонастроения эпохи, звучит голос Толстого. Это происходит не прямо, как в романе Асорина «Воля», где автор приводит подлинный текст письма Толстого в редакцию мадридского журнала *La revista blanca*, чтобы дать своему герою повод высказать мысли автора по поводу идеи непротивления злу насилеием³². Для Барохи Толстой — это общеизвестное и важное для Испании культурное явление, отношение к которому служит одной из характеристик персонажей его романов.

В романе «Путь к совершенству» есть третьестепенный персонаж, приходской священник, которого приводит в негодование не столько неверие, «сколько некоторые новые идеи. Так, например, новое христианство Толстого, о котором он имел представление по нескольким критическим журнальным статьям, решительно выводило его из себя. <...> Таковую же ненависть чувствовал он и к писателям севера (русским, норвежцам и датчанам. — *К. К.*), которых он даже и не знал»³³. Любимые писатели Хуана, главного героя «Алой зари», — Толстой и Ибсен, поэтому и анархизм, который он исповедует, имеет человеколюбивый характер³⁴. Саша, русская героиня романа «Таков уж мир», проникнувшись идеями толстовства, едет в деревню, чтобы улучшить жизнь крестьян. «Там она, естественно, столкнулась с людьми жалкими, недоверчивыми, неспособными на длительное и разумное действие, которые постепенно избавлялись от почтительного страха перед господином и начинали копить ненависть к помещику»³⁵. Вмешательство в их жизнь приводит к смерти доктора, товарища Саши; помочь крестьянам ничем не удается.

Полифоническое построение романов Барохи, разумеется, не делает их конгениальными произведениям Достоевского. Как читатель я склонен согласиться с мнением Ортеги-и-Гассета, читателя и критика творчества Барохи: «Бароха с непревзойденным мастерством растрчивает свой талант на изобретение персонажей, каждый из которых в сжатом виде заключает в себе аллюзии на какую-нибудь принципиально важную составляющую жизни и эпохи. <...> Но несмотря на это, Барохе не удается вовлечь нас в реальность, им выстроенную. Когда мы перелистываем последнюю страницу его

³² См.: Асорин. Избранные произведения. М., 1989. С. 77.

³³ Бароха П. Путь к совершенству. М., 1912. С. 168–169.

³⁴ См.: Бароха П. Алая зоря. С. 97.

³⁵ Baroja P. El mundo es así // Baroja P. Las ciudades. Madrid, 1967. P. 332.

книги, все, о чем он в ней поведал, улетучивается из нашего воображения»³⁶.

В сходных выражениях, но только с противоположным знаком, М. де Унамуно описывал в эссе «О жанре романа» свои впечатления от чтения русского романа, имея в виду в первую очередь книги Достоевского³⁷.

Полифоническими можно признать и романы самого Унамуно «Туман», «Авель Санчес», «Святой Мануэль Добрый, мученик» — с тем уточнением, что голоса, звучащие в этих романах, сталкиваются при обсуждении одного «последнего вопроса», разрешение которого важно для Унамуно в момент написания книги: реальность существования человека в мире; всепоглощающая страсть, которая становится смыслом жизни героя; проблематичность веры в вечную жизнь.

Одной из определяющих характеристик героев Достоевского Бахтин называет невозможность дать герою «овнешняющее заочное определение»: «У Достоевского слово автора противостоит полноценному и беспримесно чистому слову героя»³⁸. Этот принцип (обнаженный именно как прием) лежит в основе «Тумана»: главный герой романа, Аугусто Перес, приезжает в гости к писателю Мигелю де Унамуно, узнает, что является порождением его фантазии, вступает с ним в спор и грозит убить своего создателя — персонаж в буквальном смысле слова становится рядом со своим автором. В «Авеле Санчесе» личность главного героя открывается читателю поэтапно, одновременно с тем, как постигает себя сам Хоакин Монегро. «Святой Мануэль Добрый, мученик» строится в этом отношении как детектив, где вначале автор (устаами рассказчицы) характеризует героя, по ходу действия выясняется, что «поведение персонажа не укладывается в рамки, заданные мнимой характеристикой автора» (так писал Ортега о Достоевском³⁹), а к концу повести читатель знает о внутреннем мире героя больше, чем сам герой, но не знает наверное, точно ли это знание.

Закономерно, что воздействие произведений Достоевского на творчество испанских писателей сопровождалось прямыми упоминаниями Достоевского в их публицистике и эссеистике, в теоретических рассуждениях о сущности романа. Унамуно, Бароха и Ортега-и-Гассет обращались к творчеству русского писателя на протяжении десятилетий, что зафиксировано как в их программных выступлениях, так и в малоизвестных ныне текстах. Ниже будут рассмотрены конкретные кейсы, свидетельствующие, что их интерес к Достоевскому был продолжительным и неслучайным.

³⁶ *Ortega y Gasset J. Ideas sobre Pío Baroja // Pío Baroja. Madrid, 1974. P. 81–82.*

³⁷ Русский перевод см.: Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 613–616.

³⁸ *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 65.*

³⁹ Там же.

Мигель де Унамуно: «Достоевский — пророк русской революции»

Изучение больших и малых произведений Унамуно, его писем и дневников оставляет впечатление, что он больше знал о России и интересовался Россией, чем писал о ней. Специально России, русской истории и русской культуре испанский писатель посвятил немалое количество коротких статей и эссе, опубликованных им в испанской и европейской периодике того времени⁴⁰. Еще более любопытно, что Унамуно часто писал о России (как и о любом другом объекте приложения своей интуиции художника и философа), основываясь не на точном знании о далекой стране, где он никогда не бывал и языка которой не знал, а исходя скорее из своей догадки, из представления о том, какой должна быть Россия.

Начиная с 1910-х гг. и до последних лет жизни Унамуно большое влияние на его творчество и мировоззрение оказывал Достоевский. Дон Мигель часто упоминает о нем в своей эссеистике; в личной библиотеке писателя, сохранившейся в Саламанке, собраны почти все произведения русского писателя (сохранилось 12 изданий, всего 23 тома, некоторые романы представлены дважды и даже трижды — в переводах на разные языки), есть в библиотеке и книги о Достоевском; как было показано выше, интерес Унамуно к его творчеству нашел прямое отражение и в художественных произведениях испанского писателя — в виде заимствования и переработки отдельных тем, образов и сюжетов, а также в использовании не прямых цитат из прочитанных доном Мигелем произведений Достоевского.

В этом разделе пойдет речь о прямых упоминаниях о Достоевском и его произведениях в художественном творчестве, эссеистике и письмах Мигеля де Унамуно. Эссе, в котором русская литература получает наивысшую оценку, а Достоевский помещен на первое место в ряду русских писателей, относится к 1914 г., времени написания романа «Гуман» и началу Первой мировой войны.

28 октября 1914 г. Унамуно публикует эссе с эмблематичным названием «Необычный русофил», в котором Россия оказывается как бы на пересечении двух миров — материального и духовного. Русофилом назван один из участников спора о воюющих державах в некоем мадридском кафе, причем в его высказываниях отчетливо проявляется

---

⁴⁰ В 1910–1930-е гг. были написаны эссе и статьи «Необычный русофил», «Гордость или тщеславие?», «Ловля мух», «Идея и поступок», «Эгоизм Толстого», «Толстой Горького», «Неразбериха вокруг России», «О жанре романа», «О так называемой диктатуре пролетариата», «Хлебы и камни», «Демократия и деспотизм», «Бедный Николай II», «Достаток и жизнь (По поводу полемики вокруг русской революции)», «Бедный Николай!», «Из истории России», «Заметки по истории России», «Снова из истории России», «Тайная дипломатия», «О большевистской демократии», «Мой Горький, или Странствующая улитка», «Достоевский о языке».

позиция самого писателя. Он неожиданно заявляет, что Россию как таковую знает плохо, за изучение русского языка никогда не брался, в России никогда не бывал и с русскими знаком не был, прочел только несколько книг о России⁴¹ и, тем не менее, имеет вполне четкое представление о России, почерпнутое из произведений Гоголя, Тургенева, Толстого, Горького и в особенности Достоевского. Именно благодаря этим книгам он и стал убежденным русофилом. «Должен признаться, что именно Достоевский формирует мое видение России. Моя Россия — это Россия Достоевского, и, если сегодняшняя реальная Россия не такова, то все мои умозаключения не будут иметь к действительности никакого отношения, однако они не будут лишены смысла. Я голосую за торжество духа, то есть за то представление и ощущение, которое от жизни и мира имел Достоевский»⁴². Далее безымянный русофил говорит: «Я высказался в пользу России, России Достоевского, “Записок из подполья”, “Идиота”, “Преступления и наказания”, которая, быть может, и не является сегодняшней Россией, которая, похоже, побеждает, Россия “Думы”, но меня это не задевает»⁴³.

Связь Достоевского с политической историей России останется характерной доминантой и в произведениях Унамуно, написанных уже после Октябрьской революции (в то время, когда Маэсту сопоставлял мирозерцание Достоевского со взглядами русских философов, Ортега-и-Гассет превозносил романную технику Достоевского, а Пио Бароха в споре с Ортегой писал о психологическом раздвоении русского писателя).

В 1920 г. Унамуно, прочитав (или перечитав) «Братьев Карамазовых», откликается на прочитанное статьей «Хлебы и камни» — одной из многих, опубликованных в валенсийской «Торговой газете» в 1917–1923 гг.⁴⁴ На страницах этой республиканской газеты Унамуно выступал против политики короля Альфонса XIII и рассуждал о последствиях революции в России. В «Хлебах и камнях» затронуты обе темы, волновавшие дона Мигеля, но поводом и толчком к написанию статьи послужило прочтение и переосмысление «Братьев Карамазовых»: «Это один из самых ужасных и самых красивых романов великого эпилептика — ужасно красивых и красиво ужасных. <...> В нем автор, как и всегда, заглядывает в самые черные и головокружительные бездны

---

⁴¹ В библиотеке Унамуно сохранилось упомянутое в «Необычном русофиле» издание: Wallace M. Russia. Vol. 1–2. Leipzig, 1878.

⁴² Унамуно М. де. Необычный русофил / пер. В. Багно // Рецепция Достоевского в мировой культуре. История и современность. СПб., 2021. С. 100.

⁴³ Унамуно М. де. Необычный русофил. С. 100. Слово «Duma» Унамуно транслитерирует.

⁴⁴ См.: Unamuno M. de. Artículos desconocidos en “El Mercantil Valenciano” (1917–1923). Valencia, 2003. P. 185–186. Русский перевод см.: Унамуно М. де. Хлебы и камни / пер. К. Корконосенко // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С. 260–263.

русского духа и человеческого духа. Читая этот роман, чувствуешь нечто вроде головокружения от глубины, когда падать уже больше некуда, когда под ногами больше ничего нет. Кроме, возможно, хаоса». Отметим, что и в 1920 г. творчество «великого эпилептика» получает у Унамуно самые высокие оценки, наделяется исключительным статусом.

В своей небольшой статье Унамуно выступает с комментарием к фрагменту «Легенды о Великом Инквизиторе», в котором Инквизитор напоминает Иисусу о первом искушении, которым Дьявол испытывал Христа в пустыне (Мф. 4: 3–4): «Великий Инквизитор излагает свое учение: это материалистическое понимание истории — и религии, которое столь любезно консерваторам всех времен. Как и то учение, которое на радость всем консерваторам систематизировал Карл Маркс, слова Великого Инквизитора составляют фундамент для непримиримо-го консерватизма».

В «Хлебах и камнях» Унамуно приводит евангельскую цитату по старому испанскому переводу Сие де Сан Мигеля (1790), несмотря на существование и более современных переводов; для нас же существенно, что цитаты из романа Достоевского, который Унамуно на тот момент читал в английском переводе Констанс Гарнетт⁴⁵, он переводит самостоятельно. Как видно из текста, дон Мигель как переводчик Достоевского верно воспроизводит английскую версию, имевшуюся в его распоряжении, что в переводе Унамуно привело к незначительным отклонениям от оригинального текста.

Октябрьскую революцию Унамуно увидел как творческий акт, причем происходящий на стыке двух миров, сливающий воедино факты литературы и действительности. Еще более необычной, чем пара «Толстой и социализм», может показаться пара «Достоевский и большевизм», и тем не менее дон Мигель видит духовные истоки русской революции в романах Достоевского. Эту мысль Унамуно высказывает неоднократно, правда, никак ее не аргументируя — для Унамуно достаточно, что он так чувствует, а значит, так оно и есть (по крайней мере когда речь идет о «своем» Достоевском и «своей» России Мигеля де Унамуно).

В том же 1920 г. написана статья «О жанре романа» — этот короткий текст (его начало и концовка) дает, пожалуй, самое полное представление об образе России у Унамуно в 1920-е гг. Русская литература

---

⁴⁵ В личной библиотеке Унамуно в Саламанке сохранилось издание с многочисленными пометами и маргиналиями владельца: *Dostoevsky F. The Brothers Karamazov* / transl. by C. Garnett. London: William Heinemann, 1919. Там же хранятся и более поздние французское и испанское издания: *Dostoïevski F. Les frères Karamazov* / trad. de H. Mongault, M. Laval. T. 1–3. Paris: Bossard, 1925; *Dostoiewski F. Obras completas. Los hermanos Karamazov. T. 1–4* / trad. de A. Nadal. Madrid: Publicaciones Atenea, 1927; испанский четырехтомник также изобилует подчеркиваниями и записями на полях. Полный свод маргиналий Унамуно в книгах русских авторов см. в Приложении к моей книге: *Корконосенко К. С. Мигель де Унамуно и русская культура*. С. 348–390.

и русская революция полагаются здесь феноменами одинаковой природы, связанными между собой и имеющими минимальное отношение и к привычному для европейца понятию литературы, и к привычному понятию реальности. Цитирую несколько мест из этой статьи: «Мы читали русские романы. Несомненно, они несут в себе боль. И такое отображение внутренней реальности (речь не о реализме), которое может стать опасным. Это опасность слишком яркого, интенсивного восприятия, опасность ослепляющей молнии, душераздирающего крика, пряности, обжигающей наш язык, запаха, от которого перехватывает дыхание. Когда от вымышленного действия любого романа мы возвращаемся к каждодневной и обыденной реальности, которая нас окружает и обволакивает, эта каждодневная и обыденная реальность кажется нам вымыслом и даже сном. А рядом с кошмаром русских романов, из чтения которых выбираешься весь изнуренный, сон нашей каждодневной и обыденной реальности сводится для нас к тени сна. <...> В России роман — это не жанр и вообще не литература. Это даже не вымысел. Это творение, это нечто телесное. И это история, причем история как действие, а не только как описание. И, как историческое действие, это пророчество. Антиреволюционер Достоевский — пророк современной русской революции; он отец Ленина. Ленин вышел из романов Достоевского и обладает всей глубиной реальности агонистов — персонажей его романов»⁴⁶.

Нужно пояснить, что слово агония (по-гречески «борьба») — одно из ключевых понятий философии Унамуно 1920-х гг. Все персонажи его собственных новелл — агонисты: они борются друг с другом, сами с собой, со всем миром и только в этой борьбе обретают свое подлинное бытие. Таким образом, называя героев Достоевского агонистами, Унамуно дает понять, что видит принципиальное сходство романов русского писателя и своих новелл и романов, причем именно в способе изображения, в природе реальности своих героев и героев Достоевского — на грани между бытием живого человека и небытием вымышленного персонажа.

Ту же преемственность между Лениным и Достоевским Унамуно подчеркивает и в статье 1921 г. «Достаток и жизнь (По поводу полемики вокруг русской революции)»: «Говорят, Ленин приказал повесить на московских церквях большие плакаты с надписью “Религия — опиум для народного духа”. И он, Ленин, дает своему народу другой опиум. Или, если угодно, алкоголь. А ведь без опиума или без алкоголя не может жить народ, образ которого нам огнем начертал Достоевский в своих в высшей степени религиозных романах»⁴⁷.

---

⁴⁶ Унамуно М. де. О жанре романа / пер. К. Корконосенко. С. 613, 616.

⁴⁷ *Unamuno M. de. Obras completas*. Т. 4. Madrid, 1968. P. 1196. Впервые опубликовано в газете *La Nación* (Буэнос-Айрес), август 1921 г. (по другим сведениям — 3 октября 1920 г.).

Понятие «агонии» Унамуно в полной мере раскрывает в одном из главных своих философских произведений, в «Агонии христианства» (1924). Как и в газетных статьях, фигура русского пророка возникает в этом трактате, парадоксальным образом соединяя две линии: религию и революцию. В «Агонии христианства» Достоевский и сам — агонист: «Истинным отцом русского нигилизма является Достоевский, отчаявшийся христианин, христианин агонизирующий»; «Многие верят в то, что сегодня рождается какая-то новая религия, религия иудейского и вместе с тем татарского происхождения: большевизм — религия, пророками которой были Карл Маркс и Достоевский. Но только разве Достоевский не христианин? И разве Братья Карамазовы — не Евангелие?»⁴⁸

Испанский «агонист» рассматривает русскую революцию как результат взаимодействия сил разной природы, но важно подчеркнуть, что в мировоззрении Унамуно 1920-х годов все эти силы персонифицированы — будь то экономические теории Маркса, агонические романы Достоевского или эксперимент над живой действительностью, поставленный Лениным. Русская революция с ее «историком» Достоевским и с ее «поэтом» Лениным снова позволяет Унамуно видеть Россию как место, где встречаются разные пласты реальности.

В этом контексте примечательно, что идея объединения разных пластов реальности — будь то история и интраистория, мудрость и простодушие, религия и экономика, литература и жизнь, — всегда, во все периоды творчества была связана для Унамуно с представлением о лучшем будущем человечества. Глобальной метафорой этого будущего для испанского кихотиста являются Дон Кихот и Санчо, беседующие и понимающие друг друга или даже слитые в одно существо.

Еще в 1898 г. Унамуно писал своему другу А. Ганивету, который отправлялся с дипломатической миссией в Россию: «Толстой и Достоевский меня глубоко трогают, но все же я нахожу в них какой-то оттенок офранцуживания»⁴⁹. Для молодого Унамуно это было серьезное обвинение, равносильное обвинению в интеллектуализме, в отрыве от вечной традиции и в неискренности. Позже дон Мигель встретил близкие ему мысли у самого Достоевского — в «Дневнике писателя», «где Достоевский говорит о языке — о русском языке, испорченном и оставленном в небрежении самими русскими — в первую очередь аристократами, — путешествующими за рубежом и упорно стремящимися говорить если не на французском, то на офранцуженном русском». В 1933 г. дон Мигель откликнулся на созвучные ему размышления статьей «Достоевский о языке», напечатанной в мадридской газете *Ahora*.

---

⁴⁸ Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Киев, 1996. С. 320.

⁴⁹ Цит. по: *Gallego Morell A. Estudios y textos ganivetianos*. Madrid, 1971. P. 100.

По моим сведениям, это последнее публичное обращение Унамуно к творчеству русского писателя и единственное, в котором слово «Достоевский» вынесено в заглавие (Горькому и Толстому в качестве протагонистов в статьях Унамуно повезло больше). Существенно также, что в этом тексте Унамуно осознает себя переводчиком Достоевского (хотя бы в отрывках) и жалеет о невозможности сделать прямой перевод: «Но давайте перейдем к отрывку, который мне, к несчастью, пришлось переводить с французского перевода, потому что русского языка я не знаю».

Мы можем однозначно указать источник, с которого переводил Унамуно: *Dostoïevski F. Journal d'un écrivain / trad. de J. Chuzeville. Paris: Bossard, 1927. T. 2. P. 261–262*. Трехтомник в переводе Шузевиля хранится в личной библиотеке Унамуно, во втором томе дон Мигель подчеркнул те фрагменты, которые впоследствии перевел для своей статьи; в 1933 г. он специально обращает внимание, что собирается не читать, а перечитывать «Дневник писателя» — возможно, именно те отмеченные в книге места, которые заинтересовали его ранее, при первом прочтении⁵⁰.

В статье 1933 г. Унамуно снова называет Достоевского «русским пророком». От рассуждений о важности родного языка для саморазвития говорящего Унамуно вслед за Достоевским переходит к необходимости усвоения языка в раннем детстве и критикует современную ему школьную программу. Оба писателя высказываются за раннее изучение языка «не по науке»: по Достоевскому, «надо непременно еще с детства перенимать его от русских нянек, по примеру Арины Родионовны, <...> сверх того, не бояться простонародья и даже слуг, от которых так предостерегают родителей иные деятели»; для Унамуно важно окружение ребенка и в первую очередь родители, мать: «Язык заключает в себе всю традицию народа, включая и противоречия внутри этой традиции, всю его религию и всю мифологию. И невозможно обучить ребенка понимать язык, на котором думают его родители и его товарищи по играм, без того чтобы он начал понимать и эту традицию, и эту религию, и эту мифологию»; самое важное — это «наивные мифологические истории, впитанные, после молока из груди, со словами, исходившими изо рта нашей матери»⁵¹.

---

⁵⁰ В той же подплавке «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?» главы третьей «Дневника писателя» за июль и август 1876 г. Унамуно, помимо приведенных в статье «Достоевский о языке», отчеркнул на полях следующие фрагменты: «На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет, именно потому, что он нам все-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, родятся»; «Между тем на европейские языки, преимущественно на французский, чрезвычайно много из русского народного языка и из художественных литературных наших произведений до сих пор совершенно непереводаемо и непередаваемо. Я не могу без смеха вспомнить один перевод (теперь очень редкий) Гоголя на французский язык, сделанный в середине 40-х годов, в Петербурге, г-м Внардо, мужем известной певицы, в сообществе с одним русским, теперь по праву знаменитым, но тогда еще лишь начинавшим молодым писателем. В своем комментарии Шузевилю поясняет, что «молодой писатель» — это Иван Тургенев.

⁵¹ Унамуно М. де. Достоевский о языке / пер. К. Корконосенко // Пространство безграничной словесности. С. 265.

Достоевский призывает не бояться предрассудков, которые ребенок может услышать от няни — «о трех китах например (господи! ну, как киты-то у него на всю жизнь останутся!)); по Унамуну, имеет значение все, что будет услышано в детстве: «Если, например, ребенок слышит имена Бога, Христа и его Матери, пусть даже в ругательствах, нелепо было бы замалчивать важность этих слов. Так называемая нейтральность в подобных случаях — не что иное, как проявление глупости»⁵².

Рецепты школьного обучения, которые дают русский и испанец, тоже схожи между собой: в первую очередь важны не точные и социальные науки, изложенные в учебниках, а усвоение «традиционного языка с его религиозной и мифологической сокровищницей» (Унамуну); «уже в школе непременно заучивать наизусть памятники нашего слова, с наших древних времен — из летописей, из былин и даже с церковнославянского языка, — и именно наизусть, невзирая даже на ретроградство заучивания наизусть» (Достоевский); «Чему нужно учить в начальной школе прежде всего — так это читать, писать и рассказывать, а остальное не так обязательно. Лучше сказать, остальному учишься, когда читаешь или когда слушаешь, как читают. Хороший учитель — это в первую очередь хороший чтец»⁵³ (Унамуну).

В этом разделе мы привели не все, но только самые значимые упоминания Достоевского и его персонажей в текстах Мигеля де Унамуну.

Важнейшие из этих текстов в переводе на русский язык опубликованы в книгах «Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна» (Ч. 1. СПб., 2021); «Рецепция Достоевского в мировой культуре. История и современность» (СПб., 2021).

Достоевский и русская литература в серии статей молодого Барохи

Среди представителей испанского «поколения 98-го года» Пио Бароха выделяется очень ранним, юношеским обращением к русской теме: в 1890 г., когда будущему писателю, в то время студенту-медику, было семнадцать лет, он опубликовал в газете города Сан-Себастьян *La Union Liberal* серию из тринадцати заметок под общим названием «Русская литература». Одна из них, хронологически девятая, посвящена Достоевскому⁵⁴. Из текста видно, что многие его произведения семнадцатилетний Бароха уже читал.

⁵² Унамуну М. де. Достоевский о языке. С. 266.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Русский перевод см.: Бароха П. Достоевский / пер. К. Корконосенко // Вестник РХГА. 2019. Т. 20, вып. 4. С. 436–439.

В целом эта серия газетных заметок напоминает развернутую словарную статью или краткий учебник: первая статья называется «Народные сказки», вторая — «От истоков до конца XVIII века» и так далее, до самых недавних, почти современных Барохе явлений: три последние статьи посвящены Герцену, Бакунину и Чернышевскому, каждая из них носит уточняющий подзаголовок: «Нигилизм».

Тринадцать текстов молодого испанца отчетливо делятся на две группы: начальные периоды российской словесности Бароха описывает из вторых рук; его собственное знакомство с русской литературой начинается с Гоголя. Ранние источники, вплоть до Пушкина, Бароха в то время не читал; первые статьи цикла компилятивны, пестрят именами, неизвестными ни автору, ни его читателям. Отсюда и произвольность, комичная немотивированность и категоричность характеристик (в статье «Романтизм», например, утверждается, что три величайших российских поэта — это Федор Глинка, Розен и Лермонтов; Пушкин объявляется создателем русского романтизма), и обилие опечаток, тоже комичных для современного читателя, а в то время совершенно нерелевантных. Многие фамилии, перечисляемые Барохой в длинных перечнях, впервые появлялись на страницах испанской печати; некоторые — в первый и последний раз; в нескольких случаях мне из-за странной транскрипции так и не удалось расшифровать, о каком литераторе идет речь. Пио Бароха писал свои статьи, пользуясь различными источниками, часть из которых указывает сам, в разных статьях цикла: это книги Э.-М. Вогюэ, М. Уоллеса, Р.Г. Э. Тайяндье, Кс. Мармье, С. Куррьера и некоего неустановленного автора по фамилии Маринё. Определенно, Бароха читал и книгу своей соотечественницы Эмилии Пардо Басан «Революция и роман в России» (1887), о которой, впрочем, представители «поколения 98-го года» были невысокого мнения⁵⁵.

Тринадцать статей в газете *La Union Liberal* — один из самых первых опубликованных литературных опытов Пио Барохи. В Испании они переиздавались как минимум дважды⁵⁶, однако в России этот ценный материал до последнего времени не привлекал внимания исследователей. В приводимом ниже перечне перечислены русские реалии из статьи о Достоевском: фамилии, которые упоминает Бароха, имена персонажей и названия литературных произведений — с разночтениями и необходимым контекстом⁵⁷.

---

⁵⁵ Ср. оценку представлений о русской литературе, данную восемью годами позже Мигелем де Унамуно: «Сейчас у нас нет ничего, кроме поверхностных наблюдений доньи Эмилии, полученных через посредство французского» (Цит. по: *Gallego Morell A. Estudios y textos ganivetianos*. Madrid, 1971. P. 100).

⁵⁶ См.: *Baroja P. Escritos de juventud* (1890–1904). Madrid, 1972. P. 173–219; *Baroja P. Hojas sueltas*: Madrid, 1973. P. 41–89.

⁵⁷ Полную роспись по всем статьям серии см.: *Корконосенко К. С. Русские имена и реалии в произведениях Пио Барохи // Русская литература*. 2019. №3. С. 42–49.

Dostoievsky (в другой статье: Dotoievski)

Nekrasof

Gogol

«Бедные люди»: Dievouchkine, Варвара Доброселова по имени не названа, Anna Fedorovna

«Чужая жена»

«Записки из Мертвого дома»

«Humillados y vencidos» («Униженные и побежденные»)

«Преступление и наказание»: Raskolnickof, Sonia

«Идиот»: герой по имени не назван

«Crecida» («Подросток»?)

«Бесы»

«Дневник писателя» (журнал)

«Братья Карамазовы»

«Игрок»

«Krotkaia» («Кроткая»)

Заметка под названием «Достоевский», помещенная молодым Барохой в раздел «Натурализм», представляет собой набор биографических и библиографических сведений, в целом достоверных и информативных, хотя и содержащих неточности. Бароха называет роман 1861 г. «Униженные и побежденные» (что было отмечено современным испанским редактором); не совсем точно приводит цитаты (вероятно, это издержки старых переводов); утверждает, что Раскольников любит Соню; название «Crecida» можно передать как «Подростание», но определенно не «Подросток»; и т. п.

Оценочных суждений в заметке немного; для молодого Барохи Достоевский олицетворяет преувеличенную жалость, характер его противоречив, он «беспокойный гений» и «жрец страдания». Эти мнения отчасти предвосхищают более масштабное и знаменитое исследование характера русского писателя, предпринятое Барохой уже в зрелом возрасте — «Психологическое раздвоение Достоевского» (1938)⁵⁸, речь о котором пойдет в другом разделе.

Достоевский, русские имена и реалии в романах Пио Барохи

Раннее знакомство с историей русской литературы отразилось и на зрелом творчестве Пио Барохи. Среди всех больших испанских писателей Бароха выделяется тем, что написал три романа, в которых русские персонажи не просто есть, но представлены плотно, во множестве и интересны Барохе именно как русские.

---

⁵⁸ Baroja P. El desdoblamiento psicológico de Dostoyevski // Baroja P. Pequeños ensayos. Buenos Aires, 1943. P. 211–227.

Это «Город тумана» («La ciudad de la niebla», 1909), «Таков уж мир» («El mundo es así», 1912) и «Извращенная чувственность» («La sensualidad pervertida», 1920)⁵⁹. Для Барохи-романиста интерес в первую очередь представляют русские молодые женщины.

В «El mundo es así» главную героиню зовут *Sacha Savarof* (очевидно, Бароха слышал о русском полковнике А. В. Суворове), действие частично происходит в России. В «Городе туманов» у героини-испанки лучшая подруга — *Natalia Leskov* (фамилия не случайна, имеет явно литературное происхождение)⁶⁰, у нее обширный круг знакомых — эмигрантов из России, в одного из них, террориста со странным для поляка именем *Vladimir Ovolenski*, влюбляется главная героиня, *María Aracil*.

В «Sensualidad pervertida» одна глава так и называется — «La rusa» («Русская»); вся «Осенняя» часть романа посвящена увлечению protagonista замужней русской, которую зовут *Ana de Lomonosoff* (иначе: *Madama Lomonosoff*). За исключением звучного имени, этот эпизод, случившийся в 1913 г., имеет автобиографическую основу: он пересказан Барохой от первого лица в мемуарной книге «С последнего поворота дороги»⁶¹.

Публицистические суждения зрелого Барохи о русской литературе проанализированы в следующем разделе статьи; в книге И. А. Тертерян «Испытание историей» дается сопоставление его романов с романами Достоевского⁶². А в этом разделе я сосредоточу внимание на образе России и русских, в первую очередь на примере передачи имен и реалий. Также интересно проследить параллелизмы между текстами трех самых «русских» романов Барохи.

Героиня романа «El mundo es así» Саша живет в усадьбе, «читая книги Тургенева и играя на фортепиано Бетховена». В романе «La ciudad de la niebla» происходит такой диалог:

— Какая вы скептическая! Скептическая испанка! — воскликнула Наталья. — Тургенев тоже всегда утверждает, что мужчины слабы, а женщины сильны. Да вы, наверно, не читали Тургенева? — спросила она меня.

— А вот и читала!

— Правда? И что, вам понравилось?

— Да, это было прекрасно, но так грустно, так печально, что я расплакалась⁶³.

---

⁵⁹ Все три романа до сих пор не переведены на русский язык.

⁶⁰ В романе «Таков уж мир» ту же литературную фамилию носит революционер-эмигрант: *Nikolás Leskoff*.

⁶¹ *Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Madrid, 1947. P. 356.*

⁶² См.: *Тертерян И. А. Испытание историей. С. 229–234, 247–249.*

⁶³ *Baroja P. La ciudad de la niebla. Madrid, 1960. P. 77.*

На страницах «La sensualidad perversa» высказано мнение одного из героев романа (испанца) о Достоевском: «Среда, которую он описывает, так ужасна! Мне, по крайней мере, не хочется и думать о том, чтобы перечитать “Записки из Мертвого дома”», и в другом месте тот же персонаж размышляет: «Точно ли Анне нравился Достоевский? Я так не думаю. Она говорила о Достоевском как о чем-то понятном только для русских».

Во всех трех романах героини выносят свои суждения (сходные с мнениями самого Барохи) о произведениях Л. Толстого. Ср.:

«La ciudad de la niebla» (1909)	«El mundo es así» (1912)	«La sensualidad perversa» (1920)
<p>Я прочла «Крейцерову сонату» сразу после замужества, она произвела на меня удручающее впечатление. Юлия тоже не разделяла взглядов Толстого, потому что, хотя великий писатель и был анархистом, он хотел победить власть и зло пассивным образом.</p>	<p>Она прочла апостольские книги Толстого и была одержима его идеями. Нужно было, как и хотел старый учитель, достичь нравственного совершенства, чистоты сердца; нужно было проповедовать в полях неподчинение власти, пассивное сопротивление произволу правительства, возвращение к простой жизни, ненависть к индустриализму, к машине, к внешней роскоши и к поверхностным измышлениям прогнившего Запада⁶⁴.</p>	<p>Я читала знаменитую повесть Толстого «Крейцера соната» и нахожу, что она очень хороша как повесть и нелепа как доктрина.</p>

Использует Бароха и распространенные образы и мотивы («стереотипы») в изображении русских мужчин. В романе «El mundo es así» революционер *Afsaguin*, который изображен голубоглазым гигантом с калмыцким носом, с шафранной шевелюрой и золотистой бородой и который «был как воплощение степей посреди западной цивилизации», поет «песни, которые слышал от моряков на Волге». В другом тексте («La ciudad de la niebla») говорится: «Владимир вспомнил русских мужиков, которые, по его словам, спят пьяные на снегу при температуре двадцать градусов ниже нуля».

В трех романах упоминается Сибирь, ассоциирующаяся с холодом, снегом, это вообще ужасное место, символ жестокости правительства. И если в романе «El mundo es así» упоминаются ужасные тюрьмы, такие как «Petro Paulovski», «Siberia»; то в «La ciudad de la niebla» героине снится, что «она вышла замуж за Владимира, что его уводят в Сибирь, а она следует за ним босиком».

⁶⁴ Ср. с мнением Мигеля де Унамуно о «Крейцеровой сонате», высказанным в 1890-е гг.: Толстой, «окативший холодной водой прогнившее буржуазное общество» (*Unamuno M. de. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. P. 173.*)

Русские имена и реалии в романах Барохи оставляют забавное впечатление двойкости, это нелепая смесь информированности и наивного неведения. Такое сочетание, как мне представляется, как раз и характеризует образ России и русских, который сложился в сознании Пио Барохи и нашел отражение в его творчестве.

Так, Бароха неоднократно заявлял, что читал *всего* Достоевского — вероятно, он имел в виду все переведенное к тому времени на европейские языки, но в романе «El mundo es así» с энтузиазмом выписывает несколько русских слов, которые понял его герой: *Gospodin* — это вместо Господь или Господи, *koska, dobri nochi* («Al gato se le llama *koska* y *dobri nochi* quiere decir buenas noches» — «Кота называют *koska*, а *dobri nochi* означает *доброй ночи*») и, совсем комично, русское блюдо: «una sopa de legumbres que se llama *tckij kascha*» («овощной суп, называемый *tckij kascha*», т. е. «щи-каша»).

Определенно, у Пио Барохи было два основных источника сведений о России — русская литература и русские революционные эмигранты, с которыми он знакомился во время путешествий во Францию и в Англию. Поэтому в «El mundo es así» появляется друг семьи *Garchin*⁶⁵, либерал из партии кадетов, а в «Городе тумана» — нетипичный для XX в. нигилист, князь *Nekraxin*. При этом Бароха знает, кто такой поэт Некрасов, его персонажи обсуждают поэму «Русские женщины», но на страницах одного романа автор пишет эту фамилию по-разному: то *Nekrásov*, то *Nekrassov*. Тургенева он тоже по-разному транскрибирует в 1909 и 1912 г. Понятно, что и в написании фамилии «Достоевский» единства ждать не приходится — даже если не брать в расчет французское посредничество, испанские переводчики рубежа веков передавали ее как минимум шестью разными способами⁶⁶, и это многообразие отражено и романах Барохи, и в его статьях.

С русскими фамилиями Бароха испытывал затруднения не только в романах, но и в жизни. Анекдотический случай произошел с ним в тридцатые годы, в Париже. Бароху пригласили на прием в честь знаменитого русского литератора — ему показалось, что Чехова. Бароха не придавал значения тому, что Антон Павлович умер еще в 1904 г., явился на прием и был крайне разочарован, что встречают не любимого им писателя Чехова, а Льва Шестова⁶⁷. В итоге он ушел, так и не пообщавшись с русским экзистенциалистом, которого его друг и идейный соратник Мигель де Унамуно называл своим другом⁶⁸.

---

⁶⁵ В романе «Город туманов» Бароха наделяет той же фамилией русскую героиню-феминистку: *Julia Garchin*.

⁶⁶ См.: *Schanzer G. O. Russian Literature in the Hispanic World: A bibliography*. Toronto, 1972. P. 49–76.

⁶⁷ *Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia // Sancho el Sabio (Vitoria-Gasteiz)*. 2011. No. 34. P. 15.

⁶⁸ *Unamuno M. de. Epistolario inédito*. Madrid, 1991. T. 2. P. 219.

Отчества для Барохи тоже представляют серьезную проблему. Среди персонажей его романов появляются *Juan Ivanovich*, *Vera Petrovna* и *Ana Petrovna* — причем слова *Ivanovich* и *Petrovna* употребляется в качестве фамилий. Эмблематично для современного образа России в Испании, что фамилия героини «*El mundo es ansí*» неправильно указана даже в статье баскского исследователя А. Наварра Ордоньо, специально посвященной теме «Бароха и Россия»: «Разве можно не разглядеть в страдающей героине, *Sacha Savarofna*, воплощение ангельской и капризной женщины из романов Достоевского?»⁶⁹ При этом отец Саши в статье назван так же, как и в романе «*El mundo es ansí*» — *El general Savarof*. Очевидно, Наварра Ордоньо, не являясь филологом-русистом, где-то слышал, что у русских бывает отчество, но до конца в этом вопросе не разобрался.

Почему Бароха дает русским персонажам фамилии писателей и исторических деятелей? Думается, не потому что сам не знает других: у человека, читавшего романы Достоевского и Толстого, в русских именах недостатка быть не могло. Скорее, можно предположить, что Бароха выбирает слова, которые что-то значили для круга его читателей: если русская, то пусть будет Ломоносов или Гаршин, если русский, то Санин.

Как видно из приведенных выше примеров, чтение русских писателей и общение с русскими в Европе не сделало Пио Бароху знатоком России, не освободило от стереотипного восприятия, присущего всем литераторам «поколения 98-го года»⁷⁰. Представляется, что важнейшую роль здесь сыграли две объективные причины: Бароха не знал русского языка и не жил в России. Впрочем, последнее утверждение применимо для всех крупных испанских писателей вплоть до наших дней⁷¹.

Хосе Ортега-и-Гассет и Пио Бароха: Спор о Достоевском в Испании

1925 г. в культурной жизни Испании отмечен важной вехой: открытым «спором о романе» между знаменитым философом Хосе Ортегой-и-Гассетом и не менее знаменитым романистом Пио Барохой⁷².

---

⁶⁹ *Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia*. P. 17.

⁷⁰ См. об этом: *Багно В. Е. Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания)*. СПб., 2001. С. 5–42.

⁷¹ Из испанских писателей первого ряда в России жили только Хуан Валера (см.: *Валера Х. Письма из России / пер. С. Николаевой; предисл. В. Багно, коммент. К. Корконосенко*. СПб., 2001) и Анхель Ганивет (см.: *Корконосенко К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты*. СПб., 2001. С. 206–223), но русского языка они тоже не знали.

⁷² Это культурное событие на протяжении многих лет привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей; см., например: *Iglesias C. La controversia entre*

Спор этот начинался как живой диалог двух интеллектуалов, состоящих в приятельских отношениях, живущих в одном городе и имеющих возможность общаться напрямую. А в 1925 г. оба автора опубликовали свои размышления о природе романа, причем каждый ссылаясь на мнение второго полемиста. И Ортега, и Бароха упоминают о ситуации, в которой начинался спор, и подчеркивают его изначально устный, непубличный и дружеский характер (а романист Бароха вдобавок нагружает свое повествование бытовыми деталями). Ср.: «Недавно Пио Бароха⁷³ напечатал статью о своем последнем романе, “Восковые фигуры”, где, во-первых, выражает озабоченность проблемами романной техники, а, во-вторых, говорит, что хочет, следуя моим советам, написать книгу в *tempo lento*. Автор намекает на наши разговоры о современной судьбе романа»⁷⁴; «Мы, трое друзей, выехали из Мадрида в декабре и остановились в приморском городке близ Малаги. <...> Мы все трое литераторы, завязтые и неизлечимые спорщики, любители подвергать сомнению всевозможные идеи»⁷⁵.

Для нас существенно, что одной из интеллектуальных площадок, на которых разворачивался этот сначала неформальный, а потом и публичный спор о романе, явилось творчество Достоевского. Помимо многочисленных упоминаний на страницах своих публикаций и Ортега, и Бароха посвятили русскому писателю специальные разделы в своих программных выступлениях 1925 г.

В России точка зрения Ортеги-и-Гассета на природу романа, на то, каким должен быть идеальный роман, получила широкое распространение; Пио Бароха — публицист и автор нескольких сборников эссе об искусстве и литературе (есть среди них и заметки о России и русских⁷⁶) — известен у нас исключительно как плодовитый романист, но не как мыслитель, литературный критик и создатель теории романа.

Varoja y Ortega y Gasset acerca de la novela // Pío Baroja. Madrid, 1974. P. 251–261; Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. С. 132–135; Раздел «Размышления Пио Барохи о судьбе романа. Polemica с Хосе Ортегой-и-Гассетом» в диссертации М. Сусловой (Суслова М. В. Философско-эстетическая концепция действия в творчестве Пио Барохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 237–240).

⁷³ В газете *El Sol*. Позднее он откликнулся на мои замечания в теоретическом предисловии к роману «Корабль дураков». — Прим. Ортеги-и-Гассета.

⁷⁴ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 260.

⁷⁵ Baroja P. Obras completas. Т. 4. Madrid, 1948. P. 307.

⁷⁶ См., например: Baroja P. Gorki // Baroja P. Obras completas. Т. 5. Madrid, 1948. P. 37–39 (Сборник «Подмостки Арлекина»); Baroja P. [Humoristas rusos: Gogol, Turgueniev, Dostoievski] // Baroja P. Obras completas. Т. 5. Madrid, 1948. P. 431 (Сборник «Пещера юмора»); Baroja P. Silueta rusa // Baroja P. Obras completas. Т. 5. Madrid, 1948. P. 1304–1308 (Сборник «Статьи»). В. Е. Багно приводит перечень упоминаний русских писателей в Полном собрании сочинений Барохи и называет русских авторов, чьи книги были в личной библиотеке Барохи: Гончаров, Арцыбашев, Куприн, Бунин, Ф. Сологуб и многие другие (Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. С. 130).

Эссе и заметки Пио Барохи до сих пор не переводились на русский язык. С наследием Ортеги-и-Гассета дело обстоит гораздо удачнее: весь корпус его значимых философских и социологических работ — в их числе эссе «Воля к барокко» и глава «Достоевский и Пруст» из знаменитых «Мыслей о романе»⁷⁷ — давно уже переведен и доступен в России не только испанцам. Думается, что именно поэтому авторитетный исследователь Достоевского Г.М. Фридендер написал специальную статью «Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гассета»⁷⁸, в которой Бароха упоминается только вскользь, как второй участник дискуссии, отчасти и побудивший Ортегу опубликовать свои размышления о романной технике Достоевского, а точка зрения Барохи приводится исключительно в изложении оппонента: «Представление о том, что героев Достоевского роднит с их автором их “нейстовый нрав” (как полагал П. Бароха), — “оптический обман”, “чистая магия и фантазмагория”, утверждает Ортега»⁷⁹.

Другая причина состоит в определенно заявленной нетривиальности, даже эпатажности мыслей Ортеги о Достоевском на фоне европейской критики 1920-х гг., еще незнакомой с работами М.М. Бахтина: «О том, что происходит в книгах Достоевского, было сказано немало, о самой форме его романов — практически ничего, — замечает Ортега-и-Гассет. — Странные поступки и чувства, которые описывает этот великий писатель, заморозили критиков, помешав им постичь самую суть, то, что в любом художественном произведении, как правило, считается чем-то незначительным и второстепенным, — структуру романа как такового»⁸⁰. Пио Бароха, напротив, признает и подчеркивает традиционность позиции, которую он отстаивает в споре с Ортегой, не претендуя на оригинальность: «Разумеется, моя точка зрения банальна, поскольку она общепринята, однако, несмотря на ее банальность, мне она кажется наиболее убедительной».

Свою первую статью, специально посвященную Достоевскому, Пио Бароха написал и опубликовал еще в семнадцатилетнем возрасте (см. об этом выше); последняя его значимая статья о русском писателе, хорошо известная в испаноязычном мире, относится к 1938 г. В ней Ортега-и-Гассет прямо не упоминается, однако отголоски их «спора о романе» 1920-х гг. определенно различимы: «Я перечитал также и критические отзывы о его творчестве и утвердился в моей давней мысли: главное, что потрясает в Достоевском — это не писательская техника; самое глубокое впечатление производит на нас раздвоение его души в сочетании с обостренной психологической чувствительностью»⁸¹.

⁷⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. С. 151–155; 273–278.

⁷⁸ *Фридендер Г.М.* Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гассета // Фридендер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995. С. 382–410.

⁷⁹ *Фридендер Г.М.* Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гассета. С. 389.

⁸⁰ *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. С. 274.

⁸¹ *Бароха П.* Психологическое раздвоение Достоевского / пер. К. Корконосенко // Вестник РХГА. 2020. Т. 22, вып. 1. С. 138.

Сопоставление идей Ортеги-и-Гассета с «Проблемами поэтики Достоевского» проводится в указанных работах И. А. Тертерян, В. Е. Багно и Г. М. Фридлендера, однако и в текстах Барохи встречаются фрагменты, которые можно принять за раскавыченные цитаты из Бахтина. Ср. две формулировки: «Первостепенное значение имеет относительная самостоятельность персонажей Достоевского во взаимоотношении с их автором. Такая ситуация кажется фантастичной, но отчасти она истинна. Быть может, именно в силу психологического раздвоения Достоевского характеры и мотивы его персонажей кажутся независимыми от воли их автора» (Пио Бароха. «Психологическое раздвоение Достоевского»)⁸². «Слово автора о герое организовано в романах Достоевского, как слово о присутствующем, слышащем его (автора) и могущем ему ответить. Такая организация авторского слова в произведениях Достоевского вовсе не условный прием, а безусловная последняя позиция автора. <...> Такова относительная самостоятельность героев в пределах творческого замысла Достоевского» (М. Бахтин. «Проблемы творчества Достоевского»)⁸³.

Я не преувеличиваю значения Пио Барохи — или Хосе Ортеги-и-Гассета — в исследовании поэтики Достоевского. «Диалог» и «полифония» — это сказал о Достоевском Бахтин, это его слова. Однако мне представляется своевременным и целесообразным обратить внимание отечественных исследователей на два фрагмента из пролога⁸⁴ к роману «Корабль дураков» (1925)⁸⁵ и статью «Психологическое раздвоение Достоевского» (1938), чтобы дать слово и второму участнику испанского «спора о романе», исследовавшему этот протейский жанр на примере творчества русского писателя.

В целом на материале текстов испанских писателей и литературных критиков рубежа XIX–XX вв. можно сделать следующие выводы о различии в восприятии Толстого и Достоевского «поколением 98-го года».

Творческое наследие Толстого пронизывает всю испанскую литературу той эпохи, что проявляется особенно ярко в романах, написанных представителями «поколения 98-го года», — но не всегда удается определить, в чем именно заключается это влияние. Можно сказать, что Толстой был тем воздухом, которым дышали все испанские интеллектуалы, подчас не замечая этого.

Влияние Достоевского, напротив, не стало всепроникающим; зато в тех конкретных случаях, когда можно вести доказательный разговор

---

⁸² Бароха П. Психологическое раздвоение Достоевского. С. 141.

⁸³ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 75–76.

⁸⁴ Ироничное название, которое дал этому объемному трактату Бароха, — «Почти наставительный пролог о романе».

⁸⁵ Русские переводы см.: Вестник РХГА. 2020. Т. 22. Вып. 1. С. 136–138.

о влиянии или переосмыслении идей, сюжетов, художественных приемов русского писателя, присутствие Достоевского явлено в произведениях испанских писателей в концентрированном виде и свидетельствует о прямом интересе того или иного автора к его творчеству.

Библиографический список

- Асорин*. Избранные произведения. М., 1989. 571 с.
- Багно В. Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982. 152 с.
- Багно В. Е.* Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 5–42.
- Бароха П.* Алая заря. М., 1964. 256 с.
- Бароха П.* Достоевский // Вестник РХГА. 2019. Т. 20, вып. 4. С. 436–439.
- Бароха П.* Значение Достоевского; Беспристрастность и невмешательство; Психологическое раздвоение Достоевского // Вестник РХГА. 2020. Т. 22, вып. 1. С. 629–638.
- Бароха П.* Путь к совершенству. М., 1912. 376 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 470 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 7–175.
- Валера Х.* Письма из России. СПб., 2001. 438 с.
- Валье-Инклан Р. дель.* Избранные произведения: в 2 т. Л., 1986. Т. 2. 605 с.
- Диас Плаха Г.* Модернизм лицом к лицу с поколением 1898 года // Диас Плаха Г. От Сервантеса до наших дней. М., 1981. 328 с.
- Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 206–223.
- Корконосенко К. С.* Мигель де Унамуно и русская культура. СПб., 2002. 396 с.
- Корконосенко К. С.* Полифонический роман Достоевского и агонический «руман» Унамуно // Русская литература. 1999. №4. С. 114–123.
- Корконосенко К. С.* Русские имена и реалии в произведениях Пио Барохи // Русская литература. 2019. №3. С. 42–49.
- Корконосенко К. С.* Скрытые цитаты из Достоевского в романе М. де Унамуно «Авель Санчес» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 209–220.
- Ортега-и-Гассет Х.* Письма к Мигелю де Унамуно // Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 290–295.
- Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991. 586 с.
- Плавский З. И.* Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982. 247 с.
- Суслова М. В.* Философско-эстетическая концепция действия в творчестве Пио Барохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 342 с.
- Тертерян И. А.* Испытание историей. М., 1973. 526 с.
- Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. М., 1937. 515 с.
- Унамуно М. де.* Достоевский о языке // Пространство безграничной словесности: сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С. 263–266.

- Унамуно М. де.* Избранное: в 2 т. Т. 1. Л., 1981. 517 с.
- Унамуно М. де.* Назидательные новеллы. М.; Л., 1962. 364 с.
- Унамуно М. де.* Необычный русофил // Рецепция Достоевского в мировой культуре. История и современность. СПб., 2021. С. 97–103.
- Унамуно М. де.* О жанре романа // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 613–616.
- Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Киев, 1996. 414 с.
- Унамуно М. де.* Святой Мануэль Добрый, мученик. СПб., 2000. 558 с.
- Унамуно М. де.* Хлебы и камни // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С. 260–263.
- Фридлендер Г. М.* Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гассета // Фридлендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995. С. 382–410.
- Aparicio Cortés E.* La novela intrahistórica: Presencia de Lev Tolstoi en “Paz en la guerra” de Miguel de Unamuno. Leioa, 1995. 432 p.
- Baroja P.* Desde la última vuelta del camino. Madrid, 1947. 423 p.
- Baroja P.* El desdoblamiento psicológico de Dostoyevski // Baroja P. Pequeños ensayos. Buenos Aires, 1943. P. 211–227.
- Baroja P.* El escritor según él y según los críticos. Madrid, 1944. 318 p.
- Baroja P.* La ciudad de la niebla. Madrid, 1960. 332 p.
- Baroja P.* El mundo es así // Baroja P. Las ciudades. Madrid, 1967. 719 p.
- Baroja P.* Escritos de juventud (1890–1904). Madrid, 1972. 406 p.
- Baroja P.* Hojas sueltas: Madrid, 1973. 366 p.
- Baroja P.* Obras completas. T. 4. Madrid, 1948. 1518 p.
- Baroja P.* Obras completas. T. 5. Madrid, 1948. 1360 p.
- Basdeksis D.* Miguel de Unamuno. New York; London, 1969. 48 p.
- Crone A. L.* Unamuno and Dostoevsky: some thoughts on atheistic humanitarism // Hispanofilia. 1978. No. 64. P. 43–60.
- Dostoevsky F.* The Brothers Karamazov. London, 1919. 838 p.
- Dostoïevski F.* Les frères Karamazov. T. 1–3. Paris, 1925. 420, 370, 308 p.
- Dostoiiewski F.* Obras completas. Los hermanos Karamazov. T. 1–4. Madrid, 1927. 1244 p.
- Gallego Morell A.* Estudios y textos ganivetianos. Madrid, 1971. 214 p.
- Iglesias C.* La controversia entre Baroja y Ortega y Gasset acerca de la novela // Pío Baroja. Madrid, 1974. P. 251–261.
- Maestu R. de.* El populismo de Rusia // Acción Española (Madrid). 1936. T. 16, no. 83, Enero. P. 144–168.
- Navarra Ordoño A.* Pío Baroja y Rusia // Sancho el Sabio (Vitoria-Gasteiz). 2011. No. 34. P. 11–22.
- Oostendorp H. Th.* Los puntos de semejanza entre “La guerra y la paz” de Tolstoy y “Paz en la guerra” de Unamuno // Bulletin Hispanique. 1967. T. 69, no. 1–2. P. 85–103.
- Ortega y Gasset J.* Ideas sobre Pío Baroja // Pío Baroja. Madrid, 1974. P. 53–89.
- Portnoff G.* La literatura rusa en España. New York, 1932. 301 p.
- Schanzer G. O.* Russian Literature in the Hispanic World: A bibliography. Toronto, 1972. 360 p.

- Unamuno M. de*. Artículos desconocidos en “El Mercantil Valenciano” (1917–1923). Valencia, 2003. 565 p.
- Unamuno M. de*. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. 455 p.
- Unamuno M. de*. Cartas inéditas. Madrid, 1973. 273 p.
- Unamuno M. de*. Epistolario inédito. Madrid, 1991. T. 1–2. 369, 360 p.
- Unamuno M. de*. Obras completas. T. 4. Madrid, 1968. 1467 p.
- Wallace M*. Russia. Vol. 1–2. Leipzig, 1878. 788 p.
- Zavala I. M.* Unamuno y el pensamiento dialógico: (M. de Unamuno y M. Bajtin). Barcelona, 1991. 207 p.

References

- Aparicio Cortés E. *La novela intrahistórica: Presencia de Lev Tolstoi en “Paz en la guerra” de Miguel de Unamuno*. Leioa, 1995. 432 p. (In Span.)
- Azorin. *Izbrannyye proizvedeniia* [Selected works], Moscow, 1989. 571 p. (In Russ.)
- Bagno V. *Emiliia Pardo Basan i russkaia literatura v Ispanii* [Emilia Pardo Bazán and Russian Literature in Spain]. Leningrad, 1982. 152 p. (In Russ.)
- Bagno V. *Iazyki pogranichnykh kul'tur (Ispaniia i Rossiia)* [Languages of border cultures (Spain and Russia)]. In: *Pogranichnyye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom (Rossiia i Ispaniia)*. Saint Petersburg, 2001. Pp. 5–42. (In Russ.)
- Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoievskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1972. 470 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. Problemy tvorchestva Dostoievskogo [Problems of Dostoevsky's creative work]. In: Bakhtin M. *Sobranie sochinenii*, vol. 2. Moscow, 2000. Pp. 7–175. (In Russ.)
- Baroja P. *Alaia zaria* [Scarlet dawn]. Moscow, 1964. 256 p. (In Russ.)
- Baroja P. *Desde la última vuelta del camino*. Madrid, 1947. 423 p. (In Span.)
- Baroja P. Dostoevskii. *Vestnik RKhGA*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 436–439. (In Russ.)
- Baroja P. *El escritor según él y según los críticos*. Madrid, 1944. 318 p. (In Span.)
- Baroja P. *La ciudad de la niebla*. Madrid, 1960. 332 p. (In Span.)
- Baroja P. *Escritos de juventud (1890–1904)*. Madrid, 1972. 406 p. (In Span.)
- Baroja P. *Hojas sueltas*. Madrid, 1973. 366 p. (In Span.)
- Baroja P. *Obras completas*, vol. 4. Madrid, 1948. 1518 p. (In Span.)
- Baroja P. *Put' k sovershenstvu* [The way to perfection]. Moscow, 1912. 376 p. (In Russ.)
- Baroja P. Znachenie Dostoievskogo; Bespristrastnost' i nevmeshatel'stvo; Psikhologicheskoe razdvoenie Dostoievskogo [The meaning of Dostoevsky; Impartiality and non-interference; Dostoevsky's psychological split]. *Vestnik RKhGA*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 629–638. (In Russ.)
- Baroja P. El desdoblamiento psicológico de Dostoyevski. In: Baroja P. *Pequeños ensayos*. Buenos Aires, 1943. Pp. 211–227. (In Span.)
- Baroja P. El mundo es así. In: Baroja P. *Las ciudades*. Madrid, 1967. 719 p. (In Span.)
- Baroja P. *Obras completas*, vol. 5. Madrid, 1948. 1360 p. (In Span.)
- Basdekis D. *Miguel de Unamuno*. New York; London, 1969. 48 p.
- Crone A. L. Unamuno and Dostoevsky: some thoughts on atheistic humanitarianism. *Hispanofilia*, 1978, no. 64, pp. 43–60.

- Díaz Plaja G. Modernizm litsom k litsu s pokoleniem 1898 goda [Modernism Face to Face with the Generation of 1898]. In: Díaz Plaja G. *Ot Servantesa do nashikh dnei*. Moscow, 1981. 328 p. (In Russ.)
- Dostoevsky F. *The Brothers Karamazov*. London, 1919. 838 p.
- Dostoïevski F. *Les frères Karamazov*, vols. 1–3. Paris, 1925. 420, 370, 308 p. (In French)
- Dostoiewski F. *Obras completas. Los hermanos Karamazov*, vol. 1–4. Madrid, 1927. 1244 p. (In Span.)
- Fridlender G. Dostoevskii v otsenke Khose Ortegi-i-Gasset [Dostoevsky in the assessment of Jose Ortega y Gasset]. In: Fridlender G. *Pushkin. Dostoevskii. “Se-rebryannyi vek”*. Saint Petersburg, 1995. Pp. 382–410. (In Russ.)
- Gallego Morell A. *Estudios y textos ganivetianos*. Madrid, 1971. 214 p. (In Span.)
- Iglesias C. La controversia entre Baroja y Ortega y Gasset acerca de la novela. In: *Pío Baroja*. Madrid, 1974. Pp. 251–261. (In Span.)
- Korkonosenko K. Ankhel’ Ganivet, “poslannik ispanskoi kul’tury” [Angel Ganivet, “ambassador of Spanish culture”]. In: *Diplomaty-pisateli; pisateli-diplomaty*. Saint Petersburg, 2001. Pp. 206–223. (In Russ.)
- Korkonosenko K. *Migel’ de Unamuno i russkaia kul’tura*. Saint Petersburg, 2002. 396 p. (In Russ.)
- Korkonosenko K. Polifonicheskii roman Dostoevskogo i agonicheskii “ruman” Unamuno [Dostoevsky’s polyphonic novel and Unamuno’s agonistic “ruman”]. *Russkaya literatura*, 1999, no. 4, pp. 114–123. (In Russ.)
- Korkonosenko K. Russkie imena i realii v proizvedeniakh Pio Barokhi [Russian names and realities in the works of Pío Baroja]. *Russkaya literatura*, 2019, no. 3, pp. 42–49. (In Russ.)
- Korkonosenko K. Skrytye tsitaty iz Dostoevskogo v romane M. de Unamuno “Avel’ Sanches” [Hidden quotes from Dostoevsky in M. de Unamuno’s novel “Abel Sanchez”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 17. Saint Petersburg, 2005. Pp. 209–220. (In Russ.)
- Maetz R. de. El populismo de Rusia. *Acción Española* (Madrid), 1936, vol. 16, no. 83, enero, pp. 144–168. (In Span.)
- Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia. *Sancho el Sabio (Vitoria-Gasteiz)*, 2011, no. 34, pp. 11–22. (In Span.)
- Oostendorp H. Th. Los puntos de semejanza entre “La guerra y la paz” de Tolstoy y “Paz en la guerra” de Unamuno. *Bulletin Hispanique*, 1967, vol. 69, no. 1–2, pp. 85–103. (In Span.)
- Ortega y Gasset J. Pis’mo k Migeliu de Unamuno [Letters to Miguel de Unamuno]. In: Ortega-i-Gasset J. *Etiudy ob Ispanii*. Kiev, 1994. Pp. 290–295. (In Russ.)
- Ortega y Gasset J. Ideas sobre Pío Baroja. In: *Pío Baroja*. Madrid, 1974. Pp. 53–89. (In Span.)
- Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofii kul’tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow, 1991. 586 p. (In Russ.)
- Plavskin Z. *Ispanskaia literatura XLX–XX vekov* [Spain literature of 19th–20th centuries]. Moscow, 1982. 247 p. (In Russ.)
- Portnoff G. *La literatura rusa en España*. New York, 1932. 301 p. (In Span.)
- Schanzer G. O. *Russian Literature in the Hispanic World: A bibliography*. Toronto, 1972. 360 p.

- Suslova M. *Filosofsko-esticheskaia kontseptsia deistviia v tvorchestve Pio Barokhi* [Philosophical and aesthetic concept of action in the works of Pío Baroja]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2007. 342 p. (In Russ.)
- Terteryan I. *Ispytanie istoriei* [Proving with history]. Moscow, 1973. 526 p. (In Russ.)
- Tolstoy L. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], vol. 9. Moscow, 1937. 515 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. Dostoevskiy o iazyke [Dostoevsky on the language]. In: *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiiu V.E. Bagno*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 263–266. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Izbrannoe* [Selected], vol. 1. Leningrad, 1981. 517 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. Khleby i kamni [Bread and stones]. In: *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiiu V.E. Bagno*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 260–263. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Nazidatel'nye novely* [Didactic novellas]. Moscow; Leningrad, 1962. 364 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. Neobychnyi rusofil [An unusual Russophile]. In: *Retseptsia Dostoevskogo v mirovoi kul'ture. Istorii i sovremennost'*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 97–103. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *O tragicheskom chuvstve zhizni u liudei i narodov* [On the tragic sense of life among people and nations]. Kiev, 1996. 414 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. O zhanre romana [About the genre of the novel]. In: *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur: Pamiati lu. D. Levina*. Saint Petersburg, 2010. Pp. 613–616. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Obras completas*, vol. 4. Madrid, 1968. 1467 p. (In Span.)
- Unamuno M. de. *Sviatoi Manuel' Dobryi, muchenik* [Saint Manuel the Good, Martyr]. Saint Petersburg, 2000. 558 p. (In Russ.)
- Unamuno M. de. *Articulos desconocidos en "El Mercantil Valenciano" (1917–1923)*. Valencia, 2003. 565 p. (In Span.)
- Unamuno M. de. *Cartas inéditas*. Santiago de Chile, 1965. 455 p. (In Span.)
- Unamuno M. de. *Cartas inéditas*. Madrid, 1973. 273 p. (In Span.)
- Unamuno M. de. *Epistolario inédito*. Madrid, 1991. Vols. 1–2. 369, 360 p. (In Span.)
- Valera J. *Pis'ma iz Rossii* [Letters from Russia]. Saint Petersburg, 2001. 438 p. (In Russ.)
- Valle-Inkklan R. del. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], vol. 2. Leningrad, 1986. 605 p. (In Russ.)
- Wallace M. *Russia*, vols. 1–2. Leipzig, 1878. 788 p.
- Zavala I.M. *Unamuno y el pensamiento dialógico: (M. de Unamuno y M. Bajtin)*. Barcelona, 1991. 207 p. (In Span.)

И. УЧЧЕЛЛО¹

ДЕЛО КАИРОВОЙ И ЕГО СЛЕД В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье исследуются отношение Ф. М. Достоевского к судебному делу Н. В. Каировой (1876) и его влияние на процесс создания романа «Братья Карамазовы». Каирова, оправданная после покушения на убийство жены своего любовника, стала объектом широкого обсуждения в конце XIX в. В ней видели то жертву обстоятельств, то деспотичную женщину, разрушающую семейные узы. В «Дневнике писателя» Достоевский внес свой вклад в дискуссию. Центральным для писателя стал образ порочной женщины. Его негодование было вызвано исходом дела, в котором он видел признак нравственного упадка. В последнем романе Достоевского можно увидеть намеки на разные аспекты дела Каировой, отчасти сформировавшего образы Катерины Ивановны, адвоката Фетюковича, отдельных представителей публики и судмедэкспертов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», дело Н. В. Каировой, уголовные дела в литературе, женщина в России 1870-х гг.

I. UCCELLO

THE KAIROVA CASE AND ITS IMPACT ON DOSTOEVSKY'S OEUVRE

Annotation: This article explores F. M. Dostoevsky's perspective on the Kairova case (1876) and its impact on *The Brothers Karamazov*. Kairova, acquitted of attempted murder of her lover's wife, became the subject of extensive discussions in the late 19th century. Different viewpoints formed around Kairova's character: she was seen as a victim of circumstances, or as a tyrannical woman undermining familial ties. Dostoevsky engaged in these debates through his articles in *A Writer's Diary*. His outrage stemmed from the case's verdict that he interpreted as a reflection of a deteriorating society. Central to this narrative was the figure of a wayward woman. This incident also left its mark on Dostoevsky's final novel, where allusions to aspects of the Kairova case can be

---

¹ Ирис Уччелло, аспирантка кафедры иностранных литератур Веронского университета, Италия; Iris Uccello, PhD student in Foreign languages and literatures at University of Verona. iris.uccello@univr.it

detected. This is particularly evident in the depiction of Katerina Ivanovna, lawyer Fetyukovich, public response, and medical examination.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*, the Kairova case, criminal cases in literature, woman in Russia in the 1870s.

В апреле 1876 г. Настасья Васильевна Каирова (1844–1888) была обвинена в покушении на убийство жены своего любовника, Александры Ивановны Великановой. Подсудимая нанесла жертве бритвой четыре раны, которые, к счастью, оказались не смертельными¹. Подсудимую оправдали, что вызвало разнообразные дискуссии в публицистике. Дело Каировой разделило общественное мнение, затронув важные социальные аспекты. Оно касалось вопросов, связанных с институтом семьи, брака, роли женщины в обществе, а также с юридической сферой: судом присяжных, адвокатской практикой и введением в судебном расследовании психиатрической экспертизы.

После проведения в 1864 г. судебной реформы уголовные разбирательства стали открытыми, судебные записи публиковались в газетах, издавались в виде книг, а писатели и публицисты использовали их для обсуждения общественных вопросов. Судебные процессы становились инструментом изучения общественных настроений, его зеркалом, в котором «живо рисуется наша жизнь со всеми ее подробностями; со всею назатейливостью ее отношений <...> выступают вперед те вопросы жизни, разрешение которых неотразимо в более или менее ближайшем будущем»².

Ф. М. Достоевский в 1860–1870-е гг. проявлял значительный интерес к текущим судебным разбирательствам. Как отмечено исследователями, «тема русского суда связана со всей полнотой его писательской идеологии»³. Судебная тематика тесно переплетается с вопросами личного раскаяния и нравственного самосознания, которые сопутствуют судебным процессам, однако идут помимо них и, иногда, в противоречии с ними, выполняют роль «внутреннего суда»⁴. Через анализ судебных дел, привлекавших внимание писателя, мы можем глубже проникнуть в его мировоззрение, узнать новое о его отношении к актуальным проблемам своего времени, в числе которых была женская эмансипация, выяснить суть его общественной позиции, хорошо проявленной

---

¹ См.: Судебная хроника. Дело Каировой // Голос. 1876. № 118–122 (29 апреля — 3 мая); Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. № 59–62 (29 апреля — 2 мая); Судебная хроника. Дело Каировой // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 117–120 (29 апреля — 2 мая); Судебная хроника. Дело Каировой // Петербургская газета. 1876. № 82–83 (29 и 30 апреля).

² Нос А. Замечательные судебные дела. СПб., 1869. С. VII.

³ Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань, 1975. С. 3.

⁴ См.: Сафронова Е. Ю. Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. 2012. № 3. С. 149; Дорошева Е. В. Достоевский и русский суд как основа национально-правовой этики: феноменология образов: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 10.

в комментариях к судебным расследованиям⁵ и выраженной также, например, в явлении «случайного семейства», одного из главных, по мнению Достоевского, симптомов разрушения общества⁶. Изучение дела Каировой кажется в этом смысле особенно продуктивным: его влияние на последний роман писателя до сих пор мало освещено, хотя в деле затронуты вопросы, исключительно важные для Достоевского. В «Дневнике писателя» делу Каировой посвящены главы: «Из частного письма», «Областное новое слово», «Суд и г-жа Каирова», «Г-н защитник и Каирова», «Г-н защитник и Великанова» (23, 5–20).

Отметим, что тема «Достоевский и суд» довольно основательно изучена. По словам Т. С. Карловой, судебная проблематика «утвердилась в традиции исследования творчества писателя как периферийная, узкоспециальная, не имеющая выхода за пределы истории суда»⁷. Советские и российские исследователи, как правило, не уделяли внимания общественным идеалам писателя, сосредотачиваясь лишь на его позиции относительно судебной системы, а также на восприятии мира юриспруденции в его произведениях⁸. В США был опубликован ряд работ, в которых предпринималась попытка анализа наиболее интересных Достоевского судебных процессов для выявления в них ключевых мировоззренческих концепций писателя. Х. Мурав, в частности, считает, что дела, о которых Достоевский рассказывает в «Дневнике писателя», объединены образом главного героя — повествователя. Сначала он представляет себя сыном, а затем, постепенно, отцом современной ему России, проходя путь от хаоса к порядку⁹. Дело Каировой рассматривается им в рамках этой общей концепции, в рамках темы «отцов и детей»: Достоевский хочет, подобно главе семьи, «подчинить непокорную женскую сексуальность»¹⁰. По мнению Г. Розеншильд, связующей нитью в обсуждении писателем различных судебных дел является критика Запада: Достоевский боится, что только возникшая судебная система России повторит ошибки западной

---

⁵ См.: *Учелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // *Мир русского слова.* 2019. № 4. С. 48–54.

⁶ «...уже множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимую силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе» (13, 455).

⁷ *Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд. С. 5.

⁸ *Гроссман Л. П.* Достоевский и правительственные круги 1870. М., 1934. (Литературное наследство; т. 15). С. 83–162; *Щенников Г. К.* Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // *Русская литература 1870–1890 годов.* Сб. 4. Свердловск, 1971. С. 3–23; *Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд; *Измюская С. С.* Вопросы судопроизводства в художественных текстах Ф. М. Достоевского (на материале произведений «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 2. С. 26–30; *Сафронова Е. Ю.* Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // *Вестник ТГПУ.* 2012. № 3. С. 147–156.

⁹ *Murav H.* Russia's legal fictions. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.

¹⁰ Перевод наш (И. У.). *Murav H.* Russia's legal fictions. P. 144.

юриспруденции, в которой нравственность полностью изолирована от законов¹¹. Особенно писатель обеспокоен тем, что такие вердикты, как в делах Станислава Леопольдовича Кроненберга (оправдан после того, как пятнадцать минут сек семилетнюю дочь розгами) или Каировой, могут стать плохим примером для общества, поскольку «трибуны наших новых судов — это решительно нравственная школа для нашего общества и народа» (23, 19).

В рамках основной задачи нашей статьи нельзя не упомянуть работу Р. Д. Лебланка о комментарии Достоевского к делу Каировой¹². Лебланк демонстрирует множество примеров того, что любовь Каировой, по мнению писателя, свидетельствует о ее страстном любовном влечении. Исследователь отмечает, что для Достоевского такое чувство разрушительно и является противоположностью созидающей женской любви. Необходимо указать, что на самом деле комментарий писателя по данному вопросу имеет более широкую тематику.

Ф. М. Достоевского интересует это судебное дело как нечто новое, способное многое рассказать о стремительно меняющемся русском обществе. Кроме того, Каирова отчасти представляет собой тип «новой женщины», чей путь заслуживает особого внимания.

Настасья Васильевна Каирова¹³, как подобает стереотипной эмансипированной женщине, покидает домашний очаг, оставляя двух дочерей под опекой ее гражданского мужа Федора Алексеевича Кони (1809–1879), драматурга и отца правоведа Анатолия Федоровича Кони. Изначально она работает секретарем в газете «Биржевые ведомости», затем уезжает в Оренбург, выдавая себя за актрису. В ноябре 1874 ее принимают в оренбургскую театральную труппу. Там она заводит любовные отношения с антрепренером Василием Александровичем Великановым, который, обанкротившись, весной следующего года переезжает с ней и своей сестрой в Санкт-Петербург, затем снимает дачу

---

¹¹ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

¹² *LeBlanc R. D.* Dostoevsky and the Trial of Nastasia Kairova: Carnal Love, Crimes of Passion, and Spiritual Redemption // *Russian Review*. 2012. Vol. 71, no. 4. P. 630–654.

¹³ Информация о биографии Н. В. Каировой в основном черпается из ее писем и судебных хроник, связанных с уголовным процессом. На основе этих материалов Мэри Ф. Зирин и Ольга Макарова первыми составили биографию Каировой в своих статьях (*Zirin M. F.* Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s // *An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia* / ed. V. T. Norton, J. M. Gheith. Durham; London: Duke University Press, 2001. P. 140–166; *Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... «Дело Каировой» и его след в биографии А. С. Суворина (дневник Настасьи Васильевны Каировой в сумасшедшем доме) // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 75. С. 110–121). Имя Н. В. Каировой упоминается в двух библиографических словарях (Библиографический словарь русских писательниц Н. Н. Голицына. СПб.: тип. Б. С. Балашева, 1889; *Пономарев С. И.* Наши писательницы: (библиографический словарь русских писательниц князя Н. Н. Голицына). СПб.: тип. Имп. академии наук, 1891).

в Ораниенбауме. Через некоторое время он решает помириться с женой и зовет ее на дачу, именно там Каирова и совершает покушение на убийство. В ночь с 7 на 8 июля 1874 г. она наносит бритвой четыре глубокие раны в голову и шею жены антрепренера. От завершения убийства ее удерживают проснувшиеся Великанов и его сестра. На крики приходят студенты Вениров и Веленкин, а также два городских — Хайнерт и Якимец (в судебных хрониках указаны только фамилии этих персон), и обнаруживают Каирову в состоянии шока, в одной ночной рубашке. Ее немедленно помещают под стражу, и до 11 ноября 1875 г. она находится в тюрьме. Спустя шесть месяцев ее переводят в Петербургскую психиатрическую больницу св. Николая Чудотворца.

28 апреля 1876 г. начинается суд. Рассмотрение дела происходит в Третьем отделении Петербургского окружного суда. Товарищем прокурора выступает один из деятелей судебной реформы, Владимир Константинович Случевский, а защиту возглавляет Евгений Исаакович Утин, известный юрист и публицист. Подсудимая признается, что хотела спасти В.А. Великанова от его супруги, так как та плохо на него влияла, что она хлопотала за него, спасала от полиции и сама предложила переехать в Петербург. Великанов, выступающий свидетелем, утверждает, что всегда любил жену, а отношения с Каировой начал для удовлетворения половой потребности.

Подсудимую обвинили в покушении на убийство, однако присяжные признали ее невиновной. Об этом скандальном деле появилось множество публицистических материалов¹⁴. В них Каирова предстает то как «женщина вообще деспотичного характера, желающая властвовать над мужчиной»¹⁵, то как вполне достойная особа, которая на суде держалась скромно и спокойно¹⁶.

В период своего пребывания в тюрьме и психиатрической больнице Каирова пишет автобиографические описания¹⁷, представляющие собой своеобразный конгломерат исповедальной, автобиографической и патографической прозы. Ее тексты отличает эмоциональность, необычное в них превалирует над общепринятым, что можно наблюдать во многих русских женских автобиографиях конца XIX в.¹⁸

---

¹⁴ Х.Х. Х. Многое // Гражданин. 1876. № 17 (23 мая). С. 468–469; Страшное кощунство // Домашняя беседа. 1876. № 19. С. 493–494; Незнакомец (А. Суворин). Недельные очерки и картинки // Новое время. 1876. № 62 (2 мая). С. 3; *Боборыкин П.* Любовные драмы // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 129. С. 2.

¹⁵ Судебная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 117. С. 4.

¹⁶ Судебная хроника // Петербургская газета. 1876. № 82 (29 апреля). С. 3.

¹⁷ Автобиографический очерк А.В. Каировой / вступ. ст. и примеч. О.А. Бабук // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. С. 375–387; *Макарова О.Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперец Вашей дороги... С. 110–121.

¹⁸ *Holmgren B.* Gendering the icon: marketing women writers in Fin-de-siècle Russia // Russia. Women. Culture / eds. H. Gosילו, B. Holmgren. Bloomington: Indiana University Press, 1996. P. 340.

В частности, взгляд Каировой на материнство сильно расходится с общественно-социальной нормой, например, по ее словам, она не в силах вынести «возню и крики» маленьких детей, впадая от этого в истерическое состояние¹⁹.

Каирова имела очевидные литературные склонности и, вероятно, планировала опубликовать свои тексты, о чем свидетельствует ее письмо к А. С. Суворину²⁰: «Романы я писать не умею. Пробовала в былые времена, да никогда ничего не выходило. Вот воспоминания “Из тюрьмы” и “Из дома умалишенных” могла бы написать»²¹. Кроме того, она написала Н. С. Лескову о твердом намерении стать его литературным помощником. В РГАЛИ хранится «Сказка о Нужде: фламандская легенда», написанная Каировой специально для Лескова и сопровождаемая следующим письмом:

Простите меня, дорогой Николай Семенович: вместо понедельника присылаю Вам сию чепуху в четверг. Перерыла все сундуки, все уголки, где можно было заподозрить рукопись, не нашла — пришлось написать вновь. Вышел остов, канва, по которой Вы, если она канва пригодится Вам, можете, Вашей мастерской, художественной рукой, вышить прелестнейшие и разнообразные узоры. До свиданья — льщу себе надеждой, что до скорого²².

Не имея успехов в литературе, Н. В. Каирова все же получила известность на журналистском поприще, несмотря на то что писала под мужским псевдонимом (она подписывалась по-разному (А. К., А. В., Н. С.)), но всегда использовала мужские грамматические формы). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она отправляла свои репортажи сначала в «Новое время», в чем ей помог А. С. Суворин, затем в газету «Голос», устроившись туда по протекции бывшего мужа Ф. А. Кони. Заметим, что судьба этой войны, в отличие от всех предыдущих, решалась в газетах. Именно эти издания оказали преобладающее влияние на решение о вступлении России в конфликт²³. Мэри Зирин, изучая журналистскую карьеру Каировой, отмечает, что она была первым военным обозревателем, который начал вести репортажи

---

¹⁹ Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 384.

²⁰ Об отношениях Каировой и Суворина и о влиянии на биографию Суворина подробно написала О. Макарова. Каирова состояла в весьма близких отношениях с А. С. Сувориным, о чем свидетельствуют страстные письма с фронта (*Каирова Н. В.* Письма к А. С. Суворину. 1877–1880 гг. // ИРЛИ. Ф. 268. Архив А. С., А. А., М. А. Сувориных. Оп. 1. Ед. хр. 28; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667).

²¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667. Л. 76.

²² *Каирова Н. В.* Сказка о нужде: фламандская легенда // РГАЛИ. Ф. 275. Архив Н. С. Лескова. Оп. 1. Ед. хр. 347.

²³ См.: *McReynolds L.* The news shapes the medium: War and assassination, 1876–1881 // *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press.* Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 73–96.

с линии фронта. За два года она написала более трехсот военных корреспонденций²⁴.

После кончины Ф.А. Кони (1879) Каирова остановила свою работу корреспондентки и вернулась в Россию. Смерть самой Каировой от стенокардии в возрасте 44 лет (1888) была встречена сочувственными некрологами коллег²⁵.

История Н.В. Каировой привлекла внимание Ф.М. Достоевского не только потому, что в ней писатель видел возможность поднять тему пореформенного суда, но, главным образом, поскольку в центре оказывается новый тип женщины, выражающей собой направление общественных настроений. В набросках к «Подростку», написанных с 1874 по 1875 г., за год до этого судебного расследования, он отмечает: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала» (16, 80). В действиях Каировой и ее любовника писатель увидел подтверждение того, о чем он повествовал в романе «Подросток». П.Е. Фокин справедливо делает вывод, что в «Дневнике писателя» за 1876–1877 г. подчеркивается оторванность современной женщины от традиционного культурного уклада: она «лишена любви и семьи, и эта противоестественная ситуация толкает ее к противоестественным поступкам»²⁶.

Позиция Достоевского по женскому вопросу существенно отличалась от идей революционных демократов и консерваторов. Писатель был убежден в необходимости женского высшего образования, но при условии, что это должно было приводить не к эмансипации в смысле устройства жизни женщин по мужскому образцу, но к полноценной возможности самореализации, осуществлению права на приобретение новых навыков и знаний, необходимых для общественной деятельности²⁷. Заметим, что женщины у Достоевского, такие как Неточка Незванова («Неточка Незванова»), Софья Семеновна Мармеладова («Преступление и наказание»), Настасья Филипповна Барашкова («Идиот»), Катерина Ивановна Верховцева («Братья Карамазовы»), Софья Андреевна Долгорукая («Подросток») и др., обладают более сильным нравственным началом, чем мужчины. Из этого следует, что, если женщина начинает подражать мужчине, неизбежно происходит ее нравственная деградация. В статьях о судебном разбирательстве дела Каировой

---

²⁴ См.: *Zirin M. Meeting the Challenge: Russian Women Reporters and the Balkan Crisis of the late 1870s*. P. 140–166.

²⁵ См.: Колосья. 1888. № 3. С. 302; Дело. 1888. Кн. 1. С. 87–88.

²⁶ *Фокин П. «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг.* Ф.М. Достоевского // *Преображение: Русский феминистский альманах*. 1998. № 6. С. 29.

²⁷ См.: *Погребная В. Л. Достоевский-публицист о женской эмансипации и женском творчестве*. URL: [http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_sk/2010_1/files/SC110_42.pdf/](http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_sk/2010_1/files/SC110_42.pdf) (дата обращения: 14.03.2024).

Достоевский противопоставляет Великанову и Каирову: первая — идеал женщины, вторая — анти-идеал. Писатель берет на себя роль защитника жертвы и оправдывает Великанову так же, как адвокат Утин в свое время оправдал Каинову²⁸.

Больше всего возмущает писателя критика Великановой. Е. И. Утин в своей речи делает акцент на том, что жертва покушения не пришла в суд, хотя она была в состоянии это сделать, так как раны не имели серьезных последствий — через несколько дней после происшедшего она уже выступала на сцене²⁹. Писатель оправдывает ее, хотя с ней незнаком: «Она не из тех людей, которые любят рассказывать о своих страстях публично и описывать всенародно свои женские чувства» (23, 18). Отметим, что показания матери и сестер В. А. Великанова даны не в пользу его законной супруги: мать, например, утверждает, что сын пил, пока жил с женой, и перестал пить с Каировой, а сестры, находясь в хороших отношениях с Каировой, якобы не смогли сойтись с А. И. Великановой³⁰. Тем не менее Достоевский всеми способами старается разоблачить приемы адвоката, показывая, что тот ошибается в самой сути своей речи — характере Каировой и ее невиновности. Каирова представлена в речи адвоката как «львица, у которой отнимают детеныша» (23, 14), для Достоевского же бесспорна «беспутность ее ума и сердца» (23, 15).

В комментарии Достоевского к делу Каировой появляется тема общечеловеческой вины и покаяния. Присутствующая также и в «Дневнике писателя», красной нитью она проходит через сюжет «Братьев Карамазовых». По мнению Достоевского, «воистину всякий пред всеми за всех виноват» (14, 262), поэтому ни у кого нет права судить другого человека, тем более — обвинять или оправдывать. При этом грешник «снимет с себя бремя вины, когда раскается публично, принимая ненависть и презрение людей как неизбежную расплату за обособление от них в своевольной гордыне преступления»³¹. Покаяние у Достоевского часто происходит через исповедь. Каирова использует жанр автобиографии, написанной во время предварительного заключения, не для покаяния, но как инструмент самооправдания, подчас весьма откровенно описывая личные отрицательные свойства характера (стремление вмешиваться в жизнь других людей под видом помощи) как нечто положительное³². Основной упор при этом делается на расшатанные нервы

---

²⁸ В своей судебной речи адвокат оправдывает Каинову: «Поведение Каировой, женщины любящей страстно, горячо, с увлечением, представляется как нельзя более выдержанным, делаемым честь женщины, между тем, как поведение Великанова является самым вероломным» (Судебная хроника // Голос. 1876. № 122 (3 мая). С. 3).

²⁹ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 60.

³⁰ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 59 (29 апреля). С. 4.

³¹ Соина О. С. Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л.: Наука, 1985. С. 132.

³² Например: «Я всегда, даже в самом раннем детстве, ополчалась против притеснения за притесненных; крестьяне и дворовые оттого так и любили меня, несмотря на мои

и дурную наследственность по части душевных расстройств³³. Такой подход сущностно сближает ее очерк с исповедью Николая Ставрогина («Бесы»), в которой герой не раскаивается, но бросает вызов предполагаемому читателю (11, 12–30).

В рамках обсуждения вопроса о понимании нравственной основы чувства вины необходимо упомянуть, что после смерти Каировой Н. С. Лесков подготовил к публикации ее дневниковые записи, сделанные по советам врачей в качестве метода лечения в психиатрической больнице св. Николая Чудотворца, и написал к ним свой комментарий, полемизируя со статьями Достоевского. Он усматривал в дневнике Каировой свидетельство душевной болезни и утверждал, что, «если бы суд принял решение о ее наказании, как хотел Достоевский, то этим сделали бы возмутительную и вопиющую несправедливость»³⁴. Достоевский, в свою очередь, не желал каторги для Каировой: «Что до меня, то я просто рад, что Каирову отпустили, я не рад лишь тому, что ее оправдали» (23, 7–8). Причиной полемики, на наш взгляд, является разное понимание писателями концепта вины. Если Лесков имеет в виду вину уголовную, находя оправдание в болезни покойной, то Достоевский говорит скорее о вине экзистенциальной, христианской. Для него поступок Каировой должен быть осужден в первую очередь самой Каировой. Формула «каждый перед всеми виноват» доступна любому человеку вне зависимости от его ментального и физического состояния как результат откровения, а не рационализации (дневник Каировой — продукт последнего). Напомним, что брат Зосимы Маркел («Братья Карамазовы») был смертельно болен, когда постиг эту мысль.

Контрастным в смысле понимания роли и смысла раскаяния можно назвать дело швеи Е. П. Корниловой (23, 136–147), которая, будучи беременной, выбросила из окна падчерицу, не выдержав психологического террора со стороны мужа. В отличие от Каировой, Корнилова принимает на себя вину, тем самым получая окончательное оправдание

детские капризы и деспотичность, что я всегда готова была явиться заступницей за них, что, по правде, не было мне и трудно, благодаря общему баловству» (Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 379).

³³ «Воспитание: непомерное баловство. Баловство, вызванное моей крайней нервно-стью, развившейся вследствие нескольких тяжелых болезней, выдержанных подряд в детстве, но тем не менее слишком уж перешедш<ее> всякие границы и меру» (Там же. С. 376); «Неспособность нерв выносить именно пустышных раздражений и неспособность воли управлять раздраженными нервами, несмотря на полное сознание, составляет отличительную черту моего организма. Можно подумать, что у меня как бы две нервных системы, из которых одна зависит от мозга, а другая — нет» (Там же. С. 384) и т. д. Про наследственность: «<...> в присутствии дяди никто, не исключая и матери, не смел сказать мне словечка противоречия <...> все предпочитали, конечно, оставлять меня в покое, чем подвергаться гневу довольно, говорят, бешеного дяди» (Там же. С. 377). На суде мать Каировой показала, что ее брат потерял рассудок и застрелился.

³⁴ Макарова О. Е. Судьба каким-то образом ставит меня попереk Вашей дороги... С. 120.

от писателя, в то время как Каирова, по мнению Достоевского, оправдания не заслуживает.

В суде Каирову не обвиняют в преступлении, но оправдывают, учитывая его мотивы: «...она много любила, ей много простится» (23, 19). Обращаясь к этому делу, Достоевский критикует избыточное чувство сострадания и милосердия у русского народа. По мнению писателя, суд присяжных в России нередко испытывает к преступнику жалость и освобождает его, не воспринимая саму идею вины и тем самым не помогая человеку осознать ее, пережить и искренне раскаяться: «Что же, если, приготовляясь к преступлению сознательно, преступник скажет себе: “Нет преступления!” Что, назовет его народ “несчастливым”? Может, и назовет; без сомнения, назовет; народ жалостлив; да и ничего нет несчастнее такого преступника, который даже перестал себя считать за преступника: это животное, это зверь. Что ж в том, что он не понимает, что он животное и заморил в себе совесть? Он только вдвое несчастнее» (21, 18).

Судебные дела уводят нас к более глубоким вопросам психологии русского человека. Идеи Достоевского о повышенном чувстве сострадания русского народа подтверждаются любопытными данными американского историка Луиз Макрейнольдс. Согласно ее исследованию, русские проявляли эмпатию к преступникам с душевными расстройствами. Фактически, суд присяжных в России выносил больше оправдательных приговоров, чем это было характерно для британских и французских присяжных³⁵. Не следует забывать, что сама Каирова была оправдана в силу умопомешательства. Принятые в обществе мнения оказывают влияние на формирование представлений о суде и судимости, а воззрения православного человека отличаются здесь от либеральных. При всей видимой схожести общечеловеческого чувства сострадания, второй ссылается на испорченность общества, а первый оперирует понятиями искушения и личной внутренней борьбы со страстью³⁶ («дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100)).

Религиозные убеждения влияют на представления общества о справедливости и наказании. Если человек время от времени поддается искушению, то следует его не осуждать, а оправдать по причине случившегося с ним несчастья. Адвокат в своей речи говорит: «Великанова здорова, Великанов здоров, Каирова вынесла много после преступления — зачем же еще камень в нее?»³⁷ На самом деле Каирова не переживала этого единственно справедливого наказания. Если бы был установлен церковный суд, то наказание и оправдание, возможно, имели бы

---

³⁵ *McReynolds L. Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2002. P. 14.*

³⁶ Так же. С. 10.

³⁷ Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. № 62 (2 мая). С. 3.

другие критерии и последствия. Церковный суд, как Достоевский старается доказать в своем последнем романе, мог бы рассматривать дела в иной перспективе, не оправдывая, но, одновременно, давая возможность раскаяться и искупить свою вину.

Литературное преломление дела Каировой

Церковный суд — важная тема в романе «Братья Карамазовы». Иван Карамазов, утверждая свой идеал суда, говорит, что справедливый суд не может быть государственным или мирским, но проходит по закону Христову, только это может обеспечить истинную справедливость.

Идея о проникнутом христовой правдой суде обсуждается во время встречи Карамазовых со старцем Зосимой (14, 55–62). Важно подчеркнуть, что концепция церковного суда в романе рассматривается на двух уровнях — реальном и идеальном. Достоевский, с одной стороны, поднимает вопрос о том, что не государство должно включать в себя церковь, а церковь сама должна «включать в себя все государство» (14, 56), подчеркивая ее высокое предназначение и роль в обеспечении духовных ценностей и справедливости. С другой стороны, принципы такого суда, представленного беседами с верующими старца Зосимы, воспринимается в идеальном смысле: «...не в смысле канонически понятого Священного Писания и не догматического православия, а в смысле истинно христианского понимания человека»³⁸. Только так, через церковный суд, человек может искупить вину: «Только сознав свою вину как сын Христова общества, то есть церкви, он сознает и вину свою пред самим обществом, то есть пред церковью. Таким образом, пред одною только церковью современный преступник и способен осознать вину свою, а не то что пред государством» (14, 60).

Суд как одна из основных тем романа «Братья Карамазовы», не только прямо представлен в ряде судебных сцен, но также воплощен в рассуждениях о степени виновности персонажей. Таким образом решается вопрос о том, кто убил Федора Павловича, в условиях, когда сразу несколько человек желали его смерти. Государственный суд осуждает лишь одного из них, Дмитрия, который на самом деле виновен менее Ивана и Смердякова. Иван, веря в идею церковного суда, уходит от земного суда и встречает суд нравственный; осознание своей вины в конечном итоге приводит к его душевному расстройству.

Тема церковного суда была актуальной и широко обсуждалась в публицистике России 1860–1870-х гг.³⁹ Но у Достоевского понятие

---

³⁸ Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 129.

³⁹ См.: Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского. С. 125–136.

церковного суда приобретает новое, более глубокое значение, связывая возможность осуждения человека с нравственными принципами Нового Завета. Церковь рассматривается не как институт, но и как духовное состояние людей, связанных общей судьбой. При этом акцент делается не на грядущем административном наказании, но на возможности покаяния и преобразования себя и изменения сущности своего пути в мире.

Хотя православная церковь и имела свой собственный реестр наказаний в качестве кары за различные преступления, как это видно из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁴⁰, для Достоевского важнее было понимание глубокой религиозно-нравственной природы ситуации осуждения одного человека другим, представляющего собой возможность примирения с собой и с Богом, а также реализации принципа истинной справедливости в духе Евангелия. Иван является страдающим человеком, проходящим через «горнило сомнений» (15, 485), подобно автору, и уходящим от земного суда для наказания небесного.

В отличие от Ивана Карамазова, Н. В. Каирова избегает и внутреннего наказания, и суда официального. Она не осознает своей вины (после освобождения уезжает в путешествие, работает корреспонденткой), не чувствуя угрызений совести или, тем более, раскаяния. В связи с этим Достоевского особенно возмущало то, что защитник на суде в своей речи широко использовал цитаты из Священного Писания⁴¹. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский разрешает эту дилемму с помощью идеи вины каждого перед всеми, показывая, что только искреннее покаяние и примирение могут разрешить конфликты, неразрешимые в земных судах.

В романе «Братья Карамазовы» присутствуют отсылки к различным судебным процессам, попавшим в сферу внимания писателя. Внешний облик изображенного в романе судебного расследования отчасти опирается на дело Д. Н. Ильинского⁴². Утверждают, что образы участников процесса были взяты писателем главным образом из дела С. Л. Кроненберга, особенно образ адвоката Фетюковича. Р. Шилбайорис считает, что детское начало Мити Карамазова вдохновлено образом маленькой дочери Кроненберга, Марии⁴³. Г. Розеншильд со своей

---

⁴⁰ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876.

⁴¹ Напоминаем, что адвокат Е. И. Утин при защите женщины произносит: «Она много любила, ей много простится» (23, 19), имея в виду строки из Евангелия: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 47; Ин. 8: 7–11).

⁴² Д. Н. Ильинский, с которым Достоевский сталкивался на каторге, был несправедливо осужден по обвинению в отцеубийстве (*Якубович И. Д.* «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 119–124).

⁴³ *Silbajoris R.* The children in *The Brothers Karamazov* // *The Slavic and East European Journal*. 1963. Vol. 7, no. 1. P. 26–38.

стороны рассматривает процесс «деконструкции статьи самого Достоевского о деле Е. П. Корниловой»⁴⁴. Но нельзя исключить, что в этом произведении есть аллюзии и на дело Каировой.

Говоря о Каировой, подчас трудно отделить *femme émancipée* от *enfant terrible*. Если упорство, предприимчивость, бесстрашие и наличие литературных амбиций позволяют отнести ее к первому типу, то очевидная беспутность, происходящая, по ее словам, из детской избалованности — ко второму. Деспотичность ее натуры заставляет вспомнить о Катерине Ивановне, мучавшей Ивана и оклеветавшей Митю. При этом деспотизм в случае обеих женщин напрямую связан с безоглядной жертвенностью. Катерина Ивановна пришла к Мите за деньгами для отца и, в конце концов, «пожертвовала» собой, предложив себя в невесты Мите, который впоследствии увлекся Грушенькой. Каирова, как пишет репортер «Судебной хроники», передавая слова В. А. Великанова, «готова была быть “последним ковром”, если бы ему захотелось “стать на нее”»⁴⁵. Об этом же свидетельствуют нежные письма, в которых она называет его не иначе как «дитячкой» (что выглядит странно при ее известной нелюбви к детям). В своей автобиографии Н. В. Каирова приводит слова своего «доброего друга», которые довольно полно характеризуют и Катерину Ивановну: «...за вашу любовь, за вашу дружбу вы требуете всю душу человека, все его помыслы, а нет, так безжалостно прогоняете вон!»⁴⁶ Отметим, что жертвы, на которые идут женщины, оказываются излишними: и предложение Верховцевой, и опека Каировой над Великановым — их собственные проекты, через которые они губят и себя, и окружающих. Отметим, что женская тема играет здесь важную роль, в рамках развиваемой им почвеннической доктрины Достоевский исследует аспекты женской психологии, а также вопрос о влиянии матери на формирование характера и судьбы человека.

Теперь перейдем к теме адвокатуры в романе. Прототипом образа адвоката полагают В. Д. Спасовича, защитника С. Л. Кроненберга. Адвокат Фетюкович описан Достоевским весьма критически, он носитель отрицательных свойств, которые Достоевский обнаруживал в институте адвокатуры. В «Дневнике писателя» он говорит о губительном действии таланта в условиях адвокатской деятельности: «...талант поработает себе своего обладателя, так сказать, как бы схватывая его за шиворот <...> и унося его на весьма далекие расстояния от настоящей дороги» (22, 54). И Е. И. Утина, и Фетюковича он характеризует как людей исключительно талантливых (о Фетюковиче: «талант его был известен повсеместно» (15, 91); об Утине: «он талантлив, и чувство у него, вероятнее всего, натуральное» (23, 12)). Таким образом, возникает очевидное

---

⁴⁴ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. P. 32.

⁴⁵ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 59 (29 апреля). С. 4.

⁴⁶ Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 383.

сходство не только между Фетюковичем и Спасовичем, но также между Фетюковичем и Утиным, выступающими в роли «прелюбодеев мысли» (название одной из глав с речью адвоката). Как отмечает П. Е. Фокин, Утин восстанавливает душевные переживания Каировой, ориентируясь на свою фантазию, а не на показания подзащитной⁴⁷; Фетюкович для отрицания факта отцеубийства со стороны Дмитрия фактически отрицает существование отца, говоря, что Федор Павлович никогда не был настоящим отцом для Мити. Иронично, что при этом адвокат использует в речи цитаты из Евангелия («Отцы, не огорчайте детей своих!» (15, 170) — отсылка к Еф. 6: 4), тем самым противоречит сам себе — сначала усиливает свою позицию словами из Священного Писания, но затем сводит ее на нет, утверждая, что *отец по рождению* «значение уже, так сказать, мистическое, которое я не понимаю умом, а могу принять лишь верой <...> в таком случае это пусть и останется вне области действительной жизни» (15, 170). Отметим, что точно так же в своей речи использовал Евангелие и Утин: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 47). Такого рода риторические манипуляции возмутили Достоевского (23, 19). Еще раз уточним: писатель поддерживает избавление Н. В. Каировой от каторги, но категорически не принимает того, как это избавление было осуществлено: адвокат произнес на суде «похвалу» преступлению, говоря, что любая женщина, у которой есть сердце, поступила бы так же (и присовокупил евангельскую цитату о грешнице (23, 11–16)). Заметим, что иронии, переходящей в абсурд, в реальном судебном разбирательстве Каировой едва ли не больше, чем в деле Дмитрия Карамазова.

Дело Каировой вызывало большой общественный резонанс. В романе «Братья Карамазовы» праздная публика в суде вспоминает именно процесс Каировой:

Помилуйте, господа, ведь оправдали же у нас великим постом актрису, которая законной жене своего любовника горло перерезала.

— Да ведь не дорезала.

— Все равно, все равно, начала резать! (15, 177)

В «Дневнике писателя» этот спор представлен как проблема. Анализируя вопросы присяжным, Достоевский говорит, что понять, «дорезала бы или нет» (23, 10) Каирова жену антрепренера, может только тот, кто обладает божественным всеведением, поскольку даже сама Каирова ответить на этот вопрос не в состоянии. То же самое относится и к судебному процессу над Митей Карамазовым: ни у кого из ведущих расследование не хватает фантазии вообразить, что Митя действительно удержался от преступления.

---

⁴⁷ Фокин П. «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф. М. Достоевского. С. 32.

По замечанию Г. Розеншильда, Дмитрий Карамазов мало говорит в суде, хотя после реформы подсудимый имел право комментировать показания каждого из свидетелей. Его немногословность объясняется тем, что он олицетворяет собой русский голос, который не может быть услышан в суде, созданном по образу и подобию западного⁴⁸. С вопросом о новом суде непосредственно связан вопрос о почвенничестве писателя. Достоевский верил в обновление человека через его возвращение к нравственным основаниям, своим корням. Как отмечает К. А. Баршт, Достоевский перешагивал через скрытый здесь очаг национализма к «всемирному братству», в котором будет громко звучать русская идея как идея общечеловеческая. Высочайшие точки в развитии мировой культуры, по Достоевскому, являются вехами на его пути от своих «почв» к раю Христову⁴⁹.

Возникает тогда вопрос: как иностранный суд, далекий от русских корней⁵⁰, может быть справедливым? По мнению писателя, время европейского преобразования России, петровских реформ подошло к своему концу, необходимо обратиться к родной «почве», чтобы заново проанализировать состояние общества и внутреннего мира русского человека. Европа для почвенников, Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Стрехова не представляла собой ничего цельного и единого, будучи набором различных народов, каждый из которых опирался на свою «почву», конфликтуя с соседними странами. Достоевскому представлялось, что европейские народы, закрытые в самих себе и в своем стремлении создать человеческий идеал внутри себя, не смогли примириться друг с другом: «Они отвергли происшедшую от Бога и откровением возведенную человеку единственную формулу спасения его: “Возлюби ближнего как самого себя” — и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous” — или научными аксиомами вроде “борьбы за существование”» (26, 78).

Именно с возвращением на русскую почву, к своим корням, с духовным возвращением человека к родной земле станет возможна подлинная универсальность и «органичность» общественной жизни, верил

---

⁴⁸ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. P. 151.

⁴⁹ *Баршт К. А.* Ф. М. Достоевский. Новые линии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 422.

⁵⁰ Консерваторы упорно критиковали новые институты судопроизводства — адвокатуру и суд присяжных — которые, по их мнению, были несовместимы с русской средой. Несмотря на необходимость судебной реформы, возникшей практически одновременно с крестьянской реформой, консерваторы настаивали на том, что закон христианский выше правового, человеческого закона и надо любым способом избегать «брать на себя право суда над ближним», а также отмечали «повсеместное стремление граждан любыми путями уклониться от выполнения общественных поручений и гражданских обязанностей» (*Кругликова О. С.* Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // *Вестник СПбГУ. Язык и литература.* 2017. Т. 14, № 4. С. 664–675).

Достоевский. Европейские национальные проекты неудачны из-за их изоляционизма, в то время как синтез различных культурных моделей легко принимается русским человеком, как утверждал Достоевский, в силу «инстинкта всечеловечности». Некритическое заимствование европейской модели суда, как и любое другое некритическое заимствование, сомнительно, по Достоевскому, так как отчуждает народ от его корней.

Публика, собравшаяся на судебном заседании, со всей очевидностью пропитана передовыми идеями и не очень склонна отличать ложь от истины. Она находится в оппозиции к Мите, которому не остается ничего, кроме молчания. Зрители наслаждаются скандалом, ищут в нем развлечения: «Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились, иные вставали с мест, чтобы лучше видеть» (15, 90). Все жаждут увидеть двух соперниц — Грушеньку и Катерину Ивановну, подобно тому, как хотели увидеть публичное столкновение Великановой и Каировой. Достоевский цитирует письмо по поводу дела Каировой, в котором описана реакция публики: «В “нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, послышались аплодисменты” (“Биржев<ые> вед<омости>”). Чему аплодисменты? Оправданию сумасшедшей или торжеству расходившейся страстной натуры, цинизму, проявившемуся в лице женщины» (23, 5).

Жажда зрелищ у собравшихся на процессе зевак дополняется стремлением участников процесса поактерствовать. Ракинтин подготовил статью для публикации в журнале, а его свидетельские показания — пространная речь о нравах русского общества, мало относящаяся к существу дела. Прокурор Ипполит Кириллович пишет романы и использует процесс для демонстрации своих литературных и публицистических амбиций. Он оправдывает поведение Мити в духе писателей натуральной школы — подсудимый не виноват, виновато общество, среда: «В том и ужас наш, что такие мрачные дела почти перестали для нас быть ужасными! Вот чему надо ужасаться, привычке нашей, а не единичному злодеянию того или другого индивидуума» (15, 123). Прокурор исходит из того, что жизненные обстоятельства, включая весь известный набор поступков Федора Павловича, могли оказать мотивирующее влияние на потенциального убийцу. Подчеркивается, что в определенном смысле виновных или невиновных здесь вовсе нет.

Обратим внимание на то, что подобным образом обвинитель и адвокат трактовали вину подсудимой Каировой: «Смеется ли г-н Утин, благодаря прокурора за то, что обвинительная речь его против Каировой, кроме того, что была “блестяща и талантлива, красноречива и гуманна”, была сверх того и скорее защитительная, чем обвинительная» (23, 12).

Еще одним аспектом дела Каировой, отразившимся в судебном процессе над Дмитрием Карамазовым, становится медицинская экспертиза. Разногласия между экспертами, обвинения и контробвинения

выглядят здесь комично. Каждый высказывает свою версию о том, куда Митя должен был посмотреть и почему смотрел в определенном направлении. Вводя в сюжет фигуры благочестивого доктора Герценштубе из Скотопригоньевска, натасканного в терминах специалиста из столицы и доктора Вервинского, Достоевский обыгрывает пристрастие экспертов к новомодным медицинским определениям, подчеркивая их высокомерие, профессиональное тщеславие, неспособность прийти к единому мнению, что лишь создает дополнительные сложности для расследования.

Похожая ситуация была в деле Каировой: на судебном заседании были представлены медицинские заключения со стороны обвинения от докторов Петра Андреевича Дюкова и доктора Майделя, а также показания защиты от докторов Оттона Антоновича Чечотта, Льва Федоровича Рогозина и Ивана Павловича Мержеевского, известных и весьма авторитетных специалистов. Обвинение пыталось доказать, что Н. В. Каирова действовала сознательно, но защите удалось убедить присяжных в том, что женщина находилась в состоянии временного аффекта. В статье на страницах «Гражданина», редактором которого был Достоевский, содержится комментарий этого процесса. Наибольшее негодование высказано именно по адресу медицинской экспертизы: «Поветрие на признание безответственности преступника, в особенности убийцы, по причине душевного аффекта, есть одно из многих новых поветрий, подувших к нам с запада, и происходящих из того ученого мира, где не веруют ни в Бога, ни в нравственности»⁵¹. Отметим, что Н. С. Лесков в комментарии к дневнику Каировой, наоборот, ставит в заслугу медэкспертизе, что она признала Каирову невменяемой на момент совершения преступления: «Медицинская экспертиза и суд в деле Каировой только и спасли от тяжкой ошибки — покарать бедную женщину, достойную не наказания, а того глубокого сострадания, в котором она сама себе отказывала целую жизнь и, может быть, отказала себе в нем даже на пороге в вечность»⁵².

Если согласиться с идеей об умственной невменяемости Каировой, чудовищной выглядит линия защиты, построенная на том, что «аффект» подсудимой не патологический, а как бы «общечеловеческий» — по формуле *так поступила бы на ее месте любая женщина*. Вменяемой ее считает и Ф. М. Достоевский, однако его негодование направлено скорее на «автоматизацию» приема, когда абсолютно любые человеческие поступки в конечном счете могут быть оправданы помутнением сознания или пагубным влиянием среды. С человека таким образом полностью снимают его вину, но платой за это является полная потеря идентичности. Перефразируя известную формулу

---

⁵¹ Х. Х. Х. Многое // Гражданин. 1876. № 17 (23 мая). С. 468–469.

⁵² Макарова О. Е. Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... С. 121.

Достоевского, можно сказать, что «если Бога нет, то человеку ничего не позволено».

Анализируя конструирование и нарратологизацию персонажей в «Братьях Карамазовых», Уильям Миллз Тодд III отмечает, что писатель играет с разными типами дискурсов — литературным, медицинским, судебным. К тому же такие персонажи, как Иван или Дмитрий Карамазовы, представлены неоднозначно, их нравственные физиономии меняются в соответствии с намерениями повествователя. Исследователь убежден, что «эти истории рассказывает кто-то, обращаясь к кому-то и с какой-то целью»⁵³. В суде возникает сходная ситуация: вместо поиска истины и справедливого решения там преобладают изысканные юридические приемы и медицинские вердикты — слова, которые не проясняют суть дела, но запутывают следствие и отводят приносящих от истины.

В свете сказанного становится ясно, что суд над Каировой, по своему исходу противоположный суду над Дмитрием Карамазовым, должен был выглядеть для Достоевского даже более катастрофично, поскольку способствовал дальнейшему нравственному падению подсудимой и общества в целом. Все участники процесса выступили для нераскавшейся Каировой в роли «брата-черта»⁵⁴, умного Ивана Карамазова, предлагающего Мите бежать в Америку. Таким образом, реальный суд превращается для писателя в антисуд, пародию на Суд Божий, в которой оправдательный приговор, лицемерно преподнесенный как акт христианского милосердия, приковывает человека к пороку.

Дело Н. В. Каировой позволяет увидеть характерные особенности интеллектуальной жизни России середины XIX в., где широко обсуждались вопросы института семьи, шли дискуссии об эмансипации женщин и оправданности судебной психиатрии. Совершив свое преступление, Каирова оказалась на переднем крае всех этих обсуждений и полемики именно потому, что воплощала в своей личности черты «нового человека», эмансипированной женщины, сексуально раскрепощенной, готовой принимать серьезные решения, при этом предприимчивой, амбициозной и способной к строительству личной карьеры, разумеется, вызывая тем самым определенную ревность со стороны мужчин, по отношению к которым она занимала подчас вполне традиционную позицию деспотичной гиперопекающей матери. Изучение

---

⁵³ *Миллионщикова Т. М.* Исследования по русской литературе XIX в. в славистических работах У. М. Тодда III // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2020. № 4. С. 142.

⁵⁴ Как полагает Макарова, в деле имел место судебный сговор: Ф. А. Кони не хотел портить свою репутацию и карьеру своего сына, который поэтому тоже был занят в улаживании дела, а А. С. Суворин, в свою очередь, хлопотал в благодарность А. Ф. Кони за ведение дела об убийстве его первой жены (см.: *Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... С. 94–95).

ее биографии помогает более глубокому пониманию вопроса, стоявшего в центре внимания Достоевского в 1870-е гг., — о социальной роли женщины и преодолении феномена «случайного семейства». Тексты и вся трагическая история Каировой должны присутствовать в научном обороте как необходимый материал, многое объясняющий в истории русской культуры и литературы второй половины XIX в.

Исследуя дело Каировой, мы лучше понимаем проблематику творчества и мировоззрения Ф. М. Достоевского. Изучение судебного дела через призму писательской интерпретации представляется перспективным направлением, раскрывая не только истоки творческих импульсов писателя, но и суть его гражданской позиции по разным актуальным проблемам современной ему общественной жизни. Из его текстов, связанных с этой темой, можно получить новую информацию о «новом человеке», женщине-нигилистке, которая, выпав из старой культурной парадигмы, становится опасна не только для окружающих, но и для себя. Комментарий Достоевского к делу Каировой становится существенным вкладом в полемику о новых судебных практиках, только что внедренных институтах адвокатуры и психиатрической экспертизы, а само расследование получает отражение в «Братьях Карамазовых». Писатель доказывает, что суд не является местом истинного раскаяния и искупления вины: бывает, что там не признают очевидную вину преступника, и, напротив, осуждают невиновного. Анализируя дело Каировой и выстраивая эпизоды судебного расследования в романе «Братья Карамазовы», Достоевский приходит к выводу, что ангажированное манипулирование словами и фактами делает суд «антисудом», инстанцией антиискупления, не отличающей добро от зла.

Библиографический список

- Автобиографический очерк А. В. Каировой / вступ. ст. и примеч. О. А. Бабук // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2001. С. 375–387.
- Барит К. А.* Ф. М. Достоевский. Новые линии. СПб., 2022. 544 с.
- Буланов А. М.* Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 125–136.
- Дорошева Е. В.* Достоевский и русский суд как основа национально-правовой этики: феноменология образов: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 250 с.
- Заграничные известия. Константинополь, 3 января // Голос. 1877. № 3 (3 января). С. 2.
- Каирова Н. В.* Письма к А. С. Суворину. 1877–1880 гг. (ИРЛИ. Ф. 268. Архив А. С., А. А., М. А. Сувориных. Оп. 1. Ед. хр. 28; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667).

- Каирова Н. В.* Сказка о нужде: фламандская легенда (РГАЛИ. Ф. 275. Архив Н. С. Лескова. Оп. 1. Ед. хр. 347).
- Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд. Казань, 1975. 163 с.
- Кругликова О. С.* Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, №4. С. 664–675.
- Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги...: «Дело Каировой» и его след в биографии А. С. Суворина (дневник Настасьи Васильевны Каировой в сумасшедшем доме) // Новое литературное обозрение. 2005. №75. С. 110–121.
- Миллионщикова Т. М.* Исследования по русской литературе XIX в. в славистических работах У. М. Тодда III // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2022. №1. С. 132–143.
- Нос А.* Замечательные судебные дела. СПб., 1869. 231 с.
- Погребная В. Л.* Достоевский-публицист о женской эмансипации и женском творчестве. URL: http://eir.zntu.edu.ua/bitstream/123456789/966/1/Pogrebnaia_Dostoyevsky.pdf (дата обращения: 14.03.2024).
- Сафронова Е. Ю.* Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. 2012. №3. С. 147–156.
- Соина О. С.* Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлиндер. Т. 6. Л., 1985. С. 129–136.
- Судебная хроника. Дело Каировой // Голос. 1876. №118 (29 апреля). С. 4; №119 (30 апреля). С. 3–4; №121 (2 мая). С. 3; №122 (3 мая). С. 5.
- Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. №59 (29 апреля). С. 3–4; №60 (30 апреля). С. 4–5.
- Судебная хроника // Петербургская газета. 1876. №82 (29 апреля). С. 3; №83 (30 апреля). С. 3.
- Судебная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. №117. С. 4.
- Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 726.
- Уччелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // Мир русского слова. 2019. №4. С. 48–54.
- Фокин П.* «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф. М. Достоевского // Преображение: Русский феминистский альманах. 1998. №6. С. 29–33.
- Якубович И. Д.* «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 119–124.
- Holmgren B.* Gendering the icon: marketing women writers in *Fin-de-siècle* Russia // Russia. Women. Culture / eds. H. Goscilo, B. Holmgren. Bloomington, 1996. P. 321–346.
- LeBlanc R. D.* Dostoevsky and the trial of Nastasia Kairova: Carnal love, crimes of passion, and spiritual redemption // Russian Review. 2012. Vol. 71, no. 4. P. 630–654.
- McReynolds L.* Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2002. 274 p.

- McReynolds L. *The News shapes the Medium: War and Assassination, 1876–1881 // The News under Russia’s Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991. P. 73–96.
- Murav H. *Russia’s legal fictions*. Michigan, 1998. 280 p.
- Rosenshield G. *Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law*. Madison, 2005. 309 p.
- Silbajoris R. *The children in The Brothers Karamazov // The Slavic and East European Journal*. 1963. Vol. 7, no. 1. P. 26–38.
- Zirin M. *Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / eds. B. T. Norton, J. M. Gheith*. Durham; London, 2001. P. 140–166.

References

- Avtobiograficheskii ocherk A. V. Kairovoi [Autobiographical essay by A. V. Kairova], introd. and comment. O. A. Babuk. In: *Rossiyskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh*. Moscow, 2001. Pp. 375–387. (In Russ.)
- Barsht K. A. *F. M. Dostoevskii. Novye linii* [F. M. Dostoevsky. New lines]. Saint Petersburg, 2022. 544 p. (In Russ.)
- Bulanov A. M. Stat'ia Ivana Karamazova o tserkovno-obshchestvennom sude v ideino-hudozhestvennoi strukture poslednego romana Dostoevskogo [Ivan Karamazov's article on the church-public court in the ideological and artistic structure of Dostoevsky's last novel]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 12. Saint Petersburg, 1996. Pp. 125–136. (In Russ.)
- Dorosheva E. V. *Dostoevskii i russkii sud kak osnova natsional'no-pravovoi etiki: fenomenologiya obrazov* [Dostoevsky and the Russian court as the basis of national-legal ethics: the phenomenology of images], dissertation. Krasnodar, 2005. 250 p. (In Russ.)
- Fokin P. “Zhenskii vopros” v “Dnevnikhe pisatel'ia” 1876–77 gg. F. M. Dostoevskogo [“The Women’s Question” in F. M. Dostoevsky’s “A Writer’s Diary” of 1876–77]. *Preobrazhenie. Russkii feministskii al'manakh*, 1998, no. 6, pp. 29–33. (In Russ.)
- Holmgren B. Gendering the icon: marketing women writers in *Fin-de-siècle* Russia. In: *Russia. Women. Culture*, eds. H. Goscilo, B. Holmgren. Bloomington, 1996. Pp. 321–346.
- Iakubovich I. D. “Brat'ia Karamazovy” i sledstvennoe delo D. N. Il'inskogo [“The Brothers Karamazov” and the investigation case of D. N. Ilyinsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 2. Leningrad, 1976. Pp. 119–124. (In Russ.)
- Kairova N. V. Pis'ma k A. S. Suvorinu. 1877–1880 gg. [Letters to A. S. Suvorin. 1877–1880]. *IRLI, f. 268. Arkhiv A. S., A. A., M. A. Suvorinykh*, op. 1, ed. khr. 28; *RGALI, f. 459*, op. 1, ed. khr. 1667. (In Russ.)
- Kairova N. V. Skazka o nuzhde: flamandskaya legenda [The tale of destitution: A Flemish legend]. *RGALI, f. 275, Arkhiv N. S. Leskova*, op. 1, ed. khr. 347. (In Russ.)

- Karlova T.S. *Dostoevskii i russkii sud* [Dostoevsky and Russian court]. Kazan', 1975. 163 p. (In Russ.)
- Kruglikova O.S. Vopros o sudebnoi reforme 1864 g. v publitsistike N.P. Giliarova-Platonova i F.M. Dostoevskogo [The issue of the judicial reform of 1864 in the journalism of N.P. Gilyarov-Platonov and F.M. Dostoevsky]. *Vestnik of Saint Petersburg. Iazyk i literatura*, 2017, vol. 14 (no. 14), pp. 664–675. (In Russ.)
- LeBlanc R.D. Dostoevsky and the trial of Nastasia Kairova: Carnal love, crimes of passion, and spiritual redemption. *Russian Review*, 2012, vol. 71, no. 4, pp. 630–654.
- Makarova O.E. “Sud’ba kakim-to obrazom stavit menia poperek Vashei dorogi...”: “Delo Kairovoi” i ego sled v biografii A. S. Suvorina (dnevnik Nastas’i Vasil’evny Kairovoi v sumasshedshe dome) [“Fate somehow places me transversely your way...”: “The Kairova Case” and its traces in the biography of A. S. Suvorin (the diary of Nastasya Vasilievna Kairova in a madhouse)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 75, pp. 110–121. (In Russ.)
- McReynolds L. *Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia*. Ithaca, 2002. 274 p.
- McReynolds L. The News shapes the Medium: War and Assassination, 1876–1881. In: *The News under Russia’s Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991. Pp. 73–96.
- Millionshchikova T.M. Issledovaniia po russkoi literature XIX v. v slavisticheskikh rabotakh U.M. Todda III [Studies in Russian literature of the 19th century in Slavic works by W.M. Todd III]. *Referativnyi zhurnal. Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaia literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*, 2022, no. 1, pp. 132–143. (In Russ.)
- Murav H. *Russia’s legal fictions*. Michigan, 1998. 280 p.
- Nos A. *Zamechatel’nye sudebnye dela* [Remarkable court cases]. Saint Petersburg, 1869. 231 p. (In Russ.)
- Pogrebnaia V.L. *Dostoevskii-publitsist o zhenskoi emansipatsii i zhenskom tvorchestve* [Dostoevsky the publicist on women’s emancipation and women’s creativ]. Available at: http://eir.zntu.edu.ua/bitstream/123456789/966/1/Pogrebnaia_Dostoyevsky.pdf (accessed: 14.03.2024). (In Russ.)
- Rosenshield G. *Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law*. Madison, 2005. 309 p.
- Safronova E. Iu. Pravo v khudozhestvennom soznanii F.M. Dostoevskogo [Law in the artistic consciousness of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik TGPU*, 2012, no. 3, pp. 147–156. (In Russ.)
- Silbajoris R. The children in *The Brothers Karamazov*. *The Slavic and East European Journal*, 1963, vol. 7, no. 1, pp. 26–38.
- Soina O.S. Ispoved’ kak nakazanie v romane “Brat’ia Karamazovy” [Confession as punishment in the novel “The Brothers Karamazov”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 6. Leningrad, 1985. (pp. 129–136). (In Russ.)
- Sudebnaia khronika. Delo Kairovoi [Court chronicle. Kairova case]. *Golos*, 1876, no. 118 (29 apreliia), p. 4; no. 119 (30 apreliia), pp. 3–4; no. 121 (2 maia), p. 3; no. 122 (3 maia), p. 5. (In Russ.)
- Sudebnaia khronika. Delo g-zhi Kairovoi [Court chronicle. Mrs. Kairova case]. *Novoe vremia*, 1876, no. 59 (29 apreliia), pp. 3–4; no. 60 (30 apreliia), pp. 4–5. (In Russ.)

- Sudebnaia khronika [Court chronicle]. *Peterburgskaia gazeta*, 1876, no. 82 (29 apreliia), p. 3; no. 83 (30 apreliia), p. 3. (In Russ.)
- Sudebnaia khronika [Court chronicle]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1876, no. 117, p. 4. (In Russ.)
- Uccello I. Ritorika sudebnaia i ideologicheskaia: Ugolovnyi protsess v traktovke Dostoevskogo [Judicial and ideological rhetoric: Criminal procedure in Dostoevsky's interpretation]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Tagantsev N. S. *Ulozhenie o nakazaniakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1866 goda: s dopolneniiami po 1 ianv. 1876 g.* [The code of criminal and probational punishments of 1866: with additions up to January 1, 1876]. Saint Petersburg, 1876. 726 p.
- Zagranichnye izvestiia. Konstantinopol', 3 ianvaria [Foreign News. Constantinople, January 3]. *Golos*, 1877, no. 3 (3 ianvaria), p. 2. (In Russ.)
- Zirin M. Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s. In: *An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia*, eds. B. T. Norton, J. M. Gheith. Durham & London, 2001. Pp. 140–166.

А. МОЛНАР*

ORCID ID: 0000-0002-7896-1480

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ» ДОСТОЕВСКОГО И «ВОСКРЕНИИ» ТОЛСТОГО

Аннотация: В статье рассматриваются компоненты социально-юридического нарратива в романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Воскресении» Л. Н. Толстого. Эти произведения не соответствуют определению детектива, действия следователей отодвигаются в них на второй план, а в центр внимания ставятся этико-философские проблемы, вечные вопросы бытия и события мировой истории, в частности христианское спасение человека. Проводится аналитическое изучение текстов как на историко-литературном уровне, так и в пределах морально-этического модуса с акцентом на изучение соотношения категорий вины, греха и ответственности в мотивах действия персонажей. При этом раскрываются некоторые сходства и различия в презентации расследования юридических разбирательств и судебных дел, а также оценки отношения к преступлению и следующему за него наказанию.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», Толстой, «Воскресение», судебное разбирательство, расследование, нарратив и дискурс, метапоэтика романа.

A. MOLNAR

CRIME AND TRIAL IN THE NOVELS OF FYODOR DOSTOEVSKY AND LEO TOLSTOY

Annotation: The article deals with some components of the socio-criminal narrative in the novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” and in the novel “Resurrection” by L.N. Tolstoy. These masterpieces can also be studied from this, new perspective, despite the fact that they do not quite meet the definition of a detective: they push the actions of investigators to the background, focusing on ethical problems, eternal questions and events of a global scale, in particular, the fall and salvation of man. The analysis is carried out both at the level

---

* Ангелика Молнар, габил. д-р филол. наук, доцент Института славистики Дебреценского университета, Венгрия; Angelica Molnar, gabil. Dr. of Philology, Associate Professor at the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen, Hungary. mandzsi@gmail.com

of the history of the heroes who, because of the feeling of guilt for an immoral life lived, are ready to embark on the path of redemption, and also at the level of discourse, which unfolds the problem of the word and genre of the novel. Similarities and differences in the presentation of the investigation of cases and trials, as well as the evaluative attitude to crimes and punishments, are also revealed.

Key words: Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, Tolstoy, “Resurrection”, trial, investigation, narrative and discourse, metapoetics of the novel.

Обратимся к романам «Братья Карамазовы» (1879) Ф. М. Достоевского и «Воскресение» (1899) Л. Н. Толстого с точки зрения формирования в них юридического нарратива. Развертывая тему преступления и наказания в своих романах, Достоевский учитывал опыт строительства сюжета известных ему детективных новелл¹. Не требует специального объяснения также и интерес Толстого к судебным разбирательствам, в которых он и сам лично участвовал в качестве непрофессионального адвоката². Оба писателя в своих произведениях раскрывают несправедливость и равнодушие законодательной и пенитенциарной систем в отношении к конкретной личности человека. Эти акценты необыкновенно сильны в произведениях русской литературы, тематически связанных с проблемами уголовного мира, что отличает их в этом аспекте от западноевропейской традиции. Произведения Достоевского и Толстого не только продолжают эту линию, но и оказывают существенное влияние на развитие русского детектива. Рассмотрим, в каких моментах складывается их сюжет и нарратив в специфическом соотношении с известными правилами социально-криминального романа.

В истории трех Карамазовых-сыновей варьируются формы принятия ответственности за отцеубийство и необходимости морального очищения. Обвиняет себя Алеша, старания которого разрешить бытийные проблемы своей семьи оказываются тщетны, равно и Иван остро

---

¹ См. об этом: *Боровски М.* Элементы детективного романа в структуре сюжета «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года / ред. В. В. Дудкин. Великий Новгород, 2008. С. 36–45; *Зброжек Е.* Дело об убийстве Федора Павловича Карамазова. 2012. URL: <https://proza.ru/2012/12/04/663>; *Шкловский В. Б.* Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957; *Jovanović M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» // Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly. 1984. Т. 5. С. 4–36. А также стоит учесть и свои наблюдения: *Молнар А.* Образ черта в расследовании: «Братья Карамазовы» и сериал «Люцифер» Нетфликса // Артикульт. 2022. № 4 (48). С. 65–70.

² В связи с идеями и поэтикой Толстого используются результаты следующих работ: *Андреева В. Г.* Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 96–112; *Кузина Л. Н., Тонькин К. И.* «Воскресение» Л. Н. Толстого. М.: Худ. лит.-ра, 1978; *Романов Д. А.* Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008; *Скафтымов А. П.* Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит.-ра, 1972. С. 134–181; *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929.

переживает мысль о своей причастности к преступлению. Осуждение Дмитрия на каторгу означает для него наказание, равнозначное смерти, отсюда мотивы появления проектов по его спасению, побегу в Новый Свет, после которого он будет готов «замаливать грех во веки» (15, 186). В надежде на это Катерина Ивановна и Дмитрий прощают друг друга, крестный же путь Мити на каторгу намечается с Грушенькой (падшей женщиной, обвиняющей себя в возникновении конфликта между отцом и сыном). В фигуре Катюши Масловой в романе «Воскресенье» Толстой будто бы создает некую вариацию Сони Мармеладовой из «Преступления и наказания». Возможно, на аллюзию с произведениями Достоевского направлено и имя Нехлюдова — Дмитрий. Добавим, что судебного следователя Николая Парфеновича Достоевский назвал Нехлюдовым, с фамилией которого впоследствии будет созвучна фамилия главного героя романа Толстого.

У Достоевского повествование ведется с явным желанием нарратора представить широкую картину преступления со всеми деталями, которые становятся затем известны в ходе расследования. Его нарратор обретает черты добровольного помощника следователя. Он демонстративно акцентирует свою функцию добросовестного хроникера событий, которые он, однако, воспроизводит не в виде записок (за исключением «бесед» старца Зосимы, записанных Алексеем). Правда, его кругозор ограничен, этим объясняются пропуски и эллипсисы в повествовании. К примеру, нарратор прерывает описание ряда поступков Мити как раз в том месте, где можно было бы узнать, действительно он ли совершил преступление.

Хронологический порядок в изложении событий нарушен и в описании следствия. В непосредственное изложение повествования вкраплен предварительный эпизод расследования дела при участии свидетеля Петра Ильича Перхотина. Однако судебным следователям еще до появления этого, казалось бы, очевидного свидетеля стали известны обстоятельства дела. Старый слуга Григорий велел своей жене официально сделать заявление, обвинив старшего сына в убийстве своего отца. Перхотин своими показаниями наводит следствие на ложный след, подозревая Митю из-за его странного поведения и следов крови на его одежде. Путаница возрастает и в силу смещения различных значений слова «отец». Митя утверждает, что эта кровь того, кто его по-настоящему вырастил, слуги Григория, и считает себя виновным перед ним, поэтому вначале и не понимает, почему его обвиняют в убийстве отца. Театральность поведения госпожи Хохлаковой также усиливает круг ложных подозрений, ломая судьбу Мити и помогая карьере Перхотина.

Пришедшие за подозреваемым в Мокрое представляют собой не только разные судебные инстанции, но и разные подходы к преступникам. К примеру, исправник Макаров сначала агрессивно относится к Дмитрию, но, послушав его версию, проявляет к нему понимание и доброту. Медицинская экспертиза тоже будто бы доказывает его

виновность, несмотря на то что хроникер подчеркивает, как немецкий врач коверкает русский язык, а возможно, и смысл того, что он говорит. Следователи не сомневаются и в орудии убийства, отождествляя его с тем же пестиком, которым Митя ударил слугу.

Заметим, что в воспроизведение допроса хроникер вводит дополнительные элементы, отсутствующие в протоколе, будто он являлся участником дела, например, как следователи обращают внимание и записывают только то, что подтверждает их подозрения, или как они переглядываются между собой, ища поддержки друг у друга. Выясняется, что их поведение напоминает кошмар Мити, в котором он пытается спрятаться от гонящегося за ним некоего, наслаждающегося его страхом, в ситуации охотника, преследующего зверя: «Я волк, а вы охотники, ну и травите волка» (14, 426). Эта коллизия потом развертывается в романе Толстого в сравнении отношений Нехлюдова и Масловой на суде³. Вся ситуация схватки представлена у Достоевского в трех «мытарствах». Отметим, что это слово, обозначающее главы «Братьев Карамазовых», и, одновременно, моральное истязание героя, отчасти созвучно с его именем «Митя».

Следствие навязывает подозреваемому собственные теории, рационально истолковывает его поступки и фактически неспособно принимать нелогичные, в то же время вполне человеческие решения, ведущие к справедливому исходу дела. Оно опирается лишь на голые факты, которым в «Братьях Карамазовых» противопоставлена личность человека с его мыслями и чувствами. Товарищ прокурора в процессе работы остается холодным и спокойным, олицетворяя собой бездушную и беспощадную государственную машину, Митя, напротив, горячится, плачет и смеется, даже пытается «подробно» описать «ревнивые муки свои» (14, 422). С каждым новым вопросом следователя, с каждой новой уликой Митя становится все мрачнее, осознавая, что он проигрывает. В итоге он пропускает важные оправдывающие его детали, например, как из жалости соскочил к лежащему Григорию. Этот поступок товарищ прокурора склонен истолковать как доказательство хладнокровия убийцы, провоцирующего свидетеля. Подозреваемый презирует необходимость упоминания «мелочей», однако без них (ладанки и других улики) его история остается неправдивой.

Этими деталями вводит метапоэтическая проблема, которая определяет содержание романа «Братья Карамазовы» в целом. Дмитрий утверждает, что мелочи неважны, так как растягивают небольшое событие до размеров романа: «...ведь эдак в трех томах не упишешь, да еще эпилог потребуется!» — Все это говорил Митя с добродушной, но нетерпеливой фамильярностью человека, желающего сказать всю истину» (14, 420). Этим формулируется принцип создания романа,

---

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32: Воскресение. М., 1936. С. 83.

в признании героя содержится важнейшая установка на истинное, хотя и фантастическое слово, которое резко противопоставлено слову рационально-реальному. Митя Карамазов, как и Симонсон в романе Толстого «Воскресенье»⁴, начинает замечать, что представители закона не только не имеют права осуждать его, но не заслуживают чести выслушать его задушевный, искренний рассказ о перипетиях его душевных переживаний, высокий смысл которых он определяет следующим образом: «Поэма! В стихах!» (14, 420) Отметим, что и авторский текст Ивана Карамазова о Великом инквизиторе определен как «поэма». Желание Дмитрия высказать всю истину, т. е. создать такой же поэтический текст — «поэму», сталкивается со стремлением следователей поймать преступника на неосторожном слове или жесте, обращенном в улику против него. Тем самым, показывает Достоевский, побеждает не истина, а правильно составленное юридическое слово, а далее в соответствии с буквой закона подозреваемый становится преступником, объявляется о его аресте, и окружающие выключают его из своего общества, перестают обращаться с ним как с человеком, превращая его в изгоя. Дмитрий Карамазов глубоко возмущен тем, что его принимают за лгуна, ведь, будучи человеком чести, он никогда не опустил бы до того, чтобы лгать, тем более в таком деле, как смерть его отца. Когда он убедился в том, что ему не верят, что бы он ни говорил, начинает «рассказывать сухо, бегло» (14, 433) и отдается во власть судебного процесса как неминуемого.

Достоевский описывает тончайшие нюансы словесного поединка между Дмитрием и следователями, заставляя нас вспомнить подобного рода поединок между Порфирием Петровичем и Раскольниковым в романе «Преступление и наказание». Имя Николая Парфеновича сохраняет фонетическую аллюзию на имя следователя из «Преступления и наказание»; оба следователя убеждены в виновности подсудимого, в то время как Дмитрий думает, что видит своего следователя насквозь и, как и Раскольников, легко обходит его ловушки. В двухголосном нарративе героя соплагаются его точка зрения и точка зрения следователя — версия происшедшего убийства, в которой обнажаются ошибки Дмитрия, совершенные им по простоте и наивности. Дмитрий и сам ведет параллельное расследование своими методами и, когда наконец-то догадается о том, что улики (знаки, деньги, дверь) действительно означают, тогда и осознает, что убийцей мог быть только Смердяков. Как и Иван, он с неизбежностью приходит к такому выводу, и в этом деле лакей и черт проявляются как амбивалентные альтер эго героев. Именно после такого раскрытия личности настоящего преступника герой начинает понимать, что раньше «нарочно налгал на себя» (14, 439), и только тогда можно его спасти, когда он раскроет свою «великую тайну» (14, 440) приобретения денег.

---

⁴ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 427.

К этому выводу его приводит также и позорная демонстрация грязного белья участников судебного разбирательства. Вещественные доказательства в виде окровавленного рукава получили большую убедительную силу, чем его горячая исповедь, маркируя внешнюю нечистоту персонажа. Переодевание в другое платье герой воспринимает как обретение статуса «шута» (14, 436). Напомним, что его отец Федор Павлович постоянно представлялся шутком, а теперь такая участь постигла и Митю. При смене одежды герой испытывает настоящий метафизический стыд, будто его поймали как вора и лишили офицерской чести, которая двигала им до конца и во всей этой истории с Катериной Ивановной. По этой причине он боится записи этой истории в протоколе, настолько ужасается мысли о возможности опозорить уважаемую им женщину. В силу того, что по мере продвижения процесса деньги перестают быть мелочью, обращаясь в главную улику против него, ему приходится впутать ее в дело. Однако при этом он выражается столь эмоционально, часто останавливаясь на моментах, которые кажутся окружающим не относящимися к делу, например, сосредотачиваясь на семантике слов «вор» и «подлец» (14, 443), что прагматически рассуждающие следователи не находят аргументов для его оправдания; Дмитрий Карамазов не смог объяснить следователям, как устроен человек, живущий по кодексу чести, по той простой причине, что понять эту мысль способен только тот, кто сам руководствуется этим кодексом.

В том, как товарищ прокурора корректирует показания свидетелей, снова можно усмотреть параллель с техникой Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Хроникер фокусирует свое внимание на том, что он резко увеличивает сумму, растрченную Митей. Затем в повествование вкрапляется рассказ о сновидении, в котором проблема, мучающая героя, предстает в метафорическом виде. Митя запланировал убить себя на рассвете, но после его признания начинается дождь, что для него становится новым психологическим испытанием. В этой связи Дмитрию привиделся кошмар про грязное «дитё» (14, 456), который после его пробуждения реализуется в желании очиститься от позора и греха помышления о самоубийстве. Он обращается к народу, однако ни прощения, ни сочувствия не получает. Даже хозяин заведения уверен в том, что убийцей мог быть только Дмитрий.

Между тем приобретение и растрата неизвестной суммы связывает всех персонажей романа, запутывает все сюжетные узлы и создает специфическую сюжетную канву романа. Следующее обращение к тайнам денег Мити происходит во время судебного разбирательства, в процессе которого повторяется и разворачивается провозвещенная допросом оппозиция реального факта и романной истины: согласно определению обвинителя, ладанка — это «легенда», «противоречие с действительностью», т. е. «фикция» (15, 31). Нет «ясного доказательства» (15, 97) невиновности героя, сведений о точной сумме и месте припрятанных денег — ни Карамазовым-отцом, ни Карамазовым-сыном.

В описании же судебного разбирательства поражает множество согласованных друг с другом фактических деталей. Представляются улики, протоколы и другие документы в связи с условиями преступления и в итоге получается будто бы настоящий репортаж о судебном заседании. Отметим, что известный юрист А. Ф. Кони был знаком с Достоевским, написал мемуары о нем. Писатель мог черпать у него сюжеты своих произведений, кроме тех, которые и так вызвали широкий общественный резонанс (дело Д. В. Каракозова или С. Г. Нечаева). А. Ф. Кони был не единственным юристом, который влиял на работу писателя над «Братьями Карамазовыми». Таким был и адвокат В. Д. Спасович, который стал прототипом Фетюковича.

Вопреки установке на достоверность изложения, хроникер — ненадежный нарратор. Признавая свою ограниченность и то, что он не «в силах передать все то, что произошло» на суде, не только «в надлежащей полноте» (чтобы не вышла целая книга — см. выше высказывание Мити), но и «в надлежащем порядке» (15, 89), а также, не обладая юридической или медицинской компетентностью, заключение московского врача он передает «своими словами» (15, 104). Читатель остается на том же уровне информированности, что и он. Хроникер транслирует лишь то, что его «лично поразило» и он «особенно запомнил» (15, 89), в то же время обладая посредственным интеллектом, что отражается на некоторых его комментариях. Он зачастую воспроизводит чужую оценку ситуации, претендует на то, чтобы быть выразителем мнения толпы зрителей. Между тем дело получило «всероссийскую огласку» (см. выше «широкий резонанс») и до основ «потрясло всех» (15, 89). В результате зал заседания суда был переполнен, в нем преобладают женщины, у которых возникает своеобразное отношение к процессу: вера одновременно в виновность и в оправдание преступника. Назовем эту позицию дам романтическим прочтением ситуации, в отличие от более «озлобленных» мужчин (15, 91), которые представляют прагматическое ее понимание. Причиной неодобрительного отношения к герою также служит его вызывающее поведение.

Хроникер «Братьев Карамазовых» остается беспристрастным, не пытаясь ни осуждать, ни оправдывать подсудимого. Он стремится понять и изложить события, отмечая промахи и умелые шаги участников, а также определить личные мотивы, стоящие за той или иной репликой, комментирует стиль и речевую манеру выступающих. Так, он акцентирует «искренность» товарища прокурора, с которой тот «верил в виновность подсудимого» (15, 123). Кроме того, оказывается, что Ипполит Кириллович умело пользуется риторическими средствами, присутствующими опытным ораторам, чтобы «на всю Россию высказаться» (15, 125). К примеру, в свою речь он очень эффектно вставляет и «Трактат о Смердякове», в котором опровергает предположение о том, что лакей «нарочно притворился больным» (15, 137), как будто это могло быть «абсурдом», противоречащим «логике» и «фактам» (15, 138).

Обвинитель детализирует историю отцеубийства, подчеркивая при помощи местоимения «мы» внутреннюю обобщенность собравшихся на процессе. Его речь построена на раскрытии влияния среды на личные мотивы предполагаемого убийцы. Он намерен захватить слушателей с помощью характеристики преступника, словно перевоплощаясь в его фигуру. В романе Достоевского репрезентируется эта версия обвинения подсудимого, равно как и дискурс, воспроизводящий эту историю. Неадекватный язык обвинительной речи основан на мнимой психологизации, сведении всего к абстракции, применении приемов риторики и логики. Тем не менее товарищ прокурора, сам того не ведая, наиболее точно схватывает сущность поступка и роли Мити, называя его «романистом»: «можно осадить и в прах разбить» его «подробностями, которыми всегда так богата действительность» и которые, как «ненужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями» (15, 149). «Роман», созданный Митей, однако, в самом деле получается более «правдоподобным» (15, 148), чем та интерпретация, которую дает ему Ипполит Кириллович.

Это подтверждается и тем, что последний лишь на уровне социологии понимает художественное произведение, перефразируя цитату из стихотворения М. Ю. Лермонтова о «немытой России». Он завершает свою речь обрисовкой похождений Мити, которая представляется ему важной «совокупностью фактов» (15, 150), производя нужное впечатление на малообразованную публику, его речь «страшно повлияла на убеждение слушателей» (15, 145). В том же духе он призывает присяжных стать на защиту основ «священной нашей России», которая требует соответствующего наказания отцеубийцы, чтобы другие народы сторонились «от почтения», а не «от ужаса» того, что «скачущая тройка» все разрушает на своем пути (15, 150). Цитирование обвинителем заключительных фраз романа-поэмы Н. В. Гоголя метапоэтически освещает реальный контекст романа Достоевского. Известно, что ключевая метафора «скачущей тройки» в гоголевском лирическом отступлении относится и к акту письма, к писательскому делу, поэтому такого рода интерпретация выглядит узкой и односторонней. Вместе с тем у Достоевского она раскрывает взаимосвязь темы суда с вопросом жанра романа (см. выше: Митя называет свое признание «романом», «поэмой»).

Хроникер не объясняет смысл и содержание речи товарища прокурора, но утверждает, что публика с нетерпением ждет известного адвоката Фетюковича (15, 94). Он обращает внимание не только на внешность защитника, но и на его умение легко разоблачать так называемых «опасных свидетелей» (15, 95). Таким является и Ракитин, который старается свести проблему убийства к вопросам справедливости крепостного строя и испорченным нравам, в то время как его конкретные поступки свидетельствуют об отсутствии каких-либо моральных норм.

Адвокат демонстрирует новую сторону психологизма, освещая дело совершенно по-новому. Он показывает единичные факты, разбивая таким образом доказательную силу обвинения и представляет проблему поэтической фикции. В его подходе все положения Ипполита Кирилловича кажутся «романическими» и «фантастическими», будто бы товарищ прокурора сочинил свой «собственный роман», будучи сам последователем сочинителей, не беспристрастным и не имеющим достоверных свидетелей (15, 158). Фетюкович отказывается и от созидания романа, и от красноречия, строя якобы истинную реальность, будто «денег не было, грабежа не было» (15, 153), утверждая отсутствие доказательности вышеупомянутых «фактов», на основе которых товарищ прокурора создавал свою фикцию: «Уж не роман ли и это?» (15, 161) Адвокат указывает на то, что в жизни подсудимого не реализовалось настоящее значение слова «отец». Он доказывает, что со стороны Мити «убийства не было» (15, 161), и рисует в своем собственном «трактате» картину, совершенно противоположную: возникает фигура способного на злодеяния Смердякова. Его версия в этом отношении более подходит под ту, которую предлагает нарратор романа Достоевского. Так, в ней переосмыслены различные определения жанра и значения слов.

Защитник предостерегает присяжных от совершения судебной ошибки и призывает к помилованию подсудимого не в силу уверенности в его невиновности, а во имя христианского человеколюбия (15, 167), чтобы тот спасся и воскрес душой. Таким образом, здесь вводится новый голос (слово милосердия), полемизирующий с голосом прагматическим и трактовкой обвинителя. В завершение своей речи Фетюкович с иным оттенком, с установкой на великий акт «любви», воспользуется литературной аллюзией своего оппонента: «...не бешеная тройка, а величаявая русская колесница торжественно и спокойно прибудет к цели» (15, 173). Такое прочтение следственного дела вызывает у публики восторг неудержимый, «как буря» (15, 173). Чувствуя, что его осадили, Ипполит Кириллович обвиняет адвоката в том, что тот также сочинил «роман на роман», даже «поэму в байроновском вкусе» для «эффекта», но с искажением слов Евангелия (15, 174). Метапоэтическая полемика вокруг слова, направленного на воспроизведение истории и проблемы романного слова, на основе темы преступления и наказания, выливается в специфический метапоэтический дискурс «Братьев Карамазовых».

В завершение этой части судебного процесса Митя утверждает, что его суд за грешную жизнь уже «пришел» (15, 175), но в отцеубийстве он невиновен. Тем не менее, вопреки всем ожиданиям, ораторский талант Ипполита Кирилловича оказался для присяжных более убедительным, мужички «за себя постояли» и по всем пунктам посчитали Митю виновным, в прямом смысле слова «покончили» с ним (15, 178). Хроникер отмечает, что забыл вопросы, заданные присяжным, помнит из провозглашения приговора лишь несколько громких реакций со стороны

зрителей и то, что Митя не своим голосом повторяет слова про свою невиновность.

Читатель, ознакомленный с «исповедью» Смердякова и принявший ее за правду, может легко увидеть ложную цепочку рассуждений обвинителей и судей Дмитрия. Структура романа Достоевского в данном случае перестает следовать правилам классического детектива, ибо после эпизода беседы Ивана со Смердяковым и с чертом, раскрывающими личность настоящего убийцы, становится ясно, что выдвигались несостоятельные версии, произошло обвинение и осуждение невиновного. Возникает вопрос: кем может быть вставлен этот фрагмент, если оставить без внимания уровень субъекта дискурса? По всей вероятности, следует приписать его («фантастическому») вымыслу Ивана, и сочиняет его хроникер на основании показаний персонажа на суде в защиту Мити. Акцентируется его фиктивность из-за кажущегося помешательства его так называемого автора. «Внезапная катастрофа» (15, 178) усугубляет и так напряженную ситуацию, вызывает страшный скандал во время судебного заседания. Возможно, это и приводит к тому, что присяжные заседатели аннулируют доводы адвоката в пользу подсудимого и продолжают верить в прочтение истории Мити товарищем прокурора. В романе Толстого «Воскресенье» также описывается судебная ошибка, однако, в отличие от «Братьев Карамазовых», здесь присяжные не характеризуются как отдельные личности, кроме того, отсутствует утверждение, что «скотопригоньевские мещане почти те же крестьяне» (15, 93). Хроникеру это кажется любопытным фактом, так как именно эти двенадцать человек выносят приговор, осуждающий Митю.

Предложенные версии убийства («романы») могут показаться не вполне адекватными на фоне той поэтической картины, которая вырисовывается в романе в целом. Диалог между несколькими «романами» в «Братьях Карамазовых» показывает, что «фантастический», «высший» реализм Достоевского глубже раскрывает настоящую природу вещей, чем факты и мелочи, требуемые юристами — представителями социальной обыденности. Реалистическое или психологическое постижение облика преступника оказывается недостаточным для логического объяснения поступка человека, или, в целом, возникновения преступления в обществе: роман предлагает значительно более широкую смысловую парадигму. В завершение описания следствия и судебного разбирательства читатель может сопоставить краткое переложение содержимого протокола, записи процесса и презентацию истории братьев Карамазовых с совершенно иным поэтическим словом самого романа Достоевского. Таким образом, в рамках темы преступления и наказания раскрывается суть вопроса о жанре романа и расследуется не убийство Федора Павловича, но поэтическая структура романного нарратива.

Это утверждение применимо также и к роману Л. Н. Толстого «Воскресение». Но, прежде чем обратиться к данному аспекту, перечислим

наиболее очевидные и непосредственные переключки между произведениями. А. Ф. Кони поделился с Л. Н. Толстым сведениями об истории проститутки и ее соблазнителя, которую писатель и положил в основу сюжета романа «Воскресенье». Помимо этого, Толстой информировал своего читателя и о других реальных событиях, например о смерти пятерых арестантов, отправленных с конвоем на каторгу в невыносимую жару. Для достоверности он сделал примечание к описанию данного эпизода в тексте романа⁵. Соответственно, и многие другие реальные факты, например избиение заключенного бывшим «не в духе» офицером⁶, утверждающим, что он таким образом показывает закон на деле, или биографический опыт и впечатления Толстого также были включены в «Воскресение».

Сближает рассматриваемые произведения, помимо нарративов о преступлении и наказания, и то, что в них приводятся и другие, оправдывающие факты из жизни ложного обвиняемого, его точка зрения на судебное дело, эффект, произведенный на него несправедливым приговором суда, а также намеки на его дальнейшую судьбу. Однако сюжет романа «Воскресение» не содержит ни затруднения, ни замедления для сокрытия тайны, отсутствуют и ложные разгадки или подозрения, так же как и улики и анализ поведения подсудимых. Здесь сразу же разоблачают настоящих преступников, даже если Толстой оставляет в стороне расследование преступления и не раскрывает личность убийцы, не выясняет, что на самом деле произошло в тот роковой день. Ему важна детализация истории перерождения к данному делу неприсяжных, но в другом отношении грешных людей. Именно по этой причине у него не приводятся подробно ни доказательства расследователей, ни предположения обвинителей или защитников, ни сводка всех данных.

Роль Нехлюдова как присяжного заседателя и свидетеля событий судебного процесса становится мотивом для повествовательной детализации «из первых рук». С его оценочной точки зрения Толстой показывает лицемерие и мнимое превосходство участников процесса. У него знаменитый адвокат выигрывает дело в пользу виновного; член суда занят только собственными проблемами и в ходе слушания дела шепчется с председателем о своем; а либеральный секретарь находит способ борьбы с режимом в конфликте с консервативным товарищем прокурора, который посещает дом терпимости Масловой и не читает ее дело, но желает добиться ее обвинения любой ценой. Конфликт членов суда и их равнодушие оказывают отрицательное влияние на исход дела. Показные и ложные мотивы участников вынесения приговора разоблачаются и тем, что акцентируется правильность их действий, однако «добрый» член суда собирается решить дело по загадке, а в итоге решает «по доброте», в то время как «сердитый» член суда не хочет

---

⁵ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 397.

⁶ Там же. С. 421.

оправдать Маслову из-за веры в строгость закона⁷. Так и товарищ прокурора просит всем «самых строгих» наказаний⁸.

В отличие от романа Достоевского, речи обвинителя и адвоката у Толстого приводятся не в полном объеме, лишь отмечается, что звучит много «ненужных вопросов от товарища прокурора и защитников, председатель предложил присяжным осмотреть вещественные доказательства»⁹. В то же время излишне подробная детализация некоторых моментов процесса объясняется не данью реализму, а установкой романа на разоблачение человеческих пороков: товарищ прокурора по своей глупости полностью пользуется своим правом и установленным порядком процесса, затягивая его. Он, так же как и его коллега в романе Достоевского, намерен психологизировать и «обнажать язвы общества»¹⁰. Здесь снова наблюдаются отсылки к культурным типам, ибо обвинитель представляет убитого купца Смелькова как «тип могучего, нетронутого русского человека с его широкой натурой», например «Садко», который попал «во власть» «развращенных личностей»¹¹. Согласно этой версии, Маслова является пружиной преступления, завладевшей «русским богатырем»¹². Такое прочтение дела высмеивают даже члены суда. Однако подчеркивается «усиленное красноречие»¹³ товарища прокурора, призванное повлиять на присяжных. Этому он и приписывает свой финальный успех.

В тексте романа оценивается и манера речи выступавших на суде. К примеру, товарищ прокурора говорит с «мефистофельской» улыбкой¹⁴, «ядовито»¹⁵ отвечает на положения защитника, когда указывает на соблазнительную деятельность героини. Щедро оплаченный адвокат других обвиняемых, который «сваливал всю вину на Маслову» как «отравительницу»¹⁶, сам говорит словно высокомерно и презрительно. Попытка адвоката использовать психологические приемы выглядит неуместной, он говорит с ошибками, не в силах правильно оформить свою речь, «мямлит»¹⁷. Столь же неудачен и секретарь, «картаващий»¹⁸ при зачитывании обвинительного акта, порождая бессвязный гул звуков «л и р»¹⁹. В своем резюме председатель суда воспользовался «своим

---

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 43.

правом говорить»²⁰, но породил всего лишь сентенцию «грабеж есть грабеж». Чтобы успеть на свидание с любовницей, он упускает возможность сказать главное: как присяжным надо правильно формулировать ответы. Следовательно, настоящий суд в романе Толстого идет не только над судебным процессом и российской юриспруденцией (для которых характерны кажущийся внешний порядок и внутренняя пустота), но и над самим опустошенным и осуждающим языком.

В совещательной комнате присяжные заседатели могли бы сбросить с себя фальшивую маску общественно важного поведения, однако этого не происходит. Их совещание представлено более детально, чем сам процесс. Раскрываются внутренние мотивы их поведения, подобно тому, как это происходило с членами судебной коллегии. Купец желает оправдать Маслову, ибо она нравится ему, у старшины противное мнение, он желает соблюсти букву закона. Нехлюдов боится разоблачить себя, однако фамильярно обращающийся к нему Петр Герасимович, «раздраженный авторитетным тоном старшины»²¹, встает на защиту Масловой. Нарратор подчеркивает всеобщую усталость собравшихся как причину того, что заседатели забывают указать на пункт о неумышленном причинении смерти. Эта ошибка приводит к несправедливому осуждению невиновной, подобно тому, как это случилось с Дмитрием Карамазовым.

Нарратив «Воскресенья» строится таким образом, что происходит умышленное нарушение хронологии в строительстве цепи событий. Прежде чем становится известно, по какому делу судят Маслову, дискурсивно детализируется преступление Нехлюдова и его вина перед ней. Текст строится на чередовании протокольного (бесстрастного-юридического-нравоучительного) и поэтического (метафорического-пейзажного) описания жизни главных героев. Князь с первого момента оправдывает Катюшу, обвиняет себя в случившемся и ищет искупления. Как и Достоевский, Толстой позволяет своему герою давать оценки и выносить моральный приговор и над собой, и над обществом.

Роль Нехлюдова состоит в разоблачении ложной разгадки, он, как благородный сыщик, с искренней заинтересованностью и с надеждой на исправление дела на кассации вмешивается в якобы ясные и закрытые дела, разоблачает следовательские, административные и судебные ошибки, добиваясь справедливости. Он желает устранить насилие как таковое, желает помочь крестьянам, лишенным земли, сектантам, читающим Евангелие. Политические арестанты, за исключением Новодворова, также представляются ему чистосердечными борцами за дело человеколюбия. В сюжете романа приводится немало других, подобных этому дел (кража со взломом, ложное осуждение за поджог), в которых

---

²⁰ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 94.

²¹ Там же. С. 99.

арестантом оказывается невиновный человек, приговоренный к жестокому наказанию.

Аналогично строятся эпизоды во всех пенитенциарных учреждениях, в которых главный герой только по своему привилегированному и неприкосновенному статусу получает предпочтение, несмотря на основополагающий принцип «перед судом все люди равны»²². Однако блюстители заведенного порядка, как правило, в конечном счете не помогают ему. Они только слепо соблюдают закон, несостоятельность которого также подвергается критике в романе «Воскресенье». Проникнутый чувством вины перед Катюшей, Нехлюдов и старается «облегчить ее участь»²³, и обращается к известным и важным лицам, к адвокату-щеголю, который в этом романе, как и у Достоевского, заранее считает дело выигранным. Главный герой глубоко разочаровывается, когда Сенат отказывает ему: «Высшее учреждение подтвердило совершенное беззаконие»²⁴ и «бессмысленное мучительство»²⁵ над невиновной.

Все эти примеры призваны иллюстрировать безответственность чиновничества, которое не исполняет своих обязанностей, не применяет добросовестный и гуманный подход при расследовании судебных дел. Визиты князя к официальным лицам презентуются по одинаковой схеме: описывается внешность человека у власти, затем из поступков узнается его характер, приводится негативная оценка его морального состояния, в соответствии с которой и разрываются отношения с ним. Так происходит и с другом, и с шурином Нехлюдова, а также в известной мере и с тетей, Катериной Ивановной, которая любит его, однако легко поддается влиянию шарлатана Кизеветера. Противоречивую жизненную позицию тетушки выражает и ее суждение об убийце офицера на дуэли. В отличие от государя, она не считает правильным называть это дело «защитой» чести мундира²⁶.

Судя по этим оценкам представителей власти, Толстой критически относится к ним, как и Достоевский, однако в данном случае это усиливает дидактичность и тенденциозность его романа, назидательная и этическая установка которого направлена на улучшение разрушенной государственной системы. Вместе с тем, возможно, дело также и в другом. Поздний Толстой экспериментирует с перенесением принципа опрощения в литературу, что выливается в притчеподобные поэтические эксперименты. Именно такая позиция — против вычурного языка модернизма — и выражается в его попытках создать новое слово и новую жанровую форму, которая в итоге и находит свое воплощение в последующих произведениях. И Достоевский, и Толстой ставили

²² Там же. С. 204.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Там же. С. 326.

²⁵ Там же. С. 332.

²⁶ Там же. С. 305.

во главу угла нравственно-философские вопросы, решение которых внутри личного ракурса каждого человека приводит его к тем или иным результатам в практической и общественной деятельности, вне зависимости от профессии, возраста, пола и других его качеств. Тематика «преступления и наказания» предоставляла для этого широкие возможности. Но решали классики эту задачу по-разному: Достоевский искал корень зла в низкой способности многих людей понять ценность добра, Толстой — в несовершенстве государственного и общественно-го устройства.

Библиографический список

- Андреева В. Г.* Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. №4 (55). С. 96–112.
- Боровски М.* Элементы детективного романа в структуре сюжета «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года / ред. В. В. Дудкин. Великий Новгород, 2008. С. 36–45.
- Зброжек Е.* Дело об убийстве Федора Павловича Карамазова. 2012. URL: <https://proza.ru/2012/12/04/663> (дата обращения: 12.09.2023).
- Кузина Л. Н., Тюнькин К. И.* «Воскресение» Л. Н. Толстого. М.: Худ. лит-ра, 1978. 118 с.
- Молнар А.* Образ черта в расследовании: «Братья Карамазовы» и сериал «Люцифер» Нетфликса // Артикульт. 2022. №4 (48). С. 65–70.
- Романов Д. А.* Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 158 с.
- Скафтымов А. П.* Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит-ра, 1972. С. 134–181.
- Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32: Воскресение. М.: Худ. лит-ра, 1936. 542 с.
- Шкловский В. Б.* За и против: Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 259 с.
- Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
- Jovanović M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» // *Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly*. 1984. Т. 5. С. 4–36.

References

- Andreeva V. G. Problema vlasti v romane L. N. Tolstogo “Voskresenie” [The problem of power in L. N. Tolstoy’s novel “Resurrection”]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2020, no. 4 (55), pp. 96–112. (In Russ.)
- Borovski M. Elementy detektivnogo romana v strukture siuzheta “Brat’ev Karamazovykh” F. M. Dostoevskogo [Elements of a detective novel in the plot structure

- of “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskij i sovremenost’*. *Materialy XXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh Chtenii 2007 goda*, ed. V. V. Dudkin. Velikii Novgorod, 2008. Pp. 36–45. (In Russ.)
- Jovanović M. Tekhnika romana tain v “Brat’ia Karamazovykh” [The technique of the mystery novel in “The Brothers Karamazov”]. *Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly*, 1984, vol. 5, pp. 4–36. (In Russ.)
- Kuzina L. N., Tiun’kin K. I. “Voskresenie” L. N. Tolstogo [“Resurrection” by L. N. Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1978. 118 p. (In Russ.)
- Molnar A. Obraz cherta v rassledovanii: “Brat’ia Karamazovy” i serial “Liutsifer” Netfliksa [The image of the Devil in investigation: “The Brothers Karamazov” and the Netflix series “Lucifer”]. *Artikul’*, 2022, no. 4 (48), pp. 65–70. (In Russ.)
- Romanov D. A. *Iazykovoii mir L’va Tolstogo glazami sovremennogo chitatelia* [The linguistic world of Lev Tolstoy through the eyes of a modern reader]. Tula, Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2008. 158 p. (In Russ.)
- Shklovskii V. B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow, Federatsiia, 1929. 265 p. (In Russ.)
- Shklovskii V. B. *Za i protiv: Zametki o Dostoevskom* [Pro and contra: Notes on Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel’, 1957. 259 p. (In Russ.)
- Skaftymov A. P. Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo [Ideas and forms in the works of L. Tolstoy]. In: Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniiia russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 134–181. (In Russ.)
- Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 90 vols., vol. 32: *Voskresenie* [Resurrection]. Moscow, Hudozhestvennaia literatura, 1936. 542 p. (In Russ.)
- Zbrozhek E. *Delo ob ubiistve Fedora Pavlovicha Karamazova* [The case of the murder of Fyodor Pavlovich Karamazov]. 2012. Available at: <https://proza.ru/2012/12/04/663> (accessed: 12.09.2023). (In Russ.)

М. М. КОРОБОВА *

ORCID ID: 0000-0003-1643-3209

ЛЕКСЕМЫ «ХОХОТ» И «ХОХОТАТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДОСТОЕВСКОГО. ЗАМЕТКИ ЛИНГВИСТА

Аннотация: В статье предлагается описание функционирования слов *хохот* и *хохотать* в произведениях Ф. М. Достоевского. Случаи их употребления с учетом количественных данных распределены на основе семантики по шести типам, которые условно обозначаются как «хохот-звучание», «детский», «комический», «издевательский», «болезненный» и «хохот-неверие». Этот подход позволяет расширить представление о роли семантической парадигмы «Смех» в авторском поэтическом тезаурусе. Проведенное исследование показало, что в произведениях Достоевского среди выделяемых типов хохота преобладает хохот «комический». Отмечена специфическая роль слов *хохот* и *хохотать* в «Записках из Мертвого дома», а также в романах «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы».

Ключевые слова: Достоевский, идиоглосса, смех, лексемы *хохот* и *хохотать*, смехотип, лексические показатели, дифференцирующие параметры смехотипа.

M. M. KOROBOVA

THE LEXEMES “LAUGHTER” AND “LAUGHING” IN THE POETIC DICTIONARY OF DOSTOEVSKY. LINGUIST’S NOTES

Annotation: The article discusses the description of the words *loud laugh* (*khokhot*) and *to laugh loudly* (*khokhotat*) in the works of fiction by Fyodor M. Dostoevsky. All the cases of their usage with regard to quantitative data are distributed on the basis of lexical indicators for six laughing types, which are conventionally named as “laughter-sounding”, “childish”, “comical”, “mocking”, “painful” and “laughter-disbelief”. This approach makes it possible to expand the understanding of the role of the semantic field ‘Laugh’ in the author’s thesaurus. The conducted research has shown that in Dostoevsky’s works, among the distinguished types of loud laughter, the “comical” one prevails. The

---

* Марина Михайловна Коробова, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Marina Mikhailovna Kolobova, researcher at the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. mmkor1955@yandex.ru

special role of the words *loud laugh (khokhot)* and *to laugh loudly (khokhotat')* in the texts of the story "Notes from the Dead House", the novels "Crime and Punishment", "The Idiot" and "Demons" is shown.

Key words: Dostoevsky, idioglossa, laughter, loud laughter, to laugh loudly, laughter type, lexical indicators and differentiating parameters of laughter type.

Обычно исследователи, анализируя феномен смеха в творчестве Достоевского, имеют в виду понятие смеха как такового¹. Подобного рода трактовки содержатся и в работах современных авторов — М. Л. Спивак, А. В. Злочевской, А. Е. Кунильского². «Ситуация смеха идентифицируется в тексте при наличии в нем одного из следующих слов или их форм: *за-, на-, по-, рас-смеяться; на-, рас-смешишь; смех / смешно(й); на-, у-смеяться / усмехнуться; на-, у-смешка; улыбаться / улыбнуться / улыбка; за-, рас-хохот-(ать)(ся); осклабиться; ха-ха; (за-, по-, под-)хихи-(кать/кивать/кнуть)* и нек. др.»³. Каждое из указанных в этом перечне слов заслуживает отдельного рассмотрения с точки зрения особенностей их функционирования в художественной системе Достоевского. Отмечено, что именно у Достоевского чаще, чем у других известных писателей XIX в., встречаются «смеховые» слова, его персонажи чаще и «смеются», и «хохочут», и «хихикают»⁴. «Смеховые» лексемы часто имеют статус идиоглосс, т. е. слов, характеризующих авторский стиль. Многие из них опубликованы в словаре языка Достоевского⁵: слова *смех, смешной, смеяться, расхохотаться* опубликованы в Идиоглоссарии⁶, а слова *засмеяться, улыбаться, улыбка, улыбнуться, улыбочка, усмехаться, усмехнуться, усмешка* — в подготовительных томах словаря «Лексический строй идиолекта»⁷. В настоящее время идет работа над составлением последнего, шестого тома Идиоглоссария, куда войдут слова *хохот, хохотать, хихикать, хихикнуть* и новые редакции статей для слов с корнем *улыб-, усмех-/усмеши-*. Таким образом центр лексико-семантического поля «Смех» получит достаточно полное лексикографическое описание. В рамках данной

¹ См., напр.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; Лапшин И. И. Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. С. 31–50.

² Спивак М. Л. Место и функции смеха в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1986. № 5. С. 70–76; Злочевская А. В. Стихия смеха в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура: альманах. № 1 (ч. 1–3). СПб.–М., 1993. С. 25–47; Кунильский А. Е. Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994.

³ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского. М., 1996. С. 164.

⁴ См.: Ружижский И. В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 486–487.

⁵ Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001; Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. По–С. М., 2021.

⁶ Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. По–С. М., 2021.

⁷ Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001.

задачи предлагаемая работа является попыткой продвинуть изучение этого вопроса.

Рассуждения о смехе как о феномене, характеризующем нравственно-философский статус персонажей Достоевского, встречаются в первую очередь в историко-литературных исследованиях, на эту тему написано немало диссертаций⁸. Есть и исследования лингвистов, однако они в основном строятся преимущественно на анализе употреблений слов *смех*, *смешной*, *смеяться*⁹. Возникает необходимость дополнить существующие представления о смехе у Достоевского описанием *хохота* с точки зрения выявления особенностей его семантики и функционирования обозначающих его слов с тем, чтобы попытаться охарактеризовать роль этого вида смеха в произведениях писателя. Основные лексические показатели изучаемого ряда слов — это в первую очередь слова *хохот* и *хохотать*, образованные от них глаголы начинательного способа действия — *захохотать* и интенсивного — *расхохотаться*, а также междометия: *ха-ха*, *ха-ха-ха*, *ха-ха-ха-ха*, *хе-хе*, *хе-хе-хе*, *хе-хе-хе-хе* (из всех существующих междометий этой группы у Достоевского отсутствует только *хо-хо*). Отметим, что Достоевский чаще других пользовался междометиями для обозначений хохота¹⁰; излюбленным является *хе-хе* — 67 раз (из них 32 раза в «Преступлении и наказании» и 15 раз в «Идиоте»), а также *хе-хе-хе* — 46 раз (из них 27 раз в «Преступлении и наказании», 8 раз в «Идиоте», 7 раз в «Братьях Карамазовых»). Среди однокоренных со словом *хохот* встречаются также слова *хохотун* (2 раза — 1, 194; 10, 354), *хохотунья* (2 раза — 2, 270; 2, 303), *хохотливый* (1 раз — 8, 402). В данной работе мы обратим внимание на слова *хохот* и *хохотать* как на главные маркеры ситуации хохота и охарактеризуем особенности их употребления в текстах Достоевского. Их частотные характеристики приведены в табл. 1.

---

⁸ См., например: *Комарова Т. С.* «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008; *Мухина С. А.* Феномен комического в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012; *Понкратова Е. М.* Смеховое и комическое в эстетике и поэтике Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.

⁹ Кроме упомянутых выше работ Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга, И. В. Ружицкого см. также: *Ружицкий И. В.* «Смех» Достоевского глазами лексикографа // *Stephanos*. 2017. № 6 (26). С. 37–48.

¹⁰ По данным Национального корпуса русского языка, у таких писателей, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, в основном встречаются лишь *ха-ха*, *ха-ха-ха*, да и то редко, у Л. Толстого, например, только *ха-ха-ха* и всего 4 раза; *хе-хе* в НКРЯ отмечено у Тургенева (9 раз) и Салтыкова-Щедрина (4 раза), Тургенев также практически единственный, кто использовал *хо-хо* (4 раза) и *хо-хо-хо* (2 раза). Данные взяты из Национального корпуса русского языка: ruscorgo.ru (дата обращения: 30.08.2023).

Частотные характеристики рассматриваемых слов

Слова	Всего	Произведения художественной прозы	Публицистика	Письма
Хохот	93	79	11	3
Хохотать	169	153	9	7
Для сравнения				
Смех	519	444	67	8
Смеяться	1207	988	171	48

При выяснении частотности употреблений видно, что слова *хохот* и *хохотать* встречаются в 5–6 раз реже, чем *смех* и *смеяться*, что вполне объяснимо, так как *смех* и *смеяться* являются доминантами соответствующих синонимических рядов. Хохот может описываться как само действие (глагол) и как указание на это действие (существительное). Из распределения частоты следует, что при описании ситуации хохота Достоевский предпочитает глагольное представление именному, опирается на свойственную глаголу повествовательную функцию¹¹. И это важно: по нашим наблюдениям, в том, что в выборе из пары слов *хохот* — *хохотать* Достоевский отдает предпочтение глаголу, усматривается авторская идиостилевая черта. Если сравнить по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹² использование этих слов другими писателями-современниками Достоевского, то окажется, что Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков чаще делали выбор в пользу существительного, т. е. формально стилистически приоритетным для них служило указание, обозначение ситуации хохота словом *хохот*, а не отображение ситуации как процесса посредством глагола. При этом для пары *смех* — *смеяться* у всех авторов, включая Достоевского, глагол *смеяться* употребляется чаще, чем существительное, или приблизительно поровну в случае Гончарова и Салтыкова-Щедрина.

Обращаясь к семантике слов *хохот* и *хохотать*, следует отметить, что все толковые словари русского языка, включая словарь В. И. Даля, единодушно в их истолковании: *хохот* — это ‘громкий смех’, *хохотать* — ‘громко смеяться’¹³, т. е. эта дефиниция отсылает нас к лексемам *смех* и *смеяться*. Для слов *смех* и *смеяться* выделяют два значения; условно их можно обозначить как ‘звучание, издавание звуков’ и ‘насмешка, издевка’. Однако мы полагаем, что у слов *хохот* и *хохотать*

¹¹ См.: Винокур Г. О. Глагол или имя (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь. Л., 1928. С. 87.

¹² Национальный корпус русского языка. 2003–2023.

¹³ Только в Большом академическом словаре добавлен компонент значения ‘громкий, не сдерживаемый смех’, ‘неудержимо громко смеяться’ См.: Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.–Л., 1965. С. 428–430.

тоже целесообразно выделять второе значение — ‘насмешка, издевка’, и в текстах Достоевского этому находится подтверждение.

Смеховой мир Достоевского детально описан в статье Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга «Homo ridens» на основе проведенного ими лингвистического анализа романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». В статье выделяется шесть типов смеха¹⁴: 1) смех-звучание; 2) смех «детский»; 3) смех комический; 4) смех неверия; 5) смех-издевка; 6) смех патологический. Кроме того, проанализированы лексические показатели для каждого типа смеха, которые, в свою очередь, обобщаются в классификационных параметрах, основные из которых — «кто», «как» смеется, «каким смехом, какой окраски», «какова причина-следствие» смеха. Некоторые параметры являются единичными и характеризуют только один из типов смеха, например параметр «объект» (*над кем*) или «цель» (*обидеть*); это уникальные компоненты смеха-издевки¹⁵.

Предложенную классификацию смехотипов и методику их выделения можно применить для анализа контекстов употребления слов *хохот* и *хохотать* — но не в отдельных произведениях Достоевского, а во всем корпусе текстов писателя. Относительно невысокая частота употребления этих слов облегчает выполнение данной процедуры.

На отдельных примерах поясним, как определялись смехотипы.

(1) [Доброселова] Домой приду веселая, радостная, крепко обниму наших, как будто после десятилетней разлуки. Начнутся толки, разговоры, рассказы; со всеми здороваешься, смеешься, **хохочешь**, бегаешь, прыгаешь. С батюшкой начнутся разговоры серьезные, о науках, о наших учителях, о французском языке, о грамматике Ломонда — и все мы так веселы, так довольны. Мне и теперь весело вспоминать об этих минутах (1, 28).

(2) [Лиза Ставрогину] Я вам должна признаться, у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду **хохотать** над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете? Не буду, не буду, я сейчас уйду, — вскочила она со стула с безразличным и презрительным движением (10, 401).

В примере (1) слова, указывающие на счастливое состояние Вари как на своего рода «причину», т. е. почему хохочут (*веселая, радостная*),

---

¹⁴ Намеченная типология смеховых ситуаций не является исчерпывающей (что отмечают и сами авторы), но может дополняться и уточняться. И. В. Ружицкий полагает, что «шесть ситуаций смеха (точнее было бы сказать — функций смеха, или его интенций) следует расширить» и предлагает смех персонажей — демонических злодеев и шутов определять как маску» (*Ружицкий И. В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Нефилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 488*).

¹⁵ *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 165–173.*

а также слова, указывающие на «фон» (*бегаешь, прыгаешь*), «следствие» (*веселы, довольны, весело вспоминать*), в совокупности позволяют отнести этот контекст к смехотипу «детский, радостный хохот». В примере (2) параметры «над кем» хохотать (*над вами* — Ставрогиным), «источник-причина» (*что-то... ужасное, грязное и кровавое, и... такое, что ставит вас в ужасно смешном виде*), «следствие» (*вы опять бледнеете*), «фон» (*с брезгливым и презрительным движением*), наличие синонима (*засмею*) служат основанием для отнесения хохотать к типу «издевательского» хохота.

Проанализированные и распределенные по смехотипам контексты для слов *хохот* и *хохотать* дают возможность представить количественную характеристику такого распределения (табл. 2). Вместе с глаголом *хохотать* при подсчете учтены также употребления глаголов *захохотать* и *расхохотаться*.

Таблица 2

Типы и частота употреблений слов «хохот» и «хохотать» в произведениях Достоевского

Произведения	звучание	Смехотипы				
		детский	комический	неверие	издевательский	болезненный
«Бедные люди»	—	1 (0+1)	1 (0+1)	—	3 (1+2)	—
«Двойник»	—	—	—	—	1 (0+1)	—
«Хозяйка»	—	—	—	—	3 (1+2)	—
«Ползунков»	—	—	3 (1+2)	—	—	—
«Слабое сердце»	—	1 (0+1)	—	—	—	—
«Чужая жена...»	1 (1+0)	—	6 (2+4)	—	—	1 (0+1)
«Белые ночи»	—	2 (0+2)	4 (0+4)	—	—	—
«Неточка Незванова»	—	1 (0+1)	2 (0+2)	—	3 (3+0)	5 (0+5)
«Маленький герой»	—	1 (0+1)	4 (0+4)	—	2 (0+2)	—
«Дядюшкин сон»	—	—	5 (1+4)	—	—	—
«Село Степанчиково...»	—	1 (0+1)	8 (3+5)	—	2 (1+1)	—
«Униженные и оскорбленные»	1 (0+1)	—	—	—	9 (3+6)	—
«Записки из Мертвого дома»	1 (1+0)	3 (2+1)	32 (15+17)	—	—	1 (0+1)
«Скверный анекдот»	1 (1+0)	1 (0+1)	4 (1+3)	—	2 (1+1)	1 (1+0)

Произведения	Смехотипы					
	звуча- ние	детский	комиче- ский	неверие	издева- тельный	болез- ненный
«Записки из под- полья»	1 (I+0)	—	—	1 (I+0)	5 (I+4)	—
«Крокодил»	1 (I+0)	—	2 (0+2)	—	—	—
«Игроку»	—	—	7 (2+5)	—	8 (0+8)	1 (0+1)
«Преступление и наказание»	7 (3+4)	6 (I+5)	11 (3+8)	1 (0+1)	6 (0+6)	—
«Идиот»	—	—	17 (2+15)	—	16 (4+12)	9 (I+8)
«Вечный муж»	—	1 (0+1)	5 (I+4)	1 (0+1)	2 (0+2)	11 (2+9)
«Бесы»	—	1 (0+1)	15 (5+10)	1 (0+1)	21 (5+16)	—
«Подросток»	3 (2+1)	1 (0+1)	7 (I+6)	—	10 (I+9)	3 (0+3)
«Братья Карама- зовы»	—	1 (0+1)	18 (2+16)	1 (0+1)	4 (I+3)	1 (0+1)
«Кроткая»	—	—	—	—	1 (I+0)	—
Всего	16 (10+16)	21 (3+18)	151 (39+112)	5 (I+4)	88 (22+69)	34 (4+30)

Примечания. Для каждого типа хохота при указании совокупной частоты употребления (цифра выделена полужирным шрифтом) в скобках указывается ее распределение по отдельным лексемам: первая цифра относится к слову «хохот» (цифра выделена курсивом) + вторая — к слову «хохотать». Прочерк (—) в таблице означает, что в указанном произведении Достоевского не встречается соответствующего типа хохота.

Проиллюстрируем каждый из смехотипов примерами, по возможности достаточно однозначными и непротиворечивыми.

— Хохот-звучание. Он воспринимается наблюдателем (слушателем) как событие, происходящее в ином пространстве, в отделенном какой-то преградой помещении, как событие, воспринимаемое только на слух; это фиксация феномена хохота как такового, без каких-либо его дополнительных характеристик. Данный тип представлен небольшим количеством примеров (всего нами отмечено 16 словоупотреблений). Обычно единичные упоминания о хохоте являются элементами экспозиции, причем чаще встречается слово *хохот*: «Раздался шум и **хохот** <...>» (2, 55). [Аркадий подслушивает] «Уже раза два раздался его [Стебелькова] громкий **хохот** <...>» (13, 123). На этом фоне показательна частота хохота-звучания в «Преступлении и наказании» — *хохот* 3 раза, *хохотать* 4 раза, что можно отметить как особенность романа: такой хохот все время раздается вокруг Раскольникова — слышится из квартиры, распивочной, а еще из кабака в его сне: «Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевхель, была приотворена. Там было шумно и крикливо.

Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные» (6, 22); «Его <Раскольников> почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу <в распивочной>... Оттуда слышно было, как среди **хохота** и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно же отплясывал, выбивая такт каблуками. <...> | “Не зайти ли?— подумал он. — **Хохочут!** Спьяну. А что ж, не напиться ли пьяным?”» (6, 122).

— Хохот детский. Фиксирует состояние переполняющей человека радости, безудержного веселья, переживание радости бытия и полноты жизни, хорошего настроения, часто выглядит как беспричинный. Ситуации «детского хохота» также немногочисленны (21 употребление, см. табл. 2), они описаны в основном посредством использования глагола *хохотать*. Например, радостно хохочет Настенька в «Белых ночах»: «Она сияла радостью, она ожидала ответа. <...> Сначала она всему **хохотала**, всякому слову моему смеялась. <...> | — Знаете ли, отчего я так рада? <...> так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?» (2, 128); Надя в «Вечном муже»: «<...> [Надя] **хохотала**, прыгала, взвизгивала <...> она была счастлива ужасно <...>» (9, 75). Особо следует отметить экстагически хохочущего Фалалея («Село Степанчиково...»): «Надо было посмотреть, что делалось тогда с Фалалеем: он плясал до забвенья самого себя, до истощения последних сил, поощряемый криками и смехом публики; он взвизгивал, кричал, **хохотал**, хлопал в ладоши; он плясал, как будто увлекаемый постороннею, непостижимую силою, с которой не мог <...>. Это были минуты истинного его наслаждения <...>» (3, 64). Есть пример и собственно хохота ребенка в романе «Бесы»: «Он <полуторагодовалый ребенок>, должно быть, недавно расплакался; слезки стояли еще под глазами; но в эту минуту тянулся ручонками, хлопал в ладошки и **хохотал**, как **хохочут** маленькие дети, с захлипом. Пред ним Кириллов бросал о пол большой резиновый красный мяч <...> ребенок кричал: “Мя, мя!”» (10, 184).

Примечательно, что, как и в случае хохота-звучания, особое место детский хохот занимает в «Преступлении и наказании». В романе встречается пять употреблений глагола *хохотать* и один раз слова *хохот* при описании дурашливой потасовки Николая и Митьки: [Зосимов] «Ложат они <Николай и Митька> поперек дороги и проход загораживают; их ругают со всех сторон, а они, “как малые ребята” (буквальное выражение свидетелей), лежат друг на друге, визжат, дерутся и **хохочут**, оба **хохочут** взапуски, с самыми смешными рожами. <...> всего только один вопрос: **хохот**, ребяческая драка под воротами, — с топорами, с кровью, с злодейскою хитростью, осторожностью, грабежом? <...> Тотчас же убили <...> и вдруг, бросив и тела, и квартиру отпертую <...> они, как малые ребята, валяются на дороге, **хохочут**, всеобщее внимание на себя привлекают <...>!» (6, 109) Упоминание о хохоте маляров в романе встречается дважды — в рассказе Зосимова и потом в разговоре Порфирия Петровича с Раскольниковым, и именно детский хохот

Николая и Митьки (*как малые ребята*) является своего рода аргументом для подтверждения их невиновности.

Следует отметить контексты, где детский хохот приобретает свойство эмблематичности. В романе «Братья Карамазовы» в «художественных» рассуждениях Ивана Карамазова изощренно-садистским действиям турок противопоставлен младенец, хохот которого указывает на детскую доверчивость: «У них затеялась веселая штучка: они ласкают младенца, смеются, чтоб его рассмешить, им удастся, младенец рассмеялся. В эту минуту турок наводит на него пистолет в четырех вершках расстояния от его лица. Мальчик радостно **хохочет**, тянется ручонками, чтоб схватить пистолет, и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему головку» (14, 217).

Эмблематичен и хохот Исайя Фомича («Записки из Мертвого дома»), свидетельствующий о радости: «<...> плач и рыдания означают мысль о потере Иерусалима <...>. Но <...> в минуту самых сильных рыданий он, Исайя Фомич, *должен вдруг*, как бы невзначай, вспомнить (это вдруг тоже предписано законом), что есть пророчество о возвращении евреев в Иерусалим. Тут он должен немедленно разразиться радостью, песнями, **хохотом** и проговаривать молитвы так, чтобы самым голосом выразить как можно более счастья, а лицом как можно больше торжественности и благородства» (4, 95).

— Не будем подробно останавливаться на характеристике хохотаневерия — ситуации, когда один из собеседников не принимает всерьез утверждения другого, отвечая на него обычно каким-либо вопросом. По нашим наблюдениям, таких контекстов в произведениях Достоевского не более пяти. Приведем только один пример из романа «Бесы»: «— Э, cher, — зашептал он <С. Т. Верховенский> почти на ухо, — под вами вдруг раздвигается пол, вы опускаетесь до половины... Это всем известно. | — Басни! — вскричал я <Хроникер>, догадавшись, — старые басни, да неужто вы верили до сих пор? — Я **расхохотался**» (10, 333).

Перейдем к основным типам хохота у Достоевского. В статье «Homo ridens» зафиксировано: «Тип “комического” смеха (наряду с “издевательским” <...>) оказывается преобладающим у Достоевского <...>»¹⁶. Данное утверждение справедливо и для хохота. И далее указывается, что смех издевательский несколько даже превосходит смех комический¹⁷. Но это утверждение для слов *смех* и *смеяться* опирается на исследование текста трех романов, нами же для слов *хохот* и *хохотать* учитывались все словоупотребления во всех произведениях художественной прозы Достоевского, и каждое из них было отнесено к тому или иному смехотипу. В результате исчерпывающей кластеризации материала обнаружилось, что в художественных текстах Достоевского

¹⁶ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 167; разрядка авторов.

¹⁷ Там же. С. 170.

преобладает хохот комический. По нашим подсчетам, совокупно для слов *хохот* и *хохотать* (включая *захохотать* и *расхохотаться*) соотношение комического и издевательского хохота — 151 случай словоупотребления к 88 (см. табл. 2).

— Хохот комический. Он фиксирует ситуацию юмористического типа, это веселый, заразительный хохот, его источником может быть беззлобная шутка, острота, смешная ситуация (имеется в виду изображенный, упоминаемый хохот персонажей, а не автора или читателя). Его важное свойство состоит в том, что, по существу, он никого не обижает и не оскорбляет. Конечно, в отдельных контекстах возможны другие варианты, но речь идет о преимущественных характеристиках, определяющих данный смехотип. Здесь также следует отметить, что указание на комический хохот часто появляется в развернутых сценах в соседстве с другими словами лексико-семантического поля «Смех», и в таких сценах Достоевский использует потенциал всего синонимического ряда: *смех, смеяться, смешной, ха-ха-ха* и пр.; мы, однако, сфокусируемся только на словах *хохот* и *хохотать*. В «комическом» смехотипе *хохот* и *хохотать* употребляются в значении 'звук; издавать звук' и, по сравнению со словами *смех* и *смеяться*, обозначают в первую очередь более сильное звучание. Здесь следует учесть, что слова *хохот* и *хохотать* по своему происхождению звукоподражательные (*хо-хо, ха-ха*), поэтому в восприятии читателя они более экспрессивны, «громче», «взрывнее», «напористее» и как бы выразительнее слов *смех* и *смеяться*¹⁸, причем выразительность эта не только акустическая, но и визуальная. *Хохот* и *смех* различаются, помимо характера звука, еще и мимикой субъекта, смеющегося. «Хохот предполагает громкий, ничем не сдерживаемый смех, который можно издавать только широко раскрыв рот, причем при хохоте сотрясается все тело субъекта»¹⁹. Например: «<...> Николай Всеволодович всегда, бывало, веселился его <Лебядкина> стишками и **хохотал** над ними, иногда схватясь за бока» (10, 210).

Среди произведений первого периода творчества Достоевского в изображении комического хохота, конечно, первенствует рассказ «Чужая жена и муж под кроватью»: «Когда вы вылезете <из-под кровати>, я думаю, всяк, кто посмотрит на вас, **захохочет**» (2, 74); «— Боже мой! какой смешной человек! — кричала дама, надрываясь от **хохота**» (2, 79). Комический хохот также особенно заметен, «слышен» в рассказе «Маленький герой». В других произведениях («Ползунков», «Белые ночи», «Неточка Незванова») хохот упоминается в отдельных эпизодах и обычно обозначается как действие: «Тип, тип! какой тип? — закричала

¹⁸ В данном случае мы опускаем возможности сочетаемости, характеризующей разными способами *смех* и *смеяться* (т. е. сочетания с определениями или наречиями способа действия, которые также могут служить для создания выразительности).

¹⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 312.

девушка, **захохотав** так, как будто ей целый год не удавалось смеяться. — Да с вами превесело!» (2, 111)

В произведениях второго периода творчества Достоевского описания хохота встречаются в повестях, восходящих к замыслу «комического романа», — «Дядюшкин сон»²⁰: «Марья Александровна <слушая монолог князя о лакеях> **хохочет** с самым восторженным увлечением и даже хлопает в ладошки. Павел Александрович вторит (выделено нами. — М. К.) ей от всего сердца: его чрезвычайно занимает дядя. **Захотала** и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина. | — Но сколько юмору, сколько веселости, сколько в вас остроумия, князь! — восклицает Марья Александровна. — Какая драгоценная способность подметить самую тонкую, самую смешную черту!..» (2, 313) и «Село Степанчиково и его обитатели»: «Фома!.. — вскричал было дядя, но всеобщий **хохот** покрыл слова его. Фома Фомич так и заливался. Видя это, рассмеялся и дядя» (3, 157). В названных произведениях из типов хохота преобладает именно комический, в отличие, например, от романа «Униженные и оскорбленные», в котором почти нет места юмору, или в отличие от романа «Игрок», где беззаботно хохочет только мадемуазель Бланш.

Выдающееся место в изображении комического хохота занимают «Записки из Мертвого дома». Об этом свидетельствуют как количественные характеристики — *хохот* (15 раз), *хохотать* (13 раз), *захохотать* (3 раза), *расхохотаться* (1 раз), так и обилие развернутых сцен хохота. Во-первых, это диалоги балагуриющих арестантов, доходящие порой до драки, но при этом не переходящие в издевательский хохот. Как пишет Достоевский, «подобные сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, как в комедии, для всеобщего удовольствия; до драки же никогда почти не доходило» (4, 23). Например: «Я вам, Александр Петрович, доложу, что был я очень красив из себя и очень меня любили девки... — начал вдруг ни с того ни с сего Варламов. | — Врет! Опять врет! — прерывает с каким-то визгом Булкин. | Арестанты **хохочут**» (4, 115).

Того же свойства описание театральной постановки в остроге, сопровождаемой непрерывным хохотом (причем реакция зрителей передается в основном именно «более громкими» словами *хохот* и *хохотать*, а *смех* и *смеяться* практически не употребляются): «Благодетельная помещица была тоже в своем роде чрезвычайно замечательна: она явилась в старом, изношенном кисейном платье, сморщившим настоящей тряпкой <...> в спальном коленикоровом чепчике <...> с зонтиком в одной руке и с веером из разрисованной бумаги в другой, которым она беспрерывно обмахивалась. Залп **хохоту** встретил

---

²⁰ При этом, возможно, вопреки ожиданиям, в повести «Дядюшкин сон» Достоевский практически обходится без слов *хохот* и *хохотать* (*хохот* встречается 1 раз, *хохотать* — 2 раза, *захохотать* — 2 р.), в «Селе Степанчикове и его обитателях» эти слова встречаются чаще (*хохот* 5 раз, *хохотать* — 4 раза, *захохотать* — 4 раза).

барыню; да и сама барыня не выдержала и несколько раз принималась **хохотать**. Играл барыню арестант Иванов. <...> пьеса кончилась к самому полному и всеобщему удовольствию. Критики не было, да и быть не могло» (4, 125). Такие случаи, как нам представляется, можно интерпретировать как подтип комического хохота — грубоватого, карнавального, народного, площадного, «бесцензурного». Одним из его показателей можно считать всеобщность, совместность и, в известном смысле, обезличенность субъекта (субъект здесь — арестанты, публика, зрители). Тем не менее в романе есть и особый хохот, который по форме, с точки зрения субъекта, относится к «комическому» типу, однако это весьма специфический хохот: речь идет о хохоте Жеребятникова и Смекалова²¹.

Если говорить о крупных романах, то комический тип хохота отмечается в каждом из них, при этом ненамного, но все же превосходя по объему хохот издевательский, а в «Братьях Карамазовых» превосходя даже значительно (см. табл. 2). В «Подростке», а также в «Вечном муже» хохот комический встречается редко, упоминается вскользь, попутно в отдельных эпизодах, впрочем, всегда представляя интерес для анализа при характеристике как персонажей, так и конкретных событий. В «Преступлении и наказании» есть знаковый эпизод со словами *хохот* и *хохотать* из сна Раскольникова — избиение лошади совершается под грубый, площадной комический хохот толпы. А вот два романа — «Идиот» и «Бесы», можно сказать, заряжены комическим хохотом (примерно поровну с издевательским). В каждом из них есть развернутые коллективные (*компания, толпа*) смеховые сцены: «Вся компания уже набилась в гостиную. Одни пили, другие кричали и **хохотали**, все были в самом возбужденном и непринужденном состоянии духа» (8, 143); [Хроникер о «кадрили литературы»] «Вдруг раздался громкий смех над одною проделкой в кадрили <...>. **Хохот** толпы приветствовал, конечно, не аллегория, до которой никому не было дела, а просто хождение вверх ногами во фраке с фалдочками. Лембке вскипел и затрясся. | — Негодяй! — крикнул он, указывая на Лямшина, — схватить мерзавца, обернуть... Обернуть его ногами... Головой... Чтоб голова вверху... Вверху! | Лямшин вскочил на ноги. **Хохот** усиливался. | — Выгнать всех мерзавцев, которые смеются! — предписал вдруг Лембке. Толпа загудела и загрохотала» (10, 391).

Однако встречаются также и примеры персонифицированного хохота. Так, в романе «Братья Карамазовы» следует особо выделить Дмитрия Карамазова — комическим хохотом (по крайней мере внешне, имея склонность видеть в определенных обстоятельствах смешную сторону) в романе хохочет именно он, можно сказать, что это его характерологическая черта: «— Гениальная мысль! — восторженно перебил Митя. <...> — Он торгует, с него дорого просят, а тут ему именно

²¹ Похожий хохот у Млекопитаева из «Скверного анекдота».

документ на самое владение, ха-ха-ха! — И Митя вдруг **захохотал** своим коротким деревянным смехом, совсем неожиданным, так что даже Самсонов дрогнул головой» (14, 336). Конечно, при этом создается впечатление неоднoplanовости, двойственности такого смеха, прежде всего за счет использования в ближайшем контексте слов *неожиданный* (т. е. 'неуместный'), *восторженно, короткий деревянный смех*, возможно, указывающие на болезненность, ненатуральность хохота. О такой двойственности хохота Мити говорит Грушенька: «Да он раздражен, да веселый. Он и все раздражен, да на минутку, а там веселый, а потом вдруг опять раздражен. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди такой страх, а он даже иной раз таким пустякам **хохочет**, точно сам-то дитя» (15, 11).

Говоря о хохоте комическом, следует иметь в виду, что Достоевскому «одноплановость, однонаправленность видения и осмысления смеха, как, впрочем, и любых иных проявления человеческого духа, совершенно не присуща: двойничество, двойственность, альтернативность и амбивалентность — вот определяющая черта и доминантный прием <...>»²². Чтобы показать трудности и возможную неоднозначность при интерпретации типов хохота, разберем один контекст из романа «Идиот», пример (3).

(3) «<Князь Мышкин> я вовсе не имел намерения... иметь честь просить ее руки... даже когда-нибудь... Я тут ни в чем не виноват, ей-богу, не виноват, Аглая Ивановна! Я никогда не хотел, и никогда у меня в уме не было, никогда не захочу, вы сами увидите: будьте уверены! Тут какой-нибудь злой человек меня оклеветал пред вами! Будьте спокойны! | Говоря это, он приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась **хохотом** прямо ему в глаза, — таким веселым и неудержимым **хохотом**, таким смешным и насмешливым **хохотом**, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла ее и **захохотала** таким же неудержимым, школьнически веселым смехом, как и та» (8, 284).

В статье Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга этот пример иллюстрирует комический смех²³, и по отношению к смеху Аделаиды это верно. Однако в тексте говорится, что она «захохотала таким же (выделено нами. — *М. К.*) неудержимым, школьнически веселым смехом», как и Аглая, и здесь надо различать смех/хохот Аделаиды, для которой это лишь комическая ситуация (она реагирует на слова князя как на своего рода *qui pro quo*), тогда как для Аглаи — драма (когда *сообразила его слова*), это хохот после ее слез, и в контексте искусным образом скрыта

²² Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 168.

²³ Там же. С. 162, 165.

подоплека двойственности (или даже «тройственности») хохота — одновременно веселого (внешне), насмешливого и болезненного (внутри), если взять всю ситуацию целиком, с учетом анафорических (8, 283) и катафорических связей (8, 285), ситуацию, начиная от «последней степени негодования» Аглаи через ее «истерическое состояние», до «горьких слез» и «закрытого лица платком», который она отняла после слов об отказе князя и только тогда «разразилась хохотом», вряд ли комическим, но скорее маскирующим сложные, драматичные личные переживания, а потом — «смеялась порывами».

Интересно также отметить, как реализуют поэтическую функцию определения к слову *хохот*, данные в параллельной конструкции: *веселый, смешной* — во внешнем восприятии, глазами Аделаиды, а *неудержимый*, как и *насмешливый*, — с позиции Аглаи, и здесь уже имеет смысл говорить о сочетании смехотипов. И определения *смешной* и *насмешливый хохот* в отрыве от контекста могут восприниматься только как плеоназм, тогда как здесь вскрывается глубокая мотивировка использования именно таких определений и в такой комбинации с учетом оценки хохота с разных точек зрения нескольких персонажей.

Противоречивость комического смеха определяет его «срединное, центральное положение на “смеховой шкале”, из-за чего он в чем-то тяготеет к смеху доброму, здоровому, но в чем-то содержит зародыши смеха злого, то есть издевательского и бесовского»²⁴. Это суждение в известной степени относится и к рассмотренному выше примеру. В «Записках из Мертвого дома» показателен пример хохота над Исаем Фомичом, который видит, что над ним смеются, но не обижаются, и имеющееся в тексте указание, что его *все как будто даже любили и никто не обижал*, дает основание отнести этот хохот скорее к «комическому» типу: «Исай Фомич еще раз осмотрел заклад, сложил и бережно сунул его в свой мешок при продолжавшемся **хохоте** арестантов. Его действительно все как будто даже любили и никто не обижал, хотя почти все были ему должны. <...> Лучка, знавший на своем веку много жидков, часто дразнил его, и вовсе не из злобы, а так, для забавы <...>» (4, 94).

Примеров двойственного смысла в произведениях Достоевского довольно много, однако, выявляя типы «хохота» в контексте его произведений, мы опирались в первую очередь на формальные признаки (наличие лексических показателей), что не исключает возможности дальнейшего конкретного анализа отдельных контекстов с учетом presuppositional, анафоры и катафоры, других видов текстовых связей слов *хохот* и *хохотать*.

— Хохот издевательский. Принципиальное отличие этого типа от других состоит в том, что он является намеренным и направленным на определенного адресата, у него всегда есть объект и определенная цель. Представляется важным, что этот тип хохота подразумевает

²⁴ Там же. С. 169.

реализацию и второго значения, т. е. он проявляется не только собственно в звучании, но и насмешливых репликах, умышленных колкостях, отражающих презрительное отношение к собеседнику (например, когда Лиза говорит Ставрогину, что она будет хохотать над ним «всю жизнь», см. выше пример (2)). Если в ситуации комического хохота, как правило, смешно всем, порой даже и тому, над кем (обычно добродушно) подтрунивают, то при издевательском хохоте «обижаемый» и «обидчик» всегда этически противопоставлены, цель обидчика — унизить, уязвить собеседника, выразить ему свое неуважение или даже презрение.

Приведем примеры такого рода в романах Достоевского, указывающие на распределение персонажей по «ролям»: кто и над кем хохочет с издевкой.

Кто хохочет (с издевкой)	Над кем
Свидригайлов	над Раскольниковым (6, 221; 371)
Катерина Ивановна	над Амалией Ивановной (6, 298)
Настасья Филипповна (и она же, упоминаемая как «необыкновенное и неожиданное существо» и «эта тварь»; в общей сложности 5 раз)	над Тощим, Епанчиным, Рогожиным (8, 36; 274; 141; 143)
Аглая (она же «хладнокровный бесенок»)	над князем Мышкиным (8, 284; 298; 425)
Рогожин	над князем Мышкиным (8, 303)
Ипполит	над генералом Иволгиным (8, 396)
Вельчанинов	над Трусоцким (9, 47)
Липутин	над Лебядкиным (10, 96)
Прасковья Ивановна	над Варварой Петровной (10, 131)
Юлия Михайловна	над Лембке (10, 340)
П. Верховенский (он же «изверг»)	над Степаном Трофимовичем (его письмами) (10, 240)
Лиза	над Степаном Трофимовичем (10, 98), Ставрогиным (10, 401)
Лебядкина	над Ставрогиным (10, 219)
Ставрогин	над Федькой (10, 221)
общество у Дергачева	над Аркадием (13, 51)
князь Сережа (расхохочется по мнению Дарзана)	над Аркадием (13, 115)
Катерина Николаевна	над Аркадием (сцена из сна Аркадия) (13, 306)
Оля	над Версиловым (13, 146)
Дарзан	над Стебельковым (13, 184)
Бьоринг	над Анной Андреевной (13, 436)
бабы (баба злая, вредная)	над Колей Красоткиным (14, 476)
Перхотин	над стихами Ракитина (15, 17)

Издвательский хохот, так же как и комический, встречается чаще всего в романах «Идиот» и «Бесы». В «Идиоте» хохот с издевкой характеризует Настасью Филипповну, для которой он является своего рода оружием в борьбе с оскорбительными для нее ситуациями. Характерно, что он часто переходит в хохот болезненный: «<...> тут **хохотало** пред ним <Тоцким> и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас же после первого удивления» (8, 36). Похожий хохот можно встретить и у Аглаи, а в «Бесах» — у Лизы Дроздовой. В романе «Бесы» нередко хохот с издевкой возникает в адрес С. Т. Верховенского, одновременно он характеризует Петра Верховенского, «изверга», по определению Степана Трофимовича: «Я так **хохотал**. Вообще твои письма прескучные; у тебя ужасный слог. <...> Но это, это последнее твое письмо — это верх совершенства! Как я **хохотал**, как **хохотал**! | — Изверг, изверг! — возопил Степан Трофимович» (10, 240).

Различие комического и издвательского хохота можно продемонстрировать, сравнив их лексические показатели для некоторых параметров (см. табл. 3).

Таблица 3

Лексические показатели комического и издвательского типов хохота

Параметр	Комический хохот	Издвательский хохот
Как хохочут	От души, во все горло; так, как будто целый год не удавалось смеяться; до слез, как ребенок, простодушнейшим образом, самым простодушным смехом, до слезинок, впуски, до истерики, досыта, как девочка; неудержимым, школьнически веселым смехом; от всего сердца, чрезвычайно и совершенно искренно, схватясь за бока, громко и отрывисто, точно заржал, с треском, безмерно, искренно и весело, внутри, страшно, ужасно; так, что даже и старец не выдержал; своим коротким деревянным смехом, совсем неожиданным; своим неожиданным коротким смехом, точно сам-то дитя	Злобно и неслышно, злобно так, злобно и неистово, желчно, презрительно, нервно и раздражительно; в глаза, прямо в лицо; во всю здоровую глотку, во все горло; отвратительно, как безумная, как иступленная; своим прежним хохотом, то-леньким и со взвизгами

Параметр	Комический хохот	Издевательский хохот
Последствия хохота	Засмеялся вместе с нею, не обиделся, Восторг зрителей беспредельный!, все в восторге, начал наконец смеяться, были в самом возбужденном и непринужденном состоянии духа, стал улыбаться, с радостным и счастливым выражением, решил потешить, вся тоска сразу оставила мое сердце, смеются, не унимаются	Уличил в вероломстве, продолжал с хладнокровием, раздражительно продолжал, хлопнула дверь и вышла, рыдал как в истерике, проговорил в ярости, ненавидно глянула, проскрежетал, обиделся, стиснул зубы, бросился на свою супругу, трепетал от ярости; убит, становилось грустно, лицо позеленело, «Так ты ему в рожу дай»
Эмоциональная окраска хохота	Неудержимый, звонкий, школьнически веселый, сиплый, сиплый, дикий, себе на уме, бесстыдный	презрительный, тоненький и со взвизгами, насмешливый, долгий, звонкий, с переливами и перекатами, наивнейший

В издевательском хохоте можно выделить его семантический максимум — хохот дьявольский, бесовский, он может не иметь конкретного персонифицированного адресата и субъект такого смеха — не просто враждебно настроенная персона с недобрым (часто ситуативным, а не постоянным) отношением к кому-либо, а как бы само воплощение злого начала, отрицательного отношения ко всему. Такова графиня из «Униженных и оскорбленных», о которой Валковский говорит, что «это был сам дьявол во плоти»: «<...> насмешка над всем, о чем графиня проповедовала в обществе как о высоком, недоступном и ненарушимом, и, наконец, этот внутренний дьявольский хохот и сознательное попираание всего, чего нельзя попирать, — и все это без пределов, доведенное до самой последней степени <...>» (3, 364).

Хохот болезненный. Этот смехотип по объему контекстов для слов *хохот* и *хохотать* в произведениях Достоевского занимает третье место после комического и издевательского, так же как и для слов *смех* и *смеяться*²⁵. Болезненный хохот — проявление истерической реакции крайне возбужденного человека, психически и эмоционально находящегося в пограничном душевном состоянии, поэтому такому хохоту часто сопутствуют слезы, он «может обозначать болезненную реакцию на сильнейшее душевное потрясение, напоминающую обычный хохот»²⁶: «Наконец она <мадам Леотар> пошла к княгине

²⁵ Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens. С. 171.

²⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. С. 313.

и объявила ей все, что подметила, — что мы <Неточка и Катя> обе в каком-то иступлении <...> поминутно целуемся, плачем, **хочожем** как безумные, — как безумные без умолку болтаем <...> ей кажется, что княжна в каком-нибудь болезненном кризисе <...>» (2, 221); «Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным **хохотом**, как давеча, как будто сам совершенно не в силах был сдержать себя. И в один миг припомнилось ему до чрезвычайной ясности ощущения одно недавнее мгновение, когда он стоял за дверью, с топором, топор прыгал, они за дверью ругались и ломились, а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, **хохотать, хохотать, хохотать!** | — Вы или сумасшедший, или... — проговорил Заметов...» (6, 126); «Аделаида давно уже заметила в подергивающихся чертах лица Аглаи признаки быстрого и неудержимого смеха, который она сдерживала покамест изо всей силы. Аглая грозно было посмотрела на рассмеявшихся сестер, но и секунды сама не выдержала и залилась самым сумасшедшим, почти истерическим **хохотом**; наконец вскочила и выбежала из комнаты» (8, 427). В крупных романах болезненный хохот отличает многих персонажей — как женских, так и мужских. В «Преступлении и наказании» это Раскольников, Катерина Ивановна; в «Идиоте» — Настасья Филипповна, Аглая, Рогожин, Ипполит; в «Бесах» — Лиза, Ставрогин; в «Подрутке» — Версиллов; в «Братьях Карамазовых» — Лиза Хохлакова. В «Записках из Мертвого дома» есть указание и на случай такого хохота клинического больного: «<...> вдруг его <Острожского> ввели к нам в палату как сумасшедшего. Он вошел с визгами, с **хохотом** и с самыми неприличными, с самыми камаринскими жестами пустился плясать по палате» (4, 159).

Подведем итоги: 1) слова *хохот* и *хохотать* встречаются в произведениях Достоевского в 5–6 раз реже по сравнению с главными словами синонимического ряда *смех* и *смеяться*; 2) при описании хохота из пары слов *хохот* — *хохотать* чаще употребляется глагол; 3) подобно словам *смех* и *смеяться*, слова *хохот* и *хохотать* также распределяются по шести смехотипам; 4) употребления слов *хохот* и *хохотать* чаще всего относятся к комическому типу, на втором и на третьем месте хохот издевательский и болезненный; 5) подобно *смеху*, *хохот* может быть персонализированным и характерологическим; 6) в художественном наследии писателя можно отметить четыре произведения, отличающиеся значительной частотой употребления слов *хохот* и *хохотать*, — «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы».

Библиографический список

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М., 1963. 363 с.
- Винокур Г. О. Глагол или имя (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь. Л., 1928. С. 75–93.
- Злочевская А. В. Стихия смеха в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура: альманах. № 1 (ч. 1–3). СПб.–М., 1993. С. 25–47.
- Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1996. С. 160–186.
- Комарова Т. С. «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 26 с.
- Кунильский А. Е. Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994. 85 с.
- Латишин И. И. Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1933. С. 31–50.
- Мухина С. А. Феномен комического в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 251 с.
- Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.2023).
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000. 487 с.
- Понкратова Е. М. Смеховое и комическое в эстетике и поэтике Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 20 с.
- Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М., 2015. 543 с.
- Ружицкий И. В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // Stephanos. 2017. № 6 (26). С. 37–48.
- Ружицкий И. В. ‘Страх’ и ‘смех’ Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483–494.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 17. М.–Л., 1965. 2126 стб.
- Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. V (По–С) / гл. ред. Ю. Н. Караулов, науч. ред. И. В. Ружицкий. М., 2021. 1027 с.
- Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001. 442 с.
- Спивак М. Л. Место и функции смеха в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1986. № 5. С. 70–76.

References

- Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. 2nd ed. Moscow, 1963. 363 p. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N., Ginzburg E. L. Homo Ridens. In: *Slovo Dostoevskogo*. Moscow, 1996. Pp. 160–186. (In Russ.)
- Komarova T. S. “*Smekhovoi portret*” *kak sredstvo kharakteristiki personazha v tvorchestve Dostoevskogo 1846–1859 gg.* [“A portrait of a laugh” as a means of

- characterizing a character in Dostoevsky's works of 1846–1859]: thesis of dissertation of PhD in Philology. Magnitogorsk, 2008. 26 p. (In Russ.)
- Kunil'skii A. E. *Smekh v mire Dostoevskogo* [Laughter in the world of Dostoevsky]. Petrozavodsk, 1994. 85 p. (In Russ.)
- Lapshin I. I. *Komiceskoe v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [Comic in the works of Dostoevsky]. In: *O Dostoevskom*. Praga, 1933. Pp. 31–50. (In Russ.)
- Mukhina S. A. *Fenomen komicheskogo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [The phenomenon of the comic in the works of F. M. Dostoevsky]: dissertation of PhD in Philology. Moscow, 2012. 251 p. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2023. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 30.08.2023). (In Russ.)
- Novyi obiasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka*, iss 2. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, 2000. 481 p. (In Russ.)
- Ponkratova E. M. *Smekhovoe i komicheskoe v estetike i poetike F. M. Dostoevskogo* [Laughter and comic in the aesthetics and poetics of F. M. Dostoevsky]: thesis of dissertation of PhD in Philology. Tomsk, 2012. 20 p. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. *Iazyk Dostoevskogo: idioglossarii, tezaurus, eidos* [Dostoevsky's language: idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, 2015. 543 p. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. "Smekh" Dostoevskogo glazami leksikografa [Dostoevsky's "laughter" through the eyes of a lexicographer]. *Stephanos*, 2017, no. 6 (26), pp. 37–48. (In Russ.)
- Ruzhitskii I. V. 'Strakh' i 'smekh' F. M. Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky's 'fear' and 'laughter']. *Neofilologiya*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 483–494. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*: in 17 vols., vol. 17 [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow — Leningrad, 1965. 2126 col. (In Russ.)
- Slovar' iazyka Dostoevskogo: Idioglossarii*. Vol. V (Po — S) [Dictionary of Dostoevsky's language: Idioglossary]. Moscow, 2021. 1027 p. (In Russ.)
- Slovar' iazyka Dostoevskogo: Leksicheskii stroi idiolekta*. Iss. 1 [Dictionary of Dostoevsky's language: Lexic structure of idiolect]. Moscow, 2001. 442 p. (In Russ.)
- Spivak M. L. Mesto i funktsii smekha v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The place and functions of laughter in the works of F. M. Dostoevsky]. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 9. Filologiya*, 1986, no. 5, pp. 70–76. (In Russ.)
- Vinokur G. O. Glagol ili imia (Opyt stilisticheskoi interpretatsii) [Verb or name (Experience of stylistic interpretation)]. In: *Russkaia rech'*. Leningrad, 1928. Pp. 75–93. (In Russ.)
- Zlochevskaya A. V. Stikhiia smekha v romane "Idiot" [The element of laughter in the novel "The Idiot"]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*: al'manakh, no. 1 (parts 1–3). Saint Petersburg — Moscow, 1993. Pp. 25–47. (In Russ.)

А. Л. РЕНАНСКИЙ *

ORCID: 0009-0009-9010-0534

**АНАМНЕЗ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА
(«ДВОЙНИК» ДОСТОЕВСКОГО)**

Аннотация: В статье ставится под сомнение традиция истолкования «Двойника» как истории сумасшествия главного героя, восходящая к первому отзыву В. Белинского о повести и до сих пор определяющая ее восприятие. В статье подробно описаны духовно-душевные и когнитивные акты Голядкина, получившие всестороннее выражение в эмотивной и ментальной лексике повести, отличающейся особым многообразием и высокой частотностью. Нарративную технику «Двойника» можно определить как поток чувственного сознания, как стенограмму эмоциональных и ментальных проявлений героя. Психограмма Голядкина, имманентно присутствующая в лексике повести, свидетельствует о том, что его мироощущение определяют фрустрационные эмоции, но мотив сумасшествия героя своего объективного выражения в ней не получил.

Ключевые слова: Достоевский, «Двойник», Голядкин, Голядкин-младший, департамент, сердце, чувство, предчувствие, эмотивная лексика, душевные, ментальные и когнитивные акты.

ALEXANDER RENANSKY

**ANAMNESIS OF MR. GOLYADKIN
(“THE DOUBLE” BY DOSTOEVSKY)**

Annotation: The article questions the tradition of interpreting “The Double” as the story of the protagonist’s madness, which goes back to the first review by V. Belinsky about the novel and still determines its perception. The article describes in detail the spiritual, mental and cognitive acts of Golyadkin, which received a comprehensive expression in the emotive vocabulary of the novel, which is distinguished by a special variety and high frequency. Golyadkin’s psychogram, which is immanently present in emotive vocabulary, reflects

---

* Александр Леонидович Ренанский, д-р филол. наук, проф. кафедры театрального творчества Белорусского государственного университета культуры и искусства; Alexander Leonidovich Renansky, Dr. in Philology, Professor of the Department of Theatrical Creativity Belarusian State University of Culture and Art. renan@mail.ru

the forms, motives, dynamics of his feelings, their interconnection, and indicates that the motive of the hero's madness did not receive its expression in it.

Key words: Dostoevsky, "The Double", Golyadkin, Golyadkin-Jr., department, feeling, foreboding, emotive vocabulary, spiritual, mental and cognitive acts.

Традиция истолкования «Двойника» как истории сумасшествия главного героя восходит к самому первому критическому отзыву о повести.

В. Белинский воспринял Голядкина «как одного из тех обидчивых, помешанных на амбициях людей, которые так часто встречаются в низших и средних слоях общества. <...> Еще в начале романа, из разговора с доктором Крестьяном Ивановичем, не мудрено догадаться, что г. Голядкин расстроен в уме. Итак, герой романа — сумасшедший!»¹

Аполлон Григорьев определил повесть как «сочинение патологическое, терапевтическое, но несколько не литературное: это история сумасшествия, разанализированного, правда, до крайности, но тем не менее отвратительного, как труп. <...> г. Достоевский до того углубился в анализ чиновничьей жизни, что скучная, нагая действительность начинает уже принимать для него форму бреда, близкого к сумасшествию»².

В сумасшествии Голядкина не сомневался и Н. Добролюбов, однако трактовал его как «мрачнейший протест» против законов мироустройства: «...продолжай он идти своей дорогой, никого не затрагивая, и помни, что все на свете законнейшим образом распределяется <...> — вот и продолжал бы человек жить в прежнем довольстве и спокойствии. Так ведь нет же: встало что-то со дна души и выразилось мрачнейшим протестом, к какому только способен был ненаходчивый г. Голядкин, — сумасшествием...»³

Безнадежный клинический диагноз, который многие русские критики поставили господину Голядкину, можно объяснить тем, что вплоть до начала XX в. сумасшествием довольно часто называли такое поведение или мышление, которые выходило за рамки общепринятых социальных норм. А в Международной классификации болезней, принятой в конце XX в., уже сами понятия «психическое заболевание» и «психическая болезнь» были вообще исключены — вместо них стали использовать термин «психическое расстройство».

Двадцать лет назад термины «душевная болезнь» и «душевнобольной» были подвергнуты критике Европейским судом по правам человека и не только потому, что точному научному определению они не поддаются, но также и потому, что «психиатрия является развивающейся

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 563.

² Григорьев А. А. Петербургский сборник // Финский вестник. 1846. №9, отд. V. С. 30.

³ Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М.; Л., 1964. С. 257.

областью как с точки зрения медицины, так и в аспекте социальных подходов»⁴.

Однако тот диагноз, который был поставлен Голядкину без малого двести лет назад, в современном российском литературоведении сомнений, кажется, не вызывает. В подтверждение этого приведем несколько суждений из трудов ведущих российских дostoеведов. «У Достоевского дан четкий переход старшего Голядкина из “здорового” в “патологическое” состояние: сумасшедший Голядкин все принимает на веру, у него исчезает способность к критическому восприятию происходящего...»⁵

В более поздней работе этот исследователь еще раз поясняет: «Голядкин не сумасшедший — он постепенно сходит с ума. <...> Автор тонко показывает развитие болезни через все более усиливающееся отчуждение сознания героя от действительности...»⁶

Другой автор прямо утверждает: «Герой Достоевского — сумасшедший. Описывается процесс безумия, схождения с ума... на память прежде всего приходят “Записки сумасшедшего” Гоголя, и во многом Достоевский ориентируется на это произведение. На какой почве сходит с ума герой Достоевского? Примерно на той же, что и герой Гоголя. Гоголевский Поприщин тоже титулярный советник, как и Голядкин, он влюбляется в генеральскую дочь»⁷.

И. И. Евлампиев обращает внимание читателя на то, что «достаточно ясно выстроенная писателем тема прогрессирующего безумия Голядкина обретает здесь совершенно новое измерение, которое никак не укладывается в рамки естественной психиатрической интерпретации всех происходящих событий. Здесь психиатрию вновь заслоняет метафизика»⁸.

Однако такого рода истолкования повести не способствуют разгадке ее главной тайны: в чем же заключается та «довольно светлая идея», серьезней которой, по словам Достоевского, он «никогда ничего в литературе не проводил» (26, 65)? В книге о становлении повествовательных форм в творчестве писателя К. Баршт отметил: «Нельзя понять смысл “двойников” Достоевского, не обращая внимания на сами цели авторства, интенции и стратегию душевной жизни творящего художника».⁹

---

⁴ Европейский Суд по правам человека. Вторая секция. Дело Ракевич против России. (Жалоба № 58973/00). Постановление суда. Страсбург. 28 октября 2003 г. С. 690.

⁵ Захаров В. Н. Библиейский архетип «Двойника» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2347>

⁶ Захаров В. Н. Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского? // Незвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2020. № 3. С. 31–53.

⁷ Викторovich В. В. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну. М., 2019. С. 63.

⁸ Евлампиев И. И. Повесть «Двойник» и метафизика «Двойничества» в творчестве Ф. Достоевского // Соловьевские исследования. 2010. № 2. С. 4–18.

⁹ Баршт К. А. Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. С. 255.

Мысль о визите к доктору Крестьяну Ивановичу пришла в голову Голядкина неожиданно. По предположению рассказчика, «господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственного же спокойствия, вероятно, сказать что-то самое интересное» своему врачу (1, 113). При этом обнаружилось, что первый раз Голядкин был у него на приеме еще неделю назад. Что же привело его тогда к известному и, видимо, высокооплачиваемому врачу? Судя по предписаниям Крестьяна Ивановича, причина была основательной: доктор настаивал на том, что пациенту нужно «коренное преобразование всей жизни» и он должен «переломить свой характер» (1, 115). Можно предположить, что уже тогда Крестьян Иванович выявил у господина Голядкина некий синдром душевного подполья и порожденную им душевную немочь, а для излечения предписал довериться «живой жизни»: «Ну, развлечения; ну, там, друзей и знакомых должно посещать, а вместе с тем и бутылки врагом не бывать; равномерно держаться веселой компании». Потом повторил еще раз: «Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клуб посещать <...> Дома сидеть не годится... вам дома сидеть никак невозможно» (1, 115).

Что же «способствующего собственному спокойствию» собирался сообщить Голядкин своему врачу? С трудом подбирая слова, Голядкин так и не смог объяснить доктору подлинную цель своего визита, но все же успел открыть Крестьяну Ивановичу свой главный жизненный принцип: идет он по жизни «особой дорогой» и «себе особо и кажется ни от кого не зависит» (1, 116). Однако взаимопонимания не возникло: «Доктор как-то странно и недоверчиво взглянул на господина Голядкина. Господин Голядкин тоже в свою очередь довольно недоверчиво покосился на доктора» (1, 116). Но, помня о том, что объяснение все же требуется, Яков Петрович постарался придать рассказу о терзающих его обстоятельствах исповедальную откровенность. И Голядкин открывает врачу свою главную тайну: «У меня есть враги, Крестьян Иванович, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить покаялись...» (1, 118)

Кому-то из сослуживцев Голядкина по департаменту эти слова могли бы показаться безумным бредом, но только не врачу. Врач обязан выслушать все тайные признания пациента, ведь без этого он не способен выполнить свое предназначение: помочь ему изменить отношение к своей жизни, к своему социальному окружению и к собственной личности.

После долгого молчания Крестьян Иванович все же попытался прояснить его слова о «врагах», однако Яков Петрович неожиданно уклонился от темы, «решительно и серьезно вставая с места и хватаясь за шляпу» (1, 119).

С самого начала повествования становится очевидным, что источником фрустраций и фобий Голядкина является его департамент. Он вызывает у него «трепещущее ожидание чего-то весьма нехорошего»,

«ожидание хотя бессознательное, темное, но вместе с тем и неприятное» (1, 145).

Опыт служебных отношений и сложившийся комплекс жертвы вызывают у Голядкина постоянное ожидание готовящегося заговора. Свое место службы он воспринимает как игральное поле страстей и стихий: «...так вот у нас игра какова! вот у нас какой ветерок теперь подует...» (1, 151) Неизжитым чувством фрустрации проникнут его рассказ врачу о молодом и удачливом сопернике, успевшем заслужить не только чин асессора, но и благосклонность самой Клары Олсуфьевны. Если бы доктор медицины и хирургии Рутеншиц попытался вдуматься в причины всех этих фрустраций и фобий, то судьба господина Голядкина, наверное, сложилась бы не так плачевно. Однако, выслушав его исповедь и вряд ли что поняв в ней, озабоченный врач, «к изумлению, и к совершенному поражению» своего пациента, объявил, что «тотчас пропишет что следует» (1, 117–118).

Визит, на который Голядкин решил «по вдохновению какому-то», обернулся полным разочарованием. «Этот доктор глуп, — подумал господин Голядкин, забываясь в карету, — крайне глуп. Он, может быть, и хорошо своих больных лечит, а все-таки... глуп, как бревно» (1, 122).

На первый взгляд, это суждение кажется парадоксальным: если доктор действительно глуп, то как же он может хорошо лечить пациентов? Но, видимо, опыт общения с врачами открыл Голядкину, что можно хорошо разбираться в болезнях и при этом ничего не понимать в душах больных.

Начиная с эпохи Возрождения в медицинской практике стала утверждаться этическая «модель Парацельса»: «Сила врача — в его сердце, работа его должна руководствоваться Богом и освещаться естественным светом и опытностью; важнейшая основа лекарства — любовь»¹⁰.

Основу новых взаимоотношений врача и пациента определили постулаты христианской антропологии. Физическое тело человека Парацельс рассматривал «лишь как дом, в котором обитает истинный человек, строитель этого дома; поэтому, рассматривая и изучая этот дом, нельзя забывать главного строителя и истинного хозяина — духовного человека и его душу»¹¹.

Судя по всему, доктор Рутеншиц имел иные представления о телесности и духовности своих пациентов. Вероятно, он выступает в повести как апологет ненавистного писателю антропологического позитивизма (отсюда и «говорящая» фамилия врача, образованная из инверсии слова «шпицрутен», что вводит в повесть мотив насильника и жертвы)¹². В гротескно-пародийной форме сущность этого уче-

¹⁰ Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. М., 2009. С. 84.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Шесть томов «Курса позитивной философии» О. Конта выходили в Париже в период с 1830 по 1842 г.

ния позже будет изложена в толковании Ракитина в «Братьях Карамазовых» (15, 28), в лубочном образе «физиолога-позитивиста», в котором научные представления Клода Бернара вошли в русское общественное сознание середины XIX в. Я. Голосовкер определил это толкование как «манифест первого нового человека, человека с “хвостиками”, который гордо выступает с этой великолепной штукой — “наукой”, химией, протоплазмой без Бога и будущей жизни, которому все позволено, потому что умному человеку все можно»¹³.

В отличие от Клода Бернара — «Бернара презренного», по нравственной оценке Дмитрия Карамазова (15, 35) — и доктора Рутеншица, повествователь «Двойника» воспринимает природу человека как непостижимую тайну и потому так пристально вглядывается во внутренний мир своего героя, которому вряд ли помогут в его недуге и «медикаменты», и «веселые компании». Робкий, растерянный и постоянно «затрудняющийся в словах» титулярный советник «с подслеповой и довольно оплешивевшей фигурой незначительного свойства», является сверхчувствительным персонажем не только русской, но, кажется, и мировой литературы — в повести объемом в 121 страницу слово *чувство* употребляется в речи героя 90 раз!¹⁴

Речевой образ Голядкина отличает уникальное многообразие и высокая частотность эмотивной лексики. Столь же многообразны у Голядкина и невербальные средства выражения чувств. Нарративную технику повести можно определить как «поток чувственного сознания», как стенограмму душевных, ментальных и телесных проявлений героя.

В речи героя о себе или рассказчика о нем упоминаются: *беспокойство, тоска, грусть, маета, вина, раскаяние, невинность, незлобивость, спокойствие, смирение, кротость, беззащитность, терпение, нетерпение, тревога, страх, жуть, ужас, кошмар, испуг, боязнь, трусость, волнение, трепет, дрожь, робость, сомнение, смущение, рассеянность, растерянность, потерянности, пропадание, опадание, оторопь, досада, конфуз, стыд, срам, уныние, плач, рыдание, удивление, изумление, интерес, любопытство, удовольствие, умиление, любезность, любовь, радость, легкость («в душе»), веселье, восторг, ощущение, предчувствие, чувство, поражение, потрясение, ошеломление, терзание, ослабление, истощение, изнеможение, немочь, бессилие, мука, отчаяние, страдание.*

Особое внимание привлекает к себе обширная парадигматика слов с высокой частотностью, которые обозначают ментальные и когнитивные акты героя: *думал, думал-думал, подумал, отдумал, раздумал,*

¹³ Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М., 1963. С. 103.

¹⁴ Феномен сверхчувствительности впервые описала психолог Э. Эйрон в книге «Сверхчувствительная натура. Как преуспеть в безумном мире». Она установила, что этот феномен вызван стремлением личности к более глубокой обработке информации. См.: Эйрон Э. Сверхчувствительная натура. Как преуспеть в безумном мире. М., 2014. С. 416.

раздумывал, размышлял, недоумевал, одумался, вздумалось, уразумел, надумил; решал, рассуждал, размыслил, рассудил; размышлял и сетовал; искал слов для удачнейшего выражения мысли своей; всеми силами старался обсудить и разрешить, собрать кое-как разбитые мысли и зрело обдумать свое положение.

В эмотивной лексике «Двойника» явно различается психограмма Голядкина, отражающая структуру его чувственных актов и их взаимосвязь. Она свидетельствует и о том, что мироощущение героя повести определяют фрустрационные эмоции.

Особенно высокой частотностью отмечена *дрожь* (33 словоформы). Она прослеживается почти по всему тексту повести, выступая не только как симптом нервного возбуждения, но и как репрезентант образа «твари дрожащей».

Подробно описывая треморные акты своего героя, рассказчик фиксирует их локализацию: *дрожит голос, рука, дрожат губы, колени, все жилки, все члены, спина, тело*. Иногда рассказчик отмечает видимые или телесно ощущаемые проявления дрожи: «как лист задрожал», «дрожал как котенок»; «лихорадочная дрожь гуляла острыми и едкими мурашками по всему его телу» (1, 218). Чаще всего ее вызывает некое бессознательное чувство или ощущение, отмеченное знаком модальной неопределенности: «вздрагнул от одного самого неприятного ощущения» (1, 112); «вздрагнул и поморщился от какого-то безотчетного и вместе с тем самого неприятного ощущения» (1, 135); «дрожа всем телом от какого-то болезненного ощущения» (1, 180); «вздрагнул от какого-то странного ощущения» (1, 227). От «внутреннего волнения» у Голядкина дрожала рука, голос, от ужаса он вздрагивал. Лишь однажды дрожь была вызвана мыслью, «что, может быть, неблагопристойный близнец его, набрасывая ему шинель на голову, имел именно целью похитить письмо...» (1, 220)

При описании сильного душевного напряжения *дрожь* сменяется *трепетом*, источником которого чаще всего становятся сердце и голос: «...торопливо, суетливо, с маленьким трепетанием сердца <Голядкин> сбежал с своей лестницы» (1, 112); «...чувствуя, впрочем, сильное трепетание сердца и дрожь во всех членах, побежал он вслед за приятелем своим вверх по лестнице» (1, 193); «Сердце затрепетало от избытка чувств в груди героя нашего» (1, 226); «— Это речь врагов моих, — ответил он наконец, благоразумно сдерживая себя, трепещущим голосом» (1, 202); «— Сколько с меня, братец? — спросил наш герой трепещущим голосом» (1, 208); «— Я сейчас, мой друг; я, мой друг, знаешь, тотчас; я, мой друг, тотчас же, — отвечал господин Голядкин трепещущим и изнывающим голосом» (1, 222).

Сравнение сходных речевых конструкций с использованием этих синонимов свидетельствует, что *трепет* отличается большей экспрессией, чем *дрожь*: «А между тем какое-то новое ощущение отозвалось во всем существе господина Голядкина: тоска не тоска, страх

не страх... лихорадочный трепет пробежал по жилам его. Минута была невыносимо неприятная!» (1, 140); «— Я, Антон Антонович, не выгоял его, — проговорил, затрепетав, наш герой...» (1, 198)

Другими сквозными мотивами повести являются *страх* (31 словоформа), *ужас* (31), *тоска* (24), *смущение* и *конфуз* (12 и 18). Впервые мотив страха возникает в самом начале повествования: «Все это утро прошло в страшных хлопотах у господина Голядкина» (1, 122). Окончательное пробуждение Якова Петровича произошло в тот момент, когда он попал «наконец в ту идею, около которой вертелись до сих пор рассеянные, не приведенные в надлежащий порядок мысли его» (1, 109). Этой идеей — и влекущей, и страшашей Голядкина — он будет движим во всех своих «страшных хлопотах»¹⁵.

Встав с постели, Яков Петрович достал из бумажника «утешительную пачку государственных ассигнаций» и тщательно пересчитал их, испытывая удовольствие от приятной и знатной суммы в семьсот пятьдесят рублей. Затем занялся осмотром своего Петрушки, костюмированного в подержанную лакейскую ливрею, «взятую напрокат для какого-то торжественного случая» (1, 111). После этого, весьма тщательно обрившись и вымывшись, Яков Петрович облачился в новехонький вицмундир и уселся в «голубую извозчицью карету, с какими-то гербами», нанятую на один день за двадцать пять рублей ассигнациями (напомним, что квартира Макара Девушкина обходилась ему в «двадцать четыре с полтиною» в месяц).

Сцены торжественных утренних сборов со всем их антуражем можно определить как «театр для себя», где титулярный советник вживается в новую, более интересную и сложную роль, чем та, которую он играл прежде. В этой новой роли Голядкин будет мнить себя покорителем возделенного берендеевского мира, а может быть, даже и сердца Клары Олсуфьевны.

И вот «с шумом и громом, звеня и треща», Голядкин катится в голубой карете, но вдруг замечает идущих сослуживцев. Их вид сразу же вызвал у Якова Петровича «самое неприятное ощущение», так что он «торопливо, даже со страхом прижался в самый темный уголок своего экипажа» (1, 112).

Страх возникает и в сцене с Крестьяном Ивановичем, когда в Голядкине вдруг произошла «какая-то странная перемена» и он совсем неожиданно заплакал, а потом «боязливо и шепотом» открылся о своих врагах. Когда же он вышел от доктора и вновь увидел голубую карету, «какое-то странное и крайне неприятное ощущение охватило всего господина Голядкина» (1, 122). Недавний нервный срыв, видимо, сильно поколебал его уверенность в способности к избранной роли. Он ведь и сам только что признался Крестьяну Ивановичу,

---

¹⁵ Это обстоятельство позволяет рассматривать «Двойник» как претекст «идеологического романа».

что любит тишину и спокойствие, а не светский шум, что человек он простой, незатейливый и маленький, но к счастью своему, не только не жалеет, но «даже гордится тем, что не большой человек, а маленький» (1, 117).

Чтобы вернуть утраченную уверенность в себе, Яков Петрович заходит в Гостиный двор, где разыгрывает роль живущего на широкую ногу рачительного семьянина. Он сторговал там «полный обеденный и чайный сервиз с лишком на тысячу пятьсот рублей ассигнациями». Потом забежал в меняльную лавочку, разменял крупную ассигнацию на мелкую, отчего его бумажник «значительно потолстел, что, по-видимому, доставило ему крайнее удовольствие» (1, 122). В другой лавке Яков Петрович наторговал на знатную сумму «разных дамских материй», а в известном магазине — «мебели на шесть комнат». Но и в избранной здесь роли удержаться было нелегко. «Даже, и Бог знает по какому случаю, стали его терзать ни с того ни с сего угрызения совести» (1, 123). И все же «театр для себя» продолжился: Голядкин отправляется в один известный ресторан на Невском проспекте, чтобы закусить, «как закусьевает человек, у которого в перспективе богатый званый обед» (1, 123).

Свое изгнание из влекущего мира тайного советника Берендеева титулярный советник не только ощутил как «падение в бездну», но и осознал его как идею «своего недавнего страшного падения» (1, 139).

Еще разительней атмосфера страха становится после роковой встречи героя со «знакомым незнакомцем». Страх вызывает в душе Голядкина *беспокойство, безотчетную тоску, трусость, потерянность, лихорадочный трепет, ужас, потрясение, терзание и муки*. Эти переживания доводят его до *отчаяния, ослабления, истощения сил, изнеможения, забвения* и почти полной утраты духа. В ту ночь Голядкину начало открываться его истинное положение, и тогда он «срывался как бешеный с места и бежал, бежал без оглядки, как будто спасаясь от чьей-то погони, от какого-то еще более ужасного бедствия...» (1, 139)

Утреннее пробуждение Голядкина не только не возвращает его к обыденной реальности, но вновь ввергает в переживание событий вчерашнего дня и той страшной ночи. Только теперь они открылись ему «разом, вдруг, во всей ужасающей полноте». К тому же Голядкин сознавал, что в департаменте «у них там что-то приготавливается, что у них там есть кто-то другой» (1, 144). Потом Яков Петрович почувствовал боязнь «очной ставки с Петрушкой»: ведь именно он отворил вчера дверь тому таинственному человеку и пошел за ним в комнаты со свечою в руках.

Шестая глава отличается повышенной частотой и разнообразием эмотивной лексики, особенно с момента прихода Голядкина в департамент. Только войдя в свое отделение, он сразу ощутил робость и пережил «бессознательное, темное ожидание чего-то нехорошего» (1, 145).

После появления новоприбывшего чиновника Голядкин испытал «величайшее удивление», он был поражен, испуган и «горел на мелком огне», почувствовав, что «сбывается с ним небывалое и доселе невиданное» и ощутив «всю невыгоду быть в таком пасквильном деле первым примером» (1, 146). От этих переживаний он даже «остолбенел от изумления» и «на время у него язык отнялся» (1, 148). Поразил Голядкина не столько реальный чиновник-однофамилец, пусть и с близким сходством, сколько материализовавшаяся в нем служебная рутина департамента. От ее вторжения в жизнь «подлинного» господина Голядкина «он даже стал, наконец, сомневаться в собственном существовании своем» (1, 147). Только потом у него возникло предчувствие, что этот двойник появился тут «по особому поручению» (1, 162), ведь в окружающем Голядкина мире ничто не может свершаться как-то иначе.

Одним из сквозных мотивов повести является *тоска*. Этимология этого слова по Фасмеру восходит к праславянскому *тъska*, от которого произошла древнерусская *тъска* — «стеснение, горе, печаль; беспокойство, волнение»¹⁶. В. Даль считал ее родственной глаголу *тискать* (от древнерусского *тищати* — «напирать») и описал как сложное переживание, выделяя в нем такие ощущения: «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь»¹⁷.

Голядкин свою тоску переживал как *странную, темную, неопи- санную, страшную, неестественную, неистоцимую*. Она возникала у него в моменты душевных кризисов, в состоянии потрясения или после «припадка и столбняка ужаса», когда «мысли как-то ни о чем не вязались в его голове». Тоска его «давила и мучила», лишала «смысла и памяти», вызывала чувство, «как будто кто сердце выедал из груди», дорастала «до последней степени своей агонии» и доводила до изнурения. Мучимый тоской, он начинал желать, чтобы вызвавшие ее обстоятельства поскорее разрешились, «хоть и бедой какой-нибудь» (1, 146). Временами Голядкина буквально охватывала «странная темная тоска», которую было невозможно «оттолкнуть от себя, сбросить с себя» (1, 140). Порой тоска сопровождалась «неясными воспоминаниями, безобразными видениями, — одним словом, всем, что только можно найти неприятного...» (1, 184)

На первый взгляд неожиданно в лексике шестой главы появляется *любовь*. Впервые это слово возникает в речи Голядкина после того, как Антон Антонович успокаивает его относительно новоприбывшего чиновника: «Это недурно; это, стало быть, наиприятнейший оборот дела приняли, <...> — Так дело-то наше обыкновенное дело. Так все пустячками кончается, ничем разрешается. В самом деле, никто

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. С. 88.

¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 422.

ничего, и не пикнут, разбойники, сидят и делами занимаются; славно, славно! я доброго человека люблю, любил и всегда готов уважать...» (1, 151) Затем это слово вновь возникает во внутренней речи Голядкина. Убедившись в отсутствии опасности, согласившись с назначением своего однофамильца и даже одобрив его, он «почувствовал себя, точно в раю»: «Ведь вот судьба! — говорил наш герой, — неожиданный переворот всего дела. И погодка-то разгулялась, и морозец, и саночки. А мороз-то годится русскому человеку, славно уживается с морозом русский человек! Я люблю русского человека. <...> Эхма! да ну, ничего!» (1, 151–152)

В седьмой главе гость Якова Петровича, новопоступивший чиновник, которого еще утром в департаменте он воспринял как «ужас, срам и вчерашний кошмар», вел себя «как благородный нищий в заштопанном фраке и с благородным паспортом в кармане» (1, 154). Он не только оценил «великодушные и добродетельные» хозяина, но и признался, что почувствовал к нему «влечение с первого взгляда» (1, 155).

Описывая встречу двух Голядкиных, должного и наличного, рассказчик отметил такие чувственные и ментальные проявления своего героя: он «испытал смущение», «был в умилении, был истинно тронут», все слова гостя «ложались на сердце его, словно манна небесная», так что хозяин дома, забыв былые сомнения, «разрешил свое сердце на свободу и радость» (1, 156). А из-за вчерашней тревоги при появлении в департаменте ночного незнакомца Яков Петрович «мысленно сам себя пожаловал в дураки». В обществе гостя, который оказался «весьма любезным человеком во всех отношениях», хозяин «чувствовал себя в прекрасном расположении духа, развеселился, разыгрался, расходился понемножку...» (1, 156)

Сблизившись со своим двойником, и тем самым обретя искомую экзистенциальную полноту, Голядкин-старший впервые испытал чувство удовлетворения, ощутил совершенное спокойствие, бесстрашие и даже готовность вызвать всех своих врагов «на самый решительный бой» (1, 157). А пережив эти чувства, он «расходился вполне и стал вдруг почти совершенно счастлив» (1, 157). И уже «братски любя» своего гостя, открыл перед ним манящие перспективы их будущей жизни: «Мы с тобой, Яков Петрович, будем жить, как рыба с водой, как братья родные; мы, дружище, будем хитрить, заодно хитрить будем; с своей стороны будем интригу вести в пику им...» (1, 157)

Однако ни пять стаканов пунша, ни даже чувство «необыкновенного счастья» не смогли заглушить смутный голос подсознания: «Тут довольно странное ощущение отозвалось во всем существе господина Голядкина, что-то похожее на сомнение или раскаяние» (1, 159).

Неожиданное исчезновение вчерашнего гостя вызвало удивление и недоумение, а душевные излияния недавнего дружеского застолья стали восприниматься как «гнусное обстоятельство» (1, 160). Думая, что гость еще вернется, Яков Петрович решил ему «на дверь указать»

или «сравить» с Петрушкой, но тут же возвал к Богу: «А дай-то Господи, если б пришел! Весьма был бы рад я, если б пришел он; много бы дал я, если б пришел...» (1, 161) Тем больше поразила Голядкина новая встреча со вчерашним «знакомцем, другом и приятелем», так что он «остолбенел на мгновение» и «у него отчего-то заходили мурашки по телу» (1, 162). Но тот даже не узнал Якова Петровича и, приняв за постороннего, стал разъяснять ему принятую в департаменте форму служебных отношений. А узнав, лишь улыбнулся «официальной и форменной» улыбкой чиновника «по особым поручениям» и тут же скрылся. Вскоре, усыпив бдительность Голядкина-старшего «сочувствием и участием», он коварно завладел его служебной бумагой, присвоив результаты труда старого титулярного советника, и самолично представил ее директору «для приобретения ласки начальства» (1, 175). Но совершенно потерявшемуся, «едва слышавшему пол под собою» Голядкину (1, 166) пришлось пережить еще более глумливую комедию, которую на глазах сослуживцев разыграл с ним Голядкин-младший — совершенное воплощение недосягаемого для него служебного идеала. Опомнившись после этого, Яков Петрович «сознал в один миг, что погиб, уничтожился в некотором смысле, что замарал себя и запачкал свою репутацию, что осмеян и оплеван в присутствии посторонних лиц, что предательски поруган тем, кого еще вчера считал первейшим и надежнейшим другом своим» (1, 167). При этом он еще раз осознал, что все свидетели его поругания «в стачке друг с другом — один за другого стоит и один другого на меня натравляет» (1, 167).

Публичное посрамление поначалу вызвало желание протестовать, и Голядкин даже поклялся «в глубине сердца своего» исполнить одно решение, которое сложил «в глубине души своей» (1, 167). Вскоре, однако, он начал «немного раскаиваться, что вступился за себя и за право свое и тут же получил за то неприятность» (1, 168).

Чувствуя поначалу, что он не побежден и готов бороться, Голядкин со временем начинает все больше колебаться и сомневаться, пока, наконец, не задается вопросом: «...из чего же по-настоящему здесь хлопотать? <...> из чего мне маяться, биться, мучиться, себя убивать?» (1, 171). И вот уже историю своего двойника он начинает воспринимать совсем по-иному: «Коли уж судьба, коли одна судьба, коли одна слепая фортуна тут виновата, — так уж его и затереть, как ветошку, так уж и служить ему не давать... да где же тут после этого справедливость будет?» (1, 172) Голядкин находит в этом случае даже «кое-что умиленное»: «...вот, дескать... промысл Божий создал двух совершенно подобных, а начальство благодетельное, видя промысл Божий, приютило двух близнецов» (1, 172). Однако умиление вскоре сменилось сознанием опасности и непредсказуемости происходящего: «Эк ведь черти заварили кашу какую!» Он предчувствует, что в департаменте их могут «перемешать»: честного, добродетельного, кроткого, незлобивого Голядкина с другим — подлецом, с нравом игривым и скверным. А потом

уже этот ненастоящий Голядкин подменит собой Голядкина настоящего, «как ветошку человека подменит» (1, 172).

Предчувствие будущей катастрофы явилось Голядкину в сновидении: «...тут же, сразу, в один миг, одним появлением своим, Голядкин-младший <...> затмил собою Голядкина-старшего, втоптал в грязь Голядкина-старшего и, наконец, ясно доказал, что Голядкин-старший и вместе с тем настоящий — вовсе не настоящий, а поддельный, а что он настоящий...» (1, 185) Тут же открылась ему и собственная отверженность, несовместимость с той рутинной жизнью, в которой так вольготно чувствует себя его двойник: «...господин Голядкин-старший и рта раскрыть не успел, как уже все и душою и телом предались безобразному и поддельному господину Голядкину и с глубочайшим презрением отвергли его, настоящего и невинного господина Голядкина» (1, 185–186).

В сновидческих образах массового нашествия двойников его первого двойника Голядкину открывается инфернальная природа самого двойничества как расщепления на совместимую и несовместимую с социальной средой сущность человека: «...с каждым шагом его, с каждым ударом ноги в гранит тротуара, выскакивало, как будто из-под земли, по такому же точно, совершенно подобному и отвратительному развращенностию сердца — господину Голядкину» (1, 187). Здесь явственно различимы образы «копий копии» из диалога «Софист» Платона, которые он определил как «призрачные подобия»¹⁸, показав возможность существования *не-истины*, которая выглядит совершенно как истина.

Использование музыкального приема остинато в описании нашествия двойников делает сам текст изоморфным той «страшной бездне совершенно подобных». В музыкальной культуре XX в. этот прием часто использовался для воплощения образов безличной, бездушной, немолимой силы в ее стремлении подавить и загубить все живое¹⁹.

В описании сновидческого кошмара Голядкина мотив совершенного подобия повторяется шесть раз: «...выскакивало, как будто из-под земли, по такому же точно, **совершенно подобному**... все эти **совершенно подобные** пускались тотчас же по появлении своем бежать один за другим... так что некуда было убежать от **совершенно подобных**... народилась, наконец, страшная бездна **совершенно подобных**... вся столица запрудилась наконец **совершенно подобными**, и полицейский служитель, вида таковое нарушение приличия, принужден был взять этих всех **совершенно подобных** за шиворот...» (1, 187) Эти «совершенно подобные» двойники, вероятно, подтверждают приоритет Достоевского в открытии феномена симулякра: ведь латинское

¹⁸ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 300.

¹⁹ Ритмическое остинато определяет всю структуру «Болеро» М. Равеля и зловещий образ «эпизода нашествия» в первой части Седьмой симфонии Д. Шостаковича.

simulacrum и означает *подобие*²⁰, а это одно из ключевых слов в лексике «Двойника».

Пророческие сны вызвали у Голядкина оцепенение, леденящий ужас и в то же время решимость преломить судьбу: «Не будет же этого!» (1, 187) Неожиданное отсутствие в доме Петрушки, исчезновение написанного накануне вечером письма сослуживцу Вахрамееву и появление в его вчерашнем письме каких-то новых, «с первого взгляда неясных пунктов» открыло Голядкину «главный узел» задуманной против него интриги: «...в гнезде этой скаредной немки кроется теперь вся главная нечистая сила!» (1, 188) Открылась ему и подлинная причина появления «мерзавца» в департаменте: «Они его давно уж держали, приготавливали и на черный день припасали» (1, 188). Осознав это, Яков Петрович решает «на самые крайние меры» в попытке воссоединить себя самого как должного с самим собой насущным — письмо Голядкину-младшему он заканчивает прямым вызовом: «...пребываю готовым на услуги и — на пистолеты» (1, 188).

Тогда ему казалось, что время для отпора еще не потеряно, но, придя в департамент, он сразу ощутил, что ночное предчувствие о неминуемой отверженности уже сбылось. «Неприятно был он поражен какою-то всеобщей холодностью, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью приема. Руки ему не дал никто. <...> Все они смотрели на него с каким-то оскорбительным любопытством» (1, 194). Для этих зрителей Голядкин-млаший и разыграл очередную сцену, чтобы они еще раз убедились, кто из них «истинный и достойный», а кто — «фальшивый и бесполезный». И «предательски оскорбленный» Яков Петрович в который раз «тяжко почувствовал руку врагов на плечах своих» (1, 196).

В эмотивной лексике заключительных четырех глав повести преобладают *ужас* (22 словоупотребления), *тоска* (14), *дрожь* (16), *страх* (11).

Произведение, ключевым мотивом которого является *ужас*, а постоянными чувствами героя — *беспокойство*, *тревога*, *страх* и *отчаяние* — обычно опознается как готический роман или хоррор (английское *horror* и означает «ужас»), а жанр хоррора Л. Геллер нетривиально определил как «ужас-непонимание».²¹ Средоточием ужаса в повести Достоевского является не средневековый замок с привидениями и скелетами в подземельях, не «желтизна правительственных зданий» и не «жесткая порфира государства», а сама рутинная петербургская жизнь со всей ее гнетущей душу фантастической обыденностью.

Постоянный, хотя и неопределенный, а часто беспричинный страх Голядкина таится где-то в глубине текста, а порой и за его пределами.

---

²⁰ А однокоренное *simia* — «обезьяна» — имеет и переносное значение: «глупый подражатель».

²¹ Геллер Л. Страх страшнее страха // Семиотика страха. М., 2005. С. 309–319.

Это страх перед жизнью и перед той стихией в себе, над которой не властны ни разум, ни воля — страх темный, давящий, уродующий и разрушающий личность. Как заметил М. Ямпольский, такого рода страх «оказывается не только бессознательным аффектом, но и сознательным субститутотом вытесненных эмоций, в том числе и самого себя»²². Один из первых исследователей этого феномена философ Эдмонд Бёрк писал в 1757 г.: «Ни один аффект не лишает дух всех его способностей к действию и размышлению так, как страх»²³. Этимологически и паронимастически страх связан со страстью, страданием, болью. Так толкует его и В. Даль: «страдание, муки, маета, мучение, телесная боль, душевная скорбь, тоска»²⁴.

Интонационная природа повести позволяет определить ее как «поэму вопрошания». Если «Философские исследования» Л. Витгенштейна объемом в 340 страниц содержат 784 вопроса (и только 110 ответов), то в повести «Двойник», в четверть меньшей по объему — 440 вопросов, на многие из которых нет и не предвидится ответов, вопросов «вековечных», не решаемых Крестьяном Ивановичем и не решенных Голядкиным, вероятно, самым вопрошающим персонажем Достоевского, с его способностью в каждом факте своего бытия видеть не ответ, а вопрос. Почти все вопрошания Голядкина обращены к самому себе и в большинстве своем это вопросы нравственно-онтологического свойства. Он спрашивает себя о своих поведенческих стратегиях во взаимоотношениях с властью, о всевидящем оке общества, задается вопросом о собственном образе в глазах сослуживцев и об их преступных интригах, спрашивает, отчего бы ему нельзя вести в обществе «сан-фасон» (1, 125) и о своей готовности проникнуть в высший мир, олицетворяемый статским советником Берендеевым, а, попав непрошеным гостем на его «вальтасаровский пир» и чувствуя непреодолимую пропасть между собой и всеми пирующими, задается вопросом: что же делать в случае, когда уж «никак не воротись?» (1, 133). В роковую ночь встречи с двойником Голядкин спрашивает себя о реальности или мнимости происходящего, о необычности своего душевного состояния и даже о том, не сошел ли он с ума? А после ночной встречи с двойником продолжает вопрошать: сон это был или нет, настоящее или продолжение вчерашнего, сон или грезы?

Но самые главные вопросы Голядкина — о своих самоубийственных поступках и сомнительном замысле собственной судьбы — обращены у него к Богу: «Ах ты, Господи Боже мой! <...> на какой конец я все это делал? ведь истинно сам голову сую в петлю их воровскую,

---

²² Ямпольский М. Б. Форма страха // Семиотика страха. М., 2005. С. 339–355.

²³ Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. С. 88.

²⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 414.

сам эту петлю свиваю» (1, 160). «Ну, да, положим <...> мы близнецы... вот уж мы так уродились, что братья-близнецы, да и только <...> И на что это нужно было? И что за надобность тут была такая особенная и никакого отлагательства не терпящая?! Господи Бог мой!» (1, 172) Переживая «критический случай», Голядкин в отчаянии обращается к Богу с вопросом: «Ведь вот: как поступить, Господи Бог мой?» (1, 212) Эти обращения к Господу сохраняются до самого конца «плачевной повести». И уже в полном сознании неотвратимой катастрофы, когда «мысли как-то ни о чем не вязались в его голове» и «тоска, тоска была неестественная», Голядкин, «подавляя глухое рыдание», вновь взывает к Господу: «Боже мой! Боже мой! <...> — подай мне твердость духа в неистощимой глубине моих бедствий!» (1, 220) Заметим, ни у одного из персонажей Достоевского нет столь проникновенных и страстных обращений к Богу.

В представлении рассказчика Голядкин — это прежде всего человек страждущий, отчаявшийся, разрываемый противоречиями, человек, все больше и больше теряющий онтологические и социальные опоры и уже потому достойный сочувствия и сострадания. «Если б теперь посторонний, неинтересованный какой-нибудь наблюдатель взглянул бы так себе, сбоку, на тоскливую побегжку господина Голядкина, то и тот бы разом проникнулся всем страшным ужасом его бедствий...» (1, 138–139)

Ведущим в повести выступает мотив судьбы. Слова «судьба», «доля», «рок», «слепая фортуна» лейтмотивом проходят через всю петербургскую поэму. Драматургию судьбы Голядкина определяют две противоположные стратегии: воля к бытию и самостоятельно неизменно пресекается у него влечением к небытию. Страх перед жизнью и перед самим собой вызывает у Голядкина стремление «стусеваться», «убежать от себя самого», «даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» (1, 139). И все же он смог бросить вызов судьбе. Иннокентий Анненский определил этот вызов как бунт Голядкина за право «быть как все»: «Какой выцветший, вытертый, какой линиялый человечек... И это он-то бунтовал? Да еще как!»²⁵ Мотив бунта возникает и в поэме Юрия Левитанского «Плач о господине Голядкине»:

Господин Голядкин, душа моя,
человече смиренный и тихий,
вольнодумец тишайший, бунтарь незадачливый,
сокрушитель печальный!²⁶

К бунту героя особенно подвинул рок: «Господин Голядкин сам это чувствовал, что рок-то его увлекал» (1, 134). Мотив рока и придает этой

---

²⁵ Анненский И. Ф. Визитка на серой бумаге к «Двойнику» Достоевского // Анненский И. Ф. Книжки отражений. М., 1979. С. 21.

²⁶ Левитанский Ю. Д. Плач о господине Голядкине // Левитанский Ю. Д. День такой-то: Книга стихов. М., 1976. С. 56–57.

петербургской поэме трагический пафос. При этом трагический герой сражается, «исполненный парадоксального чувства, что преграды, стоящие на его пути, и непреодолимы, и в то же время должны быть преодолены во что бы то ни стало, если он хочет достичь полноты своего “я”...»²⁷ Герой «Двойника» тоже борется с фатальной неотвратимостью судьбы «титularного советника», пытаясь проникнуть в недоступный для него берендеевский мир и обрести там свободу вести себя «сан-фасон».

В этой повести Достоевский продолжает разработку темы преодоления человеком поставленных ему пределов: и обществом («Принимать вас не велено-с» — 1, 126), и его собственной природой («дурашка ты этакой, Голядка ты этакой, — фамилия твоя такова!..» — 1, 132).

Авторскую стратегию Достоевского можно описать следующими словами: «Феномен двойничества в произведениях коренится в его попытке описать сознание человека, пытающегося сделать правильный шаг в утверждении своего личного бытия во Вселенной»²⁸.

В поединке с судьбой Голядкину противостояли и рутинные департаментские козни, и экзистенциальные переживания, и природные стихии: «...снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает» (1, 138). От превратностей судьбы он был «как будто молнией пораженный» (1, 140) и «словно громом пораженный» (1, 143). К тому же все природные петербургские стихии, не дававшие Голядкину «ни малейшей пощады и отдыха», «как бы нарочно сообщась», действовали заодно со всеми его врагами (1, 138). Но бунт героя был обречен с самого начала, и причиной тому стало «человеческое, слишком человеческое» сердце Якова Петровича.

Мотивная структура повести свидетельствует о том, что сердце Голядкина — это сокровенный центр его личности: не только вместилище души и средоточие жизненной силы, не только орган чувств и предчувствий, не только внутренний голос сознания и бессознательного, но голос стыда и совести (ведь совесть, по словам апостола, и есть закон, написанный в сердце).

Приступы стыда Голядкин обычно переживал в форме телесных испытаний: он *сгорал от стыда, всыхивал как огонь, сгорал от стыда окончательно, горел на мелком огне и замерзал от стыда и ужаса*. С развитием интриги переживания стыда становятся у него все более драматичными, охватывая уже и духовно-душевную сферу: стыд приводит его в иступление, в отчаяние, в ужас.

Именно стыд ощутил Голядкин в предчувствии своего неизбежного конца, и это чувство стало последним проявлением его угасающего сознания и помраченной души: «Грудь его теснило. Дух занимался. <...> Было как-то стыдно и грустно ему» (1, 216).

---

²⁷ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. От Илиады до Парфенона. М., 1992. С. 175.

²⁸ Барит К. А. Достоевский: Этимология повествования. С. 254.

Душевные состояния своего героя рассказчик описывал в таких проявлениях: *сердце в нем замирало, занывало, оледенилось, болело, страшно билось, насасывало, сильно трепетало, затрепетало от избытка чувств, заныло, как будто кто сердце выедал из груди, по сердцу скребнуло, сердце точил червячок, сердце ему говорило, он разрешил свое сердце на свободу и радость, в глубине сердца своего поклялся исполнить решение, решился бы скрепить свое сердце...*

Стремясь переломить ненавистную судьбу, герой попытался сыграть с ней «славную штуку»: «Только что голубой экипаж успел выехать за ворота, как господин Голядкин судорожно потер себе руки и залился тихим, неслышным смехом, как человек веселого характера, которому удалось сыграть славную штуку и которой он сам рад-радехонек» (1, 112). Но, словно предчувствуя все будущие тяготы с судьбой, смех Голядкина «сменился каким-то странным озабоченным выражением в лице» (1, 112). А после череды испытаний его сердце отвергло эту «штуку», как профанацию судьбы и ее высшего замысла.

Голядкин уже давно предчувствовал, что берендеевский мир станет для него гибельным. В финале повести этот неприступный мир все же открылся и принял его. Оказавшись там не по своей воле, он предстал перед статским советником «в неистощимой агонии» (1, 225). Кроткий и безгласный, но с неумолимо звучащим в сердце «вековечным вопросом» Яков Петрович только и смог, что «весьма красноречивым жестом молча указал на свое сердце» (1, 226). И вещее сердце подсказало ему путь примирения и любви: «Голосом, полным рыданий, примиренный с людьми и судьбою и крайне любя в настоящее мгновение не только Олсуфия Ивановича, не только всех гостей, взятых вместе, но даже и зловредного близнеца своего, который теперь, по-видимому, вовсе был не зловредным и даже не близнецом господину Голядкину, но совершенно посторонним и крайне любезным самим по себе человеком, обратился было наш герой к Олсуфию Ивановичу с трогательным изливанием души своей...» (1, 229) Даже глядя в два огненных глаза «ужасного Крестьяна Ивановича», смотревших на него со «зловещею, адскою радостью» (1, 229), Яков Петрович был готов и к нему обратиться с покорностью, смирением и милосердием...

Путь милосердия, смирения и покаяния как способ решения вечных вопросов и составляет, вероятно, ту «светлую идею» «Двойника», о которой Достоевский напишет через тридцать лет после его первой публикации и которая во многом определила экзистенциальную проблематику будущих произведений писателя.

Литература

Анненский И. Ф. Виньетка на серой бумаге к «Двойнику» Достоевского // Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 21–24.

- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9. М., 1955. 804 с.
- Бёрк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. 237 с. .
- Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. Т. 1. Изд. 3-е. М., 1974. 576 с.
- Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. 1. От Илиады до Парфенона. М., 1992. 175 с.
- Викторович В. В.* Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну. М., 2019. 451 с.
- Гартман Ф.* Жизнь Парацельса и сущность его учения. М., 2009. 272 с.
- Геллер Л.* Страх страшнее страха // Семиотика страха. М., 2005. С. 309–319.
- Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант. М., 1963. 103 с.
- Григорьев А. А.* Петербургский сборник // Финский вестник. 1846. №9, отд. V. С. 30–36.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1980. 548 с.
- Добролюбов Н. А.* Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М.; Л., 1964. С. 714.
- Евлампов И. И.* Повесть «Двойник» и метафизика «двойничества» в творчестве Ф. Достоевского // Соловьёвские исследования. 2010. №2. С. 4–18.
- Захаров В. Н.* Библейский архетип «Двойника» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php> (дата обращения: 21.02.2023).
- Захаров В. Н.* Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского? // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2020. №3. С. 31–53.
- Левитанский Ю. Д.* Плач о господине Голядкине // Левитанский Ю. Д. День такой-то: Книга стихов. М., 1982. С. 56–57.
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1993. 528 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. 865 с.
- Эйрон Э.* Сверхчувствительная натура. Как преуспеть в безумном мире. М., 2014. 416 с.
- Ямпольский М. Б.* Форма страха // Семиотика страха. М., 2005. С. 339–355.

References

- Annenskii I. F. Vin"etka na seroi bumage k "Dvoyniku" Dostoevskogo [Vignette on gray paper for Dostoevsky's "The Double"]. In: Annenskii I. F. *Knigi otrazhenii*. Leningrad, 1988. Pp. 21–24. (In Russ.)
- Aron E. *Sverkhchuvstvitel'naia natura. Kak preuspet' v bezumnom mire* [The highly sensitive person. How to Thrive When the World Overwhelms You]. Moscow, 2014. 416 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. *Dostoevskii: Etimologiya povestvovaniia* [Dostoevsky: The etymology of the narrative]. Saint Petersburg, 2009. 456 p. (In Russ.)
- Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii*: in 13 vols., vol. 9 [Complete works]. Moscow, 1955. 804 p. (In Russ.)
- Boerc E. *Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei vozvyshennogo i prekrasnogo* [A philosophical inquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful]. Moscow, 1979. 237 p. (In Russ.)

- Bol'shaia meditsinskaia entsiklopediia*: in 30 vols., vol. 1 [Big medical encyclopedia]. 3rd ed. Moscow, 1974. 576 p. (In Russ.)
- Bonnar A. *Grecheskaia tsivilizatsiia. Vol. 1. Ot Illiady do Parfenona* [Greek civilization. Vol. 1. From the Iliad to the Parthenon]. Moscow, 1992. 175 p. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovnyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*, vol. 4 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1991. 548 p. (In Russ.)
- Dobroliubov N.A. Zabitye ljudi [Downtrodden people]. In: Dobroliubov N.A. *Sobranie sochinenii*: in 9 vols., vol. 8 (p. 714). Moscow; Leningrad, 1964. 714 p. (In Russ.)
- Evlampiev I.I. Povest' "Dvoinik" i metafizika "dvoinichestva" v tvorchestve F. Dostoevskogo [The novel "The Double" and the metaphysics of "doubleness" in the work of F. Dostoevsky]. In: *Solov'evskie issledovaniia*, iss. 2. Moscow, 2010. Pp. 4–18. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, vol. 4 [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1987. 865 p. (In Russ.)
- Geller L. Strakh strashnee strakha [Fear is more terrible than fear]. In: *Semiotika strakha*. Moscow, 2005. Pp. 309–319. (In Russ.)
- Golosovker Ia. E. *Dostoevskii i Kant* [Dostoevsky and Kant]. Moscow, 1963. 103 p. (In Russ.)
- Grigor'ev A. A. Peterburgskii sbornik [Petersburg collection]. *Finskii vestnik*, 1846, no. 9, dep. V, pp. 30–36. (In Russ.)
- Iampolskii M.B. Forma strakha [Form of fear]. In: *Semiotika strakha*. Moscow, 2005. Pp. 339–355. (In Russ.)
- Levitanskii Iu. D. Plach o gospodine Goliadkine [Lamentation for Mr. Golyadkin]. In: Levitanskii Iu. D. *Den' takoi-to: Kniga stikhov*. Moscow, 1982. Pp. 56–57. (In Russ.)
- Platon. *Sobranie sochinenii*: in 4 vols., vol. 2 [Collected works]. Moscow, 1963. 528 p. (In Russ.)
- Viktorovich V.V. *Dostoevskii. Pisatel', zaglianusvshii v bezdnu* [Dostoevsky. The writer who looked into the abyss]. Moscow, 2019. 451 p. (In Russ.)
- Zakharov V.N. Bibleiskii arkhetyip "Dvoinika" Dostoevskogo [The Biblical archetype of Dostoevsky's "The Double"]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki*, 1990, vol. 1. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php.id=2347> (accessed: 21.02.2023). (In Russ.)
- Zakharov V.N. Genial'nyi "Dvoinik": pochemu kritiki ne ponimaiut Dostoevskogo? [The ingenious "The Double": why do critics not understand Dostoevsky?]. *Neizvestnyi Dostoevskii*: electronic scientific journal, 2020, no. 3, pp. 31–53. (In Russ.)

И. В. ЛЬВОВА*

**ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ДОСТОЕВСКОГО
В США: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА ДОСТОЕВСКОГО
В АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ 1950–1960-х гг.**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изучения проблемы реализма Достоевского в американском литературоведении 1950–1960-х гг. На примере исследований Д. Фангера, Р. Поджиоли, Д. Франка, Р. Джексона и др. анализируется, как в этот период происходит пересмотр представлений о реализме Достоевского. Показывается, что новый взгляд на эту проблему выразился в стремлении установить связь реализма Достоевского с предшествующей традицией, законами жанра, а также с эстетическими представлениями писателя; одним из дискуссионных вопросов оставалась природа реальности, изображаемой Достоевским. Доказывается, что в этот период американское литературоведение формирует представление о Достоевском как об особом реалисте, утвердившем новые способы изображения действительности, расширившем границы реалистического, изменившем представления о правдоподобию, использовавшем новые приемы и тем самым оказавшем воздействие на американский роман.

Ключевые слова: реализм, фантастический реализм, романтический реализм, американское литературоведение, рецепция.

I. V. L'VOVA

**FROM THE HISTORY OF DOSTOEVSKY'S PERCEPTION
IN THE USA: THE PROBLEM OF DOSTOEVSKY'S REALISM
IN AMERICAN CRITICISM OF THE 1950–1960s**

Annotation: The article examines the study of Dostoevsky's realism in American literary criticism in the 1950–1960s. It is based on the studies by D. Fanger, R. Poggioli, J. Frank, R. Jackson and other scholars. It discusses how the ideas about Dostoevsky's realism were revised in their works. It shows that a new approach at this problem was aimed at the establishing a connection

---

* Ирина Вильевна Львова, д-р филол. наук, проф. Петрозаводского государственного университета; Irina Vilyevna Lvova, Dr. of Philology, Professor of Petrozavodsk State University. ilvovaster@gmail.com

between Dostoevsky's realism and the previous literary tradition, the laws of the genre, as well as the aesthetic ideas of the writer, one of the controversial issues of these studies was the nature of the reality depicted by Dostoevsky. The article shows that American literary criticism in 1950–1960s formed the perception of Dostoevsky as a special realist, who established new ways of depicting reality, expanded the boundaries of the realistic, changed ideas about verisimilitude, used new techniques, and thereby influenced the American novel.

Key words: realism, fantastic realism, romantic realism, American literary criticism, reception.

Вопрос о формировании представлений о творчестве Достоевского в науке и культуре США невозможно рассматривать без учета характера поисков в один из самых интенсивных периодов освоения наследия русского писателя, который пришелся на 1950–1960-е гг. В это время происходит становление американского достоевсковедения, одной из главных задач которого явились расширение и пересмотр сложившихся представлений о творчестве русского писателя. Наиболее значимой проблемой изучения стал вопрос о реализме Достоевского. Как отмечает известный исследователь творчества русского писателя и составитель обширной библиографии работ о Достоевском В. Ледербарроу, «вопрос о реализме Достоевского и его проблематичном отношении с художественным миром и реальностью был единственным постоянным лейтмотивом в критике Достоевского начиная с 1840-х гг. и до настоящего времени»¹.

Американское литературоведение долгое время ориентировалось на европейские работы о Достоевском. Как известно, Достоевский был представлен в Европе как реалист в то время, когда реализм был еще сравнительно новым термином. На протяжении столетия содержание его менялось, так что в конце концов, по замечанию Л. Я. Гинзбург, «реализм стал понятием чрезвычайно растяжимым»².

Представление о русском реализме сформировалось в значительной степени под влиянием М. де Вогюэ, который связывал его с религией страдания, выразителем которой, по его мнению, был Достоевский. Эти представления сохраняются отчасти и в 1950-е гг. Кроме того, в 1910–1920-е гг., период так называемого культа Достоевского, в европейском литературоведении утверждалась мысль, что его реализм имеет отношение к восприимчивости духовной, метафизической реальности, и в этом состоит его специфика. Появляются новые термины для определения реализма русского писателя: «духовный (spiritual) натурализм» (А. Ярмолинский), «мистический (visionary) реализм» (Я. Лаврин). Так, комментируя термин «духовный реализм Достоевского», Ярмолинский отмечает: «У него нет интереса к объективному миру ради

---

¹ *Leatherbarrow W.J.* Fedor Dostoevsky: A Reference Guide. Boston, 1990. P. V.

² *Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987. С. 7.

него самого. Вещи для него — только тени духовной реальности, отброшенные на стены подземного логова Плутона невидимым светом»³. Термин «мистический реализм» использует Я. Лаврин в книге «Достоевский». Рассматривая характеры у Достоевского, он объясняет их необычность, преувеличенность тем, что они суть проявление действующих сверхчеловеческих сил, смысл которых трудно постигнуть: «Так, есть нечто парадоксальное в преувеличенных характерах Достоевского: они наиболее реальны, когда они меньше всего реальны с точки зрения визионерского реализма»⁴. Это не реалистические персонажи, а идеи: «Он не заботился о традиционном единстве характера, так как был только знаком с противоречиями человеческого Я. <...> его идеи проверяются жизнью и самой человеческой личностью. Они становятся динамическими “идеями-эмоциями” или действующими идеями (ideas-forces)»⁵

Все эти представления о реализме Достоевского углубляли складывающийся миф о нем как художнике неевропейском, принадлежавшем другой литературной традиции, изображавшем странное, неправдоподобное, исключительное, чуждое американскому и европейскому читателю.

В 1950-е гг. важно было уточнить и дополнить сложившиеся представления о реализме Достоевского. Исследования проблемы реализма Достоевского шли в нескольких направлениях: определения природы реальности, изображаемой Достоевским, установления связи реализма Достоевского с европейской реалистической традицией, мировоззрением писателя и т. д.

Вопросам реализма Достоевского посвящены в эти годы исследования ученых: Р. Поджиоли, Э. Вайваса, Д. Фангера, Р.Л. Джексона, Д. Франка, Т. Пачмас, Д. Рива и др.

Работы Ренато Поджиоли⁶, профессора компаративистики Кембриджского университета, основываются на сложившихся представлениях об особой природе реальности, воссоздаваемой Достоевским. По мнению ученого, хотя реализм Достоевского близок западному, однако его индивидуальные склонности и художественная интуиция заставляли его в рамках реалистического метода с помощью средств, предоставленных этим методом, создавать трансцендентную реальность, разрушая традиционные представления о правдивости, объективности. Поджиоли видит в Достоевском-реалисте мистика, создавшего в своих

---

³ *Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky // New Republic. 1922. September, 27. P. 115–117.*

⁴ *Lavrin J. Dostoevsky: a study. New York, 1969. P. 33.*

⁵ *Ibid. P. 20.*

⁶ *Poggioli R. Dostoevsky and Western realism // The Kenyon Review. 1952. Vol. XIV, no. 1. P. 43–59.* Эта статья позже под заголовком «Dostoevski, or Reality and Myth» вошла в книгу «The Phoenix and the Spider» — одну из самых интересных и авторитетных книг о русских писателях в эти годы (*Poggioli R. The Phoenix and the Spider: A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. New York, 1957.*)

произведениях четвертое измерение. «Метафизическое и сверхъестественное — это четвертое измерение его вселенной, однако она остается проекцией нашего трехмерного мира», — отмечает исследователь⁷. Создание этого четвертого измерения было возможно только благодаря мистическим откровениям, интуиции. При этом «Достоевский никогда не бывает более реалистическим, чем в моменты мистических прозрений»⁸. Способность выразить сверхъестественное, мистическое, ирреальное — определяющая черта реализма Достоевского: «В соответствии с представлениями поэта реальность в основном постигается через личную, почти мистическую, интуицию. Реализм Достоевского, таким образом, является и проекцией, и интроспекцией одновременно»⁹. Эту же тенденцию изучения специфики реализма Достоевского — рассмотрение характера реальности, созданной Достоевским, и материальной реальности — продолжает работа профессора философии Нортвестернского университета Э. Вайваса «Два измерения реальности в “Братьях Карамазовых”». Она была опубликована в 1951 г. и перепечатана в сборнике «Достоевский. Сборник критических статей» под редакцией Р. Уэллека¹⁰. Вайвас при анализе исходит из особенностей мировоззрения Достоевского, утверждая, что «Достоевский рассматривает человеческую судьбу с точки зрения иррационализма, которая является более радикальной, чем у Шопенгауэра и Ницше. В его иррационализме — источник всех его прозрений, теологических, психологических и политических»¹¹. Создание двух реальностей не только не противоречит реалистическому методу Достоевского, но, как пишет Вайвас, именно «психологический и метафизический уровни и создают конкретную реальность мира людей у Достоевского»¹².

Если Вайвас определяет специфику реализма Достоевского через описание типов реальности, созданных писателем, то в книге профессора Стэнфордского университета (отделение славянской филологии) Дональда Фангера «Достоевский и романтический реализм. Исследование Достоевского в отношении к Бальзаку, Диккенсу и Гоголю»¹³ особенности реализма Достоевского ищутся в законах жанра, когда социальный контекст представлен средствами мелодрамы и готического романа. Основной акцент делается на романтических истоках творчества Достоевского.

---

⁷ Poggioli R. The Phoenix and the Spider. P. 59.

⁸ Ibid. P. 59.

⁹ Ibid. P. 49.

¹⁰ Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Sewanee Review*. 1951. Vol. LIX, no. 1. P. 23–49; перепеч. в сб.: *Dostoevsky. A Collection of Critical Essays* / ed. R. Wellek. New Jersey, 1962.

¹¹ Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Dostoevsky*. P. 88.

¹² Ibid. P. 84.

¹³ Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, Mass., 1965.

Работа Фангера, одно из самых значительных исследований о Достоевском этого периода, базируется на тех же представлениях о природе реальности у Достоевского, однако историзм компаративистской работы заставляет Фангера связать природу реализма Достоевского с европейской реалистической традицией, которой он дает название «романтический реализм». В своем исследовании поэтики романов Достоевского он опирается на работы своих американских предшественников, прежде всего Дж. Гиссинга, Р. Поджиоли, а также русских ученых Л. Гроссмана, М. Бахтина, К. Мочульского. Под реализмом Фангер понимает метод, связанный с постижением некоей высшей «духовной реальности», «осознанием трансцендентных сил, проступающих сквозь трещины видимой вселенной»¹⁴. Задача Фангера — проследить эволюцию реализма Достоевского, его перехода от уровня социального к метафизическому, т. е. к той стадии, которую он называет символическим реализмом. Переходность как специфическая черта реализма Достоевского нашла отражение в термине «романтический реализм», который использует автор.

Для прояснения понятия «романтический реализм» Фангер делает разграничение между чистым реализмом, родившимся во второй половине XIX в. и романтическим реализмом первой половины XIX в. «Реализм может быть рассмотрен двояко: как дискретный (абстрактный) метод, существующий с античности, или как продукт недавнего исторического момента, который должен быть объяснен только в границах его литературной истории»¹⁵, — пишет Фангер.

Фангер обнаруживает и прослеживает связь реализма с романтизмом: он исходит из того, что в центре романтического реализма лежит основополагающий романтический принцип приоритета воображения. Ученый отмечает, что существует «двойственная тенденция: вымышленное общество, когда оно является результатом деятельности великого писателя, возникает в том случае, когда встречаются две проекции: проекция реального мира в воображаемый, который писатель воспроизвел насколько это было в его силах, и проекция в реальный мир персонального мифа, выражающего знание о себе, собственной судьбе, материала, духовных сил, чье поле приложения — человеческое существо. Общепризнано, что писатель делает все возможное, чтобы воспроизвести реальный мир, но его воспроизведение ограничено его видением мира, и его видение есть функция его автобиографии»¹⁶. Если для чистых реалистов важно первенство самого представляемого материала, то для романтических главное — само видение. Результат этого — сильнейшее искажение реальности. «Реальность должна быть описана как романтическая». Романтический реализм, который описывает

---

¹⁴ *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. P. 14.*

¹⁵ *Ibid. P. 3.*

¹⁶ *Ibid. P. 15.*

в исследовании Фангер, — это реализм, вобравший романтическую надежду о возможности преображения мира с помощью поэтического мифа о нем. «Все романтическое движение может рассматриваться как мифопоэтическое возрождение. Романтические реалисты — мифопоэты романа»¹⁷.

Одно из открытий романтического реализма — широкое использование гротеска для «адаптации комических приемов»¹⁸. Понятие гротеска занимает в концепции Фангера огромное место. Оно сформировано под влиянием Вольфганга Кайзера, утверждавшего, что «гротеск — это отчужденный мир. Это наш мир, только трансформированный»¹⁹. Главное открытие Достоевского, исходя из положений Фангера, — это обнаружение трагического гротеска. Часть исследования посвящена тому, как работает гротеск у Достоевского. Фангер отмечает, что у Достоевского комическое, инвертируясь, становится трагическим²⁰. Инверсия гротеска может быть обнаружена, например, в использовании Достоевским такого приема, как скандал. Но для концепции Фангера важнее всего то, что гротеск у Достоевского связан с мифом о городе, служит средством для создания фантастического образа города. «Эстетическая революция, которую произвели реалистические романтики — объединение высокого с гротескным»²¹. Новое значение, которое придал Достоевский гротеску, способствовало расширению границ реалистического.

Говоря о природе реальности у Достоевского, Фангер выделяет два рода реальности. Первая реальность — социальная, связанная с современным писателю литературным и социальным контекстом шестидесятых годов. «Роман Достоевского был актуальным, свидетельством актуальности является значительный реалистический балласт, который он привнес»²². Другая, внутренняя, реальность превращает его в умственный город, «в том смысле, что атмосфера в романе отвечает душевному состоянию Раскольникова и символизирует его»²³. Смешение двух реальностей есть отличительная черта реализма Достоевского. «Петербург был как самое реальное из реальных мест для того, чтобы мы изумились странностям, в нем происходящим; фактически, он является условием для нашего восприятия странности событий, средством для того, чтобы развеять наши сомнения в подлинности происходящего. Но по мере возникновения нашего изумления сам город становится его объектом, и все, что мгновение назад казалось наиболее реальным, в следующий миг может стать самой странной фантазией.

¹⁷ Ibid. P. 17.

¹⁸ Ibid. P. 20.

¹⁹ Ibid. P. 229.

²⁰ Ibid. P. 235.

²¹ Ibid. P. 262.

²² Ibid. P. 190.

²³ Ibid. P. 194.

Диалектический процесс есть отличительная черта Достоевского: сам он называл свой метод “фантастическим реализмом”²⁴.

Интересно, как соотносится романтический реализм и так называемый реализм в высшем смысле Достоевского. Этому посвящен параграф в главе «Поэтика города». У Фангера «реализм в высшем смысле» — это одна из разновидностей романтического реализма.

Фангер начинает раздел с утверждения о неестественности героев и ситуаций у писателя. Объяснение, которое дает Фангер, базируется на общей концепции исследования двух типов реализма и идее мифа о городе как характерной особенности романтического реализма. «Неестественность ситуаций в романах Достоевского вытекает из неестественности городской жизни, из его новых художественных принципов для выражения новых социальных условий и интеллектуальных течений»²⁵. Таким образом, Достоевский расширил сферу реалистического, введя в нее исключительное.

Выдвигая тезис о том, что стремление к невероятному являлось стратегической идеей Достоевского, Фангер возвращается к мысли о двух типах действительности: внешней и внутренней. «Это восприятие привело его к осознанию тонкости той эмпирической линии, которая проходит между фантазией и реальностью, <...> к идее осветить то, что до него не было освещено, — связь между внутренней и внешней действительностью»²⁶. Фангер здесь, как отмечалось, опирается на понимание реализма как отображения особой духовной реальности. Исходя из этого, Фангер дает определение реализма в высшем смысле: «Достоевский концентрирует роман вокруг ключевого события и заставляет своих героев действовать так, чтобы продемонстрировать и прояснить комплекс идей. В этом заключается его новое слово в литературе. Это, кратко говоря, реализм в высшем смысле»²⁷. Итак, интерес к исключительному при сохранении типической детали является реализмом в высшем смысле.

Таким образом, в работе Фангера закрепляется представление о существовании двух типов реальности у Достоевского: социальной — действительной и духовной — метафизической. Автор развивает уже утвердившиеся идеи американских литературоведов, склонных видеть отсылки инобытия за натуралистическим окружением. Эволюция реализма, по Фангеру, заключается в создании второго типа реальности путем введения мифа о городе, представленного романтическими реалистами (Бальзаком и Диккенсом).

Концепция романтического реализма, выдвинутая и обоснованная Фангером, помогла выявить специфику реализма Достоевского,

---

²⁴ *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. P. 134.*

²⁵ *Ibid. P. 214.*

²⁶ *Ibid. P. 219.*

²⁷ *Ibid. P. 215.*

исторически и художественно обусловленную и оправданную, таким образом углубив представления о реализме, традиционно утвердившиеся в американском литературоведении. Само понятие «романтический реализм» является удачным для понимания тех неудобных особенностей реализма Достоевского, которые пытались объяснить исследователи его творчества и которые вызваны совершенно новыми задачами, которые решал Достоевский. Однако концепция базируется на целом ряде положений, которые являются спорными: очевидно, преувеличено значение влияния романтических традиций на писателя, мифа о городе и гротеска в художественной системе Достоевского, понимание природы реальности у Достоевского в целом не изменилось.

Работа Фангера оказала значительное влияние на дальнейшие исследования в США проблемы реализма Достоевского, в том числе на работы Д. Франка. В статье 1969 г. «Открытие Достоевским фантастического реализма»²⁸ Франк останавливается на проблеме феноменологии фантастического реализма и связывает ее с проблемой жанра. Он анализирует, как и почему возник интерес к жанру фельетона и как в этом жанре отразилось меняющееся отношение Достоевского к изображению реальности. Достоевский, по наблюдениям Франка, впервые защищает свой метод фантастического реализма и вновь утверждает свое литературное видение, которое «заключалось в связи между реальностью и фантазией, интуиции реального; оно схватывало и физически необычное, и экстраординарное, таким образом являясь ключом к социальным силам, действующим за поверхностью повседневности»²⁹. Как и Фангера, Франка интересует смещение фокуса на внутренний мир личности, когда причина страданий человека отыскивается не только в социальной жизни, а в морально-психической структуре самого героя.

Значительной вехой в американском достоевковедении 1940–1960-х гг. явилась книга профессора Йельского университета Роберта Льюиса Джексона «Достоевский в поисках формы»³⁰, которая посвящена анализу эстетических взглядов Достоевского. Вопросы реализма Достоевского рассматриваются в главе «Реальность и ее представление в искусстве».

Джексон выступает против позитивистского понимания реальности как фотографического копирования фактов. Он отмечает, что такое видение реальности было чуждо и Достоевскому. Этим объясняется неприятие писателем натурализма и его эстетики. В натурализме отсутствует нравственный центр. «Реальность требует внутренней организующей идеи — нравственной идеи»³¹. Неодухотворенная правда факта является лишь карикатурой.

---

²⁸ *Frank J. Dostoevsky's discovery of 'Fantastic Realism' // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1969. Vol. 27. P. 286–295.*

²⁹ *Ibid. P. 290.*

³⁰ *Jackson R. Dostoevsky's Quest for Form. New Haven; London, 1966.*

³¹ *Ibid. P. 77.*

Еще одна особенность реализма Достоевского состоит, по мнению Джексона, в том, что «видение Достоевским реальности преимущественно религиозное»³². «Настоящая конечная реальность для автора “Братьев Карамазовых” — это трансцендентная реальность универсального христианского идеала»³³. Таким образом, «в самом непосредственном действии реализм охватывает социальную реальность в развитии, в более глубоком действии художественное познание приближается к религиозному откровению»³⁴.

Такой взгляд на реализм Достоевского позволяет Джексону преодолеть те противоречия между реальным и идеальным, трансцендентной и имманентной реальностью, которые стремились объяснить другие исследователи творчества Достоевского. Ученый выдвигает понятие синкретической реальности, точка ее приложения — человек, в котором «смешиваются реальное и идеальное. Именно человек является во всей полноте своего материального и духовного существа, именно он — центр и периферия реальности Достоевского. Это высшая форма представления реальности является высшим реализмом для Достоевского и связана с открытием человеческих поисков идеала, с открытием самого идеала»³⁵.

Таким образом, по мнению Джексона, художественное мышление Достоевского тесно связано с религиозным мышлением, что, в свою очередь, определило специфику его реализма. Фантастический реализм Достоевского — это высокая духовная религиозная реальность, синкретическая реальность. «Роль художника — это роль провидца... факты для него не делятся на реальные и нереальные, действительные и выдуманные; он открывает человеку его самого в завершенности его судьбы и безвременности существования»³⁶.

Попытка «вневременной» интерпретации творчества писателя является отличительной чертой американского достоевсковедения этого периода. Она повлияла и на рассмотрение проблемы реализма Достоевского. Размышлениями о природе реализма открывается книга Д. Рива «Русский роман», в которую включена глава, посвященная «Преступлению и наказанию» Достоевского. Рив утверждает, что реализм — «широкое понятие, которое включает как эстетику, так и политику, как принципы, так и практику»³⁷. Для Рива важной характеристикой русского реализма является этический пафос: «Реалист исходит из того, что существо его работы касается отношений между людьми, и эти отношения могут быть описаны только с точки зрения этической»³⁸.

---

³² Jackson R. Dostoevsky's Quest for Form. P. X.

³³ Ibid. P. 89.

³⁴ Ibid. P. 81.

³⁵ Ibid. P. 91.

³⁶ Ibid. P. 91.

³⁷ Reeve F. Russian Novel. New York, 1966. P. 10.

³⁸ Ibid. P. 11.

Главным критерием реалистического искусства он считает правдивость, т. е. верность действительности. Однако под действительностью Д. Рив традиционно понимает действительность жизни сознания. Открытие Достоевского и состоит в том, что «он обнаружил органическую автономную жизнь сознания»³⁹. «Достоевский не устанавливает никаких границ для сознания, так же как и для реального и фантастического, того, что есть и что кажется»⁴⁰.

Сравнивая роман Бальзака «Отец Горио» и роман Достоевского «Преступление и наказание», Рив отмечает, что новая проблематика произведения (у Бальзака это проблема совершения преступления для собственной выгоды и без риска) заставила Достоевского изменить отношения с реальностью, а следовательно, «он должен был прибегнуть к неевклидовой геометрии»⁴¹. Пространство «Преступления и наказания» есть неевклидово пространство. «В романе даны пространственно-временные отношения, где события происходят в сознании героя, и интервалы между ними обусловлены лишь логикой дискурса или диалектикой действия сознания, которые лежат вне действия законов причинности, как результат совпадений и случайностей»⁴². Такое понимание реализма позволяет автору широко использовать символическую интерпретацию Блэкмура, к которой и прибегает Рив. «Сама книга — это поле битвы между мечтой и действительностью, искусством жизни и возможностью, в символическом смысле нет различия между желанием и свершившимся фактом, соблазном и действием»⁴³, — пишет он.

Таким образом, для американского литературоведения 1950–1960-х гг. характерно использование различных подходов в исследовании проблемы реализма Достоевского. Новый взгляд на эту проблему реализма выразился в признании того, что воплощение позитивистских представлений о реализме является наивным, в стремлении установить связь реализма Достоевского с предшествующей традицией, законами жанра, а также с эстетическими представлениями писателя.

В результате формируется представление о Достоевском как об особом реалисте, утвердившем новые способы изображения действительности, расширившем границы реалистического, изменившем представления о правдоподобии, использовавшем новые приемы и тем самым оказавшем воздействие на американский роман.

---

³⁹ Ibid. P. 169.

⁴⁰ Ibid. P. 170.

⁴¹ Ibid. P. 167.

⁴² Ibid. P. 168.

⁴³ Ibid. P. 192.

Библиографический список

- Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987. 397 с.
- Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, 1965. 307 p.
- Frank J. Dostoevsky's discovery of "Fantastic realism" // *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies*. 1969. Vol. 27. P. 625–635.
- Jackson R. *Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art*. New Haven; London, 1966. 274 p.
- Lavrin J. *Dostoevsky: A Study* // Lavrin J. *Tolstoy: An Approach Bound with Dostoevsky: A Study*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2015. P. 1–158.
- Leatherbarrow W. *Fyodor Dostoevsky: a Reference Guide*. Boston, 1990. 317 p.
- Poggioli R. Dostoevsky and Western realism // *The Kenyon Review*. 1952. Vol. XIV, no. 1. P. 43–59.
- Reeve F. *Russian Novel*. New York, 1966. 395 p.
- Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov* // *Sewanee Review*. 1951. Vol. LIX, no. 1. P. 23–49.
- Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky // *New Republic*. 1922. 27 September. P. 115–118.

References

- Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, 1965. 307 p.
- Frank J. Dostoevsky's discovery of "Fantastic realism". *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies*, 1969, vol. 27, pp. 625–635.
- Ginzburg L. Ia. *Literatura v poiskakh real'nosti* [Literature in search of reality]: Stat'i, esse, zametki. Leningrad, 1987. 397 p. (In Russ.)
- Jackson R. *Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art*. New Haven, London, 1966. 274 p.
- Lavrin J. *Dostoevsky: A Study*. In: Lavrin J. *Tolstoy: An Approach Bound with Dostoevsky: A Study*, 2nd ed. London; New York: Routledge, 2015. Pp. 1–158.
- Leatherbarrow W. *Fyodor Dostoevsky: a Reference Guide*. Boston, 1990. 317 p.
- Poggioli R. Dostoevsky and Western realism. *The Kenyon Review*, 1952, vol. XIV, no. 1, pp. 43–59.
- Reeve F. *Russian Novel*. New York, 1966. 395 p.
- Vivas E. The two dimensions of reality in *The Brothers Karamazov*. *Sewanee Review*, 1951, vol. LIX, no. 1, pp. 23–49.
- Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky. *New Republic*, 1922, 27 September, pp. 115–118.

А. ЗОХРАБ*

ORCID ID: 0000-0001-8931-7813

ЕКАТЕРИНА АЛЬФОНСКАЯ, «НАСТОЯЩИЙ ДРУГ» МАРИИ ФЕДОРОВНЫ ДОСТОЕВСКОЙ, И НИТИ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ ЭТУ ДРУЖБУ С СЕМЬЕЙ ГАРДНЕРОВ

Аннотация: В статье рассматриваются сведения, содержащиеся в «Воспоминаниях» младшего брата Ф. М. Достоевского, Андрея, свидетельствующие о тесной дружбе их матери Марии Федоровны с Екатериной Альфонской. Ссылки на членов семьи Альфонских занимают важное место в подготовительных материалах Достоевского к его неосуществленному романному замыслу «Житие великого грешника»¹. Андрей Михайлович считает примечательным, что их мать похоронена на Лазаревском кладбище рядом с ее бывшей подругой, «рожденной Гарднер». Через призму этой дружбы пересматривается очевидный вклад матери Достоевского в круг его читательских интересов и игр, возможно, отразившийся на его творческом развитии и мироощущении. В статье рассматриваются также дружеские связи между семьей Достоевских и семьями Альфонских и Гарднеров, получившие отклик в произведениях писателя.

Ключевые слова: Мария Федоровна Достоевская, Екатерина Альфонская, семья Гарднер, Главное инженерное училище, английские связи, фарфоровый бизнес, детское чтение, игры в индейцев.

---

* Айрини Зохраб, профессор университета им. Виктории, Те Херенга Вака, Веллингтон, Новая Зеландия; Ayirini Zohrab, Professor at the Victoria University, Te Hering Century, Wellington, New Zealand. irene.zohrab@vuw.ac.nz

¹ Г. А. Чулков указывает на «ряд записей об Альберте, <...> названном в “Подростке” Ламбертом; эпизод измены второй жены Альфонского на глазах “мальчика”, перешедший в черновые тетради к “Подростку”, но не включенный в окончательный текст...» (Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М., 1939. С. 193–195). См. также: Богданова О. А. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов. Поэтика и текстология в исследованиях 1920–1940-х гг. // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 752.

EKATERINA ALFONSKAYA, A “TRUE FRIEND” OF MARIA
FYODOROVNA DOSTOEVSKAYA, AND THE THREADS
CONNECTING THIS FRIENDSHIP WITH THE GARDNER
FAMILY

Annotation: The article examines the information contained in the “Memoirs” of F.M. Dostoevsky’s younger brother Andrey, testifying to the close friendship of their mother Maria Fedorovna with Ekaterina Alfonskaya. References to members of the Alfonsky family occupy a prominent place in Dostoevsky’s preparatory materials for his unrealized idea for a novel “The Life of a Great Sinner”. Andrey considers it remarkable that their mother is buried at the Lazarevsky cemetery next to her former friend “born Gardner”. Through this friendship’s prism, the apparent contribution of Dostoevsky’s mother to his reading and games is reviewed, which may have affected his creative development and worldview. Possible threads connecting Dostoevsky with the related families of the Alfonskys and Gardners are examined also.

Key words: Maria Fyodorovna Dostoevskaya, Ekaterina Alfonskaya, Gardner family, The Main Engineering School, English links, porcelain business, childhood reading, games impersonating Indians.

Жизнь и творчество Достоевского изучены со значительной полнотой, однако все еще сохраняются белые пятна, где знания отсутствуют или выглядят недостаточными. Забытые и не всегда внятные сведения, касающиеся темы нашего исследования, содержатся в «Воспоминаниях» младшего брата Достоевского Андрея Михайловича (1825–1897), касающихся их матери, Марии Федоровны Достоевской (1800–1837), умершей, когда Достоевскому еще не исполнилось 16 лет². Ее влияние на сына не вызывало никаких сомнений, существует мнение, что определенные черты ее личности отражены в характере матери Аркадия в романе «Подросток» и матери Алеши в «Братьях Карамазовых»³. Считается также, что Мария Федоровна уделяла большое внимание воспитанию детей, в частности ей приписывают руководство их чтением.

Общее признание ее несомненного влияния на Достоевского выразилось в церемонии, проведенной в Москве 11 марта 2017 г., когда был восстановлен и освящен надгробный памятник М. Ф. Достоевской.

---

² *Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1999. С. 33; *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881: в 3 т. Т. 1. 1821–1864.* СПб., 1999. С. 36; *Волгин И. Л.* Родные и близкие: Историко-биографические очерки в Хронике рода Достоевских. М., 2013. С. 182–188.

³ См.: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь: Ф. М. Достоевский и его окружение: [в 2 т.] Т. 1. СПб., 2001. С. 258; *Фокин П.* Достоевский. Перепрочтение. СПб., 2013. С. 151–156.

Первоначально он был воздвигнут на ее могиле на Лазаревском кладбище, разрушенной в 1930-х гг. Церемония восстановления произошла на территории бывшего Лазаревского кладбища, недалеко от храма Сочествия Святого Духа, хорошо известного семье Достоевских. Недалеко от него изначально находилась могила Марии Федоровны, рядом с могилой ее ближайшей подруги Екатерины Альфонской⁴. На пресс-конференции, прошедшей 9 марта 2017 г. в московском Музее-квартире писателя, Г.Б. Пономарева сообщила, что после ликвидации Лазаревского кладбища надгробный памятник хранился в фондах Музея: «...теперь мы видим его на должном месте и будем вновь и вновь обращаться к изумительному, нежному образу матери писателя. Я думаю, что именно от матери передалась ее сыну необыкновенная эмоциональная талантливость, — то, что хочется назвать развитостью сердца»⁵.

Забытая информация, которую мы хотели бы рассмотреть, это значимость впечатлений А.М. Достоевского от рассказов его матери о ее лучшей подруге, «Екатерине Гарднер»: «Упомяну еще об Аркадии Алексеевиче Альфонском и жене его Екатерине Алексеевне, рожденной Гарднер. Этих двух лиц я помню чуть-чуть, потому что они оставили больницу чуть ли не в конце 20-х годов. Екатерина Альфонская была настоящим другом моей маменьки, и, по рассказам последней, они чуть не ежедневно видались. Эта Екатерина Алексеевна Альфонская умерла, и Альфонский женился на 2-й жене, какой-то знатной барыне... Замечательно, что маменька похоронена возле бывшего своего друга Екатерины Алексеевны на Лазаревском кладбище»⁶.

Андрей Достоевский считается вполне надежным и заслуживающим доверия мемуаристом. В данном случае он, очевидно, был убежден в значимости дружбы его матери с Екатериной Альфонской. Он ошибался, полагая, что Екатерина Алексеевна была урожденная Гарднер, на самом деле лишь ее сестра имела фамилию Гарднер и также находилась в контакте с Достоевскими. Екатерина была первой женой известного хирурга, тайного советника, профессора Московского университета Аркадия Алексеевича Альфонского (1796–1869), который с 1817 г. служил врачом в Московской больнице для бедных, в 1850-х гг. был также заместителем председателя Московского цензурного комитета⁷, с 1830 г. состоял врачебным консультантом больницы,

---

⁴ Фокин П.Е. О восстановлении памятника матери Ф.М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве // *Неизвестный Достоевский*. 2017. №1. С. 149–159; Бак Д.П., Захаров В.Н., Пономарева Г.Б., Фокин П.Е. Из выступлений участников пресс-конференции, посвященной восстановлению надгробного памятника на могиле матери Ф.М. Достоевского и прошедшей 9 марта 2017 года в Музее-квартире писателя в Москве // *Неизвестный Достоевский*. 2017. №1. С. 160–165.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ *Достоевский А.М. Воспоминания*. С. 33.

⁷ См.: *Мезьер А.В.* Словарь русских цензоров. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2000. С. 19; *Патрушева Н.Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России

где, как известно, с января 1821 г. служил и отец Достоевского Михаил Андреевич. Семьи обоих врачей проживали на территории госпиталя; семья Достоевских в левом флигеле больницы, некоторое время спустя — в правом⁸, вплоть до кончины Марии Федоровны в 1837 г. Дети обеих семей были ровесниками, их связывали общие интересы. В «Летописи жизни и творчества Достоевского» приведены сведения: «Пятеро детей Альфонских, среди них Аркадий (род. 1818 г.) и младший Алексей, вместе с детьми Достоевских гуляют в большом саду Марининской больницы»⁹. После смерти Екатерины Алексеевны в сентябре 1829 г. А. А. Альфонский вторично женился, а после 1830 г. жил в доме на ул. Новослободской¹⁰. Заметим, что на этой улице находился пансион Н. И. Драшусова, где учились Федор и Михаил¹¹.

С 1819 г. А. А. Альфонский преподавал в Московском университете, был деканом факультета, с 1842 г. — ректором, занимая эту должность почти 20 лет¹². Имена Альфонского и членов его семьи обнаруживаются в записях писателя к роману «Житие великого грешника» (9, 127, 132–134). Аллюзии на эту семью, переплетающиеся с событиями из детства и юности Достоевского, вновь появляются в записках к «Бесам» и включены в подготовительные материалы к «Подростку» и «Братьям Карамазовым». В дипломатической транскрипции записных тетрадей к роману «Бесы», где передан точный облик страниц рукописей Достоевского в сочетании с шрифтовым воспроизведением текстовых записей, легко проследить генезис ключевых авторских идей писателя. Повторяющееся имя Альфонского в этих рукописях можно считать значимым мотивом, в ряде случаев игравшим ключевую роль в формировании эпизодов, связанных с воспоминаниями писателя о своей юности, о жизни семьи Достоевских в Москве, тесных контактах с семьей Альфонских¹³. Индексированное сокращениями «Аль-й», «Альфонск», «А-й», оно

(вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011. С. 201; Цензоры Российской Империи. Конец XVIII — начало XX века: библиографический справочник. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013. С. 83.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 19.

¹⁰ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 41.

¹¹ URL: <https://dostoevskyworld.ru/writer-world/places/moskva/pansion-susharda> (дата обращения: 25.09.2023); Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 41; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 27.

¹² Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. Т. 1. С. 39–40. См. также: Гостлицев В. К., Евсеев М. А. Заведующий кафедрой общей хирургии, декан медицинского факультета, проректор, ректор Императорского Московского университета Аркадий Алексеевич Альфонский и его роль в совершенствовании преподавания клинических дисциплин и развитии медицинского факультета // Сеченовский вестник. 2013. Т. 12, № 2. С. 5–9.

¹³ См.: Текстологическое исследование записных книжек Ф. М. Достоевского к роману «Бесы». Дипломатическая транскрипция. СПб., 2021. С. 48, 102, 104, 108, 110–113.

используется писателем для обозначения отсылок ко времени жизни семьи Достоевских в Москве или в Даровом. Известно, что художественные замыслы Достоевского и реальные факты его биографии тесно переплетаются¹⁴.

Заметим, что в намеченных писателем эпизодах будущего романа фигурирует вторая жена Альфонского, «докторша» Муханова. Такого рода упоминания показывают, что отношения и судьбы двух семей (Альфонских и Достоевских) были достаточно тесными, что делает свидетельство Андрея Михайловича весьма значительным. Существует мнение, что Альфонский упомянут в рукописях к «Бесам» с негативным оттенком¹⁵. Г. А. Федоров указывает, что этот «сослуживец отца Достоевского, близкий знакомый семьи», имел репутацию «человека дурного»¹⁶. Некоторые сведения, приведенные А. М. Достоевским, не отличаются точностью, однако следует признать важной мысль, что Е. Альфонская была лучшим другом его матери, а также связывала семью Достоевским с английской темой, «Гарднерами». Отнеся Екатерину Альфонскую к роду английских предпринимателей Гарднеров, Андрей имел в виду потомков основателя династии Фрэнсиса Яковлевича Гарднера (1714(?)–1796), приехавшего в Россию в 1746 г., который в начале 1766 г. получил разрешение Коллегии мануфактур на строительство фарфорового завода¹⁷. Об «англичанине-романтике» (шотландце по национальности) Фрэнсисе Гарднере известно не так много: он торговал лесом на Немецкой ул. (ныне ул. Бауманская) Москвы, начал банковский бизнес, завел сахарный завод. В поисках сырья для своих предприятий, в частности каолинита, необходимого для производства фарфора, он много путешествовал по Российской империи: Сибирь, Украина, побережье Белого моря, где подыскивал подходящее место для своих новых предприятий. Чтобы выполнить юридические требования при покупке земли, связанной с крепостными владениями, он купил у князя Н. Урусова участок в Дмитровском районе Московской области, названный Верболово, оформив купчую крестьян на подставное лицо, помещика В. Вырубова, своего должника, а на себя аренду. При этом Гарднер оставался британским подданным, так и не приняв российского гражданства.

---

¹⁴ Тихомиров Б. Н. Даровое и Черемошняя в неосуществленных художественных замыслах Достоевского // III Летние чтения в Даровом: Материалы науч. конф. 26–28 августа 2011 г. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 9.

¹⁵ Текстологическое исследование записных книжек Ф. М. Достоевского. С. 367.

¹⁶ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 155.

¹⁷ Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 73. См. также мемориальную доску Гарднера в Вербилках: URL: <https://web.archive.org/web/20100918013307/http://poselokverbilki.ru/verbp25.html> (дата обращения 25.09.2023); <https://vadimirzumov.ru/574506.html?from=sds>. См. также: URL: <https://www.biografija.ru/biography/gardner-franc-yakovlevich.htm> (дата обращения: 25.09.2023).

В первой публикации известной книги В. Тука о жизни предпринимателей в России¹⁸ полторы страницы посвящены фарфоровому бизнесу Гарднера, в книге он ошибочно упоминается как «Генри»; более полные сведения доступны в исследовании Э. Кросса, где была обобщена вся имеющаяся информация на эту тему, в том числе из российских источников, использованных также и в более ранней публикации М. С. Росс¹⁹. В своей книге Э. Кросс указывает, что некоторая путаница в данных возникла из-за того, что «в тот же период в Санкт-Петербурге жил еще один Фрэнсис Гарднер, известный в Английском клубе, отец которого также был Джеймсом (ум. 1756 г.), казначеем Британской фабрики с начала 1730-х гг. и владельцем веревочного склада, у которого, что еще больше усложняло дело, также был брат по имени Франциск (ум. 1755)»²⁰. В последнее время имя Гарднера и его фарфоровый бизнес вызывают все больший интерес в Сети, хотя некоторые опубликованные там детали выглядят противоречивыми и сомнительными²¹.

Очевидно, что Гарднер был не просто заурядным предпринимателем, ищущим счастья в Российской империи, но, возможно, имел основания считаться знатоком европейской керамики и фарфора, причем не только в Англии, но и изделий, произведенных в Севре (Франция), Мейсене (Германия), фабрике Дю Паке (Австрия). Гарднер сделал себе имя, подарив Екатерине II обеденный сервиз, затем выполнил заказ еще на три сервиза для императорского двора в период с 1778 по 1785 г. Таким образом, общее количество заказов состояло из четырех обеденных сервизов для торжеств в честь кавалеров Императорских орденов Св. Георгия, Андреевского, Св. Александра и Св. Владимира, проводившихся в Зимнем дворце и других покоях в дни памяти святых покровителей²²; есть сведения, что каждый из сервизов состоял из почти полутора тысяч предметов. Гарднер был удостоен чести использовать клеймо с изображением государственного герба для своей продукции. В 1770–1830-х гг. его фабрика выпускала популярные у русской публики английские пивные кружки «Тоби». Художники на его фабрике разрабатывали изделия оригинального дизайна, используя историческую тематику и мотивы русской народной культуры: «Одной из них стала

---

¹⁸ *Tooke W. View of the Russian Empire during the Reign of Catharine the Second and to the Close of the Present Century. London, 1799. P. 505.*

¹⁹ *Cross A. By the Banks of the Neva. P. 73; Tooke W. View of the Russian Empire. P. 505; Арбат Ю. А. Фарфоровый городок. М., 1957; Ross M. C. Russian Porcelains. Oklahoma, 1968. P. 3–4, 37–50.*

²⁰ *Cross A. By the Banks of the Neva. P. 27, 30–31.*

²¹ *Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков: историко-культурологическое исследование // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 188–196; Кузьмина В. П. Фарфоровый завод Гарднера. Мануфактуры Гарднер в Вербилках // Россия. Развитие технологии получения фарфора. М., 2021. С. 1–75.*

²² *Кузьмина В. П. Фарфоровый завод Гарднера. С. 8–13; Англофилия у трона. Британцы и русские в век Екатерины II: Каталог выставок / сост. Э. Г. Кросс. М.: Британский совет, 1992.*

русская тема, показавшая новую страну, населенную людьми простых профессий. На эту тему была создана серия скульптур “Волшебный фонарь”, которая представляет собой изображения людей из простого народа — фигурки крестьян, дворников, лакеев и других простых людей²³. В 1856 г. фабрика получила титул «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Фарфоровый завод принадлежал трем поколениям Гарднеров с момента основания и до 1892 г., когда был продан купцу-старобрядцу М. С. Кузнецову²⁴.

Что касается Екатерины Альфонской, которую Андрей описывает как «Гарднер», известно, что у нее было шестеро детей: Аркадий (1819–1890), Екатерина (1821–?), Анна (1822–1888), Алексей (1824–1872), Софья (1827–?) и Любовь (1828–1901)²⁵. Как отмечалось выше, она отнюдь не являлась урожденной Гарднер, как утверждает Андрей Михайлович, ее девичья фамилия была Андреевская, а отчество не Алексеевна, а Кирилловна. Ее отец Кирилл Самойлович Андреевский (1750–1816), по некоторым сведениям, был штаб-лекарем, дослужившимся до надворного советника. Образование он получил в Киевском военном госпитале и в имеющихся записях значится выпускником Переяславского колледжума²⁶.

У Екатерины также была родная сестра по имени Анна, которая была замужем за отпрыском семьи Гарднеров, Петром Францевичем Гарднером (1791–?). Во всех ссылках на фарфоровую мануфактуру Гарднера он упоминается как сын основателя фирмы, Фрэнсиса-старшего, хотя у Фрэнсиса был старший сын, который умер в молодом возрасте, его также звали Фрэнсис, т. е. младший, и фабрика впоследствии перешла к нему²⁷. После его смерти фабрикой стала управлять вдова Фрэнсиса Гарднера-младшего Сарра²⁸. Так как младшие сыновья Фрэнсиса-старшего были несовершеннолетними, то купеческая гильдия назначила двух опекунов. В конце концов фирма перешла в управление Петра Францевича, но в разные времена ему помогали братья, Александр и Николай. У Анны Гарднер и ее мужа Петра Францевича была большая семья, состоявшая из сыновей, которые приходились двоюродными братьями детям Альфонских.

²³ Кузьмина В. П. Фарфоровый завод Гарднера. С. 46–48.

²⁴ Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков. С. 194; *Круглая-Н. А.* Гарднера фарфор // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%84%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F/600000055409237852> (дата обращения: 25.09.2023).

²⁵ Семейное древо мира Гени. URL: (дата обращения: 27.09.2023).

²⁶ *Бойчак М.* История Киевского военного госпиталя. Киевский военный госпиталь в XVIII–XIX веках. Становление и развитие военной медицины в Украине. Кн. 52. Киев, 2005. С. 140–143. См. на сайте: Всероссийское генеалогическое древо. URL: www.geni.com; Андреевский К. С. (дата обращения: 27.09.2023).

²⁷ Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков. С. 192.

²⁸ Там же.

Некоторые из них, очевидно, были хорошо знакомы братьям Михаилу и Федору Достоевским, так как посещали одни и те же пансионаты. Ф. М. Достоевский в письме к отцу от 3 июля 1837 г. из Петербурга сообщает, что видел «Гарнера» и еще одного бывшего одноклассника²⁹. Это произошло, когда Достоевский и его брат Михаил посещали подготовительный пансион К. Ф. Костомарова, готовясь к вступительным экзаменам в Главное инженерное училище. В пансионе Костомарова они видели также «Весселя»: «На прошлой неделе видели мы прежнего товарища нашего Гарнера и Весселя. Они приходили к Коронаду Фил<ипповичу> прощаться, ибо отправлялись в лагери в Петергоф. Ныне день рождения К<оронада> Ф<илипповича>» (28, 36). Достоевский назвал эти имена в письме отцу, будучи уверен, что они ему хорошо знакомы, и он одобряет его знакомство с этими юношами. Хорошо известно, что в своих письмах к отцу Достоевский старался ничем его не расстраивать.

Достоевский был принят в Главное инженерное училище в конце 1837 г. и приступил к занятиям в январе 1838 г. При проверке сведений о воспитанниках Инженерной академии в издании 1869 г. среди списков воспитанников, в тот же период, когда там учился Достоевский, среди его одноклассников обнаруживается Александр Гарднер, с 1841 г., как и писатель, состоявший в низшем офицерском классе³⁰ (илл. 1). Среди выпускников 1838 г. также числился Владимир Гарднер, в перечне офицеров училища обнаруживается еще один «Гарднер», очевидно, это Петр Петрович Гарднер³¹, с пометой: «Что касается офицеров, то Инженерная академия и училище сослужили службу государству, дав в числе защитников Севастополя»³². В этом списке из тридцати пяти имен на первом месте Э. Тотлебен, а Гарднер занимает третью строчку.

20 августа 1841 г. Достоевский принял в училище воинскую присягу с двадцатью другими прапорщиками, которые продолжают быть его одноклассниками еще два года³³, включая и отпрыска семьи Гарднеров, вместе с известным именем Ивана Бережицкого (Бережецкого), о котором обычно говорится, что он был одним из ближайших друзей Достоевского в Инженерном училище³⁴. Другое известное имя, упомянутое Максимовским, это Федор Радецкий (1820–1890), окончивший обучение в 1841 г., впоследствии ставший генерал-адъютантом и героем

²⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. СПб., 1993. С. 40, 75.

³⁰ Максимовский М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища, 1819–1869. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1869. С. 98.

³¹ Там же. С. 94, 189.

³² Там же.

³³ См.: Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова. СПб., 2021. С. 81–117. См. также: Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище: (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 179–186.

³⁴ Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. С. 96–105.

37. **САФОНОВЪ** (Николай) — тоже.
38. **СОМОВЪ** (Александр) — тоже.
39. **ТРЕФУРТЪ** (Константины) — тоже.

въ 1841 году

ИЗЪ ВЕРХНЯГО ОФИЦЕРСКАГО КЛАССА

ПОРУЧИКАМИ:

1. **МЕЙЕРЪ** (Оскаръ Андреевичъ) — оставленъ при Училищѣ ревизиторомъ; въ отставкѣ инжеп.-полковникъ.
2. **РОМАНОВЪ** (Николай) — въ полевые инжеп.; въ отставкѣ штабсъ-капит.
3. † **СЕРДЯЧЕНШЕВЪ** — тоже; умеръ въ чинѣ поручика.

ПОДПОРУЧИКАМИ:

4. † **ВАРАНОВЪ** (Николай) — тоже.
5. **ВОНДЫРЕВСКОГО** (Николай) — тоже.
6. **КОЛОВОВЪ** (Иванъ Егоровичъ) — тоже; военный инжеп.-полковн., помощникъ начальника инжеперовъ Капкавскаго военного округа.
7. **МЯНОВОГО** (Константины Николаевичъ) — тоже; военный инжеп.-полковн., при Главномъ Инжен. управленіи.
8. **ПОМОРСКОГО** (Петръ) — тоже.
9. † **ТИПОЛЬДЪ** (Максимъ) — тоже.

ПРАПОРЩИКАМИ:

10. **АЛОПЕУСЪ** — тоже.
11. † **ВИТКЕВИЧЪ** — тоже.
12. **ОРЛОВСКОГО** (Николай Осиповичъ) — тоже; генер.-майоръ, командиръ Л.-гв. Сибирскаго батальона.
13. **РАДЦЕВИЧЪ** (Федоръ) — тоже; генер.-майоръ.

ИЗЪ НИЖНЯГО ОФИЦЕРСКАГО КЛАССА

ПРАПОРЩИКАМИ:

14. **АДАМОВИЧЪ** (Александръ) — тоже.
15. **ВЕРЕЖНИЦКОГО** (Иванъ) — тоже; въ отставкѣ подпоручикъ.
16. † **ФОН-ВРИНЪ** (Родионъ) — тоже.
17. **ВЪЛИНСКОГО** (Титъ) — тоже.
18. **ГАРДНЕРЪ** (Александръ) — тоже.
19. **ЛЪВОВЪ** (Александръ) — тоже.
20. **НЕСТЕРОВЪ** (Александръ) — тоже.
21. † **ПЯТУНИНЪ** (Николай) — тоже.
22. † **ЯРОСЛАВЦЕВЪ** (Владимиръ) — тоже.

Илл. 1. Александр Гарднер среди однокашников Ф. М. Достоевского по Главному инженерному училищу

русско-турецкой войны. В «Дневнике писателя» за 1877 г. в главе «Старое всегданнее военное правило» Достоевский упоминает Радецкого в числе наиболее известных военных, окончивших Главное инженерное училище (26, 35–36). Писатель присутствовал на торжественном обеде в его честь 19 октября 1878 г. в Санкт-Петербурге и произнес там небольшую речь³⁵ (30₁, 271). На этом торжественном обеде, по сообщениям газет, присутствовало более 150 бывших учащихся Инженерного училища, и, если бы Александр Гарднер был в Петербурге, он, вероятно, также присутствовал бы на этом мероприятии (30₁, 271). С этими событиями связано письмо Достоевского Радецкому от 16 апреля 1878 г. (30₁, 20). Для писателя были важны воспоминания о годах, проведенных в училище, равно как и судьбы его однокашников.

На основе информации, собранной в Сети (GENI, Rodovid, Ancestry и др.³⁶, «Русские военные инженеры», «Рязанский округ»³⁷, в базах данных о дворянских родах различных областей Российской империи³⁸), удалось установить, что сестра Екатерины Альфонской, Анна Кирилловна Гарднер (урожденная Андреевская), жена Петра Францевича Гарднера, родила десять детей, все мальчики, из которых большинство дожило до зрелого возраста³⁹. Ее муж, Петр Францевич Гарднер, купец и фабрикант, начал свою трудовую жизнь в 1821 г. на государственной службе как копиист в I Отделении 6-го Департамента Правительствующего сената, был пожалован в канцеляристы, потом в чин сенатского регистратора (31.12.1825), уволен по болезни (14.01.1828). Он был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.⁴⁰ Петр Францевич стал владельцем знаменитого

---

³⁵ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. Т. 2. С. 139–140; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. III. 268, 271, 290–291.

³⁶ URL: https://www.geni.com/search?search_type=people&names=%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D1%80 (дата обращения: 27.09.2023); <https://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:1044468> (дата обращения 27.09.2023).

³⁷ Рындин И. Ж. История, культура и традиции Рязанского края: Гарднеры. URL: <https://62info.ru/history/node/10206> (дата обращения: 27.09.2023); Брюховецкий П. И. Школы военных инженеров в 1701–1960 годах: Гарднер А. П. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_a_p/13-1-0-2518 (дата обращения: 27.09.2023); Брюховецкий П. И. Школы военных инженеров в 1701–1960 годах: Гарднер В. П. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_v_p/13-1-0-2517 (дата обращения: 27.09.2023); Брюховецкий П. И. Школы военных инженеров в 1701–1960 годах: Гарднер П. П. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_p_p/13-1-0-1780 (дата обращения: 27.09.2023).

³⁸ Дворянство жалованное и выслуженное // Родословная книга дворянства Московской губернии / под ред. Л. М. Савелова. Т. IX. М., [1914]. С. 319–320. Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 января 1893 года / составлен секретарем дворянства М. П. Лихаревым. Рязань: тип. М. С. Орловой, 1893.

³⁹ Родословная книга дворянства Московской губернии. С. 319–320. URL: <https://62info.ru/history/node/10206> (дата обращения: 27.09.2023).

⁴⁰ Родословная книга дворянства Московской губернии. С. 319; Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков. С. 192–193.

завода Гарднер в 1846 г. Как было отмечено выше, трое сыновей Петра и Анны Гарднер — Петр, Владимир и Александр, учились в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге. Они окончили инженерное училище, соответственно, в 1836, 1838 и 1840 гг.; Достоевский находился в стенах училища с 1838 по 1843 г. и, несомненно, хорошо знал их.

Старший из сыновей Петра Францевича Гарднера, Петр Петрович (1816–1881), был первым из его детей, поступившим в Главное инженерное училище (ноябрь 1832 г.) и окончившим Кондукторскую роту в январе 1836 г. инженер-прапорщиком⁴¹. Он известен как военный инженер, который к моменту выхода на пенсию в 1872 г. (по другим источникам, в 1873 г.) был награжден орденом Св. Анны 1-й степени, имел звание генерал-лейтенанта (с 1868 г.); до этого он уже был Георгиевским кавалером 4-й ст. (12.01.1856). Служил он в гвардейском саперном батальоне, который дислоцировался в Петровских (Гренадерских) казармах (Петроградская наб., д. 44, наб. р. Карповки). В составе войск Петергофского отряда (с марта 1854 г.) Петр Петрович участвовал в охране берегов Санкт-Петербургской губернии и заслужил «Высочайшее благоволение» за работы по устройству батарей в устье Невы. С открытием Крымской кампании многие ожидали высадки англо-французского десанта на побережье Балтийского моря, и батальон производил работы по укреплению берегов Финского залива и обустройству крепостей Кронштадта и Свеаборга, в то время как часть офицеров и нижних чинов находилась в Севастополе и приняла участие в обороне этого города. Петр Петрович Гарднер принимал участие в обороне Севастополя, что указывает на наличие у него российского гражданства. В Родословной книге дворянства Московской губернии сказано, что он «участник Крымской войны (1853–56), командир саперного батальона, за оборону Севастополя награжден орденом св. Георгия 4 ст. (1856), имел звание генерал-лейтенанта и состоял при генерал-инспекторе по инженерной части»⁴². С него начинается дворянский род Гарднеров, который 20.03.1840 был внесен, вместе с его детьми, в III ч. Дворянской родословной книги Московской губернии (по другим источникам, это произошло в 1826 г.)⁴³. Род был весьма богат, в Москве в районе Немецкой улицы существовал Гарднеровский переулок, где все дома принадлежали Гарднерам⁴⁴. П. П. Гарднер похоронен на Новодевичьем кладбище,

---

⁴¹ *Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. С. 90 (2-я пагинация). См. также: Школа военных инженеров. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_p_p/13-1-0-1780 (дата обращения: 16.06.2023).

⁴² Родословная книга дворянства Московской губернии. С. 319–320.

⁴³ *Рындин И. Ж.* История, культура и традиции Рязанского края: Гарднеры. URL: <https://62info.ru/history/node/10206> (дата обращения: 27.09.2023); <https://bogoslav.ru/article/1295052> (дата обращения: 18.06.2023).

⁴⁴ *Холодюк А., Гарднер А.* Иван Алексеевич Гарднер: линия жизни // Богослов.RU: Научный богословский портал. 2010. 14 декабря. URL: <https://bogoslav.ru/article/1295052> (дата обращения: 18.06.2023).

где погребены знатные семьи, видные государственные и общественные деятели⁴⁵.

Владимир Петрович Гарднер (1819–1886), наиболее известный член фамилии, упоминается В.С. Нечаевой и авторами «Летописи»⁴⁶. Он учился в Главном инженерном училище в середине 1830-х гг. и окончил кондукторские классы в 1838 г.⁴⁷, далее служил в Кирасирском полку. В 1846 г. он был откомандирован в Московскую жандармскую дивизию в звании штабс-ротмистра. В 1850-х гг. вместе с братом Александром стал владельцем мануфактуры Гарднера в Вербилках; умер и похоронен в Москве, на Лазаревском кладбище, на том же участке, что и Екатерина Альфонская, подруга Марии Федоровны.

Младшим из братьев Гарднеров, поступивших в Инженерное училище, был Александр Петрович Гарднер (4.11.1820–?), с которым Достоевский определенно был знаком (28₁, 36). Он поступил в кондукторские классы годом раньше Достоевского, окончил их в 1840 г., далее перешел в офицерские классы, окончив полный курс в 1841 г. Служил в Петербурге в звании инженер-прапорщика в Лейб-гвардии Саперном батальоне; в 1847 г. вышел в отставку. В 1853 г. вместе с братом Владимиром стал владельцем мануфактуры Гарднера в Вербилках⁴⁸.

Других братьев Гарднер звали Павел (1826–1869), Алексей (1827–?), Михаил (1831–?), Константин (1833/1834–1898), Виктор (1836–?), Николай (1837–?), и Сергей (1840–1874). Информации о них немного, четверо из них, очевидно, умерли в молодом возрасте, другие, вероятно, жили за пределами России или путешествовали. Старшие трое из братьев Гарднеров (Петр, Владимир и Александр) в детские годы в 1820-х и начале 1830-х гг., возможно, навещали свою тетьку Екатерину Альфонскую в Мариинской больнице, равно как и другой потомок Френсиса Гарднера, описанный комментаторами как его сын Николай (1798(?)–1846), у которого было девять душ детей (пять сыновей и четверо дочерей)⁴⁹, троюродных братьев и сестер Альфонских⁵⁰. Ни-

---

⁴⁵ Петербургский некрополь. Т. 1–4 / изд. вел. кн. Николай Михайлович. Т. 1. СПб., 1912–1913. С. 542.

⁴⁶ *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 277–278; Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 1. С. 19. В «Летописи», возможно, ошибочно, Гарднер именуется Владимиром Викторовичем: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 1. С. 19. Это повторяется: *Викторович В.А.* Умереть в России // III Летние чтения в Даровом: Материалы науч. конф. 26–28 августа 2011 г. / ред.-сост. В.А. Викторич. Коломна, 2013. С. 147.

⁴⁷ На сайте российских военных инженеров В.П. Гарднер числится штабс-капитаном: *Брюховецкий Р.И.* Школы военных инженеров в 1701–1960 годах: Гарднер В.П.

⁴⁸ *Брюховецкий Р.И.* Школы военных инженеров в 1701–1960 годах: Гарднер А.П.; *Розина О.В.* Фарфоровая фабрика Ф.Я. Гарднера и его потомков. С. 193.

⁴⁹ Родословная книга дворянства Московской губернии. С. 319.

⁵⁰ Сын Николая, Евгений, женился на писательнице Раисе Александровне Кореньевой, воспитывавшейся в одной семье с Д.И. Писаревым, будущим критиком, в доме его матери. Писарев любил Раису и надеялся, что она выйдет за него.

колай вышел в отставку с военной службы в чине подпоручика в 1824 или 1826 г. и был первым членом семьи Гарднеров, получившим дворянство. Он жил в Вербилках, где выучил четыре иностранных языка и обзавелся богатой библиотекой⁵¹. Возникает вопрос: одалживал ли Николай книги из своей библиотеки родственникам, жившим в ту пору в Мариинской больнице? Возможно ли, что отец Достоевского советовался с Альфонским и Гарднером о поиске подходящих учебных заведений для сыновей? Михаил Андреевич, несомненно, знал, что дети из этих семей получают хорошее образование. Братья Гарднеры и братья Достоевские посещали одни и те же учебные заведения, в ряде случаев — в одно и то же время. Речь идет о «дневной школе» Н. И. Драшусова (Сушарда), пансионе Леонтия (Леопольда) Чермака в Москве, в Санкт-Петербурге подготовительном пансионе К. Ф. Костомарова, где Достоевский и встречался с Александром Гарднером.

Нет уверенности, что братья Гарднеры учились в пансионе Чермака одновременно с Федором и Михаилом Достоевскими. Заметим, что в пансионе в первой половине 1837 г. преподавал английский язык иностранный педагог Асппель⁵², заставляющий вспомнить имя персонажа романа «Игрок» англичанина Астлея; в поиске скрытой аллюзии упомянем также, что в эти годы в России гастролировал «цирк Астлея». Согласно мнению некоторых исследователей, в пансионе Чермака учился и сын Альфонского Алексей⁵³, согласно Г. А. Федорову, Алексей вместе со старшим братом Аркадием отдан был в пансион М. Г. Павлова⁵⁴. Одним из сокурсников Достоевского в пансионе Чермака был англичанин Джордж Гарвей⁵⁵, сын Эдуарда Гарвея (1798–1874)⁵⁶, преподавателя английского языка в Московском университете с 1828 г., автора антологии английской литературы⁵⁷. В начале 1830-х гг. среди студентов, посещавших его лекции, были М. Ю. Лермонтов и В. Г. Белинский⁵⁸.

Мы не знаем, какими путями Михаил Андреевич Достоевский пришел к мысли направить своих сыновей в Главное инженерное училище,

---

⁵¹ Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков. С. 192.

⁵² Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 112.

⁵³ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Т. I. С. 39; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 29.

⁵⁴ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 51.

⁵⁵ Там же. С. 114.

⁵⁶ Родословная книга дворянства Московской губернии. С. 318.

⁵⁷ Эдуард Харви (Гарвей) был составителем «Пособия для студентов по английскому языку»: *Harvey E. The English Student's Manual or Miscellaneous pieces selected from the best English prose writers, preceded by a sketch of the rise and progress of the English Language, and followed by a copious English-French and Russian Dictionary of all the words contained in the body of the works: 2 vols. Moscow, 1835*). См. также: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М., 1855. С. 175–177.

⁵⁸ Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. (Литературное наследство; т. 91). С. 520, 528–529, 566–567.

советовался ли с коллегами, осведомленными в вопросе о достоинствах этого учебного заведения. Роль Гарднеров в этом вопросе нельзя исключить, равно как и роль их двоюродных братьев, детей Альфонских, составлявших окружение Достоевского в детстве. Но самое показательное и интересное — это смешение семей Альфонских и Гарднеров, отраженное в мемуарах Андрея, у которого должны были быть какие-то основания полагать, что дети Альфонских произошли от Гарднеров по материнской линии.

Ни в одном произведении о Достоевском, изданном на английском языке, не удалось найти ничего о Гарднерах; только два упоминания содержатся в русских источниках. В пятитомной биографии Достоевского Дж. Франка нет упоминания имен Альфонского и Гарднера⁵⁹, нет этого имени и в первых томах недавней биографии Т. Г. Марулло⁶⁰. В. С. Нечаева цитирует воспоминания А. М. Достоевского в своем труде «Ранний Достоевский 1821–1849», которое затем воспроизводится в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского»⁶¹. Она упоминает, что побывала на Лазаревском кладбище до того, как могила была разрушена и вскрыта: «До ликвидации Лазаревского кладбища в конце 1920-х годов, когда я хлопотала о перевозе памятника Марии Федоровне Достоевской в музей Достоевского, я записала надписи на памятниках, находившихся рядом с ним: “Альфонская Екатерина Кирилловна, урожденная Андреевская; Анна Гарднер, урожденная Андреевская; Владимир Петрович Гарднер, 1819–1862...”»⁶² Она указывает, что Владимир Гарднер был сверстником братьев Достоевских, мог быть им знаком по Москве и обучаться в Инженерном училище⁶³.

В иллюстрации, сопровождающей недавнюю публикацию о реставрации надгробия Марии Федоровны, П. Е. Фокин воспроизводит копию чертежа из музейного архива — возможный план первоначального местонахождения могилы Марии Федоровны на Лазаревском кладбище, чертеж, вероятно, был выполнен до разрушения могил в 1930-х гг. (илл. 2). Над могилой Марии Федоровны было написано «МФД», рядом расположен фамильный участок Гарднеров, приблизительно в четыре раза превышающий размеры участка, где похоронена Мария Федоровна, он идентифицируется с именами Альфонской и Гарднер⁶⁴ (илл. 3).

---

⁵⁹ *Frank J. Dostoevsky: A Writer in His Time*. Princeton: Princeton University Press, 2012. P. 424.

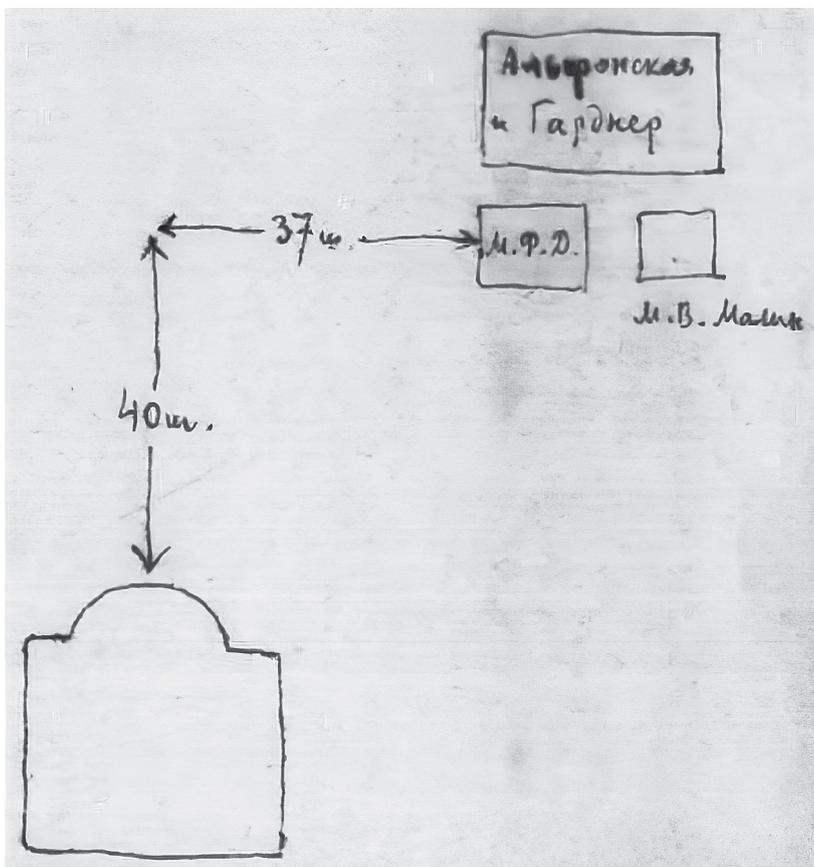
⁶⁰ *Marullo T. G. Fyodor Dostoevsky — In the Beginning (1821–1845). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism*. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2017. P. 306.

⁶¹ *Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849*. С. 60–61, 277–278. См. также: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. Т. I. С. 40.

⁶² *Нечаева В. С. Ранний Достоевский*. С. 278.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Фокин П. О восстановлении памятника матери Ф. М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве*. С. 154.

Илл. 2. План расположения могилы М. Ф. Достоевской на Лазаревском кладбище в Москве

Согласно «Московскому некрополю» 1907 г., на Лазаревском кладбище по соседству с могилой Марии Федоровны похоронено несколько членов семьи московских Гарднеров. Помимо Анны Гарднер, урожденной Андреевской, в книге перечислены без дат также «Гарднер, Владимир Петрович р. 2 января 1819 г. ум. 8 января 1882 г.; с Ек. Кирилл. Альфонской (Лазаревское кладбище)»⁶⁵. Почему в «Некрополе» Екатерина идентифицирована как захороненная с Владимиром

⁶⁵ Московский некрополь: в 3 т. / В.И. Сайтов, Б.Л. Модзалевский; авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович. Т. 1. СПб., 1907. С. 255. В.П. Гарднер идентифицируется как умерший в 1882 г., тогда как по переписанной версии Нечаевой он умер в 1862 г. (Нечаева В.С. Ранний Достоевский. С. 278). Согласно сайту российских военных инженеров, В.П. Гарднер умер 22.12.1886 (URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_v_p/13-1-0-2517).

Илл. 3. Могила Е. А. Альфонской на Лазаревском кладбище в Москве

Гарднером? Почему не указано, что он похоронен вместе со своей матерью Анной?⁶⁶ Кроме Екатерины, в списках похороненных на Лазаревском кладбище отсутствуют другие члены семьи Альфонских. Ее бывший муж Аркадий (и его вторая жена, урожденная Муханова) были похоронены на Ваганьковском кладбище⁶⁷. Сыновья Екатерины Альфонской Аркадий и Алексей и дочь Анна были похоронены соответственно в 1890, 1872, 1888 гг. на более престижном кладбище Алексеевского женского монастыря, старейшего в Москве.

В рассказе Г. А. Федорова о московском детстве Достоевского отсутствует упоминание фамилии Гарднер. Цитируя мемуары А. М. Достоевского, он указывает, что подруга матери Достоевского Екатерина, вероятно, находилась в недружелюбных отношениях с оскорбившим ее мужем, А. А. Альфонским: «У Марии Федоровны, матери Достоевского, на Лазаревском дорогие могилы матери и отца, но умирающая повелела похоронить себя рядом с могилой Екатерины Кирилловны Альфонской. Мать Достоевского была дружна с первой женой А. А. Альфонского, как вспоминает Андрей Достоевский, они виделись почти каждый день. А мальчик Федор хорошо знал сыновей Альфонского от первого брака, Аркадия и Алексея, и дочь Катю. Судьба Алексея

⁶⁶ «Гарднер, Константин Петрович (умер) 11 марта 1898 г., 64 л.; с С. П. и П. П. Гарднер (Лазаревское кладбище) / Гарднер, Павел Петрович; без дат; с С. П. Гарднер (Лазаревское кладбище). / Гарднер Сергей Петрович (умер) 28 сентября 1874 г.; с К. П. Гарднер (Лазаревское кладбище)» (Московский некрополь. Т. 1. С. 255).

⁶⁷ Московский некрополь. Т. 1. С. 29.

пройдет на глазах Достоевского в 20–30-е годы, а затем и позже, по возвращении из Сибири, когда он будет жить в Москве в 1864 почти весь год. И впоследствии, бывая в Москве и навещая могилу матери, Достоевский проходил и мимо памятника с надписью “Е. К. Альфонская, урожденная Андреевская”. Мы не знаем, как сложились супружеские отношения Е. К. и А. А. Альфонских. Известно только свидетельство главного врача больницы Х. Ф. Опделя о “жестоких поступках” Аркадия Алексеевича с “женою первой”⁶⁸.

Второй семьей А. А. Альфонский обзавелся в 1830 г., женившись на состоятельной Екатерине Александровне Мухановой (1800–1876)⁶⁹, дочери рязанского губернатора, и с 1831 по 1841 г. у них родилось шестеро детей, дети от прежнего брака стали приемными. Отсылка к этой ситуации: мачехе, Альфонскому, упоминаемые в подготовительных материалах к «Житию великого грешника», перекликается с судьбой детей Екатерины Альфонской, Аркадия и Алексея⁷⁰, естественным образом связана с важнейшей темой «Подростка», о «случайном семействе», о неприкаянном семейном положении главного героя, став основной сюжетной линией романа. Имя героя-повествователя, возможно, содержит скрытую аллюзию на Аркадия Альфонского, юношу, становление личности которого происходило на глазах Достоевского. Младший сын Екатерины, Алексей, с малых лет был помещен в пансион М. Г. Павлова и своего отца совсем не знал, подобно тому, как это произошло с Аркадием Долгоруким, который также в начале повествования почти не знал своего биологического отца. Алексей Альфонский (1824 г. р.), пошел по стопам своего двоюродного брата Владимира Гарднера (1819 г. р.), служившего ранее штабс-капитаном Московской жандармской дивизии, и с конца 1869 г. стал помощником начальника полиции Московского уезда. Г. А. Федоров предполагает, что он мог передать Достоевскому некоторые сведения об убийстве Иванова нечаявцами для использования в романе «Бесы»⁷¹.

---

⁶⁸ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 48. К сожалению, исследователь не указывает источник цитаты из воспоминания Христофора Федоровича Опделя. Сведения, приводимые в энциклопедиях, датируют его жизнь 1768–1835 гг. Главным врачом Марининской больницы он служил с 1803 по 1830 г. О личной жизни Аркадия Алексеевича Альфонского мало конкретных данных, его общественная и служебная характеристика: заведующий кафедрой общей хирургии, декан медицинского факультета, проректор, ректор Императорского Московского университета. См.: *Гостицев В. К., Евсеев М. А.* Заведующий кафедрой общей хирургии. С. 5–9.

⁶⁹ Сестра декабриста Петра Александровича Муханова.

⁷⁰ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 51–52; «Альфонский Аркадий Аркадьевич. Сын Аркадия Алексеевича. В сл. и класс. чине с 1841. ДСС с 1886. Врач. Сл. по ВИМ. / 1.2.1894» (*Волков С.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016. URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-volkov/133517-vysshechinovnichestvo-rossiyskoy-imperii-kratkiy-slovar-sergey-volkov/read/page-3.html> (дата обращения: 24.06.2023)).

⁷¹ Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. С. 52.

Навещая могилу своей матери, что он делал всякий раз, когда посещал Москву, А. М. Достоевский проходил мимо могил Гарднеров, находящихся в непосредственной близости с местом погребения Екатерины Альфонской. Свои мемуары он завершил примерно в 1894 г., за два года до своей смерти. Возможно, он показывал их вдове Достоевского Анне Григорьевне. Мемуары впервые были опубликованы в 1930 г. его сыном. У Андрея Михайловича были не слишком близкие отношения с братом-писателем, однако он относился к нему с глубочайшим почтением. По каким причинам, указывая на близкие отношения своей матери с Екатериной Альфонской, он помещал Екатерину в английское смысловое звено, обозначенное словом «Гарднер»? Не исключено, что этот знак может быть чем-то большим, чем простое обозначение части окружения Достоевского в юности. Можно предположить, что за отмеченным мемуаристом многолетним диалогом между двумя подругами скрываются темы, не только волновавшие обеих женщин, но и оказывавшие влияние на воспитание их детей. М. Ф. Достоевская любила музыку, играла на гитаре, много читала. Именно от нее шла та неистовая любовь к поэзии, которой заразились в самом юном возрасте Федор и Михаил. Известные нам ее девять писем мужу, которые кажутся взволнованными и эмоциональными, написаны в литературной традиции сентиментализма. Стоит отметить красивый почерк, согласно главному герою романа «Идиот», раскрывающий артистическую натуру⁷². Все мальчики в семье Достоевских, без сомнения, обожали свою мать, Федор и Михаил выбрали поэтическую эпитафию для ее надгробия⁷³. Ее неоспоримое благотворное влияние на детей и предмет ее личной дружбы заслуживают особого внимания.

Известно, что она принимала участие в подборе книг, имевшихся в доме Достоевских. Могла ли часть этих книг поступить от ее подруги Екатерины, которая, по всей видимости, также подбирала книги для чтения своим сыновьям — ее муж, доктор Альфонский, был слишком занят своими врачебными и преподавательскими обязанностями. Дочь писателя Л. Ф. Достоевская подчеркивает в своих мемуарах: «Моя бабушка Мария проявляла большой интерес к чтению ее детей»⁷⁴, но эта информация могла попасть к Любови Федоровне только от ее отца. Нельзя не задаться вопросом, почему Достоевский в детстве имел доступ к литературе, в частности, переведенной с английского и написанной в модусе протестантской этики, как неоднократно демонстрировалось в мемуарах Андрея Михайловича и в воспоминаниях самого Достоевского⁷⁵. Французскую литературу с ее католическим

---

⁷² Нечаева В. С. Ранний Достоевский. С. 8.

⁷³ Захаров В. Н. Памятник как текст, или Послание братьев Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2004. № 1. С. 5–11.

⁷⁴ Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. С. 32–33.

⁷⁵ Библиотека Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 5, 11–12, 22, 105, 109, 129–130; Гроссман Л. П. Семинары по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 22, 23, 31, 32, 37, 38, 45.

культурным подтекстом будущей классик русской литературы начал читать лишь годы спустя, после того как в семье стали выписывать ежемесячный журнал «Библиотека для чтения» в 1834 г.⁷⁶, а также после того, как он покинул родительский дом в 1837 г.

Появление английской литературы в домашнем чтении юного Достоевского обычно объясняется исключительно тем, что в те времена это была популярная и доступная литература — готические романы, эпистолярные сентиментальные произведения, примером которых являются «Памела или Награда за добродетель» Ричардсона, «Викарий из Уэйкфилда» О. Голдсмита, приключенческие рассказы, такие как многочисленные романы об Уэверли сэра В. Скотта, романы Ч. Диккенса, «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, рассказы Ф. Купера. Произведения английских писателей, с которыми Достоевский познакомился в раннем детстве, плохо сочетаются с суровым характером отца Достоевского, о котором нам известно. Отметим, что иллюстрированные библейские истории, с которыми познакомился в детстве Достоевский, были переводами протестантской версии Библии, пересказанной немецким писателем Иоганном Хюбнером (1668–1731)⁷⁷.

Могли ли общие литературно-эстетические интересы двух подруг иметь влияние на выбор книг и содержание семейных чтений? Нет сомнений, что устойчивый интерес Достоевского к английской литературе сформировался именно в детстве. В «Зимних заметках о летних впечатлениях», в самом начале путевых заметок о первом путешествии по Европу в 1862 г., Достоевский вспоминает, как он рвался за границу чуть не с раннего детства: «...еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот, и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке» (5, 46).

В другом своем признании Достоевский указывает на влияние на него в детстве романов Вальтера Скотта. Это обстоятельство подтверждается А. М. Достоевским: «Выше я говорил уже, что старшие братья читали во всякое свободное время. В руках брата Феди я чаще всего видал Вальтер Скотта: “Квентина Дорварда” и “Ваверлея”. У них были собственные экземпляры, и вот их-то он перечитывал неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный перевод»⁷⁸. В 1830-е гг. Достоевскому могли быть доступны более сорока произведений Скотта

⁷⁶ Библиотека Ф. М. Достоевского. С. 255; *Достоевский А.* Воспоминания. С. 70.

⁷⁷ *Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А.* Так какое же издание книги И. Гибнера мог читать в детстве Достоевский? // *Достоевский и мировая культура: альманах.* 2018. № 36. С. 19–31. См. также: *Достоевский А.* Воспоминания. С. 64–66; Библиотека Ф. М. Достоевского. С. 109–111; *Гроссман Л. П.* Семинары по Достоевскому. С. 68; *Zohrab I.* Dostoevsky and Kierkegaard in the context of State censorship // *The Dostoevsky Journal: A Comparative Literature Review.* 2013–2014. Vols. 14–15. P. 65–109; 81–82.

⁷⁸ *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 70.

в русских переводах⁷⁹. Конечно, далеко не все эти произведения были

⁷⁹ *Скотт В.* Поема (sic) последнего барда / пер. М. Т. Каченовский // Вестник Европы. 1822. № 9–10. С. 88–124; № 11–12. С. 255–293; № 13–14. С. 70–113; см. также отдельное издание: *Скотт В.* Поема (sic) последнего барда / изд. М. Каченовский. М.: Университетская тип., 1823; *Скотт В.* Выслужившийся офицер, или Война Монтроза: в 4 т. М.: тип. П. Кузнецова, 1824. Т. 1. 259 с.; Т. 2. 215 с.; Т. 3. 212 с.; Т. 4. 248 с.; *Скотт В.* Матильда Рокби: в 6 кн., в 2 ч. М.: тип. А. Семена, при Имп. мед.-хирург. академии, 1823. Ч. 1. 275 с.; Ч. 2. 274 с.; *Скотт В.* Деяния древнего рыцарства: в 2 ч. / пер. под ценз. Н. А. Бекетова. М.: тип. А. Семена, 1823. Ч. 1. 275 с.; Ч. 2. 274 с.; *Скотт В.* Кенильворт: в 4 т. М.: тип. А. Семена, 1823. Т. 1. 191 с.; Т. 2. 191 с.; Т. 3. 208 с.; Т. 4. 208 с.; *Скотт В.* Гай Мэннеринг, или Астролог: в 4 ч. М.: Университетская тип., 1824. Ч. 1. 270 с.; Ч. 2. 299 с.; Ч. 3. 276 с.; Ч. 4. 380 с.; *Скотт В.* Таинственный Карло: в 2 ч. М.: тип. А. Семена, при Императорской Мед.-Хир. Академии, 1824. Ч. 1. 228 с.; Ч. 2. 213 с.; *Скотт В.* Шотландские пуритане: в 4 ч. / пер. В. Соц. М.: тип. С. Селивановского, 1824. Ч. 1. 207 с.; Ч. 2. 238 с.; Ч. 3. 237 с.; Ч. 4. 194 с.; *Скотт В.* Антикварий: в 4 ч. / пер. П. К. М.: тип. С. Селивановского, 1825–1826. Ч. 1. 1825. 246 с.; Ч. 2. 1825. 226 с.; Ч. 3. 1826. 233 с.; Ч. 4. 1826. 252 с.; *Скотт В.* Невеста Трирмена, или Долина Святого Иоанна. М.: тип. Имп. Моск. театра, 1825. 106 с.; *Скотт В.* Аббат, или Некоторые черты жизни Марии Стюарт, королевы шотландской: в 4 ч. СПб.: тип. Императорских Театров, 1825. Ч. 1. 177 с.; Ч. 2. 184 с.; Ч. 3. 190 с.; Ч. 4. 219 с.; *Скотт В.* Эдинбургская темница: в 4 ч. / пер. А...а З...ь. М.: тип. С. Селивановского, 1825. Ч. 1. 263 с.; Ч. 2. 255 с.; Ч. 3. 253 с.; Ч. 4. 257 с.; *Скотт В.* Квитанция после смерти, или Редгонтлет: в 3 ч. 1825; *Скотт В.* Айвенго, или Возвращение из крестовых походов: в 4 ч. / пер. Ковтырев. СПб.: тип. А. Смирдина, 1826. Ч. 1. 182 с.; Ч. 2. 176 с.; Ч. 3. 169 с.; Ч. 4. 192 с.; *Скотт В.* Рокби. 1827; *Скотт В.* Ламмермурская невеста. Новые сказки моего хозяина: в 3 ч. М.: тип. Имп. Моск. театра, 1827. Ч. 1. 220 с.; Ч. 2. 200 с.; Ч. 3. 200 с.; *Скотт В.* Поле Ватерлоо. М.: Университетская тип., 1827. 136 с.; *Скотт В.* Уэверли, или Шестьдесят лет назад: в 4 т. М.: тип. Имп. Моск. театра, 1827; *Скотт В.* Талисман, или Ричард в Палестине. Из истории крестовых походов: в 3 ч. М.: тип. С. Селивановского, 1827. Ч. 1. 261 с.; Ч. 2. 260 с.; Ч. 3. 290 с.; *Скотт В.* Квентин Дорвард: в 4 ч. / пер. А. И. Писарев. М.: тип. Имп. Моск. театра, 1827; *Скотт В.* Два гуртовщика / Канонгентские летописи. 1827; *Скотт В.* Вдова горца / Канонгентские летописи. 1827; *Скотт В.* Владетель островов: в 6 песнях. М.: тип. А. Семена, при Имп. мед.-хир. акад., 1827. 275 с.; *Скотт В.* Горная шотландка [Повесть, взятая из рукописи леди Бетюн Бальоль]. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1828. 185 с.; *Скотт В.* Сон Дона Родерика. М.: изд. С. Семена, 1828. 68 с.; *Скотт В.* Мармион, или Битва при Флодден-Фильде: в 2 т. М.: тип. Имп. Моск. театра, 1828; *Скотт В.* Елена Дуглас, или Дева озера Лок-Катринского: в 2 т. М.: Университетская тип., 1828; *Скотт В.* Анна Гейерштейн: в 3 ч. 1828; *Скотт В.* Сент-Ронанские воды: в 6 ч. / пер. М. Воскресенский. М.: Университетская тип., 1828; *Скотт В.* Коннетабль Честерский, или Обрученные: в 3 т. / пер. Н. Ш. СПб.: тип. А. Смирдина, 1828; *Скотт В.* Редгонтлет, или Красная перчатка: в 4 т. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1828; *Скотт В.* Предания о Монтрозе и его спутниках. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829; *Скотт В.* Вудсток, или Кавалер: в 4 ч. / пер. А. Герасимов. М.: тип. С. Селивановского, 1829; *Скотт В.* Приключения Найджела: в 4 т. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829; *Скотт В.* Роб Рой: в 4 ч. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829; *Скотт В.* Вудсток, или Всадник: в 3 т. / пер. С. де Шаплет. СПб.: тип. Деп. нар. прос., 1829; *Скотт В.* Пертская красавица, или Праздник св. Валентина / пер. М. Воскресенский. М.: тип. С. Селивановского, 1829; *Скотт В.* Монастырь: в 4 т. М.: тип. Н. Степанова, при Имп. театре, 1829; *Скотт В.* Пират, или Морской разбойник: в 4 т. / пер. М. Воскресенский. М.: тип. С. Селивановского, 1829; *Скотт В.* Певерил Пик: в 3 ч. / пер. А. И. Писарев и С. Аксаков. М.: тип. Н. Степанова, при Имп. театре, 1830. Ч. 1. 226 с.; Ч. 2. 249 с.; Ч. 3. 194 с.; *Скотт В.* Монастырь:

подлинными творениями В. Скотта, случались также имитации и подделки. Нужно отметить, что в переводах книг Скотта на русский язык первой половины XIX в. упоминается его имя, тогда как в Англии публикации его романов в эти годы осуществлялись без упоминания имени автора: роман «Уэверли» публиковался анонимно, впоследствии автор обозначался словосочетанием: «автор “Уэверли”». В последние двадцать лет своей жизни Скотт опубликовал 23 произведения, все анонимно, в чем ему помогал его литературный агент Джеймс Баллантайн. Лишь в 1827 г., за пять лет до кончины, Скотт публично признал свое авторство.

Незадолго до смерти, 18 августа 1880 г., отвечая на письмо Н. Л. Озмидова, который отказывался давать своей дочери что-нибудь литературное, боясь чрезмерно развить ее фантазерство, Достоевский подчеркивает: «...фантазия есть природная сила в человеке, тем более во всяком ребенке, у которого она, с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями, развита и требует утolenия» (30₁, 211–212). Писатель вспоминает, как он сам в двенадцатилетнем возрасте, находясь в деревне на каникулах, перечитал всего Вальтера Скотта, и это развило его собственное воображение и нравственную чуткость: «Вальтер Скотт имеет высокое воспитательное значение», и в этом контексте Достоевский также рекомендовал всего Диккенса «без исключения» (30₁, 212). Художественные достижения английской литературы укоренились в сознании будущего писателя в раннем детстве⁸⁰.

Ласковое отношение Марии Федоровны к детям и поощрение их фантазии отражены во всей полноте в воспоминаниях А. М. Достоевского — в организации их игр летом во время пребывания в Даровом, с апреля 1832 г., в их только что купленном (в 1831 г.) загородном имении. Здесь они находились под единоличным присмотром матери, так как отец оставался работать в Москве. Они придумали игру в Робинзона, в которой будущий писатель играл роль главного героя, а Андрею была назначена роль Пятницы⁸¹. Другие игры, в которые играли дети, также были взяты из приключенческих рассказов о «диких племенах»,

---

в 3 ч. 1830; *Скотт В.* Канонгетские летописи. М.: Вольная тип. Пономарева, 1830. 202 с.; *Скотт В.* Дочь шотландского лекаря: в 2 ч. М.: Унив. тип., 1830. Ч. 1. 204 с.; Ч. 2. 234 с.; *Скотт В.* Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, Дева мрака: в 5 т. / пер. С. де Шаплет. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1830; *Скотт В.* Замок опасный: в 2 т. / пер. С. де Шаплет. СПб., 1833; *Скотт В.* Граф Роберт Парижский: в 3 ч. / пер. С. де Шаплет. СПб.: тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. Ч. 1. 283 с.; Ч. 2. 288 с.; Ч. 3. 215 с.

⁸⁰ *Zohrab I.* Russian citizenship mediated through the discourse on Englishness in the pages of *The Citizen* during F.M. Dostoevsky's editorship. (With some attribution.) XIIth Symposium of the International Dostoevsky Society. Naples, 2010. P. 128; *Zohrab I.* Dostoevsky and England. Wellington, 2010.

⁸¹ *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 58. См. также: *Барум К. А., Торон П. Х.* Рукописи Ф. М. Достоевского: Рисунок и каллиграфия // Текст и культура. Семиотика. Труды по знаковым системам, XVI. Тарту, 1983. С. 135–152; *Барум К. А.* Каллиграфическое

чаще всего из романов Ф. Купера, которые активно переводились на русский язык с 1820-х гг. и пользовались огромной популярностью. Как отмечал А. С. Пушкин, «Шатобриан и Купер, оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения»⁸². Андрей Михайлович вспоминает об этих играх: «Брат Федя, тогда уже много читавший, вероятно, ознакомился с описанием жизни дикарей. “Игра в диких” и была любимой нашею игрою»⁸³. Она состояла в том, что, выбрав в липовой роще место, где гуще росли деревья, дети строили там шалаш, укрывали хворостом и листьями и делали вход в него незаметным: «Шалаш этот делался главным местопребыванием диких племен; раздевались донага и расписывали себе тело красками на манер татуировки, делали себе поясные и головные украшения из листьев и выкрашенных гусиных перьев и, вооружившись самодельными луками и стрелами, производили воображаемые набеги на Брыково, где, конечно, были находимы нарочно помещенные там крестьянские мальчишки и девочки. Их забирали в плен и держали, до приличного выкупа, в шалаше. Конечно, брат Федор, как выдумавший эту игру, был всегда главным предводителем племен»⁸⁴. О поощрении этих забав со стороны Марии Федоровны свидетельствует ее решение не звать детей к обеду, но «отнести дикарям обед на воздух в особой посуде и поставить его где-нибудь под кустами. Это доставило нам большое удовольствие, и мы съели обед без помощи вилок и ножей, а просто руками, как приличествовало диким»⁸⁵.

Заметим, что в этом возрасте будущий писатель был слишком юн, чтобы самому доставать эти книги, поэтому самым вероятным поставщиком этой литературы была Мария Федоровна Достоевская. Ее стараниями будущий писатель получил доступ к следующим произведениям Купера: «Прерия, или Американские степи» (1829); «Американский пуританин, или Долина Виш-тон-Виш» (1831); «Поселенцы, или Источники реки Сусквеганны» (1832); «Последний из могикиан» (1833)⁸⁶. Отсылки к «Последнему из могикиан» нередко встречаются

письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 36–41.

⁸² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.; Л., 1936. С. 135.

⁸³ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 57.

⁸⁴ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 57. «Лесок Брыково с самого начала очень полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединою рощею».

⁸⁵ Там же. С. 58.

⁸⁶ Произведения Ф. Купера в русском переводе (до 1836 г.): *Купер Д. Ф.* Прерия, или Американские степи: в 4 ч. М.: тип. С. Селивановского, 1829. Ч. 1. 272 с.; Ч. 2. 326 с.; Ч. 3. 323 с.; Ч. 4. 326 с.; *Купер Д. Ф.* Американский пуританин, или Долина Виш-тон-Виш: в 4 ч. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1831. Ч. 1. 213 с.; Ч. 2. 226 с.; Ч. 3. 248 с.; Ч. 4. 210 с.; *Купер Д. Ф.* Поселенцы или Источники реки Сусквеганны / пер. М. Салемана. СПб.: тип. С.-Петерб. воен. ген.-губернатора, 1832. 385 с.; *Купер Д. Ф.* Последний из могикиан: в 4 ч., в 2 т. М.: тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. Т. 1. 214 с.; Т. 2. 212 с.

в произведениях Достоевского (15, 186; 21, 101; 23, 123). Интерес писателя к романам Купера, действие которых происходит в среде коренных народов Америки, участвующих в борьбе с европейскими колонизаторами, не ослабевал и в последующие годы. Это подтверждается Д. В. Григоровичем, который засвидетельствовал в своих мемуарах, что Достоевский советовал ему читать различные переводы: «Следопыт, или Внутреннее море» Купера, а также «Астролог» Скотта, «Исповедь английского любителя опиума» де Куинси и т. п.⁸⁷ В 1840-е гг. появились новые переводы произведений Ф. Купера на русский и французский языки: «*Œuvres complètes*» (1827–1829); «Браво» (1839); «Путеводитель в пустыне, или Следопыт, или Озеро-море» (1841); «Зверобой, или Первая тропа войны» (1841); «Вайандоте или Хижина на холме» (1843)⁸⁸. В библиотеке Достоевского находились собрания сочинений Купера на французском языке⁸⁹. Помимо книжных изданий, произведения Купера печатались в журналах⁹⁰, появлялись также критические разборы его произведений, например, В. Г. Белинского и А. В. Дружинина⁹¹.

Возвращаясь к вопросу о нитях, связывающих семейства Гарднеров и Альфонских с Достоевскими, небезынтересно отметить, что писатель, по-видимому, имел определенный интерес и эстетическое чутье к фарфору, что отразилось как в его бытовой жизни, так и в текстах произведений. Стоит вспомнить наблюдения его жены, А. Г. Достоевской: впервые попав в квартиру Достоевского для работы стенографисткой, она заметила украшавшие подоконник две большие китайские фарфоровые вазы, которые ему подарили сибирские друзья⁹². Живя в Дрездене, она вспоминает, как писатель тратил с трудом заработанные деньги на аукционе, потому что не мог удержаться от покупки прелестного *surtout de table* богемского стекла, изящного стиля, темно-вишневого

⁸⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1–2. М., 1964. Т. I. С. 128.

⁸⁸ В это время Достоевский мог рекомендовать Григоровичу следующие произведения Ф. Купера в русском и французском переводах: *Cooper J. F. Œuvres complètes de J. Fenimore Cooper / Traduction nouvelle d'A.-J.-B. Defauconpret. Vol. 1–27. Paris: Marne et Delaunay — Vallée. C. Gosselin. A. Sautetet et Cie. 1827–1829; Купер Д. Ф. Браво, или Венецианский бандит: ист. роман: в 4 ч. СПб.: тип. К. Венгебера, 1838. Ч. 1. 189 с.; Ч. 2. 206 с.; Ч. 3. 192 с.; Ч. 4. 218 с.; Купер Д. Ф. Путеводитель в пустыне, или Следопыт, или Озеро-море: в 2 ч. СПб.: Гутенберговская тип., 1841. Ч. 1. 222 с.; Ч. 2. 224 с.; Купер Д. Ф. Вайандоте, или Хижина на холме. 1843; Купер Д. Ф. Зверобой, или Первая тропа войны. 1848.*

⁸⁹ Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. С. 216.

⁹⁰ Например: *Купер Д. Ф. Путеводитель в пустыне, или Озеро-море: в 2 ч. / пер. М. Н. Катков, И. И. Панаев и М. А. Языков // Отечественные записки. 1840. Ч. 1, № 8, т. 11. С. 151–380; Ч. 2, № 9, т. 12. С. 3–224; Купер Д. Ф. Дирслэйер: в 3 ч. / пер. И. Введенского // Отечественные записки. 1848. Ч. 1, № 9, т. 60. С. 1–100; Ч. 2, № 10, т. 60. С. 285–376; Ч. 3, № 11, т. 61. С. 41–148.*

⁹¹ *Белинский В. Г. Путеводитель в пустыне, или Озеро-море. Роман Джемса Фенимора Купера // Отечественные записки. 1841. № 1, т. 14. С. 8–9.*

⁹² *Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 50.*

цвета с золочеными украшениями: «Вот бы нам приобрести эти прелестные вазы? Хочешь, Анечка, купим?»⁹³ В скромной квартире Достоевских на почетном месте стояла мейсенская фарфоровая лампа, привезенная Достоевским из Дрездена, плюс такая же пепельница и «прочие мелочи», как описывает в воспоминаниях школьная подруга Анны, Мария Николаевна Стоюнина (1846–1940)⁹⁴. Фарфор оказался важным элементом в предметном мире произведений Достоевского. Стоит упомянуть символическое значение китайских ваз в «Идиоте», сюжетные события, связанные с фарфором и керамической посудой (8, 189, 409, 433, 454–455, 462, 481). Не менее показательна драгоценная мейсенская фарфоровая лампа, случайно разбитая маленьким мальчиком в рассказе Макара Долгорукова о купце Скотобойникове в романе «Подросток» (13, 317).

В связи со знакомством Достоевского с семьей владельца фарфорового завода особый интерес представляют собой заметки о фарфоре в журнале «Гражданин». В рубрике «Последняя страничка», в которой иногда участвовал сам писатель, содержится рассказ о столовых сервизах, хранившихся на складах Императорского дворца Екатерины II, изготовленных Гарднером⁹⁵. Ранее, в период, когда Достоевский был единоличным редактором (в отсутствие издателя В.П. Мещерского) и полностью отвечал за содержание номера, там же появилась статья о керамике и фарфоре без подписи⁹⁶. Очевидно, что статья была составлена обозревателем, хорошо разбирающимся в гончарном деле и пластических искусствах. Судя по всему, перед нами перевод немецкого комментария к экспонатам Всемирной выставки в Вене. Вероятно, статью перевел Н.Н. Страхов, работавший в этот период с Достоевским⁹⁷. Все или большинство из этих обзоров о выставке в Вене были написаны, вероятно, М. Шлезингером (1822–1881), публиковались в европейских газетах, к некоторым из них Достоевский имел доступ (*Allgemeine Zeitung* (Augsburg), *Kölnische Zeitung*, *Independance Belge* (Bruxelles)). Журналист был также корреспондентом *New Free Press* и «Берлинской национальной газеты». Статья в «Гражданине» об экспонатах Венской всемирной выставки 1873 г. (*Weltausstellung 1873 Wien*) была помещена в начале номера после рубрика «Московские заметки», что отражало ее важность⁹⁸. В ней приводится краткая история открытия особых глин, предназначенных для изготовления фарфора. Наряду с прочими

---

⁹³ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 191–192.

⁹⁴ *Стоюнина М. Н.* Мои воспоминания о Достоевских // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 197.

⁹⁵ Из жизни Императрицы Екатерины II. Последняя страничка // *Гражданин*. 1873. № 48. С. 1296.

⁹⁶ Отчет о Венской Выставке // *Гражданин*. 1873. № 26. С. 727–729.

⁹⁷ *Zohrab I.* The Contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Part 1. P. 112.

⁹⁸ Отчет о Венской Выставке. С. 727–729.

указывался факт, что производство фарфора своим развитием в Германии и Франции обязано ряду случайностей: «В настоящее время фарфор делается повсюду... каолин находится везде, а где нужны особые его сорта, туда они доставляются перевозкою без всяких затруднений. (Так еще сегодня я слышал от г. Сименса, что каолин для русских фабрик доставляется из Корнуалля)»⁹⁹.

Причина, по которой статья в «Гражданине» упоминает фирму «Сименс» и поднимает вопрос о каолине, необходимом для производства фарфора, заключается в том, что эта фирма в 1853 г. заключила контракт с Россией на строительство телеграфной сети, для чего необходимо было значительное количество фарфоровых изоляторов¹⁰⁰. Вначале была построена телеграфная линия от Варшавы до границы России с Пруссией, после этого сеть была расширена на всю европейскую часть страны, соединив Санкт-Петербург, Москву, Киев, Ковно (Каунас), Ревель (Таллин), Гельсингфорс (Хельсинки), а на участке линии Петербург — Кронштадт кабель был проложен по дну Балтийского моря¹⁰¹.

Владельцем-управляющим фарфорового завода Гарднера в Вербилках в июне 1873 г., когда вышла статья в «Гражданине», была невестка Анны Гарднер (сестры Екатерины Альфонсовской, ближайшей подруги матери Достоевского), Елизавета Николаевна Гарднер (урожденная Леман) (1838–1913), дочь начальника артиллерии Московского военного округа, вдова Павла Гарднера (1826–1869), который стал владельцем фабрики после выхода на пенсию старших братьев Гарднеров¹⁰². Елизавета Гарднер похоронена на кладбище Вознесенской церкви в Ново-Никольском близ Вербилков, где покоятся и некоторые другие члены этой семьи¹⁰³. У Елизаветы и Павла Гарднеров было двое детей: дочь Мария и сын Алексей (1863–1908). Алексей Гарднер служил в Уездной земской управе г. Дмитрова, был членом Дворянской опеки и попечительства недееспособных лиц, малолетних, престарелых и больных. Он стал отцом Ивана Алексеевича Гарднера (1898–1984), музыковеда и исследователя русского церковного пения, автора исследования «Богослужбное пение Русской Православной Церкви» и многих других публикаций¹⁰⁴. Его многотомный труд воспоминаний «Море житейское»,

⁹⁹ Там же. С. 729.

¹⁰⁰ URL: <https://www.siemens.com/global/en/company/about/history/stories/siemens-russia.html> (дата обращения: 24.06.2023).

¹⁰¹ *Martin M.* 175 years of Siemens. Berlin: Siemens Historical Institute, 2022. P. 33. URL: https://assets.new.siemens.com/siemens/assets/api/uuid:d68dfbae-7d96-4c01-b9c2-133486ec2185/107-siemens-175-years-english-digital.pdf?ste_sid=fecb377582561d62637b09471f3e1ca3 (дата обращения: 24.06.2023).

¹⁰² *Розина О. В.* Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков. С. 194.

¹⁰³ Дубненско-Талдомское благочиние Сергиево-Посадской епархии. URL: <https://www.facebook.com/dubnablago/posts/1687621238056552> (дата обращения: 24.06.2023). Деятельность компании Meta признана Минюстом РФ экстремистской.

¹⁰⁴ URL: http://www.synaxis.info/psalom/research/gardner/Gardner_Kathismata.pdf; <https://bogoslav.ru/article/1295052> (дата обращения: 24.06.2023).

выпущенный научно-исследовательским центром «Архив славянской письменности и печати», в недавнем времени был представлен в доме Пашкова¹⁰⁵. На презентации президент Российской государственной библиотеки Виктор Федоров отметил, что публикация воспоминаний Ивана Гарднера — значимое событие: «Подобного рода книги, с моей точки зрения, чрезвычайно важны, потому что они, опираясь на то, что было до нас, на литературное наследие Ивана Алексеевича, показывают наше отношение к этому, и уходят туда, в будущее. Это — ниточка, связующая времена. Мы не только сохраняем, но и преумножаем и передаем уже преумноженное культурное наследие нашим потомкам»¹⁰⁶.

Библиографический список

- Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е января 1893 года / сост. секретарем дворянства М. П. Лихаревым. Рязань: тип. М. С. Орловой, 1893. 145 с.
- Арбат И. Ю.* Фарфоровый городок. М., 1957. 248 с.
- Андреевский К. С.* URL: <https://www.geni.com/> (дата обращения: 27.09.2023).
- Бак Д. П., Захаров В. Н., Пономарева Г. Б., Фокин П. Е.* Из выступлений участников пресс-конференции, посвященной восстановлению надгробного памятника на могиле матери Ф. М. Достоевского и прошедшей 9 марта 2017 года в Музее-квартире в Москве // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 1. С. 160–165.
- Барут К. А.* Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и наказание» // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 3. С. 3–45.
- Барут К. А.* Текстологическое исследование записных книжек Ф. М. Достоевского к роману «Бесы». Дипломатическая транскрипция. СПб., 2021. 581 с.
- Барут К. А., Торон П. Х.* Рукописи Ф. М. Достоевского: Рисунок и каллиграфия // *Текст и культура. Семиотика. Труды по знаковым системам*. XVI. Тарту, 1983. С. 135–152.
- Белов С. В.* Ф. М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. (А–К). 576 с.; Т. 2. (Л–Я). 544 с.
- Биография, письма, заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. 839 с.
- Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание / под ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. 339 с.

---

¹⁰⁵ *Гарднер И.* Море житейское: Воспоминания: в 4 т. Т. 1. Скитания (1920–1922). Кн. 2. Остров добровольных русских изгнанников. Кн. 3. Болгария / ред. Б. Даниленко. М., 2022. Объявлено, что научное издание книги подготовлено по авторской рукописи под редакцией протоиерея Бориса Даниленко, настоятеля храма Святителя Николая в Старом Ваганькове, на протяжении многих лет занимающегося исследованием научно-го наследия Ивана Алексеевича Гарднера.

¹⁰⁶ URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/v-rgb-sostoyalas-prezentatsiya-knigi-more-zhitejskoe-vozpominaniya-v-chetyrjokh-tomakh.html> (дата обращения: 27.09.2023).

- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. 673 с.
- Бойчак М.* История Киевского военного госпиталя. Киевский военный госпиталь в XVIII–XIX веках. Киев, 2005. (Становление и развитие военной медицины в Украине; кн. 52). 718 с.
- Брюховецкий Р. И.* Гарднер А. П. // Школы военных инженеров в 1701–1960 годах. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_a_p/13-1-0-2518 (дата обращения: 27.09.2023).
- Брюховецкий Р. И.* Гарднер В. П. // Школы военных инженеров в 1701–1960 годах. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_v_p/13-1-0-2517 (дата обращения 27.09.2023).
- Брюховецкий Р. И.* Гарднер П. П. // Школы военных инженеров в 1701–1960 годах. URL: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_p_p/13-1-0-1780 (дата обращения 27.09.2023).
- Викторович В. А.* Умереть в России // III Летние чтения в Даровом: Материалы науч. конф. 26–28 августа 2011 г. / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 133–148.
- Гостищев В. К., Евсеев М. А.* Заведующий кафедрой общей хирургии, декан медицинского факультета, проректор, ректор Императорского Московского университета Аркадий Алексеевич Альфонский и его роль в совершенствовании преподавания клинических дисциплин и развитии медицинского факультета // Сеченовский вестник. 2013. Т. 12, №2. С. 5–9.
- Гроссман Л. П.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Литературное наследство. Т. 15. М., 1934. С. 83–162.
- Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. 118 с.
- Достоевская А. Г.* Воспоминания / вступ. ст., подгот. текст и примеч. С. В. Белова, В. А. Туниманова. М., 1987. 544 с.
- Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. 245 с.
- Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1999. 260 с.
- Дроздов Н. А.* Английская литература в России первой четверти XIX в.: библиография. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=11326> (дата обращения 25.10.2023).
- Захаров В. Н.* Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. №4. С. 109–114.
- Захаров В. Н.* Памятник как текст, или Послание братьев Достоевских // Известный Достоевский. 2004. №1. С. 5–11.
- Из жизни Императрицы Екатерины II. Последняя страничка // Гражданин. 1873. №48. С. 1296.
- Кросс Э. Г.* (сост.) Англофилия у трона. Британцы и русские в век Екатерины II: Каталог продукции. Лондон: Британский совет, 1992. 122 с.
- Кузьмина В. П.* Россия. Развитие технологии получения фарфора. Фарфоровый завод Гарднера в Вербилках. М., 2021. 75 с.
- Купер Д. Ф.* Последний из могикиан: в 4 т. М.: тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833.
- Круглянская Н. А.* Гарднера фарфор // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <https://vellisa.ru/multimedijnaya-megaentsiklopediya-kirilla-i-mefodiya-onlayn> (дата обращения 25.09.2023).

- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. СПб., 1993. 544, 592, 615 с.
- [Максимовский М.] Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869 / сост. при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. СПб., 1869. Приложение. Отд. паг. 416 с.
- Мезьер А. В. Словарь русских цензоров. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2000. 145 с.
- Нечаева Н. С. Ранний Достоевский. 1821–1849 гг. М., 1979. 288 с.
- Николай Михайлович, вел. кн. Московский некрополь: в 3 т. СПб., 1907. Т. 1. (А–И). XIII, 517 с.
- Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомиров; отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб., 2021. 260 с.
- Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011. 268 с.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.; Л., 1936. 710 с.
- Петербургский некрополь. Т. 1–4 / изд. вел. кн. Николая Михайловича. Т. 1. СПб., 1912–1913. 735 с.
- Родословная книга дворянства Московской губернии / под ред. Л. М. Савелова. М.: Изд. Московского дворянства, [1914]. [Дворянство жалованное и выслуженное: А–И]. IX, 686 с.
- Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Неизданный Достоевский. М., 1971. (Литературное наследство; т. 83). С. 17–23.
- Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков: историко-культурологическое исследование // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №2 (17). С. 188–196.
- Рындин И. Ж. История, культура и традиции Рязанского края: Гарднеры. URL: <https://62info.ru/history/node/10206> (дата обращения: 27.09.2023).
- Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. (Литературное наследство; т. 91). 870 с.
- Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова... с указанием 20 000 критических статей, рецензий и библиографических заметок, касающихся книг, помещенных в каталогах и извлеченных из всех периодических изданий и сборников, вышедших в свет с 1825 вплоть до 1869 года; а также более 400 указаний переводов русских сочинений на иностранные языки, вышедших отдельными изданиями / сост. В. И. Межов. СПб.: А. Ф. Базунов, 1869. 998 с.
- Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 196–202.
- Страхов Н. Н. Приложение: Н. Н. Страхов о Достоевском. Наблюдения. Посв<ячается Ф. М. Достоевскому> // Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. (Литературное наследство; т. 86). С. 562–564.
- Тихомиров Б. Н. Даровое и Черемошья в неосуществленных художественных замыслах Достоевского // III Летние чтения в Даровом: Материалы

- науч. конф. 26–28 августа 2011 г. / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2013. С. 15–29.
- Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А.* Какое же издание книги И. Гибнера мог читать в детстве Достоевский? // Достоевский и мировая культура: альманах. 2018. № 36. С. 19–31.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1964. 439, 520 с.
- Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. (Литературное наследство; т. 86). 790 с.
- Фатеев В. А.* Н. Н. Страхов. Личность. Творчество. Эпоха. СПб., 2021. 652 с.
- Федоров Г. А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. 464 с.
- Фокин П.* Достоевский. Перепрочтение. СПб., 2013. 286 с.
- Фокин П.* О восстановлении памятника матери Ф. М. Достоевского на бывшем Лазаревском кладбище в Москве // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 149–159.
- Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. М., 2013. 1232 с.
- Цензоры Российской Империи. Конец XVIII — начало XX века: библиографический справочник. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013. 480 с.
- [*Шлезингер М. (?)*] Отчет о Венской Выставке. VIII / пер. Н. Н. Страхова (?) // Гражданин. 1873. № 26. С. 727–729.
- Якубович И. Д.* Достоевский в Главном инженерном училище: (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 179–186.
- Cross A.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth century Russia. Cambridge, 1997. 474 p.
- Frank J.* Dostoevsky. The Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton, 1976. 424 p.
- Frank J.* Dostoevsky: A Writer in His Time. Rev. ed. Princeton, 2012. 984 p.
- Harvey E.* The English Student's Manual or Miscellaneous pieces selected from the best English prose writers, preceded by a sketch of the rise and progress of the English Language, and followed by a copious English-French and Russian Dictionary of all the words contained in the body of the work. 2 vols. Moscow, 1835. Vol. I. 262 p.; Vol. II. 172 p.
- Marullo Th. G.* Fyodor Dostoevsky — In the Beginning (1821–1845). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism. De Kalb, 2017. 306 p.
- Martin M.* 175 years of Siemens. Berlin, 2022. 193 p.
- Ross M. C.* Russian Porcelains. Norman: University of Oklahoma Press, 1968. XXVIII, 427 p.
- Tooke W.* View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of the Present Century. III. London, 1799. 620 p.
- Zohrab I.* The contents of *The Citizen* during Dostoevsky's editorship: Uncovering the authorship of unsigned contributions. Dostoevsky's quest to reconcile the 'Flux of Life' with a self-fashioned Utopia. Part 1 // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. 2003/2004. Vol. 5. P. 47–222.
- Zohrab I.* Dostoevsky and England. Wellington. 2010. 300 p.

References

- Arbat I. Yu. *Farforovyi gorodok* [Porcelain town]. Moscow, 1957. 248 p. (In Russ.)
- Bak D. P., Zakharov V. N., Ponomareva G. B., Fokin P. E. Iz vystuplenii uchastnikov press-konferentsii, posviashchennoi vosstanavleniiu nadgrobnogo pamiatnika na mogile materi F. M. Dostoyevskogo i proshedshei 9 marta 2017 goda v Muzee-kvartire v Moskve [From the speeches of participants of the press conference, devoted to the restoration of the tombstone on the grave of F. M. Dostoyevsky's mother took place on March 9, 2017 in the Museum-apartment in Moscow]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2017, no. 1, pp. 160–165. (In Russ.)
- Barsht K. A. Kalligraficheskoe pis'mo F. M. Dostoevskogo v rukopisiakh k romanu "Prestuplenie i nakazanie" [Calligraphic writing by F. M. Dostoevsky in the manuscripts for the novel "Crime and Punishment"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2018, no. 3, pp. 36–41. (In Russ.)
- Barsht K. A. *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh knizhek F. M. Dostoevskogo k romanu "Besy"*. *Diplomaticheskaia transkriptsiia* [Textual study of F. M. Dostoevsky's notebooks for the novel "Possessed". Diplomatic transcription]. Saint Petersburg, 2021. 581 p. (In Russ.)
- Barsht K. A., Torop P. Kh. Rukopisi F. M. Dostoevskogo: Risunok i kalligrafia [Manuscripts of F. M. Dostoevsky: Drawing and calligraphy]. In: *Tekst i kul'tura. Semiotika. Trudy po znakovym sistemam*, XVI. Tartu, 1983. Pp. 135–152. (In Russ.)
- Belov S. V. *F. M. Dostoyevskii i ego okruzenie: entsiklopedicheskii slovar'* [F. M. Dostoevsky and his circle: encyclopedic dictionary]: in 2 vols. Saint Petersburg, 2001. Vol. 1 (A–K). 576 p.; Vol. 2 (L–Ya). 544 p. (In Russ.)
- Biografiia, pis'ma, zametki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoevskogo* [Biography, letters, notes from the notebook of F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, 1883. 332, 375, 122 p.
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo. Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Library of F. M. Dostoevsky. Reconstruction experience. Scientific description], ed. N. F. Budanova. Saint Petersburg, 2005. 339 p. (In Russ.)
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Moscow University]. Moscow, 1855. 673 p. (In Russ.)
- Boichak M. *Istoriia Kievskogo voennogo gosпиталя. Kievskii voennyi gosпиталь v XVIII–XIX vekakh* [History of the Kyiv Military Hospital. Kiev Military Hospital in the 18th–19th centuries]. Kiev, 2005. (Stanovlenie i razvitie voennoi meditsiny v Ukraine; book 52). 718 p. (In Russ.)
- Briukhovetskii R. I. Gardner A. P. In: *Shkoly voennykh inzhenerov v 1701–1960 godakh*. Available at: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_a_p/13-1-0-2518 (accessed: 27.09.2023). (In Russ.)
- Briukhovetskii R. I. Gardner V. P. In: *Shkoly voyennykh inzhenerov v 1701–1960 godakh*. Available at: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_v_p/13-1-0-2517 (accessed: 27.09.2023). (In Russ.)
- Briukhovetskii R. I. Gardner P. P. In: *Shkoly voyennykh inzhenerov v 1701–1960 godakh*. Available at: https://viupetra2.3dn.ru/publ/gardner_p_p/13-1-0-1780 (accessed: 27.09.2023). (In Russ.)

- Cross A.G. *Anglofiliiia u trona. Britantsy i russkie v vek Ekateriny II: Katalog produktii* [Anglophilia at the Throne. The British and the Russians in the Age of Catherine I: Product Catalog]. London: British council, 1992. 122 p.
- Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth century Russia*. Cambridge, 1997. 474 p.
- Dostoevskaia A.G. *Vospominaniia* [Memoirs], intro., text prep. and comment. S.V. Belov, V.A. Tunimanov. Moscow, 1987. 544 p. (In Russ.)
- [Dostoevskaia L.F.] *Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky in the writings of his daughter]. Saint Petersburg, 1992. 245 p. (In Russ.)
- Dostoevskii A.M. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, 1999. 260 p. (In Russ.)
- Drozov N.A. *Angliiskaia literatura v Rossii pervoi chetverti XIX v.: bibliografiia* [English literature in Russia in the first quarter of the 19th century: bibliography]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=11326> (accessed: 25.10.2023). (In Russ.)
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Leipzig; Saint Petersburg, 1890–1894.
- F.M. Dostoyevskiy. *Novye materialy i issledovaniia* [F.M. Dostoevsky. New materials and researches]. Moscow, 1973. (Literaturnoye nasledstvo, vol. 86). 790 p. (In Russ.)
- F.M. Dostoyevskii v vospominaniiakh sovremennikov [F.M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries]: in 2 vols. Moscow, 1964. 439, 520 p. (In Russ.)
- Fateev V.A. *N.N. Strakhov. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha* [N.N. Strakhov. Personality. Creative works. Epoch]. Saint Petersburg, 2021. 652 p.
- Fedorov G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [Dostoevsky's Moscow world. From the history of Russian artistic culture of the 20th century.]. Moscow, 2004. 464 p.
- Fokin P. *Dostoyevskii. Pereprochtenie* [Dostoevsky. Rereading]. Saint Petersburg, 2013. 286 p.
- Fokin P. O vosstanovlenii pamiatnika materi F.M. Dostoyevskogo na byvshem Lazarevskom kladbishche v Moskve [On the restoration of the monument to F.M. Dostoevsky's mother at the former Lazarevskoye Cemetery in Moscow]. *Neizvestnyi Dostoyevskii*, 2017, no. 1, pp. 149–159.
- Frank J. *Dostoyevsky: A Writer in His Time*. Rev. ed. Princeton, 2012. 984 p.
- Frank J. *Dostoyevsky. The Seeds of Revolt, 1821–1849*. Princeton, 1976. 424 p.
- Gostishchev V.K., Evseev M.A. Zaveduiushchii kafedroi obshchei khirurgii, dekan meditsinskogo fakul'teta, prorektor, rektor Imperatorskogo Moskovskogo universiteta Arkadii Alekseevich Al'fonskii i ego rol' v sovershenstvovanii prepodavaniia klinicheskikh distsiplin i razvitiia meditsinskogo fakul'teta [Head of the General Surgery Department, Dean of the Faculty of Medicine, Vice-Rector, Rector of Imperial Moscow University Arkady Alekseevich Alfonskii and his role in advancing the teaching of clinical disciplines and developing the Faculty of Medicine]. *Sechenovskii vestnik*, 2013, vol. 12, no. 2, pp. 5–9. (In Russ.)
- Grossman L.P. *Seminarii po Dostoyevskomu* [Seminary on Dostoevsky]. Moscow, Petrograd, 1922. 118 p. (In Russ.)
- Grossman L.P. Dostoyevskii i pravitel'stvennye krugi 70-kh godov [Dostoevsky and government circles of the 70s]. In: *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 15. Moscow, 1934. Pp. 83–162.

- Harvey E. *The English Student's Manual or Miscellaneous pieces selected from the best English prose writers, preceded by a sketch of the rise and progress of the English Language, and followed by a copious English-French and Russian Dictionary of all the words contained in the body of the work*, 2 vols. Moscow, 1835. Vol. I, 262 p.; Vol. II, 172 p.
- Iakubovich I. D. Dostoevskii v Glavnom inzhenernom uchilishche (Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva pisatel'ia) [Dostoevsky at the Main Engineering School (Materials for the chronicle of the writer's life and work)]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 5. Leningrad, 1983. Pp. 179–186.
- Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family], ed. I. L. Volgin. Moscow, 2013. 1232 p.
- Kuper D. F. *Poslednii iz mogikan* [The Last of the Mohicans]: in 4 vols. Moscow: tipografiia Lazarevykh Instituta vostochnykh iazykov, 1833. 320 p.
- Kruglianskaia N. A. Gardnera farfor [Gardner's porcelain]. *Universal'naia entsiklopediia Kirilla i Mefodiia*. Available at: [https://megabook.ru/article/Gardnera farfor](https://megabook.ru/article/Gardnera_farfor) (accessed: 25.09.2023).
- Kuz'mina V. P. *Rossiia. Razvitie tekhnologii poluchenii farfora. Farforovyi zavod Gardnera v Verbilkakh* [Russia. Development of porcelain production technology. Gardner porcelain factory in Verbilki]. Moscow, 2021. 75 p. (In Russ.)
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881* [Chronicle of the life and work of F. M. Dostoevsky. 1821–1881]: In 3 vols. Saint Petersburg, 1993. 544, 592, 615 p.
- [Maksimovskii M.] *Istoricheskii ocherk razvitiia Glavnogo inzhenernogo uchilishcha 1819–1869* [Historical outline of the development of the Main Engineering School 1819–1869], sostavlenn pri Nikolayevskoy inzhenernoy akademii. M. Maksimovskim. Saint Petersburg, 1869. Sep. pag. Appendix. 416 p.
- Martin M. *175 years of Siemens*. Berlin, Siemens AG, Siemens Historical Institute, 2022. 193 p.
- Marullo Th. G. *Fyodor Dostoevsky — In the Beginning (1821–1845). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism*. De Kalb, 2017. 306 p.
- Mezer A. V. *Slovar' russki'kh tsenzorov* [Dictionary of Russian censors]. Moscow, Gos. publ. b-ka Rossii, 2000. 145 p. (In Russ.)
- Nechaeva N. S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, 1979. 288 p.
- Nikolai Mikhaylovich, great prince. *Moskovskii nekropol'* [Moscow Necropolis]: in 3 vols., vol. 1. (A–I). Saint Petersburg, 1907. XIII, 517 p.
- Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoi biografii F. M. Dostoevskogo* [New archival and printed sources of scientific biography of F. M. Dostoevsky]: collective monography, E. D. Maskevich, B. N. Tikhomirov, N. A. Tikhomirov, ed. B. N. Tikhomirov. Saint Petersburg, 2021. 260 p.
- Patrusheva N. G. *Tsenzor v gosudarstvennoi sisteme dorevoliutsionnoi Rossii (vtoraiia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Censor in the state system of pre-revolutionary Russia (second half of the 19th — early 20th century)]. Saint Petersburg, Severnaya zvezda, 2011. 268 p. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 6 vols. Vol. 5. Moscow, Leningrad, 1936. 710 p.

- Peterburgskii nekropol'* [Petersburg Necropolis], vols. 1–4, vol. 1. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Velikogo kniazia Nikolaia Mikhaylovicha, 1912–1913. 735 p.
- Rodoslovnaia kniga dvorianstva Moskovskoi gubernii* [Genealogical book of the nobility of the Moscow province], ed. by L.M. Savelova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo dvorianstva, [1914]. [Dvorianstvo zhalovannoe i vysluzhennoe: A–I]. IX p.
- Ross M.C. *Russian Porcelains*. Norms, University of Oklahoma Press, 1968. xxviii, 427 p.
- Rozenblium L.M. *Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [Creative diaries of Dostoevsky]. In: *Neizdannyy Dostoevskii*. Moscow, 1971. (Literaturnoe nasledstvo; vol. 83). Pp. 17–23.
- Rozina O.V. *Farforovaia fabrika F. Ia. Gardnera i ego potomkov: istoriko-kul'turologicheskoe issledovanie* [The porcelain factory of F. Ya. Gardner and his descendants: a historical and cultural study]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2019, no. 2 (17), pp. 188–196.
- Roman F.M. *Dostoevskogo "Podrostok": sovremennoe sostoianie izucheniia* [F.M. Dostoevsky's novel "The Teenager": the current state of study], ed. T.A. Kasatkina. Moscow, IMLI RAN, 2022. 864 p.
- Ryndin I. Zh. *Istoriia, kul'tura i traditsii Riazanskogo kraia: Gardnery* [History, culture and traditions of the Ryazan region: The Gardners]. Available at: <https://62info.ru/history/node/10206> (accessed: 27.09.2023).
- [Shlezinger M.?] *Otchet o Venskoii Vystavke. VIII. Grazhdanin*, 1873, no. 26, June 26, pp. 727–729. (In Russ.)
- Sistematicheskii katalog russkim knigam, prodaiushchimsia v knizhnom magazine Aleksandra Fedorovicha Bazunova... s ukazaniem 20 000 kriticheskikh statei, retsenzii i bibliograficheskikh zametok, kasayushchikhsia knig, pomeshchennykh v katalogakh i izvlechennykh iz vsekh periodicheskikh izdaniia i sbornikov, vyshedshikh v svet s 1825 vplot' do 1869 goda; a takzhe bolee 400 ukazanii perevodov russkikh sochineniy na inostrannyye iazyki, vyshedshikh ot del'nymi izdaniiami* [A systematic catalogue of Russian books, published in the book magazine of Aleksandr Fedorovich Bazunov... containing 20,000 critical articles, retrievals and bibliographical notes, condensed books, items in catalogues and extracts from all periodical publications and collections published in the world from 1825 to 1869; as well as more than 400 indications of translations of Russian works into foreign languages, published in separate publications], comp. V.I. Mezhev. Saint Petersburg: A. F. Bazunov, 1869. 998 p.
- Stoiunina M.N. *Moi vospominaniia o Dostoevskikh* [My memoirs on Dostoevsky]. In: *F.M. Dostoyevskii v zabytykh i neizvestnykh vospominaniakh sovremennikov*. Saint Petersburg, 1993. Pp. 196–202.
- Strakhov N.N. *Prilozheniye: N.N. Strakhov o Dostoevskom. Nabliudeniia. (Posv<ia-shchaetsia > F.M. Dostoyevskomu)* [Appendix: N.N. Strakhov on Dostoevsky. Observations. (Dedicated to F.M. Dostoevsky)]. In: *Dostoyevskiy. Novyye materialy i issledovaniia*. Moscow, 1973. (Literaturnoe nasledstvo; vol. 86). Pp. 562–564.
- Tikhomirov B.N. *Darovoe i Cheremoshnia v neosushchestvlennykh khudozhestvennykh zamyslakh Dostoevskogo* [Darovoe and Cheremoshnya in Dostoevsky's unfulfilled creative plans]. In: *III Letnie chteniia v Darovom. Materialy nauchoi konferentsii 26–28 avgusta 2011 goda*, ed. V.A. Viktorovich. Kolomna, MGOSGI, 2013. Pp. 15–29.

- Tikhomirov B.N., Tikhomirova N.A. Kakoe zhe izdaniye knigi I. Gibnera mog chitat' v detstve Dostoevskiy? [What edition of I. Gibner's book could Dostoevsky have read as a child?] *Dostoevskiy i mirovaia kul'tura*: almanac, 2018, no. 36, pp. 19–31.
- Tooke W. *View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of the Present Century*, in 3 vols. London, 1799. 612 p.
- Tsenzory Rossiiskoi imperii. Konets XVIII — nachalo XX veka: bibliograficheskii spravochnik* [Censors of the Russian Empire. Late 18th — early 20th century: bibliographic reference]. Saint Petersburg, Rossiiskaia natsionalnaia biblioteka, 2013. 480 p. (In Russ.)
- Viktorovich V.A. Umeret' v Rossii [To die in Russia]. In: *III Letnie chteniia v Darovom: Materialy nauchoi konferentsii 26–28 avgusta 2011 goda*, ed. V.A. Viktorovich. Kolomna: MGOSGI, 2013. Pp. 133–148. (In Russ.)
- Zakharov V.N. Pamyatnik kak tekst, ili Poslaniye brat'ev Dostoevskikh [Monument as a text, or the message of the gates of Dostoevsky]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2004, no. 1, pp. 5–11. (In Russ.)
- Zakharov V.N. Skol'ko budet dvazhdy dva, ili Neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoevskogo [How much is two times two, or the Non-Obviousness of the obvious in Dostoevsky's poetics]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 109–114. (In Russ.)
- Zohrab I. The contents of *The Citizen* during Dostoevsky's editorship: Uncovering the authorship of unsigned contributions. Dostoevsky's quest to reconcile the 'Flux of Life' with a self-fashioned Utopia. Part 1. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*, 2004, vol. 5, pp. 47–222.
- Zohrab I. *Dostoevsky and England*. Wellington, 2010. 300 p.

И. А. КРАВЧУК*

ORCID ID: 0000-0002-6799-1967

**«ПЕРМСКИЙ СЛЕД» В «БЕСАХ»:
СТРУВЕ — ПРОТОТИПЫ ЛЕМБКЕ?**

Аннотация: В статье развивается гипотеза, согласно которой возможными прототипами супругов фон Лембке в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» являются пермский губернатор Б.В. Струве и его жена А.Ф. Струве (урожденная Розен). Во время работы писателя над романом Струве стал фигурантом крупного скандала, вызванного сенаторской ревизией в Пермской губернии. «Пермский след» в «Бесах» рассматривается в контексте полемики славянофилов, панславистов и М.Н. Каткова с дворянскими конституционалистами из редакции газеты «Весть», а также споров вокруг проекта административно-полицейской реформы А.Е. Тимашева.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Бесы», прототипы, Лембке, Нечаев, Верховенский, Струве, Катков, «Московские ведомости», административно-полицейская реформа, «Весть», славянофильство, панславизм, консерватизм.

I. KRAVCHUK

“THE PERM CONNECTION” IN DOSTOEVSKY’S “DEMONS”:
ARE STRUVE PROTOTYPES OF LEMBKE?

Annotation: The article develops a hypothesis according to which the Perm governor B. V. Struve and his wife A. F. Struve (nee Rosen) are possible prototypes of von Lembke’s spouses in F. M. Dostoevsky’s novel *Demons*. During the writer’s work on the novel, Governor Struve became a defendant in a major official scandal caused by a senatorial audit in the Perm province. “The Perm Connection” in *Demons* is considered in the context of the polemic of Slavophiles, Pan-Slavists and M. N. Katkov with noble constitutionalists from the editorial office of the *Vest’* newspaper, as well as disputes over the draft administrative-police reform of A. E. Timashev.

---

* Игорь Александрович Кравчук, магистр филологии, стажер ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Igor Alexandrovich Kravchuk, Master of Philology, intern at IRLI RAS. uznik.kravchuk@yandex.ru

Key words: Dostoevsky, *Demons*, prototypes, Lembke, Nechaev, Verkhovensky, Struve, Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, administrative and police reform, *Vest'*, Slavophilism, Panslavism, Conservatism.

Проблема прототипов — одна из самых сложных и интригующих в изучении творчества Достоевского. Хорошо известно замечание А. С. Долинина, писавшего, что герои писателя — «большой частью создание художественного воображения, лишь в малой мере опиравшегося на людей из окружавшей его действительности»¹. Изучение черновиков Достоевского не позволяет в полной мере согласиться с этой оценкой. Скорее уместно говорить о неоднородном генезисе персонажей писателя: внутри одной и той же фигуры может сосуществовать несколько прототипов, несколько слоев литературных, бытовых и исторических аллюзий, которые иногда дополняют друг друга, а иногда друг с другом спорят.

Обширный материал для подобных наблюдений предоставляет роман «Бесы». В этой статье мы продемонстрируем подобную «генетическую неоднородность» двух, казалось бы, хорошо изученных действующих лиц — губернаторской четы фон Лембке — и предложим свой вариант их вероятных прототипов. В основание нашей гипотезы будет положен детальный анализ одного из небольших отрывков, оставленных Достоевским на страницах третьей записной тетради к роману (РГБ, ф. 93, I.1.5). Нельзя сказать, что ранее этот фрагмент был обойден вниманием комментаторов. И все же, на наш взгляд, исторический контекст этого текстового отрывка не получил должного научного освещения.

Вначале напомним историю изучения проблемы. Долгое время в достоеведении безусловными прототипами супругов Лембке считались Павел Трофимович Баранов (1814–1864) и его жена Анна Алексеевна Баранова (урожденная Васильчикова) (1827–1890). П. Т. Баранов занимал должность тверского военного и гражданского губернатора в те годы, когда в Твери отбывал ссылку Достоевский. Прототипом же Блюма, таким образом, можно считать Н. Г. Левенталя — чиновника по особым поручениям, служившего у Баранова. Подобного взгляда на персонажей «Бесов» придерживались Н. Ф. Буданова и М. С. Альтман². Относительно недавно эта гипотеза встретила возражение С. А. Кибальника: «Баранов немало сделал для Достоевского, и, в частности, активно содействовал тому, чтобы писателю было возвращено право проживать в Петербурге <...>. Было бы странно после всего этого пародировать его в “Бесах”; насколько известно, Достоевский не относился к числу людей, которые отплачивают за помощь черной

---

¹ Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.: Л., 1963. С. 163.

² См. XII, 224, 227; Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 75–80.

неблагодарностью»³. Кибальник выдвигает собственную версию: взаимоотношения губернатора фон Лембке и Петра Верховенского, представляющие собой тонкую игру покровительства и манипуляции, напоминают реальные взаимоотношения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского и отбывавшего ссылку в Иркутске М. В. Буташевича-Петрашевского. Помимо Муравьева и Петрашевского, отмечает Кибальник, «иркутская “генеалогия”» героев романа «включает в себя также и ассоциации с военным и гражданским губернатором Иркутска Карлом Венцелем»⁴.

Доводы ученого представляются достаточно убедительными, однако мы считаем, что галерея прототипов Лембке может быть расширена. Подход Кибальника предполагает рассмотрение конкретного героя Достоевского не в отдельности, а в системе характеров, организующей сюжет. Так, образ губернатора берется в сцепке с образом его визави — Петра Верховенского (либо Нечаева — его «предшественника» в черновиках к «Бесам»). При этом пропускается еще более очевидная сцепка: «Андрей Антонович — Юлия Михайловна». Даже беглое ознакомление с биографическими источниками обнаруживает полнейшую противоположность между взаимоотношениями супругов Муравьевых и супругов Лембке. В «Бесах» губернатор — мужчина слабый, легко поддающийся чужому влиянию, мечтатель, втайне сочиняющий роман о торжестве добродетели и семейном счастье. Его жена — честолюбивая, гордая женщина, которая всеми силами стремится способствовать карьере супруга. Она не чужда авантюризму и охотно примеряет на себя лавры властительницы дум, хозяйки влиятельного интеллектуального кружка. Совершенно другими предстают перед нами Николай Николаевич Муравьев и его жена Екатерина Николаевна (урожденная де Ришмон): «По свидетельству знавших Екатерину Николаевну, — писал историк И. П. Барсуков, — она была чрезвычайно красива, умна и образованна. Характера она была мягкого, ровного, добрая сердцем и отличалась любовью к своему новому отечеству. При безграничной любви к жене Муравьев поддавался ее влиянию, не ослабевшему и в последние годы его жизни, и нельзя не сказать, что при пылкости характера Муравьева это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим»⁵. Тепло отзывалась о графине Муравьевой в своих воспоминаниях и М. Н. Волконская — жена декабриста С. Г. Волконского, делившая с ним сибирскую ссылку⁶.

---

³ Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биографии). Кн. 1. М., 1891. С. 163.

⁶ См. Волконская М. Н. Записки [Приложение] // Волконский С. М. О декабристах. Разговоры. М., 2019. С. 297.

Кто же еще может быть зашифрован в лицах губернатора и губернаторши? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся наконец к ранее упомянутому нами фрагменту из третьей записной тетради. Этот набросок Достоевский озаглавливает «Взгляд Нечаева на ход внутренней политики». Вот он: «Попытка ретроградства, попытка усиления губернаторской власти, например, — все это *нам на руку* (волнения). Все эти реформы нынешнего царствования произвели лишь то, что и надо произвести — волнения.

NB₁. Но только дело в том, что Нечаев предполагает в правительстве умысел — нарочно произвести волнения и безначалие (подражание действиям Наполеона во Франции), чтоб захватить власть в свои руки.

NB₂. Мысль Шатова о русском царе и о том, что русскому царю нечего бояться.

Прочсть “Моск<овские> ведомости” о пермских делах и об усилении губернат<орской> власти. Нечаев экспозирует это в собрании или Князю. Он ему говорит: “Кто это у них (в правительстве) умная голова, т. е. я бы ее поцеловал!”» (11, 262–263).

Упоминанию французского императора Наполеона III (а в тексте подразумевается именно он) мы посвящаем отдельную статью⁷. Здесь же ограничимся лишь необходимыми пояснениями. «Нарочно произведенные волнения» и «безначалие» явно указывают на переворот 2 декабря 1851 г. Законодательство провозглашенной в 1848 г. Второй Французской республики ограничивало право баллотироваться в президенты одним сроком. 10 декабря победу на президентских выборах одержал принц Луи Наполеон Бонапарт, желавший любой ценой удержать в своих руках верховную власть. У президента была сильная карта: Национальное собрание вводило чувствительный имущественный ценз для участия в выборах. В противовес парламенту Наполеон рекламировал себя как храброго защитника всеобщего избирательного права, народного лидера. В то же время Луи Бонапарт заручился поддержкой так называемой «партии порядка» — напуганных гражданскими потрясениями парижских буржуа, боявшихся надвигающихся разгула социализма и анархии. Над этими сторонниками Бонапарта Достоевский иронизировал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863): «Выручил Наполеон III. Он как с неба им упал, как единственный выход из затруднения, как единственная тогдашняя возможность» (5, 82).

2–4 декабря 1851 г. по Парижу были расклеены прокламации, в которых президент просил у народа поддержки в его противостоянии с парламентом; сам парламент был распущен, а наиболее опасные для Наполеона политики были немедленно арестованы. Манифестации против узурпаторов были подавлены с показательной и непропорциональной

---

⁷ Kravchuk I.A. The ghost of the nephew: Napoleon III in “The Demons” by F.M. Dostoevsky // The Dostoevsky Journal. 2021. No. 22. P. 150–183.

жестокостью. Переворот не только открыл Бонапарту дорогу к следующему президентскому сроку, но и устранил препятствия на пути к осуществлению его главной мечты — провозглашению Второй империи, что и случилось примерно год спустя. Pamфлетисты подчеркивали, что Наполеон III с самого начала раскалывал французское общество, злонамеренно стравливая между собой ветви власти, партии и классы ради личной выгоды. В своем классическом тексте «Наполеон Малый» изгнанный бонапартистским режимом из Франции Виктор Гюго писал: «...после 2 декабря, когда преступление было совершено, необходимо было обмануть общественное мнение. Переворот стал кричать: “Жакерия!” — подобно тому убийце, который кричал: “Держи вора!”»⁸

Очевидно, эту же технологию направляемого недовольства, рукотворного социального конфликта хотел бы перенять в своей политической практике у Достоевского и Нечаев. Но на какие же силы должно было опереться «18 брюмера по-русски»? Вернемся к анализируемому отрывку из третьей тетради.

Написан он был не раньше января 1871 г. — на это указывает сам Достоевский, ссылаясь на статьи «Московских ведомостей», идентифицированные исследователями как статьи в № 12 и 13 за 16 и 17 января. Как известно, газета Каткова была одним из тех русских изданий, которые Достоевский регулярно читал за границей⁹, поэтому далее мы будем опираться преимущественно именно на тексты из «Московских ведомостей». Впрочем, оба сюжета, о которых пишет Достоевский в тетради («пермские дела» и «усиление губернаторской власти»), к началу 1871 г. были хорошо известны всей читающей России, причем воспринимались они в неразрывной связи друг с другом. Ниже мы покажем, что соседство Наполеона и Перми в черновиках к «Бесам» далеко не случайно.

В начале марта 1870 г. в Пермь с ревизией был направлен один из опытнейших имперских сановников, сенатор П. Н. Клушин, некогда сам занимавший должность пермского губернатора. Первоначальная причина ревизии заключалась в неудовлетворительном ходе крестьянской реформы в этом регионе. Особенностью уральских промышленных районов было преобладание горнозаводских крестьян, прикрепленных к местным заводам, как частновладельческим, так и казенным. При их раскрепощении большую роль в получении земельных наделов и льгот играло то, к какому разряду относился тот или другой работник. Горнозаводские крестьяне могли считаться сельскими работниками или мастерами. Сельский работник был фактически обычным землепашцем, время от времени занятым на подсобных работах при заводе, тогда как мастерской трудился по преимуществу на заводе. На практике эта

---

⁸ Гюго В. Наполеон Малый // Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. М., 1954. С. 119.

⁹ См. письмо Достоевского Н. Н. Страхову 9 (21) октября 1870 г. и комментарий к нему А. И. Батюто (19, 150, 446).

система открыла широчайший простор для произвола, так как земельный надел мастерового во многом регулировался владельцами предприятий¹⁰. Сельских работников скопом переводили в разряд мастеровых, чтобы сэкономить на и без того скудных и неплодородных земельных отрезках, а также удержать при себе дешевую рабочую силу¹¹. К произволу при зачислении горнозаводских крестьян в сельские работники или мастеровые прибавлялось самоуправство при межевании наделов¹².

Все это вылилось в беспрецедентный конфликт между крестьянами с одной стороны и губернскими и ведомственными чиновниками с другой. «Крестьяне и горнорабочие Урала отказывались принимать уставные грамоты и уплачивать установленные оброки, не брали отведенных наделов, прекращали работать за прежнюю заработную плату. Бывали случаи столкновений между военными командами и бывшими крепостными. Иногда крестьяне толпами и группами нападали на мировых посредников»¹³. В течение 1860-х гг. законодательство неоднократно менялось в пользу горнозаводских крестьян¹⁴, но все же социальное напряжение оставалось достаточно высоким. К махинациям с земельными наделами прибавлялось неумелое и просто разорительное управление горными заводами, выживание которых часто целиком зависело от протекционистских мер и субсидий правительства¹⁵.

Упразднение крепостного права усугубило положение собственников, которые больше не могли экономить на даровом труде¹⁶. Расплачиваться за убытки заводовладельцев были вынуждены заводские работники, подчас терявшие и место на заводе, и землю, и в любом случае стремительно нищавшие и буквально умиравшие от голода¹⁷.

Тяжелая ситуация в горнопромышленных регионах вызвала раскол и в правительственных кругах. Сенаторская ревизия должна была разрешить накопившиеся противоречия и установить причины экономического и социального кризиса, охватившего Пермскую губернию.

---

¹⁰ См.: Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 357.

¹¹ См.: *Дружинин Н. М.* Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 165. См. также статистику по разрядам горнозаводских крестьян в: *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 214–215. Табл. 23.

¹² См.: [*Зайончковский П. А.*] Комментарии // [Валуев П. А.] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 418.

¹³ *Дружинин Н. М.* Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов. С. 165.

¹⁴ См.: *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права... С. 228.

¹⁵ См.: *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

¹⁶ См.: *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. С. 238. См. также: *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права... С. 268–274.

¹⁷ См.: *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 310.

Результаты ревизии привели к всероссийскому скандалу. Из сведений, собранных Клушиным, выяснилось, что речь шла о дискредитации и срыве важнейших государственных реформ и превращении Пермской губернии в подобие юридического анклава. Еще летом 1870 г. на общественную важность ревизии указывали «Отечественные записки»¹⁸. В октябре 1871 г. журнал «Вестник Европы» опубликует обстоятельный разбор пермских происшествий с выразительным названием «Дореформенная губерния». Сенаторская ревизия будет в ней охарактеризована как «одно из наиболее крупных событий во внутренней нашей политике за последнее время»¹⁹. Смысл заголовка раскрывался следующим образом: «...ревизией была открыта, так сказать, “дореформенная губерния”, которая <...> сохранилась как будто нарочно для того, чтобы нагляднее судить о различии прежних и новых порядков»²⁰.

Согласно выводам ревизии, в губернии процветало всевластие чиновников и полицейских. Халатность доходила до абсурда: простейшие следственные действия затягивались на несколько лет; в делопроизводстве, официальной переписке, архивах царили волокита и беспорядок. Воюющий пример административного нерадения находим в передовице «Московских ведомостей»: «Одно из найденных мертвых тел 28 дней пролежало под палящим летним зноем и под караулом из 8 крестьян; другое пролежало полгода, и крестьяне построили вокруг него частокол»²¹. Полицейские не брезговали ни прямыми поборами, ни растратами, ни откровенным грабежом состоятельных жителей губернии. Распоряжения правительства, призванные ускорить проведение в жизнь крестьянской реформы, саботировались. Деятельность земства и нормальная работа судов были парализованы. «Целые учреждения упразднились в Пермской губернии сами собою», — с изумлением констатировал М. Н. Катков²².

Впрочем, дело заключалось не только и не столько в коррупции и произволе. Самоуправство опиралось на авторитарный стиль управления, отличавший действия региональной администрации. Нарушение принципа разделения властей и полная безнаказанность привели к построению полицейской диктатуры в масштабах отдельно взятой губернии. Полицейские и чиновники, на которых подавались жалобы, не только не несли ответственности за содеянное, но и представлялись

---

¹⁸ Д. [Демерт Н. А.] Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 11. С. 69.

¹⁹ Ч. [Чупров А. И. ?] Дореформенная губерния // Вестник Европы. 1871. Т. V, № 10. С. 629.

²⁰ Там же

²¹ Московские ведомости. 1871. 15 января. № 12. Цит. по: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М., 1897. 836 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1870 год. М., 1897. 812 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1871 год. М., 1897. 863 с. (далее — *Собрание*), 34.

²² Там же.

к наградам. Полиция подчинила собственным интересам продажу спиртного, практиковала вымогательство и обыски в домах богатых купцов. В ответ на участвовавшие протесты губернское начальство развернуло настоящую войну против населения, устраивая предварительные аресты на основании непроверенных сведений, массовые высылки из губернии по признаку неблагонадежности и, наконец, бессудные порки. Розгам подвергались не только лица, которых законы империи ограждали от телесных наказаний, но даже жители губернии, не состоявшие ни под судом, ни под следствием. «Один из помощников исправника жестко высек мещанина за то, что последний не хотел отпустить к нему свою шестнадцатилетнюю дочь. Сеченье производилось иногда массами. Какой-то обоз не свернул с дороги пред исправником, и сорок человек возчиков были разом высечены, и притом так, что один из них готовился уже к переходу в другую жизнь и исповедовался»²³. На статье «Московских ведомостей» откликнулся и М. Е. Салтыков-Щедрин. В публицистическом цикле «Итоги» (1871) писатель сравнивал поведение пермских властей с поведением администрации «где-нибудь в завоеванном крае»²⁴. Случай с высеченными возчиками, очевидно, лег в основу пародийного рассуждения повествователя в февральской книжке «Отечественных записок»²⁵.

Разные авторы предлагали разные объяснения тому, что происходило в губернии. Наиболее злоешие выводы делал Катков, видевший в пермских безобразиях прежде всего дискредитацию государственной власти. Он особо выделяет случаи, когда власти карали заводских работников и крестьянских уполномоченных за жалобы на несправедливые действия своего начальства. Катков подчеркивал, что уполномоченные не подстрекали никого к беспорядкам, а пользовались возможностями, которые предоставлял закон. В пример приводилась история уполномоченного и волостного старшины из Каслинской волости, которые подали прошение великому князю Владимиру Александровичу. В прошении излагались факты нарушения договоренностей владельцами заводов, изблещался чиновничий произвол. Жалобщикам отомстили незамедлительным арестом и длительным следствием по сфабрикованным показаниям. «Итак, — заключает Катков, — за задачу прошения Великому Князю обвиненные просидели в тюрьме два года»²⁶.

Действия губернатора и его подчиненных напомнили Каткову о проекте административно-полицейской реформы, который был представлен на рассмотрение Комитета министров главой МВД А. Е. Тимашевым в январе 1870 г. В общих чертах тимашевская инициатива предполагала существенное усиление губернаторской власти: в подчинении

²³ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 36).

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Итоги // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М., 1969. С. 440. Далее в тексте — Салтыков-Щедрин.

²⁵ См.: Там же. С. 438–439.

²⁶ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 36).

губернатора оказывался губернский административный совет, собранный из высших должностных лиц губернии. Кроме того, под прямой контроль главы региона ставилась полиция. По оценке Ю.В. Тота, проект Тимашева был одним из прообразов контрреформ эпохи Александра III²⁷. Непосредственным же источником самого замысла, как указывает Тот, была служебная записка «О современном состоянии городских и уездных полицейских управлений», поданная начальником отделения департамента полиции Д. А. Поливановым директору департамента П. П. Косаговскому 26 ноября 1869 г. Суть предложений Поливанова состояла в первую очередь в передаче органов крестьянского самоуправления под надзор полиции. Согласно резолюции на рапорте Поливанова, записка была направлена министру уже 5 декабря 1869 г., а 26 декабря Тимашев представил императору всеподданнейший доклад, содержащий основные положения намеченных преобразований. «Таким образом, в МВД, несомненно, велись работы по подготовке проекта полицейской реформы, и Д. А. Поливанов принимал в них самое активное участие»²⁸.

Покушение, совершенное Д. В. Каракозовым на Александра II 4 (16) апреля 1866 г., существенно охладило реформаторские настроения в правительственных кругах. Не случайно самый успешный проект, призванный укрепить институт губернаторства, был подготовлен членами комиссии, расследовавшей обстоятельства покушения: недавним виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, министром внутренних дел П. А. Валуевым, новоиспеченным начальником Третьего отделения П. А. Шуваловым и министром государственных имуществ А. А. Зеленым. Все четыре сановника стояли за ужесточение административно-полицейского надзора на местах. Оппонентами четверки в правительстве стали председатель Комитета министров П. П. Гагарин, военный министр Д. А. Милютин, министр юстиции Д. Н. Замятин и министр финансов М. Х. Рейтерн²⁹. Таким образом, вопрос о губернаторах буквально расколол имперское правительство.

Бурные обсуждения, развернувшиеся как при дворе, так и на заседаниях Комитета, увенчались законом 22 июля 1866 г. Компетенция губернаторов расширилась, был оговорен порядок губернаторских ревизий. Однако в целом закон далеко не оправдал ожиданий сторонников реформы. Положение попытался исправить П. А. Валуев. 12 февраля 1868 г. он подал на имя Александра II новую записку «О положении губернаторского управления», в которой вновь призвал самодержца сделать губернаторов полноправными «хозяевами губерний». Записке,

---

²⁷ См.: Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. С. 296–297.

²⁸ Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. С. 282.

²⁹ См. об этом: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. М., 1991. С. 51–61.

впрочем, было не суждено облечься в форму закона. Дальнейший ход административных реформ, как показывает историк М. М. Шумилов, вынудил губернаторов вести постоянную борьбу с правительственными учреждениями, выборными городскими органами и земством³⁰.

Будущее тимашевского проекта было предрешено. Приведем характерный отзыв Д. А. Оболенского. Вплоть до 3 марта 1870 г. Оболенский трудился под началом Рейтерна, а затем стал товарищем министра Зеленого. 9 февраля 1870 г. Оболенский пишет о проекте в дневнике: «Это такое безобразия, что трудно поверить. <...> По всей вероятности он будет забракован. Журналистика подхватила теперь этот вопрос и разбирает его беспощадно. Быть может, Тимашев почувствует, наконец, свою неспособность и удалится. Тимашев есть довольно верный тип людей, которым после каракозовской истории поручено управление делами»³¹. В самом деле, план Тимашева был Комитетом министров отклонен.

Уже тогда в общественное обсуждение административно-полицейской реформы включился М. Н. Катков. На страницах «Московских ведомостей» он выступил с вежливой, но принципиальной критикой подобных преобразований: «...реформа, о которой идет речь, оказалась бы контрреформой, реакцией против новых, едва начавшихся порядков, уничтожением того, что сделано у нас со времени крепостного права»³². К этой же теме Катков возвращается и год спустя в статьях, посвященных итогам клушинской ревизии. С изрядным сарказмом он изображал пермского губернатора практическим последователем идей Тимашева. Частный случай послужил удачным поводом для отповеди контрреформаторским настроениям в правительственной и дворянской среде. Далее мы убедимся, каким внимательным читателем Каткова был Достоевский.

Важным практическим следствием сенаторской ревизии стало отстранение от должности пермского губернатора с последующим разбирательством. Здесь необходимо назвать, наконец, имя «хозяина губернии». Им был не кто иной, как Бернгард Васильевич Струве (1827–1889), отец известного политического деятеля, экономиста и философа П. Б. Струве. Выпускник Александровского лицея, Струве служил чиновником по особым поручениям при главе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева-Амурского, затем руководил Якутским областным и Иркутским губернским правлениями³³. И. П. Барсуков относил Струве к кругу «избранных» подчиненных генерал-губернатора, пользовавшихся особым доверием шефа³⁴.

³⁰ См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. С. 66–70.

³¹ Оболенский Д. А. Записки. СПб., 2005. С. 214.

³² Московские ведомости. 1870. 9 февраля, № 32 (Собрание, 95).

³³ См.: Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 129.

³⁴ См.: Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский... Кн. 1. С. 193.

В.А. Должииков, ссылаясь на неопубликованные материалы В.И. Вагина, пишет, что Муравьев сознательно окружал себя молодыми служащими из числа лицейстов³⁵. Как объясняет Н.П. Матханова, стиль управления Н.Н. Муравьева отличало недостаточно четкое распределение полномочий между губернскими чинами. Подобная практика, с одной стороны, приводила к частой неразберихе и выяснениям отношений между гражданскими и военными управляющими, а с другой стороны, давала простор инициативе, так что сноровистый молодой назначенец мог быстро обратить на себя внимание начальства и выдвинуться. Нельзя не изумиться стремительной карьере вчерашнего лицеиста: «...приехав титулярным советником, в 1849 г. Струве стал коллежским ассессором, а в 1850 г. — надворным советником. Решающий шаг к губернаторскому креслу был сделан в декабре 1851 г., когда Муравьев отправил Струве в Якутск, где ему поручалось осуществить реорганизацию управления и временно управлять областью»³⁶. Должность председателя Иркутского губернского правления, по сути, была вице-губернаторской. «Таких молодых (ему исполнилось 26 лет) людей на столь важных и ответственных постах в России больше не было, и вообще возраст подавляющего большинства (82%) вице-губернаторов превышал 40 лет. Поскольку иркутский губернатор К.К. Венцель обычно замещал часто отсутствовавшего генерал-губернатора, то председатель губернского правления соответственно заменял его»³⁷. В Сибири произошла встреча Струве с Петрашевским³⁸, с которым они были знакомы еще по Лицею. В 1855 г. блестящая деятельность под крылом Муравьева внезапно пресекается. Причины этой перемены сам Струве объясняет уклончиво: «Видно, много было Муравьеву написано и наговорено против меня...»³⁹ По мнению Н.П. Матхановой, решающую роль в размолвке между генерал-губернатором и председателем правления сыграл острый конфликт между военной и гражданской властью. Струве, прибывший в Сибирь из Петербурга в самый разгар этих «баталий», неудачно исполнял роль посредника и навлек на себя всеобщее раздражение⁴⁰.

---

³⁵ См.: Должииков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2018. С. 245–246; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 148–149.

³⁶ Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. С. 151.

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ Подробно и неприязненно описанная самим Струве: Струве Б.В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 110–111.

³⁹ Там же. С. 178.

⁴⁰ См.: Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 160. Сам Струве описывает конфликт в своих воспоминаниях, см.: Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. С. 106–108.

В 1856–1861 г. Струве работал в Астрахани, последовательно занимая кресло вице-губернатора, а затем губернатора. В этой должности в 1858 г. он принимает Александра Дюма во время его знаменитого путешествия по России. Крушение административной карьеры Струве рассматривает один из биографов его сына — известный американский историк Р. Пайпс. Касаясь ревизии П. Н. Клушина, Пайпс пользуется сведениями из статьи «Вестника Европы», рассмотренной нами ранее. Большой интерес представляют собой сведения, добытые им о жене Бернгарда Васильевича — Анне Федоровне Струве, урожденной Розен. «Это была весьма темпераментная особа с недопустимо властными манерами. После этой женитьбы отношения Струве и Муравьева сложились таким образом, что Струве считал за лучшее сказать больным и просить о переводе»⁴¹. Пайпс пишет о репутации «нарушительницы спокойствия» и «склочницы», закрепившейся за госпожой Струве и прервавшей карьерный взлет ее мужа⁴².

Одним из мемуаров, на которых основаны суждения Пайпса, оказываются воспоминания о чете Струве, оставленные в письме к коллекционеру П. И. Щукину поэтом П. В. Шумахером 15 июля 1885 г. «Бернарда Вас. Струве я знал юношей. В 1851 г. я был в Иркутске, где он доживал свой служебный термин. Потом он был губернатором в Перми. Оттуда его прогнали *за жену*; перевели в Астрахань и оттуда выгнали метлой *за губернаторишу*. Потом где он скитался — не знаю. <...> Он немецкий хлыщ, много пострадавший за свою жену, которая была моя невеста. Тогда она была нежное, воздушное существо, с вapéрами, идеалами и пр. Из нее вышла печка и стерва. <...> Она в Астрахани разъезжала с нагайкой, сопровождаемая полицеймейстером, и принимала доклады. Об этом было в свое время писано в газетах. <...> А сам Струве = 0»⁴³. Путаница в фактах (Шумахер, как видим, переставляет в обратном порядке астраханское и пермское назначения Струве) и чрезмерная экспрессивность письма заставляют усомниться в надежности свидетельства, хотя Шумахер, действительно, долго жил и работал в Сибири. Тем не менее не один лишь Шумахер дурно отзывался об этой женщине. Ссылный декабрист С. Г. Волконский писал в октябре 1854 г. своему зятю Д. В. Молчанову, что причиной «немилости» Муравьева к Струве стали «слабое управление с богатыми тузами, расходы свыше средств, вмешательство в дела жены его и взятки и интриги в Якутске»⁴⁴. В другом письме Волконский дополняет свои сведения, причисляя к виновным в «падении Струве» еще и его тещу⁴⁵. В том же

⁴¹ Пайпс Р. Струве. [Т. 1] Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001. С. 18.

⁴² См.: Там же. С. 20.

⁴³ Письма и записки П. В. Шумахера П. И. Щукину, и стихи Шумахера // Щукинский сборник. Вып. VII. М., 1907. С. 186. Курсив источника.

⁴⁴ Цит. по: Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 1. Иркутск, 2011. С. 176.

⁴⁵ См.: Там же. С. 178. См. также с. 190, 201.

духе характеризовал семью Струве и Н. Д. Свербеев, также служивший у Муравьева: «Бедный Струве поплатился, и поделом, за то, что попал в команду к жене и теще, стал жить сверх своих средств, делать непозволительные долги и заважничался окончательно до того, что не чувствовал под собою земли, перессорившись со всеми... Не будь сварливой Струвихи и будь другим Струве — давно был бы губернатором»⁴⁶.

Косвенное подтверждение воспоминаний о плохой репутации «Струвихи» обнаружил и М. С. Альтман. Он разыскал пасквиль, опубликованный в 1860 г. в популярном юмористическом журнале «Развлечение», выпускавшемся Ф. Б. Миллером. Текст назывался «Письмо из провинции» и был написан от имени некоей Аграфены Шпицбубе (в девичестве *Розгиной*) из города Тмутаракани (он же Татарополь). Фамилия «Шпицбубе» — говорящая, с немецкого *Spitzbube* переводится как «озорник», «жулик», «плут». В дореволюционной России это было хорошо известное немецкое ругательство⁴⁷. Шпицбубе — жена тмутараканского губернатора *Балтазара Васильевича Шпицбубе* (сравни с *Бернгард Васильевич Струве*). В письме рисуется гротескный образ властной и самодовольной женщины, полностью отстранившей безвольного супруга от должностных занятий: «...я ему помогаю: распечатываю пакеты, просматриваю разные протоколы, отдаю чиновникам приказания, распределяю командировки, предназначаю к должностям, устраиваю благотворительные спектакли, лотереи, свадьбы и т. п. Мой муж слишком еще молод, чтобы один мог нести бремя своих обязанностей»⁴⁸. Храбрая и предприимчивая губернаторша лично руководит тушением *пожара*, но становится объектом насмешек неблагодарных и испорченных тмутараканцев, приславших ей заказанную из Петербурга пожарную каску, подписанную: «сеи шлем да предохранит от растопления драгоценный мозг г-жи Шпицбубе, сугубо нужный для административных и хозяйственных забот!»⁴⁹ В том же письме губернаторша благодарит узкий кружок своих друзей и единомышленников, противостоящих грубости общественного мнения. Их корреспондентка «Развлечения» именуется *шпицбубистами*.

Необходимо заметить, что «Развлечение» развивает уже готовые образы, возникшие впервые, по-видимому, на страницах «Искры» в январе 1860 г. В третьем номере журнала мишенью сатирической атаки становится некая *Анна Федоровна*, принявшая на свой счет «статью из города Т.», напечатанную в одном из прошлых номеров «Московских ведомостей». Рассерженная женщина приняла меры к тому, чтобы компрометировавший ее выпуск газеты был запрещен

---

⁴⁶ Цит. по: *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. С. 153.

⁴⁷ См., например: *Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого.* СПб., 1876. С. 176.

⁴⁸ Письмо из провинции // *Развлечение.* 1860. №32. С. 386.

⁴⁹ Там же. С. 388.

к распространению в том городе, где она проживала. «По поводу всех этих статей редакция “Искры” получила письмо из города Татарополя, от госпожи Шпицбубе, урожденной Розгиной...»⁵⁰ В фельетоне «Искры» Аграфена Федоровна Шпицбубе поручает пресечь продажу газеты подполковнику Щучышеву и квартальному надзирателю Нагайке.

В дальнейшем супруги Шпицбубе становятся излюбленными жертвами «Искры» в течение всего 1860 г. Анекдоты с их участием становятся все более и более нелепыми: в № 21 за 3 июня Аграфена Федоровна, которую иронично уподобляют *Аспазии*, «с особенным интересом занимается распечатыванием казенных пакетов» и пишет за мужа резолюции⁵¹. При этом кипы казенных бумаг, которые находятся в распоряжении самого губернатора, годами остаются без движения и вывозятся «из дома Перикла» завернутыми в ковры⁵². Губернаторша продолжает преследовать какое-то ненавистное ей издание с карикатурами на нее: с этой целью она сжигает «неудобные» номера, одновременно разыгрывая годовой комплект журнала в лотерею в пользу сиротского приюта. Курьезный сюжет продолжает продолжение в № 31 от 12 августа. Комплект выигрывает какой-то гимназист и вслух возмущается тем, что из него изъяты те самые книжки, в которых помещались рисунки с Аграфеной Федоровной. В этом же фельетоне содержится красочный рассказ о том, как мадам Шпицбубе тушила пожар, а также о растратах в губернской больнице, неизвестно зачем выделившей огромную сумму на закупку чернослива. В № 34 от 2 сентября жена губернатора не упоминается, зато сам губернатор обвиняется в кумовстве и коррупции в связи с деятельностью все той же больницы⁵³. В № 24 от 24 июня встречаем монолог Аграфены Федоровны, почти дословно заимствованный «Развлечением»: «Он молод еще — кровь в нем сильно играет. Я стараюсь держать его в руках, чтобы не наделал шалостей. <...> Чтобы дурные люди как-нибудь не сбили его с толку — я ему строго внушила не подписывать ни одной бумаги без моего просмотра...»⁵⁴ С учетом того, что Татарополем и Тмутараканью в сатирических изданиях, как правило, называлась Астрахань, речь идет именно о Бернгарде и Анне Струве⁵⁵.

Имеются ли все же основания включать это колоритное семейство в круг прототипов фон Лембке? Учитывая службу Б.В. Струве чиновником по особым поручениям при Муравьеве, закономерно было бы

---

⁵⁰ Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений «Искры» // Искра. 1860. 15 января, № 3. С. 34.

⁵¹ Нам пишут // Искра. 1860. 3 июня, № 21. С. 225.

⁵² Там же. С. 226.

⁵³ См.: Нам пишут // Искра. 1860. 2 сентября, № 34. С. 366–367.

⁵⁴ Нам пишут // Искра. 1860. 24 июня, № 24. С. 262.

⁵⁵ См.: *Альтман М. С.* Материалы по истории культуры и быта русских городов // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Истории и филологии. Вып. 57. Горький, 1962. С. 198, 208.

соотнести его с Блюмом⁵⁶. Нельзя исключать, что сам Достоевский мог либо видеть Струве, либо слышать о нем еще в Петербурге, в докаторжный период. Дела и имя Н. Н. Муравьева были широко известны за пределами Восточной Сибири. В лучах этой известности мог греться и высокопоставленный подчиненный генерал-губернатора, не раз выполнявший ответственные поручения патрона. Скандальные публикации в «Московских ведомостях», «Искре» и «Развлечении» также доказывают, что фамилия Струве была на слуху, пусть даже под комической маской Шпицбубе — карикатура имеет успех лишь тогда, когда содержит черты сходства с предметом высмеивания. Одним словом, Достоевский и до 1871 г. имел множество поводов узнать и запомнить это имя. И все же, если наша догадка верна, решающее значение должны были иметь публикации Каткова. Несмотря на то что в передовицах «Московских ведомостей» имя пермского губернатора не называется, узнать его, конечно, не составляло труда.

Существуют ли в таком случае прямые параллели между сюжетом «Бесов» и пермской историей?

Да, и во множестве.

Конечно, едва ли Достоевский сознательно ориентировался на сатирический образ Аграфены Шпицбубе. И все же слухи об энергичной, амбициозной и неуступчивой губернаторше могли послужить материалом для создания героини «Бесов». В своем шаржевом виде Анна Струве взрослее (не только и не столько по возрасту), сильнее и настойчивее мужа. Она тянет его за собой, помогает делать карьеру (или думает, что помогает), прививает ему манеры и навыки «большого государственного человека». В «Бесах» читаем: «Собираясь к нам, Юлия Михайловна старательно поработала над супругом. <...> Ей хотелось перелить в него свое честолюбие...» (10, 244) Вскоре по прибытии в город губернаторша Лембке оспаривает неформальную власть Варвары Петровны и из местных либералов и радикалов пытается вербовать своего рода «шпицбубистов». Заветной мыслью Юлии Михайловны становится проведение в городе большого благотворительного праздника — газеты и журналы в свое время заостряли внимание на горячей любви Анны Федоровны к разного рода громким общественным мероприятиям. Как и *А. Ф.*, *Ю. М.* сталкивается с недоброжелателями и анонимными насмешниками. Вот что творилось в городе накануне благотворительного бала: «Город еще за две недели был начинен семейными анекдотами, которые все тотчас же переносились ко двору Юлии Михайловны нашими зубоскалами. Стали ходить семейные карикатуры. Я сам видел в альбоме Юлии Михайловны несколько в этом роде рисунков. Обо всем этом стало слишком хорошо известно там, откуда

---

⁵⁶ Интересно, что Р. Пайпс, ссылаясь на Достоевского, относит Струве к типу «“несчастливых” немцев», т. е. уподобляет его опять-таки Блюму (см.: *Паїпс Р.* Струве. С. 18. Ср. 10, 280).

выходили анекдоты; вот почему, мне кажется, и выросла такая ненависть в семействах к Юлии Михайловне в самое последнее время. Теперь все бранятся и, вспоминая, скрежещут зубами. <...> всяк про себя и ожидал скандала; а если уж так его ожидали, то как мог он не осуществиться?» (10, 356)

Политические аппетиты госпожи фон Лембке в романе раскрываются вполне недвусмысленно, причем в одной из глав романа Достоевский не оставляет сомнений в своих источниках: «По ее настоянию были, например, проведены две или три меры, чрезвычайно рискованные и чуть ли не противозаконные, в видах усиления губернаторской власти. Было сделано несколько зловещих потворств с тою же целью; люди, например, достойные суда и Сибири, единственно по ее настоянию были представлены к награде. На некоторые жалобы и запросы положено было систематически не отвечать. Все это обнаружилось впоследствии. Лембке не только все подписывал, но даже и не обсуждал вопроса о мере участия своей супруги в исполнении его собственных обязанностей» (10, 269). Ср. у Каткова: «Губернское правление потеряло всякое значение. Исправники даже не отвечали на его запросы, а только посылали бумаги к губернатору. Постановления присутствия оставались без внимания. Губернское правление назначило, например, дознание о противозаконных действиях верхотурского исправника Митяшева, а ему в то же время дана награда вне правил. По делам оханского исправника Петрова губернское правление распорядилось произвести формальное следствие, а чрез несколько дней после того Петров получил орден. Губернское правление сделало семь выговоров красноуфимскому исправнику; но вместо привлечения его к ответственности по закону, он получил орден»⁵⁷. Юлия Михайловна демонстративным молчанием наказывает своего супруга «за ревнивую зависть его как градоначальника к ее административным способностям» (10, 338). Сам Андрей Антонович в трагикомической сцене решительного объяснения с женой открыто обвиняет ее, во-первых, в том, что именно ее самолюбие подавляет его способности и систематически разрушает его карьеру; во-вторых, в том, что Юлия Михайловна осмеливается *расщеплять* власть в губернии: «Это вы, вы, сударыня, вывели меня из прежнего состояния, я принял это место лишь для вас, для вашего честолюбия... <...> я при вас не имею способностей. Два центра существовать не могут, а вы их устроили два — один у меня, а другой у себя в будуаре, — два центра власти, сударыня, но я того не позволю, не позволю!!!» (10, 338) Наконец губернатор переходит к откровенно грубым выпадам, обращаясь к жене: «...бестолковая, но ядовитая женщина...» (10, 339)

Слова Андрея Антоновича о недопустимости двух центров власти, безусловно, пародируют дискуссию о границах губернаторских полномочий. В спорах фон Лембке с Верховенским, в его проникновенных

---

⁵⁷ Московские ведомости. 1871. 15 января, № 12 (*Собрание*, 32).

политических размышлениях, в его подозрениях и приказах несложно отыскать массу переключек с публикациями 1870–1871 гг. о злоупотреблениях в губерниях и будущем административных преобразований в России. Так, в минуту откровенности с Петром Степановичем губернатор без стеснения признается в том, что готов саботировать земскую реформу ради сохранения за собой властных прерогатив, хотя бы и *de facto*: «Пусть правительство основывает там хоть республику, ну там из политики или для усмирения страстей, а с другой стороны, параллельно, пусть усилит губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотим республику; да что республику: все, что хотите, поглотим; я по крайней мере чувствую, что готов...» (10, 246) Риторика Андрея Антоновича явно выдает в нем горячего приверженца линии Валуева и Тимашева: «Я здесь прямо в глаза сказал: “Милостивые государи, для уравнивания и процветания всех губернских учреждений необходимо одно: усиление губернаторской власти”. Видите, надо, чтобы все эти учреждения — земские ли, судебные ли — жили, так сказать, двойственною жизнью, то есть надобно, чтоб они были (я согласен, что это необходимо), ну, а с другой стороны, надо, чтоб их и не было» (10, 246–247).

В своей монографии Л. И. Сараскина подробно и точно анализирует «философию власти» семейства Лембке. В представлении исследовательницы Андрей Антонович — типичный «верхний бес»: маленький человек, безыдейный авантюрист, самозванец, которого постепенно съедает жажда власти ради самой власти⁵⁸. Стиль управления фон Лембке сугубо имитационный: «...суть дела в обязательной нейтрализации любых усилий сверху, в железных правилах контригры»⁵⁹. Нельзя не согласиться с выводом Сараскиной, что «партия правителей», олицетворяемая фон Лембке, и «партия заговорщиков» в «Бесах» разделяют друг с другом ответственность за все творимое зло. Диалог между Верховенским и фон Лембке становится возможен как раз благодаря тому, что оба политических прохвоста являются в каком-то смысле зеркальным отражением друг друга⁶⁰.

При всей справедливости этих наблюдений, контекст, в котором возникают фигуры Андрея Антоновича и Юлии Михайловны, остается недостаточно раскрытым. Свой роман Достоевский помешал у Каткова в «Русском вестнике», и замысел произведения во многом оформлялся в русле тех споров, в которых принимали участие катковские издания. Безусловно, писатель не мимикрировал под программу Каткова и его окружения и не предлагал себя в глашатаи этой программы. И все-таки мы видим, насколько ценный, щедрый материал предоставили Достоевскому статьи «Московских ведомостей».

---

⁵⁸ См.: Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 267.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Там же. С. 273.

Дополнительное подтверждение этому тезису видим в финале спонтанной «политической исповеди» Лембке Верховенскому:

Я, знаете, уже заявил в Петербурге о необходимости особого часового у дверей губернаторского дома. Жду ответа.

— Вам надо двух, — проговорил Петр Степанович.

— Для чего двух? — остановился пред ним фон Лембке.

— Пожалуй, одного-то мало, чтобы вас уважали. Вам надо непременно двух (10, 246–247).

Требование Андрея Антоновича можно интерпретировать как пародию Достоевского на предложения усилить губернаторскую власть за счет полиции, т. е. опять-таки на слухи о проекте административно-полицейской реформы.

Наиболее ярко натура Андрея Антоновича раскрывается в «шпигулинской истории». До нашего времени неоспоримой считается версия Ф. И. Евнина, предположившего, что материалом для описания фабричных волнений в романе послужила история стачки на Невской бумагопрядильной мануфактуре в мае — июне 1870 г. Впрочем, как замечал литературовед, петербургские события в «Бесах» получают «весьма одностороннее и неполное отражение»⁶¹. Прежде всего, в роман не попала сама стачка. Причину этому Евнин усматривал в идеологической ангажированности Достоевского⁶². Речь, однако, может идти не об одном конкретном прототипе. И на «шпигулинскую историю» могли повлиять в том числе какие-либо волнения на уральских горных заводах. Тем более что поведение полицейского руководства и губернатора во время «шпигулинской истории» весьма напоминает действия пермских властей.

Напомним, какие события вызвали волнения фабричных: «Управляющий приступил к расчету работников и, как теперь оказывается, нагло мошенничал. Работники стали роптать, хотели расчета справедливого, по глупости ходили в полицию, впрочем без большого крика и вовсе уж не так волновались» (10, 270). Журналисты обвиняли пермское губернское начальство в том, что любой трудовой конфликт, который можно было бы разрешить по закону или доброй воле, трактовался исключительно как заговор и разгул анархии. «Вместо того чтобы настаивать на удовлетворении справедливых требований и тем прекращать замешательства, — писал Катков, — полиция раздувала волнения и немилосердно карала мнимых бунтовщиков»⁶³. Хроникер в романе Достоевского сталкивается с большой группой выборных

⁶¹ Евнин Ф. И. Примечания // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1957. С. 750.

⁶² См.: Там же. С. 751. Этот вывод перекочевал в комментарий к ПСС₁ (12, 217) и в работы Л. И. Сараскиной (см., например: *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. С. 50).

⁶³ Московские ведомости. 1871. 15 января, № 12 (*Собрание*, 36).

уполномоченных. И хотя герой-рассказчик пересказывает слухи о бунте, сам он признается, что в эти слухи не верит, а видит в «шпигулинских» простых русских людей, бредущих за справедливостью к «самому генералу» (10, 335–336). Далее повествователь шаг за шагом реконструирует, как «пустую, то есть обыкновенную, толпу просителю — правда, в семьдесят человек — так-таки с первого приема, с первого шагу обратили в бунт, угрожавший потрясением основ» (10, 337). Ответом на молчаливый мирный протест обокраденных рабочих стали полицейское оцепление, ругань и угрозы. При этом Антон Лаврентьевич высказывает проницательную догадку, снова «в пермском духе»: по его мнению, полицеймейстер Илья Ильич попросту «покумился» с алчным управляющим фабрикой и решил нарочно подыграть губернаторским подозрениям насчет таинственных прокламаций, дабы предохранить фабричное начальство от возможного разбирательства по существу. Примечательно, что Г-в вкладывает в голову полицеймейстера следующую мысль: «Как-нибудь отличиться в Петербурге хотят, <...> ну что ж, нам и на руку» (10, 337). Полицеймейстер считает, что губернатор ведет собственную игру, чтобы расширить полномочия или получить выгодную столичную должность.

«Шпигулинская история» становится кульминацией духовного перерождения (а точнее, вырождения) Андрея Антоновича. «— Шапки долой! — проговорил он едва слышно и задыхаясь. — На колени! — взвизгнул он неожиданно, неожиданно для самого себя, и вот в этой-то неожиданности и заключалась, может быть, вся последовавшая развязка дела. <...> — Розог! — крикнул он еще неожиданнее» (10, 342). То, что случилось далее, вполне могло быть помещено в январские номера «Московских ведомостей»: массовая порка, случайные прохожие, ставшие жертвами распоясавшихся полицейских, скандальные корреспонденции петербургской прессы. Тревожным предвестием экзекуции, устроенной обезумевшим губернатором, становится обыск, произведенный у Степана Трофимовича чиновником Блюмом. На незаконные обыски (нередко переходившие в ограбления) жаловались и пермяки.

Следствием бесконечных скандалов, преследующих супругов Лембке по пятам и не оставляющих камня на камне от их репутации, становятся слухи о скорой *сенаторской ревизии*, которыми Г-в и Верховенский оgoroшивают Юлию Михайловну⁶⁴. И даже в самом финале повествования, после пожара, неудавшегося бала, гибели Шатова, Лебядкиных и Лизы, страх, гнев и смятение горожан отступают перед новым, «гоголевским» предчувствием *ревизора*: «...более всего в тот день говорили “о сенаторе”» (10, 509)⁶⁵.

---

⁶⁴ См.: 10, 381.

⁶⁵ Разработка сюжета о горожанах, ждущих приезда сенатора, в подготовительных материалах к роману: (10, 303; 317; 318; 322–324; 347; 348; 384; 399; 400).

Если Илья Ильич действовал по отношению к Лембке как тонкий провокатор, исподволь подводя губернатора к уверенности в мятеже, то куда откровеннее действовал другой, и куда более опасный его искуситель — Петр Верховенский. Верховенский прямо рекомендует Лембке поступить с возмущенными рабочими «по-старинному»: «Перепороть их сплошь, и дело с концом» (10, 272). Эта ремарка возвращает нас к реплике, которую в наброске сцены из записной тетради произносит Нечаев: «Кто это у них (в правительстве) умная голова, т. е. я бы ее поцеловал!» (11, 263) Если Верховенский, не удержавшись, бросает губернатору «...а все-таки вы нам прокладываете дорогу и приготавливаете наш успех» (10, 247) (фон Лембке, что характерно, смысла этой фразы не уловит), то Нечаев убежден: в правительственных кругах есть люди, заинтересованные в расшатывании государства не меньше, чем нигилисты.

Отыскать таковых не составляет труда. Вновь обратимся к статьям Каткова. Тема ревизии используется им не только для атаки на консервативное дворянство вообще, но и на одного из своих заклятых врагов — газету «Весть» и ее круг: «Пермские дела свидетельствуют, что вся наша администрация страдает недостатком серьезного контроля, а отнюдь не недостатком власти, как это утверждала покойная “Весть”. В некоторых уездах этой губернии “консервативные” идеалы “Вести” были вполне осуществлены, и население было поставлено чуть не в крепостное отношение к губернатору и исправникам, но именно здесь-то дошел до величайшего расстройтва административный механизм»⁶⁶.

Заявления Каткова о смерти газеты «Весть» были еще преждевременны — последний номер издания будет выпущен 24 апреля. И тема войны Каткова с редакцией «Вести» поистине неисчерпаема. Выделим главное для нашего исследования.

Газета «Весть», возникшая в 1863 г. из «Русского листка», издавалась В. Д. Скарятиним и Н. Н. Юматовым. Деятельными сотрудниками печатного органа стали Н. А. Безобразов, Г. Б. Бланк, Н. Б. Герсеванов, А. М. Бердяев, В. А. Соллогуб. Идеино близким автором стал для редакции «Вести» В. П. Орлов-Давыдов. Публиковался в «Вести» и министр государственных имуществ А. А. Зеленой. В негласные союзники газеты зачислялся и П. А. Валуев⁶⁷. Издатели и авторы газеты стремились стать выразителями мнений так называемой дворянской олигархии — крупных помещиков, которых крестьянская реформа поставила перед необходимостью заново выяснить свое место в общественной жизни. Впрочем, такой характеристики будет явно недостаточно. Позиция газеты по целому ряду вопросов оказалась нетипичной ни для левого,

⁶⁶ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 37).

⁶⁷ См.: *Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацкило К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 222.

ни для правого, ни для либерального лагеря, несмотря на то что «вестевцы» подчеркивали лояльность имперской власти и заявляли себя консерваторами, охранителями. Надо полагать, именно это идейное своеобразие предопределило неуспех издания: оно сливалось с общей массой реакционной прессы в глазах либералов и радикалов; но и для правых (в том числе для имперских националистов, к которым можно отнести и Каткова) «партия “Вести”» своей не стала.

Основополагающим пунктом идеологической программы «вестевцев» стало переосмысление общественной роли русской аристократии. Они последовательно ратовали за развитие институтов сословного политического представительства. «Аристократическая оппозиция» полагала, что такие правительственные меры, как освобождение крестьян и развитие земского самоуправления, требуют юридического противовеса в виде конституционных гарантий прав собственности и сословного парламента. Б. Э. Нольде заключал, что дворянский конституционализм в глазах многих помещиков представлялся выходом из «глубокого морального кризиса», охватившего землевладельческие круги после Манифеста 19 февраля. Превращение дворянского сословия в независимый от государства политический субъект, отстаивающий свои интересы, виделся разумным компромиссом между дворянством, государственной властью и остальным обществом.

Непосредственным отражением этих умонастроений стала публичная дискуссия между представителями консервативного и славянофильского лагеря в Московском дворянском собрании 9 января 1865 г. Заседанием был принят адрес на имя государя с изложением альтернативного взгляда на реформу. Как хорошо известно, Александр II отреагировал на поднесенную ему бумагу крайне неодобрительно. В рескрипте на имя министра внутренних дел П. А. Валуева, обнародованном 30 января 1865 г. в официальном органе министерства — газете «Северная почта», царь замечал: «Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя, перед Мною, ходатайство об общих пользах и нуждах государства»⁶⁸. «Magna Charta и *сoup d'état*, гордые норманны жмудского происхождения и Бисмарки петербургского, нотабли и 18-е Брюмера — все это поднялось и исчезло ровно в столько времени, сколько нужно писарю настрочить лист от заголовка до министерской подписи и вагону допариться от Петербурга до Москвы», — иронизировал по поводу неудавшейся инициативы Герцен⁶⁹. Не отставали от Герцена те, кто открыто поддерживал действия царского правительства: эффектно отражая критику крестьянской реформы справа, можно было одновременно

---

⁶⁸ Цит. по: Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Т. I. СПб., 1906. С. 127.

⁶⁹ Герцен А. И. Прививка конституционной оспы // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XVIII. М., 1959. С. 317.

защитить ее и от нападков слева, представив курс государства как воплощение умеренного, поступательного прогресса, сообразного со здравым смыслом и национальными интересами.

Вместе с тем представление о «партии “Вести”» как о попытке своего рода «сословного лобби» было бы однобоким. На первом месте для Скарятина и его соратников стояли права крупной собственности. Подлинный русский аристократ, беря пример с английского дворянства, должен скорее протянуть руку выдвинувшемуся честным трудом купцу или даже крестьянину, но не мелкопоместному или безземельному дворянину⁷⁰. Первенство в представительных органах пореформенной России должно принадлежать так называемой «естественной аристократии». Только она, в силу сознания собственных прав, будет готова отстаивать всеобщую свободу. «Да, милостивые государи, — провозглашал в своей речи Н. Н. Юматов, — высшее дворянство Англии постоянно несет на себе национальные *обязанности*. Оно фактически и юридически служит гарантией народной свободе и государственному порядку своей страны»⁷¹.

Вопреки ожиданиям редакции, ее соперники по консервативному лагерю оказались невосприимчивы к подобным теоретическим тонкостям. Довольно скоро за кругом газеты «Весть» закрепился ярлык «боярская партия»⁷², указывавший на стремление ее адептов навязать стране ненужные партийные конфликты. Встречаем это словосочетание и в записях Достоевского марта 1870 г. Князь (будущий Ставрогин) отводит от себя обвинение в убийстве Шатова и сам «разгадывает» причастность к этому преступлению Успенского (Виргинского) и Нечаева, о чем доносит Губернатору. «Вообще Князь все и открывает. Князь и говорит о боярской партии.

Некоторое время Княгиня⁷³ бредила о боярской партии и сошлась с Нечаевым, ибо нигилисты с боярами сходятся. Уверена, что и Князь боярин» (11, 101).

Идея *Geistesverwandtschaft* «бояр» и нигилистов с наибольшим ожесточением и настойчивостью проводилась в течение всех 1860-х гг. именно Катковым. Название одной из его передовиц в «Московских ведомостях» можно считать главным лозунгом его похода против «Вести»: «Нигилизм 61 и 62 года и консерватизм 66 года есть одна и та же сила»⁷⁴. Заметим, что для публицистов левого лагеря различия между органами «аристократической оппозиции», правого славянофильства и имперского национализма выглядели несущественными, а их

---

⁷⁰ См., например: *Саратовский корреспондент*. О равноправности избирателей (К вопросу о земских учреждениях) // *Весть*. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 15.

⁷¹ *Юматов Н. Н.* Политические интересы аристократии и дворянства // *Русский листок*. 1863. № 12, 24 марта. С. 217. Курсив источника.

⁷² См., например: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа [1869]. М., 2008. С. 236.

⁷³ Варвара Петровна Ставрогина.

⁷⁴ *Московские ведомости*. 1866. 18 ноября, № 243.

непрекращающаяся брань — нелепой: «“Весть” — газета консервативная, близкая по своим взглядам и стремлениям к “Московским ведомостям”, и мы до сих пор не можем понять, из чего спорят, что делят между собой эти Орест и Пилад»⁷⁵.

Анализируя полемику вокруг «Вести», А. Э. Котов приходит к выводу, что за бесконечным жонглированием пугающими образами «красного» и «белого» нигилизма стоит противоречие между национальным и сословным консерватизмом⁷⁶. Для славянофилов, панславистов и националистов требования «Вести» представлялись прямой угрозой реформаторскому курсу: Россия, по их мнению, нуждалась в преодолении сословных перегородок и решении глобальных духовных и цивилизаторских задач (интеграция Польши, Северо-Западного и Остзейского края; освобождение южных славян из-под гнета Османской империи; защита интересов славянства в Центральной Европе; моральное и интеллектуальное противостояние культуре католического Запада). «Партия “Вести”» видела в этих проектах наступление на права собственности, неуместное и опасное заигрывание с толпой и внешнеполитический авантюризм. Так полемика вокруг сословного представительства переросла в разговор о культурной идентичности⁷⁷. Силы спорящих сторон были, однако, заведомо неравны: курс «Вести» оказался слишком легкой мишенью для критики.

Отстаивание ценностей и традиций старой аристократии не было понято даже в среде самого дворянства, значительная часть которого энергично включалась в работу земств. Скарятинское кредо — «в России весьма много народностей, но *собственность одна*»⁷⁸ — сделало газету легкой добычей для оппонентов и в период «усмирения» Польши в 1863 г. Последовательно защищая помещичью собственность, «Весть» пыталась оппонировать плану русификации западных окраин, разработанному Н. А. Милютиным и М. Н. Муравьевым. Ход крестьянской реформы в западных губерниях был ускорен: обязательные выкупные платежи были понижены, а подготовка уставных грамот была поручена пришлым чиновникам из Министерства финансов. Тем самым Муравьев и его преемник в Вильне К. П. Кауфман пытались поставить русификацию на популистскую основу. «Антипомещичья политика в Польше и Западном крае, проводимая Н. А. Милютиным и его командой, по мнению “Вести”, грозила вызвать крестьянские волнения

---

⁷⁵ Полемические приемы «Московского вестника» // Дело. 1869. № 12, Декабрь. Современное обозрение. С. 55.

⁷⁶ См.: Котов А. Э. «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68–75.

⁷⁷ См.: Христофоров И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 274.

⁷⁸ Весть. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 18. Курсив источника.

в великорусских губерниях. Этой позиции нельзя отказать в реалистичности», — пишет в своей работе В. В. Ведерников⁷⁹.

Излишне говорить, что подобные выступления по горячим следам шовинистического подъема поставили «бояр» в чрезвычайно уязвимое положение: завязтые крепостники, поставившие классовые привилегии выше нации и веры, да еще и с сановными покровителями — что может быть опаснее! В. В. Ведерников подробно останавливается на слухах о Валуеве как о гаранте «аристократической оппозиции» в верхах⁸⁰. 11 октября 1866 г. Валуев записывает в дневнике, что «дал предостережение» «Вести» за очередную статью против генерал-губернатора Северо-Западного края К. П. Кауфмана «и дал его весьма кстати, потому что наши государственные татары уже приписывали ее моему влиянию»⁸¹. Несмотря на подчеркнутое стремление дистанцироваться от пресловутой «боярской партии», Валуев одним из первых начал бороться с крайностями русификаторской политики на северо-западе империи⁸². Таким образом, в своих нападках на «Весть» Катков мог метить не столько в Скарятину и его окружение, но и в предполагаемых «опекунов» «боярской партии» при дворе. Недаром он называл свою газету «случайным органом государственной деятельности»⁸³: в спорах с малопопулярным олигархическим изданием открывался новый фронт борьбы за политическое влияние.

С других позиций вел наступление на «бояр» Аксаков. Для вождя славянофилов одной из наиболее отвратительных черт идеологии «Вести» был ее принципиальный, нарочитый антиэгалитаризм. «Публицист “Вести” и ему подобные не хотят знать в Западном крае ни русских, ни поляков, видят только низшие и высшие классы, — с плохо скрываемым раздражением писал Аксаков, — а что сочувствие их везде и всюду принадлежит *высшим* — это они объявляют и печатают постоянно. Мы же не хотим видеть там ни низших, ни высших классов, видим только русских, <...> и поляков или ополячившихся туземцев...»⁸⁴

---

⁷⁹ *Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. №9 (127). С. 157. М. Д. Долбилов считает, что позиция «Вести» не ограничивалась узкосословным походом — авторы газеты вполне искренне отвергали ксенофобские мотивы русификаторов (см.: *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 495).

⁸⁰ См.: *Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. С. 147. Ср., например, прозрачный намек на это в одной из передовиц Каткова: Московские ведомости. 1869. 11 января, №9 (*Собрание*, 31).

⁸¹ [*Валуев П. А.*] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2. М., 1961. С. 155–156.

⁸² См.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 251.

⁸³ [Письмо М. Н. Каткова Александру III, нач. 1882] // Вождь реакции 60–80-х годов // Былое. 1917. Октябрь. №4 (26). С. 21.

⁸⁴ *Аксаков И. С.* Газета «Весть» о польско-западном вопросе [1864] // Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886.

«Весть» в долгу не оставалась. На подобные инвективы газета отвечала довольно эпатажными выпадами против традиции «народолюбия» и «мужикофильства». Одна из таких реплик заслуживает быть процитированной, поскольку в «Бесах» можно встретить неожиданный ее парафраз: «Мы не восклицали, вместе с Барбье и г. Аксаковым, в порывах поэтического восторга, о превосходстве той *grande populace*⁸⁵ и *sainte canaille*⁸⁶, той *великой черни*⁸⁷, о которой с таким благоговением отзываются эти два поэта-мечтателя. Мы никогда не обещали ей ни “берегов кисельных, ни рек молочных”»; напротив, с грустью видели мы, как разные шарлатаны ухаживали за этою *grande populace*. <...> Для нас дегтярный запах не имеет никакой привилегии над *Ess bouquet*. Сермягу мы не посадим к себе в гостиную и с зипунами не станем пить сивуху»⁸⁸.

Сравним с разглагольствованиями Степана Трофимовича о свойствах русского мужика вскоре после объявления Манифеста 19 февраля: «Мы, как торопливые люди, слишком поспешили с нашими мужичками, — заключил он свой ряд замечательных мыслей, — мы их ввели в моду, и целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними как с новооткрытою драгоценностью. Мы надевали лавровые венки на вшивые головы. <...> Пора взглянуть трезвее и не смешивать нашего родного сиволапого дегтя с *bouquet del'imperatrice*» (10, 31–32). Последнее предложение в обращении явно указывает на объект пародии Достоевского.

Для нашего анализа эта находка имеет далеко идущие последствия: выходит, и «либерал-идеалист» сороковых годов, каковым предстает в романе Верховенский-старший, тоже в некоторой степени заражен духом сословной спеси, «боярским» ретроградством. В романе Антон Лаврентьевич Г-в поражается панике Степана Трофимовича во время «недоразумения» в Скворешниках: «Он кричал в клубе, что войска надо больше, чтобы призвали из другого уезда по телеграфу; бегал к губернатору и уверял его, что он тут ни при чем; просил, чтобы не замешали его как-нибудь, по старой памяти, в дело, и предлагал немедленно написать о его заявлении в Петербург, кому следует. Хорошо, что все это скоро прошло и разрешилось ничем; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича» (10, 32). Верховенский-отец готов долгие годы «звать Русь к труду», «бить в набат», «стоять воплощенной

С. 364. Ср. со стихотворением Ф.И. Тютчева «Издателю газеты “Весть”» (1869): «Вы не родились поляком, / Но шляхтич вы по направлению, / И русский вы, сознайтесь в том, / По Третьему лишь Отделению. <...> Недаром вашим вы пером / Аристократии служили, / В какой лакейской изучили / Вы этот рыцарский прием?» (Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 2. М.: Классика, 2002. С. 194).

⁸⁵ великой черни (фр.)

⁸⁶ святого сброда (фр.)

⁸⁷ Курсив источника — И.К.

⁸⁸ Весть. 1863. № 12 (43). С. 17.

укоризной» и приветствовать отрепетированным возгласом отмену крепостного права. Но в ответственный момент «либерал-идеалист» с готовностью примыкает к «боярам», ничем, в сущности, не отличаясь не только от Варвары Петровны, но и от губернатора фон Лембке и даже от полицеймейстера Ильи Ильича.

Возвращаясь к супругам Лембке, можно процитировать еще одну показательную характеристику из черновиков Достоевского: «Лицо губернаторши. Губернаторша принадлежит к злокачественному разряду партии “Вести”. Консерваторша, принцип крупного землевладения. Из тех именно консерваторов, которые не прочь связаться с нигилистами, чтоб произвести бурду.

NB. Выискать про действия Холмской управы. Настраивает на подобные же действия мужа. Упомянуть не подробно, но точно и выяснить на примере. Подыскать пример о том, что делало Холмское земство» (11, 234).

Интерес Достоевского к трагическим событиям в Холмском уезде Псковской губернии в период работы над «Бесами» достаточно полно освещен в академическом комментарии к ПСС₁ (12, 356–357). Реакционно настроенные помещики, заполонив земское собрание и уездную управу, были уличены прессой в злонамеренном срыве аграрных преобразований: так, ими были искусственно взвинчены цены на землю и хлеб, чтобы как можно прочнее закабалить местных крестьян. Из статьи «Внутреннего обозрения» в июльском номере «Вестника Европы» за 1870 г. следует, что ради своих целей управа попросту сгноила в хранилище огромные запасы муки, не желая уступать ее вчерашним крепостным по нормальной отпускной цене. Голод, охвативший уезд, привел к эпидемии «возвратной горячки» (вероятно, имелся в виду возвратный тиф) в апреле 1869 г., обнищанию крестьянских хозяйств, росту преступности. Попытки земцев вмешаться в происходящее, помочь крестьянам, встречали ожесточенное сопротивление уездного дворянства, открыто оскорблявшего как «ленивых крестьян», так и тех, кто хотел оказать им поддержку. Тогда журнал «Вестник Европы» прямо отождествлял позицию Холмской управы с идеологией «Вести»: «Вместо всякой помощи, публицисты газеты “Весть” требовали “энергического побуждения к труду”, утверждая, что “крестьяне не умеют руководствоваться сознанием своих обязанностей”, и что “трубые народные массы без соответственных внешних побуждений (?) не в состоянии поднять бремя, которое возлагают на них условия вновь возникающего быта”»⁸⁹. Еще одна примечательная выдержка: «Холмское собрание уже давно заявило себя тем, что настаивало на необходимости распространить, сколь возможно, применение телесного наказания, вероятно видя в нем то “энергическое побуждение к труду”⁹⁰, которого

⁸⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. IV, №7. С. 334.

⁹⁰ Ср. «Вот уже двадцать лет, как я бью в набат и зову к труду!» (10, 33)

добивалась газета «Весть». Обличая крестьян в лености и тунеядстве, оно, вероятно в видах исправления, оставило на его <крестьянства> плечах все натуральные повинности и обложило крестьянские земли несравненно выше помещичьих»⁹¹.

Запись о делах Холмской управы сделана Достоевским в сентябре 1870 г., т. е. по свежим впечатлениям от статьи в «Вестнике Европы». Как видим, замысел писателя требовал ярких примеров аристократического самоуправства: сначала это были «холмские дела», а затем — «пермские».

Библиографический список

- Аксаков И. С.* Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886. 844 с.
- Аксаков И. С.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. II. Славянофильство и западничество. СПб., 1891. 832 с.
- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Альтман М. С.* Материалы по истории культуры и быта русских городов // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского. 1962. Сер. Истории и филологии. Вып. 57. С. 193–228.
- Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. (Материалы для биографии). Кн. 1. М., 1891. 672 с.
- Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. 641 с.
- [*Валуев П. А.*] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. 422 с.
- Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. №9 (127). С. 137–169. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. IV, №7. С. 326–340. Вождь реакции 60–80-х годов (Письма Каткова Александру II и Александру III) // Былое. 1917. Октябрь. №4 (26). С. 3–32.
- Волконская М. Н.* Записки [Приложение] // Волконский С. М. О декабристах. Разговоры. М., 2019. С. 258–298.
- Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений «Искры» // Искра. 1860. 15 января, №3. С. 34–35.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1966.
- Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. 408 с.
- Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Т. I. СПб., 1906. 348 с.
- Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. 439 с.

⁹¹ Там же. С. 335.

- Гюго В.* Собрание сочинений: в 15 т. М., 1953–1956.
- Д.* Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 11. Современное обозрение. С. 61–87.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2011. 812 с.
- Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. 999 с.
- Должиков В. А. М. А.* Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2018. 456 с.
- Долинин А. С.* Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. 344 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1956–1958.
- Дружинин Н. М.* Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 139–175.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006. 605 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М., 1897. 836 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1870 год. М., 1897. 812 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1871 год. М., 1897. 863 с.
- Кибальник С. А.* Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 119–141.
- Котов А. Э.* «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68–75.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века (конец 1830-х — середина 1860-х годов). Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 255 с.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 427 с.
- Матханова Н. П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 549 с.
- Нам пишут // Искра. 1860. 3 июня, № 21.
- Нам пишут // Искра. 1860. 24 июня, № 24.
- Нам пишут // Искра. 1860. 2 сентября, № 34.
- Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. Paris, 1926. 245 с.
- Оболенский Д. А.* Записки. СПб., 2005. 502 с.
- Пайнс Р.* Струве. [Т. 1] Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001. 549 с.
- Письмо из провинции // Развлечение. 1860. № 32. С. 387–389.
- Полемические приемы «Московского вестника» // Дело. 1869. № 12, декабрь. Современное обозрение. С. 52–67.
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. 431 с.
- Сажин Б. Б.* Религиозное движение «неплательщиков» в 60–80-е годы XIX века: жизнь в сакрализованном пространстве // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 176–196.

- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977.
- Сараскина Л. И.* «Бесъ»: роман-предупреждение. М., 1990. 478 с.
- Саратовский корреспондент.* О равноправности избирателей (К вопросу о земских учреждениях) // *Весть*. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 14–16.
- Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. СПб., 1889. 180 с.
- Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 489 с.
- Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. 428 с.
- Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М., 2002–2004.
- Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. 494 с.
- Христофоров И. А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. 367 с.
- Ч. Дореформенная губерния* // *Вестник Европы*. 1871. Т. V, № 10. С. 629–659.
- [*Шумахер П. В.*] Письма и записки П. В. Шумахера П. И. Щукину, и стихи Шумахера // *Щукинский сборник*. Вып. VII. М., 1907. С. 118–272.
- Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. М., 1991. 218 с.
- Юматов Н. Н.* Политические интересы аристократии и дворянства // *Русский листок*. 1863. № 12, 24 марта. С. 215–218.

References

- Aksakov I. S. *Sochineniia* [Works]. Vol. 3. Pol'skii vopros i zapadno-russkoe delo. Evreiskii vopros. Moscow, 1886. 844 p. (In Russ.)
- Aksakov I. S. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Vol. II. Slavianofil'stvo i zapadnichestvo. Saint Petersburg, 1891. 832 p. (In Russ.)
- Al'tman M. S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By the milestones of names]. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Al'tman M. S. *Materialy po istorii kul'tury i byta russkikh gorodov* [Materials on the history of culture and life of Russian cities]. In: *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gos. universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Istorii i filologii*, iss. 67. Gor'kii, 1962. Pp. 193–228. (In Russ.)
- Barsukov I. P. *Graf Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. (Materialy dlia biografii)* [Count Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii from his letters, official documents, stories of contemporaries and printed sources. (Materials for biographies)], book 1. Moscow, 1891. 672 p. (In Russ.)
- Bezobrazov V. P. *Ural'skoe gornoe khoziaistvo i vopros o prodazhe kazennykh gornykh zavodov* [Ural mining and the issue of selling state-owned mining plants]. Saint Petersburg, 1869. 641 p. (In Russ.)
- Ch. Doreformennaia guberniia [Pre-reform province]. *Vestnik Evropy*, 1871, vol. V, no. 10, pp. 629–659. (In Russ.)
- D. Nashi obshchestvennye dela [Our public affairs]. *Otechestvennye zapiski*, 1870, no. 11, pp. 61–87. (In Russ.)

- Danilevskii N. Ia. *Rossii i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, 2011. 812 p. (In Russ.)
- Dolbilov M. D. *Russkii kraj, chuzhaia vera: Etnokonfessional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander I]. Moscow, 2010. 999 p. (In Russ.)
- Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo: Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy"* [Dostoevsky's last novels: How "The Teenager" and "The Brothers Karamazov" were created]. Moscow; Leningrad, 1963. 344 p. (In Russ.)
- Dolzhikov V.A. *M.A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi "otpepli" (rubezh 1850–1860-h gg.)* [M.A. Bakunin in the national-regional political process of the "thaw" era (the turn of the 1850s–1860s)]. Barnaul, 2018. 456 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 10 vols. Moscow, 1956–1958. (In Russ.)
- Druzhinin N. M. *Senatorskie revizii 1860–1870-kh godov (K voprosu o realizatsii reformy 1861 g.)* [Senatorial revisions of the 1860s–1870s (On the implementation of the 1861 reform)]. *Istoricheskie zapiski*, 1966, vol. 79, pp. 139–175. (In Russ.)
- Flerovskii N. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii* [The situation of the working class in Russia]. Saint Petersburg, 1869. 494 p. (In Russ.)
- Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 30 vols. Moscow, 1954–1966. (In Russ.)
- Gorovoi F. S. *Padenie krepostnogo prava na gornyykh zavodakh Urala* [The fall of serfdom in the mining factories of Ural]. Perm, 1961. 408 p. (In Russ.)
- Gosudarstvennye prestupleniia v Rossii v XIX veke: Sbornik izvlechennykh iz ofitsial'nykh izdaniy pravitel'stvennykh soobshchenii* [State crimes in Russia in the 19th century: A collection of government communications extracted from official publications], vol. I. Saint Petersburg, 1906. 348 p. (In Russ.)
- Grosul V. Ia., Itenberg G. S., Tvardovskaia V. A., Shatsillo K. F., Eimontova R. G. *Russkii konservatizm XIX stoletii. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century. Ideology and practice]. Moscow, 2000. 439 p. (In Russ.)
- Hugo V. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 15 vols. Moscow, 1953–1956. (In Russ.)
- Iumatov N. N. *Politicheskie interesy aristokratii i dvorianstva* [Political interests of the aristocracy and nobility]. *Russkii listok*, 1863, no. 12, 24 March, pp. 215–218. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1869 god* [Collection of editorials of the *Moskovskkiye Vedomosti*. 1869]. Moscow, 1897. 836 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1870 god* [Collection of editorials of the *Moskovskkiye Vedomosti*. 1870]. Moscow, 1897. 812 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1871 god* [Collection of editorials of the *Moskovskkiye Vedomosti*. 1871]. Moscow, 1897. 863 p. (In Russ.)
- Khristoforov I. A. *Sud'ba reformy: Russkoe krest'ianstvo v pravitel'svennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of reform: do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)].

- The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow, 2011. 367 p. (In Russ.)
- Kibal'nik S.A. Nechaevtsy ili petrashevtsy? (O prototipakh glavnykh geroev romana F.M. Dostoevskogo “Besy”) [Nechaevtsy or petrashevtsy? (About the prototypes of the main characters of F.M. Dostoevsky’s novel “Possessed”)]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2020, no. 2, pp. 119–141. (In Russ.)
- Kotov A.E. “Belyi nihilizm” v russkoi konservativnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [“White nihilism” in Russian conservative journalism of the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Tetradī po konservatizmu*, 2017, no. 2, pp. 68–75. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Vysshaia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX veka (konets 1830-kh — seredina 1860-kh godov)* [The supreme administration of Eastern Siberia in the mid-19th century (late 1830s — mid-1860s)]: dissertation in History. Novosibirsk, 1999. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Vysshaia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.* [The highest administration of Eastern Siberia in the mid-19th century]. Novosibirsk, 2002. 255 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V.Ia. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskii, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V. Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk, 1998. 427 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Sibirskaiia memuaristika XIX veka* [Siberian memoirs of the 19th century]. Novosibirsk, 2010. 549 p. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 3 Jun., no. 21. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 24 Jun., no. 24. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 2 Sept., no. 34. (In Russ.)
- Nol'de B.E. *Iurii Samarīn i ego vremia* [Yuri Samarin and his time]. Paris, 1926. 245 p. (In Russ.)
- Obolenskii D.A. *Zapiski* [Notes]. Saint Petersburg, 2005. 502 p. (In Russ.)
- Paips R. *Struve*, [vol. 1] *Struve: levyy liberal, 1870–1905* [Struve: left liberal, 1870–1905]. Moscow, 2001. 549 p. (In Russ.)
- Pis'mo iz provintsii [The letter from the province]. *Razvlechenie*, 1860, no. 32, pp. 387–389. (In Russ.)
- Polemicheskie priemy “Moskovskogo vestnika” [Polemical techniques of the *Moscow Herald*]. *Delo*, 1869, no. 12, Dec., *Sovremennoe obozrenie*, pp. 52–67. (In Russ.)
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: in 9 vols., vol. 7. Dokumenty krest'ianskoi reformy* [Russian legislation of the 10th–20th centuries. Documents of the peasant reform]. Moscow, 1989. 431 p. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 20 vols. Moscow, 1965–1977. (In Russ.)
- Sazhin B.B. Religioznoe dvizhenie “neplatel'shchikov” v 60–80-e gody XIX veka: zhizn' v sakralizovannom prostranstve [The religious movement of “non-payers” in the 60s–80s of the 19th century: life in a sacred space]. *Vestnik Sviato-Filaretovskogo instituta*, 2019, no. 32, pp. 176–196. (In Russ.)
- Saraskina L.I. “Besy”: roman-preduprezhdenie [“Possessed”: a warning novel]. Moscow, 1990. 478 p. (In Russ.)

- Saratovskii korrespondent. O ravnopravnosti izbiratelei (K voprosu o zemskikh uchrezhdeniakh) [On the equality of voters (On the issue of *zemstvo* institutions)]. *Vest'*, 1863, no. 12 (43), 27 Oct., pp. 14–16. (In Russ.)
- [Shumakher P.V.] Pis'ma i zapiski P.V. Shumakhera P.I. Shchukinu, i stikhi Shumakhera [Letters and notes of P.V. Schumacher to P.I. Shchukin, and poems of Schumacher]. In: *Shchukinskii sbornik*, iss. VII. Moscow, 1907. Pp. 118–272. (In Russ.)
- Shumilov M. M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naia vlast' v Rossii v 50-kh — nachale 80-kh gg.* [Local government and central power in Russia in the 1950s — early 1980s]. Moscow, 1991. 218 p. (In Russ.)
- Struve B. V. *Vospominaniia o Sibiri, 1848–1854 gg.* [Memories of Siberia, 1848–1854]. Saint Petersburg, 1889. 180 p. (In Russ.)
- Tiutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 6 vols. Moscow, 2002–2004. (In Russ.)
- Tot Iu. V. *Reforma uezdnoi politsii v pravitel'svennoi politike Rossii v XIX veke* [Reform of the district police in the government policy of Russia in the 19th century]: Dissertation in History. Saint Petersburg, 2003. 489 p. (In Russ.)
- Tugan-Baranovskii M. I. *Russkaia fabrika v proshlom i nastoiashchem. Istoricheskoe razvitiie russkoi fabрики v XIX v.* [Russian factory in the past and present. Historical development of the Russian factory in the 19th century]. Moscow, 1922. 428 p. (In Russ.)
- [Valuev P.A.] Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del [Diaries of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]: in 2 vols. Moscow, 1961. 422 p. (In Russ.)
- Vedernikov V. V. Natsional'nyi vopros v zerkale konservativnoi publitsistiki. Gazeta “Vest'” [The national question in the mirror of conservative journalism. Newspaper *Vest'*]. *Istoricheskie zapiski*, 2006, no. 9 (127), pp. 137–169. (In Russ.)
- Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Vestnik Evropy*, 1870, vol. IV, no. 7, pp. 326–340. (In Russ.)
- Volkonskaia M. N. Zapiski [Prilozhenie] [Notes [Appendix]]. In: Volkonskii S. M. *O dekabristakh. Razgovory*. Moscow, 2019. Pp. 258–298. (In Russ.)
- Vozhd' reaktsii 60–80-kh godov. [Pis'mo M. N. Katkova Aleksandru III, nach. 1882]. [Letter from M. N. Katkov to Alexander III, beginning of 1882. Leader of the reaction of the 60s–80s]. *Byloe*, 1917, Oct., no. 4 (26), pp. 3–32. (In Russ.)
- Vyderzhki iz pamiatnoi knizhki starshego chinovnika osobykh poruchenii “Iskra” [Excerpts from the memoir of a senior official on special assignments at *Iskra*]. *Iskra*, 1860, 15 Jan., no. 3, pp. 34–35. (In Russ.)
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*. Moscow, 2006. 605 p. (In Russ.)

И. Ю. МАТВЕЕВА *

ORCID ID: 0000-0003-2211-2188

**ДИАЛЕКТИКА СТРАСТНОСТИ И СВЯТОСТИ В РОМАНЕ
ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: ОБРАЗ НАСТАСЬИ
ФИЛИППОВНЫ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ
(КЛЕОПАТРА И СВ. МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ)**

Аннотация: В статье доказывается, что основные характеристики героини романа Достоевского — страстность и святость — восходят к мифологическим образам царицы Клеопатры и св. Марии Египетской. Основные темы и мотивы поэтического фрагмента А. С. Пушкина «Египетские ночи» о царице Клеопатре и житийных источников, посвященных раннехристианским святым, во многом определяют развитие сюжетной линии героини и структуру образа Настасьи Филипповны. В романе Достоевского два мифологических сюжетных рисунка реализуются в полной мере и своим разнонаправленным движением не только создают внутренний динамизм образа Настасьи Филипповны, но и определяют трагический исход ее судьбы.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Идиот», образ Настасьи Филипповны, образ Клеопатры, образ св. Марии Египетской.

INGA MATVEEVA

**THE DIALECTICS OF PASSION AND HOLINESS
IN THE NOVEL “THE IDIOT” BY DOSTOEVSKY: THE IMAGE
OF NASTASIA FILIPPOVNA AND ITS LITERARY SOURCES
(CLEOPATRA AND ST. MARY OF EGYPT)**

Annotation: The article proves that the main characteristics of the heroine of Dostoevsky’s novel — passion and holiness — go back to the mythological images of Queen Cleopatra and St. Mary of Egypt. The main themes and motives of the poetic fragment of A. S. Pushkin’s “Egyptian Nights” about Queen Cleopatra and hagiographic sources dedicated to early Christian saints largely determine the development of the storyline of the heroine and the structure of the image of Nastasia Filippovna. In Dostoevsky’s novel, the two mythological plot

---

* Инга Юрьевна Матвеева, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств; Inga Yuryevna Matveeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Art of the Russian State Institute of Performing Arts. inga.matveeva.spb@gmail.com

lines are fully realized and, with their multidirectional movement, not only create the inner dynamism of the image of Nastasia Filippovna, but also determine the tragic outcome of her fate.

Key words: Dostoevsky, novel “The Idiot”, image of Nastasia Filippovna, image of Cleopatra, image of St. Mary of Egypt.

В силу сложившейся еще в XIX в. традиции героев в романах Достоевского делят на два типа — на «кротких» и «ожесточенных»¹. В отношении женских персонажей соответственно говорят о противостоянии «смирненных» и «гордых» героинь. Однако такой прямолинейный подход упрощает и схематизирует художественную антропологию писателя. Не случайно в современных исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, все настойчивее подчеркивается господство «двойственности» в художественном пространстве его романов; например, К. А. Степанян утверждает, что в художественном мире Достоевского происходит «удвоение действительности, образов, сцен, имен, смыслов»². Наглядной иллюстрацией этого является мысль А. А. Гизетти о том, что не только культ девы Марии с «идеей чистоты и свободы от страстей телесных» утверждал писатель, но и «собственно женскую, стихийную правду», которая проявлялась и в жене, и даже в блуднице³.

Наибольший интерес для научных и творческих интерпретаций, а также наиболее горячие споры всегда вызывал образ Настасьи Филипповны Барашковой. Героиня романа «Идиот» естественно входит в галерею своевольных и гордых красавиц, героинь-инфернальниц, к которым традиционно относят Авдотью Романовну Раскольникову, сестру главного героя романа «Преступление и наказание», Катерину Николаевну Ахмакову, героиню романа «Подросток», Грушеньку из романа «Братья Карамазовы»⁴. Однако помещение Настасьи Филипповны в этот типологический ряд ни в коем случае не исчерпывает содержания ее образа.

Для идеологии и структуры романа «Идиот» образ Настасьи Филипповны имеет принципиальное значение: в художественном пространстве романа идея преображения мира должна была воплотиться через сюжет спасения Мышкиным, князем Христом, Настасьи

---

¹ Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 247.

² Степанян К. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 148.

³ Гизетти А. А. Гордые язычницы (К характеристике женских образов Достоевского) // Творческий путь Достоевского: Сб. статей. Л., 1924. С. 187.

⁴ Прототипом гордых и страстных героинь романов Достоевского справедливо называют А. Сулову, см.: Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994.

Филипповны, поруганной красоты⁵, а трагическая развязка романного сюжета во многом была предопределена неразрешимым конфликтом, который обнаружил писатель в героине. Мы остановимся на внутреннем антиномизме характера героини, постараемся показать, из каких противоречивых слагаемых складывается один из самых ярких и волнующих женских образов в русской литературе.

В интерпретациях образа Настасьи Филипповны уже давно были обозначены две противоположные тенденции. В одном случае осмысление внутреннего содержания образа подчиняется общей идее романа — трагической невозможности преобразить распадающийся современный мир христианской любовью Мышкина. В этой связи в истории Настасьи Филипповны Л. А. Левина выделяет тему нарастающего безумия, причем само безумие осмысливается как трагический результат «вмешательства» в жизнь героини Мышкина, князя-Христа⁶. Однако в романной судьбе Настасьи Филипповны можно усмотреть развитие совершенно иной темы. Т. А. Касаткина акцентирует внимание на ее имени, которое символизирует чудо воскресения: по мысли исследовательницы, в динамике образа Настасьи Филипповны высшая природа, соотносимая с Богородицей, побеждает низшую, связанную с образом Венеры, хотя это стоит героине жизни⁷.

На наш взгляд, сама возможность столь противоположных интерпретаций свидетельствует о том, что действующие в героине разнонаправленные начала, которые можно обозначить как страстность и святость, в их внутреннем развитии не сменяют друг друга, а постоянно сталкиваются в неразрешимом противоречии на протяжении всей романной истории.

Установка на «литературность», т. е. на литературное происхождение образа Настасьи Филипповны, как полагаем, принципиальна для его понимания. Напомним одну из характеристик, данных героине в последней части романа Аглаей: «Про вас Евгений Павлыч сказал <...>, что вы книжная женщина...» (8, 472). В начале повествования сама Настасья Филипповна сопоставляет предложение Мышкина о замужестве с сюжетом «романа»: «Ну, это там... из романов» (8, 138). Тип героини и ее историю совершенно справедливо возводят к романам аббата Прево «Манон Леско» и А. Дюма-сына «Дама

---

⁵ В основе сюжета спасения Мышкиным Настасьи Филипповны И. И. Евлампиев видит реализацию гностического мифа о «мистическом браке»; см.: *Евлампиев И. И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского*. СПб., 2021. С. 388–415.

⁶ *Левина Л. А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский и мировая культура*. СПб., 1994. С. 97–118.

⁷ *Касаткина Т. А. Роман Достоевского «Идиот»: пространство свободы // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2014. С. 79–86.*

с камелиями»⁸, но мы сосредоточим свое внимание на других литературно-мифологических источниках. В рисунке характера и биографии Настасьи Филипповны прослеживаются отсылки к противоположным женским архетипическим образам — страстной и жестокой царицы Клеопатры, с одной стороны, и раскаявшейся грешницы, более конкретно Марии Магдалины или св. Марии Египетской, с другой. Для нас принципиально, что эти противоположные архетипы, вводящие разнонаправленные мотивы страстности и святости, включены в структуру образа Настасьи Филипповны и реализуют свой смысловой потенциал одновременно.

В романе героиня появляется в четырех развернутых сценах (в доме у Иволгиных, в сцене именин, в сцене скандала в Павловске «на музыке» и в финальной встрече с Аглаей), а также в трех эпизодах, однако на протяжении всего повествования разговоры, мнения, оценки, предположения о ней множатся и, что характерно, диссонируют между собой, никак не складываясь в единую целостную картину. В результате при внешнем развитии жизненной драмы героини противоречивость ее внутреннего облика не преодолевается, а только усиливается.

Исходная характеристика Настасьи Филипповны в художественном пространстве романа задана вполне однозначно; об этом в первой же сцене в поезде вполне компетентно заявляет всезнающий Лебедев, отвечая на вопросы Рогожина: «А Настасья Филипповна есть Барашкова, так сказать даже знатная барыня, и тоже в своем роде княжна, а знает с неким Тощким, с Афанасием Ивановичем, с одним исключительно, помещиком и раскапиталистом, членом компаний и обществ, и большую дружбу на этот счет с генералом Епанчиным ведущие...» (8, 11). Положение в обществе и образ жизни Настасьи Филипповны формально соответствуют определению «содержанка». Тем не менее Гаврила Ардалионович Иволгин, называющий в разговоре с князем Мышкиным Настасью Филипповну «чужой любовницей» (8, 103), которую он за деньги готов взять в жены, чуть позже утверждает, что Настасья Филипповна «женщина добродетельная» и не живет с Тощким (8, 106). Характеристики, данные героине, как будто намеренно раздваивают ее образ, они подчеркнута противоречивы и формальное их соединение невозможно в одной личности.

Внутренняя противоречивость героини обозначается уже при первом появлении ее образа в виде портрета. При взгляде на портрет Мышкин восклицает с жаром: «Удивительно хороша!» (8, 27) При втором взгляде на портрет Мышкин скажет: «Удивительное лицо!» (8, 31) Но тут же герой обнаружит принципиальное противоречие: «Лицо

---

⁸ См.: *Альтман М. С.* Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // *Международные связи русской литературы: сб. статей.* М.; Л., 1963. С. 359–369; *Кибальник С. А.* «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына и творчество Достоевского (от круга чтения к стратегиям письма) // *Культура и текст.* 2016. № 3 (26). С. 44–59.

веселое, а она ведь ужасно страдала...» (8, 31) Последующие характеристики только углубляют обозначенное противоречие: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она?» (8, 32) Внешний облик Настасьи Филипповны поражает своими контрастами и, вероятно, это одна из причин, почему впечатление от лица героини в дальнейшем будет вызывать у Мышкина страх, герой скажет, что не может «вынести» лица Настасьи Филипповны: «...я боюсь ее лица!» (8, 484)

Заметим, что сущностная двойственность героини будет прямо обозначена в романе несколько раз. Сначала Лебедев в разговоре с Мышкиным делает странное замечание, что Настасья Филипповна «двуязычна» (8, 167). Затем похожее определение звучит в характеристике, которую дает Настасье Филипповне генерал Иволгин, объясняя князю Мышкину драматичную ситуацию, сложившуюся в его доме: «Приготовляется брак, и брак редкий. Брак двусмысленной женщины и молодого человека...» (8, 81) Слово «двусмысленная», формально определяя положение Настасьи Филипповны в свете как содержанки Тощкого, на наш взгляд, звучит намеренно символически, выражая двойственную натуру героини. Можно добавить, что и Тощкий замечал в Настасье Филипповне «какую-то варварскую смесь двух вкусов» (8, 114).

Как мы полагаем, противоположные начала в образе героини Достоевский вполне последовательно возводит к двум противоположным мифологическим архетипам. Первый — это образ царицы Клеопатры в его интерпретации, созданной А. С. Пушкиным. В исследовательской литературе обращают внимание⁹ на цитату из текста Пушкина, возникающую во фрагменте несостоявшейся свадьбы Настасьи Филипповны и Мышкина: «Княгиня! За такую княгиню я бы душу продал! — закричал какой-то канцелярист. — “Ценою жизни ночь мою!..”» (8, 492). Цитата в качестве претекста вводит в роман поэтический фрагмент незавершенной повести Пушкина «Египетские ночи»¹⁰. О пристальном внимании Достоевского к пушкинскому тексту свидетельствует статья писателя 1861 г., где он, полемизируя с позицией «Русского вестника» по поводу популярного понятия «эманципация», дал развернутый комментарий к этому поэтическому фрагменту¹¹.

---

⁹ См.: *Касаткина Т. А.* «Ценою жизни ночь мою...» Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // *Московский пушкинист*. 1998. Вып. V. С. 16–21; *Шолты Г.* Настасья Филипповна и Клеопатра. Поэтический процесс развертывания смысла в романе «Идиот» // Достоевский. Философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012. С. 165–172.

¹⁰ Трактовка Достоевского возникла благодаря включению пушкинского поэтического фрагмента о царице Клеопатре в контекст «Египетских ночей». См. примечание А. И. Батюто (19, 301–302).

¹¹ Статья «Ответ “Русскому вестнику”» (Время: журнал литературный и политический, издаваемый под ред. М. Достоевского (СПб.: Тип. Э. Праца). 1861. Май. Отд. V. С. 15–39) была связана со скандалом, который активно обсуждался в прессе, а именно публичным чтением женой председателя Казенной палаты в Перми Е. Э. Толмачевой поэтического фрагмента о царице Клеопатре из «Египетских ночей» (напомним, что об этом же эпизоде вспоминает Свидригайлов в романе «Преступление и наказание»).

Текст о царице Клеопатре¹², включенный в повесть «Египетские ночи» в виде поэтического выступления импровизатора, по существу связан с размышлениями Пушкина о силе, которая управляет поступками людей. Пушкин остановился на эпизоде, изложенном античным историком Аврелием Виктором, о любовниках Клеопатры, отвечающих на ее жестокое предложение пожертвовать жизнью ради ночи ее любви. Первые два героя принимают вызов Клеопатры не ради самой любви: суровым воином движет гордость («Снести не мог он от жены / Высокомерного презренья»), изнеженный мудрец, «рожденный в рощах Эпикура», не ценит жизни вообще. Лишь третий герой, который не оставил «имени векам», отзывается страстью на страшный вызов царицы («Страстей неопытная сила / Кипела в сердце молодом»)¹³. По мысли Ю. М. Лотмана, с начала 1820-х гг. в полемике с Ж.-Ж. Руссо Пушкин вырабатывает мысль, что «не врожденная добродетель, а “страсти роковые”, страсти, которые сильнее страха смерти и в равной мере способны породить и самопожертвование и преступление, движут человеком»¹⁴.

В своем комментарии к поэтическому фрагменту Пушкина Достоевский прежде всего проводит мысль об историческом эпохальном слове: языческий мир, представший в лаконичных поэтических формулах Пушкина, видится Достоевскому как мир, в котором «утрачена всякая

В журнальной войне «Русский вестник» с охранительных консервативных позиций осуждал Толмачеву, задаваясь вопросом, имела ли право госпожа Толмачева быть выразительницей, как писали, «чудовищной страстности» на благотворительном вечере в пользу сиротских приютов.

¹² Раннее знакомство Пушкина с сюжетом о царице Клеопатре, изложенным Аврелием Виктором, состоялось через текст-посредник. См.: *Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам: Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 22. Л., 1988. С. 93–97. О других источниках сюжета см.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 99, 101–102; *Степанов Л. А.* Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс // *Эстетические взгляды писателя и художественное творчество.* Краснодар, 1981. С. 34–47; *Астафьева О. В.* Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра» // *Владикавказские Пушкинские чтения.* 1993. Вып. 1. С. 145–158; *Барский О. В.* Пушкин и Тьеполо // *Пушкин и время.* Томск, 2010. С. 305–307.

¹³ *Пушкин А. С.* Клеопатра // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Кн. 1 (Михайловское. 1824–1826). СПб., 2019. С. 22.

¹⁴ *Лотман Ю. М.* У истока сюжета о Клеопатре // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. С. 364. Движение смыслов в процессе работы Пушкина над текстом восстанавливается по двум значительным редакциям — 1824 и 1828 гг., первоначальная редакция связана с традициями исторической элегии, в позднейшей редакции образ царицы Клеопатры приобретает черты романтической, демонической героини. Включение стихотворного фрагмента о царице Клеопатре в поздние незавершенные прозаические тексты («Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче») актуализирует сопоставление законов, нравов, психологии современного и древнего мира. См.: *Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // *Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1978. Т. VIII. С. 23.

вера), а общество «совратилось и в холодном отчаянии предчувствует перед собой бездну и готово в нее обрушиться» (19, 135)¹⁵. Вызов Клеопатры Достоевский называет «чудовищным», «демонским счастьем», саму Клеопатру именуется «гиеной», видит в ней душу «мрачно-фантастического, страшного гада», поступки ее, по словам писателя, определяются «бешеной жестокостью», которая «уже давно исказила эту божественную душу и уже часто низводила ее до звериного подобия» (19, 136). Но особенно важно, что Достоевский, опираясь на пушкинское слово о «грустном» взоре Клеопатры, видит в ней потенциал возрождения. Катастрофичность состояния мира, изображенная Достоевским в связи с пушкинским стихотворным произведением, ведет мысль писателя к идее спасения: «От выражения этого адского восторга царицы холодеет тело, замирает дух... и вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш божественный искупитель. Вам понятно становится и слово: искупитель...» (19, 137)

Этими словами можно охарактеризовать не только сюжет евангельской истории Христа, но и сюжет романа Достоевского. Лев Николаевич Мышкин, князь-Христос, приходит в мир, в котором страшные, животные страсти исказили человеческую природу. Состояние мира соотносится в тексте романа с концом истории, описанном в Апокалипсисе, причем это сближение возникает в связи со странным, немотивированным во внешнем плане романа интересом Лебедева к Откровению Иоанна Богослова. Лебедев, который «в толковании Апокалипсиса силен», обсуждает с Настасьей Филипповной этот текст. И героиня соглашается с Лебедевым, что «мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как все в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут...» (8, 167)

Важнейший элемент мифа о царице Клеопатре — это ее невероятная женская красота. Красота становится важнейшей темой романа «Идиот» и возникает она прежде всего в связи с образом Настасьи Филипповны. Впервые о красоте героини скажет Мышкин при взгляде на ее портрет, о чем уже шла речь выше. Об иррациональной, мощной силе воздействия красоты на мир говорит Аделаида: «Такая красота — сила, <...> с этакою красотой можно мир перевернуть!» (8, 69) Для нас существенно, что тема красоты, возникающая как внешняя примета главной героини, приобретает особый метафизический статус, сопрягается с темой преобразования мира¹⁶. Уместно вспомнить, что Дмитриий

---

¹⁵ Об эволюции в понимании Достоевским образа Клеопатры, от ранних упоминаний к роману «Идиот» и Пушкинской речи см.: *Щетинин Р. Б.* Диалог античной и христианской традиций в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 15–17.

¹⁶ Об особом статусе понятия «красота» и формулы «мир спасет красота» в романе Достоевского и в русской религиозной философии см.: *Новикова Е. Г.* «Мир спасет красота» Ф. М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX вв. // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 97–124.

Карамазов в последнем романе Достоевского также скажет о красоте как загадке, как о «таинственной вещи», в которой «дьявол с Богом борется» (14, 100).

Красота Настасьи Филипповны связана с устойчивым мотивом загадочности. При взгляде на портрет Настасьи Филипповны Мышкин ощущает необходимость как будто «разгадать» загадку — «разгадать что-то скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча» (8, 68). Ранее взгляд героини производил то же впечатление на Тоцкого: «Этот взгляд глядел — точно задавал загадку» (8, 38). Позже Ганя Иволгин заметит: «Она видишь какие загадки загадывает!» (8, 102)

К образу Клеопатры восходит и тема власти, высокого социального статуса, возникающая в связи с Настасьей Филипповной. В самом начале романа «княжной» назовет Настасью Филипповну Лебедев (8, 11), затем «княгиней» (8, 11) будет именовать ее Рогожин, а в сцене именин появится слово «королева»: «Моя! Все мое! Королева!..» (8, 143) С еще большей убежденностью Рогожин повторит это же наименование после того, как Настасья Филипповна бросит пачку денег в камин: «Вот это так королева!» (8, 146) Причем в сюжете романа социальная характеристика «княгиня» может вполне реализоваться, когда Мышкин предлагает Настасье Филипповне выйти за него замуж, именно это слово произносит сама героиня: «“Значит, в самом деле княгиня!” — прошептала она про себя как бы насмешливо...» (8, 140) Позже она со злобой заметит Епанчину и Тоцкому: «Я теперь и сама княгиня...» (8, 141)

С наибольшей очевидностью связь образов Настасьи Филипповны и Клеопатры проявляется в сцене именин первой части романа, в которой переосмыслен сюжет пушкинского стихотворного фрагмента о «торге страстным». Тема «торга» в романе Достоевского реализуется буквально — жадной разбогатеть движим Ганя Иволгин, денежным вознаграждением предполагает решить дело с Настасьей Филипповной Тоцкий, генерал Епанчин дарит героине дорогой жемчуг накануне предполагаемой свадьбы, а Рогожин приносит 100 тысяч. В романном мире именно «торг», денежные расчеты становятся мощным импульсом для развития сюжета. Причем в романе тема денег накрепко связывается с темой страсти — по разным причинам герои «торгуются» за благосклонность и любовь Настасьи Филипповны. Настасья Филипповна так расскажет о Рогожине, появившемся в доме Иволгиных: «Давеча вот он закричал как сумасшедший, что привезет мне вечером сто тысяч, и я все ждала его. Это он торговал меня...» (8, 136) Далее, упрекая Ганю, Настасья Филипповна повторит те же слова о «торге»: «Ведь он в твоём доме, при твоей матери и сестре, меня торговал...» (8, 137) Единственный герой, который противопоставит «торг» и «любовь» — это князь Мышкин, он готовится сказать о Гане Иволгине: «...он вас не любит, а любит ваши деньги» (8, 114).

Сюжет о царице Клеопатре в произведении Пушкина Достоевский комментирует как выражение исторического перелома, при этом

направление дальнейшего движения истории зависит именно от желаний и поступков героини: «Пир; его картина. Царица была весела, она оживляла своих гостей, но вот она задумалась, она склонилась головой над золотой чашей, гости безмолвны, все молчит. Эти гости, вероятно, знают свою царицу и ждут чего-нибудь чрезвычайного» (19, 135).

Сцена именин в романе «Идиот», которая начинается со слов «королевы» Настасьи Филипповны о том, что она весела и собирается выпить три бокала шампанского, во многом является определяющей для судьбы большинства героев; как замечено в романе: «...почти уже все гости узнали, что в этот вечер назначено быть очень важному решению...» (8, 120) Не случайно с самого начала вечера опытный светский человек Тоцкий «был видимо не в духе и даже в каком-то несвойственном ему замешательстве» (8, 116). Приблизительно в тех же красках описано состояние генерала Епанчина: «...оба были в некотором затаенном беспокойстве по поводу худо скрываемого ожидания обещанного объявления насчет Гани» (8, 115). По поводу Гани отмечено, что он был «тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсем “нелюбозный”» (8, 115). Наиболее отчетливо значительность события, переживаемая как пограничная — между жизнью и смертью, обозначена в характеристиках Рогожина. Еще в доме Иволгиных он задает вопрос о возможном замужестве Настасьи Филипповны «как потерянный, как божеству какому-то, но с смелостью приговоренного к казни, которому уже нечего терять» (8, 97), и ожидает ответа «в смертной тоске» (8, 97). Позже, явившись с деньгами на именины, Рогожин «стал, ни слова не говоря и опустив руки, как бы ожидая своего приговора» (8, 135). Ганя Иволгин, чья судьба также решается у нас на глазах в сцене именин, «ощущал горячую потребность достоять до конца у своего позорного столба...» (8, 132) Нечто роковое в судьбе Настасьи Филипповны, значительность ее жизни ощущается Мышкиным в самом начале романа, уже при взгляде на ее портрет. В сцене же именин при встрече с героиней Мышкин «был ослеплен и поражен до того, что не мог даже выговорить слова» (8, 118).

К числу многочисленных параллелей между сценой именин и поэтическим текстом Пушкина о царице Клеопатре можно отнести и появление мотива скуки, выражающего ожидание чего-то предельно важного в обеих ситуациях. Об атмосфере вечера в романе отмечено: «Остальные гости <...> не только не могли особенно оживить разговор, но даже и просто не знали, о чем говорить» (8, 116). В параллель к этому, характеризуя состояние мира, к которому обратился Пушкин, Достоевский говорит о Клеопатре: «Ей теперь скучно, но эта скука посещает ее часто. Что-нибудь чудовищное, ненормальное, злорадное еще могло бы разбудить ее душу. Ей нужно теперь сильное впечатление» (19, 136).

В сцене именин напряжение достигает кульминации после появления Мышкина, который в метафизическом плане романа должен

преобразить и героиню, и мир: «Вообще вечер становился веселее, но не по-обычному» (8, 119). Вечер движется к игре, которую предложит «шут» Фердыщенко. Неожиданно появившегося на празднике Мышкина Фердыщенко сразу же хочет втянуть в игру и предполагает, что князь чем-то «заплатит за вход», например «модный романс споет» (8, 117). Однако, увидев, что князь «под особым покровительством» (8, 118) хозяйки вечера, Фердыщенко отступает.

Еще более выразительными и существенными для нашей темы словами встречает князя Мышкина генерал Епанчин: «Я, князь, от вас таких пружесов не ожидал, — промолвил Иван Федорович. — Да знаете ли, кому это будет впору? А я-то вас считал за философа! Ай да тихонький!» (8, 119) Обратим внимание на характерный галлицизм, которым генерал опишет поступок Мышкина, — «пруэс». Использование этого слова возможно для обозначения как смелого поступка, подвига, так и для поведения человека, занятого амурными похождениями. Напомним, что в пушкинском тексте на вызов Клеопатры прежде всего откликаются бесстрашный воин и ценящий наслаждения эпикуреец.

Далее о Мышкине продолжает размышлять вслух старичок-учитель: «И судя по тому, что князь краснеет от невинной шутки, как невинная молодая девица, я заключаю, что он, как благородный юноша, питает в своем сердце самые похвальные намерения» (8, 119). Точно так же в безымянном герое пушкинского произведения, ответившем третьим на вызов Клеопатры, Достоевский подчеркивал именно его юность и невинность: «Вот отрок; его имя неизвестно; но восторг любви сияет в очах его; неопытная сила юной, беспредельной страсти кипит в молодом его сердце» (19, 137).

Уместно вспомнить, как Достоевский выделял и распределял типы любви в соотношении с тремя разными персонажами романа. В рукописных набросках Достоевский отмечал:

В РОМАНЕ *ТРИ ЛЮБВИ*:

- 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин.
- 2) Любовь из тщеславия — Ганя.
- 3) Любовь христианская — Князь (9, 220).

Три героя Достоевского, претендующие на любовь героини, могут быть сопоставлены с тремя претендентами на любовь Клеопатры в произведении Пушкина, в обоих случаях здесь представлены разные типы отношения к жизни.

Еще одно сходство между двумя сюжетами, в центре которых находится страстная героиня, связано с тем, что поворотное решение, определяющее жизнь и смерть героев, реализуется через жестокую игру, развлечение. В романе Достоевского такое развлечение предлагает Фердыщенко. Показательно, что при популярности «пети жё» в светском обществе, Фердыщенко настаивает, что он знает «великолепнейшее

и новое пяти-жѣ <...>, такое, что однажды только и происходило на свете, да и то не удалось» (8, 120). Установка на совершенную оригинальность, уникальность предлагаемой игры является весьма необычной характеристикой для обыкновенного светского развлечения. Смысл предложенной игры держится на внешнем противоречии — значимый эффект должен произвести рассказ о самом низком поступке. В романе акцентируется особая реакция Настасьи Филипповны на это предложение: подчеркивается, что героиня увлекается именно «жестокостью» игры: «Унылый и брезгливый оттенок физиономий некоторых из гостей, может быть, еще более разжигал ее насмешливое желание; может быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи» (8, 121). С этими характеристиками героини романа «Идиот» вполне сопоставимы черты, которые отмечает Достоевский в пушкинской Клеопатре: «...это душа сильная, сломить ее еще можно не скоро; в ней много сильной и злобой иронии. И вот эта ирония зашевелилась в ней теперь» (19, 136).

Действительным разрешением ситуации «торга страстного» в романе «Идиот» станет предложение Мышкина, причем, что особенно существенно, — именно Мышкин предлагает героине свою жизнь, как и третий, страстный, претендент на любовь Клеопатры: «Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас...» (8, 138) Предложение Мышкина производит невероятное впечатление на присутствующих, но более всего на саму Настасью Филипповну. Отвечая на недоумение Епанчина, героиня признается: «А князь для меня то, что я в него в первого, во всю мою жизнь, как в истинно преданного человека поверила. Он в меня с одного взгляда поверил, и я ему верю» (8, 131). И позже, обращаясь к самому князю: «Спасибо, князь, со мной так никто не говорил до сих пор, <...> меня все торговали, а замуж никто еще не сватал из порядочных людей» (8, 142).

Уместно вспомнить, как Достоевский пишет о минутном преображении Клеопатры в пушкинском тексте после появления безымянного героя, который отзывается искренним чувством на страшный вызов царицы: «Он с радостью, даже с благодарностью отдает свою жизнь, он о ней и не думает; он глядит в лицо царицы, и в глазах его столько упоения, столько беспредельного счастья, столько светлой любви, что в гиене мгновенно проснулся человек, и царица с удивлением взглянула на юношу. Она еще могла умиляться!» (19, 137) Именно в этой финальной детали, по мысли Достоевского, кроется смысл пушкинского произведения: Пушкин, по словам Достоевского, «очеловечил свою гиену» (19, 137)¹⁷.

---

¹⁷ Об интерпретации Достоевским пушкинского текста писали, что он усложнил, психологизировал Клеопатру, «выткал свой собственный “мрачно-фантастический”, прихотливый узор» (Фридлендер Г. М. Эстетика Достоевского // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 112), что понимание Достоевского «не адекватно» пушкинскому стихотворению (Томашевский Б. В. Поэтическое наследие Пушкина (Лирика

Едва заметный потенциал возрождения низменной души, который Достоевский разглядел в пушкинской Клеопатре, становится определяющим мотивом в характере героини романа «Идиот». На какое-то мгновение, до появления Рогожина, Настасья Филипповна готова отбросить свою прежнюю жизнь, она говорит о жизни новой, отказывается от денег Тоцкого и отпускает самого Тоцкого, возвращает жемчуг Епанчину: «Завтра — по-новому, а сегодня — я именинница и сама по себе, в первый раз в целой жизни!» (8, 131) В этом плане сцена именин (напомним, что имя героини обозначает «воскресшая»), как будто сигнализирует о возможности преобразования героини, рождении ее к новой жизни. Не случайно, называя себя «мечтательницей», Настасья Филипповна говорит Мышкину о своей глубинной, потаенной мечте: «Разве я сама о тебе не мечтала? Это ты прав, давно мечтала, еще в деревне у него, пять лет прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь, — и вот все такого, как ты, воображала, доброго, честного, хорошего и такого же глупенького, что вдруг придет да и скажет: “Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!”» (8, 144).

Настасья Филипповна как будто желает отбросить роль царицы Клеопатры и превратиться в кающуюся грешницу. Именно это глубинное чувство и понимает сострадательный Мышкин: «Вы сейчас загубить себя хотели, безвозвратно, потому что вы никогда не простили бы себе потом этого: а вы ни в чем не виноваты. Быть не может, чтобы ваша жизнь совсем уже погибла» (8, 142).

В последней части романа Евгений Павлович напоминает знаменитую евангельскую сцену: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения?» (8, 482) Необходимо отметить ранний замысел Достоевского, сохранившийся в рукописных набросках к роману: писатель предполагал изобразить сцену венчания как «евангельского прощения в церкви блудницы» (9, 235). Этот замысел не был реализован, но фактически мысль о прощении блудницы присутствует в сцене именин, когда князь-Христос говорит о невиновности Настасьи Филипповны и зовет ее к новой жизни.

и поэмы) // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.: Л., 1964. С. 418). Обращаясь к художественным интерпретациям пушкинского сюжета о Клеопатре, В. Э. Вацуро объяснял появление возможности трактовки Достоевского отменой романтической аксиологии, см.: *Вацуро В. Э. Три Клеопатры* // Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged. 1995. Т. 21. С. 213–214. Современные интерпретации предлагают видеть в комментарии Достоевского к пушкинскому тексту пример сотворчества двух художников-мыслителей, см.: *Сараскина Л. И. Импровизация Достоевского на темы «Египетских ночей» Пушкина* // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждений: Международная научн. конф. 20–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 143–145; *Шилова Н. Л. Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина* // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 360–367.

В набросках к роману «Идиот» возникало сопоставление Настасьи Филипповны с Марией Магдалиной: «Аглая посещает Н<астасью> Ф<илипповну>. Говорит, что это подло играть роль Магдалины» (9, 217). Прямое сопоставление уходит из текста романа, однако сама тенденция, путь покаяния и жажда возрождения, сохранится в образе героини. Заметим, что в русской литературной традиции образ Марии Магдалины оказался не столь значимым, его вытесняют агиографические сюжеты, посвященные раннехристианским мученицам, прошедшим путь от греховности к праведной покаянной жизни, от страстности к святости. Наиболее значительным житийным источником для создания такого рода сюжетов стало житие св. Марии Египетской¹⁸.

История св. Марии Египетской¹⁹, которая почитается как покровительница кающихся женщин, отсылает нас к V в. Согласно житийным источникам, будущая святая, покинув родителей, ушла в Александрию, где стала блудницей. Преображение Марии происходит в Иерусалиме: после того как Мария не смогла войти в храм Гроба Господня, поскольку какая-то сила удерживала ее, она, осознав свою греховность, стала молиться перед иконой Богородицы. Когда Мария услышала повеление свыше, то приняла причастие и перейдя Иордан, уединилась в пустыне, где оставалась 47 лет в строгом посте и молитвах.

Мотив покаяния в структуре образа Настасьи Филипповны во многом предвосхищен швейцарской историей о «спасении» Мари, о которой рассказывает Мышкин в гостиной Епанчиных. Образ Мари также выстроен по модели житийной традиции. Сюжет соблазнения, поругания, глубинного раскаяния Мари восстанавливает в памяти раннехристианские произведения о преображении блудницы и грешницы в святую. Существенно, что именно Мышкин, князь-Христос, оказался спасителем Мари.

О знакомстве Достоевского с житием св. Марии Египетской свидетельствует развернутое высказывание о нем в тексте романа «Подорожник»: «Я запомнил, например, из этих рассказов один длинный рассказ — “Житие Марии Египетской”. О “житии” этом, да почти и о всех подобных, я не имел до того времени никакого понятия. Я прямо говорю: это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, как та раскаленная степь со львами, в которой скиталась святая» (13, 309).

---

¹⁸ *Завгородняя Г. Ю.* Образы Марии Египетской, Марии Магдалины и Клеопатры в русской литературе: христианское и языческое // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 42–63.

¹⁹ О значении образа св. Марии Египетской для русской литературы см.: *Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 156–157; *Климова М. Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 90–95.

Св. Марию Египетскую можно считать вторым прообразом Настасьи Филипповны Достоевского именно по причине того, что основу житийного сюжета создает противостояние греховной и святой жизни. Причем для раннехристианского произведения сюжет о св. Марии Египетской выглядит новаторским, мы узнаем о греховной жизни Марии из ее же рассказа монаху Зосиме, т.е. имеем дело не с последовательным изложением истории преобразования блудницы в святую, а видим образ блудницы через осмысление и раскаяние святой. Заметим, что в коротком изложении этого сюжета в романе «Подросток» Достоевский сделал акцент на местность, где подвизалась святая, — «степь со львами»; этот образ, как нам представляется, символизирует страсти, мучающие героиню. Это может означать, что страстность не оставляет святую и в эпоху ее покаянного образа жизни.

В романе «Идиот» стремление Настасьи Филипповны к другой, новой жизни осложняется не только жадой жгучего раскаяния и глубинным чувством вины, но и неискоренимой страстностью, которая накладывает свой отпечаток на самые благородные порывы. В исступлении Настасья Филипповна называет себя «рогожинской», «бесстыжей» (8, 136–137), «уличной» (8, 143), «распутной» (8, 144), хочет прокричать о своем позоре. Сложность внутреннего рисунка образа героини состоит в том, что в нем действуют одновременно разнонаправленные внутренние импульсы и движения. Мотив злобы становится продолжением страстной природы героини и определяет ее жестокость в отношении мира, одновременно эта же озлобленность героини направляется вглубь, что ведет к самоуничтожению и желанию собственной гибели: «На улицу пойду, Катя, ты слышала, там мне и место, а не то в прачки!» (8, 148) Мышкин видит глубинное противоречие, которое проявляется в этих разнонаправленных внутренних движениях героини: «Вы горды, Настасья Филипповна, но, может быть, вы уже до того несчастны, что и действительно виновною себя считаете» (8, 142).

Самое парадоксальное, что мотив искупления, возникающий в словах Настасьи Филипповны, соединяется с мотивом погружения во все больший разврат. Показательно, что в ранних редакциях романа этот мотив имел существенное значение, Достоевский предполагал дать описание «трехдневной оргии у Рогожина» (9, 226), кроме того, о героине неоднократно повторяется: «ведет себя скверно» (9, 216), «ведет себя развратно» (9, 217), «разврат неслыханный» (9, 227), «неистовость разврата Настасьи Филипповны» (9, 229).

Достоевский виртуозно выстраивает образ Настасьи Филипповны: любая ее характеристика оказывается предельно амбивалентной и может быть прочитана в двух противоположных планах. Так, красота, важнейшая характеристика героини, связывающая ее с разрушительной страшной силой царицы Клеопатры, вместе с тем может быть осмыслена как высшая благая ценность. Поскольку образ Клеопатры возникает в романе Достоевского через рецепцию Пушкина, то уместно

вспомнить наблюдение П. Фокина. Осмысливая многосоставную пушкинскую мифологию в романе «Идиот», исследователь обратил внимание на то, что Аглая Епанчина, ссылавшаяся на текст Пушкина, скорее всего, была знакома с ним по изданию П. В. Анненкова, где третий том, в котором было опубликовано стихотворение «Рыцарь бедный», открывался стихотворением «Красавица»²⁰. Напомним, что в пушкинском стихотворении воспеваются «святыня красоты», которая рождает молитвенное, благоговейное чувство. К смысловому полю романа нужно отнести также поэтическое послание Пушкина к А. П. Керн, поскольку в сцене обсуждения пушкинского романса о «рыцаре бедном» Аглая несколько раз воспроизводит из него строку, в первый раз неточно: «Это был какой-то светлый образ, “образ чистой красоты”» (8, 207). Тематически и образно к этим текстам примыкает и стихотворение Пушкина «Мадонна», где идеал красоты предстает как «чистейшей прелести чистейший образец», т. е. характеристика «чистоты» усиливается, удваивается.

Возвращаясь к сцене именин в романе, обратим особое внимание на возгласы Лебедева, с которыми он обращается к Настасье Филипповне при виде брошенной в камин пачки денег: «Матушка! Королева! Всемогущая! — вопил Лебедев, ползая на коленках перед Настасьей Филипповной и простирая руки к камину» (8, 145). Наименование «королева» встраивается в ряд ранее приведенных характеристик, отсылающих к образу Клеопатры. Однако несомненно, что в окружении наименований «матушка» и «всемогущая», т. е. традиционных обращений к Богородице, царице небесной, эта же характеристика звучит как утверждение власти иного порядка — власти духовного мира. Несмотря на то что эти смыслы снижены образом самого Лебедева, «простирающего руки» не к иконе, а к деньгам, они все же встраиваются в ряд диалектических характеристик Настасьи Филипповны. Здесь же можно отметить и одну внешнюю деталь: в сцене именин Настасья Филипповна кутается в мантилью; в истории этот предмет женского костюма выполнял разные функции — был украшением для дам высокого социального положения, но также использовался как покрывало, в том числе для исполнения религиозных ритуалов. То есть упоминание мантильи в портрете Настасьи Филипповны может свидетельствовать как о власти, так и о жажде покаяния и желании получить защиту от покрова Богородицы. Напомним, что св. Мария Египетская молится именно перед иконой Пресвятой Богородицы.

В портрете Настасьи Филипповны многократно подчеркнута ее бледность: «Красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» (8, 68) При этом бледность неразрывно связана с красотой: Настасья Филипповна «становилась ужасно бледна

---

²⁰ Фокин П. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 167.

и — странно — даже хороше́ла от этого» (8, 38). Романное слово напоминает о бледности античной статуи, не случайно статуя Венеры украшает дом Настасьи Филипповны. При описании тела убитой Настасьи Филипповны рядом с упоминаниями «белой простыни», «белого платья» сказано про «кончик обнаженной ноги», который «казался как бы выточенным из мрамора» (8, 503). Отсылки к образу античной богини, к языческой традиции усиливают представления о Настасье Филипповне как о героине страстной, порывистой, требующей любви. Но одновременно бледность является приметой внутренних страданий, внутренней напряженной работы, в житийных текстах эта портретная деталь характеризует героев-аскетов. Бледность становится и характеристикой Мышкина в романе: «В первое мгновение, когда он отворил ей дверь, он был бледен...» (8, 86) Бледнеет Рогожин, который застаёт Настасью Филипповну в доме Гани Иволгина: «Вид ее произвел на него необыкновенное впечатление; он так побледнел, что даже губы его посинели» (8, 95–96).

Уместно обратить внимание на то, как герои описывают воздействие на них Настасьи Филипповны. Например, Рогожин говорит: «Так меня тут и прожгло» (8, 11). Здесь реализуются устойчивые языковые метафоры — пламя страстей, огонь страстей, сгорать от страсти. Но вместе с тем такое воздействие облика героини Достоевского вполне сопоставимо с действием раннехристианских святых, с той силой, благодаря которой они способны преображать окружающих к добру и совершенству.

В художественном мире Достоевского страстность и святость осмысливаются как взаимодействующие, неразрывно связанные внутренние возможности женской природы. В сюжетном плане романа эта двойственность реализована в бесконечных побегах Настасьи Филипповны от Мышкина к Рогожину и обратно. Героиня мечется между христианской любовью Мышкина и страстной любовью Рогожина. При этом Настасья Филипповна желает «развязки» — это слово неоднократно появляется в сцене именин. По поводу приезда Рогожина Настасья Филипповна восклицает: «Вот и развязка! Наконец-то!» (8, 131) Предложение о замужестве Мышкина предполагает другую «развязку» для героини: «Развязка неожиданная... я... не так ожидала...» (8, 140) В символическом плане романа героиня как будто постоянно находится перед выбором, хочет построить свой внутренний сюжет до конца — окончательно превратиться в Клеопатру или в христианскую святую. Однако такая окончательная определенность оказывается для нее невозможной. Очевидный контраст сюжетной линии романа Достоевского составляет путь героини повести Н. С. Лескова «Гора». Героиня «египетской повести» Нефора, прообразом которой также является королева Клеопатра, понятая через посредство пушкинского текста, до конца проходит путь преображения к христианской святости.

В романе Достоевского на протяжении всего пути в героине сталкиваются непримиримые и непреодолимые разнонаправленные силы, что свидетельствует о невозможности привести сюжетную ситуацию романа к однозначной развязке. Образ Настасьи Филипповны предстает как трагический, двоящийся именно благодаря его мифологическим источникам: прообразы Клеопатры и кающейся грешницы, включенные в него, спорят и сталкиваются между собой, лишая сюжетную линию Настасьи Филипповны смысловой завершенности.

По мысли Н. А. Бердяева, женской теме, которая неразрывно связана с пониманием любви, в мире Достоевского не принадлежит самостоятельной роли: «Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа»²¹. Женский мир, по мысли философа, мир стихийный и хаотичный, он не является цельным в собственной сущности и в самостоятельном бытии, он нуждается в обретении целостности через любовь мужчины. Однако в пределах романной реальности ни христианская любовь Мышкина, ни страстная любовь Рогожина не приводят к полному раскрытию женской сущности Настасьи Филипповны. Целостность для героини предстает возможной только через синтез двух полярных и противоречивых начал — страстности и святости. Трагическое завершение истории героини свидетельствует о фатальном несовершенстве, фатальной неполноте мира — о том, что для упомянутого синтеза автор не находит оснований в пределах земного существования.

Библиографический список

- Альтман М. С.* Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // Международные связи русской литературы: сб. статей. М.; Л., 1963. С. 359–369.
- Астафьева О. В.* Античные источники стихотворения А. С. Пушкина «Клеопатра» // Владикавказские Пушкинские чтения. 1993. Вып. 1. С. 145–158.
- ий О. В.* Пушкин и Тьеполо // Пушкин и время. Томск, 2010. С. 305–307.
- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 107–223.
- Вацуро В. Э.* Три Клеопатры // Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged. 1995. Т. 21. С. 207–217.
- Гизетти А. А.* Гордые язычницы (К характеристике женских образов Достоевского) // Творческий путь Достоевского: сб. статей. Л., 1924. С. 186–196.
- Добролюбов Н. А.* Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 225–275.
- Евлампиев И. И.* Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб., 2021. 600 с.

---

²¹ *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 161.

- Завгородняя Г. Ю.* Образы Марии Египетской, Марии Магдалины и Клеопатры в русской литературе: христианское и языческое // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, №2. С. 42–63.
- Касаткина Т. А.* «Ценою жизни ночь мою...» Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // Московский пушкинист. 1998. Вып. V. С. 16–21.
- Касаткина Т. А.* Роман Достоевского «Идиот»: пространство свободы // Достоевский и современность. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 79–86.
- Кибальник С. А.* «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына и творчество Достоевского (от круга чтения к стратегиям письма) // Культура и текст. 2016. №3 (26). С. 44–59.
- Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 156–157.
- Климова М. Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4 (24). С. 90–95.
- Левина Л. А.* Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский и мировая культура. СПб., 1994. С. 97–118.
- Лотман Ю. М.* У истока сюжета о Клеопатре // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 362–364.
- Новикова Е. Г.* «Мир спасет красота» Ф. М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX в. // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 97–124.
- Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 22–50.
- Петрунина Н. Н.* Из комментария к пушкинским текстам: Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 93–97.
- Пушкин А. С.* Клеопатра // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Кн. 1 (Михайловское. 1824–1826). СПб., 2019. С. 19–22.
- Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Суслова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. 456 с.
- Сараскина Л. И.* Импровизация Достоевского на темы «Египетских ночей» Пушкина // Пушкин и Достоевский: Материалы для обсуждений: Международная науч. конф. 20–24 мая 1998 г. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 143–145.
- Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 23–87.
- Степанов Л. А.* Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 34–47.
- Степанян К.* Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 137–162.
- Томашевский Б. В.* Поэтическое наследие Пушкина (Лирика и поэмы) // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1964. С. 345–444.

- Фокин П. Пушкинский контекст романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 163–169.
- Фридлиндер Г. М. Эстетика Достоевского // Достоевский — художник и мыслитель. М.: Худ. лит.-ра, 1972. С. 97–165.
- Шилова Н. Л. Достоевский и проблема интерпретации «Египетских ночей» Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 360–367.
- Шолти Г. Настасья Филипповна и Клеопатра. Поэтический процесс развертывания смысла в романе «Идиот» // Достоевский. Философское мышление, взгляд писателя. СПб., 2012. С. 165–172.
- Щетинин Р. Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 23 с.
- Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 92–159.

References

- Al'tman M. S. Dostoevskii i roman A. Diuma “Dama s kameliiami” [Dostoevsky and the novel by A. Dumas “The Lady of the Camellias”]. In: *Mezhdunarodnye sviazi russkoi literatury: sb. statei*. Moscow; Leningrad, 1963. Pp. 359–369. (In Russ.)
- Astaf'eva O. V. Antichnye istochniki stikhotvoreniia A. S. Pushkina “Kleopatра” [Antique sources of the poem by A. S. Pushkin “Cleopatra”]. *Vladikavkazskie Pushkinskie chteniia*, 1993, vol. 1, pp. 145–158. (In Russ.)
- Barskii O. V. Pushkin i T'epolo [Pushkin and Tiepolo]. In: *Pushkin i vremia*. Tomsk, 2010. Pp. 305–307. (In Russ.)
- Berdiaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's worldview]. In: Berdiaev N. A. *O russkikh klassikakh*. Moscow, 1993. Pp. 107–223. (In Russ.)
- Dobroliubov N. A. Zabitye liudi [Downtrodden people]. In: Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: in 9 vols., vol. 7*. Moscow; Leningrad, 1963. Pp. 225–275. (In Russ.)
- Evlampiev I. I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo* [The image of Jesus Christ in the philosophical worldview of F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, 2021. 600 p. (In Russ.)
- Fokin P. Pushkinskii kontekst romana “Idiot” [Pushkin context of the novel “The Idiot”]. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia*. Moscow, 2001. Pp. 163–169. (In Russ.)
- Fridlender G. M. Estetika Dostoevskogo [Dostoevsky's aesthetics]. In: *Dostoevskii — khudozhnik i myslitel'*. Moscow, 1972. Pp. 97–165. (In Russ.)
- Gizetti A. A. Gordye iazychnitsy (K kharakteristike zhenskikh obrazov Dostoevskogo) [Proud female pagans (Towards the characterization of Dostoevsky's female images)]. In: *Tvorcheskii put' Dostoevskogo: sb. statei*. Leningrad, 1924. Pp. 186–196. (In Russ.)
- Iakubovich D. P. Antichnost' v tvorchestve Pushkina [Antiquity in Pushkin's creative works]. In: *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii*, vol. 6. Moscow; Leningrad, 1941. Pp. 92–159. (In Russ.)
- Kasatkina T. A. “Tsenoiu zhizni noch' moi...” *Pushkinskaia tsitata v “Idiote” Dostoevskogo* [“At the cost of life my night...” Pushkin's quote in Dostoevsky's “The Idiot”]. *Moskovskii pushkinist*, 1998, vol. V, pp. 16–21. (In Russ.)

- Kasatkina T.A. Roman Dostoevskogo “Idiot”: prostranstvo svobody [Dostoevsky’s novel “The Idiot”: a space of freedom]. In: *Dostoevskii i sovremennost’*. Velikii Novgorod, 2014. Pp. 79–86. (In Russ.)
- Kibal’nik S.A. “Dama s kameliiami” Aleksandra Diuma-syna i tvorchestvo Dostoevskogo (ot kruga chteniia k strategiiam pis’ma) [“The Lady of the Camellias” by Alexandre Dumas fils and the works of Dostoevsky (from the circle of reading to writing strategies)]. *Kul’tura i tekst*, 2016, no. 3 (26), pp. 44–59. (In Russ.)
- Klimova M.N. K izucheniiu zhitiinoi traditsii v russkoi literature XIX–XX vekov [On the study of the hagiographic tradition in Russian literature of the 19th–20th centuries]. *Vestnik TGPU*, 2009, vol. 4 (82), pp. 156–157. (In Russ.)
- Klimova M.N. Sviatost’ i soblazn (Obraz Marii Egipetskoii v russkoi literature) [Holiness and temptation (The image of Mary of Egypt in Russian literature)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4 (24), pp. 90–95. (In Russ.)
- Levina L.A. Nekaiushchaisia Magdalina, ili Pochemu kniaz’ Myshkin ne mog spasti Nastas’iu Filippovnu [The unrepentant Magdalene, or Why Prince Myshkin could not save Nastasya Filippovna]. In: *Dostoevskii i mirovaia kul’tura*. Saint Petersburg, 1994. Pp. 97–118. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. U istoka siuzheta o Kleopatre [At the origin of the Cleopatra story]. In: Lotman Iu. M. *Pushkin*. Saint Petersburg, 1995. Pp. 362–364. (In Russ.)
- Novikova E. G. “Mir spaset krasota” F.M. Dostoevskogo i russkaia religioznaia filosofii kontsa XIX — pervoi poloviny XX v. [“Beauty will save the world” by F.M. Dostoevsky and Russian religious philosophy of the late 19th — first half of the 20th century.]. In: *Dostoevskii i XX vek*: in 2 vols., vol. 1. Moscow, 2007. Pp. 97–124. (In Russ.)
- Petrulina N.N. “Egipetskie nochi” i russkaia povest’ 1830-kh godov [“Egyptian Nights” and the Russian novel of the 1830s]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy*, 1978, vol. VIII, pp. 22–50. (In Russ.)
- Petrulina N.N. Iz kommentarii k pushkinskim tekstam: Pushkin, Zh.-Zh. Russo i Avrelii Viktor [From the commentary on Pushkin’s texts: Pushkin, J.-J. Rousseau and Aurelius Victor]. In: *Vremennik Pushkinskoi komissii*, iss. 22. Leningrad, 1988. Pp. 93–97. (In Russ.)
- Pushkin A. S. Kleopatra. In: Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*: in 20 vols., vol. 3: Stikhotvoreniia, book 1 (Mikhailovskoe. 1824–1826). Saint Petersburg, 2019. Pp. 19–22. (In Russ.)
- Saraskina L. I. *Vozliublennaia Dostoevskogo: Apollinariia Suslova: biografiiia v dokumentakh, pis’makh, materialakh* [Dostoevsky’s beloved: Apollinariia Suslova: Biography in documents, letters, materials]. Moscow, 1994. 456 p. (In Russ.)
- Saraskina L. I. Improvizatsiia Dostoevskogo na temu “Egipetskikh nochei” Pushkina [Dostoevsky’s improvisation on themes from Pushkin’s “Egyptian Nights”]. In: *Pushkin i Dostoevskii: Materialy dlia obsuzhdenii*: Mezhdunarodnaia nauchn. konf. 20–24 maia 1998 g. Novgorod Velikii; Staraiia Russa, 1998. Pp. 143–145. (In Russ.)
- Shchetinin R.B. *Dialog antichnoi i khristianskoi traditsii v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [Dialogue between the ancient and Christian traditions in the novel by F.M. Dostoevsky “The Idiot”]: Thesis of dissertation. Tomsk, 2009. 23 p. (In Russ.)

- Shilova N.L. Dostoevskii i problema interpretatsii “Egipetskikh nochei” Pushkina [Dostoevsky and the problem of interpreting Pushkin’s “Egyptian Nights”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2001, no. 6, pp. 360–367. (In Russ.)
- Sholti G. Nastas’ia Filippovna i Kleopatra. Poeticheskii protsess razvertvaniia smysla v romane “Idiot” [Nastasya Filippovna and Cleopatra. The poetic process of unfolding meaning in the novel “The Idiot”]. In: *Dostoevskii. Filosofskoe myshlenie, vzgliad pisatelja*. Saint Petersburg, 2012. Pp. 165–172. (In Russ.)
- Skaftymov A.P. Tematicheskaja kompozitsiia romana “Idiot” [Thematic composition of the novel “The Idiot”]. In: Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 23–87. (In Russ.)
- Stepanov L.A. Stikhotvorenie Pushkina “Chertog sial...”: Istochniki i tvorcheskii process [Pushkin’s poem “The palace shined...”: Sources and creative process]. In: *Esteticheskie vzgliady pisatelja i khudozhestvennoe tvorchestvo*. Krasnodar, 1981. Pp. 34–47. (In Russ.)
- Stepanian K. Iurodstvo i bezumie, smert’ i voskresenie, bytie i nebytie v romane “Idiot” [Foolishness and madness, death and resurrection, existence and non-existence in the novel “The Idiot”]. In: *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia*. Moscow, 2001. Pp. 137–162. (In Russ.)
- Tomashevskii B. V. Poeticheskoe nasledie Pushkina (Lirika i poemy) [The poetic legacy of Pushkin (Lyrics and poems)]. In: Tomashevskij B. V. *Pushkin*, book 2. Moscow; Leningrad, 1964. Pp. 345–444. (In Russ.)
- Vatsuro V.E. Tri Kleopatry [Three Cleopatras]. In: *Diss. Slav.: Hist. Litt. Szeged.*, 1995, vol. 21, pp. 207–217. (In Russ.)
- Zavgorodniaia G. Iu. Obrazy Marii Egipetskoi, Marii Magdaliny i Kleopatry v russkoi literature: khristianskoe i iazycheskoe [Images of Mary of Egypt, Mary Magdalene and Cleopatra in Russian literature: Christian and pagan]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 42–63. (In Russ.)

Е. Д. ТРУХАН*

**А. И. ИСАЕВ КАК ПРОТОТИП С. З. МАРМЕЛАДОВА
(«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Аннотация: В статье производится сравнительный анализ второстепенного персонажа и его прототипа: Семена Захаровича Мармеладова из романа «Преступление и наказание» и сибирского друга Ф. М. Достоевского Александра Ивановича Исаева (1822–1855). На примере С. З. Мармеладова рассматриваются особенности построения художественного образа, созданного Достоевским на основе прототипа. Материалом для исследования стали предварительные наброски романа «Преступление и наказание», его окончательная редакция и отчасти — архивные документы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. И. Исаев, образ С. З. Мармеладова, прототип, роман «Преступление и наказание», особенности построения персонажа, образ К. И. Мармеладовой.

E. D. TRUKHAN

**A. I. ISAEV AS A PROTOTYPE OF S. Z. MARMELADOV
(“CRIME AND PUNISHMENT”)**

Abstract: The article makes a comparative analysis of a minor character and his prototype: Semyon Zakharovich Marmeladov from the novel “Crime and Punishment” and F. M. Dostoevsky’s Siberian friend Alexander Ivanovich Isaev (1822–1855). On the example of S. Z. Marmeladov, the features of constructing an artistic image created by Dostoevsky based on a prototype are considered. The preliminary sketches of the novel “Crime and Punishment”, its final edition and partly archival documents became the material for the study.

Key words: F. M. Dostoevsky, A. I. Isaev, the image of S. Z. Marmeladov, prototype, the novel “Crime and Punishment”, features of character building of the character, the image of K. I. Marmeladova.

---

* Елена Дмитриевна Трухан, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (Новокузнецк); Elena Dmitrievna Trukhan, Deputy Director for Scientific Work at Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (Novokuznetsk). dostoevski.nvkz@mail.ru

Вопрос о прототипах в художественном мире Ф. М. Достоевского встал с момента появления первого произведения писателя. Актуальность этой проблемы в отечественном достоевковедении не снижается и сегодня¹. Прототипам персонажей «Преступления и наказания» посвящено небольшое количество работ, но их авторы, по выражению К. А. Степаняна, в полной мере осознают, что «связь биографии <Достоевского> с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным»². Так, Б. Н. Тихомиров³ исследует образ Аркадия Ивановича Свидригайлова и проверяет гипотезу, был ли заключенный Омского острога Павел Аристов его прототипом? Т. Н. Никитин⁴ представляет прозаика М. Е. Салтыкова-Щедрина в качестве прототипа Андрея Семеновича Лебезятникова. В. А. Викторovich⁵ проводит параллели между братом писателя М. М. Достоевским, ставшим литературным прототипом Разумихина. В. Е. Ветловская⁶ обращается к образу следователя Порфирия Петровича и видит его прототип в знаменитом каторжнике, а позднее — начальнике Парижской тайной полиции, Франсуа-Эжене Видоке, авторе скандально известных «Записок...» о своей жизни. К. А. Баршт рассматривает публициста и критика В. П. Буренина как прототип Родиона Раскольникова⁷. В. А. Торопова⁸ выявляет сходства и различия между

---

¹ Например, в круг прототипов персонажей романа «Идиот» входят доктор Ф. И. Гааз, граф Г. А. Кушелев-Безбородко, племянник писателя А. П. Карепин, В. Ф. Одоевский, Н. П. Огарев, Д. А. Валуев (*Батталова А. Н.* Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.; *Мякинченко М. А.* А. П. Карепин — племянник Ф. М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156–160; *Борисова В. В.* Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвузовский сборник научных трудов. М. — Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248).

² *Степанян К. А.* Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119.

³ *Тихомиров Б. Н.* Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова? // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4, № 4. С. 48–56.

⁴ *Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Старвогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30, № 30. С. 119–131; *Никитин Т. Н.* К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 169–181.

⁵ *Викторovich В. А.* «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 41–55.

⁶ *Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.

⁷ *Баршт К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 73–86.

⁸ *Торопова В. А.* Семья Мармеладовых и личная жизнь Достоевского (из опыта изучения и преподавания русской литературы в школе) // Проблемы Марийской и сравнительной филологии: сборник трудов конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 376–379.

семьями Мармеладовых и Исаевых. Существенный вклад в развитие этой темы был сделан Р.Г. Назировым в работах «О прототипах некоторых персонажей Достоевского» и «Творческие принципы Ф.М. Достоевского»⁹.

О Семене Захаровиче Мармеладове, персонаже романа «Преступление и наказание», существуют наблюдения общего характера: о том, что он создавался Ф. М. Достоевским на основе реального прототипа — Александра Ивановича Исаева (1822–1855), дворянина, сибирского друга писателя, первого мужа Марии Дмитриевны Констант-Исаевой-Достоевской (1824–1864). Например, Н. Н. Наседкин в энциклопедии «Достоевский», завершая словарные статьи «Мармеладов Семен Захарович» и «Исаев Александр Иванович», замечает: «Мармеладов, судя по всему, должен был стать одним из главных героев неосуществленного замысла “Пьяньки” (1864). <...> Прототипами его в какой-то мере послужили литератор П. Н. Горский и А. И. Исаев»¹⁰; «Вероятно, Достоевский вспоминал Исаева, создавая образы своих героев-пьяниц с “амбицией” вроде Мармеладова»¹¹. Точка зрения Н. Н. Наседкина совпадает с позицией С. В. Белова: «Исаев послужил прототипом благородного “пьянького” Мармеладова в “Преступлении и наказании”»¹². Л. П. Гроссман отмечает, что контрасты природы А. И. Исаева заинтересовали писателя и послужили ему основой для создания образа Мармеладова¹³. Французский писатель Анри Труайя по-своему определяет сходство прототипа и литературного образа: «...несомненно также, что он <Достоевский> чуял в нем <Исаеве> великолепную дичь для будущих романов. Этот плаксивый пьянчужка, часами разглагольствовавший об уделе человека, о познании Христа, о добре и зле, о культуре и варварстве, всплывет в его памяти, когда он будет создавать незабываемую фигуру Мармеладова в “Преступлении и наказании” <...> И как Мармеладов приводит к себе студента Раскольников, так Исаев представляет своей жене Достоевского»¹⁴. Ряд сходный черт в жизни семей Исаевых и Мармеладовых обнаруживает Л. И. Сараскина¹⁵.

---

⁹ Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. СПб., 1974. С. 202–219; Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского / под ред. проф. Л.Г. Барага. Саратов, 1982. 160 с.; Назиров Р.Г. Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». Уфа, 2017. 120 с.

¹⁰ Наседкин Н. Н. Достоевский: энциклопедия. М., 2008. 2-е изд. (Сер. «Энциклопедия великих писателей»). С. 330.

¹¹ Там же. С. 605.

¹² Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. С. 346.

¹³ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965. 2-е изд., испр. и доп. (Сер. «Жизнь замечательных людей»). С. 182.

¹⁴ Труайя А. Федор Достоевский. СПб., 2015. (Сер. «Великие россияне»; вып. 4). С. 152.

¹⁵ «Несомненно, Марии Дмитриевне было что вспомнить о своей молодости в родительском доме, о фортепьяно с оркестром на выпускном вечере, о любимом отце. <...>

Таким образом, в паре «Исаев — Мармеладов» исследователи выделяют следующие черты: пьянство, алкоголизм; амбициозность; социальные контрасты натуры («Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден» (28, 201)); испорченная репутация; литературность характера реального человека-прототипа; склонность к многословию и разглагольствованию; факты семейно-биографического характера. Однако целостного сопоставительного анализа образа С. З. Мармеладова и его прототипа А. И. Исаева сделано не было.

Необходимо установить, в каких аспектах фабульной структуры произведения персонаж вбирает в себя свойства и характерные черты прототипа. Материалом для этого могут послужить подготовительные материалы к роману, его окончательная редакция, письма писателя и архивные документы, а методологической основой может стать мысль Ю. М. Лотмана о том, что «анализ принципов построения художественного текста должен доминировать над проблемой прототипов»¹⁶, а также призыв Р. Г. Назирова к изучению «творческого процесса писателя и внутреннего движения его поэтических форм от замысла к целому»¹⁷.

Впервые Семен Мармеладов упоминается в подготовительных записях к «Преступлению и наказанию», еще создававшемуся в жанре повести под рабочим названием «Пьяненькие», в одном из фрагментов «Prospectus № 2». Достоевский намечает будущего персонажа пока что условно и обобщенно — «пьяница»: «В это время эпизод с пьяницей» (7, 80), «Эпизод с пьяницей на Крестовском» (7, 80). Намеки или прямые указания на Александра Исаева как на прототип в первоначальных вариантах романа отсутствуют. Заметим, что Достоевский связывает с условно-обобщенным персонажем только фрагмент романного повествования, т. е. изначально Мармеладов создавался как эпизодическое действующее лицо, а не как главный герой, что противоречит утверждению Н. Н. Наседкина¹⁸.

Спустя десятилетие о жизни в доме отца и о том, как при выпуске из пансиона она танцевала “па де шаль” “при губернаторе и прочих лицах”, будет вспоминать несчастная Катерина Ивановна Мармеладова. <...> Катерина Ивановна ничуть не преувеличивала: Д. С. Констант (возможный прототип ее папеньки), много раз награжденный чинами и орденами, вышел в отставку с чином действительного статского советника, дававшим право на должность директора департамента или губернатора. <...> Быть может, сердце Марии Дмитриевны в ее первой молодости и в самом деле принадлежало “другому”, а именно Исаеву, и папенька в этом случае тоже “ужасно сердился”, ибо упускался некий приезжий жених, “князь Щегольской”, тогда как местный был подозрительно ненадежен? <...> Все труднее было маскировать бедность, почти невозможно скрывать от чужих глаз пьяные выходы мужа — общество Семипалатинска отвернулось от Исаевых. “За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было”» (*Сараскина Л. И.* Достоевский. М., 2011. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320). С. 287–288).

¹⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1983. С. 24.

¹⁷ Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. С. 88.

¹⁸ Наседкин Н. Н. Достоевский. С. 330.

Формирование художественного образа Мармеладова начинается в следующем фрагменте «Prospectus №2» с определения общими штрихами некоторых важных моментов его жизни и отличительных свойств характера: «(Эпизод с пьяницей на Крестовском, разве у меня сердце не болит, разве не болит. О жене. Как он ее уважает, и кто она. “Надо в Неву, а я, подлец, живу”. Довел его до квартиры. Дал ему денег из кошелька. И потом донес под камень в кошелёк). <...> “Дочь по желтому паспорту моя ходит”. К дочери пошел. <...> В это время эпизод с пьяницей» (7, 80). Таким образом, в первых вариациях романа у будущего персонажа «Преступления и наказания» еще нет фамилии и имени, но он обозначен топографически, преисполнен желания броситься в Неву в силу тяжелых жизненных обстоятельств и переживания вины за совершенные им поступки. Такие особенности никак не связывают прототип и персонажа, однако видно, что последний имеет и другие особенности: задумывается автором как личность семейная, склонная к алкоголизму и разглагольствованию в пьяном виде. На первый взгляд может показаться, что появление этих двух качеств у безымянного персонажа уже дает нам право говорить о сходных с А. И. Исаевым чертах характера. Но это не совсем так.

Несмотря на то что алкоголизм Александра Ивановича многие исследователи¹⁹ определяют чуть ли не как доминантную прототипическую черту в структуре его характера, с этим невозможно безоговорочно согласиться. Об этой вредной привычке своего сибирского друга Ф. М. Достоевский нигде не упоминал, в письмах кузнецкого периода об этом нет ни слова. О пьяных выходках А. И. Исаева — «неисправимого алкоголика с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости»²⁰ — сообщают в мемуарах только современники писателя²¹, почти или вовсе не знавшие его, а также краеведы и биографы более позднего времени²². Более того, архивный документ — аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева от 27 сентября 1853 г. свидетельствует, что чиновник с 8 августа 1840 г., с момента

---

¹⁹ *Наседкин Н. Н.* Достоевский. С. 605; *Сараскина Л. И.* Достоевский. С. 285–288; *Волгин И. Л.* Родные и близкие // Волгин И. Л. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М., 2013. С. 1042–1064; *Труайя А.* Федор Достоевский. С. 151–152, 156, 157, 160, 166.

²⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 309.

²¹ *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 51, 53, 60; *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров». С. 309–310.

²² См. об этом подробнее: *Трухан Е. Д.* «Может быть, я только один из здешних и умел ценить его»: А. И. Исаев в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. Новокузнецк — Красноярск, 2021. С. 70–79; *Трухан Е. Д.* А. И. Исаев в мемуарно-автобиографической прозе современников Ф. М. Достоевского и краеведческих исследованиях начала XX века // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов. С. 179–193.

поступления на службу в Кавказский линейный батальон № 11 и вплоть до увольнения благополучно продвигался по карьерной лестнице. Уволен же он был с достойной должности не за алкоголизм, а по болезни: «Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 28 день июля 1853 года, уволен от службы по болезни»²³. Ввиду важности документа приводим его текст полностью:

АТТЕСТАТ

Дан сей служившему чиновником особых поручений при Начальнике Сибирского таможенного округа, Коллежскому Секретарю Александру Иванову Исаеву, в том, что он, как из формулярного о службе его списка видно, от роду 31 года, вероисповедания православного, происходит из дворян, за ним, за родителями его и за женою, родового или благоприобретенного имения нет. В службу вступил в Кавказский линейный № 11 батальон (этот батальон переименован в батальон № 12, 1840 г. Августа 8-го, а потом в Астраханский гарнизонный батальон 1841 г. Апреля 10 дня) Унтер-офицером с выслугою 3-х месяцев за рядового 1839 г. Апреля 16-го. Произведен в подпрапорщики 1839 г. Июля 13-го, произведен в Портупей-прапорщики 1839 г. Октября 6-го, произведен в прапорщики с переводом в Симбирский Внутренний Гарнизонный батальон 1841 г. Ноября 10-го, переведен в отдельную роту Астраханского Центрального Карантина 1841 г. Ноября 17-го, назначен ротным адъютантом 1842 г. Марта 26-го. Определен исправляющим должность казначея в той же роте 1846 г. Февраля 5-го, определен Чиновником Особых Поручений при комитете, учрежденном в Астрахани по перевозке казенного провианта 1846 г. Марта 28-го, Правительствующим Сенатом переименован из прапорщиков в Коллежские Регистраторы 1846-го г. Июня 17-го. Произведен в Губернские Секретари со старшинством с 1847 г. Мая 28-го. В 1846, 1847, 1848 и 1849 годах, с открытия и до закрытия навигации, находился на взморье за Бирючьею косою для наблюдения за успешным отправлением казенного провианта на Серебряковскую пристань и <к> Дагестанским портам; переведен Чиновником Особых Поручений к Начальнику Астраханского Таможенного Округа 1849 г. Декабря 18-го; перемещен Чиновником Особых Поручений при Начальнике Сибирского Таможенного Округа 1851 г. Февраля 13-го; Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 7-й день Августа 1852 г., произведен в Коллежские Секретари со старшинством с 1851-го г. Мая 28-го. В походах, в штрафах и под судом не был; Аттестовался способным и достойным. В отставке и отпусках не был, женат на Марье Дмитриевой; имеет сына Павла, родившегося 10 ноября 1847 года;

²³ Аттестат коллежского секретаря А.И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22 об.

жена и сын православного исповедания. Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству в 28-й день Июля 1853 г., уволен от службы по болезни. Во удостоверение всего вышеизложенного дан сей Аттестат за подписью моей и с приложением герба моего печати Сентября двадцать седьмого дня тысяча восемьсот пятьдесят третьего года. Г. Семипалатинск Томской Губернии. Начальник Сибирского Таможенного Округа Статский Советник и кавалер (подпись И. А. Армстронга)²⁴.

Таким образом, причины утраты служебного места у отставных чиновников Исаева и Мармеладова существенно различаются. Некогда успешный государственный служащий А.И. Исаев вынужден был оставить место по состоянию здоровья, а С.З. Мармеладов покидает службу из-за слабоволия и хронического алкоголизма: «Это был пьяница запоем, которому нужно было рюмку или две, чтобы все в нем опять разболталось» (7, 101).

При этом процесс появления «питейного» в биографиях Исаева и Мармеладова роднит их. В исповедальном монологе Семена Захаровича о бедности и нищете, который начинается складываться уже в первой редакции романа, подчеркивается, что не алкоголизм, а именно нищета является первопричиной погружения его и его семейства на социальное дно, алкоголизм — лишь следствие: «...в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное!» (6, 13) Подобного рода причинно-следственные связи Достоевский обнаруживал в биографии Александра Исаева: «Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. <...> Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно» (28₁, 201). Алкоголизм для литературного персонажа и, скорее всего, его прототипа — это результат ухода со службы и невозможности найти новое служебное место, тяжелое переживание своего трагического положения.

Очевидно, склонность к алкоголизму как отдельный аспект жизни Александра Исаева не была особенно интересна писателю. Признаком этого может служить отказ Достоевского от первоначального замысла «Пьяненьких» и от самого названия произведения. «Питейное» в структуре художественного образа Мармеладова понималось писателем прежде всего как одно из типических свойств социального колорита Петербурга середины XIX в. (не будем забывать, что в Столярном переулке, где в период написания «Преступления и наказания» жил Достоевский, располагались 18 питейных заведений

²⁴ Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Л. 22 — 22 об.

на 16 домов²⁵). Поэтому алкоголизм С.З. Мармеладова следует воспринимать не столько как прототипическую черту, унаследованную от А.И. Исаева, сколько как особенность типическую, общественную. Не стоит отрицать, что алкоголизм Исаева и Мармеладова являлся для социума той мишурой, за которой скрывалась настоящая суть их личностей, их неразгаданные тайны.

Как отмечалось, в ранних редакциях «Преступления и наказания» упоминаются жена и дочь Мармеладова. Раскрытие характера персонажа изначально мыслилось Достоевским в бытовом контексте. Более того, анализ образа Катерины Ивановны, супруги Мармеладова, указывает на усиление прототипической составляющей в тексте романа. Достоевский, видимо, намеренно создает на основе прототипов не одного персонажа, но двух супругов Мармеладовых. Их взаимодействие обеспечивает целостное и достоверное художественное решение, и в то же время значительно укрепляет гипотезу об Александре Исаеве как реальном прототипе Семена Мармеладова.

Использованные в формировании образа Катерины Ивановны биографические детали и эпизоды жизни М.Д. Исаевой представляют особенности «перевода» Достоевским реальной жизни в ткань художественного повествования. Некоторые из них уже были выявлены исследователями²⁶ романа. Мы же оставим только новые замечания.

---

²⁵ «В двух шагах от Сенной находился печально известный в городе Столярный переулок. В газете “Петербургский листок” в 1865 году под ироническим заглавием “Отрадная петербургская статистическая заметка” о нем сообщались такие сведения: “В Столярном переулке находится шестнадцать домов (по восемь с каждой стороны). В этих шестнадцати домах помещается восемнадцать питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо, — везде найдешь вино”» (*Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С. 169).

²⁶ Например, Н.И. Левченко, изучая архивы, подтвердила, что художественные детали романа «Преступление и наказание» (исполнение при губернаторе танца с шалью, золотая медаль, похвальный лист) имеют вполне реальную основу и связаны с семьей М.Д. Исаевой-Констант: «...старшая дочь Мария воспитывалась в Таганрогском пансионе, который окончила с похвальным листом». А ее младшие сестры, «три дочери <Д.С. Константа>, окончили успешно Астраханский институт благородных девиц». В 1841 году «Астраханские губернские ведомости» (№29, 19 июля) сообщили об успехах сестер Констант, которые «на выпуске удивили всех игрой на фортепиано под аккомпанемент оркестра и чтением стихов на французском и русском языках» (*Левченко Н. И.* Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 241). Л.И. Сараскина обращает внимание, что М.Д. Исаева (в девичестве Констант) воспитывалась в «культурной дворянской семье со старинными французскими корнями» (*Сараскина Л. И.* Достоевский. С. 287). Эти же черты придает Достоевский своей героине Катерине Ивановне Мармеладовой: «...она прекрасной фамилии» (7, 83); «Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена» (6, 14); «исполнена врожденного благородства, в богатстве воспитанная» (7, 103); «образованная

Как известно, Катерина Ивановна и Семен Захарович Мармеладовы заключили второй брак, в их семье воспитываются дети от первых браков. Эти обстоятельства не соотносятся с жизнью А. И. Исаева, являясь частью художественного вымысла. Но подчеркнем, что в первом браке Марии Дмитриевне, как и Катерине Ивановне, предстоит стать вдовой²⁷, остаться с малолетними детьми на руках. Будущая художественная реальность «Преступления и наказания» через мотив многодетности то и дело прорывается в эпистолярное описание жизненных обстоятельств М. Д. Исаевой: «Он умер твердо, благословляя жену и детей, и только томясь об их участи» (281, 190); «Что с нею будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку?» (281, 235). Обратим внимание, что многодетность Марии Дмитриевны была вымыслом Достоевского, ведь она родила только одного ребенка — Павла Александровича. Поиски информации о других детях Исаевых, возможно — умерших во младенчестве, но долженствующих быть записанными в 1855–1856 гг. в метрических книгах Одигитриевской церкви или Спасо-Преображенского собора города Кузнецка Томской губернии, в государственных архивах Томской и Новосибирской области не увенчались успехом, гипотеза не нашла документального подтверждения. Но мотив многодетности, зазвучавший затем в полную силу в «Преступлении и наказании», был очень важен для Достоевского-художника: вымысел или художественная условность в итоге преобразились в образ нищего многочисленного семейства, существующего на грани жизни и смерти. Таким образом, многодетность как прототипическая черта, не присущая реальному человеку, в контексте романа обрела новую силу и зазвучала с позиции художественной правды гораздо пронзительней.

Не случайно смерти Исаева и Мармеладова происходят в кругу семьи, в присутствии детей. И персонаж, и его прототип раздавлены судьбой и обстоятельствами. Мармеладов попадает под движущуюся повозку, становится жертвой трагической судьбы. «Раздавленный» — именуется

и фамилии известной, столбовой» (7, 105). О семье Марии Исаевой (Констант) Ф. М. Достоевский сообщает своему брату так: «Ее отец, сын французского эмигранта, m-g de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантин в Астрахани. Состояния не имеет, но живет своим жалованием, очень значительным» (281, 202). И про фамилию не отца, а мужа он пишет подобным образом: «Я знаю, что и фамилия мужа была очень порядочная» (281, 202).

²⁷ На важную деталь, вошедшую в структуру литературного образа, — похороны супруга на чужие деньги — обращали внимание Л. И. Сараскина (*Сараскина Л. И. Достоевский*. С. 295), Л. П. Гроссман (*Гроссман Л. П. Достоевский*. С. 185), А. Труайя (*Труайя А. Федор Достоевский*. С. 160) и другие. Достоевский пишет об этом А. Е. Врангелю: «Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти. <...> У нее ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. “Нужда руку толкала принять, — пишет она, — и приняла... подаяние!”» (281, 190). В «Преступлении и наказании» подаяние на похороны протягивает семье Мармеладовых не «кто-то», а главный герой Родион Раскольников.

его Достоевский (7, 84). О том, каким образом персонаж уйдет в мир иной, писатель определяет уже в первых редакциях романа: «NB. Его задавили лошади, смерть его дома» (7, 84). Исаев же умирает в Кузнецке не от запоя, как до сих пор считали исследователи²⁸, а из-за болезни — чахотки, о чем в Метрической книге Одигитриевской церкви города Кузнецка за 1855 г. была произведена соответствующая запись²⁹. Как видно, причины смерти А. И. Исаева и С. З. Мармеладова существенно разнятся, что не дает нам права назвать этот аспект полностью прототипическим.

Заметим, что Катерину Ивановну Мармеладов часто именуется «дамой». Только так и никак иначе он представляет ее Раскольникову: «...я свинья, а она — дама!» (7, 103), «...если вы видите меня в сем поросычем виде, то знайте, что она — дама. Да, милостивый государь, дама! Дама-с!» (7, 84); «Ну-с, я пусть свинья, а она дама! <...> А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая...» (6, 14); «Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная» (6, 15); «дама горячая и раздраженная» (6, 16). В письмах Ф. М. Достоевский называет М. Д. Исаеву точно так же: «Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна...» (28₁, 201). В своей романной героине писатель сохраняет главные черты характера ее прототипа, замужней женщины высшего дворянского общества — гордость, непреклонность, умение «ходить» (ухаживать) за всеми членами семьи, несмотря на сложные обстоятельства: «Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном» (28₁, 201); «Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно. <...> хлопчет о получении вспоможения и живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер» (28₁, 243).

Прототипическими становятся в романе и внешние черты литературной героини (лицо, комплекция, рост, цвет волос, манера двигаться, глаза), через которые, как и у М. Д. Исаевой, просвечивает смертельная болезнь: «Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна» (28₁, 201). Словесный портрет К. И. Мармеладовой напоминает известную фотографию первой жены Ф. М. Достоевского в полный рост за несколько лет до ее смерти: «Это была ужасно похудевшая

---

²⁸ «К этому прибавилась смерть Исаева, скончавшегося 4 августа 1855 г. от запоя» (Герасимов Б. Г. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времен Достоевского // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 127).

²⁹ Запись № 22 от 5 августа 1855 г. о смерти Корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева // Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви (Кемеровская область). Ч. 3. «Об умерших». 1855 // ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146 об., 147.

женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее» (6, 22). Катерина Ивановна, как и Мария Дмитриевна Исаева, постепенно умирает от чахотки: «...она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью <...> с грудью слабою и к чахотке наклонною...» (6, 15); «...кровь, обогрившая мостовую, хлынула из ее груди горлом. — Это я знаю, видал, — бормотал чиновник Раскольникову и Лебезятникову, — это чахотка-с; хлынет этак кровь и задавит...» (6, 332)

Что касается внешней портретной характеристики Семена Мармеладова, то она представлена во второй (пространной) редакции романа, в черновом автографе «Под судом», и включает следующие элементы: лицо, возраст, взгляд, одежда, «приемы и хватки» (7, 99), жесты, «витиватость речи... в необычных монологах» (7, 101). Сравнить это описание с портретом Александра Исаева не представляется возможным, так как его фотографий не сохранилось, а из наиболее полной портретной характеристики его внутреннего облика, который Достоевский описывает в личных посланиях, видно, что литературный персонаж и прототип совпадают по нескольким параметрам: контраст «беспорядочность жизни — благородство», социальное неблагополучие, «множество грязи» (281, 201), незаслуженные преследования в обществе. Стоит также отметить различие в возрасте персонажа и его прототипа к моменту смерти: Исаев умер в 33 года, а Мармеладов — после 50 лет. Причем в процессе создания романа Достоевский постепенно составляет Семена Захаровича: если во второй редакции «это был человек лет сорока пяти» (7, 99), то в окончательном варианте романа ему «уже за пятьдесят» (6, 12).

В окончательной редакции романа попытка заглушить мучительность своего состояния алкоголем и найти сострадание в сердце ближнего выливается у Мармеладова в пространные страдальческие монологи: «И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищущу. Не веселья, а единой скорби ищущу... Пью, ибо сугубо страдать хочу!» (6, 15) Несколько фраз известной исповедальной речи Мармеладова в трактире звучат уже в подготовительных материалах к роману: «Бедность, да, не порок. Бедность ничего, но нищета, милостивый государь, нищета — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету вас последняя шельма презирает и право имеет, потому что за нищету я сам себя презираю...» (7, 83) Следует ли признать портретной прототипической чертой склонность персонажа к пространным рассуждениям и разлагольствованию в пьяном

виде — доподлинно утверждать невозможно. Несмотря на свидетельства А. Е. Врангеля³⁰ и признание³¹ самого Достоевского в том, что он много времени проводил у Исаевых, никаких данных о том, слышал ли он подобные монологи, нет. Витиеватая речь Мармеладова становится не документально, а литературно значимой: с помощью нее писатель очерчивает оскорбительные для человеческой личности жизненные обстоятельства героя, в которых пребывает его семья (нищета, гонения в социуме), во многом повторяя сюжет романа «Бедные люди», главный герой которого, отчаявшись, также ищет забвения в пьянстве³².

В последующих предварительных записях к роману Достоевский проводит более детальную, объемную проработку и уточнение личности персонажа. Эпизодический пьяница обретает новый социальный статус: превращается в «чиновника» (7, 83–86), в «чиновника с бутылкой» (7, 83). Вместе с этим зарождаются и новые элементы текста: эпизод «1-й встречи в распивочной с чиновником» (7, 88), мотив денег, ситуация ментального диалога между персонажами: «Вообще встреча с чиновником его образумливает» (7, 89), сцена встречи пьяного Мармеладова с женой: «Чиновник. Когда его бьют...» (7, 88). Несмотря на то что и литературный персонаж, и реальный человек имели за плечами опыт чиновничьей службы и отставку, они находились на несколько разных ступенях в Табели о рангах. «Прежде он был чиновником особых поручений при таможне, — сообщает Ф. М. Достоевский брату Михаилу об Александре Исаеве. — Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте» (28, 201). Согласно приведенному выше аттестату 1853 г., Александр Исаев покидает службу в чине коллежского секретаря (чин десятого класса по Табели о рангах) и остается таковым вплоть до своей смерти. Семен Мармеладов служит в чине титулярного советника (девятый класс), что фактически то же самое, разница с А. И. Исаевым небольшая. Именно так Мармеладов отрекомендовался Родиону Раскольникову: «...состою титулярным советником. Мармеладов — такая фамилия; титулярный советник» (6, 12). Таким образом, литературный персонаж и его прототип близки по чину и по своему социальному положению; вместе с обретением своего места в социуме они становятся носителями проблем,

---

³⁰ «Федор Михайлович общался немного более меня, особенно часто он навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам...», «Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням...» (*Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 53).

³¹ Например, в письме Ф. М. Достоевского М. М. Достоевскому от 13–18 января 1856 г.: «Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе!» (28, 201).

³² *Баршт К. А.* «Бедные люди» Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт; отв. ред. И. А. Битюгова. М., 2015. (Литературные памятники). 807 с.

типичных для петербургской реальности середины XIX в., главная из которых — незаслуженное социальное презрение и гонения в обществе, вплоть до крайней ситуации «уже некуда больше идти» (6, 16).

Унижение человеческого достоинства, «испрашивание денег взаимно безнадежно» (7, 14), откровенное общественное презрение — суть различные проявления ситуации «уже некуда больше идти». Такие этапы погружения личности на социальное дно, пройденные А. И. Исаевым и С. З. Мармеладовым, действительно следует признать прототипическими. Эту ключевую жизненную коллизию в подробностях и перипетиях Ф. М. Достоевский изучил в семье Исаевых. Подтверждают это, во-первых, письма Ф. М. Достоевского. О состоянии дел А. И. Исаева, социальном и финансовом положении его семьи в 1855 г., т. е. спустя два года после вынужденной отставки, перед отъездом семейства в Кузнецк, Достоевский сообщает: «Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований³³» (281, 201); «Почти не было куса хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними» (281, 202); «переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унижен» (281, 201); «С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств» (281, 201). В эпистолярном наследии писателя сохраняется стабильно уважительное и дружелюбное отношение к А. И. Исаеву. Во-вторых, фрагментарные сведения о «черной судьбе» Исаева хранят документы Государственного архива Томской области (ГАТО): изучение переписки руководителей Томского губернского управления с подчиненными ему структурами показало, что в работе канцелярии существовали ошибки, повлекшие за собой недоразумения и затягивание сроков назначения Исаева на новую должность³⁴ еще на три месяца. Несмотря на то что точные причины, по которым А. И. Исаев в течение нескольких лет (июль 1853 — май 1855) не был направлен на другую должность, остаются неизвестными, т. е. возможные прототипические черты пока что скрыты, и ни одна из них по силе художественной правды не может сравниться с критической коллизией персонажа и его прототипа — «уже некуда больше идти». Без преувеличения этот аспект является главной прототипической составляющей

---

³³ «Незаслуженно презираемый человек — эта мысль еще чересчур туманно предвещает князя Мышкина», — пишет Р. Г. Назиров, размышляя о характеросложении и проблеме прототипов у Достоевского (*Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского*. С. 72). Мысль о незаслуженном презрении, которую нес всем своим существованием Александр Исаев, литературно воплотилась не только в Льве Мышкине, но и в Семене Мармеладове, Николае Снегиреве и других...

³⁴ См. подробнее: *Трухан Е. Д.* «Если были в нём недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба»: А. И. Исаев — сибирский друг Достоевского — в документах Государственного архива Томской области // Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов. С. 103–122.

в структуре художественного образа С.З. Мармеладова, ее смысловым ядром. Но если предельная ситуация «уже некуда больше идти», в которую попадают Исаевы, во многом объясняется Достоевским «черной судьбой» (281, 190) главы семейства, то причину бедственного положения Мармеладовых следует искать в социально-политическом укладе России середины XIX в.

Колоритный и запоминающийся художественный образ Мармеладова строился Достоевским на контрасте непривлекательно-бытового и глубоко-интимного внутреннего облика. Р.Г. Назиров указал, что он был сформирован на грани мифа и бытового скандала. Следует согласиться с исследователем в том, что у Достоевского «первоосновой замысла никогда не было живое реальное лицо. Характеросложение было очень важным этапом творческого процесса Достоевского, но отнюдь не первым и не определяющим»³⁵. Это показывают и результаты изучения образа Семена Мармеладова, частично созданного на основе прототипа — Александра Исаева. Такой подход был для Достоевского частью осознанной писательской стратегии, о чем однозначно сообщает введение в ткань повествования второго прототипического персонажа — Катерины Ивановны, супруги Мармеладова. Несмотря на то что писатель вдохновлялся определенной личностью, его метод не предполагал полного сохранения внешности, жизненных ситуаций, состава семьи, бытовых подробностей жизни конкретного человека. Напротив, в горниле творческого процесса детали биографии, события, возраст, внешние данные и др. свободно переплавлялись в пользу решения определенных художественных задач. При выборе тех или иных характеристик литературного героя решающим фактором для Ф.М. Достоевского всегда оставалась не схожесть с прототипом, а художественная правда и целостность образа.

Библиографический список

- Аттестат коллежского секретаря А.И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22 об.
- Батталова А. Н.* Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
- Барит К. А.* Достоевский: Этимология повествования. СПб., 2019. 456 с.
- Белов С. В.* Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб., 2001. Т. 1. 573 с.
- Борисова В. В.* Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвузовский сборник научных трудов. М. — Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248.

³⁵ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. С. 71.

- Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.
- Викторович В. А.* «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 41–55.
- Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1857 // Две любви Ф. М. Достоевского. СПб., 1992. С. 31–155.
- Герасимов Б. Г.* Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые. Семипалатинск времен Достоевского // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 124–144.
- Гроссман Л. П.* Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1965. (Сер. «Жизнь замечательных людей»). 608 с.
- Достоевский Ф. М.* Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М., 2015. (Сер. «Литературные памятники»). 807 с.
- Запись № 22 от 5 августа 1855 года о смерти Корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева // Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви (Кемеровская область). Ч. 3. «Об умерших». 1855 // ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146 об. — 147.
- Кибальник С. А.* «Молодая эмиграция» в романе «Идиот» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 164–174.
- Левченко Н. И.* Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 235–246.
- Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1983. 416 с.
- Мякинченко М. А.* А. П. Карепин — племянник Ф. М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156–160.
- Назирова Р. Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. СПб., 1974. С. 202–219.
- Назирова Р. Г.* Творческие принципы Ф. М. Достоевского / под ред. проф. Л. Г. Барага. Саратов, 1982. 160 с.
- Назирова Р. Г.* Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». Уфа, 2017. 120 с.
- Накамура К.* Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / пер. с японского А. Н. Мещерякова. СПб., 2011. 400 с.
- Наседкин Н. Н.* Достоевский: энциклопедия. 2-е изд. М., 2008. (Сер. «Энциклопедия великих писателей»). 800 с.
- Никитин Т. Н.* М. Н. Катков как возможный прототип Ставрогина // Достоевский и современность. 2016. Т. 30, № 30. С. 119–131.
- Никитин Т. Н.* К вопросу о возможном прототипе губернатора фон Лембке в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. 2009. № 26. С. 186–193.
- Никитин Т. Н.* К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 169–181.

- Прототип: словарная статья // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 828–829.
- Прототип: словарная статья // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974. С. 299–300.
- Саусу Наохито. Образы двух Тихонов в творчестве Ф. М. Достоевского и русской святой Тихон Задонский // Libri Magistri. 2015. № 1. С. 84–94.
- Сараскина Л. И. Достоевский. М., 2011. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320). 825 с.
- Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л., 1972. 278 с.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 291–311.
- Степанян К. А. Биография автора как источник комментария к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.
- Тихомиров Б. Н. Достоевский и другие // Русская литература. 2003. № 1. С. 254–269.
- Тихомиров Б. Н. Был ли заключенный Омского острога Павел Аристов прототипом Аркадия Ивановича Свидригайлова? // Неизвестный Достоевский. 2017. Т. 4, № 4. С. 48–56.
- Торопова В. А. Семья Мармеладовых и личная жизнь Достоевского (из опыта изучения и преподавания русской литературы в школе) // Проблемы Марийской и сравнительной филологии: сборник трудов конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 376–379.
- Труайя А. Федор Достоевский. СПб., 2015. (Сер. «Великие россияне»; вып. 4). 383 с.
- Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. Новокузнецк — Красноярск, 2021. 220 с.

References

- Attestat kollezhskogo sekretaria A. I. Isaeva. Semipalatinsk, 27 sentiabria 1853 goda [Certificate of Collegiate Secretary A. I. Isaev. Semipalatinsk, September 27, 1853]. *GATO*, f. 3, op. 2, d. 646, l. 22 ob. (In Russ.)
- Battalova A. N. *Obraz kniazia Myshkina v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot": problema real'no-istoricheskikh prototipov* [The image of Prince Myshkin in the novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot": the problem of real-historical prototypes]: thesis dissertation in Philology. Ekaterinburg, 2013. 27 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. *Dostoevskii: Etimologiya povestvovaniia* [Dostoevsky: Etymology of Narrative]. Saint Petersburg, 2019. 456 p. (In Russ.)
- Belov S. V. *F. M. Dostoevskii i ego okruzhenie* [F. M. Dostoevsky and his environment]: encyclopedic dictionary, vol. 1. Saint Petersburg, 2001. 573 p. (In Russ.)
- Borisova V. V. Aleksandr Petrovich Karepin kak prototip knyazy Myshkina [Alexander Petrovich Karepin as the prototype of Prince Myshkin]. In: *Tri veka russkoi literatury. Aktual'nye aspekty izucheniia. 500 let rodu Dostoevskogo: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, iss. 18. Moscow — Irkutsk, 2008. Pp. 227–248. (In Russ.)

- Dostoevskii F. M. *Bednye liudi* [Poor people], prep. K. A. Barsht, resp. ed. I. A. Bitiugova. Moscow, 2015. 807 p. (In Russ.)
- Gerasimov B. G. F. M. Dostoevskii v Semipalatinske: M. D. Isaeva. Voennaia sluzhba. Druz'ia i znakomye. Semipalatinsk vremen Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk: M. D. Isaeva. Military service. Friends and acquaintances. Semipalatinsk in Dostoevsky's time]. *Sibirskie ognii*, 1926, no. 3, pp. 124–144. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoevskii*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1965. 608 p. (Ser. “Zhizn' zamechatel'nykh liudei”). (In Russ.)
- Kibal'nik S. A. “Molodaia emigratsiia” v romane “Idiot” [“Young emigration” in the novel “The Idiot”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2022, no. 4, pp. 164–174. (In Russ.)
- Levchenko N. I. Krug znakomykh F. M. Dostoevskogo v semipalatinskii period zhizni [The circle of acquaintances of F. M. Dostoevsky during the Semipalatinsk period of his life]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniia*, vol. 11. Saint Petersburg, 1994. Pp. 235–246. (In Russ.)
- Lotman Iu. M. *Roman A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”*. *Kommentarii* [A. S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”. Comments]: posobie dlia uchitel'ia. Leningrad, 1983. 416 p. (In Russ.)
- Myakinchenko M. A. A. P. Karepin — plemiannik F. M. Dostoevskogo i geroi ego romanov [A. P. Karepin — nephew of F. M. Dostoevsky and hero of his novels]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 156–160. (In Russ.)
- Nakamura K. *Slovar' personazhei proizvedenii F. M. Dostoevskogo* [Dictionary of characters in the works of F. M. Dostoevsky], transl. from Jap. A. N. Meshcheriakov. St. Petersburg, 2011. 400 p. (In Russ.)
- Nasedkin N. N. *Dostoevskii*: encyclopedy. 2nd ed. Moscow, 2008. (Ser. “Entsiklopediia velikikh pisatelei”). 800 p. (In Russ.)
- Nazirov R. G. O prototipakh nekotorykh personazhei Dostoevskogo [About the prototypes of some of Dostoevsky's characters]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 1. Leningrad, 1974. Pp. 202–219. (In Russ.)
- Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative principles of F. M. Dostoevsky], pod red. prof. L. G. Baraga. Saratov, 1982. 160 p. (In Russ.)
- Nazirov R. G. *Neizdannye trudy o romane “Prestuplenie i nakazanie”* [Unpublished works on the novel “Crime and Punishment”]. Ufa, 2017. 120 p. (In Russ.)
- Nikitin T. N. M. N. Katkov kak vozmozhnyi prototip Stavrogina [M. N. Katkov as a possible prototype of Stavrogin]. *Dostoevskii i sovremennost'*, 2016, vol. 30, no. 30, pp. 119–131. (In Russ.)
- Nikitin T. N. K voprosu o vozmozhnom prototipe gubernatora fon Lembke v romane “Besy” [On the question of the possible prototype of Governor von Lembke in the novel “Possessed”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2009, no. 26, pp. 186–193. (In Russ.)
- Nikitin T. N. K voprosu o real'nykh prototipakh nekotorykh geroev romanov “Prestuplenie i nakazanie” i “Besy” [On the issue of real prototypes of some of the heroes of the novels “Crime and Punishment” and “Possessed”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 19. Saint Petersburg, 2010. Pp. 169–181. (In Russ.)

- Prototip: slovarnaia stat'ya [Prototype: dictionary article]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii*, ed. A. N. Nikoliukin. Moscow, 2001. Col. 828–829. (In Russ.)
- Prototip: slovarnaia stat'ia [Prototype: dictionary article]. In: *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*, ed.-comp. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, 1974. Pp. 299–300. (In Russ.)
- Saisu Naokhito. Obrazy dvukh Tikhonov v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i russkii sviatoi Tikhon Zadonskii [Images of two Tikhons in the works of F. M. Dostoevsky and the Russian saint Tikhon of Zadonsk]. *Libri Magistri*, 2015, no. 1, pp. 84–94. (In Russ.)
- Saraskina L. I. *Dostoevskii*. Moscow, 2011. (Ser. “Zhizn' zamechatel'nykh liudei”; iss. 1320). 825 p. (In Russ.)
- Sarukhanian E. P. *Dostoevskii v Peterburge* [Dostoevsky in Saint Petersburg]. Leningrad, 1972. 278 p. (In Russ.)
- Semenov-Tian-Shanskii P. P. Iz “Memuarov” [Of “Memoirs”]. In: *F. M. Dostoevskii v vospominaniiaakh sovremennikov*: in 2 vols., vol. 1. Moscow, 1990. Pp. 291–311. (In Russ.)
- Stepanian K. A. Biografiia avtora kak istochnik kommentariia k romanu F. M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy” [The author's biography as a source of commentary on F. M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2018, no. 3, pp. 119–142. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. Dostoevskii i drugie [Dostoevsky and others]. *Russkaia literatura*, 2003, no. 1, pp. 254–269. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. Byl li zaklyuchennyi Omskogo ostroga Pavel Aristov prototipom Arkadiia Ivanovicha Svidrigailova? [Was the prisoner of the Omsk prison Pavel Aristov the prototype of Arkady Ivanovich Svidrigailov?]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2017, vol. 4, no. 4, pp. 48–56. (In Russ.)
- Toropova V. A. Sem'ia Marmeladovykh i lichnaia zhizn' Dostoevskogo (iz opyta izuchenii i prepodavaniia russkoi literatury v shkole) [The Marmeladov family and Dostoevsky's private life (from the experience of studying and teaching Russian literature at school)]. In: *Problemy Mariiskoi i sravnitel'noi filologii*: sbornik trudov konferentsii. Ioshkar-Ola, 2018. Pp. 376–379. (In Russ.)
- Troyat A. *Fedor Dostoevskii*, iss. 4. St. Petersburg, 2015. (Ser. “Velikie rossiiane”). 383 p. (In Russ.)
- Trukhan E. D. *Epistoliarnoe nasledie F. M. Dostoevskogo 1855–1857 godov* [Epistolary heritage of F. M. Dostoevsky 1855–1857]: monography. Novokuznetsk — Krasnoiarsk, 2021. 220 p. (In Russ.)
- Vetlovskaiia V. E. Literaturnye i real'nye prototipy geroev Dostoevskogo (“meshchalin v khalate” v “Prestuplenii i nakazanii”) [Literation and real prototypes of Dostoevsky's heroes (“the bourgeois in a dressing gown” in “Crime and Punishment”)]. *Russkaia literatura*, 2008, no. 1, pp. 194–205. (In Russ.)
- Viktorovich V. A. “Byli by brat'ia...”: M. M. Dostoevskiy kak prototip Razumikhina [“If there were brothers...”: M. M. Dostoevsky as a prototype of Razumikhin]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 22. Saint Petersburg, 2019. Pp. 41–55. (In Russ.)

- Vrangel' A. E. Vospominaniia o F. M. Dostoevskom v Sibiri. 1854–1857 [Memoirs about F. M. Dostoevsky in Siberia. 1854–1857]. In: *Dve liubvi F. M. Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 1992. Pp. 31–155. (In Russ.)
- Zapis' no. 22 ot 5 avgusta 1855 goda o smerti Korchemnogo zasedatel'ia kollezhskogo sekretaria Aleksandra Ivanovicha Isaeva. Metricheskaia kniga o rozhdenii, brake, smerti iz Kuznetskogo dukhovnogo pravleniia Grado-Kuznetskoy Odigitrievskoi tserkvi (Kemerovskaya oblast'). Part 3. "Ob umershikh". 1855 [Record no. 22 of August 5, 1855 on the death of *Korchemny* chairman of the college secretary Aleksandr Ivanovich Isaev. Birth certificate on birthes, marriages, deaths from the Kuznetsk Spiritual direction of Grado-Kuznetsk Odigitrievsky church (Kemerovo region). Part 3. "About the dead". 1855]. *GANO*, f. D-156, op. 1, d. 5056, l. 146 ob. — 147. (In Russ.)

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. В. ЮХНОВИЧ*

ВОСЕМЬ ПИСЕМ СТАРОРУССКИХ ЗНАКОМЫХ ДОСТОЕВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация: Письма жителей Старой Руссы А. П. Орловой, А. И. Меньшовой, И. В. Коровайкина к А. Г. Достоевской из фондов рукописного отдела Пушкинского дома, датируемые 1875–1877 гг., содержат сведения о старорусском окружении Ф. М. Достоевского, нравах провинциальной публики того времени, расширяют наше представление о круге и стиле общения членов семьи писателя с жителями г. Старая Русса в 1870-е гг. Содержание писем представляется полезным материалом для уточнения культурно-исторического контекста эпохи и передает атмосферу, в которой жил и работал Достоевский.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, А. П. Орлова, А. И. Меньшова, И. В. Коровайкин, Старая Русса, письма, окружение.

Y. V. YUKHNOVICH

EIGHT LETTERS FROM ACQUAINTANCES OF DOSTOEVSKY IN STARAYA RUSSA (BASED ON MATERIALS FROM THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE)

Annotation: The eight letters by A. P. Orlova, A. I. Men'shova, I. V. Korovaikin, residents of Staraya Russa, to A. G. Dostoevskaya, stored in the manuscript department of the Institute of Russian Literature, dated 1875–1877, contain information about the Staraya Russa environment of F. M. Dostoevsky, the mores of the provincial public of that time, and also reflect some everyday aspects of the writer's family life. The materials of the letters are of interest from the point of view of studying the cultural and historical context of the epoch and most fully convey the atmosphere in which Dostoevsky lived and worked.

Key words: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, A. P. Orlova, A. I. Men'shova, I. V. Korovaikin, Staraya Russa, letters, environment.

---

* Юлия Вячеславовна Юхнович, канд. филол. наук, заведующая Музеем Ф. М. Достоевского в Старой Руссе; Yulia Vyacheslavovna Yukhnovich, PhD in Philology, Director of the F. M. Dostoevsky Museum in Staraya Russa. yulyayu@list.ru.

С Александрой Павловной Орловой (?–[1877]), актрисой провинциального курортного театра, Ф.М. Достоевский познакомился в 1872 г., когда впервые приехал на летний отдых и лечение в Старую Руссу. Об этом свидетельствует его письмо от 2 марта 1875 г., адресованное А.Н. Островскому, в котором писатель просит оказать содействие Орловой в получении должности старорусского «агента со стороны Общества драматических писателей»: «Сим с удовольствием свидетельствую о моем глубочайшем уважении к личности и характеру Александры Павловны, которую имею честь знать уже три года. Здешний же летний театр ей особенно известен, так как сама она, артистка в душе и нуждаясь в средствах к жизни, неоднократно и удачно исполняла на нем роли, но безо всякого контракта с антрепренером и к составу труппы не принадлежала. К сему прибавлю, что Александра Павловна женщина уже известных лет, живет одиноко и независимо и бесспорно пользуется глубочайшим уважением всего старорусского общества...» (29₂, 24). А.П. Орлова находилась в приятельских отношениях с женой Достоевского Анной Григорьевной, состояла с ней в переписке и была частой гостьей в доме писателя. Анна Григорьевна нередко обращалась к мужу с просьбой привезти подарок для Александры Павловны в благодарность за ее заботу: «Голубчик мой, напоминаю тебе еще раз, что следует купить для Анны Гавриловны сумочку для работы из красной кожи с украшениями, да и для Александры Павловны тоже сумочку попроще, талера в 1 ½, она так обо мне заботится»¹.

Кроме этих небольших упоминаний, подробных сведений о биографии Орловой нет. В энциклопедическом словаре «Ф.М. Достоевский и его окружение», вышедшем в 2001 г., отмечается: «Орлова Александра Павловна, жительница Старой Руссы, дружившая с семьей Достоевского, с успехом выступавшая в спектаклях Старорусского сезонного театра»².

В рукописном отделе Института русской литературы числятся восемь единиц хранения: семь писем А.П. Орловой и А.И. Меньшовой, адресованных Анне Григорьевне, и одно письмо поручика И.В. Коровайкина, в котором он сообщает жене писателя свой адрес. Фрагментарно этот эпистолярный материал представлен в работах Л.М. Рейнуса «Достоевский в Старой Руссе» и «Три адреса Ф.М. Достоевского»³. Однако полностью тексты писем опубликованы не были, хотя они содержат важные данные об окружении Достоевских, на которые стоит обратить внимание. Эти материалы позволяют лучше понять историко-культурную обстановку, в которой жил и работал писатель, показывают,

---

¹ *Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г.* Переписка. Л., 1976. («Литературные памятники»). С. 206.

² *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. Л–Я. С. 62.

³ *Рейнус Л.М.* Достоевский в Старой Руссе. Л.: Лениздат, 1969. 78 с.; *Рейнус Л.М.* Три адреса Ф.М. Достоевского. Л.: Лениздат, 1985. 80 с.

насколько уважительными, по-домашнему теплыми были взаимоотношения Достоевского с его старорусскими соседями. Письма А. П. Орловой к А. Г. Достоевской содержат сведения о личности этой незаурядной женщины, ее характере, сфере деятельности, отношениях с Достоевскими и их общими старорусскими знакомыми. Содержащиеся в них сведения расширяют горизонт исследований, посвященных биографии писателя и его старорусскому окружению, вводят в научный оборот новые источники, связанные с периодом жизни писателя в Старой Руссе.

Письма публикуются в соответствии с нормами современной русской грамматики, в хронологической последовательности, с сохранением особенностей авторского стиля. В некоторых из них отсутствуют датировки; есть незначительные пропуски, связанные с неразборчивым воспроизведением отдельных словосочетаний, что в целом не нарушает смысловую структуры текстов.

Письма А. П. Орловой к А. Г. Достоевской (1875–1877)

Старая Русса. Декабря 7-го 1875 г.

Поздравляю Вас, задушевно-дорогая Анна Григорьевна, с наступлением дня Вашего Ангела⁴. Желаю Вам всего, всего доброго; да будет над Вашим добрым мужем и над милыми Вашими детками — Благодать Господа — и, живя счастливо, здорово и с большим количеством золотых (которые, как мне кажется, Вы очень подлюбливаете) — вспомните тогда Вам преданного Старорусского друга, над которым справедливая пословица оправдалась на деле: «что за Богом молитва не пропадет», — что сказать Вам о нашем житье-бытье? Морозы у нас лютые, а вместе с ними и некоторые люди еще стали лютые. Но, как и всегда бывает, что свет не без добрых субъектов, не далее как наш пастырь Отче Иоанн⁵ отогрел мою душу и не дал закоренеть в моей холодной дырявой квартире, одолжив на зиму свою чугунную печь, которая возвратила меня к жизни. Дай Бог ему здоровья за это доброе дело. — Только и он бывает иногда виноват, вот хоть в эту минуту поднадул меня, вчера уговорил писать Вам завтра, а сию минуту прислал за адресом Анфису⁶, и несет свое письмо сегодня, вследствие чего

---

⁴ В письме речь идет о дате 9 декабря — именинах А. Г. Достоевской (см.: *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка. С. 5).

⁵ Иван Иванович Румянцев (1835–1904) — настоятель Георгиевского храма Старой Руссы; с 1883 по 1904 г. был директором церковно-приходской школы им. Ф. М. Достоевского, основанной Анной Григорьевной в память о муже. Лето 1872 г. Достоевский вместе с супругой и детьми провел в доме Румянцевых на перекрестке Пятницкой и Георгиевской улиц. Отец Иоанн был в приятельских отношениях с писателем, состоял в переписке с Анной Григорьевной.

⁶ Дочь И. И. Румянцева (в семье Румянцевых было пятеро детей: Анфиса, Фаина, София, Сергей, Константин).

я ужасно тороплюсь говорить с Вами. Хотелось бы, чтобы письмо мне пришло вовремя. Анфиса пришла при Анне Гавриловне⁷ и она, узнав, что мы к Вам пишем, поручила передать и ее поздравление. В Руссе молодежь веселится в клубах. М^{elle} Скаповская старшая⁸ вышла за одного здешнего офицера замуж — а еще цветущая — княгиня Лобанова⁹ на днях скончалась в Петербурге. Более рельефного ничего не выдается из обыденной жизни. На днях я получила письмо от моих знакомых, Кастилицовых¹⁰, которые пишут, что М-м Баумер¹¹ живет теперь на Петербургской стороне и Бог весть, какая ожидает судьба мою Магдалину?¹² Душа болит по ней — верно, уже такова доля моя горькая. Все уповаешь на надежду — а она не очень-то милостива ко мне. Будь что будет!!! Итак, до следующей беседы, а теперь спешу очень. Целую Вас крепко, моя дорогая. Мое полное уважение, Федор Михайловичу — Вам моя беспредельная любовь — моя голубочка Анна Григорьевна, деткам привет — душой Ваша А. Орлова.

Старая Русса. Октября 2-го (? г.)¹³

Во-первых, ответу на Вами сделанные три вопроса. «Как провожу я время и вспоминаю ли Вас?» Неизбежно встречаемся и бываем хоть не часто друг у друга — по соседству. Каждый раз я улечусь наверх, пройду тихохонько — зал и гостиную, как бы не разбудить или не помешать занятию Федор Михайловича, потом проберусь в спальную — тут закуриваю папироску — сажусь около туалета у окошка — смотрю на Вами занимаемую кровать и углубляюсь в мысли в виде беседы. Тут видятся мне Любочка, Федюша, смиренно лежащий около

---

⁷ Анна Гавриловна Елисеева — племянница А. К. Гриббе, дом которого Достоевские приобрели в 1876 г. Согласно расписке, переданной Анне Григорьевне А. Г. Елисеевой в марте 1876 г., стоимость дома составила 1150 рублей: «Я, нижеподписавшаяся дочь коллежского советника Анна Гавриловна Елисеева, сего 1876 года, марта 15 дня получила через священника отца И. Румянцева от А. Г. Достоевской двести рублей серебром в задаток за проданный ей Достоевской дом, который достался мне по духовному завещанию от дяди моего Александра Карловича Гриббе с ценною со всей указанной мебелью за 1150 рублей серебром <...>» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30837. Л. 16).

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Кастилицовы — знакомые А. П. Орловой, очевидно, приезжавшие в Старую Руссу на летний отдых.

¹¹ Неустановленное лицо. Вероятно, жительница Петербурга, приезжавшая для лечения в Старую Руссу.

¹² В данном случае А. П. Орлова образно называет свою знакомую М-м Баумер Магдалиной. Судя по всему, их связывали теплые дружеские отношения, о чем была осведомлена А. Г. Достоевская.

¹³ Дата отсутствует. Можно предположить, что время его написания — 1875 г., так как в нем А. П. Орлова сообщила о посещении судебного заседания по делу старорусского мещанина Петра Назарова, упоминаемого в номере газеты «Новгородские губернские ведомости» от 13 сентября 1875 г. (см.: *Рейнус Л. М.* Три адреса Ф. М. Достоевского. С. 43).

Вас Ленья¹⁴ — вот на основании этих-то визитов — я и приснилась Вам во сне. Сойдя вниз — ощущения меняются — приходится отстаивать какое-нибудь желчное заключение — а подчас даже огрызнуться против затянутого дуэта или трио! Все они находятся в вожделенном здравии, в избытках благ земных и с ледяным участием к ближним. Я передала им Ваш привет, просили передать Вам взаимный — с просьбою напомнить об очках¹⁵. По-возможности, советую исполнить, если не желаете увеличить биения сердец! — На вопрос о здоровье моем — ответить должна — довольно курьезно. Представьте меня, моя голубочка, в ежедневном угаре. Мой Кащей-Хозяин устроил внизу под гостиной русскую печку, сладив ее (ввиду своих расчетов) из кирпича с соловарен, и, вследствие этого, через пол идет постоянный чад, надышавшись которым, я испытываю мучения ада. — Это время, по случаю прибытия Суда Окружного заседания, я уходила из дома — просидела почти целый день, когда судили отцеубийцу¹⁶, помните, который порешил своего слепого отца, просящего милостыню, проживавшего на заводе. Андриюшкевич¹⁷ взялся защищать — но Г-да присяжные вняли его возгласам, присудили да, виновен, и этот злодей сослан на вечные времена в каторгу. — За этим последует уже, кстати, еще мрачное известие. На днях в 11th часов утра сгорела дотла Успенская церковь¹⁸ — пожар был сильный — прежде был набат, как всегда на Соборной колокольне, а потом начался звон во всех храмах, просили помощи, и это тяжело действовало на душу. Теплая церковь Успения вмещала в себя много богатства. — Теперь сообщу Вам что-нибудь повеселее. Не говоря ни полслова никому, Николай Васильев исчез на четыре дни и возвратился с молодой женой, которую приобрел в Петербурге, как говорят <...>. Еще никто не знает и никто еще не лицезрел молодой четы. — Благоприобретенное им семейство, при жизни Юлии его, он стукнул побоку¹⁹. — Вот так молодец! Я его поставила в пример бедной Грушеньке, которая под проклятиями своей старовойскерки матери изнывает и тает,

---

¹⁴ Любочка, Федюша, Ленья — дети Достоевских Любовь, Федор и Алексей.

¹⁵ Очевидно, речь идет о жильцах дома А. К. Гриббе, где останавливались в летние сезоны Достоевские.

¹⁶ 2 октября 1875 г. в Старой Руссе состоялся суд над Петром Назаровым, обвиняемым в убийстве своего отца. По просьбе Ф. М. Достоевского А. П. Орлова присутствовала на заседании. Исход дела Назарова, сообщенный в этот же день Достоевским, мог повлиять на развитие замысла основной сюжетной линии романа «Братья Карамазовы».

¹⁷ Андриюшкевич — адвокат, защищавший Петра Назарова в суде. Возможно, сведения о нем оказали влияние на формирование характера адвоката Фетюковича в романе «Братья Карамазовы».

¹⁸ Успенская церковь находилась на выезде из Старой Руссы по Крестецкому тракту (ныне улица Крестецкая). После пожара 22 июня 1875 г. началось строительство нового каменного храма, которое было завершено в 1885 г. (см.: *Полянский М. И.* Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. С. 268–269).

¹⁹ Вероятно, общие знакомые Орловой и Достоевских.

и дело ее не подвигается нисколько вперед. — Поклоны Ваши Пастырю Георгиевского Храма я передала, он благодарит и чистосердечно шлет Вам добрые пожелания. 29-го этого месяца состоялся аукцион на доставшийся ему дом у парка, и Матушка ездила по этому случаю в Новгород, вчера возвратилась, дом остался за ними и они уже продали его здешнему обывателю, — Федор<у> Михайлову, если помните, который имеет оранжерею, за 815 рублей. — Вчера же Батюшка сообщил мне, что продается дом на нашем берегу и знакомый Вам, одним словом, в котором обитает Парашка. Место чудесное, угловое, смежное с Батюшкой, около воды, около парка, близкое ко всему — и как бы хорошо для Вас, но хозяйка назначила цену 800 руб., но если бы дешевле, было бы отлично для Вас — при доме много построек, и какой бы славный мог воздвигнуться для Вас приютец? А главное и без надзора — а мы-то как Вас охраняли.

Ура! Берег Перерытыцы процветает, в дом Ивана Яковлевича Плотникова послезавтра переезжает Сесицкий за 300 р. в год, а хозяин перешел вниз. — Бедных Барышень (Нефедьевых)²⁰ по шапке — их приютил «сырый Протасьич». Вчера я встретила возвратившуюся из Рыбинска Анну Андреевну, ездившую туда по делам, и она рассказывала нам слышанную ею повесть в дороге, будто Рохель²¹ проиграл какой-то процесс в Париже, о котором я <...> давно слышала, что он имел его и, находясь в незавидном положении, передает воды доктору

---

²⁰ Плотников, Сесицкий, Нефедьевы — жители Старой Руссы, знакомые Орловой и Достоевских. Фамилия Плотникова неоднократно упоминалась в письмах и мемуарах А. Г. и Л. Ф. Достоевских, а также в романе «Братья Карамазовы». Павел Иванович Плотников — купец 2-й гильдии, в 1870-е гг. был владельцем одного из крупнейших бакалейных магазинов Старой Руссы. А. Г. Достоевская вспоминала о том, как муж посещал лавку Плотникова: «Почти всегда заходил он в лавку Плотниковых и покупал только что привезенное из Петербурга (закуски, гостинцы), хотя все в небольшом количестве. В магазине его знали и почитали и, не смущаясь тем, что он покупает полуфунтиками и менее, спешили показать ему, если появлялась какая новинка» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 325). Л. Ф. Достоевская отмечала: «<...> магазин Плотникова — любимое торговое заведение моего отца» (*Достоевская Л. Ф.* Мой отец Федор Достоевский. М., 2017. С. 173). В письме от 20 июля 1891 г. Любовь Федоровна сообщила матери следующее: «Да, вот новость: умер Плотников, дядя Катеньки и отец Ольги. Вчера его хоронили <...>» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 61 об.)

²¹ Антон Антонович Рохель был директором и арендатором заведения Старорусских минеральных вод с 1868 по 1890 г. Ошибочно назван Александром Ансельмовичем Рохелем (Ройхелем) в именном указателе к воспоминаниям А. Г. Достоевской (с. 492), энциклопедическом словаре С. В. Белова «Достоевский и его окружение», аннотированном указателе имен ПСС, Достоевского (29₂, 356) и во многих других изданиях, посвященных исследованию биографии и творчества писателя. В то время как Антоном Антоновичем он поименован А. Г. Достоевской (см.: Рецепты А. А. Рохеля для Достоевских А. Г. и Л. Ф. // НИОР РГБ. Ф. 93. П. 8.47), в каталоге РНБ как автор книги «Старорусские минеральные воды» (СПб., 1880), в монографии Л. М. Рейнуса «Три адреса Достоевского» (*Юхнович Ю. В.* Старорусские соседи Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский.* 2017. № 2. С. 96–108. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499856938.pdf (дата обращения: 05.04.2017)).

Боткину²², с управлением подобной личности, конечно, оные возвысят-ся <...>.

Старая Русса. Январь 10-го <1876 г.>

Приветствую Вас, моя задушевная Анна Григорьевна, с наступившим Новым Годом — да благословит Вас всех Господь, щедро благодатию своею — полным здоровьем и удачею во всех предприятиях, вот искреннее желание преданной Вам души. Грустно мне было узнать из письма Вашего к Батюшке²³ о болезни Вашей и деток²⁴ Ваших, но Бог милостив и подаст Вам руку помощи, как и видно, что Вы все уже поправляетесь. Не то случилось у нас — наш старичок Александр Карлович²⁵ переселился в вечность и зрит в настоящее время лучший мир. Простился он с нами в самый Новый год в 5th часов пополудни. Не буду говорить подробностей его кончины, вероятно, Батюшка уже известил Вас об ней. Теперь во владение дома вступает Анна Гавриловна

---

²² Сергей Петрович Боткин (1832–1889) — известный врач-терапевт, основоположник физиологического направления научно-клинической медицины, один из создателей военно-полевой терапии и военно-санитарного дела в российской армии, автор ряда теоретических трудов по медицине, общественный деятель. Слухи о назначении Боткина директором Старорусских минеральных вод не подтвердились.

²³ Здесь речь идет о священнике И. И. Румянцеве.

²⁴ В письме к Н. П. Вагнеру от 2 января 1876 г. Ф. М. Достоевский сообщал, что его жена и дети болеют скарлатиной (см: 29², 70).

²⁵ Александр Карлович Гриббе (1806–1876) — подполковник в отставке, в его доме на набережной Перерытницы снимали комнаты Достоевские в 1873–1875 гг., приезжая на летний отдых в Старую Руссу. Родился в Иркутске в 1806 г. В 16 лет получил чин подпрапорщика Гренадерского полка. В 1836 г. перешел на службу в Первый округ дорожных солдат, где остался до ухода в отставку. Оставив службу, Александр Карлович поселился в Старой Руссе. Л. Ф. Достоевская так описывала старорусский дом Гриббе: «...маленький домик в немецком вкусе прибалтийских губерний, — домик, полный неожиданных сюрпризов, потайных стелных шкафов, подъемных дверей, ведущих к темным пыльным лестницам. <...> За домом находился сад с смешными маленькими клумбами, засаженными цветами. В этом саду, прорезанном маленькими каналами, росли всевозможные фрукты. Полковник Гриббе сам копал эти каналы, чтобы предохранить свою малину и смородину от весенних разливов, которыми грозила коварная Перерытца, на берегу которой была расположена дачка» (см: [Достоевская Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. С. 76). У А. К. Гриббе была небольшая личная библиотека, которая состояла главным образом из книг философского и исторического характера на русском и французском языках и включала сочинения Н. М. Карамзина, Р. Декарта, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова. Журналист М. Н. Поляков в статье, посвященной Гриббе, писал: «По свидетельству современников, этими книгами иногда пользовался Ф. М. Достоевский, будучи дачником Гриббе» (см.: Поляков М. Н. Александр Карлыч // Старорусская правда. 1970. № 150 (7729), 22 сент.). В примечаниях к воспоминаниям А. К. Гриббе, опубликованным в журнале «Русская старина», говорится: «Несмотря ни на суровую школу службы на глазах у самого Аракчеева, ни разные жизненные невзгоды, Гриббе до конца своей жизни сохранил доброту и честность, качества, привязывавшие к нему всех, кто когда-либо встречался с ним» (Гриббе А. К. Холерный бунт в Новгородских военных поселениях 1831 г. // Русская старина. 1876. Т. 17, № 11. С. 513–536). Впоследствии дом перешел во владение семьи писателя.

и, слышав от нее, что она намерена продать его со всею мебелью и даже посудю — то я на всякий случай ускоряю уведомить Вас об этом, вследствие слов уважаемого мною Федор Михайловича, говорившего мне при отъезде своем: «что если будет продаваться какой-нибудь дом, чтобы иметь Вас в виду на этот предмет». Вы же полюбили наш берег. Как велико мое желание свидеться с Вами — многое-многое есть передать и как Вы думаете, кого бы еще я желала в нашу беседу? — не только безголосого Вагнера²⁶, — но самого Бредифа²⁷ — на что у меня в руках находятся достоверные факты по поводу кончины Александра Карловича. Он признал меня Медиумом²⁸ и вел через меня беседы с Эммой Осиповной²⁹ и его невесткой в Москве, это случилось за два дня до кончины его, в полной памяти и совершенно верно предрек день, в который оставил сей мир. — Прошу не шутить со мной. Остаюсь любящая Вас всей душой А. Орлова. Мое уважение Федор Михайловичу. Вас и деточек целую.

Старая Русса. Февраля 15-го 1876 г.

С нетерпением ожидала я возвращения Матушки³⁰ из Петербурга, чтобы узнать об Вас, моя дорогая Анна Григорьевна. Увидев Ваш портрет, так поразительно похожий, я крепко его прижала и расцеловала Вас, мою голубушку. Слава Богу, что Вы все в настоящее время здоровы, дай Вам Бог того же и на будущие времена! Теперь, моя дорогая, меня толкает доброе к Вам чувство поговорить с Вами о Вашем деле и я, зная

---

²⁶ Николай Петрович Вагнер (1829–1907) — известный ученый-зоолог, писатель. Большой популярностью пользовалась его книга очерков «Картины из жизни животных». В 1870-е гг. Н.П. Вагнер стал страстным пропагандистом спиритизма, что нашло отражение в записных книжках Ф.М. Достоевского, в его «Дневнике писателя» и переписке с Н.П. Вагнером. В литературном мире Николая Петровича знают главным образом как автора книги «Сказки Кота-Мурлыки». В 1875 г. Вагнер приехал на лето в Старую Руссу. Здесь, по рекомендации Я.П. Полонского, он познакомился с писателем. В письме от 27 июня 1875 г. А.Г. Достоевская рассказала мужу о своем впечатлении от встречи с Вагнером: «На вид это маленький смешной человечек с женским визгливым голоском, с огромною соломенною пастушескою шляпою и с огромнейшим пледом в руках <...> у него жена, 4 детей и гувернантка; поместились очень далеко от ванн в трех комнатах и платят 60 руб. Просил позволения привести жену; я выразила свое удовольствие. По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек <...>» (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. С. 207*).

²⁷ Камилль Бредиф — известный медиум, посетивший Петербург в 1874 г. Его сеансы имели большой успех у столичной публики.

²⁸ Очевидно, А.П. Орлова по просьбе А.К. Гриббе выступала в качестве медиума на домашнем спиритическом сеансе. В 1870-е гг. спиритизм был широко распространенным явлением не только в столичной аристократической среде, но и в провинции. В январе 1876 г. Н.П. Вагнер в письме к Ф.М. Достоевскому сообщал о скором приезде известного медиума С. Клайр и приглашал принять участие в спиритическом сеансе (см.: 29, 230).

²⁹ Неустановленное лицо, вероятно, умершая родственница А.К. Гриббе.

³⁰ Екатерина Петровна Румянцева — супруга И. И. Румянцева.

прикосновенные к нему обстоятельства, долгом считаю сообщить Вам их, а именно следующие: Вы не прочь купить Алекс<андра> Карловича дом³¹. Батюшка, вероятно, подробно опишет Вам решение Анны Гавриловны, и если Вы будете согласны, то хочу Вам сказать только вот что: «Некто Г-н Цветаев³², служащий в придворной конторе в Петербурге, купил дом Грушецкого³³ прошлой осенью, и как сосед Гриббе, сделал визит покойному и говорил, что его знакомый желает равномерно приобрести дом в Руссе и на этом же берегу». На Святой, быть может, Цветаев придет сюда. Это первое. Второе то, что Грушенька Меньшова³⁴ иначе не решается выйти за своего претендента, пока он не уступит своей сестре, живущей у него в доме, для которой он старается также купить дом и когда он прошлое лето был здесь, он выискивал эту покупку. Узнав, что Анна Гавриловна продает свой дом, Грушенька была у меня и хотела ему сообщить об этом. Она ожидает его приезда в посту к себе — а потому-то, моя голубушка, мне кажется, что Вам следует упрочить это дело. Я боюсь, что Вы, не зная этих обстоятельств, можете упустить Ваше приобретение. Успеха же я Вам от души желаю. Не браните меня, родная, если я вмешиваюсь в Ваше дело, но повторяю Вам, его диктует мне к Вам искреннее чувство. Еще скажу Вам, у меня приготовлен человек Вам, честный, не пьющий ни даже курящий, с женой, прекрасной женщиной, людей степенных, не молодых и он еще и плотник, что нужно при доме, на которых Вы, выжмура глаза, можете оставить все имущество. Такого человека Вы смело можете взять в дворники, к нему было полное доверие в продолжение десяти

---

³¹ Об истории покупки дома А. К. Гриббе подробно рассказала в своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская: «Мы некоторое время были встревожены возможностью потерять свой излюбленный уголок, но вскоре дело выяснилось: наследница г-на Гриббе уезжала из города, решила продать дом и запросила за него (вместе с обстановкой и даже десятью саженями дров) одну тысячу рублей, что горожанам Руссы показалось дорогою ценой. Денег своих в то время у нас не было, но мне так хотелось не упустить этой дачи, что я прислала моего брата, Ивана Григорьевича, купить дом, а я, уже после смерти мужа, купила у брата дом на свое имя» (*Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 357–358*).

³² Г-н Цветаев — петербургский житель, служащий придворной конторы, приезжавший на летний отдых в Старую Руссу.

³³ Грушецкий — житель Старой Руссы, сосед А. К. Гриббе.

³⁴ Агриппина Ивановна Меньшова (1849–1915) — старорусская мещанка, ставшая прототипом Грушеньки в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (*Рейнус Л. М. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых» // Русская литература. 1967. № 4. С. 143–146; Рейнус Л. М. Три адреса Ф. М. Достоевского. С. 49–54*). А. И. Меньшова жила в Старой Руссе неподалеку от Достоевских и регулярно бывала у них в гостях. В письме из Старой Руссы от 19 июля 1879 г. А. Г. Достоевская сообщала мужу: «... вскоре пришла Грушенька Меньшова и провела у нас вечер» (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. С. 276*). А. П. Орлова также поддерживала дружеские отношения с Меньшовой и принимала активное участие в ее судьбе, помогая пережить любовную драму, связанную с историей ее взаимоотношений с поручиком Каспийского полка И. В. Коровайкиным.

лет от хозяина, которое эта хорошая семья оправдала как нельзя лучше. Итак, остаюсь над всеми Вами душой Вам преданная Александра Орлова. Надеюсь, что все сообщенное останется только между нами.

Старая Русса. Октября (?)

Грушинька передала мне Ваш поклон, она, бедная, лежит, очень больна, так что Куципский два раза в день ходит навещать, она очень плоха. Я бываю у нее, и она тихо <...> сказала мне сегодня: «Как не хочется умирать, когда счастье так близко». Вспомните ваше предсказание — всё исполнилось. Я была довольна, узнав, что она поведала Вам свою тайну³⁵. Одна война может только быть препятствием³⁶.

Старая Русса. Ноябрь 18-го 1876 г.³⁷

Дорогая моя Анна Григорьевна, зная ваше доброе ко мне расположение, обращаюсь к вам, моя голубушка, с просьбой, дело вот в чем. По приезде из Петербурга я была сильно больна, и в продолжение болезни я получила только одно известие от моего жениха и известие тоже грустное — он тоже болен, писал мне в кровати, говорил мне, что придется ему переехать в госпиталь и вот после всего я ничего не знаю, что с ним, жив ли, даже и ничего не знаю. Не приключилось что-нибудь более плохое с ним, иначе ничему не могу приписать его молчание.

Так вот, родная моя, сделайте для меня, узнайте, если можно, что с ним, самая горькая истина для меня будет лучше неизвестности, люблю я его как никогда никого не любила в своей жизни и лишиться его любви нет хуже <...> войны.

Адрес его вот такой: Кронштадт Каспийского полка, Иван Васильевич Каравайкин³⁸, кажется, поручик.

Вот, дорогая моя Анна Григорьевна, начала это письмо Грушенька, а я взялась его докончить. Бедная она несчастная. Боже! Сколько она страдает! Она недвижимо лежит и очень, очень плоха.

---

³⁵ Грушенька поделилась с А. Г. Достоевской своей тайной, рассказав о чувствах к поручику И. В. Коровайкину.

³⁶ А. И. Меншова опасалась, что ее жених И. В. Коровайкин будет призван на войну. Начало русско-турецкой войны можно отнести к апрелю 1877 г. Письмо датировано октябрем. Скорее всего, оно было написано в 1876 г.

³⁷ В исследовании Л. М. Рейнуса «Три адреса Ф. М. Достоевского», где представлен небольшой фрагмент из послания А. И. Меншовой к А. Г. Достоевской, приведена ошибочная датировка этого письма — 18 мая 1876 г. На самом деле письмо датировано 18 ноября 1876 г. Продолжение этого послания, написанное уже от лица А. П. Орловой, раскрывает историю Агриппины Ивановны через ее восприятие, просьбу к Анне Григорьевне принять решительные меры, чтобы разыскать Коровайкина.

³⁸ Иван Васильевич Коровайкин — поручик Каспийского пехотного полка, возлюбленный А. И. Меншовой. В Старую Руссу мог быть направлен в конце 1860-х — начале 1870-х гг. в составе 37-й пехотной дивизии, переведенной в Санкт-Петербургский военный округ, включавший большое количество губерний, в том числе и Новгородскую (см.: *Абасалиев Р. А.* История 148-го пехотного Каспийского полка. СПб., 2011. С. 24–25).

Бывают минуты, когда думают, что она уже умирает. Куципский³⁹ ежедневно по два раза в день бывает около нее. По приезде из Петер<бурга> она получила письмо убийственного содержания, я его читала — он пишет, «что захворал, и доктор нашел, что у него болезнь такого рода, что он отвергает мнение доктора, и не позволяет себе думать, что при его цвете лица и полноте могла закрасться эта болезнь» — но какая? Умалчивает — и с тех пор, перейдя в Госпиталь⁴⁰, — более нет писем. Она, приехав домой, также захворала <...> проклятие, ужасные поступки матери старовойки⁴¹ совершенно убили бедняжку. Надо было все это открыть, наконец, доктору — потому что все его усердие оказывалось тщетным. Куципскому открыли ее домашнюю муку, и то, что она решается бежать. За любимого человека он за все принялся с добротой сердца, все сам хотел устроить — припугивает старовойку, говоря, что, если она будет стеснять больную, то он перевезет ее на другую квартиру. И надо же судьбе забывать эту страдальницу — вдруг к этому мученью — и нет никакого слуха о женихе. Вот она прибыла, как видно, к Вам, не сможете ли переписать с Канцелярией его полка, и под видом будто он Вам родственник — узнать истину — какова бы она ни была? Со дня, как она писала Вам это письмо, она в ужасном состоянии — сегодня я была у нее, она мне отдала его и просила докончить и отправить к Вам — сама же, — увы! не может. Жаль смотреть, как тает это доброе создание. Довольно об этом, можно быть уверенным, что поручение это идет в добрые руки, к золотому — теплomu Вашему сердцу и вы сумеете разъяснить мучительную неизвестность, добраться до истины, какая бы она ни была — неужели его уже не стало? Теперь, моя голубушка, поговорим «о сочетавшихся». Бедная девчурочка Заболуева!⁴² Сидит безвыходно в своей конурке, не раз уже плакала от деспотизма супруга. Он несколько себя не стесняет в обществе, как, например, на обеде своего посаженного отца Богуславского, сидит как пень в отдаленных углах комнаты, ни с кем ни слова, уткнув нос в книгу. Она скучная стояла одно время у окна, сложив руки — а слезы так и блистали в глазах и когда я спросила у Над<ежды> Алекс., что это значит — она ответила, что был зверь — а теперь еще лютее стал. Можете судить — третьего дня был спектакль любителей — участвовал и Александр Иванович в числе

---

³⁹ Куципский — старорусский врач, который занимался лечением А. И. Миньшовой в период ее болезни. В работе Л. М. Рейнуса «Три адреса Ф. М. Достоевского» упоминается без фамилии как «доктор, лечивший заболевшую Грушеньку» (с. 51).

⁴⁰ Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах И. В. Корвайкин оказался в военном госпитале. Позже, в письме от 2 декабря 1876 г., он сообщил о своем местонахождении: «Кронштадт, Кронштадская улица, д. Швецова №2. Квартира во флигеле».

⁴¹ Дарья Кузьминична Миньшова — мать А. И. Миньшовой. По воспоминаниям старорусских обывателей, знакомых семьи Миньшовых, Дарья Кузьминична отличалась склонностью к накопительству и суровым характером, занималась торговлей сеном и дровами (см.: *Рейнус Л. М. Три адреса Ф. М. Достоевского. С. 49*).

⁴² Заболуевы — жители Старой Руссы, знакомые А. П. Орловой.

добровольцев, оркестр также составляли любители и также она умоляла быть в театре, но он сурово отказал. И это медовый месяц! Вот почему он убоился Марьи Александровны, ему нужна была простушка, которую бы мог он сделать своей жертвой. — Теперь следует после плачевного коснуться курьезного. В день, когда молодые в карете делали визиты <...>, был праздник и, как водится, по большой улице, где красуется вывеска водочного склада, катался весь люд и толпы пешеходов глазели, как вдруг старуха Заболуева, чересчур опьяневшая, выскочила на улицу — поймала за вожжи сани и <...> в них сидели две барыни и даже правили, лошадь, схваченная за вожжи, начала вертеться, Заболуева вместе с санями, потом одна из барынь стегнула кнутом лошадь, старуха упала, но прицепилась за задок саней и держит одной рукой — другой попала в шею с громкими приветствиями на непереваемом языке. Надо добавить эту картину тем, что на другой день венчанья у Заболуевых умерла старушка, дряхлая бабушка их, и тело стояло в доме — и вот с радости свадебной и горя матушка упилась и выскочила в безобразном капоте на всю публику, а молодые в это время также выезжали в этот день и делали визиты. — Вот вам сцена из провинциальной жизни — но как мне жаль, вероятно, и Вы поскорбите, что в этих злосчастных санях не сидела Леди Anna⁴³ с своей <...>. Стоило бы накласть в загривок за преследования меня горемычной, не знаю вследствие чего я попала под особенный надзор, какова подлость <...>.

Вчера к хозяевам моим — выспрашивает, зачем я поехала в Новгород — и когда ей отвечали, что я шагу из дому не делала, то ни за что не верят и «Мы, говорит, всё знаем», — этого я не понимаю, не разъясните ли Вы, моя добрая? <...> Не стыдно ли ему так недостойно поступать и интриговать против меня <...>.

Старая Русса. Января 16-го 1877 г.

Вот, моя дорогая Анна Григорьевна, несмотря на то что так недавно беседовала я с вами по случаю наступления Нового Года, мне опять захотелось поговорить с вами, моя родная. Зная ваши сложные занятия и веря словам Вашим, «что если редко выдается вам свободное время писать мне»⁴⁴, то чтобы я не относил этого к нежеланию с Вашей стороны, вследствие чего я и не затрудняюсь в своем поступке. Вспоминая приятное прошлое времячко, как бывало, сойдясь вместе, мы нараспашку передавали друг другу что-либо курьезное — из быта провинциальной жизни, так и теперь хочется рассказать о проведенных праздничных днях знакомого вам городка. Просим не шутить над нами — «куда люди, туда и мы» — все это время были в разгаре удовольствий участвующими, как же в этом случае, отстать староруссам? Ведь у нас существуют два клуба: один городской — другой военный,

⁴³ Неустановленное лицо.

⁴⁴ Письмо не сохранилось.

значит, два раза в неделю балы, кроме того — карточные и музыкальные вечера. Затем следуют маскарады (на которых подчас случается и то, что чуть не под музыку играемого марша выводят какую-нибудь головушку), но публике это не мешает продолжать веселиться⁴⁵. В конце концов, надо уже подражать и тому, что повсеместно устраиваются спектакли любителей — в пользу страждущих славян⁴⁶. Задумано — сделано. Вот в обществе возникают два вопроса: Кто будут участвующие и где устроить театр? Мысль, на устройство спектакля любителей принял ретиво купец Суханов⁴⁷ с супругою своею, вследствие которых, года три тому назад, эта парочка и сочелась. Если вы припомните, она племянница Заваруева, должность которого при Заседании Окружного Суда говорить: суд идет. К этому делу присоединились офицер

⁴⁵ В историко-статистическом очерке М. И. Полянского за 1885 г. представлено описание развлечений, которые устраивались в Старой Руссе для местных жителей и гостей города: «Здесь кстати упомянуть и о тех развлечениях и увеселениях, которые имеются в Старой Руссе. В саду минеральных вод играет оркестр музыки 2 раза в день, в утренние и вечерние часы, семейные танцевальные вечера два раза в неделю, затем театр, с тремя представлениями в неделю. Кроме того, имеются еще: библиотека с журналами и газетами, кегли, бильярд, тир и проч.» (с. 41).

⁴⁶ Являясь «артисткой в душе» (29, 24), А. П. Орлова соглашалась на участие в любительских спектаклях, устраиваемых жителями города в пользу нуждающихся славянских народов. Подобные культурные мероприятия, учреждаемые по инициативе Славянского благотворительного общества, были частым явлением в то время и поддерживали идею о спасительной роли России в деле воссоединения государств славянского мира. Отметим, что Ф. М. Достоевский состоял членом Санкт-Петербургского славянского комитета с 21 января 1873 г., а 2 декабря 1878 г. стал товарищем (заместителем) председателя Санкт-Петербургского славянского общества. В «Дневнике писателя» за 1877 г. есть следующее высказывание об идее славянского мира: «А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению, в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете...» (26, 81–82). Писательница Е. О. Дубровина, проживавшая в это же время в Старой Руссе и состоявшая в драматической труппе при курортном театре, отмечала: «На сцену мы смотрели, как на школу, и когда нам не удалось уехать на сербско-турецкую сестрами-милосердия, мы решили идти на сцену, чтобы пропагандировать там “милость к павшим”, и отдавать хлеб войскам, хотя четверть нашего заработка. Мы оказались на высоте задачи, и скоро вся Старая Русса сконцентрировалась в парке, где были поставлены столики, с грудами белья и холста, из которого все наши дамы-театралки кроили бинты и щипали корпию. Это было чудесное время великих самоотвержений, горячей любви к младшему брату, готовности отдать ему все, “что было в нашем распоряжении”» (см.: *Дубровина Е. О. Памяти оклеветанного друга: [Присяж. пов. С. П. Марголина]*. СПб., 1908). Согласно свидетельству Орловой, благотворительные спектакли в пользу славянских народов проходили не только на территории курортного парка, но и в других общественных местах. Например, зимой 1877 г. было принято решение устроить любительский театр в зале городского собрания с привлечением оркестра.

⁴⁷ Павел Васильевич Суханов — известный старорусский купец и общественный деятель. В 1865 г. стал учредителем комитета общества пособия нуждающимся горожанам (см.: *Полянский М. И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885. С. 176*).

здешнего полка, а из городских: Богданович и Будзвинский — не знаю, знакомы ли вам эти личности. Из женского персонала приняли участие: Скаповская, Михайлова, Веревкина, родственница Суханова, священника Барсова племянница — невеста, если не знаете ли брата <...>! далее: Новикова⁴⁸, М^{ме} Прокапеус — полковая дама и М^{ме} Чирикова — жена мир<ового> судьи⁴⁹. Наконец решается вопрос второй: где устроить театр. Суханов как запасной любитель, имея в виду много удовольствия, предложил зал городского собрания, где он членом. Заведывающим постановкою сцены, декорациями вызвался быть сам Скаповский⁵⁰. В день спектакля настилается пол для публики в зале, а в гостиной — делается возвышение для сцены. — Порешили первый спектакль дать с благотворительной целью в пользу страждущих славян⁵¹, а последующие — на уплату затраченной суммы на все издержки по театру. Ради доброго дела и оркестр на сей раз составился (за исключением нескольких музыкантов полкового хора). Также из любителей, как то: инженера Кучина, играющего на кларнете, офицера Равенского — на флейте, аптекаря Мольденгауера на скрипке, эскулапа Барда — на виолончели, дирижером оркестра был Козель — полковой капельмейстер⁵². Организуя труппу, вспомнили и меня многогрешную. В одно утро является ко мне уполномоченный от общества с просьбою принять участие; но и вам, мол, дорогая, известно, что я года три, если не более, страдаю судорожным кашлем в горле <...>. В промежутке моего леченья общество просит меня бывать на их репетициях, что я и делала из любезности. Была поставлена комедия Островского «Свои люди — сочтемся»⁵³. Сошла она порядочно, но не без курьеза. М^{ме} Прокапеус очень добродушная, милая дамочка, изучавшая свою роль (купчихи) очень старательно, но никак не могла справиться с этим жанром, да на беду в самом-то эффектном месте — обмолвилась словом и, бедная, окончательно растерялась; а всему причиною было то обстоятельство, что за два дня до спектакля прибыл новый командир полка, человек столичный — бывший Адьютантом Его Выс<очества> Ник<олая> Ник<олаевича>.: и, сделав визиты, — посетил театр, поместясь, понятно, в 1ом ряду кресел. И вот эта добрая барынька, когда наступил ее монолог, в котором она, не желая ударить лицом в грязь

---

⁴⁸ Вероятно, родственница городского исправника П. И. Новикова.

⁴⁹ В списке гласных Старорусского уездного земства за 1885 г. упоминается имя Авенира Егоровича Чирикова, дворянина, крупного старорусского землевладельца.

⁵⁰ Неустановленное лицо.

⁵¹ Восстания против турецкого ига в Боснии и Герцеговине (1875–1878 гг.) и Болгарии (1876 г.) вызвали общественное движение в России в поддержку братских славянских народов.

⁵² Сведения о музыкантах отсутствуют.

⁵³ Следуя логике письма А. П. Орловой, можно сделать вывод, что премьера спектакля состоялась в январе 1877 г. (точная дата неизвестна) в здании городского собрания, располагавшемся на Александровской улице.

перед начальством — приосанясь — выступила на авансцену, уговаривая свою дочь Липочку⁵⁴, и вместо того, чтобы сказать «Ах ты дурочка!», она провозгласила отчетливо: «Ах ты дырочка!» Разумеется, у некоторых в публике нечаянно вырвался смех, и мне от души было жаль ее, она мне знакома и милая очень особа, бесхитростная и не интриганка. Сколько могла я успокоила ее, что это прошло незаметно. После первого начали хлопотать о втором спектакле.

Куципский удивительно помог моему горлу. Офицер, бывший у меня, передал мое заявление обществу — что я не намерена издерживаться на театре и это нашли совершенно справедливым и просили передать мне, чтобы я в этом случае не затруднялась. Вслед за этим ко мне приехал Суханов с женою, с которыми я никогда не была знакома — привезли прочитать пьесы, в которых они просят меня участвовать. За любезность Куципского я уже сочла неловким отказываться. Мне пришлось играть с Сухановой — она дочь, а я мать в пьесе «Медаль»⁵⁵ купеческого быта, которая шла первая по афише. Потом шла вторая без меня — а в третьей «Математик, или Комета в уездном городе»⁵⁶ мне пришлось играть опять — я мать, а М^{elle} Новикова дочь. — Настал день спектакля — я страшно трусила (как всегда со мною случается). До поднятия занавеса меня всегда бьет лихорадка. Пьеса пошла бы хорошо, но сам Суханов провалился — очень дурно сыграл — но публика остальными личностями осталась довольна. Вторая пьеса — зрителям не понравилась. Пришла очередь «Математику». При начале пьесы на сцене был один офицер, играющий Математика, и Новикова, когда наступило время моего выхода, я только что вышла, как на беду мою, мне начали аплодировать очень дружно, что меня очень сконфузило. — Этот привет публики был для меня роковым. — Как я увидела впоследствии.

На другой день спектакля мне с знакомым моим прислали семь рублей — из коих четыре я израсходовала на необходимые принадлежности туалета и извозчиков, значит я заработала три. Составляется третий — за мною приезжают на выбор пьес. Суханов, давший зал собрания, видимо с супругою орудуют этим делом — и выбор пал на пьесы, в которых мне не было роли. Я, ничего не подозревая, согласилась совершенно с случайностью, что не оказалось моего амплуа — и на тот раз не участвовала, но когда раздавались роли, то некоторые говорили, как же Алекса<ндра> Пав<ловна> — не будет участвовать — на что Суханова ответила: что ж делать — надо чередоваться. Спектакль сошел и этот. — Ко мне являются четыре офицера и одна дама из любителей и просят, чтобы я ехала с ними на выбор пьес опять — и тут я узнала, что это была интрига

---

⁵⁴ Липочка (Олимпиада Самсоновна Большова) — одна из героинь комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!»

⁵⁵ Спектакль был поставлен по пьесе русского писателя, журналиста и издателя Н. А. Лейкина «Медаль», представлявшей шуточные сцены из купеческого быта.

⁵⁶ По водевиллю А. Н. Андреева «Старый математик, или Ожидание кометы в уездном городе».

Сухановой, которая в предстоящий спектакль не участвует. Господа офицеры убедительно просят меня не отказываться — и чтобы сколько-нибудь утвердить это дело — они избрали режиссером Будзинского⁵⁷. Отделаться от них я никак не могла, мне назначили роль в пьесе «Что имеем — не храним, потерявши — плачем»⁵⁸. По афише первая шла <...> публика даже не аплодировала, как всегда делается любителем по окончании пьесы — на что Скаповская, как участница — обозлилась страшно. Вторая пошла наша. Опять на беду мою — Суханова как неиграющая сидела в первом ряду — рядом с полковым командиром, который в продолжение игры громко приветствовал меня «Браво-Браво» и спрашивал, кто играет старушку — публика выказывала полное довольство — и по окончании последовал дружный аплодисмент. Чем кончилось все это? Четыре дня тому назад было назначено собраться опять на выборку пьес, но так как в этот вечер у офицеров была лекция, то собрались немногие. Суханова ни на одну пьесу, выбранную режиссером, не соглашалась, избирая себе в участницы только Скаповскую. Режиссер доказывал, что это невозможно, что она не может избирать кого ей угодно, а смотря по амплуа, — под конец завистливая натура ее не выдержала — она вскочила, освирепела — наговорила режиссеру, муж ее также, довели Будзинского до того, что он отказался, и эта парочка супругов, увидев, что состав собиравшихся состоял преимущественно — из слабейших — предложили балтировать (sic!) трех режиссеров. И что же, видимо, запрашивая которых — избраны: Скаповский, Богданович и Суханов — то есть — трио — шедшее во всем рука об руку. Балтировали и меня, но я сказала, что не подлежу, потому что играю на особых условиях, т. е.: за плату — и в видах интереса собственного, меня могут подозревать в выборе для себя пьес. По окончании выбора режиссеров, я, не сказав ни слова, взяла извозчика — отправилась домой, а Суханова торжествующая заняла место заседания с двумя ассистентами. Приехав, я с этим же извозчиком отправила письмо, чтобы на мое участие не рассчитывали, т. е.: что я отказываюсь. Если Бог даст нам свидеться, я вам в лицах представлю олицетворенную фурию, подступающую с сжатыми кулаками к Будзинскому. — Представьте себе, муж ее вдруг говорит: «Если не доставите той пьесы, которую жена хочет, — я залы не дам». Вот истинное сравнение, когда я по возвращении, взволнованная такими грустностями, рассказывала моей старухе Марье, то она сказала на это: «Вот где Сербия-то». — Да, моя дорогая, тяжело достался мне самый пустой «заработок» — за два спектакля этих — всего в итоге оказалось шесть рублей и того менее, а сколько тревог и задетого

---

⁵⁷ Будзинские — известные в Старой Руссе землевладельцы. В списке потомственных дворян Старорусского уезда за 1885 г. есть указание на имена Андрея Степановича Будзинского и Степана Андреевича Будзинского. В числе крупных землевладельцев города состоял и А. А. Будзинский.

⁵⁸ Одноактный водевиль под названием «Что имеем, не храним, потерявши, плачем» был создан поэтом, драматургом-переводчиком, режиссером Московского малого театра С. П. Соловьевым и впервые поставлен в 1844 г.

самолюбия? — Не сетуйте на меня, моя голубушка, за пространный разговор с вами, но, право, мне легче будет на душе, когда поделюсь с вами о случившемся. Здесь есть один человек, который намерен как очевидец предать это гласности. Глупо, но должна сознаться, что все эти гадости, повлияли на меня очень и очень — сидя в уединении — я еще более развиваю свою болезнь. Довольно об этом — скажите, что делается с Марьей Александровной — я и ей писала — ни слова в ответ. Вообразите, моих два письма, в самое-то нужное для нее время — не дошли до нее — тут что-то кроется <...>⁵⁹.

Письмо И. В. Коровайкина к А. Г. Достоевской

2 декабря 1876 года

Нижеподписавшийся Ваш покорнейший слуга просит уведомить его, чем он заслужил внимание Александра Николаевича Г. Сниткина⁶⁰, который просит Канцелярию полка о сообщении ему моего адреса.

И. Коровайкин

Адрес: Кр. Кронштадт, Кронштадская улица, д. Швецова № 2. Квартира во флигеле. Поручика Каспийского полка, Ивану Васильевичу Коровайкину.

Библиографический список

- Абасалиев Р. А.* История 148-го пехотного Каспийского полка. СПб., 2011. 183 с.
- Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2. Л–Я / РНБ. СПб., 2001. 540 с.
- Гриббе А. К.* Холерный бунт в Новгородских военных поселениях 1831 г. // Русская Старина. 1876. Т. 17, № 11. С. 513–536.
- Достоевская А. Г.* Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. 768 с.
- [*Достоевская Л. Ф.*] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.; Пг., 1922. 106 с.
- Достоевская Л. Ф.* Мой отец Федор Достоевский. М.: Бослен, 2017. 512 с.
- Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка / изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1976. (Литературные памятники). 483 с.
- Дубровина Е. О.* Памяти оклеветанного друга: [Присяж. пов. С. П. Марголина]. СПб., 1908. 31 с.
- Поляков М. Н.* Александр Карлыч // Старорусская правда. 1970. 22 сент., № 150 (7729). С. 4.

⁵⁹ Текст завершается этими словами, вторая страница утеряна.

⁶⁰ Александр Николаевич Сниткин (1842–1905) — двоюродный брат А. Г. Достоевской. По просьбе жены писателя Александр Николаевич обратился в канцелярию Каспийского пехотного полка, чтобы разыскать И. В. Коровайкина (см. письмо А. П. Орловой от 18 ноября 1876 г.).

- Полянский М. И. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда / сост. М. И. Полянский. Новгород, 1885. 471 с.
- Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1969. 78 с.
- Рейнус Л. М. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых» // Русская литература. 1967. №4. С. 143–146.
- Рейнус Л. М. Три адреса Ф. М. Достоевского. Л., 1985. 80 с.

References

- Abasaliiev R.A. *Istoriia 148-go pekhotnogo Kaspiiskogo polka* [The history of the 148th Infantry Caspian Regiment]. Saint Petersburg, 2011. 183 p. (In Russ.)
- Belov S. V. *F. M. Dostoevskii i ego okruzhenie*: encyclopedic dictionary: in 2 vols., vol. 2: L–Ia [F. M. Dostoevsky and His Ambience]. Saint Petersburg, 2001. 540 p. (In Russ.)
- Dostoevskaia A. G. *Vospominaniia. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen, 2015. 768 p. (In Russ.)
- [Dostoevskaia L. F.] *Dostoevskii v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoi* [Dostoevsky figured by his daughter L. Dostoevskaya]. Moscow, Petrograd, 1922. 106 p. (In Russ.)
- Dostoevskaia L. F. *Moi otets Fedor Dostoevskii* [My father Fyodor Dostoevsky]. Moscow, Boslen, 2017. 512 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M., Dostoevskaia A. G. *Perepiska* [Correspondence], prep. S. V. Belov i V. A. Tunimanov; resp. ed. D. S. Likhachev. Leningrad, 1976. (Ser. “Literaturnye pamiatniki”). 483 p. (In Russ.)
- Dubrovina E. O. *Pamiati oklevetannogo druga: [Prisiazh. pov. S. P. Margolina]* [In memory of a slandered friend]. Saint Petersburg, 1908. 4 p. (In Russ.)
- Gribbe A. K. *Kholernyi bunt v Novgorodskikh voennykh poseleniakh 1831 g.* [Cholera mutiny in the Novgorod military settlements of 1831]. *Russkaia starina*, 1876, vol. 17, no. 11, pp. 513–536. (In Russ.)
- Iukhnovich Iu. V. *Starorusskie sosedi Dostoevskogo* [The neighbors of Dostoevsky in Staraya Russa]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2017, no. 2. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499856938.pdf
- Poliakov M. N. *Alexandr Karlych. Starorusskaia pravda*, 1970, 22 Sept., no. 150 (7729). (In Russ.)
- Polianskii M. I. *Illiustrirovannyi istoricheskoi-statisticheskii ocherk goroda Staroi Russy i Starorusskogo uезда* [The illustrated historical and statistical sketch on the town of Staraya Russa and old Russian county], comp. M. I. Polianskii. Novgorod, 1885. 4 p. (In Russ.)
- Reinus L. M. *Dostoevskii v Staroi Russe* [Dostoevsky in Staraya Russa]. Leningrad, 1969. 471 p. (In Russ.)
- Reinus L. M. О прототипе Грушен’ки из “Брат’ев Кaramazovykh” [About the prototype of Grushenka from “The Brothers Karamazov”]. *Russkaia literatura*, 1967, no. 4, pp. 143–146. (In Russ.)
- Reinus L. M. *Tri adresa F. M. Dostoevskogo* [Three addresses of F. M. Dostoevsky]. Leningrad, 1985. 80 p. (In Russ.)

С. В. БЕРЕЗКИНА *

ORCID ID: 0000-0003-1845-6834

**«...НЕ ПОРУЧУСЬ, ЧТО, ОКАЗАВШИСЬ У НЕМЦЕВ,
ЭТИ ЛЮДИ НЕ ПРОДАЛИСЬ БЫ ЗА ЧЕЧЕВИЧНУЮ
ПОХЛЕБКУ...» ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ДНЕВНИКЕ Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА**

Аннотация: Статья освещает сложный этап в биографии академика Г. М. Фридлендера периода Великой Отечественной войны на основе его воспоминаний 1995 г. и дневника 1944–1945 гг. В центре сохранившегося отрывка воспоминаний находится момент отправки в Коми АССР и прибытия новой партии в трудовой лагерь для граждан немецкой национальности в августе 1942 г. Дневник 1944–1945 гг. содержит размышления автора о пережитом им в лагере и людях, с которыми он там встретился. Дневник военных лет и позднейшие воспоминания Г. М. Фридлендера представляют собой ценный документальный комплекс о жизни СССР того времени.

Ключевые слова: биография академика Г. М. Фридлендера, судьба граждан немецкой национальности в СССР периода Великой Отечественной войны, национальная политика СССР 1930–1940-х гг.

S. V. BEREZKINA

“I CAN’T GUARANTEE THAT IF THESE PEOPLE WERE AT THE
GERMANS, THEY WOULD NOT HAVE SOLD THEMSELVES
OUT FOR A FEW OF LENTIL SOUP...” THE LABOR CAMP
IN THE MEMOIRS AND DIARY OF G. M. FRIEDLANDER

Annotation: The article highlights a difficult stage in the biography of Academician G. M. Friedlander during the Great Patriotic War on the basis of his memoirs of 1995 and diary of 1944–1945. In the center of the preserved fragment of memories is the moment of sending to the Komi ASSR and the arrival of a new party in a labor camp for citizens of German nationality in August 1942. The diary of 1944–1945 contains the author’s reflections on his experiences in the camp and the people he met there. The diary of the war years and the later memoirs of G. M. Friedlander are a valuable documentary complex about the life of the USSR at that time.

---

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН; Svetlana Veniaminovna Berezkina, Dr. in Philology, Leading Researcher of the IRLI RAS. berezkina@mail.ru

Key words: biography of Academician G. M. Friedlander, the fate of citizens of German nationality in the USSR during the Great Patriotic War, the national policy of the USSR of the 1930s–1940s.

Архив выдающегося ученого, многолетнего сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995) поступил в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 929) в 2014 г. Мировую известность Г. М. Фридендеру принесла деятельность на посту руководителя академического издания сочинений и писем Ф. М. Достоевского, вышедшего в тридцати томах в 1972–1990 гг. и получившего высокую оценку научного сообщества. Ценнейшая часть его архива — это бумаги военных лет. В 1940–1942 гг. Фридендер жил в Архангельске, где преподавал в пединституте (в должности и. о. доцента), а затем, с начала августа 1942 г., в поселке Жешарт Усть-Вымского района Коми АССР — в трудовом лагере для советских граждан немецкой национальности, наконец, в 1944–1945 гг. на спецпоселении в том же поселке. Архив военного времени включает разного рода документы, характеристики, записные книжки с телефонами и адресами, рукописи научных работ, писавшихся в условиях лагеря и спецпоселения, отрывки из дневников, в полном виде уничтоженных, по-видимому, самим Фридендером, а главное, письма в Жешарт, шедшие к нему со всех концов страны, с различных фронтов, из глубокого тыла и эвакуации. Сохранилось более пятисот полученных им в Жешарте писем — и всю эту пачку будущий академик, знавший цену рукописному слову, которое несет на себе отпечаток важнейших исторических событий, вывез с собой из Коми АССР в 1945 г.! Среди этих писем около двухсот было написано матерью в блокадном Ленинграде. А она, А. М. Фридендер, в свою очередь, сохранила его письма к ней из лагеря (около ста), что в итоге дало исключительную по насыщенности ценными историко-биографическими материалами переписку между Жешартом и Ленинградом.

Посвятив военным материалам Фридендера ряд публикаций¹, мы хотели бы в настоящей статье обратиться к той части архива, которая была оставлена нами в тени. Во-первых, это воспоминания Фридендера, а во-вторых, дневники военных лет. Воспоминания писались

---

¹ *Березкина С. В., Лагурев А. С.* «Трудармеец Фридендер, Г. М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505 (далее: Березкина, 2019а); *Березкина С. В.* «Ты бесконечно дорог мне...» (Из писем Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской к Г. М. Фридендеру, 1941–1946) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 358–371 (далее: Березкина, 2019б); *Березкина С. В.* О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридендера и письмах к нему в Коми АССР (1942–1945 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 479–556 (далее: Березкина, 2020); *Березкина С. В.* «Проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах...» (Г. М. Фридендер в лагере и на поселении, 1942–1945) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 392–410 (далее: Березкина, 2021).

им, как об этом говорится в предисловии, в 1995 г. (в декабре того же года он скончался от ожогов, полученных в результате трагического бытового происшествия). Сохранилось несколько глав воспоминаний Фридендера, к сожалению, все в отрывках, поскольку ни одна из них не была им дописана. Глава, посвященная истории его семьи, имеет самый большой объем и две редакции, но и она не была завершена (см.: Березкина, 2021, где рассказ Фридендера о своей семье был использован нами с максимально возможной полнотой, устранявшей пропуски в нашей предыдущей статье: Березкина, 2019а). В статье, посвященной соученице Фридендера по Ленинградскому университету, которой он в 1945 г., еще будучи на спецпоселении, предлагал в письме руку и сердце, была опубликована глава «Ляля Ильинская», передающая яркие картины студенческой жизни середины 1930-х гг. (Березкина, 2020, с. 493–501).

Ниже помещаются те из написанных Фридендером отрывочных воспоминаний, которые связаны с началом войны и лагерем в Жешарте. Историков, пишущих о трудовых лагерях периода Великой Отечественной войны, несомненно, заинтересует описание метаний героя в канун отправки в лагерь, когда он пытался уйти от неминуемой для советского немца судьбы, а затем сама отправка из Архангельска, путь на пароходе по Северной Двине до Котласа и затем по железной дороге в Жешарт, вместе с другими мобилизованными в трудовую армию гражданами. К сожалению, история пребывания Фридендера в лагере обрывается после встречи трудармейцев в Жешарте 4 августа 1942 г. и краткого описания лагеря, в котором ему предстояло провести полтора года до выхода на спецпоселение в начале 1944 г.

Вслед за воспоминаниями помещаются отрывки из дневников Фридендера за 24 октября 1944 — 17 мая 1945 г. Живя в Жешарте как спецпоселенец, Фридендер продолжал работать в конторе лесобиржи учетчиком (эту лагерную должность — позднее она именовалась «плановик» — он занял в сентябре 1942 г.). В дневнике он анализирует то, что принес в его жизнь лагерь, вспоминая людей, с которыми его свела судьба, но при этом обходя молчанием представителей начальства и охраны (конечно же, из-за реальных опасений, которые оставило в нем пребывание за колючей проволокой). Фридендер видит в лагере для советских граждан немецкой национальности, среди трудармейцев, лишь несколько «русских людей» («Гефт, Тиссен, Лоде, может быть, Троп»), утверждая, что остальные при подвернувшемся случае продались бы немцам «за чечевичную похлебку». Это заключение Фридендера отражало понимание тех опасений руководства СССР, которые предопределили отношение к «пятой колонне» из этнических немцев, во-первых, в действующей армии (чтобы оставить в ней немца по паспорту, требовалось разрешение командующего фронтом!), а затем и в ближайшем тылу. Именно с этой целью перемещались в глубокий тыл для работы в трудовых лагерях советские граждане,

национальность которых совпадала с титульной в воюющих на стороне Гитлера странах.

В 1995 г., когда Фридлиндер писал свои воспоминания, у него уже не было и тени желания оправдать те исторические процессы. Напротив, мемуарист возмущен преступлением сталинского режима, распорядившегося судьбами людей, которые, как он пишет в своих воспоминаниях, горели желанием защищать родину на фронтах Великой Отечественной войны. Можно в этом усмотреть веяния нового, постперестроечного времени, но есть здесь и глубоко личное для Фридлиндера переживание. В декабре 1937 г. был арестован его двадцатисемилетний брат Андрей, инициативный радиоинженер-изобретатель, работавший на ленинградском заводе «Светлана», и в январе 1938 г. расстрелян как «немецкий шпион» (см.: Березкина, 2019а, с. 446–447). Имя Андрея постоянно встречается в переписке военных лет Фридлиндера с матерью, поскольку они надеялись на его возвращение. Последний раз А. М. Фридлиндер обращалась в НКВД с просьбой о пересмотре дела Андрея в 1945 г., когда было получено разрешение, со второй попытки, на изменение записи в пятой графе паспорта ее младшего сына, Г. М. Фридлиндера: «еврей» — взамен записи «немец» (см. об этом: Березкина, 2020, с. 555; Березкина, 2021). Впоследствии семья узнала о судьбе Андрея, и он был реабилитирован в 1958 г. В 1991 г. академику Фридлиндеру, по его заявлению, было показано в КГБ дело брата, и он своими глазами увидел «признание» Андрея в том, что он является «немецким шпионом»...

Воспоминания и дневниковые записи печатаются по автографам без конкретизации шифра хранения, поскольку фонд Г. М. Фридлиндера (РО ИРЛИ, ф. 929) находится в стадии обработки. Публикация нацелена на воспроизведение обстоятельств жизни Фридлиндера в Коми АССР. С этим связан ряд купюр в дневниковых записях, посвященных мелким бытовым подробностям, а также личным отношениям автора дневника с теми из трудармейцев, которые оказались с ним в одном жешартском доме после выхода из лагерной казармы. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением ряда индивидуальных написаний.

Из воспоминаний Г. М. Фридлиндера (1995)

<Начало войны>

22 июня 1941 года с утра я расположился работать, но около половины двенадцатого кто-то из моих архангельских коллег (по-видимому, Таня Луценко²) постучал ко мне, чтобы сказать, что по ра-

---

² Татьяна Михайловна Луценко (1918–2005), канд. филол. наук (1955), преподаватель зарубежной литературы в Архангельском педагогическом институте в 1940–1942 гг.

дио ожидается срочное сообщение. Мы спустились в нижний этаж, в комнату математиков Гольшевых, и там в 12 часов услышали выступление Молотова о начале войны³. Сразу же после этого я поехал на телефон и дал матери в Ленинград телеграмму, чтобы она немедленно возвращалась на работу в Библиотеку Академии наук, так как ни о каком переезде в Москву нам нечего и думать⁴. После этого я написал заявление, которое отправил в Ленинград, в Василеостровский райвоенкомат с просьбой зачислить меня добровольцем в ряды одной из армейских частей, предназначенных для защиты Ленинграда от гитлеровцев.

По дороге домой я из трамвая увидел, что возле всех магазинов выросли страшные очереди. Однако в очередь я не встал, а на следующий день, когда я зашел в один из магазинов, оказалось, что там нет ничего, кроме пакетов сухого овсяного кофе. Я попытался купить несколько таких пакетов и, не заваривая кофе, есть его чайной ложкой, но — увы! — он оказался несъедобным.

Очевидно, вскоре нам выдали карточки (хотя я твердо этого не помню). В то же время нас перевели обедать из облизполкомовской столовой (где были сносные обеды) в другую, обыкновенную, расположенную ближе к институту. Обеды в ней выдавались нам по талонам, но еды было мало, и я постоянно чувствовал голод, хотя и не падал духом.

Преподавателей-мужчин (в том числе и меня) зачислили в дружину, и мы стали ежедневно вечером заниматься военной подготовкой

---

³ Выступление наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. с сообщением о нападении Германии на Советский Союз и начале войны.

⁴ Речь идет о матери Г. М. Фридендера Анжель (Анжелике) Морисовне Фридендер (1886–1956). Она была дочерью М. Гессе (ум. 1905), купца 2-й гильдии, владельца «Лионского магазина» в Петербурге (напротив Казанского собора) и поставщика императорского двора, закончила женскую гимназию Л. С. Таганцевой и три курса Высших историко-литературных и юридических женских курсов. Обучение было прервано в 1910 г. замужеством (в тот же год приняла русское подданство), в браке имела двоих детей. После революции работала машинисткой, в 1934–1948 гг. — в Библиотеке АН СССР библиотечарем (с использованием знания ею трех языков). Михаил-Александр Вильгельмович (с 1917 г. Васильевич) Фридендер (1879–1942), отец Георгия Михайловича, происходил из семьи банковского служащего и сотрудника газеты *St. Petersburgische Zeitung*, где вел биржевой отдел. М. В. Фридендер в 1904 г. закончил Электротехнический институт и принял русское подданство, до революции имел блестящую карьеру инженера-электротехника (см.: Березкина, 2019а, с. 445–446). В конце 1920-х гг. у него началось расстройство психики (речь шла о неизлечимой психической болезни), что значительно осложнило жизнь семьи; умер от истощения в Ленинграде в январе 1942 г. В воспоминаниях Г. М. Фридендер упоминает о том моменте, когда семья решила перебраться в Москву. В мае 1941 г. его мать уволилась из БАН. В Москву они намеревались переехать по приглашению философа-марксиста и теоретика искусства Михаила Александровича Лифшица (1905–1983), который высоко ценил Г. М. Фридендера и предлагал ему перспективную должность в одном из московских издательств (см.: Березкина, 2019а, с. 444; Березкина, 2020, с. 483–484).

с нашим (довольно симпатичным) физкультурником Петровым⁵. Кроме того, мы дежурили по ночам возле нашего общежития, где были насыпаны кучи песку и расставлены лопаты на случай воздушного налета. Однако воздушных налетов ни осенью, ни зимой в Архангельске не было. Так что о ходе военных событий я узнавал только по радио, из газет и из маминых (ленинградских) писем, а также из других писем из Москвы и с фронта.

С самого начала моего преподавания в Архангельске у меня сложились очень плохие отношения с завкафедрой литературы Марией Николаевной Германовой⁶ (женой автора известной книги о внутренней политике Павла I, сосланного в Архангельск М. В. Клочкова⁷, к которому я относился с большим уважением).

<Отправка и прибытие в Севжелдорлаг>

Груздев⁸ сразу же принял меня, и я почувствовал, что он искренне огорчен происшедшим. Он объяснил мне, что утром ему позвонили

---

⁵ 24 июня 1941 г. Фридлиндер отправил матери письмо с распоряжениями, касающимися его документов и рукописей, ввиду своей близкой мобилизации. Однако действительность оказалась более сложной, поскольку призыв граждан немецкой национальности в РККА был остановлен сразу же после начала войны. «В армию меня пока не берут», — читаем в письме от 10 июля 1941 г. Фридлиндер записался в народное ополчение и с осени три раза в неделю посещал учебные занятия при военкомате. Затем он вновь «проходил призыв», но был «оставлен до особого распоряжения» (письмо к А. М. Фридлиндер от 16 ноября 1941 г.).

⁶ Мария Николаевна Германова (1899–?), канд. филол. наук (1937).

⁷ Михаил Васильевич Клочков (1877–1952), историк, профессор, д-р ист. наук. Фридлиндер отдает дань уважения его работам о царствовании Павла I (см., например, «Очерки правительственной деятельности Павла I», 1916). Мемуарист упоминает ссылку Клочкова, но она была связана не с Архангельском, а с Казахстаном, где он провел 1934–1937 гг. В Архангельском пединституте Клочков работал с 1938 г., в 1940–1944 гг. зав. кафедрой истории СССР.

⁸ События, с которых начинается новая глава в воспоминаниях, относятся к июлю 1942 г., когда Фридлиндер уже не работал в пединституте. 11 февраля 1942 г. он сообщил матери: «Это письмо пишет Тебе <...> библиотекарь штаба 128-го строительного батальона... <...> Сначала я, вместе со всеми, был направлен в лагерь, где все мои товарищи в настоящий момент, вероятно, уже работают лопатой или топором. Но уже на второй день (это был день моего рождения — 9-го февраля, и он не мог не быть для меня счастливым!) я, благодаря своему образованию и научной деятельности, которая вызывает здесь священный трепет, был вызван в распоряжение штаба. <...> Обязанности мои: библиотека, лекции для бойцов и комсостава, организация выставок, проведение политзанятий в хозяйственном звезде, куда я вхожу». Это писалось матери в утешение, в письме же от 31 марта 1942 г. к Лифшицу, ушедшему на фронт в самом начале войны, прошедшему через разгром на Днестре Пинской военной флотилии (сентябрь 1941 г.), окружение, плен, побег, а теперь служившему в Главполитуправлении ВМФ, Фридлиндер высказался с предельной резкостью: «...я никак не думал, что окажусь в таких нелепых, тыловых условиях». Строительный батальон находился в ближайшем пригороде Архангельска Бакарице, где в то время шло строительство порта, способное принять по ленд-лизу большие океанские суда. 24 февраля 1942 г. Фридлиндер принял присягу и тут же отправил матери удостоверение о том, что служит в РККА (сохранилось в архиве). Через

из обкома и сообщили, что прошение мое удовлетворено и чтобы он дал знать, чтобы я скорее выехал в Архангельск, так как на днях всех, представленных обкомом, соберут, а затем срочно отправят в Вологду, на переподготовку⁹, но затем, через два часа, позвонили снова и сказали, что от моей кандидатуры обком отказался. Он добавил, что не хотел мне говорить об этом раньше, но что он давно оценил мои знания и способности и направил в Москву в Военно-строительное управление письмо, в котором писал, что среди трудармейцев архангельского стройбата есть замечательный работник, который по своему дарованию должен был бы работать в Москве, где он, в тяжелых условиях войны, был бы чрезвычайно полезен и что он настойчиво рекомендует вызвать меня в Москву для знакомства и последующего перевода в Центральное управление, но письмо его осталось без ответа. Утренний звонок его очень воодушевил, но после отказа обкома понял, что ничего нового предпринять для меня уже не сможет. Выйдя от него нравственно убитым, я отправился в институт, надеясь узнать там что-нибудь более конкретное. Но Руднев¹⁰ ничего не знал, а от противной ханжи-секретарши партбюро я смог после долгих расспросов вытянуть лишь одно — что в моей характеристике она умудрилась написать, что я (будучи призванным!) не бывал до конца занятий по ПВО¹¹ в порученных мне домах. Время было еще рабочее, и вдруг совершенно безотчетно в моем сознании ясно вспыхнули цифры номера телефона того третьего секретаря

два месяца он сообщил ей о переводе части строительного батальона в действующую армию (при этом умолчал, что остававшиеся в Бакарице военнослужащие представляли национальности, которые не подлежали призыву): «При ликвидации колонны мы заново прошли через комиссию, причем меня по ст. 11 (общее слабое физическое развитие) признали негодным к несению строевой службы <...> Начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроя сказал мне, что в ближайшем будущем он возьмет меня к себе, в округ, на лекторскую работу (по-видимому, это тот Груздев, о котором Фридендер пишет в своих воспоминаниях. — С. Б.)». Это вдохнуло в него новую надежду, и он принялся «штурмовать начальство рапортами и заявлениями», о чем сообщил М. А. Лифшицу в письме от 31 марта 1942 г. (перевод в действующую армию назывался в них наиболее желательным), причем в одном из своих рапортов Фридендер «довольно обстоятельно попытался разъяснить как национальные моменты, так и вопрос об Андриуше». См.: Березкина, 2019, с. 447–449.

⁹ Весной — в начале лета 1942 г. Фридендер, судя по его письмам, пытался получить назначение то «в качестве штатного лектора при политотделе <...> Главвоенстроя», то по «заявке из политуправления <Карельского> фронта» редактором одной из газет, то на «прежнюю службу в пединститут» — на ту же кафедру или же другую, для преподавания политэкономии после переподготовки на курсах в Вологде. Все его планы, однако, рухнули «из-за дикого и нелепого упорства» непосредственного начальника и — «различных приводящих причин». И. М. Дьяконов, дважды отправлявший вызов для него в Архангельский военный округ в связи с работой в газете Карельского фронта, довольно скоро осознал, что Г. М. Фридендер не будет принят на службу в политотдел фронта, поскольку он, во-первых, не был «даже кандидатом» в члены ВКП(б), а во-вторых, согласно анкете, имел брата, осужденного по 58-й статье. См.: Березкина, 2019, с. 449.

¹⁰ По-видимому, речь идет о члене партбюро Архангельского пединститута.

¹¹ Противовоздушная оборона.

архангельского обкома партии, у которого я был на приеме (на номер этого телефона я случайно взглянул во время нашего разговора). Я сейчас же бросился к ближайшему телефону-автомату и позвонил по этому номеру. Неожиданно у телефона оказалась не его секретарша, а он сам. Я назвал ему свою фамилию, но он прервал меня и сказал: «Оставьте там, где вы были». И сейчас же положил трубку. Сдержав свое отчаяние, я вернулся в Бакарицу и доложил Кузьменкову о результатах своей поездки¹². Как я понял, он тоже был огорчен за меня, но ничего мне не сказал, хотя, вероятно, знал, что меня ждет.

Через несколько дней всех нас, оставшихся немцев-трудармейцев, снова отвезли в военкомат¹³ (другой, чем тот, в котором я проходил мобилизацию, на другом конце города). Здесь у нас отобрали наши военные билеты¹⁴ и под руководством трех офицеров (одного, одетого в штатское, и двух в военной форме, но без погон и знаков отличия) отправили на пристань. Посадили нас всех гуртом на обыкновенный пассажирский пароход, отправлявшийся из Архангельска в Котлас, на Северной Двине. Мне уже раньше — при поездках к студентам-заочникам в Берёзов и Холмогоры — приходилось плавать на таком пароходе, и я знал, как только он отойдет от пристани, на верхней палубе откроется окно кассы, где будут продаваться нераспроданные билеты в первый и второй класс. Уговорив трех трудармейцев-«интеллигентов» — врача Н. А. Фризену, ветеринара Колю Мертенса¹⁵ и еще кого-то (кажется, нашего фельдшера) — подобраться к этому заветному окну, я купил для всех нас билеты в восьми- или десятиместную (?) каюту второго класса, в то время как остальные трудармейцы были направлены в трюм, где находился третий класс. Благодаря этому мы могли совершить свое путешествие с комфортом и любовались в окно на Северную Двину

¹² Имеется в виду воинская строительная часть в Бакарице, где служил в это время Фридендер.

¹³ Социальный статус мобилизованных на трудовой фронт, числившихся вольнонаемными, был выше, чем у заключенных и спецпереселенцев. Трудмобилизованные граждане должны были явиться при отправке их военкоматами на место работы в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельных принадлежностей, продовольствия и проч. Дальнейшее же их обустройство, снабжение, вещевое довольствие передавалось НКВД. О «трудоустройстве» см.: *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник №2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95; *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. П.* История немцев в России: хрестоматия. М., 2005. С. 243–312 (гл. «Советские немцы в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955)»).

¹⁴ У трудармейцев сохранялись партбилеты и комсомольские билеты, поэтому в лагерях они продолжали участвовать в работе первичных ячеек и вносить членские взносы из заработанных ими денег, что было свидетельством отличия их статуса от зеков. Трудармейцы не были осужденными по статье Уголовного кодекса, т. е. формально не были репрессированными, что является основой для отказа в выдаче их дел в современных архивах.

¹⁵ Врач Н. А. Фризен, ветеринар Н. Мертенс — лица неустановленные.

с ее чудесными, живописными берегами. Но этого мало. В то же самое купе второго класса сели и наши провожатые. Воспользовавшись этим, я пытался заговорить с ними и узнать, куда нас везут. Но они не говорили мне и вообще все время нашего путешествия хранили перед нами молчание, беседуя между собой лишь на палубе. Тем не менее ответ на свои вопросы мне удалось получить: однажды, когда они вышли из каюты, я увидел на столе напечатанную на машинке бумагу, адресованную начальнику 17-й рабочей колонны Севжелдорлага¹⁶, в которой ему предписывалось принять нас в число трудармейцев колонны.

Так я узнал о ждущей нас судьбе. Итак, мы не только не заподозрены в какой-то вине, и нам даже не пытаются наклепать ее искусственно. Нас везут в лагерь просто потому, что в пятой графе нашего паспорта стоит отметка «немец» (или «финн», или «болгарин»). Эту отметку поставила каждому из нас при выдаче паспорта в 30-х годах милиция — и она не подлежит изменению¹⁷ (к этому вопросу я еще вернусь). Милиция же, делая эту отметку, не спрашивала нас о том, к какой национальности мы себя причисляем, а механически переносила эту отметку из проведенной перед выдачей паспортов переписи населения! Между тем, если мой отец формально мог считаться «немцем» (сам он родился в России и прожил в ней всю жизнь, но отец его приехал в Россию в XIX веке из Пруссии и перешел в русское подданство из германского¹⁸), то мать моя была по происхождению француженкой — и, сле-

---

¹⁶ Колонна представляла собой отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага — исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу. Жешартская колонна занималась заготовкой шпал и дров для паровозов и строительством завода авиационной фанеры. Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудоу лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381; *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми-Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 67–69. 8 августа 1942 г. Фридендер сообщил матери в первом же своем письме из лагеря: «Адрес — Коми АССР, Усть-Вымский район, село Жешарт <...>. Это между Котласом и Сыктывкаром на реке Вычегде» (Березкина, 2019а, с. 458). Ниже Фридендер подробно повествует в своих воспоминаниях об истории Севжелдорлага.

¹⁷ Имеется в виду выдача первых советских паспортов в 1933 г. с записью в них национальности, определявшейся по инструкциям НКВД. Основным документом для родившихся до революции граждан были метрики, выдававшиеся в различных консисториях; к сведению принимались и другие обстоятельства — характер фамилии, имени, отчества, а также уточнения, получавшиеся в ходе опросов. Национальность детей определялась по отцу или матери.

¹⁸ Об отце Георгия Михайловича см. примеч. 4. Его дед со стороны отца Вильгельм (Вольф, Василий) Андреевич Фридендер (род. 1849) приехал в Петербург в 1870-х гг. В архиве Г. М. Фридендера сохранились документы, подтверждающие, что до своего присоединения к христианской (реформатской) церкви он был иудеем: свидетельство об окончании Варшавского специального уездного училища в 1867 г. с указанием на «моисеево вероисповедание», вид на жительство Эмилии Бергсон, бабки Г. М. Фридендера, с той же отметкой 1870 г. (выдан в Варшаве), а также их брачное свидетельство — кетуба 1870 г. (подлинник и заверенная нотариусом копия (перевод) 1950 г.).

довательно, в моем паспорте с тем же основанием могло быть написано «француз», хотя и она родилась и выросла в России¹⁹. К тому же дед мой по отцу был фактически евреем, перешедшим в лютеранство²⁰, — и, следовательно, по законам гитлеровской Германии ни я, ни мой отец, не могли быть признаны немцами!

О своем открытии я рассказал Фризену и Мертенсу, которые приуныли так же, как и я. Больше никому я о нем решил пока не говорить — тем более что все остальные ехавшие с нами трудармейцы были мне неизвестны, нас присоединили к группе из 200–300 человек, которые были нам совершенно неизвестны и собраны были вместе из различных военно-строительных (и других аналогичных) организаций.

В Котласе нас высадили на берег и построили в колонну, по 5–6 человек в ряд. После этого мы двинулись направо вдоль берега, затем нас остановили и повернули в противоположную сторону. После этого через некоторое время нас остановили и оставили стоять на месте. Это стояние продолжалось часа три.

Оглянувшись по сторонам и взглянув на название улицы, я с удивлением обнаружил, что название ее мне знакомо. Это была та самая

В 1943 г. Г. М. Фридендер обратился к матери с просьбой найти эти документы, когда предпринял попытку изменить запись о национальности в своем паспорте, подав заявление в военную прокуратуру. А. М. Фридендер была против этой инициативы сына, поскольку понимала, что, став евреем, он попадет на фронт. На запрос инспектора милиции в августе 1943 г. она ответила, что является француженкой, а муж ее немцем, удержав тем самым сына в лагере. Запрашиваемые им документы она «нашла» лишь в конце войны. 8 сентября 1943 г. ее любимая подруга З. Б. Подкопаева, урожд. баронесса Кусова, писала Фридендеру по поводу этих поисков: «Для меня просто удивительно, что вопрос о Вашей национальности может вызывать какие-либо сомнения, — достаточно взглянуть на фотографии Вашей тети (Цецилии (по паспорту Ирины Борисовны) Лунц, сестры матери. — С. Б.), бабушки, Вашего отца, чтобы, не задумываясь, сказать, что они евреи. Да и всем известно, что фамилии Фридендер и Гессе чисто еврейские» (Березкина, 2019а, с. 475).

¹⁹ Отец А. М. Фридендер (см. примеч. 4), живя в Петербурге, оставался гражданином Французской Республики до самой смерти. Именно поэтому ее метрики (свидетельство о крещении в лютеранской церкви) были выданы во французском посольстве; это был красивый объемный документ, написанный на французском языке (сохранился в семейном архиве). На его основании Анжель Морисовна получила в своем паспорте запись «француженка».

²⁰ Родители Г. М. Фридендера венчались в 1910 г. в реформатской церкви на Большой Морской улице в Петербурге. В документах его отца указывалось, что он был «немецкого реформатского вероисповедания». Оба сына были крещены в лютеранской церкви, о посещении которой Г. М. Фридендер писал в своих воспоминаниях, связывая их с Екатерининской кирхой на Васильевском острове в Петербурге. До середины 1920-х гг. дети поздравляли родителей с Рождеством и Пасхой Христовой (эти рукописные поздравления сохранились в семейном архиве). Анжель Морисовна была глубоко верующим человеком и во время войны ходила молиться в Князь-Владимирский собор. Интересный контраст являет переписка А. М. Фридендер с сыном: в ее письмах, в том числе в открытых, слово «Бог» всегда с прописной буквы, в его ответах — со строчной.

улица, где жили Ефим Абрамович и Полина Лазаревна Старéц²¹, которых я в 1941 году приютил у себя в Архангельске и которые в начале 1942 года переехали в Котлас, куда Ефим Абрамович был переведен на службу. Более того, оказалось, что мы стоим на расстоянии 10–12 домов от того дома, где они жили и куда я несколько раз писал им после их отъезда. Выйдя из колонны, я прошел шагов 200 вперед — и очутился около их дома, причем в окне я мог ясно разглядеть знакомые мне немногие предметы из домашнего обихода, украшавшие недавно наше общее архангельское обиталище. Так как Старéцы были оба на службе, я оставил у них в дверях записку, в которой написал, что проходил около их дома и что меня везут в Севжелдорлаг, на 17-ю колонну, в село Жéшарт Коми АССР, как было написано в прочитанной мною сопроводилровке²².

После долгого стояния мы, ничего не евшие весь этот день, двинулись дальше и, наконец, оказались около какой-то территории, охраняемой вохровцами²³. Налево здесь стоял вагон, куда мы должны были зайти, раздеться и сдать свои вещи для дезинфекции, а направо находилась ветка железной дороги, где были приготовлены для нас паровоз и два или три товарных вагона, в которых нам предстояло отправиться в дальнейший путь.

Здесь наступил момент, которого я, вероятно, никогда в жизни не забуду. Для того чтобы подойти к поезду или вошебойке, нужно было свернуть с дороги и перейти за оцепление, как бы вполне добровольно, в полном молчании, без каких-либо специальных приказаний или окриков, каждый из нас должен был променять свободу на лагерную «зону». Между ними лежала незримая черта, отмеченная стоявшими вдоль нее вооруженными охранниками и собаками. У меня замерло сердце — но другого пути не было. Задержавшись у края зоны, я последним, помедлив столько минут, сколько было возможно, чтобы не привлечь к себе внимания охраны, наконец, переступил эту черту, болезненно сознавая, что из свободного человека я отныне становлюсь, может быть, на всю оставшуюся жизнь бесправным, законвоируемым «зэком».

---

²¹ Е. А. и П. Л. Старéцы были соседями Фридендеров по дому на 2-й линии Васильевского острова в Ленинграде (Фридендеры, кстати, прожили там сто лет — с 1915 г.; последней эту квартиру покинула вдова Г. М. Фридендера Н. Н. Петрунина (1932–2018), переселившись в 2014 г. в пансионат). Старéцы, эвакуированные из Ленинграда в декабре 1941 г., приютились на некоторое время в Архангельске у Г. М. Фридендера. От них он узнал правду о блокаде и очень переживал за мать, которая из-за большого мужа осталась в Ленинграде. Чета Старéцов стала для Фридендера своего рода образцом деловой хватки, поскольку они сумели вывезти из блокады огромную сумму денег (15 тыс. руб.).

²² 2 ноября 1942 г. Фридендер написал матери о П. Л. Старéц: она «была так добра ко мне, что организовала (не без труда) пересылку ко мне моего одеяла и теплых вещей, так что на зиму я обеспечен всем необходимым. От одеяла на меня так и пахло запахом родного дома, детства, когда я ложусь спать — я засыпаю с тысячью воспоминаний о Тебе и нашей домашней жизни» (Березкина, 2019а, с. 463–464).

²³ Вохровцы, ВОХР — военизированная охрана мест заключения.

Тяготившее меня чувство потери свободы, перехода из «царства свободы» в «царство необходимости»²⁴ охватило меня с такой силой, что под влиянием бессильного желания выразить свой протест и неприятие происходящего я не пошел — вслед за своими товарищами — в баню, а сразу же остановился у одного из вагонов, а затем залез в него. Вскоре обряд бани был закончен, и вагоны заполнились моими товарищами. Постояв недолго, поезд тронулся. Довольно долго мы ехали лесом, за закрытыми дверями, сбившись в кучу, в полутемном вагоне. У меня был с собой небольшой мешочек с остатками той самой крупы, которую я пытался послать своим родителям в Ленинград и которая волею почты вернулась ко мне обратно. У кого-то из нас нашелся котелок и, разведя в углу вагона огонь, мы сварили из нее кашу, которую по-братски разделили между собой. Вдруг лес кончился. В небольшом отверстии, проделанном в двери вагона, промелькнули дома, за ними река, на которой вдали заходило солнце. Проехав еще с километр (или немногим больше), наш состав остановился. Вагоны открыли, и мы, щурясь от лучей заходящего солнца, вылезли наружу. Вокруг нас было оцепленное со всех сторон пространство, внутри которого находилось другое, меньшее по своему размеру пространство, которое образовывало по форме параллелограмм, окруженный деревянным забором с ключей проволокой. На каждом углу его стояли вышки с дежурившими на них часовыми. Недалеко от его ворот железная дорога заканчивалась тупиком, а перед самыми этими воротами стоял стол, за которым сидели двое — мужчина и женщина. Перед ними лежали бумага и перья.

Мужчина, одетый в лагерную рубаху цвета «хаки», привстал и любезно приветствовал нас. Попросив прибывших подходить к нему по одному, быстро и уверенно он записывал наши имена, образование и род занятий. Стараясь быть максимально любезным и вместе с тем давая нам всем своим поведением понять, что от сидящей рядом с ним немолодой, тучной и на редкость безобразной женщины его отделяет изрядная иерархическая дистанция, он назвал нам свое имя: «Давид Фридман»²⁵ — и подчеркнул, что он такой же трудармеец, как и мы, наш будущий товарищ. Женщина же сидела рядом с ним, молчаливо наблюдая за его работой, а когда он кончил писать, презрительно и высокомерно взглянув на нас, произнесла, с сильным местечковым еврейским акцентом, что отныне мы интернированные по приказу военного времени немцы (и немногочисленные представители других национальностей тех государств, которые борются против Советского Союза) и что на этом положении мы будем находиться до окончания войны. Позднее, как увидит далее читатель, мне еще не раз пришлось

---

²⁴ Фридендер иронично использует известное изречение Ф. Энгельса о «скачке человечества из царства необходимости в царство свободы» («Анти-Дюринг», 1878; отд. 3, гл. 2).

²⁵ Лицо неустановленное.

встретиться с этой женщиной, которая, возможно, почувствовав инстинктивное отвращение, которое она мне сразу же внушила своим безобразием и высокомерно-презрительной интонацией своей речи, стала моим заклятым врагом и позднее всячески старалась отяготить мою лагерную судьбу. Как я узнал вскоре, это была жена начальника урдомского подразделения Севжелдорлага полковника НКВД Уралова, занимавшая в Урдоме пост начальника финансово-экономического отдела этого подразделения (которому мы были подчинены)²⁶.

Прежде чем перейти к изложению последующих событий этого дня, я вынужден сделать небольшое отступление, необходимое для понимания дальнейшего моего рассказа. Когда был образован Севжелдорлаг, я точно не знаю²⁷. Но очевидно, что это произошло в середине или конце тридцатых годов — после того, как было закончено строительство Беломорско-Балтийского канала, а на севере Печоры — в районах Воркуты и Ухты — геологами были разведаны запасы угля и нефти. Параллельно со строительством угольных шахт в районе Воркуты и нефтяных вышек под Ухтой²⁸ тогда было начато планирование, а затем и строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали²⁹, по которой воркутинский уголь и ухтинская нефть могли бы доставляться в центральные районы России. Для осуществления этого строительства и был создан Севжелдорлаг с центром в поселке Княжпогост³⁰, откуда на север и на юг потянулась линия магистрали. Строили ее заключенные, часть которых была переведена с Беломорканала. В последующие годы число заключенных Севжелдорлага постоянно увеличивалось за счет новых массовых репрессий.

Основная работа по строительству магистрали была завершена к началу войны. Однако для того, чтобы магистраль начала нормально функционировать, нужно было построить мост через Северную Двину, в районе Котласа³¹, который соединил бы ее с существовавшими уже прежде железнодорожными линиями. Строительство этого моста началось сразу же после начала войны, причем заключенных для этого не хватало, и в лагерь начали направлять им в помощь потоки

---

²⁶ Полковник НКВД Уралов и его жена — лица неустановленные.

²⁷ Севжелдорлаг был образован в 1938 и существовал до 1950 г.

²⁸ Фридлиндер называет важнейшие стройки Северо-Запада СССР: судоходный Беломорско-Балтийский канал, соединяющий Белое море с Онежским озером, часть водного пути между Белым и Балтийским морями (1931–1933), шахты Печорского угольного бассейна (с 1934; добыча угля стала развиваться после открытия железной дороги в 1941), разработка Ярегского нефтяного месторождения, в районе Ухты (с 1937).

²⁹ Строительство Северо-Печорской железной дороги (Котлас — Воркута) велось в 1937–1941 гг.

³⁰ Княжпогост, ныне входит в состав пос. Емва (Княжпогостский р-н, Республика Коми).

³¹ Железнодорожный мост на линии Котлас — Воркута через Северную Двину был построен зимой 1941/1942 г., после чего по нему пустили поезда. Одновременно началась реконструкция моста, акт о его приемке был подписан в 1945 г.

мобилизованных трудармейцев, недавно переселенных из Поволжья и других немецких колоний на Алтай и в Казахстан³² — для расширения сельскохозяйственных работ и увеличения их эффективности. Одновременно Государственным комитетом обороны было принято <решение> использовать для строительства моста металлические фермы, которые были изготовлены для укрепления фундамента будущего Дворца советов, который должен был быть, по замыслу Сталина, по проекту архитектора Б. Иофана построен в Москве, на Волхонке, на месте взорванного храма Христа Спасителя³³. Огромная яма, вырытая для установки этих металлических конструкций, была впоследствии превращена в плавательный бассейн «Москва»³⁴, а фермы, которые, вероятно, уже начали устанавливать, вырыли из земли и вместе с другими, еще неустановленными, отправили в Котлас для использования в качестве опор и перил будущего моста.

Немцев-трудармейцев привезли на строительство моста зимой 1941 года и поселили в помещении, оборудованном под овощехранилище. По их рассказам, было там холодно, а кормили очень скудно. Весной многие из них заболели дизентерией. Когда утром бригады вели на работу, многие из трудармейцев теряли сознание, падали, значительная часть их умирала от дистрофии. Но, наконец, мост был закончен, и тогда оставшихся (которых было сравнительно немного — от 100 до 150–200 человек) перевезли в Коми АССР, в село Жешарт, где из них сформировали 17-ю колонну, построив для них бараки и особую зону неподалеку от находящейся уже здесь раньше 16-й колонны, которая была образована из заключенных. Возможно, именно последние построили зону и бараки, где были поселены трудармейцы, а также лагерную комендатуру, помещение, в котором поселились начальник колонны, прорабы (из числа бывших заключенных), здание, где находился оперуполномоченный, и т. д.

В Жешарте на берегу Вычегды (или одного из ее протоков) по проекту, разработанному инженерами ленинградского треста «Ленгидропроект», было подготовлено место для лесобиржи, а в воде заготовлена

---

³² Речь идет о переселении 365 тыс. немцев в Сибирь и Казахстан после ликвидации в августе 1941 г. Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (далее АССРНП). В строительстве Котласского железнодорожного моста, осуществлявшегося заключенными Севжелдорлага и трудармейцами, кроме русских, немцев и поляков, принимали участие финны, карелы, белорусы, украинцы, эстонцы, молдаване, казахи, корейцы.

³³ Имеется в виду грандиозный Дворец Советов в Москве, сооружение которого началось в 1937 г. по проекту Б. М. Иофана (прекращено в 1956 г.). Здание должно было быть возведено на месте взорванного в 1931 г. храма Христа Спасителя. Заготовленные для здания металлические конструкции использовались при строительстве различных сооружений на территории разоренной страны, в том числе Котласского железнодорожного моста, в котором на протяжении 1942–1945 гг. первоначальные деревянные фермы (из лиственницы) заменялись металлическими, доставлявшимися из Москвы.

³⁴ Бассейн «Москва» был устроен на месте храма Христа Спасителя в 1960 г.

древесина, которую надо было выкатывать на берег лебедками и изобретенным одним из эков «гидролотком», складывать в правильные высокие поленицы и разделявать с помощью электропил. Прежде чем выкатывать бревна из воды, надо было разбирать образовавшиеся в период сплава дровяные заломы и завалы.

Часов около 12 нас послали на лесобиржу — очищать ее территорию, собирать раскиданные на ней бревна и складывать их в штабеля. Работа эта была для меня непривычной и довольно трудной³⁵. Тем не менее я старался делать ее тщательно и помню, как я был удивлен, что некоторые, наиболее здоровые и сильные из приехавших со мною трудармейцев смотрели с презрением на тех, кто работал старательно и, посмеиваясь над ними, сами работать не спешили.

Из дневника Г. М. Фридендера (Жешарт, 1944–1945)

24. X. 1944. Опять месяц не писал здесь.

За это время был в Кирове³⁶, вернулся, и вот уже снова глубокая осень, близко зима.

Когда я был в Кирове, стояла золотая осень; в саду библиотеки имени Герцена³⁷ стояли золотые березы, залитые солнцем, желтые и красные клены, иногда от них отрывался лист и медленно падал на землю. Стояли удивительные ясные, бодрые, солнечные дни, с утренним холодком, с иссиня-голубым небом. А на улицах — асфальт, белые, чистые тротуары, гулкие шаги, люди, спешащие по обеим сторонам, цвета, звуки, голоса жизни.

А потом — снова Жешарт, нищета, одиночество, мокрые до блеска дрова, по которым уныло хлещется дождик, холод, сырая, серая мгла,

---

³⁵ 10 августа 1942 г. Фридендер описал матери условия его начавшейся в лагере жизни (при этом надо иметь в виду, что в письмах он всячески старался смягчить свои сообщения, поскольку боялся за ее здоровье): «...здесь очень трудно выкроить время даже для того, чтобы написать два слова. 13 часов из суток проходят на рабочем месте: 12 за работой и 1 час за обедом. Остаются 11, из них 8 на сон, по часу на завтрак и ужин (очередь!), остается максимум при самых благоприятных условиях 1 час или 2 свободного времени, не всегда. Пока я все еще выполняю ту же не трудную, но скучную работу — сигнальщика на лесобирже (махаю флажком и этим даю знать лебедке о времени и направлении движения). Но я договорился с экономистом, которому нужен помощник, что он на днях возьмет меня к себе» (Березкина, 2019а, с. 458).

³⁶ В Кирове находился трест, которому подчинялась база в Жешарте. 15 января 1944 г. Фридендер сообщал матери, надеясь на передачу посылки от нее: «Адрес нашего треста: Киров, ул. Герцена, д. 80, трест “Лузтранслес”, с направлением на Жешартскую лесоперевалочную базу, плановику имярек. Курьер наш обращается между Кировом и Жешартом до 4–6 раз в месяц, бывают и другие оказии» (Березкина, 2019а, с. 482).

³⁷ Имеется в виду библиотека им. А. И. Герцена в Кирове (Вятке), одна из старейших в России. На месте парка, о котором пишет Фридендер, в настоящее время построен филиал Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина.

поздние рассветы и ранняя темнота вечером, неприветливые, глухие сумерки в конторе, лужи; трудармейцы в грязных оборванных ватниках, грубость; лагерная грубость, которая ест глаза, как густой дым, бессердечье, обман, воровство, презрение к себе и к ближнему, ужасная жизнь в атмосфере лжи и грязи.

Когда же, когда все это кончится?! 22-го наши войска вступили в Восточную Пруссию. Почти вся Прибалтика очищена. Заняты Белград, Сегед, Дебрецен, Ясина³⁸. Кольцо вокруг гитлеровской Германии сжимается. Недалека победа, праздник советского народа.

Изменится ли моя темная судьба? Я чувствую с ужасом, что я становлюсь груб, некультурен, мой мозг утратил свою гибкость, мне все ближе становится мысль о материальном, об элементарных потребностях жизни, о хлебе насущном, тепле, одежде, минимальном комфорте — и все труднее сосредоточить свою мысль на больших вопросах искусства, истории, общества. Когда я думаю об «L'annunziata» Боттичелли, или об «Le concerto di musica»³⁹, или о святой Анне — в моей памяти возникают легкие, полустершиеся образы, хочется плакать, быть сентиментальным, разговаривать, но нет той ясности и остроты, художественного чувства, которое было. Холодок все реже пробегает у меня по спине, и, когда я один, я все чаще думаю о хозяйственных мелочах, добывании средств к жизни, мелко сужу других, чувствую себя обыденным и подлым. Когда все это кончится?

Володя, Шура, Яша, святые, дорогие образы моей юности⁴⁰, спасите и поддержите меня, не дайте мне пасть, не дайте этому кошмару задавить во мне все то, что мы вместе любили, что озаряло солнечным светом искусства и коммунизма наши встречи, ночные бдения, горячие

---

³⁸ Речь идет о городах, освобожденных Красной армией в октябре 1944 г. в ходе Дебреценской военной операции на территории Венгрии и Румынии (Сигет (в письме Сегед), Дебрецен, Ясина (в письме Ясина)).

³⁹ «Благовещение» <...> «Музыкальный концерт» (*итал.*). Имеются в виду картины «Благовещение» Боттичелли, «Сельский концерт» («Концерт под открытым небом») и, по-видимому, «Мадонна с младенцем и святой Анной» Джорджоне. 8 мая 1944 г. Фридендер наставлял мать относительно готовившейся ею первой посылки в Жешарт (отправка посылки стала возможна только после снятия блокады, причем на нее нужно было получить разрешение, вес же ее не должен был превышать 10 кг): «Хорошо было бы, если бы в бумагу Ты положила пару репродукций из кожаного альбома в моем столе: Giorgione, Un concerto di musica, Botticelli, L'annunziata и фрески Микель Анджело (без надписей, вложены пачкой)» (Березкина, 2019а, с. 493).

⁴⁰ Фридендер говорит о погибших во время войны друзьях своей студенческой юности, выпускниках ЛГУ: Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (Воля, Володя) (1914–1942), Александр Гаврилович Выгодский (Шура) (1915–1941), Яков Львович (Лейбович) Бабушкин (Яша) (1913–1944), главный редактор литературно-художественного вещания ленинградского радиокомитета в 1941–1943 гг. 3 августа 1943 г. Фридендер писал матери, перечисляя всех своих друзей, мертвых и живых: «...эти тени для меня всегда живы <...> сколько я узнал от них, благодаря нашему общению, и хорошего и светлого! Без них, как без искусства, жизнь моя была бы совсем другой — узкой и темной» (Березкина, 2019а, с. 474). О Бабушкине см.: Березкина, 2019б.

разговоры! Вспомню наши с Яшей проводы Анки⁴¹, ночные, горячие разговоры на ленинградских улицах, и опять разговоры — у Яши на квартире, у Зинаиды⁴², Яшку с горящими глазами, самого себя, уносимого восторгом, говорящего и самого с благоговением впервые слушающего своего «демона», — и мне становится одновременно хорошо, радостно, гордо — и в то же время не хочется жить таким, как я стал. Неужели же нет во мне силы для того, чтобы совершить над собой *одно* усилие и стряхнуть с себя этот сон, прозябание во мраке поденщины и пошлости!?..

8. XI. 1944.

4:00–6:00 — работа.

6:00 — радио.

6:30–7:00 — завтрак.

7:00–8:00 — работа, чтение.

8:00–12:30 — контора.

12:30–1:00 — прогулка.

1:00–1:30 — обед.

1:30–2:00 — чтение.

2:00–5:00 — контора.

5:00–6:00 — топка печи.

6:00–6:30 — ужин.

6:30–8:00 — чтение, работа, шитье и проч.

8:00–4:00 — сон.

13. XII. 44. План эстетики:

1. Идея и образ. Субъективное единство образа и идеи в сознании и объективная основа этого единства. <Далее еще два пункта плана.>

21. III. 45. <...> Из людей, которых я знал прежде, только люди старшего поколения, мамы знакомые, окружавшие меня, жили «роевой» жизнью массы, молодежь почти вся была в той или иной степени под влиянием жизни политической и культурной авансены человеческой истории. Конечно, не все мы метили в гении, но все же самые скромные из нас претендовали на роль учителей, воспитателей, руководителей и жили больше идеями, чем практической жизнью. И вот судьба свела меня с человеком⁴³, который почти моего возраста и который — в то время как мы торопились жить, дышать воздухом большой

---

⁴¹ Анна (Анка) Владимировна Тмарченко (1915–2015), урожд. Эмме, филолог, жена Григория Евсеевича Тмарченко (1913–2000). Воспоминание о проводах Анки вместе с Яшей относится ко времени до появления на их курсе красавицы Ляли Ильинской, которая «разбила» эту пару, став вскоре женой Яши. См.: Березкина, 2020.

⁴² Лицо неустановленное.

⁴³ Здесь и далее говорится о трудармейце Христиане Христиановиче Розенгрине (1914–1962), с которым Фридендер жил в одном доме после того, как стал

жизни, спешили, суетились, разговаривали, опьяняли себя иллюзиями, боролись за отвлеченно идеальные принципы и цели — жил простой практической жизнью, не думая о завтрашнем дне, о нарушении традиций, о борьбе с рутинной и проч., и проч., а питался себе соками этой «роевой» жизни, вырос, созрел, женился, работал, создал семью, как делали сотни лет представители большой человеческой массы, и жил бы, и умер спокойно среди «малых сих», если бы не выбил его на время из всего этот шторм войны, конец которой сулил ему снова возвращение к жизни массы, продолжение своего семейного дела и спокойную смерть с сознанием того, что он выполнил свой долг и построил кусочек той великой ткани, из которой и создается жизнь человечества.

Конечно, я видел вокруг себя и много молодежи, которая тоже не претендовала на роль духовных вождей нации. Но почти вся молодежь была — по-своему тоже — молодежью из «случайных семейств»⁴⁴, молодежью, так или иначе затронутой распадом органических форм жизни и поэтому по-своему грешившей тем же грехом, которым по-своему грешили мы; только у них это была грубость, распущенность, пошлость, склонность к дешевому пьянству и дешевому полуразврату, плохой помаде, скверным духам, пропитому голосу и ярким кофточкам. Одним словом, и это были люди без роду и племени, но то, что у нас проявлялось *духовно и по-своему даже возвышенно*, у них проявлялось грубо. Это видел я и в деревне, когда был с мамой у Гаврилы⁴⁵.

Если взять слой повыше, это соответствует влиянию джаза и «заграничной» культуры. Образцов не оберешься. Даже здесь — провинциальная разновидность — Майер, Овальд⁴⁶ и проч. Если поскрести Аню Фельдман с мужем⁴⁷ и ее хемингуэйничающих друзей, получится то же.

Только здесь — в лице некоторых трудармейцев — я, может быть, впервые увидел людей, у которых — в ограниченной форме — *существует* известное равновесие материального и духовного так, что эти стороны не разошлись, материальное не лишено отпечатка своего рода культуры и не низведено до животного, а духовное не стало абстрактным, как у нас, — конечно, поэтому и довольно элементарно, но все же имеет *положительный* характер, обладает определенной интенсивностью и нравственным напряжением. <...>

спецпоселенцем, покинув лагерную казарму в Жешарте. Уроженец АССРНП, Розенгрин был выслан в 1941 г. в Алтайский край, в 1942 г. — в Коми АССР. К 1941 г. у него было трое детей.

⁴⁴ «Случайное семейство» — выражение Ф. М. Достоевского, которым он обозначал в своих произведениях семью с распавшимися внутренними связями в состоянии «хаоса», «беспорядка» (впервые в романе «Подросток», 1875).

⁴⁵ Речь идет о какой-то летней поездке Г. М. Фридлиндера с матерью в деревню в 1930-х гг.

⁴⁶ Майер, Овальд — лица неустановленные.

⁴⁷ См. воспоминания, примеч. 2. Муж Т. М. Луценко — Арон Яковлевич Скир (1913–1996), канд. филол. наук, преподаватель Архангельского пединститута в 1940–1942 гг.

29. III. 45. Сейчас утро, я один, на дворе отчетливо чувствуется запах весны. Мне грустно, а волны поэзии и счастья захлестывают меня. За что были мне даны — это глубокое художественное чувство, способность чувствовать и понимать красоту и любить в ней высшие творческие возможности жизни, будущего? Сколько скупых, но прекрасных минут я унесу даже из этих лет! Всем, всем в своей жизни я обязан искусству: оно раскрыло передо мной мир, оно привело меня к коммунизму и сделало меня сознательным участником нового общества. Прошло 11 лет с тех пор, как я, Яшка и Анка стояли на углу Офицерской и Театральной площади и говорили о 17-м съезде партии⁴⁸. С этого дня передо мной раскрылся широкий умственный выход в современную жизнь. 10 лет тому назад в это время я писал наш трактат об искусстве⁴⁹. Это были дни, когда мы почти физически чувствовали молодость мира, когда жизнь улыбалась нам и все ее высшие ценности с улыбкой шли нам навстречу. Каким сияющим и многоцветным представлялось нам тогда будущее, нам, триумvirату Председателей Земного Шара!⁵⁰ Много ли моих современников могут похвалиться такой чистой, свежей и *здоровой* молодостью?⁵¹ Думаю, что очень не много. Во имя этого можно простить многое и спокойно смотреть в лицо невзгодам. Да здравствует

---

⁴⁸ Имеется в виду XVII съезд ВКП(б), проходивший 26 января — 10 февраля 1934 г. в Москве и утвердивший второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Выступления на нем носили оптимистический характер, поэтому его стали называть «Съездом победителей». Это объясняет воодушевление Фридендера и его сокурсников, о котором он вспоминает в своем дневнике.

⁴⁹ «Трактат» (надпись на тетрадке в архиве Фридендера) был связан с выработкой марксистского мировоззрения, выросшего из насущной потребности жизни Фридендера и его друзей, которые были возмущены заполонившей университетские аудитории вульгарной социологией: это была редукция искусства и гуманитарной мысли вообще, якобы на основе прочтения Маркса, исключительно к экономическим отношениям различных эпох и проявлениям классовой борьбы. «Трактат» был использован А. Г. Выгодским и Г. М. Фридендером в комментариях к сборнику работ К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступительной статьей) в 1937 и 1938 гг.; сборник многократно издавался за границей, впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. О. И. Ильинская писала 19 августа 1942 г. в первом же своем письме в лагерь к Фридендеру, напоминая о роли «трактата» в идейном становлении всего их дружеского кружка: «...ты имеешь законное право гордиться и той твоей работой об искусстве. <...> надо вспомнить о том, что тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку (а это, честное слово, неплохо) и помог вырасти Шуре. Можешь помянуть и меня <...>. Все эти твои друзья, которые стольким тебе обязаны, — доказательство того, насколько реальны и жизненны были твои мысли» (Березкина, 2020, с. 483–484, 501). См. также: Березкина, 2019а, с. 468.

⁵⁰ Фридендер относит к себе и своим друзьям выражение поэта Велимира Хлебникова (1885–1922), придумавшего в 1916 г. Общество Председателей Земного Шара.

⁵¹ В военные годы Ильинская, подобно Фридендеру, вспоминала в письмах к нему в лагерь об энтузиазме их студенческих лет как о каком-то важном этапе истории, совпавшем «с молодостью и зрелостью целого нового мира»: «Несмотря на все трудности, мы были счастливым поколением, любимчиками истории. У мальчиков и девочек из раздвоенных школ не будет и наших солнечных вершин» (Березкина, 2020, с. 486, 529).

жизнь! (Und die ganze Welt hoch⁵², как кричит сияющий немец в «Войне и мире» Николаю Ростову⁵³.) Несмотря ни на что, а я еще достоин заветов тех дней, и они не обманут, я знаю.

2. V. 45. 13 ч. 07 мин. Хр<истиан> Хр<истианович> сказал, что он водки больше пить не будет, *потому что ее нет*⁵⁴.

17. V. 45. Вчера я подумал: когда я уеду отсюда и меня спросят: вот вы прожили три года с этими людьми, назовите из них тех, кого вы считаете вполне честными и полезными советскими людьми, людьми, которых безусловно можно и нужно извлечь из этих условий, потому что это будет полезным не только для них самих, но и для советского общества, — кого я назову?

Гефта, Тиссена, Лоде, может быть, Тропа⁵⁵. И, пожалуй, всё.

В честности этих людей, в их моральном достоинстве, в том, что первые три не изменили бы Родине ни при каких условиях, что они *русские* люди, — я уверен. Больше ни на кого не положусь. Ибо помимо того, что мне кажется — для советского общества безразлично, живет ли бухгалтер Розенгрин или пекарь Шмидт на севере, или в Алтае, или в Поволжье (лишь бы они выполняли определенную общественно-полезную работу и растили детей), я не поручусь даже за то, что, оказавшись у немцев, эти люди не продались бы за чечевичную похлебку. Слишком много в них грубого животного эгоизма, алчности, для соб<ственного> <...>⁵⁶

---

⁵² И да здравствует весь свет! (нем.)

⁵³ «Война и мир» Л. Н. Толстого, т. 1, ч. 2, гл. IV.

⁵⁴ Выделенное курсивом написано другой рукой; далее ею же неразборчивая подпись. Речь идет о Хр. Хр. Розенгине.

⁵⁵ Среди названных Фридлиндером товарищей по лагерю, в честности и моральном достоинстве которых он был полностью уверен и которые, по его мнению, «не изменили бы Родине ни при каких условиях», оставаясь «*русскими* людьми», не удалось идентифицировать двух (Лоде, Троп), поскольку они больше нигде у него не упоминаются. А. А. Гефт впоследствии работал в Горьковском институте инженеров водного транспорта (ныне Волжская государственная академия водного транспорта) доцентом кафедры технологии судостроения и судоремонта. Его братом был известный разведчик Николай Артурович Гефт (1911–1944) (о нем упоминал Фридлиндер). См.: Березкина, 2019, с. 488. Настоящая дружба связывала Г. М. Фридлиндера с Марком Юлиановичем Тиссенем. Мобилизованный в «трудармию» в сентябре 1942 г., он, как и Фридлиндер, был в 1944 г. переведен в разряд спецпоселенцев. В 1946–1955 гг. работал в секретных подразделениях, ковавших ядерный щит СССР, — сначала в Обнинске (Калужская обл.), а затем в пос. Сунгуль (Челябинская обл.). Об этой работе, не называя ее предметно, Тиссен с восхищением писал Фридлиндеру как о воплощении своих научных мечтаний. Впоследствии работал в Институте биофизики (ныне Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Пушкино). См.: *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. С. 85–86; Березкина, 2019, с. 461.

⁵⁶ Текст обрывается.

Библиографический список

- «Трудармеец Фридлиндер, Г.М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945) / вступ. статья С.В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С.В. Березкиной и А.С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505.
- Березкина С.В.* «Проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах...» (Г.М. Фридлиндер в лагере и на поселении, 1942–1945) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 392–410.
- Березкина С.В.* «Ты бесконечно дорог мне...» (Из писем Я.Л. Бабушкина и О.И. Ильинской к Г.М. Фридлиндеру, 1941–1946) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 358–371.
- Березкина С.В.* О.И. Ильинская в воспоминаниях Г.М. Фридлиндера и письмах к нему в Коми АССР (1942–1945 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 479–556.
- Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев в России: хрестоматия. М., 2005. 415 с.
- Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник No 2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95.
- Емельянов Б.М., Гаврильченко В.С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. 438 с.
- Морозов Н.А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 58–69.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. 600 с.

References

- “Trudarmeets Fridlender G.M.” (pis’ma iz Komi ASSR, 1942–1945 gg.) [“Labor Army soldier Fridlender G.M.” (letters from the Komi ASSR, 1942–1945)], vstup. stat’ia S.V. Berezkina; podgot. teksta i comment. S.V. Berezkina i A.S. Lagureva. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody*. Saint Petersburg, 2019. Pp. 443–505. (In Russ.)
- Berezkina S.V. “Proklyatyi vopros ob oshibke v papinykh bumagakh...” (G.M. Fridlender v lagere i na poselenii, 1942–1945) [“The damned question about the mistake in dad’s papers...”] (G.M. Fridlender in the camp and in the settlement, 1942–1945). In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 23. Saint Petersburg, 2021. Pp. 392–410. (In Russ.)
- Berezkina S.V. “Ty beskonechno dorog mne...” (Iz pisem Ia. L. Babushkina i O.I. Il’inskoi k G.M. Fridlenderu, 1941–1946) [“You are infinitely dear to me...”] (From the letters of Ya. L. Babushkin and O.I. Ilyinskaya to G.M. Fridlender, 1941–1946). In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 22. Saint Petersburg, 2019. Pp. 358–371. (In Russ.)

- Berezkina S.V. O.I. Il'inskaia v vospominaniakh G.M. Fridlendera i pis'makh k nemu v Komi ASSR (1942–1945 gg.) [O.I. Ilyinskaya in the memoirs of G.M. Fridlender and letters to him in the Komi ASSR (1942–1945)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 479–556. (In Russ.)
- Emel'ianov B.M., Gavril'chenko V.S. *Laboratoriia "B": Sungul'skii fenomen* [Laboratory "B": Sungul' phenomenon]. Snezhinsk, 2000. 438 p. (In Russ.)
- German A.A., Illarionova T.S., Pleve I.R. *Istoriia nemtsev v Rossii: khrestomatiia* [History of Germans in Russia: Anthology]. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.)
- Goncharov G.A. "Trudovaia armiia" perioda Velikoi Otechestvennoi voiny: voprosy istoriografii, teorii i praktiki ["Labor Army" during the Great Patriotic War: issues of historiography, theory and practice]. In: *Vestnik No. 2. Chelyabinskii in-t ekonomiki i prava*. Chelyabinsk, 2002. Pp. 67–95. (In Russ.)
- Morozov N.A. Mobilizovannye gruppy sovetskikh grazhdan na predpriatiiakh Komi ASSR v 1942–1946 gg. [Mobilized groups of Soviet citizens at enterprises of the Komi ASSR in 1942–1946.] In: *Pokaianie: Komi-Respublikanskii martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressii*, vol. 10, part 1. Syktyvkar, 2013. Pp. 58–69. (In Russ.)
- Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. 1923–1960: spravochnik* [The system of correctional labor camps in the USSR. 1923–1960: a reference book], comp. M.B. Smirnov. Moscow, 1998. 600 p. (In Russ.)

ПАМЯТИ Н. Ф. БУДАНОВОЙ (1931–2024)

6 января сего года в возрасте 92 лет умерла Нина Федотовна Буданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН, специалист в области изучения творчества Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. Отечественное литературоведение потеряло известного ученого, Пушкинский Дом — самого опытного своего достоевковеда, научный сборник «Достоевский. Материалы и исследования» — члена редакционной коллегии и многолетнего ответственного редактора издания.

Н. Ф. Буданова родилась 15 декабря 1931 г. в Ленинграде. Училась в Ленинградском государственном библиотечном институте, в 1958 г. поступила на работу в Пушкинский Дом. Как библиограф подготовила указатели «История русской литературы XIX в.» (1962 г.) и «История русской литературы конца XIX — начала XX в.» (1963 г.). В 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию «Творческая история романа И. С. Тургенева “Новь”», в 1988 г. — докторскую «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог». Основным научным вкладом ученого является участие в подготовке академических собраний сочинений И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Совместно с коллегами она также подготовила трехтомную «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» и научное издание «Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание» (2005). Ей принадлежит ряд статей о творчестве И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, К. Н. Леонтьева, монографии «Роман И. С. Тургенева “Новь” и революционное народничество 1870-х годов» (1983), «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог» (1987), «“И свет во тьме светит...”»: к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского» (2012). Научные достижения Н. Ф. Будановой, результаты ее многолетней работы в Пушкинском Доме, служат и будут служить отечественной и мировой литературоведческой науке.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКАХ «ДОСТОЕВСКИЙ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ (т. 1–23)

Статьи и исследования

- Августин (Никитин), архим. Св. Франциск Ассизский, Достоевский и восточное монашество 18.62
- Александрова Э.К. Отзвуки Достоевского в романе Газданова «Вечер у Клэр» 19.352
- Аллен Л. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского 15.228
- Аллен Л. О пушкинских корнях романов Достоевского 12.43
- Алоэ С. Достоевский в итальянской критике 20.3
- Альми И. Л. Идеологический комплекс «Преступления и наказания» и «Письма о “Дон-Карлосе”» Ф. Шиллера 13.88
- Альми И. Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) 10.163
- Альми И. Л. О романтическом «пласте» в романе «Преступление и наказание» 9.68
- Альми И. Л. Поэтика образов праведников в поздних романах Достоевского (Пафос умиления и характер его воплощения в фигурах странника Макара и старца Зосимы) 15.264
- Альтман М. С. Пестрые заметки 3.184
- Альтман М. С. Топонимика Достоевского 2.51
- Ананьева С. В. Исследование творчества Достоевского в Казахстане 20.286
- Андерсон Р. О визуальной композиции «Преступления и наказания» 11.89
- Андо А. К истории создания образа Петра Верховенского («Бесы») 7.174
- Андрианова И. С. «И что за несчастная судьба нашего “Дневника”!»: Из истории публикации дневника А. Г. Достоевского 22.151
- Арбан Д. «Порог» у Достоевского (Тема, мотив и понятие) 2.19
- Арсентьева Н. А. «Крик осла» и «локус идиота»: Размышления над межвузовским сборником научных трудов. «Роман Достоевского “Идиот”: Раздумья, проблемы» 17.376
- Арсентьева Н., Морильяс Ж. Испанское достоевсковедение: истоки, итоги и перспективы 20.305
- Арсентьева Н. «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» 21.56
- Архипова А. В. «Александровская эпоха» в интерпретации Достоевского 14.77
- Архипова А. В. Блок и Достоевский. Статья 1 15.90
- Архипова А. В. Блок и Достоевский. Статья 2. Кризис гуманизма 16.245

- Архипова А. В. Достоевский в работе над «Дневником писателя» (Из истории взаимоотношений Достоевского с читателями) 13.213
- Архипова А. В. Достоевский и Адам Мицкевич 11.13
- Архипова А. В. Достоевский и Карамзин 5.101
- Архипова А. В. Достоевский и Каспар Хаузер 17.108
- Архипова А. В. Достоевский и Кишкенский 2.199
- Архипова А. В. Достоевский и «Отечественные записки» в 1876 г. 7.203
- Архипова А. В. Достоевский и эстетика безобразного 12.49
- Архипова А. В. «Оппозиция бюрократии» 9.249
- Архипова А. В. «Подросток» в творческом восприятии Александра Блока 3.114
- Архипова А. В. Семипалатинские замыслы Достоевского (У истоков «Униженных и оскорбленных») 13.50
- Архипова А. В. «Сюжеты для романов» (Неосуществленный замысел Достоевского) 6.81
- Бабович М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского 1.100
- Багно В. Е. Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса 3.126
- Багно В. Е. К источникам поэмы «Великий инквизитор» 6.107
- Балакин А. Ю. Достоевский — участник сборника «Складчина» (Дополнения к т. 29₁ «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского) 14.286
- Балакин А. Ю. Об одном эпизоде «Униженных и оскорбленных» (Достоевский и А. А. Краевский) 16.320
- Балакин А. Ю. «Опять “Молодое перо”». Дополнение к комментарию 17.267
- Балакин А. Ю. Текстологические заметки 15.340
- Балашов Н. В. Спор о русской Библии и Достоевский 13.3
- Баршт К. А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте 19.259
- Баршт К. А. Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского 21.129
- Баршт К. А. Несколько возможных дополнений к комментарию 21.371
- Баршт К. А. Подготовительные материалы к роману Ф. М. Достоевского «Бесы»: уточнения и новые прочтения 22.293
- Баршт К. А. Феномен «дарвинизма» и теория эволюции Ч. Дарвина в философско-этической концепции Ф. М. Достоевского 23.179
- Баршт К. А., Битюгова И. А. К творческой истории «Преступления и наказания» (Атрибуция одного из набросков) 16.325
- Батюто А. И. Незамеченные отклики на «Анну Каренину» в «Дневнике писателя» 5.132
- Бачинин В. А. Достоевский и Гегель (К проблеме «разорванного сознания») 3.13
- Белобровцева И. З. Мимика и жест у Достоевского 3.195
- Бекедин П. В. Из первых откликов на роман «Преступление и наказание» (По страницам газеты «Голос») 6.232
- Бекедин П. В. Повесть «Кроткая» (К истолкованию образа мертвого солнца) 7.102
- Бекедин П. В. Шолохов и Достоевский 5.32
- Белнап Р. О традиции эпистолярного романа в «Романе в девяти письмах» Достоевского 2.164

- Белоловов (Украинский) Г. В. Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов 9.167
- Белопольский В. Н. Достоевский и Шеллинг 8.39
- Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека» 18.135
- Беляев В. В. Достоевский и ранняя новелла Итало Звево «Убийство на улице Бельподжо» 7.135
- Беляев В. В. Имя «Грушенька» в «Братьях Карамазовых» как антропоним 10.176
- Беляев В. В. «Крокодил». «Дневник писателя» 1877 г. (Дополнение к комментарию) 7.122
- Березкин А. М. Валериан Майков в творчестве Достоевского 18.318
- Березкина С. В. Взаимосвязь собственного и нарицательного в теонимии: к проблеме прописных и строчных букв в академических изданиях русских классиков 22.280
- Березкина С. В. О повести Достоевского «Хозяйка» 19.282
- Березкина С. В. Ответ критику 21.431
- Березкина С. В. «Проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах...» (Г. М. Фридлиндер в лагере и на поселении, 1942–1945) 23.392
- Березкина С. В. Тема проклятия в творчестве Достоевского (от «Хозяйки» к «Преступлению и наказанию») 21.17
- Бержайте Д. Достоевский в Литве (конец XX — начало XXI в.) 20.143
- Билинкис Я. С. Романы Достоевского и трагедия Пушкина «Борис Годунов» (К проблеме единства пути русской литературы XIX столетия) 2.164
- Битюгова И. А. Достоевский — редактор стихотворений в «Гражданине» 6.241
- Битюгова И. А. Достоевский и Пьер Корнель 19.76
- Битюгова И. А. Достоевский и Р. Р. Штрандман 5.194
- Битюгова И. А. Достоевский и Шарль Пегги (типологические связи) 14.242
- Битюгова И. А. И. Л. Леонтьев-Щеглов и Ф. М. Достоевский 11.271
- Битюгова И. А. К вопросу о восприятии традиции Достоевского в творчестве В. Г. Короленко (по архивным материалам и статьям Ф. Д. Батюшкова) 16.351
- Битюгова И. А. К восприятию Достоевского на грани XIX–XX веков (Забывтый фельетон А. С. Суворина) 15.175
- Битюгова И. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского 2.191
- Блинчевская М. Я. Заметки к теме «Некрасов и Достоевский» (40–60-е годы) 6.201
- Бовкало А. А. В. А. Смирнов — деятель братства св. Феодора Тирона 14.327
- Богданов Н. Н. К истории создания «Хроники рода Достоевского» (по неизвестным архивным материалам) 22.372
- Богданов Н. Н., Максимов О. А. Неизвестный факт биографии Ф. М. Достоевского: крестины в Магфеевской церкви Санкт-Петербурга летом 1860 г. 22.274
- Богданова О. А. Достоевский в жизни и творчестве Федора Сологуба: современное состояние изучения вопроса 21.181
- Богданова О. А. Семинарий А. К. Бороздина в Петроградском университете 1910-х гг.: становление науки о Ф. М. Достоевском 23.508
- Боген А. Л. Достоевский и Грибоедов (Дополнения к комментарию) 8.292

- Боград Г.Л. Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в Ленинграде (1971–1980) 5.236
- Боград Г.Л. Мифотворчество Достоевского (К теме Апокалипсиса в романе «Идиот») 16.342
- Боград Г.Л. Оказал ли влияния Эдгар По на творчество Достоевского? 19.87
- Боград Г.Л. Предположения о Смердякове (к вопросу об отношении Достоевского к расколу) 18.161
- Борисова В.В. Национальное и религиозное в творчестве Достоевского (Проблема этноконфессионального единства и многообразия) 14.58
- Борисова В.В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского 13.65
- Борисова В.В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» 17.102
- Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский. Статья первая 12.167
- Бочаров С.Г. О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых» 2.145
- Бочаров С.Г. Послесловие к статье Д.Д. Обломиевского 2.294
- Брусовани М.И., Гальперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг. 8.272
- Буданова Н.Ф. «А поле битвы — сердца людей» («Братья Карамазовы» и «Девяносто третий год») 12.137
- Буданова Н.Ф. В поисках утерянных рукописей и книг личной библиотеки Достоевского. Новые архивные материалы 19.392
- Буданова Н.Ф. Диалог с автором «Нови» в «Дневнике писателя» за 1877 г. 5.142
- Буданова Н.Ф. Достоевский и Константин Леонтьев 9.199
- Буданова Н.Ф. Достоевский и преподобный Сергей Радонежский 14.195
- Буданова Н.Ф. Достоевский о Христе и истине 10.21
- Буданова Н.Ф. Заметки о Достоевском и Пушкине 15.214
- Буданова Н.Ф. История «обращения и смерти» Ришара, рассказанная Иваном Карамазовым 13.106
- Буданова Н.Ф. «Записки из подполья»: загадки цензурной истории повести 21.236
- Буданова Н.Ф. Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу (Опыт атрибуции) 2.236
- Буданова Н.Ф. О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» 8.93
- Буданова Н.Ф. Оправдание Рудина: у истоков Пушкинской речи Ф.М. Достоевского (К 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева) 22.26
- Буданова Н.Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) 13.200
- Буданова Н.Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (Новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») 18.86
- Буданова Н.Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы» 1.164
- Буданова Н.Ф. «Спор» Достоевского с тургеневским Потугиным о прекрасном 6.92
- Буданова Н.Ф. Творчество и спасение (Ставрогин в интерпретации Николая Бердяева) 11.145
- Буданова Н.Ф. «Чтобы не умирала великая мысль» («Сон смешного человека») 21.81

- Буданова Н. Ф. Эпистолярный диалог о Достоевском К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова 17.129
- Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Ф. М. Достоевского 9.132
- Бурсов Б. И. К спорам о Достоевском 5.27
- Бытко С. С. О «Хозяйке» и конфессиональной терминологии (к теме «Достоевский и старообрядчество») 22.189
- Бытко С. С. Проблемы восприятия единоверия в контексте эстетики страдания Ф. М. Достоевского 23.228
- Бэлэнеску С. Образ читателя в творчестве Достоевского 13.216
- Вайнерман В. С. Омское окружение Достоевского 6.174
- Валагин А. П. Читал ли Достоевский «Княгиню Лиговскую»? 3.205
- Вассена Р. «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...» (Письма студентов к Достоевскому) 17.325
- Вегнер М. Литературный модернизм и творчество Достоевского 2.230
- Вер-Джонс Д. Творческое наследие Достоевского в Новой Зеландии 20.155
- Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения. Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») 14.117
- Ветловская В. Е. «Братья Карамазовы»: Дополнения к комментарию 4.190
- Ветловская В. Е. Достоевский и Пушкин: Петербургская тема в «Преступлении и наказании» 19.152
- Ветловская В. Е. «Жизнь, как она есть...»: Реализм и литературные штампы 21.209
- Ветловская В. Е. Из комментария к произведениям Достоевского 14.288
- Ветловская В. Е. Из комментария к произведениям Достоевского. Ч. 2 19.451
- Ветловская В. Е. «Идеал Мадонны» в «Братьях Карамазовых» 15.305
- Ветловская В. Е. Логическое опровержение противника в «Преступлении и наказании» Достоевского 13.74
- Ветловская В. Е. Приемы идеологической полемики в «Преступлении и наказании» Достоевского 12.78
- Ветловская В. Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» Достоевского (Статья первая) 16.97
- Ветловская В. Е. «Хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» (Статья вторая) 18.143
- Ветловская В. Е. Pater Seraphicus 5.163
- Викторович В. А. «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина 22.41
- Викторович В. А. 1. «Г-н —бов и вопрос об искусстве». 2. «Дневник писателя» 1876 г. Январь 13.227
- Викторович В. А. Гоголь в творческом сознании Достоевского 14.216
- Викторович В. А. Дополнения к комментарию: «Село Степанчиково и его обитатели», «Скверный анекдот». «Идиот». «Братья Карамазовы». «Последние литературные явления. Газета "День"». Записная тетрадь 1876–1877 гг. «...“покровителей” мы не имеем» 10.154
- Викторович В. А. Достоевский и Вс. Крестовский 9.92
- Викторович В. А. Заметки комментатора («Белые ночи», «Подросток», «Кроткая») 23.411

- Викторович В. А. К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. 7.197
- Викторович В. А. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского 6.137
- Викторович В. А. Четыре вопроса к Пушкинской речи 17.275
- Владив-Гловер С. Достоевский в Австралии 20.167
- Владив-Гловер С. Как представить непредставимое: поэтика бессознательного в романе «Идиот» 23.108
- Владимирцев В. П. Дополнения к комментарию 10.140
- Владимирцев В. П. Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» 5.74
- Владимирцев В. П. Сибирская тетрадь (Дополнение к комментарию) 6.228
- Власкин А. П. Поэтика вопрошания: к постановке проблемы 17.116
- Волгин И. Л. «Дневник писателя»: Текст и контекст 3.151
- Волгин И. Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881–1917) 4.192
- Володин Э. Ф. Пети-жё в «Идиоте» 6.73
- Габдуллина В. И. «Блудный сын» и «русский бездомный скиталец» (Идея притчи о блудном сыне в публицистике Достоевского) 19.222
- Галаган Г. Я. Кончина и похороны Ф. М. Достоевского (В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых) 1.285
- Галаган Г. Я. Мечта парадоксалиста (1876 год) 14.180
- Галаган Г. Я. «Одно лицо» и его «полписьма» 3.159
- Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873–1876) 12.99
- Галаган Г. Я. Сад Федора Павловича Карамазова 15.327
- Галаган Г. Я. «Царство» раздора и слуга Павел Смердяков 16.175
- Гальперина Р. Г. Петербургские мосты Достоевского 13.222
- Гальперина Р. Г. Топография «Униженных и оскорбленных» 10.147
- Гаричева Е. А. Достоевский и Мусоргский: К характеристике речевой и музыкальной интонаций 16.199
- Гаричева Е. А. Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского 18.359
- Геннадий (Беловолов), свящ. Оптинские предания о Достоевском 14.301
- Герасимов Ю. К. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1. М. Горький 15.27
- Герасимов Ю. К. Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 2. Д. С. Мережковский 16.272
- Герик Х.-Ю. Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения 19.5
- Герик Х.-Ю. Немецкоязычное достоевсковедение между 1971 и 2011 гг. Обзор литературных исследований 20.44
- Гибиан Дж. Традиционная символика в «Преступлении и наказании» 10.228
- Гиголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского 6.64
- Гиголов М. Г. Типология рассказчиков раннего Достоевского (1845–1865 гг.) 8.3
- Гидини К. Концепция творчества Достоевского в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика» 15.165
- Глушаков П. С. Стихотворные посвящения Достоевскому в латвийских эмигрантских изданиях 18.375

- Гомиде Б. Б. Лихорадка и микроскоп: Достоевский в Бразилии 1930-х гг. 20.181
- Гонсалес А. А. Социологический взгляд на реализм Достоевского. Образ «чужака» в «Записках из Мертвого дома» 19.3
- Гончаров Ю. В. Достоевский и Т. Уайлдер 7.143
- Гришаев В. К пребыванию Достоевского на Алтае 6.192
- Гумерова А. Л. Фоновое цитирование в романе Достоевского «Братья Карамазовы» 19.331
- Гург М. Опыт анализа речи Ставрогина («Чужое» слово и его контекстуализация в процессе создания идеологии персонажей) 9.117
- Гург М. Традиции Достоевского в творчестве Жоржа Берноса 14.258
- Данилевский Р. Ю. Героиня романа «Идиот» и некоторые женские характеры в драматургии немецкого просвещения 17.162
- Даревский А. И. Рассказ Ф. М. Достоевского «Елка и свадьба» на бирманском языке 12.265
- Дауговиш С. Н. Белинский / Пралинский (К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот») 15.365
- Дауговиш С. Н. О возможном лубочном подтексте рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» 12.249
- Десяткина Л. П., Фридлиндер Г. М. Библиотека Достоевского (Новые материалы) 4.253
- Деятели советской культуры о Достоевском: Г. Я. Горбовский, Д. А. Гранин, Н. М. Любимов, В. Г. Распутин, В. С. Розов, С. М. Слонимский 5.61
- Джексон Р. Л. Вынесение приговора Федору Павловичу Карамазову 3.173
- Джексон Р. Л. Проблема веры и добродетели в «Братьях Карамазовых» 9.124
- Джоунс М. К пониманию образа князя Мышкина 2.106
- Джулиани Р. «Великий инквизитор»: текст и контекст 22.103
- Дилакторская О. Г. Достоевский и Бомарше 1.265
- Димитриев В. М. К творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Подросток» (о том, почему был отброшен «эпизод с Аришей») 22.328
- Димитров Э. Достоевский и Лосев: к вопросу об общении в «большом времени» 19.58
- Дмитрий Григорьев, протоиерей. Преподобный Амвросий и старец Зосима Достоевского: (У истоков религиозно-философских взглядов писателя) 16.150
- Долгополов Л. К. Роман А. Белого «Петербург» и философско-исторические идеи Достоевского 2.217
- Дорский А. Ю. Достоевский как трагик: версия Вяч. Иванова 16.232
- Дрыжакова Е. Н. Достоевский и Герцен (У истоков романа «Бесы») 1.219
- Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов 17.3
- Дрыжакова Е. Н. Статья Герцена «Москва и Петербург» в кругу петрашевцев 2.169
- Дудкин В. В. Э. Золя о романе «Преступление и наказание» 6.263
- Дудкин В. В. Достоевский и Софокл: Сходное в несходном 21.3
- Дудкин В. В. Литературные предвестники «Бесов» («Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера) 18.180
- Дудкин В. В. Об одном «оригинальном подражании» Т. Манна 2.225
- Дудкин В. В. «Roman Dostoevskien» как новаторская форма жанра и термин (Достоевский во Франции в первой трети XX в.) 20.390

- Дуккон А. Концепт «народ-богоносец» в литературном окружении Достоевского и икона «Страшный суд» в истолковании Ф.И. Буслаева 21.44
- Дуккон А. Культурное и философско-эстетическое значение творчества Ф.М. Достоевского в жизни венгерской интеллигенции 1920-х гг. 23.262
- Дунаев М.М. Достоевский и Шмелев 3.217
- Евдокимова О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского 8.177
- Евлампиев И.И. Достоевский и Фихте 21.274
- Евлампиев И.И. О смысле «русской идеи» в позднем творчестве Ф.М. Достоевского («Подросток», «Дневник писателя») 21.92
- Евлампиев И.И. Ф.М. Достоевский и мистическая философия В.Ф. Одоевского 22.3
- Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Образ мертвого Христа в романе «Идиот» и его живописные источники 22.245
- Евнин Ф.И. Достоевский и русская литература конца XIX — начала XX века (Заметки) 4.206
- Ельницкая Л.М. Исповедь антигероя («Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова) 18.227
- Ермакова М.Я. «Двойничество» в «Бесах» 2.113
- Ермилова Г.Г. Идея «приобщенной личности» в романе Достоевского «Идиот» 16.137
- Есаулов И.А. «Родное» и «вселенское» в романе «Идиот» 17.92
- Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» 11.122
- Заваркина М.В. Об атрибуции творческих записей в третьей записной тетради Достоевского 21.401
- Зализняк А.А. «Видимо» и «по-видимому» в текстах Достоевского: между истинным и ложным 23.208
- Захарова Т.В. Три «приговора». Диалог о человеке (Л. Толстой — Вл. Соловьев — Ф. Достоевский) 10.113
- Зохраб А. Палимпсест Ф.М. Достоевского: «Зимние заметки о летних впечатлениях» и лондонские выставки 1862 г. 23.29
- Зохраб И. Восприятие Достоевского писателями и священнослужителями Новой Зеландии 20.420
- Зохраб И. Роман Томаса Хьюза «Школьная жизнь Тома Брауна» в творчестве Ф.М. Достоевского 1870-х гг. 22.56
- Зохраб И. Ф. М. Достоевский и А.Н. Островский (В свете редакторской деятельности Достоевского в «Гражданине») (Перевод Н.В. Труханович) 8.107
- Иванова Е.В. Пушкинская речь Блока: К Пушкину через Достоевского 15.123
- Иванчикова Е.А. Автор и его герои в повествовательной структуре «Преступления и наказания» 16.118
- Иванчикова Е.А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского 11.41
- Ипатова С.А. Английский журнал *The Athenaeum* о Достоевском (1875): У истоков восприятия писателя в Англии 14.312
- Ипатова С.А. Достоевский и повесть Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (К теме «мечтательства») 17.178
- Исупов К.Г. Введение в метафизику Достоевского (Статья первая) 18.27

- Исупов К.Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») 15.3
- Исупов К.Г. Читатель и автор в текстах Достоевского 16.3
- Казари Р. Купеческий дом: Историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова 8.87
- Кайгородов В.И. Об историзме Достоевского 4.27
- Кантор В.К. Шестов трактует Достоевского, или Отрицание теодицеи 21.108
- Карлова Т.С. О структурном значении образа «Мертвого дома» 1.135
- Карякин Ю.Ф. Зачем Хроникер в «Бесах»? 5.113
- Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) 11.81
- Катарский И.М. Достоевский и Диккенс (1860–1870-е годы) 2.277
- Катто Ж. Пространство и время в романах Достоевского 3.41
- Каутман Ф. К вопросу об актуальности произведений Достоевского 20.329
- Кашурников Н.А. «Роман в девяти письмах» и «господин Прохарчин» 19.443
- Келер К. Антигерой у Достоевского, Сэмюэля Беккета и Юджина О'Нила (в сравнительном аспекте) 18.274
- Кибальник С.А. «Новые узоры по старой канве» (Римейки Достоевского у Газданова) 18.241
- Кибальник С.А. «Ночные дороги» Газданова как римейк «Записок из Мертвого дома» 19.364
- Кибальник С.А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия 19.108
- Кийко Е.И. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839» 1.189
- Кийко Е.И. Белинский и Достоевский об утопическом социализме 14.234
- Кийко Е.И. Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии 6.120
- Кийко Е.И. Достоевский и Гюго: (Из истории создания «Братьев Карамазовых») 3.166
- Кийко Е.И. Достоевский и Ренан 4.106
- Кийко Е.И. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков) 2.125
- Кийко Е.И. К творческой истории «Братьев Карамазовых»: 1. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По; 2. Лексикологическая заметка: «пачкать» или «пичкать»? 6.256
- Киносита Т. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. 20.194
- Киносита Т. Идея воскресения в романе «Братья Карамазовы» и японский поэт Хагивара Сакугаро 12.260
- Киносита Т. Образ мечтателя: Гоголь, Достоевский, Щедрин 8.21
- Киносита Т. Понятие «красоты» в свете идей эстетики Достоевского 11.96
- Киносита Т. Поэтика Достоевского в творчестве японских писателей Фтабатэя Симэя и Нацумэ Сосэки 14.266
- Кирай Д. Достоевский и некоторые вопросы эстетики романа 1.83
- Кириллова И.А. К проблеме создания христоподобного образа (Князь Мышкин и Авдий Каллистратов) 10.172
- Кириллова И.А. Христос в жизни и творчестве Достоевского 14.17

- Киселева М. В. Рецепция Р. Музилом творчества Достоевского: русский, немецкий, австрийский, французский и американский исследовательские подходы 20.371
- Клейман Р. Я. Вселенная и человек в художественном мире Достоевского 3.21
- Клейман Р. Я. Лейтмотивная вариативность времени-пространства в поэтике Достоевского 14.71
- Клейман Р. Я. Мениппейные традиции и реминисценции Достоевского в повести М. Булгакова «Собачье сердце» 9.223
- Ковач А. Иван Карамазов: Фауст или Мефистофель? 14.153
- Ковач А. О смысле и художественной структуре повести Достоевского «Двойник» 2.57
- Ковсан М. Л. Об одной реминисценции в «Дядюшкином сне» 10.139
- Ковсан М. Л. «Преступление и наказание»: «Всё» и «он» 8.72
- Коган Г. Ф. Из истории московского музея Достоевского 7.210
- Конечный А. М. М. М. Достоевский на службе в инженерных командах. 1838–1847: Хронологическая канва 2.234
- Корневская О. В., Седелникова О. В. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» в англоязычных переводах. Проблема воссоздания ритмической структуры оригинала 19.336
- Кори С. Смерть в сюжетном построении романа «Идиот» 14.130
- Корконосенко К. С. Скрытые цитаты из Достоевского в романе М. де Унамуно «Авель Санчес» 17.209
- Котельников В. А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского 13.194
- Котельников В. А. Средневековые Достоевского 16.23
- Кошелев В. А., Чернов А. В. Человек в художественном мире А. Ф. Вельтмана и Ф. М. Достоевского 6.55
- Кошенико И. В. Цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского: от методологии к практике (на примере Рукописного отдела Пушкинского Дома) 22.218
- Кравчук И. А. Между пародией и катастрофой: Франко-прусская война в подготавливаемых материалах Ф. М. Достоевского к роману «Бесы» 23.138
- Кравчук И. А. О чем сможет рассказать «Стенограмма Волковой»? 22.167
- Кроо К. Достоевский в венгерских литературоведческих исследованиях (1970–2012 гг.) 20.88
- Кудимова М. В. Пределы и правила. Становление театра Достоевского в России 23.332
- Кузнецова И. Следы Достоевского на снегу «Волшебной горы» Томаса Манна 20.439
- Кузьмина С. Ф. Тысячелетняя традиция восточнославянской книжной культуры: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и творчество Достоевского 16.32
- Куплевацкая Л. А. Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» 10.90
- Купченко В. П. Ф. Достоевский и М. Волошин 8.203
- Лазари А. де, Сухарски Т. Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время 20.25
- Ланский Л. Р. Бельгийские писатели о Достоевском 2.244

- Лапкина Г. А. В поисках новых решений (Достоевский на советской сцене. 1920–1930 гг.) 3.221
- Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) 14.139
- Левин Ю. Д. «Двойное время» и русская литература (К проблеме художественного времени) 14.297
- Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир 1.108
- Левина Л. А. «Новый Иов» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской культуре XX века 11.204
- Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни 11.235
- Лепяхин В. Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») 15.237
- Лихачев Д. С. В поисках выражения реального 1.5
- Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского 2.30
- Логиновская Е. Достоевский и румынский роман Джиба Михэеску «Русская» 14.273
- Лодзинский В. Э. «Тайна» Свидригайлова (Одна из «поворотных вех» в работе Достоевского над романом «Преступление и наказание») 10.63
- Лосано Х. Три встречи с Достоевским (Перевод, вступительная заметка и примечания А. В. Ковровой) 18. 290
- Лотман Л. М. О литературном подтексте одного из эпизодов повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (Сон про белого быка) 12.67
- Лотман Л. М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX в. 7.152
- Лурье В. М. «Братья Карамазовы». «Дневник писателя»: Дополнения к комментарию. 1. «Прилог по Дамаскину». 2. «Церковь — весь народ» 9.246
- Любимов Б. Н. Еще раз об одном источнике «Братьев Карамазовых» 7.207
- Любимов Н. М. Огнедышащее слово (Заметки читателя) 9.11
- Львова И. В. «Битнический миф» о Достоевском 19.99
- Львова И. В. Достоевский в переписке Д. Керуака 1940–1950-х гг. 18.280
- Львова И. В. Достоевский и Джон К. Холмс 17.221
- Львова И. В. Из истории рецепции Достоевского в США 20.353
- Львова И. В. Натаниэл Уэст и интерпретация темы «Христа Достоевского» в американской литературе XX в. 21.138
- Львова Н. Н. «Петербургская летопись». «Зубоскал»: Дополнения к комментарию 10.129
- Львова И. В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в художественном сознании Ф. Рота 21.322
- Львова И. В. Р. Блэкмур о Достоевском: особенности рецепции 23.375
- Мазур Т. П. Достоевский и Случевский 3.209
- Макаричев Ф. В. Феномен «хохлаковщины» 19.319
- Малевич О. М. Масарик и Ф. К. Шальда о Достоевском 18.191
- Маркович А. Заметки французского переводчика Достоевского 12.254
- Мартинсен Д. А. Poleмика о «простоте» и «упрощенности» в «Дневнике писателя» 9.179

- Марцинчик А. Б. Дополнение к «Летописи жизни и творчества Достоевского». Т. 3 16.361
- Марцинчик А. Б. Кондукторские годы Достоевского в Главном инженерном училище. Дополнение к «Летописи жизни и творчества...» 17.302
- Матвеева И. Ю., Евлампиев И. И. Авдотья Романовна Раскольников: к вопросу о житийных источниках образа 23.459
- Мельник В. И. Источник одной характеристики в «Записках из подполья» 3.304
- Мельник В. И. К теме: Раскольников и Наполеон («Преступление и наказание») 6.230
- Миджиферджян Т. В. Раскольников — Свидригайлов — Порфирий Петрович: Поединок сознаний 7.65
- Михайловский А. В. «Русское дополнение к сверхчеловеку»: Эрнст Юнгер читает Достоевского 18.309
- Михновец Н. Г. 136-й псалом в творчестве Достоевского 16.61
- Михновец Н. Г. «Кроткая»: Литературный и музыкальный контекст 13.143
- Михнюкевич В. А. Духовные стихи в системе поэтики Достоевского 10.77
- Михнюкевич В. А. Литературные и фольклорные источники «романса» Смердякова 18.170
- Молнар А. «Птички Божии» и их противоположности в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского 23.478
- Морозова Т. Г. Рассказ В. Г. Короленко «Ат-Даван» и традиции Достоевского 4.123
- Мостовская Н. Н. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой (Сазоновой) 4.271
- Мотылева Т. Л. Два взгляда на Достоевского: М. де Вогиюз и Дьердь Лукач 8.218
- Мотылева Т. Л. Достоевский и Толстой (О некоторых общих чертах их международной судьбы) 2.208
- Муравьев А. Н. Ставрогин Достоевского и Каразин М. Горького 6.154
- Мысляков В. А. Как рассказана «История» Родиона Раскольникова (К вопросу о субъективно-авторском начале у Достоевского) 1.147
- Назирова Р. Г. Достоевский и роман У. Годвина 4.159
- Назирова Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского 1.202
- Назирова Р. Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» 2.88
- Натова Н. Метафизический символизм Достоевского 14.26
- Никитин Т. Н. Богородский монастырь в романе «Бесы» 22.162
- Никитин Т. Н. К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» 19.169
- Никитин Т. Н. О прототипах персонажей романа «Бесы» 22.130
- Никитина Ф. Г. Петрашевцы и Ламенна 3.256
- Никитина Ф. Г. Работы о Достоевском П. С. Попова 18.380
- Новикова Е. Г. «Декабрист, князь Мышкин»: ситуация возвращения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» 21.261
- Нойхойзер Р. Ранняя проза Салтыкова-Щедрина и Достоевский (Параллели и отклики) 2.182
- Носов С. Н. Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф. М. Достоевского 8.52
- О создании Общества Достоевского в ФРГ 10.241
- Обломиевский Д. Д. Князь Мышкин 2.284

- Одинокое В. Г. Об одной литературной реминисценции в «Записках из подполья» 2.82
- Опитц Р. Человечность Достоевского (роман «Идиот») 4.75
- Орнатская Т. И. «Бесы»: Дополнения к комментарию. «Кадриль литературы» и газетный фельетон «Семейный праздник русских журналов» 9.243
- Орнатская Т. И. «Братья Карамазовы». Черновые наброски 5.69
- Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859–1866) 7.238
- Орнатская Т. И. Достоевский и рассказы А. В. Корвин-Круковской (Жаклар): 1. Отклик Достоевского на рассказ А. В. Корвин-Круковской «Сон»; 2. Герой повести А. В. Корвин-Круковской «Михаил» и Алеша Карамазов 6.238
- Орнатская Т. И. К истории создания романа «Преступление и наказание» 7.48
- Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» 10.181
- Орнатская Т. И. «Крокодил». «Подросток» (Дополнение к комментарию) 7.169
- Орнатская Т. И. Об одной главе февральского выпуска «Дневника писателя» за 1881 г. 6.236
- Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) 8.247
- Орнатская Т. И., Степанова Г. В. Романы Достоевского и драматическая цензура (60-е годы XIX — начало XX в.) 1.268
- Осмоловский О. Н. Из наблюдений над символической типизацией в романе «Преступление и наказание» 7.81
- Осват А. Л. Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы) 2.175
- Осват А. Л. Заметки о почвенничестве 4.168
- Осват А. Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) 3.144
- Отливанчик А. В. Достоевский в неизданной корреспонденции В. Ф. Пуцыковича 1899–1911 гг. 19.429
- Отливанчик А. В. Достоевский в период редактирования «Гражданина»: Даты и документы (К уточнению вопроса) 18.394
- Отливанчик А. В. Достоевский в полемике с Д. И. Ростиславовым 23.363
- Отливанчик А. В. Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам 22.120
- Палиевский П. В. Место Достоевского в литературе XIX века 6.46
- Параккини Л. Вопрос о тюремном заключении в журнале «Время»: Достоевский и Казанова 17.30
- Паролек Р. Вилем Мрштик — переводчик Достоевского 2.263
- Пастернак Е. Б. Достоевский и Пастернак 9.231
- Петров П. Достоевский на болгарской сцене (заметки актера) 20.455
- Пис Р. «Кроткая» Достоевского: Ряд воспоминаний, ведущих к правде 14.187
- Поддубная Р. Н. Герой и его литературное развитие (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) 3.54
- Поддубная Р. Н. Двойничество и самозванство 11.28
- Поддубная Р. Н. «Действительность идеала» в малой прозе «Дневника писателя» 9.183
- Поддубная Р. Н. «Какие сны приснятся в смертном сне...?» (Отражения поэзии Лермонтова в художественной прозе «Дневника писателя») 10.101

- Поддубная Р. Н. Малая проза в «Дневнике писателя» и «Братьев Карамазовых» (Идейно-художественные переключки и сопряжения) 13.131
- Поддубная Р. Н. О проблеме наказания в романе «Преступление и наказание» 2.96
- Подосокорский Н. Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне 19.182
- Полоцкая Э. А. Литературные мотивы в рассказе Достоевского «Кроткая» 11.239
- Пономарева Г. Б. Житийный круг Ивана Карамазова 9.144
- Попов В. П. Проблема народа у Достоевского 4.41
- Портнова Н. А. К проблеме парадоксальности стиля Достоевского («Бобок») 7.91
- Потапова Г. Е. От «протеизма» к «всемирной отзывчивости» (Очерк из истории одной идеи) 16.46
- Прохогин Н. П. Достоевский во Флоренции в 1868–1869 гг. 5.204
- Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм 1.58
- Рак В. Д. Дополнения к комментарию «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского 4.176
- Рак В. Д. Достоевский и Салтыков-Щедрин в 1876 г. 18.102
- Рак В. Д. Источник очерков о знаменитых уголовных процессах в журналах братьев Достоевских 1.239
- Рак В. Д. К вопросу об авторстве четверостишия в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. 6.251
- Рак В. Д. 1. К. И. Немшевич — сотрудник «Эпохи»; 2. Уточнение одной записи в тетради 1875–1876 гг. 8.263
- Рак В. Д. Ответ оппоненту 6.272
- Рак В. Д. Спор Достоевского с Н. К. Михайловским в 1875 г. 5.208
- Рак В. Д. Становление текста «Записок из Мертвого дома». Заметки комментатора 21.332
- Рак В. Д. Юридическая ошибка в романе «Братья Карамазовы» 2.154
- Ребель Г. «Что есть истина?»: Истоки и смысл образа Иешуа Га-Ноцри в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» 19.246
- Рейнус Л. М. О реалиях дома Карамазова 6.268
- Рейнус Л. М. О пейзаже «Скотопригоньевска» 9.258
- Ренанский А. Л. Почему Фома Опискин боролся с камаринским мужиком? (Фома Фомич как пророк нравственного возрождения) 18.331
- Ренанский А. Л. Феноменология молчания в ранних произведениях Достоевского 23.13
- Роднянская И. Б. Вяч. И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском (реферат) 4.218
- Романов Ю. А. Творчество Достоевского в трудах украинских литературоведов 20.265
- Савельева В. В. Поэтические мотивы в романе «Братья Карамазовы» 7.123
- Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романа «Братья Карамазовы» 15.273
- Сараскина Л. И. Достоевский в документальном кинематографе. Историческая правда и авторское видение 23.302
- Сараскина Л. И. О датировке одного эпизода из романа «Бесы» 7.193

- Сафронова Е. Ю. Сибирские топографические детали в повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» 23.422
- Сахаров В. И. Достоевский, символисты и Александр Блок 6.168
- Свительский В. А. Композиция как одно из средств выражения авторской оценки в произведениях Достоевского 2.11
- Седелникова О. В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 16.62
- Селицкий Ф. Достоевский и польские писатели 2.252
- Семенов Е. И. К вопросу о месте главы «Бунт» в романе «Братья Карамазовы» 2.130
- Серебrenников Н. В. В. И. Калатузов — корреспондент Достоевского 9.257
- Серман И. З. Достоевский и Гёте 14.46
- Симанков В. И. М. И. Владиславлев как возможный автор статьи «Два лагеря теоретиков» 22.303
- Синьуй Чэнь. О роли и влиянии Достоевского в Китае 20.293
- Ситар К. Между Востоком и Западом: восприятие Достоевского в Венгрии (по страницам журнала «Нюгат») 20.405
- Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца 1.254
- Соина О. С. Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» 6.129
- Соломина-Минихен Н. Н. «Я с Человеком прошусь» (К вопросу о влиянии Нового Завета на роман «Идиот») 17.346
- Сохряков Ю. И. Творчество Ф. М. Достоевского и реалистическая литература США 20–30-х годов XX века (Т. Драйзер, Ш. Андерсон, Ф. Скотт Фицджеральд) 3.243
- Сохряков Ю. И. Традиции Достоевского в восприятии Т. Вулфа, У. Фолкнера и Д. Стейнбека 4.144
- Старосельская Н. Д. «Учиться у русской литературы» (Ф. М. Достоевский в творчестве Оэ Кэндзабуро) 8.228
- Степанова Г. В. Образ «человека со складкой» у Достоевского 7.200
- Степанова Г. В. «Скверный анекдот» (Достоевский и Гоголь) 7.166
- Сызранов С. В. Переход от Достоевского к Чехову 19.233
- Сыроватко Л. В. Мотивы Достоевского в книгах стихов Максимилиана Волошина и Игоря Северянина 15.203
- Такахаси С. Проблема совести в романе «Преступление и наказание» 10.56
- Тарасова Н. А. «Дневник писателя» за 1877 год 19.458
- Твардовская В. А. «Двух голосов перекличка»: Достоевский и Кропоткин в поисках общественного идеала 13.168
- Твардовская В. А. Коллективный портрет российских присяжных в романе «Братья Карамазовы» 16.164
- Твардовская В. А. Родион Раскольников и Петр Ткачев 9.76
- Твардовская В. А. Художник и диктатор (Достоевский и Лорис-Меликов) 18.115
- Твардовская В. А. «Экономическое поветрие» в творчестве Достоевского 8.126
- Тиме Г. А. Гауптман о Достоевском и русской литературе (дневниковые заметки и творческие ассоциации) 17.198
- Тиме Г. А. Два лика «русской идеи» (Достоевский и Л. Толстой в «Закате Европы» О. Шпенглера) 16.288
- Тихомиров Б. Н. Дополнение к разделу «Дарственные надписи на книгах и фотографиях 1847–1881 годов» 15.339

- Тихомиров Б. Н. Достоевский цитирует Евангелие (Заметки текстолога) 13.189
- Тихомиров Б. Н. Иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов) в творческих замыслах Достоевского 14.202
- Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» 13.232
- Тихомиров Б. Н. К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского 10.42
- Тихомиров Б. Н. «Наша вера в нашу русскую самобытность» (К вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского) 12.108
- Тихомиров Б. Н. Неизвестный набросок Достоевского к неосуществленному замыслу («Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое») 15.334
- Тихомиров Б. Н. О. Николай Вирославский — духовник писателя (К биографии Достоевского) 11.267
- Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского 11.102
- Тихомиров Б. Н. Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Достоевского «Преступление и наказание» 7.53
- Тодд Ш У. М. Литературоведение США и Достоевский: материалы круглого стола 20.334
- Тоичкина А. В. «В полдневный жар...»: Темы поэзии М. Ю. Лермонтова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского 21.246
- Тоичкина А. В. Религиозно-философский смысл образа природы («Отверженные» В. Гюго в контексте творчества Достоевского 1860-х гг.) 18.346
- Тоичкина А. В. Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. 22.262
- Тоичкина А. В. Malbrough s'en va-t-en guerre... (Тема воскресения в «Преступлении и наказании») 17.240
- Торранс Ф. «Евгения Гранде» Бальзака в переводе Достоевского: Взгляд западных исследователей 20.462
- Трофимова Т. Б. Достоевский в публицистике А. И. Куприна 1919–1920-х гг. 19.346
- Трофимова Т. Б. Достоевский и Пушкин. Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон» 19.295
- Трофимова-Шифф Т. Б. «...И заставили его писать записки...» (к теме «Ф. М. Достоевский и И. А. Гончаров») 22.208
- Трофимова-Шифф Т. Б. К вопросу о полемике Ф. М. Достоевского и Н. Г. Чернышевского в конце 1850-х — начале 1860-х гг. 23.384
- Трофимова-Шифф Т. Б. К вопросу о прототипах персонажей романа «Игрок». Дополнение к историко-литературному комментарию 23.453
- Трофимова-Шифф Т. Б. «Но этот человек остался в нашем сердце» (К вопросу о прототипах персонажей романа «Игрок») 21.291
- Туниманов В. А. Ап. Григорьев в письмах и «Дневнике писателя» Достоевского 7.22
- Туниманов В. А. Достоевский и Глеб Успенский 1.30
- Туниманов В. А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856–1863) 3.92
- Туниманов В. А. Заметки на полях писем В. В. Розанова к Н. К. Михайловскому (о «двойной морали», «жестокости» и «господине с ретроградной физиономией») 15.44

- Туниманов В. А. Л. К. Панютин и «Бобок» Достоевского 2.160
- Туниманов В. А. «Милочка» С. П. Победоносцева и «Слабое сердце» Ф. М. Достоевского 8.243
- Туниманов В. А. Объявления редакции «Времени» 5.191
- Туниманов В. А. Портрет с бородавками («Бобок») и вопрос о «реализме» в искусстве 14.171
- Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский о В. А. Панаеве 12.245
- Турьян М. А. Об эпиграфе к «Бедным людям»: Модификации рефлектирующего / «разорванного» сознания 14.88
- Тюпа В. И. О зарождении великих романов и чеховских рассказов («Господин Прохарчин») 23.3
- Устинова Е. В. Образы квартальных надзирателей в художественной системе романа Достоевского «Преступление и наказание» 19.143
- Уточнения и дополнения к комментарию Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (К. А. Баршт, Ю. В. Лебедев, В. И. Мельник, Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина, Т. И. Орнатская, В. А. Туниманов, М. Д. Эльзон) 5.221
- Федоренко Б. В. К истории газеты-журнала «Гражданин» 11.246
- Федоров Г. А. Из разысканий о московской родине Достоевского (К генезису рассказа «Маленький герой») 2.66
- Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (По новым материалам) 1.241
- Фетисенко О. Л. Александр Петрович Саломон (1853–1908) — возможный собеседник Ф. М. Достоевского 22.88
- Фетисенко О. Л. Граф Маттеи и коммерции советник Гофф. «Братья Карамазовы». Дополнение к комментариям 17.269
- Фетисенко О. Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской 21.303
- Фетисенко О. Л. Достоевский, «русские мальчики» и «православные немцы» («Годы учения» Иосифа Фуделя) 19.203
- Фетисенко О. Л. К истории восприятия Пушкинской речи (Достоевский в неизданной переписке К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) 16.330
- Фетисенко О. Л. Окрест Оптиной (Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...») 17.145
- Фишер С. Роман Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре 23.248
- Флемберг Х. Достоевский в Швеции с 1970-х гг. до наших дней 20.249
- Фонг До Хай. Достоевский во Вьетнаме 20.220
- Фокин П. Е. «А беда ваша вся в том, что вам это невероятно...» (Достоевский и Солженицын) 14.319
- Фокин П. Е. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. (Историко-литературный аспект) 13.120
- Фокин П. Е. «Новая, своеобразная и прекрасная форма литературной деятельности...» («Дневник писателя» 1876–1877 годов Достоевского и «Опавшие листья» В. В. Розанова) 15.191
- Фокин П. Е. Поэма «Великий инквизитор» и футурология Достоевского 12.190
- Фридлендер Г. М. Д. С. Мережковский и Достоевский 10.3

- Фридлендер Г. М. «Доктор Фаустус» Т. Манна и «Бесы» Достоевского 14.3
- Фридлендер Г. М. Достоевский в современном мире 1.14
- Фридлендер Г. М. Достоевский в эпоху нового мышления 9.3
- Фридлендер Г. М. Достоевский и Вячеслав Иванов 11.132
- Фридлендер Г. М. Достоевский и Гоголь 7.3
- Фридлендер Г. М. Ф. М. Достоевский и Е. В. Тарле 12.252
- Фридлендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой (Статья вторая) 3.67
- Фридлендер Г. М. Достоевский: Об итогах и перспективах изучения (вместо предисловия) 6.32
- Фридлендер Г. М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского 4.7
- Фридлендер Г. М. Об авторе поэмы «Христос в Ватикане» 3.255
- Фридлендер Г. М. От «Мертвых душ» к «Братьям Карамазовым» 13.16
- Фридлендер Г. М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) 16.390
- Фридлендер Г. М. Путь Достоевского к роману-эпопее 8.159
- Фридлендер Г. М. Творческий процесс Достоевского 12.5
- Фридлендер Г. М. Художественный мир Достоевского и современность 5.3
- Фридлендер Г. М. Человек в мире Достоевского 18.422
- Хамитов М. Р. Разговоры в царстве мертвых: «Бобок» Ф. М. Достоевского 21.29
- Хексельшнайдер Э. Дрезденские годы Достоевских 15.344
- Хексельшнайдер Э. Опера «Раскольников» братьев Генриха и Пегера Зугермейстеров (1948) 17.248
- Хетсо Г. Автор статьи — Ф. М. Достоевский? 6.207
- Хоц А. Н. Пределы авторской оценочной активности в полифоническом «самосознании» героя Достоевского 9.22
- Хоц А. Н. Структурные особенности в прозе Достоевского 11.51
- Хоц А. Н. Типология «странного» в художественной системе «Преступления и наказания» 10.30
- Цветкова Н. В. Христианская эстетика С. П. Шевырева и Ф. М. Достоевский 22.233
- Чаплл Р. Материалы для «Словаря языка Достоевского» (Реалии культуры, истории и быта Германии) 10.242
- Червеняк А. Достоевский в Словакии (Основные проблемы восприятия Достоевского словацкой литературой) 2.257
- Червинскене Е. П. Свобода личности в мире идей Достоевского 4.68
- Чернова Н. В. Господин Зимовейкин в диалогах с господином Прохарчиным 14.96
- Чернова Н. В. «Господин Прохарчин» (Символика огня) 13.29
- Чернова Н. В. «Красная гостиница» Бальзака: Мотивы и реминисценции в текстах Достоевского 16.188
- Чернова Н. В. Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) 19.192
- Чинкова А. И. Достоевский в восприятии Андрея Белого 15.132
- Чихалова Ю. М. Пометы Ф. М. Достоевского на входящих бумагах Литературного фонда 23.445
- Чичерин А. В. У истоков одного могучего стиля 2.42

- Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского 4.96
- Шарышкин Д. М. Достоевский в восприятии шведских писателей 2.270
- Шмид В. Ментальное событие в романе «Преступление и наказание» 23.86
- Штедке К. О различных контекстах «Записок из подполья» 2.74
- Шюманн Д. От слышания ли вера? Истокование романа «Преступление и наказание» в аудиоадаптациях 23.281
- Щенникова Л. П. Исповедь двух героев: Иван Карамазов и Осужденный Н. Минского 16.222
- Щенников Г. К. Мысль национальная в романе «Братья Карамазовы» и функции повествования в сценах двух судов 14.164
- Щенников Г. К. Мысль о человеке и структура характера у Достоевского 2.3
- Щенников Г. К. Об эстетических идеалах Достоевского 4.55
- Щенников Г. К. Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского 5.90
- Щукин В. Г. О петербургском «грунте», пшеничном зерне и Новом Иерусалиме (Смысловой контекст одного из мотивов «Преступления и наказания») 19.309
- Эггеберг Э. Об изучении творчества Достоевского в Норвегии и Дании 20.235
- Эльзон М. Д. Две заметки к роману «Бесы» 4.188
- Эльзон М. Д. Дополнения к комментарию «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского 6.225
- Эльзон М. Д. П. В. Быков и журнал «Время» 7.172
- Юдин Ю. И. «Скверный анекдот» Достоевского в свете фольклорной традиции 9.56
- Якубович И. Д. «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского 2.119
- Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище 5.179
- Якубович И. Д. Достоевский в Пушкинском Доме 18.3
- Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» 9.39
- Якубович И. Д. Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Вольнского 15.67
- Якубович И. Д. «Записки из Мертвого дома» и «В мире отверженных» П. Ф. Якубовича 8.192
- Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» 3.136
- Якубович И. Д. Неизвестные деловые бумаги Достоевского 7.261
- Якубович И. Д. Неизвестный отзыв о повести «Дядюшкин сон» 5.190
- Якубович И. Д. Нравственно-философские искания Аркадия Долгорукого (Спиноза и Лейбниц в черновиках романа «Подросток») 13.98
- Якубович И. Д. Поэтика ветхозаветной цитаты и аллюзии у Достоевского: бытование и контекст 17.42
- Якубович И. Д. Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонар — Пушкин — Достоевский 16.80
- Якубович И. Д. Проблема человеческой свободы в «Хозяйке» Достоевского и «Грозе» А. Н. Островского (Две Катерины) 14.108
- Якубович И. Д. Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского 11.188
- Якубович И. Д. Философский контекст рассказа «Сон смешного человека» и фантастический роман конца XIX — начала XX в. (Г. Уэллс, Ф. Сологуб) 21.170

- Ямпольский И. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский (К статье Л. М. Лотман) 1.200
- Янг С. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Великобритании (1971–2011 гг.) 20.119
- Ясенский С. Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева 11.156
- Ясенский С. Ю. О некоторых особенностях литературного и культурологического контекста романа «Преступление и наказание» 15.372

Публикации

- А. В. Дружинин о молодом Достоевском (Публикация А. Л. Осповата) 5.186
- А. Х. Таммсааре о Достоевском (Публикация, перевод и комментарии Н. М. Баселя) 14.330
- Архипова А. В. Неизвестные письма А. Г. Достоевской к Достоевскому (Из архива А. Г. Достоевской) 7.270
- Баршт К. А. Письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст 22.339
- Бекедин П. В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке 7.222
- Березкина С. В. «Ты бесконечно дорог мне...» (из писем Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской к Г. М. Фридендеру, 1941–1946) 22.358
- Битюгова И. А. К переписке Достоевского с А. Н. Майковым (Уточнение к комментарию; неизвестные автографы стихотворений А. Н. Майкова) 9.254
- Горский А. К. Из записной книжки «На Распутиях» (Май — декабрь 1907). Рай на земле. К идеологии творчества Достоевского. Достоевский и Федоров. Подготовка текста и комментарий А. Г. Гачевой 21.441
- Грякалова Н. Ю. Георгий Чулков. Достоевский и судьба России 15.382
- Два письма А. П. Сусловой к Я. П. Полонскому (Публикация Г. Л. Боград) 6.265
- Дополнения к списку «Дарственные надписи на книгах и фотографиях 1847–1881 годов» (Публикация И. Д. Якубович) 11.12
- Дополнения к списку несохранившихся и найденных писем Достоевского (Публикация Б. Н. Тихомирова) 12.201
- Ф. М. Достоевский. Неопубликованное письмо к Н. Н. Страхову (Публикация Г. Ф. Коган) 4.3
- Достоевский — абонент флорентийской читальни (Публикация Н. П. Прожогина) 4.174
- Достоевский и К. Леонтьев: Дискуссия в «Вольфиле» (Предисловие, публикация и комментарий А. В. Лаврова) 15.407
- Из Женевского эпистолярного цикла архива Достоевского (А. О. Ишимова, О. А. Новикова, М. А. Поливанова) (Подготовка текстов и комментарии С. А. Ипаговой) 13.247
- Копелев Л. З. Достоевский в жизни и творчестве Генриха Бёлля. Тезисы сообщения (Публикация В. Н. Абросимовой) 17.320
- Лёве Ф. «Бедные люди». Роман (в письмах) Ф. М. Достоевского «Die armen Leute». Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski // Sankt-Petersburgische

- Zeitung. 1846. 15–18 (27–30) August. N 183–186. S. 737–751 (Пер. Р.Ю. Данилевского, комментарий К. А. Баршта) 20.639
- Материалы к биографии Достоевского. Письмо Н. Е. Глембоцкой к Достоевскому (Публикация Н. Ф. Будановой и Н. Н. Богданова. Примечания Н. Н. Богданова) 16.405
- Неизвестная статья И. И. Лапшина о Достоевском (Публикация и вступительная заметка Л. Г. Барсовой, комментарии Н. Ф. Будановой) 16.364
- Неизвестный источник текста романа «Братья Карамазовы» (Публикация Е. И. Кийко, Ц. М. Пошеманской) 3.3
- Неизданные письма к Достоевскому (Публикация А. И. Батюто, А. М. Березкина, Т. И. Орнатской, Г. В. Степановой, И. Д. Якубович) 5.246
- Неизданные письма к Достоевскому (Публикация Б. Ю. Улановской, И. М. Юдиной, Т. А. Лапицкой) 2.297
- Неизданные письма к Достоевскому (Тексты подготовлены и комментарии составлены А. В. Архиповой, С. А. Ипатовой) 11. 221
- Неизданные письма к Достоевскому (Тексты подготовлены и комментарии составлены И. А. Битюговой, Т. И. Орнатской, И. Д. Якубович) 9.267
- Неизданные письма к Достоевскому (Тексты подготовлены и комментарии составлены С. А. Ипатовой, А. В. Архиповой) 12.205
- Неопубликованный отрывок рукописи к «Дневнику писателя» за 1876 год (Подготовительные материалы) (Публикация и примечания Н. А. Тарасовой) 16.303
- Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского 6.274
- Орлова Р. Д. Достоевский и американские писатели 1960–1970-х годов. Тезисы доклада (Публикация, вступительная статья и комментарии В. Н. Абросимовой) 17.311
- Орнатская Т. И. Забытый отзыв о «Записках из Мертвого дома» 7.165
- Письма А. Е. Врангеля к Достоевскому (Публикация Т. И. Орнатской) 3.258
- Письма А. Л. Волынского к А. Г. Достоевской (Публикация, вступительная заметка и примечания Н. Ф. Будановой) 15.462
- Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому (Публикация Г. В. Степановой) 4.239
- Письмо в редакцию (В. В. Иванов) 6.270
- Письмо к Ю. И. Вольфраму (Публикация Г. М. Фридендера) 5.72
- Письмо М. Горького к неустановленному лицу о Толстом и Достоевском (Публикация Л. Н. Смирновой) 3.58
- Потапова Г. Е. К истории восприятия Достоевского в Германии (Из писем немецкой переводчицы Достоевского Лесс Кэррик) 19.400
- Ремизов А. М. Пойтаяная мысль (Публикация Л. А. Иезуитовой) 8.297
- Рукою Достоевского. 1. Дарственные надписи на книгах. 2. Дарственные надписи на фотографиях. 3. Записи адресов (из записных книжек и тетрадей) (Публикации Т. И. Орнатской) 6.3
- Сцена в редакции одной из столичных газет (Публикация В. А. Викторovichа) 11.3
- Тахо-Годи Е. А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы 23.485
- Тимофеева Л. А. «Пусть этот факт и ничтожен для истории русской журналистики, согласен; но ведь и он может понадобиться...» 21.420

- Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» (Публикация и предисловие А. В. Тоичкиной, В. В. Янцена. Перевод с немецкого С. П. Кравца, В. В. Янцена) 19.16
- Эпистолярные материалы (подготовили А. В. Архипова, И. А. Битюгова, В. С. Вайнерман, Т. И. Орнатская, Б. Н. Тихомиров, И. Д. Якубович) 10.194
- Я. П. Полонский о Ф. М. Достоевском (Из дневников Я. П. Полонского 1878 г.) (Публикация В. А. Туниманова) 12.237

Библиографии

- Алоэ С. Dostoevskiana. Материалы к библиографии трудов о Достоевском в итальянской критике (1980–2012 гг.) 20.528
- Арсентьева Н., Морилья Ж. Библиография переводов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Достоевского в Испании 20.515
- Белов С. В. Произведения Ф. М. Достоевского и литература о нем. 1970–1971 1.305
- Белов С. В. Публикации о Достоевском на русском языке в зарубежных изданиях (1972–1997) 20.609
- Бержайте Д. Библиография работ о творчестве Достоевского в Литве (1971–2013 гг.) 20.578
- Библиография работ И. И. Лапшина о Достоевском (Сост. Л. Т. Барсова, Н. Ф. Буданова) 16.388
- Бубеникова М. Достоевский и Чехия: Библиография (вторая половина 60-х гг. XX в. — 2012 г.) 20.599
- Владив-Гловер С. Изучение творчества Достоевского в Австралии (1971–2013). Избранная библиография 20.475
- Гомиде Б. Б. Публикации о творчестве Достоевского, вышедшие в Бразилии с 1888 по 2001 г. 20.489
- Дауговиш С. Достоевистика в Латвии. Библиография. 1927–2011 20.566
- Димитров Э. Достоевский в Болгарии (1971–2011) (Библиография) 20.480
- Лазари А. де, Сухарски Т. Библиография польских исследований творчества Достоевского с 1970 г. по настоящее время 20.583
- Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1971) (Сост. С. В. Белов) 10.255
- Синьей Чэнь. Достоевский в Китае. Материалы к библиографии. 1921–2012 гг. 20.561
- Список трудов Г. М. Фридендера: Достоевский (Сост. Н. Н. Петрунина) 14.343
- Фонг До Хай. Библиография работ о творчестве Достоевского во Вьетнаме (1971–2013 гг.) 20.506
- Янг С. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Великобритании (1971–2011 гг.). Библиография 20.491

Некрологи

- Памяти Георгия Михайловича Фридендера 12.271
- Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания [О Г. М. Фридендере] 18.434

Лотман Л. М. Г. М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения
и сотрудничества 18.440

Памяти Н. А. Натовой (В. А. Туниманов) 17.399

Памяти Владимира Артемовича Туниманова (Некролог) 18.461

Памяти Инны Александровны Битюговой 23.522

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза (Штуббе), Юлия Федоровна 29
Абасалиев, Руслан Атаевич 488, 495
Абросимова, Валерия Николаевна 539, 540
Августин (Никитин, Дмитрий Евгеньевич), архим. 520
Авдеева, Александра 113, 114, 120
Авенариус, Василий Петрович 151
Аверинцев, Сергей Сергеевич 190
Аврамец, Ирина 228, 242
Аврелий Виктор, Секст 444, 456
Автократов, Серафим Петрович 159
Агашина, Елена Николаевна 213, 214, 218
Азадовский, Константин Маркович 199, 204
Айхенвальд, Юлий Исаевич 540
Аксаков, Иван Сергеевич 39, 42–44, 46, 47, 50, 57, 58, 60, 72–74, 430, 431, 433
Аксаков, Сергей Тимофеевич 392
Александр Иванович (Старая Русса) 489
Александр II (Романов, Александр Николаевич), имп. 211, 415, 427, 430, 433, 434
Александр III (Романов, Александр Александрович), имп. 415, 430, 433
Александрова, Эльмира Камильевна 520
Аллен, Луи 520
Алоэ, Стефано 520, 541
Альми, Инна Львовна 520
Альтман, Моисей Семенович 145, 151, 152, 153, 408, 419, 420, 433, 442, 455, 520
Альфонская (Андреевская), Екатерина Кирилловна 373, 376, 377, 379, 382, 384, 386–390, 397
Альфонская, Анна Аркадьевна 379, 388
Альфонская, Екатерина Аркадьевна 379, 388
Альфонская, Любовь Аркадьевна 379
Альфонская (Муханова), Екатерина Александровна 375, 377, 388, 389
Альфонская, Софья Аркадьевна 379
Альфонский, Алексей Аркадьевич 376, 379, 385, 388, 389
Альфонский, Аркадий Алексеевич 373, 375–377, 385, 386, 388–390, 399
Альфонский, Аркадий Аркадьевич 376, 379, 388, 389
Альфонсо XIII, король 263
Алюнни, София 69, 76, 79
Амвросий Оптинский (Гренков, Александр Михайлович), св. 23, 35, 184, 526
Ананьева, Светлана Дмитриевна 520
Андерсон, Р. 520
Андерсон, Шервуд 534
Андо, А. 520
Андреев, А. Н., автор водевилей 493
Андреев, Анатолий Николаевич 14, 19
Андреев, Леонид Николаевич 539
Андреева, Валерия Геннадьевна 307, 320

- Андреевский, Кирилл Самойлович 379, 398
 Андрей Кесарийский, св. архиеп. 53
 Андрианова, Ирина Святославовна 520
 Андриюшкевич, адвокат 483
 Аникита (Ширинский-Шихматов, Сергей Александрович, кн.), иером. 535
 Анна, св. 512
 Анна Андреевна (Старая Русса) 484
 Анненков, Павел Васильевич 453
 Анненков, Юрий Павлович 228
 Анненский, Иннокентий Федорович 129, 140, 357, 359
 Антоний Сурожский (Блум, Андрей Борисович), митр. 173–193
 Апариччо Кортес, Елена 256, 279, 280
 Аракчеев, Алексей Андреевич 110, 485
 Арбан, Доминика 520
 Арбат, Юрий Андреевич 378, 398
 Арендт, Ханна 203
 Арий 104
 Аристов, Павел 461, 475
 Армстронг, И. А. 466
 Арсентьева, Наталия 132, 140, 226, 242, 520, 541
 Архипова, Арина Владимировна 520, 521, 539–541
 Арцыбашев, Михаил Петрович 275
 Аскольдов (Алексеев), Сергей Алексеевич 163–165, 170
 Асппель 385
 Астафьев, Петр Евгеньевич 161
 Астафьева, Ольга Васильевна 444, 455
 Астлей, Филипп 167, 168, 385
 Афанасий (Нечаев, Анатолий Иванович), архим. 177–179, 192
 Ашимбаева, Наталья Туймебаевна 57, 73
 Бабович, Милка 521
 Бабук, О. А. 287, 301
 Бабушкин, Яков Львович (Лейбович) 498, 512, 517, 539
 Багно, Всеволод Евгеньевич 252, 256, 263, 274, 275, 277–279, 521
 Бадалян, Дмитрий Александрович 46, 47, 58, 73
 Байрон, Джордж Гордон, лорд 119
 Бак, Дмитрий Петрович 375, 398
 Бакунин, Михаил Александрович 69, 209, 269, 417, 434
 Балакин, Алексей Юрьевич 521
 Балашов, Николай Владимирович, прот. 521
 Баллантайн, Джеймс 393
 Бальзак, Оноре де 88, 365, 368, 371, 535, 537
 Бараг, Лев Григорьевич 462, 474
 Баранов, Павел Трофимович 408
 Баранова (Васильчикова), Анна Алексеевна 408
 Барбье, Анри-Огюст 431
 Бард, доктор (Старая Русса) 492
 Бароха, Пио 249–251, 253, 256–261, 263, 268–282
 Барский, Олег Вадимович 444, 455
 Барсов, свящ. (Старая Русса) 492
 Барсова, Людмила Григорьевна 540, 541
 Барсуков, Иван Платонович 409, 416, 433
 Баршт, Константин Абрекович 5, 8, 17, 19, 34, 35, 57, 58, 74, 88, 89, 103, 105, 116, 121, 145, 146, 153, 212, 213, 216, 218, 297, 301, 344, 358, 360, 393, 398, 461, 471, 473, 474, 521, 536, 539, 540
 Басдекис, Деметриос 258, 279, 280
 Баснетт, Сьюзен 224, 243, 245
 Бассель, Нафтолий Мордухович 539
 Батталова, Айгуль Наилевна 461, 473
 Батюто, Анатолий Иванович 411, 443, 521, 540
 Батюшков, Федор Дмитриевич 522
 Баумер, мадам 482
 Бахтин, Михаил Михайлович 210, 229, 230, 232, 241, 242, 258, 261, 276, 277, 278, 323, 340, 366
 Бачинин, Владислав Аркадьевич 521
 Беер, Макс 73, 76, 79
 Безобразов, Владимир Павлович 412, 433

- Безобразов, Николай Александрович 426
- Бекедин, Петр Васильевич 521, 539
- Бекетов, Андрей Николаевич 209
- Бекетов, Николай Николаевич 209
- Беккет, Сэмюэл 528
- Белинский, Виссарион Григорьевич 61, 64–66, 68, 73, 74, 108, 109, 116, 121, 128, 158, 209, 342, 343, 360, 385, 395, 526, 528
- Бёлль, Генрих Теодор 539
- Белнап, Роберт Луис 521
- Белобровцева, Ирина Захаровна 521
- Белов, Сергей Владимирович 58, 74, 145, 153, 374, 376, 382, 385, 398, 399, 462, 473, 480, 484, 495, 541
- Беловолов, Геннадий Владимирович, прот. 522, 525
- Белопольский, Вадим Николаевич 522
- Белоусова, Анастасия Сергеевна 223, 225, 243, 245
- Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич) 526, 537
- Бельтраме, Франка 522
- Бельчиков, Николай Федорович 65, 74
- Беляев, Василий Вячеславович 522
- Бем, Альфред Людвигович 145, 153, 169, 170, 323, 340
- Бёме, Якоб 39
- Бенеке, Фридрих Эдуард 160
- Бенитес, Эстер 228
- Бентам, Иеремия (Джеремия) 111
- Беранже, Пьер-Жан де 60, 68
- Берви-Флеровский, Василий Васильевич (Н. Флеровский) 412, 435
- Бергсон, Эмилия 505
- Бердяев, Александр Михайлович 426
- Бердяев, Николай Александрович 14, 15, 18, 19, 23, 24, 27, 35, 180, 455, 523
- Бережицкий (Бережецкий), Иван 380
- Березкин, Александр Михайлович 522
- Березкина, Светлана Вениаминовна 497–501, 503, 505–507, 511–513, 515–517, 522, 539, 540
- Бержайте, Дагне 522, 541
- Бёрк, Эдмунд 356, 360
- Берман, Антуан 224, 225, 243, 245
- Бернанос, Жорж 182, 526
- Бернар, Клод 347
- Бетховен, Людвиг ван 271
- Бибихин, Владимир Вениаминович 198, 202, 204
- Билинчис, Яков Семенович 522
- Битенхард, Ганс 52, 76, 79
- Битюгова, Инна Александровна 471, 521, 522, 539–542
- Бицилли, Петр Михайлович 145, 153
- Бланк, Григорий Борисович 426
- Бланшо, Морис 203, 204
- Блинчевская, Минна Яковлевна 522
- Блок, Александр Александрович 520, 521, 527, 534
- Блэкмур, Ричард Палмер 371, 530
- Боборыкин, Петр Дмитриевич 287
- Бовкало, Александр Александрович 522
- Богданов, Николай Николаевич 522, 540
- Богданова, Ольга Алимовна 373, 522
- Богданович (Старая Русса) 492, 494
- Боген, Андрей Львович 522
- Боголюбский, Михаил Симонович, прот. 53
- Боград, Ганна Львовна 214, 218, 523, 539
- Богуславский (Старая Русса) 489
- Бойчак, Михайло Петрович 379, 399
- Болонев, Фирс Федотович 209, 218
- Болотов, Василий Васильевич 87, 105
- Бомарше, Пьер-Огюстен Карон де 526
- Боннар, Андрей 358, 360
- Борисов, Александр Ильич, прот. 188, 191
- Борисова, Валентина Васильевна 461, 473, 523
- Боровски, Луиса 223, 224, 227, 232–240, 243, 245
- Боровски, Мартин 307, 320
- Бороздин, Александр Корнилевич 522

- Боткин, Сергей Петрович 485
 Боттичелли, Сандро (Филиппи, Алессандро ди Мариано ди Вани) 512
 Боуман, Фрэнк Пол 62, 76, 79
 Бочаров, Сергей Георгиевич 523
 Бредиф, Камиль 486
 Брокгауз, Фридрих Арнольд 88, 89
 Брук, Артур Миллер ван де 199, 200
 Брусовани, Мария Исааковна 523
 Брюховецкий, Р. И. 382, 384, 399
 Бубеникова, Милуша 541
 Бугакова, Надежда Борисовна 146, 153
 Буданова, Нина Федотовна 17, 19, 58, 74, 128, 139, 141, 216, 218, 398, 408, 519, 523, 524, 540, 541
 Будзвинский (Старая Русса) 492, 494
 Будзинский, А. А. (Старая Русса) 494
 Будзинский, Андрей Степанович 494
 Будзинский, Степан Андреевич 494
 Буланов, Александр Матвеевич 293, 301, 524
 Булгаков, Михаил Афанасьевич 529, 533
 Булгаков, Сергей Николаевич (прот. Сергей) 177, 192, 193
 Булонь, Пьетер 225, 243, 245
 Бунин, Иван Алексеевич 275
 Буренин, Виктор Петрович 461
 Бурсов, Борис Иванович 524
 Буслаев, Федор Иванович 527
 Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич 66, 72, 74, 76, 209, 409
 Быков, Петр Васильевич 538
 Бытко, Сергей Станиславович 206, 207, 208, 217, 219, 524
 Бэкон, Фрэнсис 160
 Бэлэнеску, Сорина 524

 Вагин, Всеволод Иванович 417
 Вагнер, Николай Петрович 485, 486
 Вайвас, Элизео 364, 365, 372
 Вайнерман, Виктор Соломонович 524, 541
 Вайскопф, Михаил Яковлевич 5, 19
 Вакуленко, Наталия Сергеевна 174, 192
 Валагин, Александр Петрович 524
 Валентин, гностик 87, 92, 104
 Валера, Хуан 274, 278
 Валицкий, Анджей 69
 Валуа, Карл, герцог (Карл Смелый) 393
 Валуев, Петр Александрович 412, 415, 423, 426, 427, 430, 433, 461
 Валье-Инклан, Рамон Мария дель 250, 253–256, 259, 278
 Василид, гностик 87, 104
 Василий Великий, св. архиеп. 88
 Васильев, Владимир Сергеевич 190, 192
 Васильев, Николай 483
 Васнецов, Виктор Михайлович 177
 Вассена, Рафаэлла 524
 Вацуро, Вадим Эразмович 450, 455
 Введенский, Иринарх Иванович 395
 Вегнер, М. 524
 Ведерников, Виталий Валерьевич 430, 433
 Вейнберг, Петр Исаевич 540
 Веленкин, студент 287
 Великанов, Василий Александрович 286, 287, 290, 292, 295
 Великанова, Александра Ивановна 284, 285, 287, 290, 292, 298
 Вельтман, Александр Фомич 529
 Венгебер, К. 395
 Вениров, студент 287
 Ветути, Лоуренс 224, 244, 248
 Венцель, Карл-Бургард Карлович фон 409, 417
 Вер-Джонс, Д. 524
 Веревкина (Старая Русса) 492
 Верлен, Поль 201
 Вессель, студент 380
 Ветловская, Валентина Евгеньевна 7, 19, 461, 474, 524
 Виар, Жак 64
 Виардо, Луи 68, 267
 Виардо, Полина 267
 Видаль, Аугусто 226, 243, 245
 Видок, Франсуа-Эжен 461
 Викторovich, Владимир Александрович 56, 57, 74, 344, 360, 384, 399, 401, 461, 474, 524, 525, 540

- Виноградов, Виктор Владимирович 115, 121, 145, 153
 Винокур, Григорий Осипович 325, 340
 Витгенштейн, Людвиг 356
 Владив-Гловер, Слободанка 525, 541
 Владимирцев, Владимир Петрович 525
 Владиславлев, Михаил Иванович 159, 534
 Власкин, Александр Петрович 525
 Вогюэ, Эжен Мельхиор де 269, 363, 531
 Водовозов, Василий Васильевич 72, 76
 Волгин, Игорь Леонидович 47, 74, 210, 219, 374, 401, 464, 525
 Волков, Сергей Владимирович 389
 Волконская (Раевская), Мария Николаевна, княг. 409, 433
 Волконский, Сергей Григорьевич, кн. 409, 418
 Волконский, Сергей Михайлович, кн. 409, 433
 Володин, Эдуард Федорович 525
 Волошин, Максимилиан Александрович 529, 534
 Волошинов, Валентин Николаевич 229, 230, 232, 241, 242
 Вольнский, Аким Львович (Флексер, Хаим Лейбович) 538, 540
 Вольфрам, Юлий Иванович 540
 Воскресенский, Михаил Ильич 392
 Врангель, Александр Егорович, барон 147, 153, 464, 468, 471, 474, 540
 Вулф, Томас 534
 Выгодский, Александр Гаврилович 512, 515
 Вырубов, В. 377

 Гааз, Федор Петрович 461
 Габдуллина, Валентина Ивановна 525
 Гавриил, еп. (Кикодзе, Герасим Максимович) 159
 Гаврила, знакомый Г.М. Фридлендера 514
 Гаврильченко, Владимир Сергеевич 516, 517
 Гагарин, Павел Павлович, кн. 415
 Газданов, Гайто (Георгий Иванович) 520, 528
 Галаган, Галина Яковлевна 525
 Гальего Морель, Антонио 266, 269, 279, 281
 Гальперина, Ревекка Менасьевна 523, 525
 Гамбьер, Ив 224, 244, 246
 Гамсун, Кнут (Педерсен, Кнут) 203
 Ганивет, Анхель 266, 274, 278
 Гарвей (Харви), Джордж 385
 Гарвей (Харви), Эдуард 385
 Гарднер, Александр Петрович 380, 382–385, 399
 Гарднер, Александр Францевич 379
 Гарднер, Алексей Павлович 397
 Гарднер, Алексей Петрович 384
 Гарднер (Альфонская), Анна Кирилловна 373, 375, 379, 382, 383, 386–388, 397
 Гарднер, Виктор Петрович 384
 Гарднер, Владимир Петрович 383, 384, 386, 387, 389, 399
 Гарднер, Джеймс 378
 Гарднер, Евгений Николаевич 384
 Гарднер, Иван Алексеевич 397, 398
 Гарднер, Константин Петрович 384
 Гарднер (Коренева), Раиса Александровна 384
 Гарднер (Леман), Елизавета Николаевна 397
 Гарднер, Мария Павловна 397
 Гарднер, Михаил Петрович 384
 Гарднер, Николай Петрович 384
 Гарднер, Николай Францевич (Фрэнсисович) 379, 384, 385
 Гарднер, Павел Петрович 384, 397
 Гарднер, Петр Петрович 380, 383, 384, 399
 Гарднер, Петр Францевич 379, 382, 383
 Гарднер, Сарра 379
 Гарднер, Сергей Петрович 384
 Гарднер, Франциск 378
 Гарднер, Фрэнсис-мл. 379
 Гарднер, Фрэнсис-ст. 378
 Гарднер, Фрэнсис Яковлевич 377, 379, 396, 399, 400

- Гаричева, Елена Алексеевна 525
 Гарнак, Адольф фон 55, 76, 79
 Гарнетт, Констанс 264
 Гартман, Франц 346, 360
 Гаршин, Всеволод Михайлович 274
 Гауптман, Герхард Иоганн Роберт 534
 Гачева, Анастасия Георгиевна 52, 54,
 74, 139, 141, 177, 192, 539
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
 111, 201, 521
 Геллер, Леонид Михайлович 355, 360
 Гёльдерлин, Фридрих (Иоганн Хри-
 стиан Фридрих) 203
 Генке, Герман Вильгельм Эдуард 111
 Генриет, Патрик 63, 77, 81
 Герасимов, А. 392
 Герасимов, Борис Георгиевич 469,
 474
 Герасимов, Юрий Константинович
 525
 Герик, Хорст-Юрген 525
 Герман, Аркадий Адольфович 504, 517
 Германова, Мария Николаевна 502
 Герсеванов, Николай Борисович 426
 Герцен, Александр Иванович 57, 114,
 209, 211, 269, 427, 433, 511, 519,
 526
 Гессе, Морис 501, 506
 Гестас 99
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 534
 Гефт, А. Артурович 499, 516
 Гефт, Николай Артурович 516
 Гибиан, Джордж 525
 Гиголов (Гиголашвили), Михаил
 Георгиевич 525
 Гидини, Мария Кандида 525
 Гизетти, Александр Алексеевич 440,
 455
 Гиляров-Платонов, Никита Петрович
 297, 302
 Гинзбург, Ефим Лейзерович 323, 324,
 326, 330, 334, 338, 340
 Гинзбург, Лидия Яковлевна 158, 170,
 363, 372
 Гиссинг, Джордж 366
 Гитлер, Адольф 500
 Глембоцкая, Надежда Е. 540
 Глинка, Федор Николаевич 269
 Глушаков, Павел Сергеевич 525
 Гоголь, Николай Васильевич 4–8, 19,
 64, 65, 136, 141, 145, 153, 158,
 170, 171, 229, 230, 243, 263, 267,
 269, 313, 344, 365, 524, 528, 534,
 537
 Годвин, Уильям 531
 Голдсмит, Оливер 391
 Голицын, Николай Николаевич, кн.
 286
 Голосовкер, Яков Эммануилович 347,
 360
 Голубинский, Федор Александрович
 159
 Гольшеры, математики 501
 Гольбейн, Ганс 58, 133
 Гомер 17
 Гомиде, Баретто 526, 541
 Гонсалес, Алехандро Ариэль 223,
 227, 228, 230, 231, 233–236, 238–
 240, 242, 526
 Гончаров, Георгий Александрович
 504, 517
 Гончаров, Иван Александрович 203,
 275, 324, 325, 519, 522, 535
 Гончаров, Юрий Васильевич 526
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 251
 Горбовский, Глеб Яковлевич 526
 Горичева, Татьяна Михайловна 183,
 192
 Горовой, Федор Семенович 412, 433
 Горский, Александр Константинович
 539
 Горский, Петр Никитич 462
 Горький, Максим (Пешков, Алексей
 Максимович) 201, 203, 256, 262,
 263, 267, 420, 525, 531, 540
 Гостищев, Виктор Кузьмич 376, 389,
 399
 Гофман, Эрнст Теодор Амадей 88
 Гофф, Иоганн 536
 Гоцило, Елена 287, 302, 303
 Градовский, Александр Дмитриевич
 51, 56, 57, 59, 60, 68, 74, 98, 127
 Грай, Леон 53, 77, 81
 Гранин, Даниил Александрович 526
 Гриббе, Александр Карлович 482,
 483, 485–487, 495

- Грибоедов, Александр Сергеевич 485, 522
- Григорий Богослов, св. 88
- Григорий Синаит, св. прп. 34
- Григорович, Дмитрий Васильевич 395
- Григорьев, Аполлон Александрович 57, 75, 207, 297, 343, 360, 531, 532, 535
- Григорьев, Дмитрий Дмитриевич, прот. 526
- Гришаев, Василий Васильевич 526
- Гроссман, Леонид Петрович 59, 61, 62, 74, 98, 164, 165, 171, 285, 366, 390, 391, 399, 462, 468, 474
- Гросул, Владислав Якимович 426, 433
- Грот, Николай Яковлевич 159, 161
- Груздев, начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроя 502, 503
- Грушецкий, сосед А. К. Гриббе 487
- Грякалова, Наталья Юрьевна 539
- Гуардини, Романо 63, 75, 77, 81, 82, 182
- Гулд, Уорик 62, 78, 83
- Гумерова, Анна Леонидовна 526
- Гург, Марианн 526
- Гуссерль, Эдмунд Густав Альбрехт 203
- Гюго, Виктор 411, 434, 528, 535
- Даль, Владимир Иванович 4, 19, 325, 351, 356, 360
- Даниил, пророк 216, 218, 523
- Данилевский, Николай Яковлевич 48, 207, 428, 434, 532
- Данилевский, Ростислав Юрьевич 526, 540
- Дарвин, Чарльз 521
- Даревский, Александр Ильич 526
- Дауговиш, Сергей Николаевич 229, 242, 526, 541
- Дебольский, Николай Григорьевич 159
- Декарт, Рене 163, 485
- Демерт, Николай Александрович 413
- Десяткина, Л. П. 526
- Дефо (Фо), Даниэль 391
- Джексон, Роберт Луис 16, 19, 20, 109, 118, 121, 122, 168, 171, 172, 362, 364, 369, 370, 372, 526
- Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко) 512
- Джоунс, Малькольм 526
- Джулиани, Рита 526
- Диас-Плаха, Гильермо 250, 278
- Диккенс, Чарльз 252, 365, 368, 391, 393, 528
- Дилакторская, Ольга Георгиевна 526
- Дильтей, Вильгельм 201
- Димитриев, Виктор Михайлович 526
- Димитров, Эмил 526, 541
- Дисмас 99, 100
- Дмитриев, Андрей Петрович 39, 43, 76
- Дмитриев-Мамонов, Эммануил Александрович 43, 74
- Добролюбов, Николай Александрович 343, 360, 440, 455
- Долбилов, Михаил Дмитриевич 430, 434
- Долгополов, Леонид Константинович 526
- Должиков, Вячеслав Александрович 417, 434
- Долинин, Аркадий Семенович (Искоз, Арон Симонович) 408, 434
- Дорота, Ивона 69, 77, 80
- Дорофей Газский, св. прп. (авва Дорофей) 31, 36
- Дорошева, Екатерина Витальевна 284, 301
- Дорский, Андрей Юрьевич 526
- Достоевская (Констанг, Исаева), Мария Дмитриевна 165, 462, 463, 467–470, 474
- Достоевская, Любовь Федоровна 390, 482–485
- Достоевская, Мария Федоровна 373–376, 384, 386–388, 390–394
- Достоевская (Сниткина), Анна Григорьевна 58, 59, 170, 177, 192, 390, 395, 479–482, 485–488, 490, 495, 520, 539, 540
- Достоевский, Алексей Федорович 483

- Достоевский, Андрей Михайлович 373–375, 377, 379, 386, 388, 390, 391, 393, 394
- Достоевский, Михаил Андреевич 376, 385
- Достоевский, Михаил Михайлович 127, 158, 212, 461, 471, 474, 524, 527, 529, 532, 534
- Достоевский, Федор Федорович 482, 483
- Драйзер, Теодор Герман Альберт 534
- Драшусов (Сушард), Николай Иванович 376, 385
- Дресслер, Иоганн Готлиб 160
- Дружинин, Александр Васильевич 395, 539
- Дружинин, Николай Михайлович 412, 434
- Дрыжакова, Елена Николаевна 526
- Дубровина, Е. О. 491, 495
- Дудкин, Виктор Викторович 199, 204, 229, 242, 307, 320, 526
- Дуккон, Агнеш 527
- Дунаев, Алексей Георгиевич 53, 74
- Дунаев, Михаил Михайлович 527
- Дьяконова, Нина Яковлевна 541
- Дьяконов, Игорь Михайлович 503
- Дэйли, Брайан 52, 77, 80
- Дюков, Петр Андреевич 299
- Дюма, Александр 418, 441, 442, 455, 456
- Дюпен, Амандина (Жорж Санд) 38, 39, 54, 61–65, 67, 69, 76–84
- Дюртен, Люк 228, 244, 245
- Евдокимова, Ольга Владимировна 527
- Евламписев, Игорь Иванович 86–88, 92, 94, 96, 100, 104, 105, 112, 121, 129, 141, 344, 360, 441, 455, 527, 531
- Евнин, Федор Исаакович 424, 527
- Еврипид (Эврипид) 251
- Евсеев, Максим Александрович 376, 389, 399
- Екатерина II (София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская), имп. 378, 396, 399
- Елисева, Анна Гавриловна 482
- Ельницкая, Людмила Михайловна 527
- Емельянов, Борис Михайлович 516, 517
- Енох (Энох), пророк 216, 218, 523
- Ермакова, Мария Яковлевна 527
- Ермилова, Галина Георгиевна 527
- Есаулов, Иван Андреевич 527
- Ефимова, Н. 527
- Ефрем, о. (Валаамский монастырь) 178
- Жаклар (Корвин-Круковская), Анна Васильевна 532
- Жаран, Франсуа 198, 204, 205
- Ждан, Антонина Николаевна 159, 171
- Желудков, Михаил Александрович 110, 121
- Женевре, Франсуаза 62–65, 77, 80
- Живолупова, Наталья Васильевна 229, 230, 242
- Заболуева, Надежда (?) 489
- Заболуева, «старуха» 490
- Заболуев (Старая Русса) 489
- Заваркина, Марина Владимировна 527
- Заваруев (Старая Русса) 491
- Завгородняя, Галина Юрьевна 451, 456
- Зайончковский, Петр Андреевич 412
- Зализняк, Андрей Анатольевич 527
- Замятнин, Дмитрий Николаевич 415
- Заро Вела, Дж. Дж. 231, 244, 246
- Захаров, Владимир Николаевич 132, 141, 157, 171, 344, 360, 375, 390, 398, 399
- Захарова, Т. В. 527
- Зброжек, Екатерина 307, 320
- Звево, Итало 522
- Зеленой, Александр Алексеевич, ген. 415, 416, 426
- Зеньковский, Василий Васильевич, прот. 27, 34, 36, 180
- Зильберштейн, Илья Самойлович 40, 76
- Зинаида, подруга Г. М. Фридендера 513

- Зирин (Флеминг), Мэри 286, 288, 289, 303, 305
 Злочевская, Алла Владимировна 323, 340
 Золотарев, Алексей Вадимович 21, 24, 36, 52, 54, 75
 Золотько, Ольга Вячеславовна 59, 74
 Золя, Эмиль 252, 526
 Зон, Николай Христианович фон 113, 114
 Зохраб, Айрини 373, 391, 393, 396, 401, 406, 527
 Зугермейстер, Генрих 537
 Зугермейстер, Петер 537

 Ибсен, Генрик 252, 260
 Иванов, Вячеслав Всеволодович 540
 Иванов, Вячеслав Иванович 525, 526, 533, 537
 Иванов, Георгий Владимирович 527
 Иванов, Иван (студент) 115
 Иванов, Петр Константинович 75
 Иванова, Евгения Викторовна 527
 Иванчикова, Евгения Анатольевна 527
 Иваск, Юрий Павлович 136, 141
 Иглесиас, Кармен 274, 279, 281
 Иезуитова, Людмила Александровна 540
 Изюмская, Светлана Сергеевна 285
 Иисус Христос 12, 15, 17, 21, 22, 27–30, 32–34, 50, 51, 53, 58, 63–67, 74, 75, 87, 88, 91, 94, 99, 100, 102–105, 119, 124–132, 134–141, 173–175, 177, 179, 182, 184, 185, 189, 192, 207, 208, 214, 215, 229, 230, 242, 264, 268, 441, 445, 455, 462, 523, 527, 528, 530, 537
 Иларион Киевский, митр. 126, 529
 Илия, пророк 216, 218, 523
 Илларионова, Татьяна Семеновна 504, 517
 Ильинская, Ольга Игоревна 498, 499, 513, 515, 517, 539
 Ильинский, Дмитрий Николаевич 294, 302, 538
 Иоанн Богослов, св. ап. 52, 65, 91, 92, 102, 134, 445
 Иоанн Дамаскин, св. 40, 76, 530
 Иоанн Златоуст, св. архиеп. 88
 Иоанн-Ксаверий, о. (кн. Гагарин, Иван Сергеевич) 61
 Иоанн, о. (Румянцев, Иван Иванович) 481
 Иоанн Пармский (Буралли, Джованни) 63
 Иоахим Флорский 54, 55, 62, 63, 69, 75
 Иосиф, о., библиотекарь Валаамского монастыря 178
 Иофан, Борис Михайлович 510
 Ипатова, Светлана Алексеевна 527, 539, 540
 Иринеи Лионский, св. еп. 52
 Исаев, Александр Иванович 460, 462–474
 Исаев, Павел Александрович 332, 468
 Исупов, Константин Глебович 527, 528
 Итенберг, Борис Самуилович 426, 433
 Иустин (Попович, Благое), прп. архим. 36
 Иустин (Юстин) Философ, св. 52
 Ишимова, Александра Осиповна 539

 Йованович, Миливое 307, 320, 321

 Кабакова, Елена Геннадьевна 229, 242
 Кабе, Этьен 66, 67, 75
 Кавелин, Константин Дмитриевич 108, 109, 112, 158, 159
 Казанова, Джакомо 532
 Казари, Розанна 528
 Каирова, Анастасия (Настасья) Васильевна 283–296, 298–302
 Кайгородов, В. И. 528
 Кайзер, Вольфганг 367
 Калатузов, Василий Иванович 534
 Канж, Домино дю 55, 77, 80
 Кансинос-Ассенс, Рафаэль 226, 244, 246
 Кант, Иммануил 27, 111, 347, 360
 Кантор, Владимир Карлович 528
 Каплин, Александр Дмитриевич 45, 76
 Каракозов, Дмитрий Владимирович 312, 415

- Карамзин, Николай Михайлович 485, 521
- Караулов, Юрий Николаевич 323, 324, 326, 330, 334, 338, 340
- Карепин, Александр Петрович 461, 473, 474
- Карлова, Тамара Сергеевна 284, 285, 302, 528
- Кармирис, Иоанн 41
- Карпачева, Татьяна Сергеевна 212, 215, 217, 219
- Карякин, Юрий Федорович 528
- Касаткина, Татьяна Александровна 29, 36, 49, 60, 75, 109, 121, 148, 153, 174, 175, 181, 182, 188, 191, 192, 241, 242, 373, 441, 443, 456, 528
- Кастлицовы 482
- Катарский, Игорь Максимилианович 528
- Катков, Михаил Никифорович 46, 73, 109, 110, 395, 407, 411, 413, 414, 416, 421–424, 426–428, 430, 433, 434, 461, 474
- Катто, Жак 528
- Каутман, Фронтишек 528
- Кауфман, Константин Петрович фон 429, 430
- Кафанова, Ольга Бодовна 62, 75
- Каченовский, Михаил Трофимович 392
- Кашурников, Никита Александрович 528
- Келер, К. 528
- Кельсиев, Василий Иванович 211
- Кельсиева, Варвара Тимофеевна 211
- Керн (Полторацкая), Анна Петровна 453
- Керуак, Джек 530
- Кибальник, Сергей Акимович 67, 75, 408, 409, 434, 442, 456, 474, 528
- Кийко, Евгения Ивановна 60, 61, 65, 75, 528, 540
- Киносита, Тойофуса 528
- Кирай, Д. 528
- Киреев, Александр Алексеевич, ген. 44
- Киреевский, Иван Васильевич 57, 58, 74, 75
- Кириллов, Николай Сергеевич 15, 24, 25, 99, 100, 120, 180, 329
- Кириллова, Ирина Арсеньевна 138, 141, 175, 179, 180–182, 184, 189, 192, 528
- Кирпотин, Валерий Яковлевич 208, 219
- Киселева, Мария Владимировна 529
- Кишенский, Дмитрий Дмитриевич 521
- Клайр, С., медиум 486
- Клейман, Рита Яковлевна 529
- Клеман, Оливье 183, 192
- Клеопатра VII, царица 439, 442–457
- Климова, Маргарита Николаевна 451, 456
- Клочков, Михаил Васильевич 502
- Клушин, Павел Николаевич 411, 413, 418
- Клэйс, Грегори 72, 76, 80
- Ковалев, Геннадий Филиппович 146, 153
- Ковалевская, Татьяна Вячеславовна 108, 113, 122
- Ковач, Альберт 529
- Ковсан, Михаил Леонидович 529
- Ковтырев 392
- Коган, Галина Фридмановна (Владимировна) 66, 75, 529, 539
- Кожин, Вадим Валерианович 129, 141
- Козель, капельмейстер (Старая Русса) 492
- Комарова (Стасова), Варвара Дмитриевна (Владимир Каренин) 62, 77, 81
- Комарова, Татьяна Сергеевна 324, 340
- Кон, Норман 56, 76, 80
- Конечный, Альбин Михайлович 529
- Кони, Анатолий Федорович 286, 300, 312, 316
- Кони, Федор Алексеевич 286, 288, 289, 300
- Констант, Дмитрий Степанович 463, 467
- Константий I, патриарх, архиеп. Синайский 41

- Конт, Огюст (Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье) 346
- Копелев, Лев Зиновьевич 539
- Корбелла, Катерина 63, 75
- Корневская, Ольга Владимировна 529
- Кори, С. 529
- Корконосенко, Кирилл Сергеевич 249, 257, 258, 263–265, 267–269, 274, 276, 278, 529
- Корнель, Пьер 522
- Корнилова, Е. П. 291, 295
- Коробова, Марина Михайловна 322
- Коровайкин, Иван Васильевич 479, 480, 487–489, 495
- Короленко, Владимир Галактионович 522, 531
- Корсаков, Михаил Семенович 417, 434
- Корт, Джон 52, 76, 80
- Косаговский, Павел Павлович 415
- Костомаров, Коронад Филиппович 380, 385
- Котельников, Владимир Алексеевич 5–54, 75, 529
- Котов, Александр Эдуардович 429, 434
- Кошелев, Александр Иванович 38, 46, 47, 50, 58, 72, 75
- Кошелев, Вячеслав Анатольевич 529
- Кошкин, Ирина Владимировна 529
- Кравец, С. П. 541
- Кравчук, Игорь Александрович 407, 410, 529
- Краевский, Андрей Александрович 521
- Красинский, Зигмунт 82
- Крестовский, Всеволод Владимирович 524
- Кроненберг, Станислав Леопольдович 109, 113, 115, 117–119, 286, 294, 295
- Кроо, Каталин 529
- Кропоткин, Петр Алексеевич 534
- Кросс, Энтони Гленн 377, 378, 401, 403
- Кроу, Джиллиан 179, 183, 189, 193
- Кроун, Анна Луиза 257, 279, 280
- Кругликова, Ольга Сергеевна 297, 302
- Круглянская, Наталья Александровна 379, 399
- Кудимова, Марина Владимировна 529
- Кузина, Лия Николаевна 307, 320
- Кузнецов, Алексей Кириллович 109, 115
- Кузнецов, Матвей Сидорович 379
- Кузнецов, П. 392
- Кузнецова, Арина Борисовна 241, 242
- Кузнецова, Ирина 529
- Кузьменков, коллега Г. М. Фридендера 504
- Кузьмина, Виктория Павловна 378, 379, 399
- Кузьмина, Светлана Федоровна 529
- Куинси, Томас, де 395
- Куманина, Александра Федоровна 147, 153
- Куманин, Алексей Алексеевич 147, 148, 153
- Кунильский, Андрей Евгеньевич 323, 340
- Купер, Джеймс Фенимор 391, 394, 395, 399
- Куплевацкая, Любовь А. 529
- Куприн, Александр Иванович 275, 535
- Купченко, Владимир Петрович 529
- Курганов, Ефим Яковлевич 13, 19
- Куррьер, Селест 269
- Куципский, доктор 488, 489, 493
- Кучин, инженер (Старая Русса) 492
- Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович, гр. 461
- Кырлежев, Александр Иванович 174, 175, 189, 191, 193
- Кьеркегор, Сёрен 201
- Кэндзабуро, Оэ 534
- Кэррик, Люси 540
- Кэррик, Элизабет (Лесс) 198
- Кюри, Морис 176
- Лаваль, Марк 264
- Лаврин, Янко 363, 364, 372
- Лавров, Александр Васильевич 539

- Лавров, Петр Лаврович 161, 171
Лагурев, Алексей Сергеевич 498, 517
Лазари, Анджей де 529, 541
Ланский (Каплан), Михаил Рафаилович 529
Лапицкая, Т. А. 540
Лапкина, Галина Алексеевна 530
Лапшин, Иван Иванович 540, 541
Ларюэль, Марлен 200, 204
Лаут, Рейнхард 24, 31, 36, 169, 170, 171
Лебедев, Юрий Владимирович 10, 14, 16, 151, 442, 443, 445, 446, 453, 536
Лебланк, Рональд Д. 286, 302, 304
Левенталь, Н. Г. 408
Лев (Жилле, Луи), архим. 179, 193
Лёве, Ф. 539
Левин, Юрий Давидович 225, 242, 261, 279, 530
Левина, Лариса Александровна 441, 530
Лёвит, Карл 199, 204, 205
Левитанский, Юрий Давидович 357, 360
Левченко, Наталья Ивановна 467, 474, 530
Лейбниц, Готфрид Вильгельм 538
Лейбов, Роман Григорьевич 229, 230, 237, 239, 242
Лейкин, Николай Александрович 493
Ленин (Ульянов), Владимир Ильич 265, 266
Леонар, Никола-Жермен 538
Леонид Оптинский, прп. (Наголкин, Лев Данилович) 35
Леонтьев, Константин Николаевич 23, 36, 38, 52–54, 56, 57, 59, 60, 64, 68, 72, 73, 75, 130, 519, 523, 524, 536, 539
Леонтьев-Щеглов, Иван Леонтьевич 522
Лепахин, Валерий Владимирович 530
Лермонтов, Михаил Юрьевич 5, 19, 119, 269, 313, 385, 532, 535
Леру, Пьер 38, 39, 54, 61–70, 72, 73, 77, 82
Лесков, Николай Семенович 288, 291, 299, 302, 324, 325, 454, 528
Леттербарроу, Уильям Джон 363, 372
Ликвинцева, Наталья Владимировна 174, 179, 193
Ликург Спартанский 128
Липранди, Иван Петрович 210, 215, 219
Лихарев, М. П. 382, 398
Лихачев, Дмитрий Сергеевич 495, 530
Лобанова, княг. 482
Лобковиц, Николаус 54, 75
Лобос, Омар 231, 242
Логиновская, Елена 530
Лоде, знакомый Г. М. Фридендера 499, 516
Лодзинский, В. Э. 530
Лойола, Игнатий де, св. 251
Локк, Джон 160
Лопес-Морильяс, Хуан 226, 227, 244, 246, 247
Лорис-Меликов, Михаил Таризэлович 534
Лосано, Хосе Хименес 530
Лосев, Алексей Федорович 526
Лотман, Лидия Михайловна 158, 171, 530, 539, 542
Лотман, Юрий Михайлович 444, 456, 463, 474
Лукач, Дьёрдь (Сегедский, Дьёрдь Бернат Лукач) 531
Лунц, Цецилия (Ирина Борисовна) 506
Лурье, Вадим Миронович 38–43, 48, 57, 58, 75–77, 82, 530
Луценко, Татьяна Михайловна 500, 514
Львова, Ирина Вильевна 362, 530
Львова, Н. Н. 530
Любак, Анри де 54, 55, 63, 64
Любимов, Борис Николаевич 530
Любимов, Николай Михайлович 526, 530
Магазаник, Эммануил Борисович 151, 153
Магне Д'Арнис, Вильгельм Генрих 55, 77, 83
Магницкий, Михаил Леонтьевич 110

- Мадзини, Джузеппе 69, 70, 76, 77, 79, 83
- Мадонна (св. Мария, Дева Мария, Богоматерь) 13, 137, 439–441, 451, 453, 512, 524
- Мазур, Тамара Павловна 530
- Майдель, доктор 299
- Майер, знакомый Г.М. Фридендера 514
- Майков, Аполлон Николаевич 57, 73, 539
- Майков, Валериан Николаевич 158, 171, 522
- Макарий Великий (Египетский), св. прп. 32, 33, 36
- Макарий, митр. (Булгаков, Михаил Петрович) 53
- Макаричев, Феликс Вячеславович 530
- Макарова, Ольга 286–288, 291, 299, 300, 302
- Макрейнольдс, Луиз 288, 292, 302–304
- Максимов, О. А. 522
- Максимовский, Михаил Семенович, ген. 380, 383, 400
- Малевич, Олег Михайлович 530
- Малофеев, Максим Михайлович 110, 121
- Манн, Томас 526, 529, 537
- Марголин, Сергей Павлович 491, 495
- Маринэ 269
- Мария Египетская, св. 439, 442, 451–453, 456
- Мария Магдалина, св. 442, 451, 456
- Мария (Скобцова, Елизавета Юрьевна), прп. 190
- Мария I Стюарт, королева 392
- Маркевич, Зыгмунт 69, 77, 83
- Маркион 104
- Маркович, Андре 530
- Маркс, Карл 11, 19, 20, 52, 264, 266, 515
- Мармье, Ксавье 269
- Мартинсен, Дебора 530
- Мартынова, Бела (Фернандес, Исабель Мартинес) 223, 224, 226, 227, 233–236, 238–240, 243–245, 247
- Марулло, Томас Гайтон 386, 401, 404
- Марцинчик, А. Б. 531
- Марья Александровна (Старая Русса) 4
- Масарик, Томаш Гарриг 530
- Маскевич, Екатерина Дмитриевна 380, 400
- Матвеева, Инга Юрьевна 439, 527, 531
- Маттеи, Чезаре, гр. 536
- Матфей, св. ап. 15
- Матханова, Наталья Петровна 416, 417, 419, 434
- Махлин, Виталий Львович 230, 242
- Маэсту, Рамиро де 251–253, 259, 263, 279, 281
- Маяцкий, Михаил Александрович 200, 204
- Мезьер, Августа Владимировна 375, 400
- Мельник, Владимир Иванович 531, 536
- Мельникова, Любовь Владимировна 213, 214, 219
- Мендес, Сантьяго Е. 223
- Меньшова, Дарья Кузьминична 489
- Меньшова (Шер), Агриппина Ивановна 479, 480, 487–489
- Мережковский, Дмитрий Сергеевич 24, 34, 36, 177, 192, 199, 525, 536
- Мержеевский, Иван Павлович 299
- Мертенс, Николай, ветеринар 504, 506
- Мещерский, Владимир Петрович, кн. 396
- Мещеряков, Александр Николаевич 474
- Миджиферджян, Т. В. 531
- Миллер, Федор Богданович 419
- Миллионщикова, Татьяна Михайловна 300, 302
- Милош, Чеслав 98, 106
- Мильчина, Вера Аркадьевна 62, 76
- Милюков, Александр Петрович 160
- Милотин, Дмитрий Алексеевич, гр. 415
- Милютин, Николай Алексеевич 429
- Минин, Петр Михайлович 30, 32, 36

- Минский (Виленкин), Николай Максиминович 538
 Митяшев 422
 Михайлов, Петр Борисович 174, 193
 Михайлов, Федор 484
 Михайлова (Старая Русса) 492
 Михайловский, Александр Владиславович 531
 Михайловский, Николай Константинович 533, 535
 Михновец, Надежда Геннадьевна 531
 Михнюкевич, Вячеслав Александрович 531
 Михэску, Джиба 530
 Мицкевич, Адам 38, 39, 69–71, 77, 78, 80, 83–85, 119, 521
 Модзалевский, Борис Львович 387
 Молнар, Ангелика 306, 307, 320, 531
 Молотов, Вячеслав Михайлович 501
 Молчанов, Дмитрий Васильевич 418
 Мольденгауер, аптекарь (Старая Русса) 492
 Монтроз, маркиз (Грэм, Джеймс) 392
 Морильяс, Жорди 226, 227, 242, 520, 541
 Морозов, Николай Алексеевич 505, 517
 Морозова, Татьяна Глебовна 531
 Мостовская, Наталия Николаевна 531, 536
 Мотылева, Тамара Лазаревна 531
 Мочульский, Константин Васильевич 136, 141, 170, 171, 366
 Мрштик, Вилем 532
 Музиль, Роберт 529
 Мукаржовский, Ян 146, 153
 Мурав, Гарриет 285, 303, 304, 435, 437
 Муравьев, Андрей Николаевич 110, 531
 Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, гр. 409, 416–421, 433, 434
 Муравьева-Амурская (де Ришмон), Екатерина Николаевна, графиня 409
 Муравьев-Виленский, Михаил Николаевич 415, 429
 Мусоргский, Модест Петрович 525
 Мухаммед, пророк 128
 Мухина, Светлана Анатольевна 324, 340
 Мысляков, Владимир Александрович 531
 Мякинченко, Мария Александровна 461, 474
 Наварра Ордоньо, Андреу 273, 274, 279, 281
 Надаль, Альфонсо 264
 Назаров, Петр 482, 483
 Назиров, Ромэн Гафанович 229, 242, 462, 463, 472–474, 531
 Накамура, Кэнноскэ 474
 Наливаек, Збигнев 70, 77, 83
 Наохито, Саису 475
 Наполеон I (Бонапарт, Наполеон), имп. 5, 19, 128, 130, 151, 206, 213–215, 219, 410, 520, 531, 533
 Наполеон III (Бонапарт, Луи-Наполеон), имп. 410, 411
 Наседкин, Николай Николаевич 462–464, 474
 Натова, Надежда Анатольевна 133, 141, 531, 542
 Нацумэ, Сосэки (Кинноскэ) 528
 Некрасов, Николай Алексеевич 273, 522
 Немшевич, Константин Игнатьевич 533
 Нефедьевы (Старая Русса) 484
 Нечаев, Сергей Геннадиевич 114, 115, 210, 211, 312, 407, 409–411, 426, 428
 Нечаева, Вера Степановна 212, 219, 384, 386, 387, 390, 400, 540
 Никитин, Т. Н. 461, 474, 531
 Никитина, Н. С. 536
 Никитина, Фаина Георгиевна 531
 Николаева, С. П. 274
 Николай Кузанский 104
 Николай, о. (Вирославский, Николай Михайлович) 535
 Николай Чудотворец, св. 287, 291, 398
 Николай II (Романов, Николай Павлович), имп. 262
 Николоюкин, Александр Николаевич 42, 76, 475

- Нирмайер, Ян Фредерик 55, 77, 83
 Ницше, Фридрих Вильгельм 198, 201, 203, 365
 Новиков, Петр Иванович 492
 Новикова, Елена Георгиевна 177, 193, 445, 456, 531
 Новикова, Ольга Алексеевна 539
 Новикова, супруга П.И. Новикова 492, 493
 Новицкий, Олег Макарович 88, 89
 Нойхойзер, Рудольф 531
 Нольде, Борис Эммануилович 427, 434
 Нос, Андрей Евдокимович 284, 302
 Носов, Сергей Николаевич 531
 Ньютон, Исаак 66, 128
- Обломиевский, Дмитрий Дмитриевич 523, 531
 Оболенская, Юлия Леонардовна 226, 230, 242, 243
 Оболенский, Дмитрий Александрович, кн. 416, 419, 434
 Овальд, знакомый Г.М. Фридлендера 514
 Огарев, Николай Платонович 114, 209, 211, 461
 Одинокоев, Виктор Георгиевич 532
 Одоевский, Владимир Федорович, кн. 100, 105, 461, 527, 530
 Озмидов, Николай Лукич 393
 Оливер, Донна 229, 244, 247
 Оостендорп, Герр 256, 279, 281
 Опитц, Рейнхард 532
 Опочинин, Евгений Николаевич 151
 Оппель, Христофор Федорович 389
 Ориген Адамант 52, 86–106
 Орлова, Александра Павловна 479–484, 486–489, 491, 492, 495
 Орлова, Раиса Давыдовна 540
 Орлов-Давыдов, Владимир Петрович, гр. 426
 Орнатская, Тамара Ивановна 57, 532, 536, 540, 541
 Ортега-и-Гассет, Хосе 249–251, 253, 259–261, 263, 274–279, 281
 Осмоловский, Олег Николаевич 532
 Осповат, Александр Львович 532, 539
- Островский, Александр Николаевич 480, 492, 493, 527, 538
 Отливанчик, Александр Владимирович 532
 Оуэн, Роберт 38, 72, 73, 111
- Павел Прусский, архим. (Леднёв, Петр Иванович) 216, 218, 523
 Павел, св. ап. 94, 126, 137, 138
 Павел I (Гольштейн-Готторп-Романов, Павел Петрович), имп. 388, 502
 Павлов, Иван Петрович 21
 Павлов, Михаил Григорьевич 385, 389
 Пайен, Гийом 202, 204, 205
 Пайман, Аврил 175, 177, 179, 183, 186–189, 191, 193
 Пайпс, Ричард Эдгар 418, 421, 434
 Палиевский, Петр Васильевич 532
 Паллас, анархист 259
 Панаев, Валериан Александрович 536
 Панаев, Иван Иванович 64–66, 76, 395
 Панютин, Лев Константинович 536
 Параккини, Лайла 532
 Парацельс 346, 360
 Парашка (Старая Русса) 484
 Пардо Басан, Эмилия 252, 256, 269, 275, 278
 Паролек, Радегаст 532
 Парфений, схиигум. (Агеев, Петр) 35
 Паскаль, Блез 199, 521
 Пастернак, Борис Леонидович 532
 Пастернак, Евгений Борисович 532
 Патрушева, Наталья Генриховна 375, 400
 Паула, Чаррис Рунс 223, 225, 243, 245
 Пачмас (Пахмусс), Темира 364
 Пашков, Петр Егорович 398
 Пэрт, Ирина 40, 77, 82
 Пеги, Шарль 522
 Пелагий 104
 Перин, Кристоф 198, 204, 205
 Петров, Валерий Валентинович 87, 106
 Петров, исправник 422
 Петров, Петр Христов 532

- Петров, преподаватель физкультуры 502
- Петрунина, Нина Николаевна 444, 456, 507, 541
- Пий IX, папа 40
- Пий X, папа 63
- Пий XII, папа 63
- Пильщиков, Игорь Алексеевич 223
- Пис, Ричард 532
- Писарев, Александр Иванович 392
- Писарев, Дмитрий Иванович 384
- Плавский, Захарий Исаакович 254, 278
- Платон 111, 354, 360
- Плеве, Игорь Рудольфович 504, 517
- Плещеев, Алексей Николаевич 72
- Плогин 14
- Плотников, Иван Яковлевич 484
- Плотников, Павел Иванович 484
- По, Эдгар Аллен 523, 528
- Победоносцев, Константин Петрович 51, 59, 60
- Победоносцев, Сергей Петрович (Сергей Непомнящий) 536
- Погребная, Виктория Леонидовна 289, 302
- Поддубная, Рита Никитична 532, 533
- Поджоли, Ренато 362, 364, 365, 372
- Подкопаева (баронесса Кусова), З.Б. 506
- Подосокорский, Николай Николаевич 173, 210, 213, 219, 533
- Подрезов, Михаил Владимирович 118, 121
- Пол, Кржистов 117, 122, 123, 435
- Поливанов, Д. А. 415
- Поливанова (Наумова), Мария Александровна 539
- Полонский, Яков Петрович 486, 525, 539, 541
- Полоцкая, Эмма Артемьевна 533
- Поляков, М. Н. 485, 495
- Полянский, Марк Иванович 483, 491, 496
- Померанц, Григорий Соломонович 129, 141
- Помье, Жан 54, 62, 78, 83
- Понкратова, Екатерина Михайловна 539
- Пономарев, Степан Иванович 286
- Пономарева, Галина Борисовна 375, 398, 533
- Попов, В. П. 533
- Портнов, Георгий 253, 279, 281
- Портнова, Нелли Абрамовна 533
- Потапова, Галина Евгеньевна 533, 540
- Починская, Ирина Викторовна 217, 219
- Пошеманская, Ц. М. 540
- Прево, Антуан Франсуа (аббат Прево) 441
- Прожогин, Николай Павлович 533, 539
- Прокапеус, мадам (Старая Русса) 492
- Прудон, Пьер Жозеф 66
- Пруцков, Никита Иванович 533
- Пугачев, Емельян Иванович 209
- Пузына, Иван Владимирович 54, 55, 61–63, 67, 78, 83
- Пумпянский, Лев Васильевич 5, 19
- Пуцькович, Виктор Феофилович 532
- Пушкин, Александр Сергеевич 6, 11, 16, 17, 108, 119–121, 198, 237, 269, 276, 279, 394, 400, 439, 443, 444, 446–450, 452, 453, 455–457, 463, 474, 485, 522–524, 527, 532, 535, 538
- Пыпин, Александр Николаевич 43, 74
- Равель, Жозеф Морис 354
- Равенский (Старая Русса) 492
- Радецкий, Федор Федорович 380, 382
- Радклиф (Уорд), Анна 391
- Рак, Вадим Дмитриевич 119, 533
- Ракевич, Тамара Николаевна 344
- Ранчин, Андрей Михайлович 126, 141
- Распутин, Валентин Григорьевич 526
- Ребель, Галина Михайловна 124, 125, 127, 128, 130, 132, 136, 141, 533
- Реджик, Адам 117, 122, 123
- Рейнус, Лев Матвеевич 480, 482, 484, 487–489, 496, 533
- Рейсбрук, Ян ван (Рейсбрук Удивительный) 28, 31, 36
- Рейтерн, Михаил Христофорович, гр. 415, 416

- Рембо, Артюр 203
Ремизов, Алексей Михайлович 228, 540
Ренан, Эрнест 54, 78, 83, 528
Ренанский, Александр Леонидович 342, 533
Рив, Франклин Д'Олье 364, 370, 371
Ривс, Марджори 63
Рильке, Райнер Мария 201, 203
Римский-Корсаков, Всеволод Андреевич 512
Ричардсон, Сэмюэл 391
Ричард I Плантагенет (Ричард Львиное Сердце), король 392
Рогожин, Е.Г. 13, 16, 25, 147, 257, 336, 339, 442, 446–448, 450, 452, 454, 455
Рогозин, Лев Федорович 299
Роднянская, Ирина Бенционовна 192, 533
Родригес, Кения 228, 233, 243, 245
Родригес Эспиноза, Мириам 231
Рожек, Павел 69, 78, 83
Розанов, Василий Васильевич 23, 34–36, 53, 120, 134, 141, 177, 192, 524, 535, 536
Розен, Егор Федорович, бар. 269
Розенблом, Лия Михайловна 40, 76, 400
Розенгрин, Христиан Христианович 513, 514, 516
Розеншильд, Гари 285, 286, 294, 295, 297, 303, 304
Розин, Вадим Маркович 116, 121
Розина, Ольга Владимировна 378, 379, 382, 384, 385, 397, 400
Розов, Виктор Сергеевич 526
Ройл, Эдвард 72, 78, 84
Романов, Владимир Александрович, вел. кн. 414
Романов, Дмитрий Анатольевич 307, 320
Романов, Николай Михайлович, вел. кн. 384, 387, 400
Романов, Ю. А. 533
Романова, Галина Ивановна 199, 204
Росс, Марвин 378, 401, 405
Ростиславов, Дмитрий Иванович 532
Рот, Филип 530
Роули, Дэвид 56, 78, 84
Рохель, Антон Антонович 484
Руднев, коллега Г.М. Фридлендера 503
Ружицкий, Игорь Васильевич 323, 324, 326, 340
Руис Ногера, Франсиско 231, 244, 246
Руис, Хуан Мартинес (Асорин) 250, 258
Румянцев Иван Иванович 481, 482, 485, 486
Румянцев, Константин Иванович 481
Румянцев, Сергей Иванович 481
Румянцева, Екатерина Петровна 486
Румянцева, София Ивановна 481
Румянцева, Фаина Ивановна 481
Руперт, Вильгельм Яковлевич 417, 434
Руссо, Жан-Жак 444, 456
Рыкачев, Михаил Александрович 525
Рыкачева (Достоевская), Евгения Андреевна 525
Рындин, Игорь Жданович 382, 383, 400
Савала, Ирис 258, 280, 282
Савёлов, Михаил Леонидович 382, 400
Савельев, Александр Иванович 380
Савельева, Валентина Васильевна 533
Савинков, Сергей Владимирович 3, 5, 8, 12, 19
Савостьянова (Достоевская), Варвара Андреевна 147
Сажин, Борис Борисович 434
Сакутаро, Хагивара 528
Салеман, М. 394
Саломон, Александр Петрович 536
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович 113, 121, 324, 325, 414, 435, 461, 531, 533, 535
Сальвестрони, Симонетта 533
Самарин, Федор Дмитриевич 44
Самарин, Юрий Федорович 39, 41–47, 57, 59, 60, 76, 158, 434

- Сан Мигель, Сио де 264
 Санчес Ньевес, Марта 223, 228, 232–240
 Сапрыкин, Дмитрий Леонидович 176, 192
 Сараскина, Людмила Ивановна 148, 153, 181, 193, 423, 424, 435, 440, 450, 456, 462–464, 467, 468, 475, 533
 Саруханян, Евгения Павловна 467, 475
 Сафронова, Елена Юрьевна 284, 285, 302, 534
 Сахаров, Всеволод Иванович 534
 Сведенборг, Эммануил 89, 90, 96–98, 100, 105, 106
 Свербеев, Дмитрий Николаевич 419
 Светликова, Илона Юрьевна 47, 48, 78, 84
 Свительский, Владислав Анатольевич 534
 Северянин, Игорь (Лотарев, Игорь Васильевич) 534
 Седакова, Ольга Александровна 187, 193
 Седельникова, Ольга Викторовна 529, 534
 Селицкий, Ф. 534
 Семевский, Василий Иванович 72, 76
 Семенов, Евгений Иванович 534
 Семенов-Тянь-Шанский, Петр Петрович 464, 475
 Сен-Симон, Анри де, гр. 52, 66, 77, 80
 Сервантес, Мигель де 226, 250, 251, 278, 521
 Сергей, прот. (Овсянников, Сергей Алексеевич) 182, 189
 Сергей Радонежский, св. прп. 139, 141, 523
 Серебренников (Бренников), Николай Валентинович 534
 Серман, Илья Захарович (Зеликович) 534
 Сесицкий (Старая Русса) 484
 Сеченов, Илья Михайлович 158, 161
 Симанков, Виталий Иванович 534
 Сименс, Карл 397
 Синьёй, Чэнь 534, 541
 Сканлан, Джеймс 22, 24, 26, 36
 Скаповская, мадам (Старая Русса) 482, 492, 494
 Скаповский (Старая Русса) 492
 Скарятин, Владимир Дмитриевич 426, 428–430
 Скафтымов, Александр Павлович 13, 19, 307, 320, 456
 Скир, Арон Яковлевич 514
 Скотт, Вальтер (Уолтер), сэр 391–393, 395, 534
 Скуридина, Светлана Анатольевна 144, 146, 153
 Слонимский, Сергей Михайлович 526
 Случевский, Владимир Константинович 287, 530
 Смирнов, Михаил Борисович 505, 517
 Смирнова, Л. Н. 540
 Смирнова-Сазонова, Софья Ивановна 531
 Снегирев, Вениамин Алексеевич 159, 161
 Сниткин, Иван Григорьевич 495
 Соина, Ольга Сергеевна 290, 302, 534
 Солженицын, Александр Исаевич 174, 179, 180, 193, 536
 Соллогуб, Владимир Александрович 426
 Соловьев, Владимир Сергеевич 24, 40, 61, 88–90, 106, 136, 170, 177, 527
 Соловьев, С. П. (автор водевилей) 494
 Сологуб, Федор Кузьмич 275, 522, 538
 Соломина-Минихен, Н. Н. (монахиня Ксения) 534
 Соломон, царь 178
 Солон 128
 Софокл 526
 Сохряков, Юрий Иванович 534
 Спасович, Владимир Данилович 108–121, 295, 296, 312
 Спасский, Анатолий Алексеевич 87, 106
 Спивак, Моника Львовна 323, 340
 Спиноза, Бенедикт 538
 Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович 510

- Старец, Ефим Абрамович 507
 Старец, Полина Лазаревна 507
 Старосельская, Наталья Давидовна 534
 Стейнбек, Джон Эрнст 534
 Степанова, Г. В. 229, 243, 532, 534
 Степанов, Лев Александрович 444, 456
 Степанян, Карен Ашотович 157, 171, 440, 456, 461, 475
 Стерн, Лоренс 391
 Стоюнина, Мария Николаевна 396, 400
 Страхов, Николай Николаевич 23, 36, 40, 74, 156–164, 166, 169–171, 207, 297, 396, 400, 401, 411, 535, 539
 Струве, Бернгард Васильевич 407, 416–421, 435
 Струве, Генрих Егорович 159, 160
 Струве, Петр Бернгардович 416, 434
 Струве (Розен), Анна Федоровна 407, 418–421
 Суворин, Алексей Алексеевич 301
 Суворин, Алексей Сергеевич 286–288, 300–302, 522
 Суворин, Михаил Алексеевич 288, 301
 Суворов, Александр Васильевич 271
 Сукина, Людмила Борисовна 147, 153
 Суровцев, С. С. 215, 219
 Сулова, Аполлинария Прокофьевна 164, 440, 456, 539
 Сулова, Мария Викторовна 275, 278
 Суханов, Павел Васильевич 491–494
 Суханова, супруга П. В. Суханова 491, 493, 494
 Сухарски, Тадеуш 529, 541
 Сызранов, Сергей Викторович 534
 Сыроватко, Лада Викторовна 534
- Табор, Джеймс Дэниел 52, 78, 84
 Таганцев, Николай Степанович 294, 302
 Таганцева, Любовь Степановна 501
 Тайяндье, Сен-Рене (Р. Г. Э.) 269
 Такахаси, Сатоми 534
 Тамарченко, Григорий Евсеевич 513
- Тамарченко (Эмме), Анна Владимировна 513
 Таммсааре, Антон Хайзен 539
 Тарасова, Наталья Александровна 534, 540
 Тарле, Евгений Викторович 537
 Татаринова, Екатерина Филипповна 210, 215, 219
 Таубе, Михаил Фердинандович, бар. 39, 47–49, 76
 Тахо-Годи, Елена Аркадьевна 540
 Твардовская, Валентина Александровна 426, 433, 534
 Тертерян, Инна Аргашесовна (Артуровна) 254, 256, 258, 259, 271, 277, 278
 Тимашев, Александр Егорович 407, 414–416, 423
 Тиме, Галина Альбертовна 534
 Тимофеев, Леонид Иванович 475
 Тимофеева, Л. А. 540
 Тиссен, Марк Юлианович 499, 516
 Тихомиров, Борис Николаевич 89, 98, 106, 148, 153, 157, 171, 192, 229, 230, 242, 243, 377, 380, 391, 400, 401, 461, 475, 534, 535, 539, 541
 Тихомирова, Наталия Александровна 380, 391, 400, 401
 Тихон Задонский, еп. (Соколов, Тимофей Савельевич) 35, 184, 475
 Ткачев, Петр Никитич 109, 534
 Товарнишки, Фредерик де 200, 203–205
 Товяньский, Анджей 70
 Тодд, Уильям Миллс III 300, 302, 535
 Тоичкина, Александра Витальевна 156, 157, 171, 535, 541
 Толмачева, Евгения Эдуардовна 443, 444
 Толстой, Дмитрий Андреевич 110
 Толстой, Лев Николаевич, гр. 158, 160, 171, 177, 203, 231, 249–256, 260, 262–264, 266, 267, 272, 274, 277, 278, 306–310, 315–320, 324, 325, 516, 527, 531, 534, 537, 540
 Томашевский, Борис Викторович 449, 450, 456

- Томилова, Елизавета Христиановна 109, 115
- Тороп, Пеэтер 393, 398
- Торопова, В. А. 461, 475
- Торранс, Филипп 535
- Тот, Юрий Викторович 415, 435
- Тотлебен, Эдуард Иванович 380
- Тракль, Георг 201, 203
- Троицкий, Матвей Михайлович 159, 160
- Троп, знакомый Г.М. Фридендера 499, 516
- Трофимова-Шифф, Татьяна Борисовна 535
- Трошинский, Николай Борисович 228
- Труайя, Анри 462, 464, 468, 475
- Трубещкой, Николай Сергеевич 166, 171
- Трухан, Елена Дмитриевна 460, 464, 472, 475
- Труханович, Н. В. 527
- Туган-Барановский, Михаил Иванович 412, 435
- Тук, Уильям 378, 401, 406
- Туниманов, Владимир Артемович 58, 74, 100, 399, 495, 535, 536, 541, 542
- Тураев, Сергей Васильевич 475
- Тургенев, Иван Сергеевич 17, 19, 136, 141, 198, 263, 267, 271, 273, 324, 325, 519, 523
- Турьян, Мариетта Андреевна 536
- Тьеполо, Джованни Батиста 444, 455
- Тьювсон, Эрнест Ли 56, 60, 78, 84
- Тэн, Ипполит Адольф 160
- Тюнькин, Константин Иванович 307, 320
- Тюпа, Валерий Игоревич 536
- Тютчев, Федор Иванович 431, 435
- Уайлдер, Торнтон Нивен 526
- Уайльд, Оскар 201
- Углик, Яцек 118, 121
- Улановская, Белла Юрьевна 540
- Унамуно, Мигель де, дон 249–251, 253–259, 261–269, 272, 273, 278–282, 529
- Уоллес, Дональд Маккензи 269, 280
- Уралов, полковник НКВД 509
- Уралова, супруга полковника НКВД 509
- Урусов, Николай Петрович, кн. 377
- Успенский, Глеб Иванович 535
- Успенский, Петр Гаврилович 115, 428
- Устинова, Е. В. 536
- Утин, Евгений Исаакович 287, 290, 294–296, 298
- Ухтомский, Алексей Алексеевич 156
- Учелло, Ирис 117, 118, 121, 283, 285, 302
- Уэбб Мэйли, Джон 52, 78, 85
- Уэллек, Рене 365
- Уэллс, Герберт 538
- Уэст, Натанаэл 530
- Фай, Эммануэль 200, 201, 204, 205
- Фангер, Дональд 362, 364–369, 372
- Фасмер, Макс Юлиус Фридрих 351, 360
- Фаустов, Андрей Анатольевич 5, 8, 12, 19
- Федоренко, Борис Варфоломеевич 536
- Федоров, Виктор Васильевич 398
- Федоров, Геннадий Александрович 376, 377, 385, 388, 389, 401, 536, 539
- Фейербах, Людвиг Андреас 111, 112
- Феодор, архим. (Бухарев, Александр Матвеевич) 23, 34, 35
- Феодор Тирон, св. 522
- Феофан Затворник, еп. (Говоров, Георгий Васильевич) 48, 49
- Фетисенко, Ольга Леонидовна 52, 53, 75, 536
- Филарет, митр. (Дроздов, Василий Михайлович) 41, 110
- Филиппов, Тертый Иванович 536
- Философов, Дмитрий Владимирович 199
- Фихте, Иммануил Герман 104, 111, 112, 121, 527
- Фихте, Иоганн Готлиб 112
- Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 534
- Фишер, С. 536
- Флемберг, Хенрик 536
- Флоровский, Георгий Васильевич, прот. 180

- Фокин, Павел Евгеньевич 289, 296, 302, 374, 375, 386, 398, 401, 453, 457, 536
 Фокин, Сергей Леонидович 197
 Фолкнер, Уильям 534
 Фома Аквинский, св. 113
 Фонвизина (Апухтина), Наталья Дмитриевна 127
 Фонг, До Хай 536, 541
 Фотина Самарянка, св. мученица 65
 Франк, Джозеф 61, 77, 80, 362, 364, 369, 372, 386, 401, 403
 Франциск Ассизский, св. (Бернардо-не, Джованни Франческо ди Пьетро) 520
 Фридлендер, Андрей Михайлович 500, 502
 Фридлендер, Вильгельм (Вольф, Вассилий) Андреевич 501, 505
 Фридлендер, Георгий Михайлович 60, 229, 242, 243, 276, 277, 279, 302, 449, 457, 497–509, 511–517, 522, 526, 536, 537, 539–541
 Фридлендер (Гессе), Анжель Морисовна 498, 500, 501, 506, 511, 512, 514
 Фридлендер, Михаил-Александр Вильгельмович (Васильевич) 501, 505, 506
 Фридман, Давид 508
 Фризен, Н. А., врач 504, 506
 Фтабатэй, Симэй 528
 Фудель, Иосиф Иванович 536
 Фудель, Сергей Иосифович 35, 36

 Хайдеггер, Йорг 202
 Хайдеггер, Мартин 197–205
 Хайдеггер (Петри), Эльфрида 200–202
 Хайнеманн, Уильям Генри 264
 Хайнерт (городовой) 287
 Хамитов, Марсель Рустэмович 537
 Ханыков, Александр Владимирович 209
 Хексельшнейдер, Эрхард 537
 Хитрик, Ноэ 227
 Хлебников, Велимир Владимирович 515
 Холмгрен, Бет 287, 302, 303
 Холме, Джон К. 530
 Холодюк, Анатолий Гурьевич 383
 Хомяков, Алексей Степанович 39–49, 57–60, 75, 76
 Хомяков, Дмитрий Алексеевич 44
 Хондзинский, Павел Владимирович, прот. 34, 36
 Хоружий, Сергей Сергеевич 33–36
 Хоц, Александр 537
 Христофоров, Игорь Анатольевич 429, 435
 Худспит, Сара 57, 77, 81
 Хьюз, Томас 527
 Хьюбнер, Иоганн 391

 Цахариз фон Лингенталь, Карл Соломон 111
 Цветаев, г-н 487
 Цветкова, Нина Викторовна 537
 Цельс 91, 92, 101–103, 106
 Циц, М. И. 229, 243
 Цой, Любовь Николаевна 208–210, 216, 219

 Чаадаев, Петр Яковлевич 108, 116, 117, 121
 Чаплл, Ричард 537
 Червенияк, Андрей 537
 Червинскене, Елена Петровна 537
 Чермак, Леонтий (Леопольд) Иванович 385, 536
 Чернов, Александр Валентинович 529
 Чернова, Мария Станиславовна 115, 120, 121
 Чернова, Наталья Викторовна 537
 Чернышевский, Николай Гаврилович 209, 269, 535
 Честерман, Эндрю Питер Клемент 225, 243, 245
 Чехов, Антон Павлович 231, 273, 534
 Чечотт, Антон Антонович 299
 Чижевский, Дмитрий (Дмитро) Иванович 156, 157, 541
 Чинкова, А. И. 537
 Чириков, Авенир Егорович 492
 Чирикова, супруга А. Е. Чирикова 492
 Чихалова, Юлия Михайловна 537

- Чичерин, Алексей Владимирович 537
 Чудаков, Александр Павлович 538
 Чулков, Георгий Иванович 373, 539
 Чупров, Александр Иванович 373
- Шальда, Франтишек Ксавер 530
 Шанзер, Джордж 273, 279, 281
 Шаплет, Самуил Самуилович, де 392, 393
 Шарапов, Сергей Федорович (Лев Семенов) 44, 45, 47, 61, 76
 Шар, Рене 203
 Шарыпкин, Дмитрий Михайлович 538
 Шатобриан, Рене 394
 Шаулов, Сергей Сергеевич 229, 242
 Шацилло, Корнелий Федорович 426, 433
 Шевырев, Степан Петрович 537
 Шекспир, Уильям 119, 251, 530
 Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф 39, 104, 201, 522
 Шепелевич, Лев Юлианович 252
 Шестов, Лев Исаакович 273, 528
 Шилбайорис, Римвидас 294, 303, 304
 Шиллер, Фридрих 88, 520, 525, 526, 541
 Шилова, Наталья Леонидовна 450, 457
 Шкловский, Виктор Борисович 307, 320
 Шлезингер, Морис 396, 401
 Шлейермахер, Фридрих 58, 74
 Шмайна-Великанова, Анна Ильинична 174, 193
 Шмелев, Иван Сергеевич 527
 Шмид, Вольф 538
 Шмид, Джозеф 53, 78, 84
 Шолохов, Михаил Александрович 521
 Шолти, Георг 443, 457
 Шопенгауэр, Артур 163, 365
 Шостакович, Дмитрий Дмитриевич 354
 Шпенглер, Освальд Арнольд Готфрид 534
 Шталь, Фридрих Юлиус 111
 Штедке, К. 538
- Штирнер, Макс 8
 Штрайдман, Роман Романович 522
 Шувалов, Петр Андреевич, гр. 415
 Шузевиц, Жан 267
 Шумахер, Петр Васильевич 418, 435
 Шумилов, Михаил Михайлович 415, 416, 435
 Шюманн, Даниэль 538
- Щапов, Афанасий Прокофьевич 212, 213, 219
 Щекотихин, Симеон Иванович 217
 Щенников, Гурий Константинович 229, 242, 285, 538
 Щенникова, Людмила Павловна 538
 Щетинин, Роман Борисович 445, 457
 Щукин, Василий Георгиевич 538
 Щукин, Петр Иванович 418, 435
- Эгеберг, Эрик 538
 Эймонтова, Регина Генриховна 426, 433
 Эйрон, Элейн 347, 360
 Эльзон, Михаил Давидович 536, 538
 Эмма Осиповна, родственница А. К. Гриббе 486
 Энгельс, Фридрих 11, 19, 508, 515
 Эрдманн, Мартин 52, 77, 80
 Эсмантович, Ирина Игоревна 110
 Эфрон (Ефрон), Илья Абрамович 88, 89
- Юдин, Юрий Иванович 229, 243, 538
 Юдина, И. М. 540
 Юматов, Н. Н. 426, 428, 435
 Юнг, Карл Густав 180
 Юнге, Екатерина Федоровна 10
 Юнгер, Эрнст 203, 531
 Юркевич, Памфил Данилович 159
 Юхнович, Юлия Вячеславовна 109, 121, 479, 484
- Языков, Михаил Александрович 395
 Якимец, городской 287
 Якоби, Жан Поль 198
 Якубович, Дмитрий Петрович 444, 457

Якубович, Ирина Дмитриевна	294,	Янг, С.	539, 541
302, 380, 401, 538–541		Янцен, Владимир Владимирович	541
Ямпольский, Исаак Григорьевич	65,	Ярмолинский, Аврам	363, 364, 372
76, 539		Ясенский, Сергей Юрьевич	539
Ямпольский, Михаил Бениаминович		Ясперс, Карл	203
356, 360			

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. В. Савинков (<i>Воронеж</i>). Антропология «середины» в творчестве Достоевского	3
А. В. Золотарев (<i>Санкт-Петербург</i>). Достоевский и мистика . . .	21
В. М. Лурье (<i>Новосибирск</i>). Социалистическая эсхатология: приношение Достоевского поздним славянофилам	38
И. И. Евлампиев (<i>Санкт-Петербург</i>). Достоевский и Ориген . . .	86
Т. В. Ковалевская (<i>Москва</i>). Ф.М. Достоевский и В.Д. Спасович как религиозно-философские оппоненты	108
Г. М. Ребель (<i>Пермь</i>). Варианты предьявления Христа в романах Достоевского	124
С. А. Скуридина (<i>Воронеж</i>). Об особенностях модели ономастического творчества Достоевского	144
А. В. Тоичкина (<i>Санкт-Петербург</i>). Психология игры в рулетку в жизни Достоевского, его романе «Игрок» и философских трудах Н.Н. Страхова	156
Н. Н. Подосокорский (<i>Великий Новгород</i>). «Одновременно я открыл Евангелие и Достоевского». Митрополит Суражский Антоний о Достоевском	173

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Л. Фокин (<i>Санкт-Петербург</i>). Мартин Хайдеггер читает Достоевского.	197
С. С. Бытко (<i>Нижегород</i>). Размышления о революционном потенциале старообрядчества в нравственной философии Достоевского.	206
А. Белоусова (<i>Москва</i>), Р. Паула (<i>Колумбия, Богота</i>). «Скверный анекдот» по-испански: поэтика Достоевского в зеркале (пере)перевода	223
К. С. Корконосенко (<i>Санкт-Петербург</i>). Достоевский и «поколение 98-го года» в Испании	249
И. Уччелло (<i>Италия, Верона</i>). Дело Н.В. Каировой и его след в творчестве Достоевского	283

А. Молнар (<i>Венгрия, Дебрецен</i>). Преступление и судебное разбирательство в «Братьях Карамазовых» Достоевского и «Воскресении» Толстого.	306
М. М. К о р о б о в а (<i>Москва</i>). Лексемы «хохот» и «хохотать» в поэтическом словаре Достоевского. Заметки лингвиста.	322
А. Л. Р е н а н с к и й (<i>Беларусь, Минск</i>). Анамнез господина Голядкина («Двойник» Достоевского).	342
И. В. Л ь в о в а (<i>Петрозаводск</i>). Из истории восприятия Достоевского в США: проблема реализма Достоевского в американской критике 1950–1960-х гг.	362

ТЕКСТОЛОГИЯ. ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

А. З о х р а б (<i>Новая Зеландия, Веллингтон</i>). Екатерина Альфонская, «настоящий друг» Марии Федоровны Достоевской, и нити, связывающие эту дружбу с семьей Гарднеров.	373
И. А. К р а в ч у к (<i>Санкт-Петербург</i>). «Пермский след» в «Бесах»: Струве — прототипы Лембке?	407
И. Ю. М а т в е е в а (<i>Санкт-Петербург</i>). Диалектика страстности и святости в романе Достоевского «Идиот»: образ Настасьи Филипповны и его литературные источники (Клеопатра и св. Мария Египетская).	439
Е. Д. Т р у х а н (<i>Новокузнецк</i>). А. И. Исаев как прототип С. З. Мармеладова («Преступление и наказание»).	460

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. В. Ю х н о в и ч (<i>Старая Русса</i>). Восемь писем старорусских знакомых Достоевского (по материалам Рукописного отдела Института русской литературы)	479
С. В. Б е р е з к и н а (<i>Санкт-Петербург</i>). «...не поручусь, что, оказавшись у немцев, эти люди не продались бы за чечевичную похлебку...» Трудовой лагерь в воспоминаниях и дневнике Г. М. Фридлендера	497
Памяти Н. Ф. Будановой (1931–2024)	519
Указатель материалов, опубликованных в сборниках «Достоевский. Материалы и исследования» за пятьдесят лет (т. 1–23)	520
Указатель имен	543

Научное издание

ДОСТОЕВСКИЙ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. 24

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Подписано в печать 21.10.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 35,5
Тираж 500 экз. Заказ № 3159

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	29	Р. Паулы	П. Руис Чаррис
56	Сноска 43, строка 3	Idem, Millennium and utoria	Millennium and utoria
61	2 снизу	Санд65	Санд ⁶⁵
“	Сноска 65, строка 2	1939.	1839.
70	Сноска 90, последняя строка	comprage	compragée
223	3, имя автора	Р.Ч. ПАУЛА	П. РУИС ЧАРРИС
“	9	по крайне	по крайней
“	22, имя автора	R. CH. PAULA	P. RUIZ CHARRIS
“	Сноска с *, строка 3	младший научный сотрудник	младший научный сотрудник, ассистент-профессор в Национальном университете Колумбии
“	Сноска с *, строка 4	Moscow State University	Moscow State University, Assistant Professor Universidad Nacional de Colombia
“	Сноска с **, строка 1	Руис Чаррис Паула	Паула Руис Чаррис
“	Сноска с **, строка 2	Ruiz Harris Paula	Paula Ruiz Charris
373	Сноска с *, строка 1	Айрини	Айрини (Ирэн)
“	“	профессор	бывший профессор
“	Сноска с *, строка 2	Ayrini Zohrab, Professor at the Victoria University, Te Hering Century	Irene Zohrab, Professor at Victoria University, Te Herenga Waka
374	1, имя автора	A. ZOHRAV	I. ZOHRAV
376	11	на этой улице находился	на этой улице с 1833 г. находился
“	Сноска 8	Там же.	<i>Достоевский А. М.</i> Воспоминания.
380	11	его одноклассников	его одноклассников
381	1 (подрисуночная подпись)	<i>среди одноклассников</i>	<i>среди одноклассников</i>
382	12	как и судьбы его одноклассников.	как и судьбы его одноклассников.
388	1 (подрисуночная подпись)	<i>Е. А. Альфонской</i>	<i>Е. К. Альфонской</i>
557	Второй столбец, строка 11 снизу	Паула, Чаррис Руис	Руис Чаррис, Паула
566	7 снизу	Ч. Р. Паула	П. Руис Чаррис